Генерал Ермолов

Владимир ЛЕСИН

Великие Исторические Персоны

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал Алексей Петрович Ермолов — блистательный полководец, герой Отечественной войны 1812 года, успешный дипломат и суровый администратор. Его боготворили солдаты, им восхищались друзья и ненавидели враги, на него сделали ставку декабристы и… ошиблись. Он был человеком власти и порядка, но власть не доверяла ему. Почему? На этот и многие другие вопросы читатель найдет ответ в новой книге В.И. Лесина, представляющей собой самое полное на сегодняшний день жизнеописание этого выдающегося русского человека.

- Владимир Лесин
  -
  - Глава первая.
    - ПРОИСХОЖДЕНИЕ. В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ
    - НАЧАЛО СЛУЖБЫ
    - ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД
    - УЗНИК АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА
    - ЕРМОЛОВ В ССЫЛКЕ
  - Глава вторая.
    - ПЯТЬ МИРНЫХ ЛЕТ
    - ПЕРВАЯ ВОЙНА АЛЕКСАНДРА ПРОТИВ НАПОЛЕОНА
    - ВТОРАЯ ВОЙНА АЛЕКСАНДРА ПРОТИВ НАПОЛЕОНА
    - ПЯТЬ СКУЧНЫХ ЛЕТ
  - Глава третья.
    - НАЧАЛО ВОЙНЫ
    - НАЧАЛЬНИК ШТАБА
    - В ЭПИЦЕНТРЕ КОНФЛИКТА
    - ОТ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА
    - «НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ…»
  - Глава четвертая.
    - «ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО…»
    - В БОЮ ЗА МАЛОЯРОСЛАВЕЦ
    - ОТ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ
    - ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ
  - Глава пятая.
    - ВОЙНА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ
    - БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦИИ
    - ПАРАД, ОШЕЛОМИВШИЙ ЕВРОПУ
  - Глава шестая.

- НАЗНАЧЕНИЕ
- ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ПЛАНЫ
- «КАКАЯ ТЯЖКАЯ СЛУЖБА, КАКАЯ ЖИЗНЬ НЕСЧАСТНАЯ!»

○ Глава седьмая.
- ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ ЕРМОЛОВА
- АУДИЕНЦИЯ У ШАХА ФЕТХ-АЛИ

○ Глава восьмая.
- ВСТРЕЧИ ДЕЛОВЫЕ И СЛУЧАЙНЫЕ
- МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ
- ЕРМОЛОВ КАК РЕФОРМАТОР

○ Глава девятая.
- НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АВТОРА
- ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
- КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА ЕРМОЛОВА. НАЧАЛО

○ Глава десятая.
- «ТЕПЛАЯ СИБИРЬ»
- А.П. ЕРМОЛОВ И А.С. ГРИБОЕДОВ
- ДРУГИЕ «ЕРМОЛОВЦЫ»
- ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА
- КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА ЕРМОЛОВА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

○ Глава одиннадцатая.
- «БЕЖИТ КОВАРНЫЙ СУРХАЙ-ХАН»
- «СЛАВА ТЕБЕ, ГИШПАНСКАЯ АРМИЯ!»
- «НЕ ПОСЛЕДНЯЯ МЕРЗОСТЬ В ГВАРДИИ»
- «МЫСЛЬ О СВОБОДЕ КРЕСТЬЯН… НЕВПОПАД»
- «ГРАФ АРАКЧЕЕВ НЕ СЫЩЕТ ЗАВИДУЮЩИХ»
- ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В ПЕТЕРБУРГ
- ЕРМОЛОВ И КЮХЕЛЬБЕКЕР

○ Глава двенадцатая.
- АММАЛАТ-БЕК
- БЕЙ-БУЛАТ
- КАЗБИЧ ШЕРЕТЛУКОВ
- КАБАРДИНСКИЕ ДЕЛА

○ Глава тринадцатая.
- НА ПОДОЗРЕНИИ У ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ
- МИССИЯ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА

○ Глава четырнадцатая.
- ВОЙНА С ПЕРСИЕЙ. МИССИЯ ПАСКЕВИЧА
- МИССИЯ ДИБИЧА
- ЕРМОЛОВЦЫ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

- Глава пятнадцатая.
  - НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ
  - ЗИМОЙ И ЛЕТОМ, В МОСКВЕ И В ДЕРЕВНЕ
  - ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
  - «ВСТАВАЙ, ЕРМОЛОВ! РУСЬ ЗОВЁТ!»
  - ДВЕ СМЕРТИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.П. ЕРМОЛОВА
- ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250

- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294

- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338

- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382

- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426

- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470

- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514

- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558

- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602

- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646

- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690

- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734

- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746

Владимир Лесин
ГЕНЕРАЛ ЕРМОЛОВ

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Светлой памяти Сергея Михайловича Горлова с благодарностью посвящаю

Глава первая.
ДЕТСТВО. ОТРОЧЕСТВО. ЮНОСТЬ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ

Иконография Алексея Петровича Ермолова, собранная и опубликованная племянником героя, весьма обширна. Но мы представляем его по известному портрету английского художника Джорджа Доу, написавшего мужественного генерала в мундире, в профиль, на фоне скалистых гор и тревожного кавказского неба для галереи Зимнего дворца, в которой…

…нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.

Смотришь на портрет генерала и понимаешь: этот мог нагнать и страх, и ужас на горцев Кавказа, хотя сами они были воинами от Бога, многое умели и многое позволяли себе, что также не укладывается в представление о гуманизме.

Вот стихи к портрету Ермолова, которые, кажется, столь же удачно передают характер полководца, как и кисть английского художника Доу:

На снежном подножье кавказских вершин,
Угрюм, одинокий стоит исполин;
Он буркой косматой картинно одет,
Вокруг него блещет румяный рассвет.
На шашке булатной покоится длань,
Могуч он и грозен, как смертная брань.
Свинцовая дума в морщинах чела
Всей тяжестью смело, глубоко легла.

А.П. Ермолов, воспетый поэтами, прославленный мемуаристами, писателями и историками, как и предсказывал его друг, соратник и родственник М.Ф. Орлов, мог бы «служить украшением нашей истории», будь мы все православными. Но ведь среди нас немало мусульман. Пусть все знают и выбирают, как относиться к нему. Умолчание — не самый лучший способ постижения прошлого. Слава Богу, власть поняла, наконец, что лучшее место для памятника русскому герою — его малая родина, а не основанный им город Грозный.

Круг общения Алексея Петровича был очень широк. В него входили военные и государственные деятели, ученые,

литераторы, художники, многие декабристы. Некоторые состояли с ним в постоянной переписке. Эпистолярное и литературное наследие героя практически всё опубликовано и является бесценным материалом для историков и биографов, к числу немногих из них имею честь принадлежать и я…

* * *

На склоне лет герой этой книги убеждал редакцию одного кавказского сборника:

«Алексей Петрович Ермолов не может иметь обширной родословной и разумеет свое происхождение ничего особенного в себе не заключающим»[{1}].

Пожалуй, это так; в его родословной действительно не было ничего оригинального. Среди деятелей русской истории известно немало татар, пожелавших служить московским государям в период упадка Золотой Орды. А он — из их потомков.

Начало этому дворянскому роду положил некий Арслан Мурза Ермола, приехавший в 1506 году в Москву из Золотой Орды и получивший при крещении имя Ивана. О его детях и внуках мы практически ничего не знаем, а вот правнук Трофим Иванович Ермолов через столетие закрепился в книге московских бояр[{2}]. По-видимому, отличился.

В 1619 году родной брат Трофима Ивановича, Осип Иванович Ермолов, «за Московское осадное сидение пожалован поместиями» первым государем из династии Романовых — Михайлом Федоровичем. Многие другие представители этого рода также успешно служили российскому престолу «стольниками и в иных чинах» и получали за то в награду земли и крепостных крестьян, ордена и ленты[{3}].

* * *

В лето одна тысяча семьсот семьдесят седьмого года, числа двадцать четвертого месяца мая в семье отставного майора Петра Алексеевича Ермолова, выходца из мелкопоместных дворян Орловской губернии, проживавшего в Москве «где-то между Арбатом и Пречистенкой», родился сын, названный в честь деда Алексеем. Потом Бог дал ему ещё и дочь Анну.

Дедушка мальчика, Алексей Леонтьевич, ровесник Гангутской победы, карьеру начал с престижной военной службы и дослужился до коменданта Киева и Чернигова, а кончил её

председателем палаты уголовного суда в Новгородском наместничестве с титулом действительного статского советника. Непродолжительное время он заседал в Уложенной комиссии депутатом от Коллегии экономии, выслушивал нудные наказы сословий своим представителям и участвовал в бесплодных дискуссиях по различным вопросам жизни страны[4].

Петру Алексеевичу Ермолову в год рождения сына исполнилось тридцать лет. Он был женат на Марии Денисовне Давыдовой, родной тётке знаменитого поэта-партизана. Получается, будущие герои Отечественной войны были двоюродными братьями.

Начало дворянскому роду Давыдовых тоже положил татарин, на полстолетия раньше целовавший крест на верность московскому великому князю Ивану III. Позднее Денис Васильевич писал, рассуждая о своем происхождении:

> Блаженной памяти мой предок Чингисхан
> Грабитель, озорник, с аршинными усами,
> На ухарском коне, как вихрь перед громами,
> В блестящем панцире влетал во вражий стан
> И мощно рассекал татарскою рукою
> Всё, что противилось могущему герою…[5]

В первом браке Мария Денисовна Давыдова была замужем за ротмистром Михаилом Ивановичем Каховским, от которого имела сына Александра. Она, по утверждению Владимира Федоровича Ратча, и в старости «была бичом всех гордецов и взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в провинциальном мире»[6].

Алексей Петрович унаследовал от матери «живое остроумие и колкость языка, качества, которые доставили ему громкую известность и, вместе с тем, наделали ему много вреда», — писал близкий к семейству Ермоловых Михаил Николаевич Похвиснев[7]. В этом мы не раз ещё убедимся.

Известный эмигрант, мемуарист и памфлетист князь Петр Владимирович Долгоруков, почитай, ни о ком доброго слова не сказал. А вот о Петре Алексеевиче Ермолове, которого в детстве видел в доме своей бабушки, отзывался очень благосклонно. Он запомнился ему восьмидесятилетним стариком, высокого роста, с живыми глазами, умной речью, чтящим память Екатерины Великой и обожающим знаменитого сына. Впрочем, и сын нежно любил отца, часто писал ему, а тот приходил к её сиятельству княгине Анастасии Симоновне и читал ей наиболее интересные места из его писем[8]. Все это ещё будет. А пока…

А пока Петр Алексеевич ещё не стар, хотя не так уж и молод. Излечившись от болезни, заставившей его уйти в отставку, он служит предводителем дворянства Мценского уезда и председателем палаты гражданского суда Орловского наместничества, проживая то в имении Аукьянчиково, то в губернском городе Орле.

Азы грамоты Алёша Ермолов постигал под наблюдением некоего просвещенного человека из деревенской дворни отца. Какое-то время он жил в орловском доме покойного генерал-губернатора Воронежской, Курской и Харьковской губерний Евдокима Алексеевича Щербинина, деда Дениса Давыдова по матери, а значит, и его деда. Когда подоспело время всерьёз заняться обучением сына, Пётр Алексеевич определил мальчика в Московский университетский благородный пансион, передав на попечение профессора Ивана Андреевича Гейма. Произошло это в 1784 году.

К сожалению, о пребывании Ермолова в пансионе мне ничего не известно. Зато известно его отношение к системе образования в России, сформировавшееся под влиянием бесед с профессором Геймом и собственных наблюдений за постановкой процесса обучения дворянских недорослей в помещичьих имениях, в уездных и губернских городах и в столицах, прежде всего в Москве.

Из воспоминаний А.П. Ермолова:

«При Екатерине II русское дворянство стало самостоятельною и сильною опорою государства. Гениальная женщина, сумевшая из немки по рождению сделаться в душе русскою императрицею, сумела также внушить и своим подданным горячую любовь к своему Отечеству и полную готовность пожертвовать для него всем своим достоянием.

Эта священная любовь к родине отражалась на всех питомцах екатерининского века, отражалась и на подрастающем поколении. Русское юношество, хотя и было мало образовано, но, тем не менее, охотно несло все свои знания на пользу любимого Отечества. Что же касается до образования, то оно, находясь на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло ещё более ложное направление из-за нашествия в Россию иностранцев, в особенности французов, сначала в виде парикмахеров, содержателей модных лавок и увеселительных заведений всякого рода, а потом аббатов и разорившихся дворян, бежавших от революции.

Из всех этих выходцев было много таких, которых нельзя было назвать шарлатанами и невеждами; и все-таки кому не везло по торговой части, тот брался за воспитание русского

юношества и искал места учителя.

Шарлатаны учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были и такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили:

— Paris, capitale de la France… cherchez, mes enfants (Париж — столица Франции… ищите, дети!), ибо сам наставник не сумел бы ткнуть в него пальцем»[9].

Почти семь лет Алексей обучался в пансионе. Москва удивляла и поражала. Конечно, не сразу — по мере взросления, но детские и отроческие впечатления из процесса познания русского мира исключать никак нельзя. Здесь жили отставные придворные, военные и гражданские лица, которые немало повидали на своем веку, а потому беззастенчиво врали друг перед другом. Позднее Ермолов довольно часто бывал в столице по делам или проездом, жил в ней, навещал друзей или встречался с ними где-нибудь на Кавказе или в пути. Неизбежно начинался разговор.

— Что врут в Москве? — спрашивал Алексей Петрович столичного приятеля или случайного встречного.

В то же время ему казалось, что «московские басни правдивее петербургской правды»[10].

По выражению возмужавшего со временем пансионера, «древняя русская столица была гостеприимна и обжорлива. На своих пирах она всё критиковала: двор, правительство, бранила Петербург, а сама смотрела на него с завистью и соблюдала на обедах чинопочитание более чем в австрийских войсках»[11].

Пока сын пребывал в Москве, отец не терял времени даром. По обычаю того времени он записал десятилетнего отрока на службу унтер-офицером в лейб-гвардии Преображенский полк. Ермолов учился. Служба шла сама по себе. Когда Алексею исполнилось двенадцать лет, его произвели в сержанты, а еще через два года — в поручики.

Москва воспитала в юноше любовь к родине, дворянское представление о чести и человеческом достоинстве, щедрость души, насмешливое отношение к людям недалеким, но удачливым.

В 1791 году поручик гвардии окончил пансион. Пришла пора явиться в полк и приступить к службе.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ

Служба в гвардии, хотя и была почётной, стоила немалых средств, которыми Ермолов не располагал. Поэтому поручик подал рапорт на высочайшее имя с просьбой о переводе в армию.

Получил согласие и назначение капитаном в Нижегородский драгунский полк, шефом которого являлся генерал Александр Николаевич Самойлов, герой Очакова и Измаила, а командиром — его племянник, двадцатилетний полковник Николай Николаевич Раевский. Юный воин был рад такому повороту в своей судьбе, ибо надеялся отличиться в делах с турками.

Отправляя сына в Молдавию, где дислоцировался Нижегородский драгунский полк, отец наставлял его:

— Алексей, государь и отечество требуют от тебя службы — служи, не щадя живота своего, не ожидая награды, ибо наша обязанность в том и состоит только, чтобы служить.

Петр Алексеевич не уставал убеждать сына в этом всякий раз, когда провожал его в очередной поход с армией, в чем признавался позднее, в письме к Александру Васильевичу Казадаеву{12}.

Ко времени приезда капитана в полк боевые действия прекратились. Отличиться не удалось. Пришлось ждать очередной войны.

В октябре 1792 года Александр Николаевич Самойлов получил назначение на высокую должность генерал-прокурора. Правителем своей канцелярии он назначил Петра Алексеевича Ермолова, а его сына, пятнадцатилетнего капитана, вызванного в Петербург, — своим старшим адъютантом. Думаю, без содействия родственников, Давыдовых и Раевских, здесь не обошлось.

Ермолову всего шестнадцать лет. Наделённый природой необыкновенной физической силой, статью и ростом, мужественным выражением красивого лица, Алексей был не по возрасту остроумен и наблюдателен. Столичные дамы повторяют его суждения, подчас противоречащие господствовавшим, и считают оригиналом. Однако старшего адъютанта генерал-поручика Самойлова не увлекает вихрь светской жизни. Молодой человек редко появляется в обществе, предпочитая занимать свободное время чтением книг и изучением математики под руководством известного ученого Лясковского.

Осознавая свое превосходство над многими юными и даже зрелыми современниками, молодой человек не церемонится с ними, отпуская каждому по заслугам: кому — иронию, кому — сарказм. Удивительно ли, что у него появляются первые враги, и

число их с каждым годом растет. К этому я ещё вернусь.

Времени для занятий постоянно не хватало. Поэтому Ермолов решил пожертвовать престижным адъютантством и обратился к генерал-поручику Самойлову с просьбой о содействии в переводе его в артиллерию. Начальник уважил просьбу Алексея, посодействовал зачислению целеустремленного юноши на жалованье квартирмейстера 2-го бомбардирского батальона, чтобы создать ему условия для подготовки к вступительному экзамену в кадетский корпус.

Экзамен прошел успешно. 9 октября 1793 года Ермолов зачисляется в состав курсантов 2-го кадетского корпуса на собственное обеспечение, а потому освобождается от служебных обязанностей по батальону. Все свободное время он посвящает теперь *изучению* фортификации, артиллерии, черчения *и* военной истории. Движущей силой его напряженных занятий науками было непомерное честолюбие.

Во время пребывания в корпусе Ермолов впервые увидел начальника гатчинской артиллерии капитана Алексея Андреевича Аракчеева, читавшего лекции кадетам, но не имевшего представления об основах военной науки. Но дело даже не в этом. Много лет спустя Алексей Петрович не мог удержаться от смеха, вспоминая внешний вид преподавателя, облаченного в зеленый прусский мундир, большие сапоги, длинные перчатки, высокую треугольную шляпу, из-под которой торчала коса напудренного парика.

Ермолов сдал экзамен и был зачислен в комплект того же бомбардирского батальона с чином капитана артиллерии. Между тем началась очередная война. На этот раз с Польшей.

* * *

В 1792 году между Россией и Пруссией был подписан союзный договор, секретная статья которого предусматривала совместную борьбу против Польши, стремившейся к укреплению своего государственного строя. Поэтому русские войска с берегов Дуная, где только что отгремела война с Турцией, были переброшены на берега Вислы.

В 1793 году был осуществлен второй раздел Речи Посполитой, по которому Пруссия получила значительную часть Великой Польши, Гданьск и Торунь, а Россия — Киевскую, Волынскую и Минскую губернии. В присоединенных к империи землях было сформировано пятнадцать полков из поляков, пожелавших служить в вооруженных силах ее величества.

Командующим всеми приграничными войсками Екатерина II назначила престарелого фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского.

Союзники оккупировали Польшу и расположили свои войска в столице и ее окрестностях. Михаил Илларионович Кутузов, находившийся там с весны до конца лета 1792 года, строго следил за тем, чтобы русские военные не обижали местное население. Приказом по армии он разрешил отпускать в Варшаву только таких офицеров, «за поведение и тихость коих господа полковые командиры отвечать могут»[13].

Русские офицеры в это время вели вполне светскую жизнь. Они часто бывали в городе, участвовали «в больших вечерних собраниях у главнокомандующего и у польских вельмож», посещали театр, восторженно аплодировали героям патриотической пьесы Войцеха Богуславского «Генрих IV на охоте», танцевали, влюблялись в столичных красавиц, играли в карты, обменивались новостями[14].

Из воспоминаний Ф.В. Булгарина:

«Русские офицеры, *особенно пожилые,* вели себя непринужденно, разобрали по рукам всех хорошеньких служанок из шляхтянок, всех пригожих дочерей экономов и даже жен многих шляхтичей, словом, всех легкомысленных девушек и женщин, получивших некоторую наружную образованность в господских домах, и умевших искусно подражать манерам своих прежних барынь и барышень, и жили с ними явно, как с женами. Надобно сознаться, что польки соблазнительны!.. Трудно противиться их искушению…»[15]

Установился мир, и ничто, казалось, не предвещало внезапного взрыва. А между тем Польша, униженная вторым разделом, жила мечтой о независимости и готовилась к восстанию. Разразилось оно неожиданно и застало врасплох русские войска и их беспечного командующего. Возглавил восстание энергичный генерал Тадеуш Костюшко, имевший большой боевой опыт, полученный в войне за независимость Северо-Американских штатов.

6 апреля 1794 года под пасхальный колокольный звон костёлов поднялась на борьбу Варшава. В первую же ночь русские потеряли четыре тысячи человек убитыми и пленными, но сумели вырваться из города и организовать отступление под прикрытием арьергарда из казаков отдельного корпуса генерал-майора Федора Петровича Денисова. Через неделю восстание перекинулось в Литву. Начальник виленского гарнизона Николай Дмитриевич Арсеньев был арестован на балу.

Неудачи русских в Варшаве и Вильно вызвали переполох и во

вновь присоединенных губерниях. Польские полки, стоявшие в районе Белой Церкви, забыв о присяге, данной Екатерине II, решили пробиваться на родину, чтобы соединиться с повстанцами. П.А. Румянцев призвал А.В. Суворова и поручил ему разоружить ляхов, чтобы потом «сделать сильный отворот», и двинуться на помощь другим корпусам, присоединяя к себе все попутные отряды.

Известие о восстании побудило Алексея Петровича Ермолова хлопотать об отправлении его в Польшу. Разрешение получил. На место назначения прибыл в сентябре, накануне решающих событий, и поступил под начало графа Валериана Александровича Зубова, бывшего всего на шесть лет старше своего нового подчиненного. Оба были молоды, и оба жаждали военной славы. Между ними сложились вполне приятельские отношения. Начальник «неоднократно в самых лестных выражениях отзывался о нем» командующему корпусом Вилиму Христофоровичу фон Дерфельдену, который давал капитану всевозможные поручения и «всякий раз за хорошее исполнение изъявлял ему свое удовольствие», вспоминал современник{16}.

Постепенно русские войска отошли от шока, вызванного пасхальной резней, сконцентрировали свои силы и перешли к активным действиям. Повстанцы, потерпев несколько поражений, отступали к Варшаве. Сюда же подтягивался с героями Измаила Александр Васильевич Суворов.

Впервые Ермолов отличился в бою 15 октября на берегу Буга. Командуя шестью орудиями, он уничтожил неприятельскую батарею, защищавшую мост через реку, и тем открыл авангарду Зубова путь на Варшаву{17}.

23 октября он вместе с капитаном артиллерии Иваном Матвеевичем Бегичевым «под сильнейшею неприятельскою канонадою» построил батарею против Варшавского укрепления, на что обратил внимание императрицы генерал-поручик Дерфельден, аттестуя семнадцатилетнего юношу{18}.

Тем временем к Варшаве подошли и войска А.В. Суворова. Всем предстояло овладеть ее укрепленным предместьем Прагой. Командовать штурмом должен был герой Измаила, который до сих пор находился в тени.

Накануне штурма солдатам зачитали приказ Суворова:

«… В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать. Кого из нас убьют — царство небесное, живым — слава! слава! слава!»{19}

Корпус Дерфельдена составлял правое крыло, а потому и артиллерии его, состоявшей из двадцати двух орудий, предстояло

действовать против неприятельского ретраншемента с фронта и фланга.

На рассвете 24 октября войска двинулись на штурм ретраншемента. Артиллерия Дерфельдена обрушила на батарею неприятеля огонь такой силы, что защитники укрепления поспешили отвезти уцелевшие пушки в город. Заслугу этого успеха командующий корпусом приписал Ермолову, хотя в его распоряжении было всего шесть орудий из двадцати двух.

Развивая успех, Суворов приказал ввезти в Прагу двадцать полевых орудий, чтобы заставить замолчать артиллерию повстанцев в самой Варшаве. Ермолов едва ли ни первый прискакал со своими пушками и сразу же подбил одну неприятельскую. Остальные укрылись *за* домами города.

Через два дня после штурма Праги капитулировала Варшава. Суворов поинтересовался, кто заставил неприятеля увезти орудия и начал бомбардировать город? Дерфельден указал на семнадцатилетнего Ермолова и еще на двух артиллерийских капитанов, которых и представил к ордену Святого Георгия 4-го класса.

Екатерина II — А.Л. Ермолову,
1 января 1793 года:

«…Усердная ваша служба и отличное мужество, оказанные вами 24 октября при взятии приступом сильно укрепленного варшавского предместья, именуемого Прагой, где вы, действуя вверенными вам орудиями с особливою исправностью, нанесли неприятелю жестокое поражение и тем способствовали одержанной победе, делают вас достойным военного нашего ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Мы вас кавалером ордена сего *четвертого класса* Всемилостивейше пожаловали и, знаки оного, при этом доставляя, повелеваем вам возложить на себя и носить по указанию. Уверены мы, впрочем, что вы, получа сие со стороны нашей одобрение, потщитесь продолжением службы вашей и в будущем удостоиться монаршего нашего благоволения…»{20}

Польшу еще раз поделили на части между Россией, Пруссией и Австрией. Костюшко под усиленным конвоем доставили в Петербург и заключили в Петропавловскую крепость. После смерти Екатерины Великой Павел I предоставил ему свободу и наградил землей и крестьянами, от которых генерал отказался.

* * *

9 января 1795 года Алексей Петрович Ермолов вернулся в

Петербург, где получил назначение во 2-й артиллерийский батальон. Однако скоро по протекции влиятельного родственника Александра Николаевича Самойлова был командирован в чужие края. В его дорожном сундуке лежало рекомендательное письмо графа Александра Андреевича Безбородко, адресованное главе венского кабинета и Гофкригсрата барону Францу де Паула Тугуту и содержащее просьбу зачислить юношу в австрийскую армию, действовавшую против французов в Италии.

Из Австрии Ермолов перебрался в Геную и в ожидании ответа из Вены объехал всю Италию, побывал в ее городах и музеях, заложил основы коллекции гравюр и личной библиотеки. Получив разрешение, он явился в Главную квартиру австрийской армии. Русский капитан был зачислен волонтером в кроатские войска, в составе которых принял участие в военных действиях против французов в Приморских Альпах. Однако известие из России о неизбежном разрыве с Персией побудило его спешно вернуться в Петербург.

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД

В 1795 году иранский хан Ага-Мухаммед Каджар вторгся в пределы Грузии, разграбил и разрушил Тифлис, перебил многих жителей, а остальных увел в рабство. В ответ на это Россия объявила войну Персии. В Закавказье были отправлены войска во главе с 25-летним генерал-аншефом Валерьяном Александровичем Зубовым, младшим братом последнего фаворита Екатерины Великой.

Граф В.А. Зубов покинул Петербург и 26 марта 1796 года прибыл в Кизляр, где уже собрались войска, назначенные для похода в Персию. Вслед за ним сюда же приехал капитан А.П. Ермолов, зачисленный в отряд генерал-майора С.А. Булгакова.

18 апреля войска двинулись в путь. На следующий день подошли к Сулаку. Обоз и артиллерию переправили на пароме, оружие, седла и одежду — на татарских каюках. Солдаты и казаки форсировали реку вплавь. Тут же начался торг. Кумыки из окрестных селений привезли в лагерь свежую красную рыбу и продали ее русским по самым низким ценам.

Погода была теплая, солнечная. Вынужденное купание в студеных водах Сулака, уха и чарка водки сняли усталость от длинного перехода. Казаки и солдаты, сидя у костров, пели, вспоминали былые сражения, свои станицы и деревни, в которых остались матери, жены, дети.

20 апреля, в день Святой Пасхи, бригадные и полковые начальники явились к командующему с поздравлениями. Валерьян Александрович благодарил всех и со всеми христосовался.

В понедельник праздновали день рождения императрицы. После церкви собрались за столом у хлебосольного генерал-майора Булгакова, непосредственного начальника Ермолова. И вряд ли он не пригласил на пир своего подчиненного. За здоровье ее величества пили под грохот корпусной артиллерии{21}.

Праздник кончился. Солдаты свернули лагерь и двинулись в путь. Скоро открылось Каспийское море. 2 мая подошли к Дербенту и обложили его со всех сторон. Юный хан Ших-Али не стал испытывать судьбу. Через неделю он сдал крепость на милость победителей. Правда, до того капитану Ермолову пришлось пострелять по ней из своих шести пушек и вызвать пожар. Возможно, это и повлияло на решение ее защитников капитулировать. Ключи от города графу Зубову вручил 120-летний старец, тот самый персиянин, который поднес их когда-то самому Петру I{22}.

Во всяком случае, граф Зубов тут же вручил Ермолову орден Святого Владимира 4-й степени, пообещав написать официальное представление на высочайшее имя. И слово сдержал.

Екатерина II — капитану Ермолову,

23 сентября 1796 года:

«Отличное ваше усердие к службе и храбрые подвиги, совершённые вами при осаде Дербента, где вы, командуя батареею, действовали с успехом к большому вреду неприятеля, делают вас достойным ордена нашего Святого Равноапостольного Князя Владимира на основании статутов оного. Мы вас кавалером сего ордена четвертой степени… всемилостивейше пожаловав и знаки оного… через нашего генерала графа Зубова к вам доставив, остаёмся уверены, что вы, получа такое одобрение, постараетесь… и в будущем удостоиться монаршего нашего благоволения…»{23}

Странно? Пожалуй. И осады практически не было, не говоря уже о штурме, а награду получил. Впрочем, не он только. Генерал-майор Платов, например, прибыл в Дербент лишь через три дня после капитуляции крепости, но удостоился золотой сабли, украшенной бриллиантами. А капитану Ермолову довелось по крайней мере несколько раз пальнуть в сторону древней цитадели.

Через две недели войска оставили Дербент и тремя колоннами двинулись на юг вдоль западного побережья Каспия. По пути приняли ключи от города Кубы, где находилась летняя резиденция хана, дом его матери, жен и наложниц. На отдых расположились у развалин Ширванской крепости, неизвестно когда покинутой жителями.

13 июня на обеде у Платова бакинский хан поднес Зубову ключи от своей столицы. Торжества по случаю этой бескровной победы продолжались сутки{24}.

По-видимому, победители потеряли бдительность. Пока они устраивали дружеские обеды, из лагеря у развалин Ширванской крепости бежал дербентский хан Ших-Али. Вслед за ним пустились мать, жены, наложницы, жители горных аулов. Алексей Петрович несколько дней гонялся за ними, что особо отмечено в его формулярном списке: «участвовал в усмирении горских народов». Впрочем, не очень успешно: русские всякий раз опаздывали на сутки и более. А время шло{25}.

24 декабря в армию пришло известие о смерти Екатерины II. Трон занял Павел I. Он приказал Зубову возвращаться в Россию. Валерьян Александрович послал в столицу прошение об отставке, а генералам посоветовал решать самим, как поступить. Просьба главнокомандующего была удовлетворена: он был уволен «без

жалованья», о чем получил уведомление.

Влиятельные родственники успели вызвать Алексея Ермолова из похода еще до того, как на многих его командиров обрушились репрессии. Во всяком случае, 19 января 1797 года он получил подорожную и ордер за подписью Валерьяна Зубова с предписанием следовать в Россию{26}. Войска же свернули лагерь на берегу Куры. Двинулись в путь лишь через месяц и вышли на границу империи в начале июня, где многие *из* генералов и полковников узнали, что уже давно исключены из службы… Павел I не любил не только фаворитов матери, но и то, что она делала. А она воевала…

УЗНИК АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

Вскоре после возвращения в Россию капитан Ермолов, еще 11 января 1797 года произведенный в чин майора, получил назначение в батальон генерал-лейтенанта Александра Христофоровича Эйлера, расквартированный в городе Несвиже. Ему была вверена артиллерийская рота. Алексей Петрович выехал из Петербурга, добрался до Смолевичей, что в сорока верстах от Смоленска, и, кажется, надолго задержался у брата Александра Михайловича Каховского, человека, по определению Дениса Васильевича Давыдова, «замечательного по своему уму и познаниям»[27].

В Смолевичах были богатая библиотека и физический кабинет. Александр Михайлович устраивал в имении веселые праздники. После штурма Праги Алексей Петрович прислал брату в подарок шесть небольших трофейных пушек и немного пороху, «коими пользовался хозяин для делания фейерверков»[28].

Независимое положение Каховского, любовь и уважение, коими он пользовался, вызвали интерес властей к нему, его родным и знакомым. Все «были схвачены и посажены в различные крепости» за то, «что будто бы они умышляли против правительства», как писал позднее поэт-партизан Давыдов[29].

Не будто бы, а действительно «умышляли». Но против кого? Об этом позднее. А пока…

А.П. Ермолов — А.М. Каховскому,

13 мая 1797 года:

«Любезный брат Александр! Я из Смоленска за двое суток и несколько часов приехал в Несвиж. Излишне будет описывать вам, как здесь скучно, Несвиж для этого довольно вам знаком.

Я около Минска нашел половину нашего батальона, отправленного в Смоленск, что и тешило меня надеждой на скорое возвращение к приятной и покойной жизни; но я ошибся чрезвычайно; артиллерия вся возвращена была в Несвиж нашим шефом или, лучше сказать, *Прусскою лошадью (на которую Государь надел в проезд орден Анны 2-го класса)*. Нужно быть дураком, чтобы быть счастливым; кажется, мы здесь весьма долго пробудем, ибо не достает большого числа лошадей и артиллерию надо будет всю починить.

Я командую здесь шефскою ротою, думаю, с ним недолго будем ходить, я ему ни во что вмешиваться не даю, иначе с ним невозможно.

Государь приказал батальону быть здесь впредь до повеления, а мне кажется, что навсегда. Мы беспрестанно здесь учимся, но до

сих пор ничего в голову вбить не могли, словом, каков шеф, таков и батальон; обоими похвастать можно, следовательно, и служить лестно. Сделайте одолжение, сообщите, что у вас происходило во время приезда Государя, уведомите, много ли было счастливых. У нас он был доволен, но жалован только один наш *скот.* Прощайте.

Алексей Ермолов.

13 мая [1797 года].

Проклятый Несвиж, резиденция дураков»[30].

От этого увлечения классификацией военных и гражданских чиновников (на «прусских лошадей-орденоносцев», «скотов-орденоносцев», «скотов-начальников») Ермолов не избавится и в зрелые годы, и оно серьёзно отразится на его жизни и службе.

Не все в «резиденции дураков» были дураками. Друзьями и приятелями Алексея Петровича там стали князья Голицыны: доблестный Дмитрий Владимирович и умный Борис Владимирович, их двоюродный брат Егор Алексеевич, подпоручик Низовского полка Ксаверий Францевич Аюбецкий, впоследствии министр финансов Царства Польского, «известный по своим высоким способностям и обширным познаниям». Несколько старше других был офицер Дмитрий Ильич Пышницкий, дослужившийся впоследствии до командира дивизии[31].

Как ни скучно было в Несвиже, Ермолов жил и служил, отдаваясь делу до конца. 1 февраля 1798 года он был пожалован чином подполковника. Казалось, фортуна повернулась к нему лицом и не думает отворачиваться. А тучи над головой Алексея Петровича между тем сгущались…

Недалеко от Несвижа, в городе Дорогобуже, в это время квартировал Петербургский драгунский полк. Командир его полковник П.С. Дехтерёв неожиданно был арестован и доставлен в Тайную канцелярию. Причиной такого поворота в судьбе офицера явился анонимный донос. Его скоро освободили, но на службу не вернули. Он приехал на Смоленщину и поселился в имении своего приятеля, отставного подполковника А.М. Каховского.

П.С. Дехтерёва сменил полковник П.В. Киндяков. Но и на него последовал донос. Ситуация в полку заставила Павла I отправить в Дорогобуж инспектора кавалерии Ф.И. Линденера…

Еще в 1782 году цесаревич Павел Петрович с женой Натальей Алексеевной под именем князей Северных совершали путешествие по Европе. На последней станции перед Берлином их встретил почетный конвой под командованием статного вахмистра армии Фридриха II. Он знал практику, крепко сидел на коне, хорошо владел саблей. Пруссак так понравился наследнику

престола, что тот пригласил его на службу в Россию и произвел в чин майора.

В России майора «потешных» гатчинских войск цесаревича Павла Петровича стали называть Федором Ивановичем. Фамилия осталась прежней — Линденер. После смерти Екатерины II новый государь произвел его в генерал-лейтенанты и назначил инспектором кавалерии.

Начало царствования Павла I ознаменовалось целым рядом крестьянских волнений. Государь приказал Линденеру заставить бунтовщиков «повиноваться властям и уважать войска». Генерал-лейтенант с поручением справился. Теперь ему предстояло установить порядок в Петербургском драгунском полку.

На берегу Днепра разбили лагерь. В отдельной палатке расположился генерал-следователь. Адъютант Ф.И. Линденера А.А. Кононов вспоминал:

«Брали то одного, то другого, то относились к предводителю дворянства, когда дело касалось до лиц отставных, живших в уезде. Страх овладел всеми; останавливаться на улицах для разговоров было воспрещено под опасением ареста. Таинственность и совершенное незнание, в чем состояло дело, удваивали страх»[32].

Ф.И. Линденер установил, что в Смоленске существует подпольный политический кружок, в состав которого входили А.М. Каховский, его родной и двоюродные братья А.П. Ермолов и П.П. и В.В. Пассеки, полковники П.С. Дехтерёв и ILB. Киндяков, капитан В.С. Кряжев, бывший крепостной графа П.И. Панина, и ряд других офицеров и гражданских чиновников — всего около тридцати человек. Их деятельность *была* направлена «к перемене правления». Обсуждалась даже идея цареубийства[33].

Состав кружка требует уточнения. Мысль о «перемене правления» посредством цареубийства действительно обсуждалась. Однако из этого не следует делать далеко идущих выводов…

Единомышленники Каховского собирались в его доме в Смоленичах, читали вслух трагедию Вольтера «Смерть Цезаря» и эмоционально выражали свое одобрение автору, завершившему сцену убийства словами:

«Цезарь был тиран; да погибнет и память его!»

— Вот так бы и нашего тирана! — воскликнул при этом Каховский[34].

Во время обыска в имении руководителя кружка Каховского было изъято письмо Ермолова от 13 мая 1797 года, в котором автор упрекает императора за то, что он на «Прусскую лошадь», то есть на генерал-лейтенанта Эйлера, сущего «скота» по своей

сути, нацепил орден Анны 2-й степени и не оценил заслуг тех, кто повседневными делами крепил боеспособность артиллерийского батальона. В таких условиях поистине «нужно быть дураком, чтобы быть счастливым».

Линденер отослал *письмо Ермолова на просмотр Павлу* I, *а* в Несвиж отправил курьера с предписанием арестовать подполковника артиллерийского батальона и доставить его в Калугу, где находился штаб инспектора кавалерии.

28 ноября 1798 года А.П. Ермолов был арестован. В секретном предписании генерала Ф.И. Линденера подпоручику И.Г. Ограновичу вменялось в обязанность быть готовым «к строжайшему присмотру» за бывшим своим командиром, ибо он взят под стражу «по именному повелению его императорского величества и по весьма важным обстоятельствам»[35].

Однако совершенно неожиданно из Петербурга пришел приказ бумаги этого дела уничтожить, а следствие по делу Ермолова прекратить. Я не знаю, что заставило императора принять такое решение, но он его принял. Возможно, сам осознал, что на «скота» нацепил орден и не обиделся на правду. Автора известного письма трудно даже обвинить в непочтительности к государю.

Линденер не посмел ослушаться императора. 7 декабря 1798 года генерал-лейтенант уведомил подполковника Ермолова ордером, что он «от ареста и следствия освобождается» и может отправляться в Несвиж и продолжать службу[36]. И на прощание сказал:

— Хотя видно, что ты многого не знаешь, однако советую тебе отслужить перед отъездом молебен о здравии благодетеля твоего — нашего славного государя[37].

Если верить (а почему бы и нет) Денису Васильевичу Давыдову, Алексей Петрович внял совету Федора Ивановича: молебен отслужил. Но о чем просил он Бога, неизвестно. Впрочем, не трудно догадаться. Думаю, молил спасти и сохранить его от всяких бедствий в будущем.

В докладной записке на высочайшее имя инспектор кавалерии даже позволил себе выразить сожаление, что в Петербурге «по делу дорогобужского следствия обижено правосудие». И далее сообщал, что исключенному из службы подполковнику Каховскому удалось создать тайную организацию с отделениями в Смоленске, Дорогобуже и в некоторых воинских частях. К этой «шайке» заговорщиков, по его убеждению, «действительно принадлежал» и Ермолов[38].

А где доказательства? Состоял в родстве и переписке с руководителем тайной организации? Но этого недостаточно.

Неизвестно даже, приезжал ли он из Несвижа хоть на одно заседание «канальского цеха», как именовали они свое сообщество. Если приезжал, то почему даже самый откровенный на следствии капитан Кряжев не сказал об этом. Я не говорю уже о других.

Поначалу следователь был убежден, что заговорщиков вполне можно «возвратить к разуму в случае необходимости посредством отечественных березовых розог»{39}. Со временем, однако, когда открылись новые «важнейшие по тому предмету обстоятельства», оптимизма у него заметно поубавилось{40}.

Допрошенный им капитан Кряжев утверждал, что «Каховский с товарищами никогда не откажутся исполнить своего намерения против высочайшей особы и его правления». Он также выяснил, что один из членов организации (полковник Бухаров) однажды сказал: «Легко можно найти, кто бы государя императора умертвил»{41}.

Умысел на цареубийство и на перемену правления у членов кружка Каховского, конечно, был, однако называть их предшественниками декабристов нельзя. И не только потому, что нет на то оснований, а потому что это просто глупо. Их не устраивал бесноватый государь и его правление, а не монархия. Об этом мы еще поговорим. А сейчас о «самом непримиримом» из заговорщиков, как его квалифицировали советские летописцы революционного движения.

Таковым, утверждают историки, был П.С. Дехтерёв, призывавший к немедленному выступлению. Против кого? Против Павла I, естественно. Этот «радикально» настроенный полковник водил по кабакам, улицам и разводам крепостного человека знакомой помещицы Никифора Ерофеева, явно слабого умом, и заставлял его уморительно изображать и без того комичного императора{42}.

Во время обыска на квартире у братьев Петра и Павла Киндяковых были изъяты золотые табакерки с портретами Валерьяна и Платона Зубовых, что как бы свидетельствовало о связях дорогобужских заговорщиков со столичными противниками императора, готовившими его убийство.

А братьев Зубовых даже советские историки не отважились назвать предшественниками декабристов.

Об умонастроении членов кружка Александра Михайловича Каховского поведал нам Федор Иванович Линденер:

«Вольные, или паче сказать дерзкие рассуждения о правлении, о налогах, о военной строгости… публичное чтение… запрещенных книг, как-то Гельвеция, Монтескье… и прочих таковых книг, развращающих слабые умы и поселяющих дух

вольности, хвалу Французской республики… все сие чтение и истолкование при офицерах… доказывают дух неудовольствия противу правления»{43}.

Павел I понял, что поступил слишком опрометчиво, прекратив следствие по дорогобужскому делу. Ознакомившись с донесением Линденера, император приказал арестовать Ермолова и доставить его в Петербург. Не чувствуя за собой вины, молодой человек ехал в столицу с радостью. Он вспоминал позднее:

«Вызванный по желанию государя… питающий чувства совершеннейшей преданности, я допускал самые обольщающие мечтания и видел перед собой блистательную будущность. Перед глазами было быстрое возвышение людей неизвестных и даже многих, оправдывающих свое ничтожество, и меня увлекли надежды!»{44}

На допросе Павел I топал ногами и кричал:

— Ты брат Каховского! Вы оба из одного гнезда и одного духа! — и приказал определить Ермолова в Петропавловскую крепость.

Подполковник Каховский, участник штурмов Измаила и Праги, убеждал Суворова, адъютантом которого был, взбунтовать войска против Павла I, насаждавшего прусские порядки в русской армии.

— Удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такие силы и такое влияние на умы русских, — возмущался Александр Михайлович, — соглашаетесь повиноваться Павлу.

Суворов подпрыгнул и, крестя рот Каховскому, зашептал:

— Молчи, молчи, не могу. Кровь сограждан!

Об этом разговоре между Суворовым и Каховским рассказал на склоне лет сам А.П. Ермолов. Он подтверждается также и показаниями на следствии по делу о «смоленском заговоре» капитана В.С. Кряжева{45}.

Влияние А.М. Каховского на А.П. Ермолова было чрезвычайно велико. Родственник того и другого М.Н. Похвиснев вспоминал:

«Алексей Петрович отзывался о своем старшем брате не иначе как с особенным уважением и любовью. Он высоко ценил его ум и привлекательные свойства души. “Брат Александр, — говорил он, — во всем выше меня!”»{46}

Ермолова заключили в камеру № 9 Алексеевскою равелина. Позднее он вспоминал:

«В равелине ничего не происходит подобного описываемым ужасам инквизиции, но, конечно, многое заимствовано из сего благодетельного и человеколюбивого установления. Спокойствие ограждается могильною тишиною, совершенным безмолвием двух недремлющих сторожей, почти неразлучных. Охранение здоровья

заключается в постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомством пищи, ни излишним ее количеством. Жилища освещаются неугасимою сальною свечою, опущенною в жестяную с водою трубку. Различный бой барабана при утренней и вечерней заре служит исчислением времени; но когда он бывает не довольно внятным, поверка производится в коридоре, который освещен дневным светом и солнцем, незнакомыми в преисподней»{47}.

Вскоре после прибытия в Петербург узника девятой камеры вызвал на допрос генерал-прокурор Петр Васильевич Лопухин и приказал ему ответить письменно на поставленные вопросы, ничего не утаивая. Все они касались того злополучного письма от 13 мая 1797 года, найденного в бумагах Александра Михайловича Каховского.

Ответы А.П. Ермолова на вопросы следствия:

«…О письме на имя брата моего Каховского… покорно объясняю, что оное точно писал я и признаю произведением безрассудной моей дерзости и минутного на то время ослабления разума, повергнувшего меня в такое преступление, кое выше всякого снисхождения. Нет такого наказания, коего я бы не заслуживал и не считал справедливым. Но *должен сказать,* что писал я к моему брату *единственный раз,* и письмо то с деяниями моими по службе не имело никакого сходства, ибо я оную всегда выполнял со всевозможным усердием и рвением, начальникам повиновался беспрекословно, что *каждый из них может подтвердить,*

В следствие сообщения генерал-лейтенанта Линденера… по всевысочайшему Его Императорского Величества повелению был я арестован и бумаги мои без изъятия все по строгом обыске взяты, в коих ничего противного и дерзкого не найдено, что подтверждает истину вышесказанного: переписки с братом я уже не имел и преступления его от меня совершенно сокровенны.

По милосердию Его Императорского Величества и, без сомнения, по презрению оной глупости моей объявлено было мне всемилостивейшее прощение… Но в Несвиже генералом Эйлером *я был снова* арестован и прислан сюда.

Я не могу вновь никакого открытия сделать, как повторить… *прежние показания.* Всеподданнейше прошу продолжить мне дарованное Высочайшее милосердие, обещаю заслужить оное ревностью к службе, в которой жертвовать всегда готов жизнью.

От артиллерии подполковник и кавалер

Ермолов»{48}.

Знаменитый генерал, хотя и не нашел в своих обширных записках места для подробных воспоминаний о годах

«революционной» молодости, однако же в устных рассказах иногда возвращался к событиям давно ушедшим в прошлое, а двоюродный брат его, Денис Васильевич Давыдов, заносил услышанное на бумагу. В результате на страницах прозы поэта-партизана появились «Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове». А из них кое-что проясняется…

Похоже, Ермолов сумел убедить следователей в своей непричастности к преступному тайному сообществу брата Александра Михайловича. Что же касается письма, то оно явилось следствием временного помутнения разума. Не держать же молодого человека из-за глупой выходки в крепости. Однако и освободить без высочайшего на то разрешения никак нельзя.

Среди чиновников канцелярии генерал-прокурора Лопухина случайно оказался некий Макаров, приятель старшего Ермолова. Он и посоветовал написать прошение на имя Павла I.

Общими усилиями сочинили черновик, несколько раз перечитали и исправили его, перебелили, но ни сам проситель, ни его соавторы не обратили внимания на фразу, которая, «возбудив гнев императора, имела для Ермолова самые плачевные последствия».

Письмо начиналось так: «Чем мог я заслужить гнев моего государя?» Скажите, пожалуйста, он еще и не знает вины своей. Эта фраза вызвала приступ гнева Павла Петровича и явилась причиной заключения его в Алексеевский равелин, где он оставался около трех месяцев{49}.

Напрасно Павел Петрович нервничал, Алексей Петрович действительно не осознавал своей вины. Да и не было ее…

7 января 1799 года последовало высочайшее повеление исключить Ермолова из службы и сослать на вечное житье в Кострому. Тамошнему губернатору вменялось в «обязанность за его поведением иметь наистрожайшее наблюдение» и сообщать о том генерал-прокурору Лопухину{50}.

Несколько месяцев спустя бывший подполковник артиллерии писал ближайшему другу Александру Васильевичу Казадаеву, с которым долгие годы делился самым сокровенным:

«Ты знал брата моего, он впал в какое-то преступление; трудно верить мне, но я самим Богом клянусь, что преступление его мне неизвестно! Бумаги его были взяты и в том числе найдено и мое письмо, писанное два года назад; признаюсь, что дерзкое несколько, но нескрывающее в себе злоумышления и коварства…»{51}

Ответы Ермолова на вопросы следствия, его мемуарные записки и обширное эпистолярное наследие были опубликованы

еще в XIX столетии. Тем не менее советские летописцы «первого этапа освободительного движения» зачислили его в состав Смоленского тайного общества, а самая известная из них академик М.В. Нечкина назвала его «Кружком Каховского — Ермолова»{52}.

Нет оснований зачислять Алексея Петровича Ермолова в разряд противников существующего режима. Членство его в «канальском цехе» брата Александра Михайловича Каховского совершенно не доказано. Впрочем, и среди других участников Смоленского кружка я не нашел не только революционеров, но даже и предшественников декабристов.

Критическое отношение к действительности Алексея Ермолова не вызывает сомнений. Оно сформировалось под влиянием просветительской философии, определяющей идеей которой является мысль о природном равенстве людей. Он был человеком читающим. Эту страсть к чтению наш герой пронес через всю жизнь. Памятником его вольнодумства является тетрадь с аккуратно переписанными стихами, опубликованная историком М.П. Погодиным.

Стихи эти слишком незамысловаты, чтобы сегодня знакомить с ними читателя. В них та же критика все тех же «скотов», грудь которых не по заслугам украшена разными орденами. Может быть, декабристы именно потому и считали Ермолова «своим», что он и четверть века спустя сохранил страсть к классификации видов в русской бюрократии. Ошибались, конечно. Но об этом позднее…

ЕРМОЛОВ В ССЫЛКЕ

Через несколько дней узнику девятой камеры приказали готовиться к дальней дороге. Проведя около трех месяцев в одной из самых «убийственных тюрем», он «с радостью готов был отправиться хоть в Сибирь». 19 января фельдъегерь сдал его под расписку костромскому губернатору.

Вообще-то Ермолову предстояло ехать дальше, в лесную глухомань на берегу Унжи. К счастью, в городе он встретил товарища по Московскому университетскому пансиону, как оказалось, сына губернатора благородного Николая Ивановича Кочетова. Он представил в Петербург, что в интересах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником предпочел оставить его в Костроме, что было одобрено столичным начальством.

Кочетов поселил Ермолова вместе с генерал-майором Войска Донского Платовым на квартире губернского прокурора Новикова. Несмотря на разницу в возрасте, чинах и образовании, между ними установились приятельские отношения. Среди «анекдотов», записанных Давыдовым, есть два, посвященных сразу обоим героям русской истории. Вот один из них:

«Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из его дочерей; он в случае согласия, обещал назначить его командиром Атаманского полка»{53}.

Да, Матвей Иванович имел четырех дочерей, но лишь одна из них, падчерица Екатерина, была на выданье. Впрочем, пока молодой жених дозревал до семейной жизни в условиях костромской ссылки, девочки могли заневеститься. Так что возможность такого разговора не вызывает сомнений. Сомнительно другое: обещание Платова назначить Ермолова командиром Атаманского полка. Пока что у опального генерал-майора не было никаких шансов возглавить Войско Донское. Кстати, это подтверждается вторым «анекдотом», пересказанным Денисом Васильевичем:

«Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звезды небосклона, говорил:

— Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу; эта — над Кавказом, куда мы с тобой бежали бы, если бы у меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я еще мальчишкою гонял свиней на ярмарку»{54}.

Человек, четверть века ночевавший под открытым небом в

степи и в горах, конечно же, мог изумлять окружающих своими познаниями в «практической астрономии». В этом нет ничего необычного. Интересно, что, оказывается, только дети удерживали его от побега на Кавказ. Значит, не верил тогда Матвей Иванович в свое высокое предназначение.

Ермолов всегда отличался высокомерием породистого аристократа, хотя таковым себя не считал. А с годами, по мере накопления знаний, все больше и больше. Правда, основания имелись: умница был необыкновенный и генералом стал блистательным. Думаю, рассказ о звезде, под которой Платов гонял свиней на ярмарку, был придуман им значительно позднее, когда практически безграмотный Матвей Иванович стал графом Российской империи, почетным доктором Оксфордского университета и героем Европы. Что ж, всякий человек имеет слабости. Не был лишен их и Алексей Петрович. Одним из определяющих свойств его характера была зависть к чужим успехам.

Время протекало хотя и медленно, однако «разными упражнениями» наш герой сокращал его. В ссылке он обратился к изучению латинского языка под руководством соборного протоиерея Егора Арсеньевича Груздева, который ежедневно будил ученика словами:

— Пора, батюшка, вставать: Тит Ливии уже давно ждет нас{55}.

Мертвый язык римлян Алексей постиг настолько, что усвоил стиль Тацита. В это же время он приобрел навыки в переплетном деле, надеясь зарабатывать на хлеб насущный, когда в Россию придут якобинцы и все будут равными.

Жизнь чудная его в потомство перейдет,
Делами славными она бессмертно дышит,
Захочет — о себе как Тацит он напишет
И лихо летопись свою переплетет…

В.А. Жуковский

Радовало, что костромичи оказывали ему «великодушное расположение, не находя ни в свойствах, ни в образе поведения *его* ничего, обнаруживающего преступника»{56}.

Один костромской старожил рассказал, а писатель Иван Иванович Лажечников запомнил и записал за ним, что Ермолов в зимнее время возил воду с реки для своей хозяйки, которая любила его как сына. Сам ходил на рынок, нянчил ее внуков, а она готовила ему обед или ужин{57}.

Узнав о походе русских войск в Италию, опальный подполковник лихорадочно перелистывал страницы газет, надеясь узнать что-нибудь о своих сослуживцах. Огорчало, что они ушли с армией Суворова без него. Об успехах великого полководца и его героев сообщил Ермолову после возвращения из похода Иван Григорьевич Огранович, тот самый подпоручик, который сопровождал Алексея Петровича на допрос к Линденеру. Он был одним из немногих, кто не забыл «в несчастье впавшего приятеля».

Отвечая на письмо Ограновича, Алексей Петрович писал:

«Не в состоянии изобразить тебе, какое удовольствие доставило мне письмо твое, но только смею уверить, что чувства благодарности с моей стороны соразмерны оному. И не усомнись, что я в полной мере принимаю сие одолжение, радуюсь притом, что ты окончил поход столь трудный благополучно. Весьма лестно быть участником тех побед, которые навсегда принесут вам много чести, доставя сверх того опытность, нужную достойным офицерам, каковы все те, коим некогда я имел счастье быть сотоварищем. Не думай, чтоб лесть извлекла сии приветствия, но верь, что они истинные чувства того, кто за счастье поставляет иметь многих из них приятелями…

Желал бы я разделить труды ваши, участвовать в славе вашей, но нет возможности, и все пути преграждены. Прощай, Любезный Друг, и помни того, который никогда забыть тебя не в состоянии»{58}.

Как видно, в красноречии Алексею Петровичу не откажешь.

Люди очень влиятельные, такие как Александр Васильевич Казадаев, советовали Ермолову написать «жалобное письмо к графу Ивану Павловичу Кутайсову, который ручался, что выхлопочет ему полное прощение и возвращение всего потерянного»{59}. Гордый молодой человек готов был принять предложение «любезного друга», но мало верил в его эффективность. Он по-прежнему не чувствовал за собой никакой вины. Зато, используя свое красноречие, помог малограмотному Платову написать прошение на имя генерал-прокурора Лопухина с просьбой разрешить ему продолжить службу или отпустить к семье. Впрочем, не помогло.

«В это время проживал в Костроме некто Авель, — записал Д.В. Давыдов со слов А.П. Ермолова, — который был одарен способностью верно предсказывать будущее». О нем ходили легенды, будто он предсказал с необыкновенной точностью час кончины императрицы Екатерины Великой, за что был расстрижен и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Павел I, взойдя на престол, пожелал встретиться с ним{60}.

— Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? — спросил государь. — Говори! Все говори! Ничего не утаивай! Я не боюсь, и ты не бойся.

— Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей…

Вещий Авель поименно назвал всех преемников Павла I, начиная от Александра I и кончая Николаем II, подробно обрисовал важнейшие деяния и судьбу каждого, предсказал приход к власти и падение безбожников и так далее{61}.

14 декабря 1796 года император подписал рескрипт:

«Всемилостивейше повелеваем содержащегося в Шлиссельбургской крепости крестьянина Васильева освободить и отослать по желанию его для пострижения в монахи к Гавриилу, митрополиту Новгородскому и Петербургскому»{62}.

Авель (крестьянин Васильев) к митрополиту Гавриилу не явился. Он вернулся в Кострому, где, по-видимому, повторил свое предсказание, назвав день и час убийства Павла I. А благородный исправник, подполковник Устин Семенович Ярлыков поспешил сообщить о том Ермолову{63}.

6 октября 1800 года в Кострому прибыл сенатский курьер. Через три дня он увез Платова в Петербург.

— Прощай, Алексей Петрович, — сказал Платов Ермолову, — даст Бог, свидимся, — обнял товарища по изгнанию, сел в карету и покатил на север.

«С горестью простился я с Платовым, но завидовать счастью не мог, ибо оно обращалось к человеку, известному отличною храбростью и способностями», — вспоминал Ермолов{64}.

Завидовать-то пока было нечему: Матвей Иванович ехал в Петербург, чтобы предстать перед гражданским судом. Суд его оправдает, но прежде он месяца четыре посидит в той же крепости, которую почти год назад покинул Алексей Петрович.

Могучий телом и духом молодой воин от «чрезвычайной скорби» стал терять силы и интерес к жизни. И лишь чувство ответственности по отношению к родителям удерживало его от рокового шага, заставляло помнить о «должности христианина». Алексей Петрович умоляет друга Александра Васильевича писать ему, не презирать его в том несчастном состоянии, в котором он оказался по воле случая{65}.

Глава вторая.
ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКИХ ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО…

ПЯТЬ МИРНЫХ ЛЕТ

Продолжались плац-парады, разжалования, аресты. За малейшую провинность людей лишали чинов и дворянства, ссылали в Сибирь. Недовольство «угрюмым» царствованием Павла I нарастало. Даже похороны Суворова превратились, пожалуй, в первую в России демонстрацию протеста.

Заговор против Павла I зрел. Его возглавил петербургский военный губернатор граф Петр Алексеевич Пален. Он внушил государю «блестящую» мысль: по случаю четвертой годовщины вступления его на престол осчастливить подданных амнистией. В результате последовал указ от 1 ноября 1800 года:

«Всем выбывшим из службы воинской в отставку или исключенным, кроме тех, которые по сентенциям военного суда выбыли, снова вступить в оную, с тем, чтобы таковые явились в Санкт-Петербург для личного представления нам.

Павел»[{66}].

Граф рассчитывал, что толпа военных, нахлынувших в столицу, скоро будет изгнана, ибо их места уже заняты. Действительно, просителей было так много, что они скоро надоели Павлу, и он не только перестал принимать их, но и приказал гнать. Естественно, значительно умножил число своих врагов. Вместе с прочими вернулись в Петербург и многие активные заговорщики.

Предсказание вещего Авеля сбылось в ночь на 12 марта 1801 года, на день Святого Софрония Иерусалимского. Построенный Павлом I Михайловский замок для защиты от внутренних врагов, превратился для него в могилу. Император был убит. Наступил новый век, новая эпоха — «дней Александровских прекрасное начало»!

Вместе с тысячами других несчастных прибыл в Петербург и бывший подполковник артиллерии Ермолов, уволенный из армии как умерший. Свои чувства от полученной свободы он раскрыл позднее на страницах «Записок»:

«…Радость заставила во мне молчать все другие чувства; одна была мысль: посвятить жизнь службе государю, и усердию моему едва ли могло быть равное…»[{67}]

Желание служить было большое, а вот возможность представилась не сразу. Около двух месяцев Ермолов скитался по кабинетам Военной коллегии в поисках документов, «наскучив всему миру секретарей и писцов». Наконец, проблема разрешилась. 9 июля 1801 года он получил под свое начало роту конной артиллерии и назначение в Вильно, где квартировал его

полк.

Ермолов был возвращен в службу в том же чине подполковника. Самолюбие Алексея Петровича было уязвлено. Пока он пребывал в Алексеевской равелине и Костроме, многие сослуживцы, даже совсем молодые, обошли его. Было обидно. Возникла мысль подать в отставку. Но все попытки получить её не имели успеха.

Вильно произвел на молодого подполковника хорошее впечатление. В город стекались люди, пытающиеся освободиться от страха, сковавшего их в годы прежнего правления, и насладиться дарованной свободой. Все благословляют имя Александра I. И нет предела любви к нему.

Жизнь идет весело, служба льстит честолюбию. Ермолов отдается ей почти полностью. Жаль, не достает войны, где можно было бы отличиться и продвинуться, а то засиделся в подполковниках более семи лет. Раньше счастье улыбалось ему: Алексей Петрович принял участие в войнах с Польшей и Персией, волонтером сражался в составе австрийской армии против войск Французской республики в Приморских Альпах, был награжден Георгиевским и Владимирским орденами. А тут затишье. И неизвестно, когда кончится. Он начинает бросаться из стороны в сторону: то готов перейти в инженерные войска, то просит перевести его в казаки, лишь бы получить очередной чин.

Казачья конная артиллерия снится Ермолову по ночам. Чтобы удовлетворить честолюбие, он готов сделаться над ней начальником и просит Казадаева замолвить за него словечко. Кому, как не ему, претендовать на это место: завидовать его жизни и службе на Дону никто не будет, а атаман Платов, которому он если не друг, то приятель по несчастью, конечно, возражать не будет{68}.

Хлопоты Александра Васильевича не увенчались успехом, о чем Алексей Петрович очень сожалел. Пришлось набраться терпения и ждать. Одно утешало, что штаб-офицерские чины «гораздо реже, нежели генеральские», поэтому оставалась надежда на производство в полковники.

Не обремененный семьей, Алексей Петрович почти все время отдавал службе и отчасти женщинам, испытывая их «очаровательную силу». Позднее, отойдя от дел и отдавшись воспоминаниям, старик признавался, что именно в эти годы он был «обязан им многими в жизни приятными минутами!»{69}.

В одну из местных красавиц он даже, кажется, влюбился, однако не настолько, чтобы забыть о службе. «Правда, она мне нравится, — признавался он Казадаеву, — но это до 1-го апреля, ибо теперь делать совершенно нечего, а тогда начнутся ученья и

должно будет ими заняться…»

Казалось бы, все идет если и не хорошо, то во всяком случае нормально: служит он без принуждения и с удовольствием, у женщин пользуется успехом, а нет-нет и вспомнит Петропавловку и Кострому, задумается над причинами, приведшими его в крепость и в ссылку.

Царская опала серьезно повлияла на характер нашего героя: сделала его скрытным и осторожным в суждениях о политических вопросах, научила хитрить, изворачиваться. Многие современники обращали на это внимание. А вот что говорил он сам в связи с этим:

«Если бы он, *Павел I*, не засадил меня в крепость, то я, может быть, давно уже не существовал. С моею бурною, кипучею натурою вряд ли мне удалось совладать с собою, если бы в ранней молодости мне не был дан жестокий урок. Во время моего заключения, когда я слышал… плескавшиеся невские волны, я научился размышлять…»

Получается, что Ермолов смирился с властью? А он с ней никогда и не ссорился. Алексей Петрович, как человек чести, остро чувствующий несправедливость, не раз резко судил об отдельных представителях ее, но не о монархии. А историки, приближая «светлое будущее всего человечества», сделали его «конспиратором». Подполковник был из числа тех дворян, которые занимали нишу между декабристами и аракчеевцами, кто одинаково не принимал гнев без причины и награду без заслуги. Он не вмешивался в борьбу между первыми и вторыми, оставаясь не то чтобы в стороне, — на определенной дистанции, что ли. К разговору об этом мы еще вернемся, ибо те, чей круг был так узок и который так и не расширится и через четверть века, пока не вышли на историческую сцену.

Всю весну и начало лета Ермолов готовился к царскому смотру войск, расквартированных в Вильно. Солдаты встретили государя восторженными криками «ура!», выпрягли лошадей его и на себе повезли карету в город.

Роту Алексея Петровича Александр Павлович смотрел часа полтора, в то время как другим уделил не более пятнадцати минут, из коих половину проговорил с ее командиром, лично выразил ему свое «благоволение» и сказал:

— Я очень доволен, господин подполковник, очень доволен как скорою пальбою артиллеристов, так и проворством движения твоих орудий.

К сожалению, высочайшее благоволение ничем не подкреплялось. Алексей Петрович остался подполковником.

После смотра офицеры устроили бал, который продолжался

до трех часов утра. «Государь был очень весел, а сколь милостив, описать невозможно», — делился Ермолов впечатлениями все с тем же «любезным другом» Александром Васильевичем Казадаевым.

В 1804 году Ермолов получил предписание выступить из Вильно. За какой-то год, может немного больше, он сменил шесть мест дислокации. Однако даже в походных условиях подполковник роту свою содержал в хорошем состоянии. Офицеры у него были отличные, и командира своего они любили. Поэтому все казалось ему довольно «сносным», а служба— «единственным благом». Правда, обидно столько лет ходить в одном чине. Алексей Петрович жалуется другу Казадаеву на незавидную судьбу свою и опасается, как бы тот не упрекнул его в малодушии. И тут же находит оправдание: кто не ищет возможности протиснуться сквозь кучу более удачливых соратников?

В России никогда не любили умных людей. Ермолову же в уме не откажешь. И на язык он острый — весь в маму. Потому и сидит уже семь лет в *подполковниках*. Забыли высокие начальники. Чтобы обратить на себя внимание, написал рапорт и попросил уволить его в отставку… *майором*.

Алексей Петрович добился своего, внимание на себя обратил, но отношения с инспектором артиллерии Аракчеевым окончательно испортил, хотя тот лично просил его не уходить в отставку.

В 1805 году мы видим его снова в Вильно.

Однажды граф Алексей Андреевич Аракчеев приехал в Вильно и устроил смотр роты подполковника Ермолова, только что вернувшейся в город после утомительного марша по грязной дороге. Указав на ближайшую высоту, его сиятельство приказал «занять» ее и изготовиться к «бою». Когда задание было выполнено, он обратился к командиру с вопросом:

— Так ли, господин подполковник, поставлены орудия на случай наступления неприятеля?

Ермолов ответил:

— Я хотел лишь показать вашему сиятельству, в каком состоянии мои лошади, которые крайне утомлены.

— Хорошо, — сказал граф, — от содержания лошадей в артиллерии во многом зависит репутация офицеров, в том числе и ваша.

— Очень жаль, ваше сиятельство, что в русской артиллерии репутация офицеров слишком часто зависит от скотов, — ответил командир роты в присутствии многих свидетелей.

Эта фраза скоро разнеслась по всей России и повторялась в

бесчисленных вариантах в дружеских беседах и на всех офицерских пирушках. Мог ли после этого Ермолов рассчитывать на благосклонность Аракчеева? Очень скоро он почувствовал отношение к себе главного инспектора артиллерии. 6 апреля 1805 года Алексей Петрович писал Александру Васильевичу Казадаеву:

«Мне остается выйти в отставку или ожидать войны, чтобы с конца своей шпаги добыть себе все мною потерянное»{70}.

Войны долго ждать не пришлось. Она стала неизбежной и началась на исходе лета 1805 года. Но еще раньше…

ПЕРВАЯ ВОЙНА АЛЕКСАНДРА ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Но еще раньше, 4 июля 1805 года, Александр I назначил Михаила Илларионовича Кутузова командующим Подольской армией, которая направлялась на помощь австрийской, выступившей против Наполеона.

В инструкции, данной Кутузову накануне отъезда из Петербурга, строжайше предписывалось: «Действовать с всею ревностью и исполнять беспрекословно повеления главнокомандующего австрийскими войсками». Иначе говоря, Александр I подчинил его эрцгерцогу Фердинанду, а фактически престарелому генералу Макку, для которого, как известно, задача управления армией оказалась непосильной{71}.

Армию повел в Австрию Ф.Ф. Винценгероде, а М.И. Кутузов остался в Петербурге, чтобы сделать необходимые распоряжения, а потом уже отправиться следом за ней. 4 сентября он достиг Радзивиллова, где нагнал роту А.П. Ермолова, находившуюся в пути уже два месяца, и нашел ее в отличном состоянии: «лошадей он имел в хорошем теле, больных людей в роте не было»{72}.

— Где служил ты прежде, Алексей Петрович, и за что получил свои награды? — поинтересовался Михаил Илларионович за обедом.

И, услышав, что Ермолов принимал участие в двух кампаниях и воевал с французами в Приморских Альпах, удивился, что он до сих пор ходит в подполковниках. По-видимому, Алексей Петрович утаил от генерала историю своего пребывания в Алексеевском равелине и Костроме. Прощаясь, Кутузов пообещал Ермолову взять его на заметку и приказал поспешить на соединение с армией.

Под Ульмом, куда следовали русские войска, Наполеон в пух и прах разгромил австрийскую армию. Генерал Макк бежал с поля сражения, опережая молву о своем поражении.

французы наступали так быстро, что у Кутузова теперь осталась единственная возможность спасти свою армию — отходить на восток навстречу корпусу Буксгевдена. От Лайбаха войска отступали под прикрытием арьергарда князя Багратиона.

Кампания 1805 года не прибавила славы Михаилу Илларионовичу, но не его вина в этом. Сам-то он действовал безукоризненно, да подвели союзники: сначала они без боя сдали Ульм, а потом и Вену, поставив Подольскую армию Кутузова в весьма опасное положение: Наполеон располагал втрое большими

силами.

Михаил Илларионович не забыл обещания, данного Алексею Петровичу в Радзивиллове: взял его на заметку. Роту конной и две роты пешей артиллерии Ермолова он определил в резерв главнокомандующего и тем самым лишил его возможности отличиться в бою и сделал «последним участником при раздаче продовольствия людям и фуража лошадям»{73}.

* * *

Из воспоминаний А.П. Ермолова:

«…В продовольствии был ужаснейший недостаток, который дал повод войскам к грабежу и распутствам; вселились беспорядки и обнаружилось неповиновение. От полков множество было отсталых людей, и мы бродягам научились давать название мародеров… Они собирались толпами, в своего рода организации, ибо посланный один раз эскадрон гусар, чтобы воспрепятствовать грабежу, увидел в них готовность без страха принять атаку…»{74}

Побуждаемый голодом подполковник обратился к главнокомандующему с просьбой включить вверенную ему артиллерию в состав действующих войск, но получил отказ.

Под прикрытием арьергарда М.И. Кутузов с боями отступал к Ольмюцу, где должен был соединиться с Волынской армией Ф.Ф. Буксгевдена.

Наполеон стремился навязать противнику сражение, не дав ему усилиться. Союзники же по возможности избегали его, ожидая подхода подкреплений. Правда, не всегда это удавалось.

12 октября арьергард князя П.И. Багратиона у Амштедтена столкнулся со значительно более сильным авангардом неприятеля. Русские дрались отчаянно, но устоять не смогли. Понеся большие потери, они вынуждены были отступить. Французы бросились преследовать их и напоролись на отряд генерал-майора М.А. Милорадовича, укрывавшийся в лесу. Стремительно врезавшись в пехоту противника, он отбросил ее далеко назад.

Французы оправились и снова пошли в наступление. Михаил Андреевич Милорадович сам возглавил контратаку смоленских и апшеронских гренадеров. Ободренные присутствием начальника, они загнали неприятеля в лес, из которого он не посмел уже показываться. Их поддержал своей конной артиллерией Ермолов. Алексей Петрович вспоминал:

«При Амштедтене в первый раз был я в сражении против

французов… с конною артиллериею, которой употребление я столько же мало знал, как и все другие. Возможность двигаться удобнее прочей артиллерии истолковала мне обязанности поспевать всюду… Мне удалось предупредить неприятеля, и я, заняв одно возвышение, не позволил ему устроить батарею, которая могла нанести нам большой вред.

Генерал Милорадович чрезвычайно благодарил меня, конечно, не за исполнение его приказаний, ибо удачное действие принадлежало случаю… Мне, как офицеру неизвестному, весьма приятно было, что начальник отзывается обо мне с похвалою»{75}.

Удачное действие принадлежало не случаю, а инициативе подполковника.

7 ноября М.И. Кутузов привел свои войска в Ольмюц и соединился с Волынской армией Ф.ф. Буксгевдена. Теперь у союзников было восемьдесят шесть тысяч человек.

Буксгевден по достоинству оценил военный талант Кутузова:

«Такая славная ретирада навсегда останется достопамятна и можно утвердительно сказать, что другой генерал, находящийся на Вашем месте и не имеющий опытности Вашей и храбрости, не устоял бы против таких усиленных нападений»{76}.

Ситуация стала меняться в пользу союзников. На соединение с М.И. Кутузовым и Ф.Ф. Буксгевденом шли русские войска И.Н. Эссена, Л.Л. Беннигсена, казаки М.И. Платова и австрийцы из Северной Италии. Не исключалось вступление в войну Пруссии. Надо было выиграть время. В случае наступления французов предполагалось отступать навстречу идущим резервам.

М.И. Кутузов настаивал на дальнейшем отступлении в Моравию, а если потребуется, до Карпат, где надеялся похоронить французов. Его поддержали Д.С. Дохтуров, А.Ф. Ланжерон, М.А. Милорадович и другие русские генералы.

Однако австрийские генералы — участники военного совета в Ольмюце похоронили план Кутузова. Они убедили Александра I в необходимости немедленного наступления.

Вот что писал об этом русский историк А.И. Михайловский-Данилевский:

«Нося звание главнокомандующего, но, видя себя без власти предводителя, он покорился обстоятельствам, объявлял по армии даваемые ему приказания и оставался простым зрителем событий»{77}.

19 ноября союзные войска заняли позиции у города Аустерлица, где на следующий день развернулось сражение. Еще до его начала П.И. Багратион заявил, что оно будет проиграно.

Утром следующего дня на позицию прибыл Александр I. По свидетельству дежурного генерала союзной армии П.М.

Волконского, между государем и главнокомандующим будто бы состоялся такой разговор:

— Михайло Ларионович, почему вы не идете вперед?

— Я поджидаю, пока соберутся все войска моей колонны.

— Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки.

— Государь, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете…

В день сражения «простому зрителю событий» было на что посмотреть. Французы прорвали центр союзников, обрушились на них и с фронта, и с фланга. Каждая часть вынуждена была действовать самостоятельно, каждый солдат — думать лишь о своем спасении. Войска пришли в расстройство, управление над ними было потеряно. Сам Кутузов был ранен пулею в щеку навылет. Узнав об этом, Александр I прислал к нему лейб-медика Якова Васильевича Виллие. Отказавшись от помощи, Михаил Илларионович попросил царского лекаря передать государю благодарность за заботу и, указывая рукой на наступающего неприятеля, сказал:

— Там наша смертельная рана!

Поражение было страшным. Ермолов вспоминал:

«Беспорядок дошел до того, что в армии, казалось, не бывало полков, видны были разные толпы. Государь не знал, где главнокомандующий генерал Кутузов, а он беспокоился на счет государя»[{78}].

Свита покинула Александра I. По свидетельству А.А. Чарторыйского, он вынужден был «спешно бежать с поля битвы» в сопровождении лишь преданного лейб-медика Я.В. Виллие, что оказалось весьма кстати: его величество пережил такое потрясение, что у него открылся неудержимый понос, поэтому ему приходилось то и дело слезать с лошади…

К вечеру Александр I, измученный переживанием и расстройством желудка, с трудом дотащился до деревни Уржица, где Виллие дал ему несколько капель опия и настой ромашки. Императору стало легче.

Ермолов с кавалерией, сражавшийся в составе дивизии генерал-адъютанта Федора Петровича Уварова, приотстал, чтобы огнем своих пушек задержать французскую конницу, преследовавшую бегущих русских. Первые орудия, сделав несколько выстрелов, были взяты неприятелем, люди переколоты, а их командир захвачен. Через несколько минут Алексей Петрович был освобожден полковником Елисаветградского гусарского полка Василием Ивановичем Шау, который, не найдя ни одного своего героя, остановил несколько драгун и отбил с

ними пленника{79}.

Союзники, потеряв убитыми, ранеными и пленными двадцать семь тысяч человек, в том числе двадцать одну тысячу русских, вернулись на родину. Вину за этот национальный позор император Александр I возложил на М.И. Кутузова.

Началась раздача наград. «Многие весьма щедрые получили за одно сражение при Аустерлице; мне за дела во всю кампанию, — писал Ермолов, — дан орден Святой Анны второй степени, ибо ничего нельзя было дать менее»{80}.

Давно уже кто-то сказал, что история не любит сослагательного наклонения. В это поверили и стали повторять, не решаясь предстать «белой вороной» перед хранителями «чистой науки», «академического стиля» и «самой передовой методологии». А в самом деле, что было бы, если бы Александр I прислушался к предложению Кутузова и союзники не полезли бы в драку с французами под Аустерлицем, а отступили? Скорее всего государя не прохватил бы понос, ему не пришлось бы унижаться в Тильзите, Москва уцелела бы, да и Отечество наше пошло бы по иному пути. Уж очень на многое повлиял 1812 год: общественную мысль, литературу, искусство, экономику и пр.

Блестящая аттестация, данная А.П. Ермолову главнокомандующим М.И. Кутузовым, и представление генерал-адъютанта Ф.П. Уварова стали основанием для производства подполковника в чин полковника. Наконец-то!

«По расположению ко мне начальства, — писал Алексей Петрович, — я должен был и то принять за величайшую награду, хотя в одном чине я без малого девять лет проходил»{81}.

После войны русская артиллерия была организована в бригады, присоединенные к пехотным дивизиям. Под начало Алексея Петровича Ермолова отошла седьмая бригада, приписанная к дивизии генерал-лейтенанта Дмитрия Сергеевича Дохтурова, расквартированная на Волыни.

ВТОРАЯ ВОЙНА АЛЕКСАНДРА ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

В 1806 году возникла четвертая антифранцузская коалиция, в которой место поверженной Австрии заняла еще более слабая в военном отношении Пруссия. Ее армия и в начале XIX века руководствовалась давно устаревшими догмами Фридриха II, не выдержавшими испытания русским оружием задолго до сражения под Прёйсиш-Эйлау.

Война стран четвертой коалиции против Франции началась 2 октября 1806 года, когда в сражениях под Йеной и Ауэрштедтом Наполеон в один день уничтожил две прусские армии. Россия осталась один на один с сильным противником, поскольку Швеция так и не успела прийти ей на помощь, а Англия ограничилась лишь субсидиями, правда, безвозмездными и немалыми.

После разгрома прусского короля французская армия двумя колоннами двинулась к Висле. «По самым верным и точным сведениям» Наполеон имел 143 тысячи человек{82}.

Этим силам завоевателя Европы Александр I противопоставил два корпуса под командованием генералов А.А. Беннигсена и Ф.Ф. Буксгевдена. В русской «Заграничной армии» по расписанию числилось 125 тысяч человек и 582 орудия{83}.

Резерв армии составлял корпус И.Н. Эссена, оставшийся в районе Бреста охранять западную границу России. Он насчитывал 37 тысяч человек пехоты и кавалерии и 42 орудия{84}.

Перебирая своих генералов, Александр I жаловался:

— Вот все они, и ни в одном из них не вижу дарований главнокомандующего.

Остановился на кандидатуре фельдмаршала графа Михаила Федоровича Каменского, доживавшего седьмой десяток лет. Всем хорош был главнокомандующий: и славой пользовался заслуженной, и авторитет имел у солдат. Однако за годы, истекшие после последней войны с турками, он не только состарился и практически лишился зрения, но и безнадежно устарел. Причем, лучше других понимал это он сам.

Не посмел, однако, старый фельдмаршал возразить государю. 10 ноября он оставил холодный Петербург и покатил на запад. В пути заболел, с трудом дотащился до Вильно, продиктовал письмо к царю, в котором признался:

«Истинно чувствую себя неспособным к командованию столь обширным войском»{85}.

В конце октября русские войска двинулись в район сосредоточения и через месяц расположились: А.А. Беннигсен у Пултуска, Ф.Ф. Буксгевден у Остроленки. Между командующими и прежде не было согласия, а встретились они «совершенно злодеями», спорили по самым ничтожным поводам. «И в этом состоянии дел наших, — писал А.П. Ермолов, — ожидали мы скорого прибытия неприятеля, ободренного победами»{86}.

7 декабря Наполеон прибыл в Варшаву, недавно оставленную без боя русскими. Приезд французского императора, отметил Ермолов, «можно было считать предвестником больших военных событий»{87}.

В тот же день главнокомандующий русскими войсками граф Каменский, встречаемый восторженными криками солдат, на простой телеге въехал в Пултуск.

Михаил Федорович попытался вникнуть в дела. «Ничего не зная, никому не доверяя, он входил в самые мелочные распоряжения, лично отправлял курьеров», сам часами не слезал с лошади, отчего набил «ссадну» на ягодицах, «Бремя забот и ответственности, усугубляемое частыми порывами гнева, подавило старца, лишило его сна» и уверенности в себе.

10 декабря из Варшавы пришло агентурное донесение, что через два дня следует ожидать нападения французов. Главнокомандующий не мог не понимать, сколь серьезное испытание предстоит его «обширному войску», рассредоточенному на большом пространстве. Но, вместо того чтобы готовиться отразить неприятеля, он еще раз обратился к царю с просьбой об отставке:

«Стар я для армии; ничего не вижу… мест на ландкартах отыскать совсем не могу, а земли не знаю… для чего дерзаю испрашивать себе перемены…»{88}

Военные действия должны были развернуться на территории гигантского равностороннего треугольника, южной оконечностью которого являлась Варшава, западной — крепость Торн и северной — Кенигсберг.

С запада театр военных действий прикрывался полноводной Вислой, с юго-востока — Наревом. Весь этот район был перерезан массой небольших рек и речушек, покрыт лесами, озерами и болотами, что создавало наступающему противнику дополнительные препятствия.

Русская армия испытывала крайнюю нужду в продовольствии. Единственной относительно доступной пищей для солдат являлся картофель. Нередко войска размещались там, где их легче было прокормить, а не там, где требовала обстановка. Поэтому они не успели сосредоточиться. Некоторым частям не удалось избежать

столкновения с превосходящими силами противника.

Как и доносил варшавский агент, общее наступление французов началось в ночь на 12 декабря 1806 года. Упорное сопротивление авангардов позволило большей части корпуса Л.Л. Беннигсена сосредоточиться. Однако 12 батальонов пехоты, 35 эскадронов кавалерии, почти все казачьи полки и много орудий оказались отрезанными от основных сил, что было следствием беспорядочных маневров графа М.Ф. Каменского. Он настолько озадачил Наполеона, что тот в течение следующего дня ничего не предпринимал, пытаясь понять замыслы русского главнокомандующего.

Вечером 13 декабря граф Каменский распорядился готовиться к решающему сражению. Но среди ночи он вызвал к себе Беннигсена и вручил ему приказ «иметь ретираду на нашу границу».

А утром разыгралась сцена, объяснить которую в рамках здравого смысла практически невозможно. Описание ее оставил принц Евгений Вюртембергский:

Граф Каменский вышел из коляски, и ему помогли сесть на лошадь. Глядя на выстроенных перед ним гренадер, он прокричал:

— Вас предали и продали. Все потеряно, и вам лучше бежать домой. Я убегаю первым![89]

Другие свидетели добавили в эту странную картину несколько своих ярких мазков: будто бы в то хмурое утро фельдмаршал был одет в заячий тулупчик и повязан бабьим платком.

Возможно, правы были те из современников, которые считали, что Каменский впал тогда в состояние временного умопомешательства. Скорее всего на симптомы психического расстройства главнокомандующего обратил внимание и Беннигсен, ибо он посмел ослушаться приказа и не стал отступать к границе России.

Оригинальное оправдание своему поступку придумал граф Михаил Федорович в беседе с Алексеем Петровичем Ермоловым, посетившим фельдмаршала в его деревне в 1809 году.

«Всем известно, — сказал он, — что в кампанию 1807 года третья часть армии была распущена для добывания себе пищи и откапывания в огородах картофеля. Мне к концу моего долгого поприща показалось слишком тесно маневрировать между Вислою и Бугом. Я мог испортить за несколько дней свою репутацию, составленную в течение 56-ти лет, а потому предпочел оставить армию. Я сумасшедший».

Так закончилось семидневное командование фельдмаршала

Каменского. Получив разрешение Александра I, он удалился в свою деревню, где вскоре пал от руки убийцы.

Готовились к сражению и войска армии Ф.Ф. Буксгевдена, пока не получившие приказа «иметь ретираду на нашу границу».

13 декабря авангард графа П.П. Палена, шедший в Голимин, в пункт концентрации войск Д.С. Дохтурова, был атакован превосходящими силами противника. Рассудительный командир решил отступить, но не на соединение с основными силами дивизии (что было значительно проще), а по направлению на Цеханов, где располагался отряд генерал-майора Е.И. Чаплица, загнанный туда неблагоразумным распоряжением Ф.Ф, Буксгевдена. В противном случае он легко мог быть отрезан и уничтожен неприятелем.

«При сем отряде находился и я с тремя ротами артиллерии». Это все, что Ермолов нашел нужным сказать о трудном с боями отступлении по грязной дороге отряда Палена в район сосредоточения войск накануне решающего сражения{90}.

На следующий день отряды Е.И. Чаплица и П.П. Палена пришли в Голимин и примкнули к бывшим уже там дивизиям генерал-лейтенантов Д.С. Дохтурова, Н.А. Тучкова и Д.В. Голицына.

Едва М.Ф. Каменский выехал за город, как развернулось известное в истории этой войны Пултуское сражение. В нем русские одержали победу и отпраздновали «воскрешение славы своей, минутно поблекшей под Аустерлицем», как писал А.И. Михайловский-Данилевский{91}. Она могла быть куда более весомой, если бы между начальниками корпусов было согласие. Л.Л. Беннигсен ожидал, что Ф.Ф. Буксгевден придет к нему на помощь. Но тот то ли не захотел, то ли его вернул с пути главнокомандующий, только что оставивший армию на произвол судьбы.

В тот же день, 14 декабря, отряды Д.В. Голицына и Д.С. Дохтурова, шедшие к Пултуску, вступили в бой с кавалерией маршала И.Н. Мюрата у Голимина. Имея «страшное превосходство» над противником, русские не воспользовались этим. Против восьми его пушек они выставили до восемьдесяти. Причем французы в это время не имели пехоты.

«Совершенно от нас зависело уничтожить принца Мюрата, — утверждал Ермолов, — но мы довольствовались пустою перестрелкою, и французский маршал был атакующим. Скоро пришла сильная неприятельская кавалерия, но число артиллерии его не увеличилось, ибо она из-за болотистых мест и дорог в то время года непроходимых, не могла следовать равною с нею скоростью. Та же самая причина препятствовала пехоте, и она

прибыла в весьма незначительном количестве. По старшинству, надо думать, командовал с нашей стороны генерал Дохтуров, справедливее сказать не командовал никто…»{92}

Ф.Ф. Буксгевден не только устранился от командования армией, но, кажется, и пытался препятствовать соединению своих дивизий с войсками Л.Л. Беннигсена, взявшего на себя командование сражением.

К вечеру наступило затишье. События у Голимина отвлекли часть сил неприятеля и несколько облегчили победу армии Беннигсена у Пултуска. «Но простителен ли такой расчет, — вопрошает Алексей Петрович, — когда употреблены на то средства в три раза более тех, что имел неприятель? Надобно было видеть, что с такими *командирами* сделал бы Наполеон»{93}.

15 декабря войска оставили Голимин. Их никто не только не преследовал, но даже и взглядом не провожал. При этом русские умудрились оставить на месте вчерашнего боя около сорока пушек «единственно по причине крайнего изнурения лошадей и непроходимых от чрезвычайной грязи дорог».

Полковник Ермолов, собрав лошадей, брошенных артиллеристами других рот, «избежал стыда лишиться орудий без выстрела»{94}, за что, по-видимому, и удостоился золотой шпаги с надписью «За храбрость». Ведь не за «пустую перестрелку» представляют к такой награде.

В тот же день и войска Беннигсена оставили Пултуск. Французы, утратившие свойственную им самоуверенность, не преследовали их. Через две недели русские остановились в Тыкочине, где Леонтий Леонтьевич получил рескрипт, которым государь Александр Павлович назначил его главнокомандующим. Федор Федорович Буксгевден был отозван из армии и отправлен на губернаторство в Ригу. Никто не выразил сожаления по этому поводу. Может быть, немногие знали ограниченные способности сего военачальника, но грубость и непомерная гордость его были у всех на виду.

Ермолов и много лет спустя не мог успокоиться, вспоминая события 14 декабря 1806 года. Если бы Буксгевден оказал помощь войскам Беннигсена, считал Алексей Петрович, успех героев Пултуска можно было развить, освободить Варшаву и польские провинции, принадлежавшие Пруссии. Генерал же в тот день продолжал выполнять приказ фельдмаршала Каменского об отступлении и тем поставил первую армию под угрозу удара с тыла.

Левин Август Теофил (по-русски Леонтий Леонтьевич) Беннигсен происходил из старинного ганноверского рода в Германии. Русским современникам он запомнился человеком

«длинным, сухим, накрахмаленным и важным, словно статуя командора», с вытянутым лицом, «орлиным носом, видной осанкой, прямым станом» и «хладнокровным, как черепаха».

В 28 лет Беннигсен перешел на русскую службу и определился премьер-майором в Вятский мушкетерский полк. Участвовал почти во всех военных кампаниях конца XVIII — начала XIX века. За ряд успешных операций против восставших поляков сам Суворов произвел его в генерал-майоры. С этого времени он быстро продвигается в чинах и получает награды, приобретает знакомства и втягивается в заговор против Павла I.

Один младший современник Беннигсена, недавно самый знаменитый в России немец, очень метко определил главные свойства личности генерала:

«Он обнаружил качества хорошего кавалерийского офицера — пыл, отвагу, быстроту, — но не выявил более высокого призвания, необходимого для командующего армией»{95}.

Рожденный быть исполнителем, генерал Беннигсен на шестьдесят третьем году жизни оказался главнокомандующим. Несоответствие дарований с предназначенной ему ролью сделало его до крайности осторожным и нерешительным…

Леонтий Леонтьевич Беннигсен… О нем ни один историк доброго слова не сказал: уж очень он испортил свою репутацию интригами против Михаила Илларионовича Кутузова во время Отечественной войны. А вот Алексей Петрович Ермолов, сражавшийся под его главным командованием в 1806—1807 годах, оценивая его действия под Пултуском, написал позднее, когда уже был известен исход всей кампании:

«Твердость генерала Беннигсена самое опасное положение обратила в победу совершенную. Отразить превосходные силы под личным Наполеона предводительством есть подвиг великий, но преодолеть и обратить в бегство есть слава, которую доселе никто не стяжал из его противников»{96}.

Кто-то может возразить: Наполеон в тот день, 14 декабря, был не под Пултуском, а в нескольких верстах от него — в Назнельске. Но ведь и во время Бородинского сражения он не водил своих солдат в атаку. Важно, что император находился при армии, а не в Париже или Варшаве. Для того чтобы по достоинству оценить одного, не следует приуменьшать заслуги другого. Впрочем, нам еще представится случай поразмышлять над тем, каков он, главнокомандующий Беннигсен? А пока последуем за его армией, уходящей на север…

Почему Беннигсен после «совершенной» победы над французами не стал преследовать их, это понятно: Буксгевден не пришел ему на помощь и тем поставил его корпус под угрозу

удара с тыла более сильного противника. Труднее ответить на вопрос, почему французы не сразу двинулись за отступающими победителями? Конечно, на первых порах их могла задержать растерянность, вызванная поражением. Но не на три же недели. Думаю, причина в том, что они не сразу разгадали замысел противника. Маршал Бертье сообщил Наполеону, что Беннигсен отводит свои войска на родину. Такой вариант вполне устраивал завоевателя Европы: наступала зима — время не самое подходящее для войны с русскими. И он разместил солдат на зимних квартирах.

А Беннигсен отнюдь не собирался отводить свою армию в Россию. Он продвигался на север, стремясь не допустить падения Кенигсберга, что неизбежно прервало бы всякое сообщение с Данцигом и сделало бы французов «повелителями побережья Балтийского моря до самого Мемеля»[97].

Новый главнокомандующий составил операционный план. В самом общем виде он заключался в следующем: по возможности скрытно войти в Старую Пруссию и заставить неприятеля отказаться от наступления на Кенигсберг; занять округ Нидригун с богатыми запасами фуража и продовольствия; разместить там армию на зимние квартиры; дождаться прибытия подкреплений из России и усилить гарнизон Данцига за счет корпуса генерала Лестока — остатков от королевских вооруженных сил после разгрома их под Йеной и Ауэрштедтом.

Русские отступали из Пултуска и Голимина через Нарев. Войска Беннигсена форсировали реку в Остроленке, а Буксгевдена переходили ее по мосту у Макова.

Отступление корпуса Буксгевдена прикрывал арьергард под командованием генерал-майора Ираклия Ивановича Маркова, в состав которого входила артиллерия полковника Ермолова. Войска в беспорядке теснились на длинном мосту, а французы уже выходили из ближайшего леса и, пользуясь надвигающейся темнотой, могли овладеть им и причинить немалый вред своим вчерашним обидчикам. С разрешения начальства Алексей Петрович послал команду и приказал ей зажечь два квартала Макова, прилегающих к переправе, чтобы осветить приближающегося неприятеля. Все попытки противника атаковать русских были отбиты залпами из сорока орудий.

Кто-то из высоких начальников пригрозил Ермолову наказанием за устроенный пожар. Алексей Петрович парировал:

— После хорошего обеда, на досуге, а особливо в двадцати верстах от опасности нетрудно щеголять великодушием[98].

Никто не оскорбился и не вызвал Ермолова на дуэль. Никто не воспользовался и властью, чтобы удалить его из армии.

4 января 1807 года русская армия, стоявшая в Бялу, двинулась по направлению на Иоганесбург и далее до Гейльсберга. В авангарде шли войска генерал-майоров И.И. Маркова, М.Б. Барклая-де-Толли и К.Ф. Багговута. Под началом каждого из них было до шести тысяч человек.

Полковник А.П. Ермолов командовал артиллерией авангарда.

Несколько дней Беннигсен вел свою армию на север, стремясь оградить Кенигсберг от угрозы нападения неприятеля. Никто не препятствовал его движению. Отряды Маркова, Барклая и Багговута столь надежно прикрыли движение основных сил, что французское командование даже через месяц после сражения при Пултуске так и не получило достаточно полного представления ни о численности войск противника, ни о его намерениях.

13 января под Морунгеном генерал-майор Марков втянулся в бой с маршалом Бернадотом, корпус которого по численности превосходил его отряд в три с половиной раза.

«Надобно заметить, — вспоминал много лет спустя А.П. Ермолов, — что по дислокации в сей день самые отдаленные от Морунгена войска находились в трех милях, и никто не пришел к нам на помощь»{99}.

В Главной квартире слышали канонаду. Туда приезжали один за другим офицеры из отряда генерал-майора Маркова. Однако никакого распоряжения не последовало. «Вероятно потому, что главнокомандующий не имел достоверных известий о неприятеле», — писал Ермолов, пытаясь оправдать Беннигсена{100}.

Лишь князь Дмитрий Владимирович Голицын, прибыв с дивизией на ночлег в Георгиенталь, послал несколько эскадронов под началом генерал-майора Петра Петровича Палена узнать, что происходит там, откуда доносилась канонада. Звуки боя вывели его на Морунген как раз в то время, когда французы, наступая на отряд Ираклия Ивановича Маркова, отдалились от города.

Граф Пален ворвался в Морунген, на квартире, отведенной для Бернадота, нашел готовый ужин, ожидавший победителя, весь гардероб маршала; захватил обоз с контрибуцией, собранной в городах Восточной Пруссии, и столь же стремительно удалился от французской конницы, посланной против него с поля боя.

Вечером отряд И.И. Маркова, уже покинутый командиром, вышел из боя. Немалую роль в спасении людей и артиллерии сыграли казаки полка В.А. Сысоева. Под Морунгеном арьергард имел большой урон, но начальник артиллерии А.П. Ермолов потерял всего одну пушку.

Из воспоминаний А.П. Ермолова:

«В Либштадте нашли мы генерал-майора Маркова, покойно

спящего после хорошего ужина, и с ним нескольких его спутников, которые все съели, ничего нам не оставя, как будто мы уже не должны были возвратиться. В утешение голодному оставалось любоваться пригожим станом и прелестными глазами жены [хозяина дома]. Но поскольку я был герой, совершивший ретираду, то и не был удостоен взгляда, который, как мне сказали, мог принадлежать победителю… Побежденные не налагают контрибуций!

Генерал Марков как человек весьма ловкий не показал удивления, видя нас возвратившимися, как будто мы только что исполнили его распоряжения…»{101}

Поздно ночью в командование авангардом вступил князь Багратион. Стоит ли говорить, что это назначение никого не удивило — любимец великого Суворова! Под его начало отошли отряды генерал-майоров Маркова, Барклая-де-Толли и Багговута.

Таким образом, Беннигсен упустил возможность разгромить под Морунгеном корпус Бернадота, действовавший отдельно от армии, что могло серьезно повлиять на дальнейший ход войны. Однако маршал не позволил втянуть себя в сражение. Выполняя приказ императора, он продолжал отступать, стремясь увлечь за собой неприятеля к Висле. Наполеон же в это время предполагал собрать свои войска у Алленштейна и нанести сокрушительный удар по отдельным частям растянувшейся колонны русских.

Нападение на армию Беннигсена намечалось на 22 января. Малейшая неосторожность могла обернуться для нее катастрофой. Спас русских лишь счастливый случай…

За двое суток до нападения французов казаки из авангарда Багратиона перехватили курьеров с приказами Наполеона своим маршалам. Князь Петр Иванович тут же переслал их главнокомандующему Беннигсену. Тот и другой развернули кипучую деятельность. Утром 22 января все русские войска стояли на месте и были готовы отразить нападение.

Неприятель был поражен внезапным появлением всей русской армии в окрестностях Алленштейна, ибо не ожидал, что она может так быстро собраться. Наполеон не решился атаковать ее. Но и Беннигсен не ринулся в бой. Оставив выгодную позицию у Янкова, он приказал отходить на Вольфсдорф и далее на Кенигсбергскую дорогу. Главнокомандующий оправдывал свое решение необходимостью сближения с базами снабжения. Надо сказать, что его войска испытывали большую нужду в продуктах питания…

Авангард князя Петра Ивановича стал арьергардом.

Утром 24 января французы напали на позицию русских под Вольфсдорфом. В течение всего дня отрядам арьергарда

пришлось отражать атаки двух самых больших корпусов маршалов Даву и Сульта. Артиллерия Ермолова «весь день была в ужасном огне». Если бы гусары не заменили перебитых лошадей лошадьми, отнятыми у неприятеля, он неизбежно потерял бы несколько орудий{102}.

25 января большая часть арьергарда спокойно дошла до Ландсберга и присоединилась к армии, стоявшей там в боевом порядке. И только отряд Барклая, отступавший по другой дороге, нес большие потери в единоборстве с несравненно более сильным противником.

Позиция в окрестностях Ландсберга была неудовлетворительной. Поэтому главнокомандующий Беннигсен в ночь на 26 января приказал отходить к Прёйсиш-Эйлау и готовиться к генеральному сражению.

Армия отступила к Прёйсиш-Эйлау. Вместе с ней ушел серьезно пострадавший отряд генерал-майора Барклая-де-Толли.

Пространство между Ландсбергом и Прёйсиш-Эйлау, покрытое довольно густым лесом, затрудняло действие конницы. Поэтому генерал-лейтенант Багратион отпустил всю кавалерию и часть артиллерии, оставив при себе полки линейной пехоты и егерей. С этими силами он до одиннадцати часов утра достаточно успешно сдерживал неприятеля. Но потом произошло нечто невероятное, о чем рассказал в своих воспоминаниях Ермолов:

«Дрались мы с умеренною потерею, но по дороге нашли разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркитанты оставили для облегчения своих повозок, спасая более дорогой товар. Невозможно было удержать людей, усталость которых и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того перепились, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка. Они останавливались толпами там, где не надо, шли вперед, когда нужно было поспешно отступать»{103}.

Неприятель, заметив замешательство в войсках русского арьергарда, стал действовать решительнее. В лесу не было тропинки, где бы он ни появлялся. *Для* защиты и эвакуации пьяных егерей пришлось употребить артиллерию и кавалерию. Все попытки отвести их назад не увенчались успехом.

Арьергард отступил к Прёйсиш-Эйлау. В подкрепление Багратиону главнокомандующий прислал несколько полков пехоты и кавалерии. Город то и дело переходил из рук в руки и, в конечном счете остался за французами. Полковник артиллерии Ермолов залпами картечи из сорока своих орудий не раз принуждал неприятеля к отступлению «с приметною потерею».

* * *

В ночь на 27 января русские войска расположились на позиции, представлявшей собой слегка всхолмленную равнину, покрытую снегом. Замерзшие на ней озера были удобны для действия пехоты и конницы, но опасны для артиллерии из-за непрочности льда. Температура воздуха не превышала четырех градусов. Погода стояла переменная: то метель закружит, то развиднеет так, что на версту все откроется; то вдруг подует северный ветер и снова понесет белые хлопья — французам в лицо, русским в спину.

Впрочем, сама по себе местность, избранная главнокомандующим для генерального сражения, не представляла русским каких-то особенных преимуществ, фланги позиции не прикрывались естественными преградами. И только в центре имелись небольшие высоты, на которых можно было устроить батареи как раз против выхода из города на Кенигсбергскую дорогу, относительно безопасную для отступления. Надо сказать, Беннигсен не исключал такого развития событий.

В день генерального сражения русский главнокомандующий располагал армией в семьдесят тысяч человек, сведенных в семь дивизий. Пять из них образовали первую и вторую линии обороны, а две были отправлены в резерв.

Правое крыло русских войск под командованием генерал-лейтенанта Николая Алексеевича Тучкова упиралось в деревню Шмодитен и на некотором расстоянии прикрывалось с фронта болотистым ручьем, хотя и замерзшим, но все-таки затруднявшим перемещение тяжелых французских пушек и действия кавалерии значительными силами. Устроенные здесь батареи насчитывали шестьдесят орудий. Из них двумя ротами конной артиллерии командовал полковник Алексей Петрович Ермолов.

Во главе войск центра русской позиции стоял генерал-лейтенант Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен. Он имел семьдесят орудий.

Войска левого крыла под началом генерал-лейтенанта Александра Ивановича Остермана-Толстого примыкали к деревне Серпален. За ними стояли сорок орудий.

Кроме того, в составе резерва главнокомандующего было шестьдесят орудий, расположенных сразу за второй линией обороны в пределах досягаемости французской артиллерии.

Всей артиллерией командовал генерал-майор Дмитрий Петрович Резвый.

Какими силами располагал Наполеон в день генерального

сражения? По французским данным, он имел семьдесят тысяч штыков и сабель, по немецким — от восьмидесяти до девяноста тысяч{104}. Беннигсен довел счет до ста тысяч{105}. Преувеличил, конечно. Невелика корысть побить слабого противника.

Едва забрезжил рассвет, как наполеоновская армия пришла в движение. Русские обрушили на неприятеля, готовившегося к атаке, огонь из мощных батарей правого фланга и центра, французы приняли вызов. Канонада продолжалась три часа…

Правый фланг позиции в течение почти всего дня практически не подвергался нападению французов, «ибо впереди простиралась обширная болотистая равнина, для действия неудобная». Однако она мешала не только неприятелю. Следствием такого выбора явилось то, что не менее двенадцати тысяч русских солдат оказались без дела. «И я, между прочим, — писал Ермолов, — простоял с двумя конно-артиллерийскими ротами до полудня, стреляя изредка и без нужды»{106}.

Нельзя сказать, что французы вообще не пытались атаковать русских на правом фланге. Однако серьезных военных действий здесь не происходило, хотя Л.Л. Беннигсен готовился к ним. Не случайно еще утром он вызвал сюда корпус прусского генерала А.В. Лестока и приказал ему «сколь можно ранее присоединиться к русской армии», что тот не выполнил{107}.

Лесток, усиленный Выборгским пехотным и двумя казачьими полками, шел по дороге на Альтгоф. По пятам за ним следовал маршал Ней, сдерживаемый небольшими отрядами генералов Плеца и Притвица.

Ней, приняв арьергард за весь прусский корпус, остановился. «Генерал-лейтенант Лесток из Альтгофа прошел через Шмодитен к нашему левому крылу на то место, которое я ему заранее уже предназначил», — писал Беннигсен{108}.

Лукавил главнокомандующий: первоначально он предписал Лестоку следовать на помощь войскам правого крыла, которым и без него практически нечего было делать. Не сумел Леонтий Леонтьевич Беннигсен правильно оценить свою позицию накануне сражения, а признаться в том не позволило безмерное честолюбие…

Самым слабым местом русской позиции Наполеон считал центр. Поэтому сразу после восьми часов утра он приказал маршалу Пьеру Ожеро выдвинуть его корпус из города, занять выгодное положение и ждать, пока неприятель обнаружит свои намерения на левом фланге. Генерал Дави де ля Пайетри Дюма, отец знаменитого романиста, поведал нам о том, как развивались события.

Как только войска тронулись с места, началась такая метель,

что ничего не было видно на расстоянии пятидесяти шагов. Ожеро сбился с дороги. Через три часа снегопад прекратился. Стало совсем светло. К удивлению обеих сторон, французский корпус оказался перед центральной батареей русских. Семьдесят орудий выплеснули на неприятеля град картечи, выбивая из колонн сотни солдат и всадников кавалерии. Сам маршал и его дивизионные генералы Дежарден и Геделе выбыли из сражения из-за ран.

Когда стих артиллерийский огонь, бросилась в атаку русская пехота. Пошли в ход штыки, приклады, банники. Груды тел покрыли высоты, господствовавшие над Кенигсбергской дорогой. Корпус Ожеро был опрокинут. От него остались жалкие «обломки».

Французы несколько раз бросались в атаку, но прорвать центр русской позиции не смогли. Потери же понесли огромные. Полковник Ермолов «ужаснулся, увидевши число тел на местах, где стояли наши линии», но еще более он «нашел их там, где были войска неприятеля».

Наполеон, потеряв уже много людей и видя бесплодность своих усилий прорвать центр русской позиции, бросил весь корпус Даву против войск левого крыла генерал-лейтенанта Остермана-Толстого. После упорного и кровопролитного боя они отступили от Саусгартена к Ауклаппену, куда отошла также и его резервная дивизия под командованием младшего Каменского.

Дежурный генерал Фок, видя опасность, нависшую над войсками Остермана-Толстого, взмахом руки отправил Ермолова с двумя ротами конной артиллерии с правого фланга на самый край левого, где неприятель, заняв высоты, устроил на них батареи и осыпал русских шквалом картечи и ядер.

Алексей Петрович, прибыв на место, отправил в тыл передки орудий и лошадей, в том числе и свою, а подчиненным заявил:

— Господа, об отступлении помышлять не должно. Нам остается одно — победить или умереть.

Ермолов начал обстрел французов, который продолжался около двух часов. Это позволило русским войскам, отступившим к Ауклаппену, построиться в боевой порядок, возвести три батареи и их огнем не только остановить неприятельские колонны, но и заставить одну из них отойти с большим уроном.

Часам к пяти вечера прусский корпус Лестока числом не более шести тысяч человек, отмахав несколько лишних миль, прибыл на левый фланг армии и сразу включился в бой, приняв на себя огонь французских батарей. Артиллеристы Ермолова почувствовали облегчение.

Выборгский пехотный полк ворвался в Кушитен. За ним

устремились другие войска Лестока. Девять французских линейных рот были истреблены почти полностью. Уцелевшие люди бежали. Казаки Платова и эскадроны прусской конницы, обойдя деревню слева, довершили разгром.

Очистив Кушитен, Лесток выстроил свой отряд впереди его, перед березовой рощей, занятой французами, обстрелял ее из тяжелых орудий, потом под звуки марша двинулся вперед, одновременно обходя неприятеля слева все теми же полками казаков и прусской конницы, которые гнали, рубили и кололи врага нещадно.

Даву, видя гибель своих солдат, бросил к роще дивизию генерала Фриана, которой из-за глубокого снега приходилось пробиваться по единственной дороге, проходившей мимо батарей Ермолова. Под прикрытием дыма от разрывов своих и неприятельских снарядов его артиллеристы переносили орудия на руках, неожиданно открывали огонь по неприятелю, не позволяя ему прорваться на помощь терпящим бедствие соратникам.

Корпус генерала Лестока, подкрепленный московскими драгунами и павлоградскими гусарами, бросился в решительную атаку на французов. Началось отступление неприятеля. Русские преследовали его до Саусгартена, недавно оставленного войсками Остермана-Толстого.

Опустившаяся на землю «очень темная» январская ночь прервала сражение, продолжавшееся двенадцать часов. Пылали окрестные селения, освещая утомленные бойней войска. Горели костры по всей линии фронта. К ним шли, ковыляли, ползли толпы раненых.

Из воспоминаний А.П. Ермолова:

«Главнокомандующий, желая видеть ближе действие генерала Лестока, находился на левом фланге, и удивлен был, нашедши от моих рот всех лошадей, все передки и ни одного орудия; узнав о причине, был чрезвычайно доволен»[{109}].

Удовлетворение Беннигсена вылилось в награждение Ермолова орденом Святого Владимира 3-й степени, хотя он был представлен к Святому Георгию 3-го класса. Его награду получил генерал-майор Кутайсов. Князь Багратион указал на допущенную ошибку. Главнокомандующий признал, что полковник артиллерии обижен, но ничего не сделал, чтобы ее исправить.

Знаменитый гусар-повеса, партизан-мемуарист Д.В. Давыдов, создавая поэтическую картину дня сражения, писал:

«Штык и сабля гуляли, роскошествовали и упивались досыта… То был широкий ураган смерти, все вдребезги ломавший и стиравший с лица земли все, что ни попадало под

его сокрушительное дыхание…»{110}

В результате того «урагана смерти» русские потеряли двенадцать тысяч убитыми и почти восемь тысяч ранеными{111}. В числе последних было семьдесят офицеров и девять генералов{112}.

Еще большие потери понесла французская армия: тридцать тысяч убитыми, двенадцать тысяч ранеными и девятьсот шестьдесят человек пленными{113}. Кроме того, Наполеон лишился восемнадцати генералов; шесть из них нашли вечный покой в земле Восточной Пруссии.

Беннигсен считал, что победу в сражении при Прёйсиш-Эйлау одержал он, главнокомандующий русской армией. И не без оснований: потери у него значительно меньше; противник, хотя и заставил его отступить на левом фланге, но ненадолго, всего на несколько часов, после чего ему удалось отвоевать оставленную позицию. Да и Наполеон поначалу не готов был отстаивать свой приоритет.

Вестником победы помчался в Петербург князь Петр Иванович Багратион. Командование арьергардом принял на себя атаман Матвей Иванович Платов.

Казалось, военное счастье отвернулось от Наполеона. Впервые за многие годы он не сумел одержать безоговорочной победы над противником. В два часа ночи император французов готов был вступить в переговоры с Россией и Пруссией. И даже выбрал место встречи с императором Александром и королем Фридрихом Вильгельмом — город Мемель.

Беспокойство Наполеона за исход кампании достигло предела. Он уже думает об отступлении за Вислу. Правда, якобы для отдыха «на спокойных зимних квартирах… в безопасности от казаков и партизанских отрядов»{114}.

Наполеон обдумывал этот план, пока не знал об отступлении союзников…

Русские войска двумя колоннами беспрепятственно отошли к Кенигсбергу. Их расположение перед городом прикрывали солдаты авангарда князя П.И. Багратиона и казаки атамана М.И. Платова.

Наполеон не перешел на правый берег Вислы, чтобы укрыться от назойливых казаков. Узнав об отступлении Беннигсена, он воспрял духом, остался на месте сражения, отказался от мысли о переговорах с Россией и Пруссией. Оценка итогов минувшего дня изменилась, о чем свидетельствуют строки из письма императора, отправленного в Париж вечером 28 января 1807 года:

«… Сражение при Эйлау будет, вероятно, иметь благоприятные результаты для решения здешних дел. Неприятель

в течение ночи в полном бегстве отступил отсюда на целый переход…»{115}

* * *

Только 6 февраля французская армия снялась с позиции при Прёйсиш-Эйлау и начала отступление на Ландсберг и далее за Пасаргу. Ее отход остался прикрывать сильный арьергард под командованием маршала Нея.

Отступление было трудным. Сильная оттепель сделала дороги почти непроходимыми, а в низинах на обширной равнине и вовсе непроходимыми, особенно для артиллерии. Уже в первый день пути от недостатка корма пало более пятидесяти лошадей. Многие повозки развалились или совершенно увязли в грязи, поэтому французы вынуждены были бросать ящики со снарядами и оставлять своих раненых на попечение неприятеля.

Артиллерия и обозы с провиантом и фуражом отстали. Армия не могла преследовать неприятеля: голодный солдат — плохой воин. Поэтому 10 февраля Беннигсен остановил свои дивизии на отдых. В то же время он приказал казакам продолжать тревожить французов, но соблюдать осторожность, ибо ни пехота, ни регулярная кавалерия не смогут поддержать их в случае необходимости.

Казаки тревожили неприятеля едва ли не каждый день. Бывало, и французы из арьергарда маршала Нея устраивали переполох в русском лагере.

Утром 15 февраля по армии разнесся слух: генерал-майор Федор Карлович Корф, стоявший с егерями в деревне Петерсвальд, несколько часов назад взят французами и увезен в неизвестном направлении. Из рапорта маршала Нея военному министру князю Невшательскому, перехваченного в тот же день, стало известно, что ответственность за свое пленение и потерю двухсот человек убитыми и ранеными барон возложил на Матвея Ивановича Платова, который якобы в ту ночь не выставил пикеты и не отправил в сторону противника казачьи разъезды. Главнокомандующий потребовал объяснений. Атаман ответил:

«…Пикеты и разъезды были впереди, и хорунжий Лютенсков двоекратно в ночь и третий раз на заре извещал его, генерал-майора Корфа, о приближении неприятеля, но, по-видимому, он не хотел принимать донесений, отчего и последовала такая опасность…»{116}

Трудно представить, что Платов не знал истинной причины пленения Корфа. Конечно, знал, как и служивший под его

началом артиллерийский полковник Ермолов и сам главнокомандующий Беннигсен. Оба оставили после себя «Записки», в которых есть строки, позволяющие восстановить общую картину того «весьма неприятного происшествия».

Вся команда Корфа расположилась на отдых на одном конце Петерсвальда, а сам он занял лучший дом священника на другом его конце и сразу же «принялся за пунш, обыкновенное свое упражнение», не позаботившись о безопасности. Казаки один за другим приезжали к нему, чтобы предупредить о приближении неприятеля. Предупреждение не дошло до сознания пьяного генерала{117}.

В этой части оба мемуариста расходятся лишь в деталях: Ермолов пишет, что казаки застали Корфа за употреблением пунша, а Беннигсен сообщает нам, что они нашли его уже в постели. Никакого противоречия в этом нет: сначала мог быть ужин с привычным напитком, а после него — здоровый солдатский сон на мягкой перине в доме сельского пастора.

«Несколько человек вольтижеров, выбранных французами, вошли в темную ночь через сад в дом, провожаемые хозяином, и схватили генерала, — продолжал Алексей Петрович. — Сделался в селении шум… произошла ничтожная перестрелка, и неприятель удалился с добычею…»{118}

«Небольшая перестрелка» произошла, по-видимому, у самого дома священника, а «на другом конце» Петерсвальда развернулся настоящий бой, описанный Беннигсеном с использованием рапортов частных начальников:

«Неприятель, поощренный таким началом (захватом русского генерала), прошел со значительными силами через деревню и напал на наших егерей, уже стоявших, однако, под ружьем, так как казаки успели предупредить их о приближении французов, покинув свои аванпосты. Вместо ожидаемого появления командира батальоны подверглись стремительному нападению противника. Отряд оборонялся с большою храбростью, но не мог устоять… и вынужден был отступить по дороге на Зекрен», где находилась значительная часть авангарда Платова{119}.

В этом ночном бою русские потеряли двести человек, в том числе двух офицеров и сорок три солдата убитыми{120}.

«Потеря неприятеля, конечно, была не менее значительна, — убежден Беннигсен, — если принять во внимание мужество и храбрость, с которыми оборонялся наш небольшой отряд»{121}. Вряд ли это могло утешить главнокомандующего.

Естественно, Наполеон не упустил возможность «представить в бюллетене выигранное сражение и взятого в плен корпусного начальника, а дабы придать более важности победе, превознесены

высокие качества и самое даже геройство барона Корфа, — иронизировал А.П. Ермолов. — Но усомниться можно, чтобы до другого дня могли знать французы, кого они в руках имели, ибо у господина генерала язык не обращался», то бишь не ворочался от перенасыщения организма пуншем{122}. А на ночной рубахе и кальсонах не бывает знаков отличия.

Беннигсен не только отверг обвинения Корфа в адрес казаков и атамана Платова, но и признал его поведение в плену «неслыханным».

После этого «весьма неприятного происшествия» установилось затишье. Войска обеих воюющих сторон бездействовали. Даже на аванпостах, находившихся на расстоянии пистолетного выстрела от неприятеля, было тихо. Между тем в армию вернулся Багратион и вступил в командование авангардом. Под началом атамана Платова остались лишь казачьи полки, которые Беннигсен бросил против поляков.

Французы испытывали неодолимое чувство голода. Ежедневно солдаты получали лишь половину нормы хлеба и продовольствия. Положение с фуражом было и того хуже. По признанию маршала Нея, в течение последнего месяца лошадей кормили только «мохом и гнилой соломой»{123}.

Впрочем, положение русской армии ничем не отличалось от положения французской: не хватало ни хлеба, ни соли, сухари выдавались совершенно гнилые и в малом количестве; солдаты употребляли в пищу воловьи шкуры, которыми совсем недавно покрывали шалаши, ели лошадей{124}.

Багратион поручил Ермолову донести о положении авангарда Беннигсену. Последовали строгие распоряжения главнокомандующего, но тем дело и кончилось, если не считать, что в связи с этим Алексей Петрович приобрел себе врага в лице дежурного генерала Александра Борисовича Фока, «весьма посредственные способности» которого не вызывали у него восхищения, «тогда как многие находили выгодным превозносить их»{125}.

Письмом от 9 марта 1807 года главнокомандующий Беннигсен обратился к императору Александру I с просьбой приехать в армию:

«Я полагаю, что прибытие Вашего Величества сильно побудит венский кабинет высказаться положительно о том, какой стороны он намерен держаться. Не подлежит сомнению, что если австрийцы примут немедленно участие в войне с французами, то Бонапарт со своею армией, лишенный всего необходимого, с множеством больных и раненых, без кавалерии и даже

артиллерийских лошадей, будет совершенно уничтожен и раздавлен…

Если Австрия не решится принять участие в этой войне, то, кажется, настает момент к заключению почетного и выгодного мира с Бонапартом…

Хочу еще присовокупить: продолжение войны с Францией я считаю опасным для России…»{126}

Похоже, Беннигсен уже готов отказаться от роли «спасителя России и всей Европы», отведенной ему Александром I, вдохновленным донесением главнокомандующего о победе его армии в сражении при Прёйсиш-Эйлау. Предчувствие грядущей беды не обмануло Леонтия Леонтьевича. Но об этом позднее…

Александр I приехал на театр военных действий с большой свитой. «Трудно передать впечатление, произведенное на армию прибытием государя императора. Его встречали радостными криками, столь же искренними, как и восторженными; повсюду слышались ликования и взаимные поздравления», — вспоминал Л.Л. Беннигсен{127}. Возможно, все так и было. Молодой, высокий, изящный, красивый, умный, образованный царь умел нравиться людям. Он блистательно играл роль «очарователя». Об этом писали многие современники, в том числе и Наполеон, сосланный им на остров Святой Елены.

8 апреля в подкрепление к русским пришла первая гвардейская дивизия во главе с великим князем Константином Павловичем, обещавшим главнокомандующему быть «примером повиновения». Он сразу навестил Багратиона, с которым со времени Итальянского и Швейцарского походов поддерживал дружеские отношения. Узнав о положении русского авангарда, цесаревич взял на себя заботу «об улучшении продовольствия» полков пехоты и кавалерии, подчиненных Петру Ивановичу. Правда, «первый транспорт с провиантом… был взят по дороге другими войсками, но всем прочим давал он свои конвои, и они доходили исправно; через некоторое время от недостатка мы перешли к изобилию», — писал Алексей Петрович Ермолов{128}.

Багратион представил Ермолова великому князю Константину Павловичу как инициативного и ответственного артиллериста. Случайное знакомство на дорогах войны на некоторое время переросло в дружбу, которая стала определять поступки Алексея Петровича в чрезвычайных жизненных обстоятельствах. Но речь об этом пойдет позднее.

Главная квартира государя была в Бартенштейне, а великого князя в Шипенбейле. Там «начались разводы и щегольство».

Конечно, Бартенштейн — не Петербург, но и здесь собралось вполне приличное общество. Из столицы приехало много дам.

Было весело. Пир следовал за пиром.

Но не пировать же приехал Александр Павлович в армию. Конечно, нет. Вдохновлять. 30 апреля государь решил устроить смотр войскам, стоявшим в районе Гейльсберга, куда Беннигсен приказал подтянуть ближайшие дивизии и надежно (на всякий случай, естественно) прикрыть фланги. Высочайший инспектор одобрил выбранную позицию и возведенные укрепления, выразил удовлетворение общим состоянием войск и настроением солдат, после чего вернулся в город, где провел ночь.

1 мая перед императором предстали полки авангарда. Как герои князя П.И. Багратиона готовились к царскому смотру, поведал нам начальник артиллерии передовых войск А.П. Ермолов:

«Перестроив единообразно шалаши, дали мы им опрятную наружность и лагерю вид стройности. Выбрав в полках людей не совсем голых, пополнили с других одежду и показали их под ружьем. Обнаженных спрятали в лесу и расположили на отдаленной высоте в виде аванпоста»{129}.

Александр I представил офицеров авангарда прусскому королю Фридриху Вильгельму и, подойдя к Алексею Петровичу, сказал:

— Начальник артиллерии авангарда полковник Ермолов. Скажу вам, брат мой, достойный офицер. Он и в прошлую кампанию служил усердно. Я им доволен.

Вспоминая позднее этот смотр, старый генерал писал:

«Я был вне себя от радости, ибо не был избалован в службе приветствиями. Король прусский дал орден “За достоинство” трем штаб-офицерам, в числе коих и я находился. Ордена сии были из первых, и еще не были унижены чрезвычайным размножением»{130}.

Вот и здесь не обошлось без ложки дегтя.

Войска авангарда его величеству понравились, а его величество понравился войскам авангарда. Никто не жаловался. Все были восхищены вниманием и благосклонностью государя. Как видно, Александр I действительно умел очаровывать.

День 1 мая оказался примечательным не только императорским смотром войск авангарда. Из оперативных данных выяснилось, что корпус Нея, стоявший в районе Гутштадта, находится в значительном отдалении от основных сил Наполеона. Александр I предложил атаковать его со стороны Лаунау и Бюргерсвальда. В то же время полкам Платова предписывалось «сделать фальшивое нападение на город Алленштейн», где размещался один из отрядов французского маршала.

Под покровом майской ночи скрытно от неприятеля в места сосредоточения были переброшены шесть дивизий и вся кавалерия левого и правого крыла русской армии. Солнечное утро и громадное численное преимущество над французами обещали верный успех.

Войска замерли в ожидании приказа к атаке…

При известной согласованности действий и решительности главнокомандующего Беннигсена этот замысел императора вполне мог быть осуществлен. Но, увы. Командиры шести русских дивизий и кавалерии левого и правого крыла так и не получили приказа к атаке»

— Государь, — обратился Беннигсен к императору, — сейчас я получил известие, что Наполеон со всеми силами на марше, уже близко, и надобно отменить атаку на Нея.

— Генерал, я вверил вам армию и не хочу вмешиваться в ваши распоряжения. Поступайте по усмотрению, — ответил Александр и поскакал в Бартенштейн{131}.

После отъезда императора Беннигсен приказал войскам возвращаться на прежние квартиры.

Сообщение о подходе Наполеона со всеми своими силами, если оно и было получено главнокомандующим, оказалось неосновательным. Думаю, Беннигсен просто не верил в успех предстоящего сражения. Иначе говоря, ис-пу-гал-ся. Не случайно день 1 мая вообще выпал из его воспоминаний о войне 1807 года, героем которой он считал себя до конца жизни.

* * *

Даже участники той войны не могли понять, почему Беннигсен, отказавшись атаковать арьергард Нея 1 мая, когда были все условия разгромить его, решил сделать это три недели спустя. За минувшее время русская армия никакими войсками не пополнилась, да и продовольственное снабжение ее не стало лучше. Зато Наполеон сумел усилить свою, перебросив на Пасаргу тридцать тысяч человек, принимавших участие в осаде Данцига, а также корпус Мортье из Померании и всю резервную кавалерию великого герцога Бергского из района Страсбурга{132}. На театре летней кампании он собрал сто семьдесят тысяч штыков и сабель{133}.

Русский главнокомандующий имел 117 тысяч солдат пехоты и кавалерии и восемь тысяч казаков{134}.

Генерал Беннигсен предполагал отрезать корпус маршала Нея, стоявший в районе Гутштадта далеко от основных сил

французской армии, расположенной на левом берегу Пасарги, и разгромить его одновременным ударом чуть ли не всех русских дивизий и казаков. Атака намечалась на утро 24 мая.

Ближе всех к противнику находился князь Петр Иванович Багратион. Силами своего авангарда он должен был атаковать корпус Нея в направлении из Лаунау на Альткирхен, но не так решительно, чтобы дать возможность другим войскам выйти на исходные позиции.

Успех операции во многом зависел от действий корпуса фабиана Вильгельмовича Остен-Сакена и конницы Федора Петровича Уварова, которым предписывалось выступить из Аренсдорфа и, направляясь к Вольфсдорфу, обойти неприятеля справа, чтобы отрезать ему путь отступления к реке Пасарге. В случае необходимости их могли подкрепить две пехотные дивизии и вся кавалерия левого крыла русской армии под общим командованием князя Дмитрия Владимировича Голицына.

Севернее Альткирхена, в районе Ломитена, к главным силам армии должны были присоединиться две дивизии Дмитрия Сергеевича Дохтурова. На них возлагалась задача напасть на передовые посты неприятеля, изгнать их за Пасаргу и не позволить корпусу Сульта явиться на помощь арьергарду Нея.

Генерал-лейтенант князь Алексей Иванович Горчаков, выполняя приказ главнокомандующего, должен был выступить из Зеебурга, форсировать Алле, атаковать войска маршала Нея с тыла или с правого фланга, затем взять Гутштадт, после чего действовать вместе с авангардом Петра Ивановича Багратиона.

Казакам Матвея Ивановича Платова, подкрепленным небольшим отрядом пехоты во главе с генерал-майором Богданом Федоровичем Кнорингом, предстояло действовать в тылу у неприятеля, чтобы прервать сообщение между корпусами маршалов Нея и Даву.

При известной согласованности действий и решительности всех главных начальников этот план был «обречен» на успех, а корпус маршала Нея — на разгром, если не на истребление. Однако…

Регулярные войска русской армии двинулись по предписанным маршрутам в три часа утра. Первым вступил в бой авангард Багратиона. Полковник Ермолов открыл артиллерийский огонь по врагу со стороны Альткирхена. По истечении времени, достаточного для подхода основных сил, князь Петр Иванович дал сигнал к атаке. Неприятель защищался долго и упорно.

План общей атаки на корпус Нея стал рушиться в самом начале операции. Багратион не получил «должного содействия от

генерала князя Горчакова», который, выступив из Зеебурга, задержался у переправы через реку Алле, а потом надолго увяз под стенами Гутштадта. Этот городок, «находясь уже позади наших войск, мог бы достаться нам, не требуя усилий целого корпуса». Однако Алексей Иванович решил, что «приобретение оного» зачтется ему «за великий подвиг», иронизировал Ермолов. Приди он несколько раньше, и неприятель потерял бы значительно больше{135}.

Генерал-лейтенант Остен-Сакен не пришел к Альткирхену в назначенное время. По армии поползли слухи, что Фабиан Вильгельмович, у которого не сложились отношения с Леонтием Леонтьевичем, просто решил лишить Беннигсена успеха в задуманном предприятии. «Многие чрезвычайно негодовали, — писал Алексей Петрович Ермолов, — что упущен благоприятнейший случай уничтожить целый неприятельский корпус»{136}. Уже в который раз!

Лишь Дмитрий Сергеевич Дохтуров в точности исполнил предписание главнокомандующего. Получив приказ атаковать передовые войска Сульта, расположенные на правом берегу Пасарги, он «нашел неприятеля в малых силах, но прикрытого твердыми засеками, и вступил с ним в перестрелку, употребляя батальон за батальоном». Солдаты лейб-гвардии егерского полка стремительным ударом в штыки вытеснили его из леса, прогнали за реку и на этом участке фронта прервали сообщение корпуса Нея с главными силами французской армии{137}.

Под натиском русского авангарда французский арьергард отступил к Кветцу. Будь здесь Остен-Сакен со своим корпусом, как предписал ему главнокомандующий, и Ней оказался бы между молотом и наковальней. Но Фабиан Вильгельмович не пришел в назначенное место. Впрочем, Багратион обошелся и без него.

25 мая Ермолов огнем артиллерии выбил французов из Квеца, а когда они вышли на открытое место, их атаковали гусары и егеря русского авангарда и заставили отступить в «ужаснейшем беспорядке». Ней потерял на берегу Пасарги много солдат убитыми, ранеными и пленными, весь обоз, несколько орудий, но большую часть своего арьергарда сумел вывести из-под удара и спасти. Наградой Алексею Петровичу за эти бои был орден Святого Георгия 3-го класса.

* * *

Отступив за Пасаргу, Ней расположил свои войска на

обширной равнине на левом берегу реки, куда Наполеон уже стягивал корпуса Бессьера, Даву, Ланна, Мортье, Сульта, Удино, резервную кавалерию Мюрата — без малого двести тысяч человек.

Русские войска после событий 24—25 мая занимали позицию на правом берегу Пасарги от Деппена до Гутштадта. Общая численность их по-прежнему не превышала ста двадцати пяти тысяч, поскольку резервы все еще не подошли.

Л.Л. Беннигсен, не сумев разбить корпус Нея у Гутштадта, решил еще раз помериться силами со всей армией Наполеона на заранее подготовленной позиции у Гейльсберга, куда и приказал отступать своим войскам. Прикрывать отход должен был арьергард князя П.И. Багратиона, подкрепленный казаками атамана М.И. Платова и частью регулярной кавалерии правого крыла под командованием генерал-адъютанта Ф.П. Уварова.

Наполеон, убедившись в том, что Беннигсен не собирается идти вперед, приказал наступать. На берегу Пасарги, в районе переправы французских войск, войска русского арьергарда в течение трех дней сдерживали натиск неприятеля, создавая условия для отступления основных сил армии.

Войска расположились на позиции перед Гейльсбергом. И только три дивизии и гвардия под общим командованием великого князя Константина Павловича и арьергард П.И. Багратиона перешли на правый берег Алле у Гутштадта, но часть его была отрезана от переправы численно превосходящими силами противника. На помощь соратникам прискакали лейб-казаки во главе с графом В.В. Орловым-Денисовым. Стремительно налетели они на фланг французской кавалерии, отбросили ее на своих терпящих бедствие товарищей и, поражая с двух сторон, погнали до подходившей пехоты, после чего отступили под прикрытием артиллерии полковника А.П. Ермолова.

Неприятель занял Гутштадт. Ермолов не прежде отошел от города, как «загорелся он в нескольких местах». Так отомстил он «негодным жителям» за их приверженность французам{138}.

В этот раз начальника артиллерии арьергарда никто не упрекнул даже в отсутствии великодушия.

29 мая предстояло сражение на позиции перед Гейльсбергом, которая представлялась Беннигсену «исключительно выгодной» для русских. Он и мысли не допускал, что Наполеон осмелится атаковать ее с фронта. Здесь было много естественных преград — оврагов и высот с возведенными на них «весьма сильными фортификационными сооружениями»: редутами, батареями и флешами. Кроме того, еще в марте были построены «два плавучих моста на лодках», позволявших поддерживать связь между

войсками, расположенными на обоих берегах реки Алле.

Выбор этой позиции Беннигсен мотивировал стремлением «обеспечить сообщение с рекою Прегель и иметь возможность защитить и прикрыть, насколько возможно, Кенигсберг»{139}. Иначе говоря, почти за три месяца до неизбежного сражения главнокомандующий больше думал о путях отступления, чем о развитии успеха. К этому побуждало его мнение о «чрезвычайной предприимчивости противника»{140}. Боялся Леонтий Леонтьевич Наполеона. Очень боялся. Оставалось надеяться на русских солдат. В них он все-таки верил, надо отдать ему должное.

Утром 29 мая князь Багратион, переправившись снова на левый берег Алле, встретил отряды Бороздина и Львова, отступавшие от Лаунау. Он остановил их и устроил в боевой порядок все свои войска. Усиление русского арьергарда заставило Мюрата прекратить наступление. В ожидании подхода корпуса Сульта он открыл канонаду из всех ста пятидесяти орудий. Ермолов принял вызов, ответив из сорока своих пушек.

Когда подошли все войска маршала Сульта, положение стало критическим. Французская кавалерия прорвала оборонительные линии арьергарда Багратиона, опрокинула русскую конницу, прогнала ее за селение Лангевизе и захватила несколько орудий Ермолова. На начальника артиллерии Ермолова бросились несколько кирасиров и едва не взяли его в плен. Спасла героя его быстроногая лошадь{141}.

Егеря Н.Н. Раевского, находившиеся в Аангевизе, остановили наступление неприятеля. К ним присоединилась только что бежавшая конница русского арьергарда. Общими усилиями они отбили орудия А.П. Ермолова.

Однако силы были неравными. Арьергард начал отступать. На место боя прискакал дежурный генерал-майор Фок и с негодованием спросил Багратиона:

— Как вы посмели, князь, отступать, не имея на то приказания, когда армия не успела еще расположиться на позиции?

Багратион не стал оправдываться. По рассказу Ермолова, он «повел его в самый пыл сражения, чтобы показать причину, понудившую к отступлению, и перед всеми приказал идти вперед. Не прошло и пяти минут, как генерал Фок получил тяжелую рану…

Главнокомандующий приказал отвести войска арьергарда за реку Алле. Ермолов прикрывал их отход картечью своих орудий. Великому князю Константину Павловичу показалось, что Алексей Петрович очень рискует, сдерживая своих канониров. Он послал к нему своего адъютанта, и тот сказал:

— Господин полковник, его высочество чрезвычайно обеспокоен, что вы не стреляете. Не слишком ли близко вы подпускаете колонну неприятеля к своим батареям?

— Передайте Константину Павловичу, что я буду стрелять, когда смогу отличить белокурых от черноволосых.

Великий князь видел опрокинутую неприятельскую колонну и оказал Ермолову «особенное благоволение»{142}.

Бой русского арьергарда с французским авангардом продолжался шесть часов, а на правом фланге, где дрались казаки, и того больше. Но главные события разворачивались все-таки на дороге из Лаунау к Гейльсбергу. Багратиону, подкрепленному двадцатью пятью эскадронами кавалерии Уварова, удалось освободиться от преследования и уйти на позицию, занятую армией. Вот что писал об итогах этого дня активный участник и герой этого противоборства Ермолов:

«Войска авангарда потеряли, конечно, не менее половины наличного числа людей; не было почти полка, который бы возвратился со своим начальником, мало осталось и штаб-офицеров»{143}.

К четырем часам пополудни все русские войска стояли на местах, предписанных диспозицией и последующими приказами главнокомандующего. Из французских готовы были вступить в сражение только корпуса маршалов Мюрата и Сульта; остальные находились еще в пути. Беннигсен получил возможность воспользоваться неожиданно сложившимся численным превосходством своей армии…

Французы начали сражение атакой на центр Гейльсбергской позиции, но она была отбита. Не увенчалось успехом и их наступление против русского правого фланга, где действовали казаки Платова. Наполеон остановил войска, ограничившись канонадой.

После десяти часов вечера, когда на поле сражения пришла одна из дивизий маршала Нея, Наполеон возобновил атаку в центре, но все его усилия оказались тщетными. Завалив подступы к русским редутам трупами своих солдат, он отступил за речку Спибах.

«Сражение под Гейльсбергом не было столь кровопролитным и не могло доставить таких же результатов, не иметь подобных последствий, как сражение при Прёйсиш-Эйлау и даже при Пултуске, — писал Л.Л. Беннигсен. — Тем не менее, оно было столь же блестяще, как по искусству, проявленному французами, так и по их численному превосходству… более, нежели в два раза»{144}.

Это сражение действительно было менее кровопролитным,

чем предыдущие. Но страшно даже представить его исход, если бы Наполеон имел двойное численное превосходство над русскими. Здесь Леонтий Леонтьевич явно хватил через край. А почему, увидим…

«Мы победили не наступательно, а оборонительно, но победили, — писал позднее Денис Васильевич Давыдов, — и, следственно, могли на другой день воспользоваться победой, атаковать неприятеля»{145}.

Однако «другой день» пока не наступил. Поэтому самое время ответить на вопрос: почему Беннигсен, имея несоизмеримое численное превосходство над Наполеоном, действовал нерешительно, всячески оттягивал начало сражения, поставив под угрозу истребления арьергард Багратиона, а потом ни разу не воспользовался успехами и не атаковал неприятеля?

Александр Иванович Михайловский-Данилевский считал, что причиной такого поведения главнокомандующего были припадки мучившей его «каменной болезни». В день генерального сражения (ни раньше и ни позже) Леонтий Леонтьевич «несколько раз» сходил с лошади, «прислонялся к дереву», падал «в продолжительный обморок», «отдавал приказания изнемогающим голосом»{146}.

Возможно, Леонтий Леонтьевич действительно носил камни в почках — все под Богом ходим. Но обострение болезни — от неуверенности и страха за исход сражения. Уж очень он боялся полководца Наполеона.

30 мая. После достаточно спокойной ночи наступил «другой день», когда следовало «воспользоваться победой, атаковать неприятеля». Но Беннигсен и не подумал об этом. Он готовился отразить нападение французов: усилил войска первой линии за счет резервов, а на их место поставил гвардию, переведенную на левый берег Алле.

В шесть часов утра армия стала в ружье. Но атака не последовала. Почему, неизвестно. За пеленой дождя невозможно было увидеть, что творится в войсках противника.

А в ту дождливую ночь к Наполеону пришли гвардия Бессьера и остальные дивизии корпуса Нея. Несмотря на это, он отказался от прежнего намерения выбить русских с Гейльсбергской позиции, решив сняться с места и двинуться к Ландсбергу и далее на Кенигсбергскую дорогу. Казалось, делал рискованный шаг. Однако император был уверен, что Беннигсен не отважится атаковать его с тыла. И не ошибся.

Отказ Наполеона продолжить сражение застал Беннигсена врасплох. Ради чего он три месяца возводил укрепления и зарывался в землю? Выходит, напрасно. Что предпринять? Не

будем мешать Леонтию Леонтьевичу, оставим его, пусть подумает и изберет лучший из вариантов…

За участие в боях на подступах к Гейльсбергу полковник Ермолов удостоился алмазных знаков Святой Анны 2-го класса.

Л.Л. Беннигсен сделал выбор. В ночь на 31 мая он переправил армию на правый берег реки Алле и повел ее в Бартенштейн, где предполагал провести день в надежде получить точные сведения о движении Наполеона. Его отступление прикрывали князь П.И. Багратион и атаман М.И. Платов.

Узнав об отступлении русских, Наполеон в ту же ночь послал вслед за ними драгунскую дивизию и две легкоконные бригады под общим командованием генерала В.Н. Латур-Мобура. Последующие события привели к избиению русских у Фридланда.

Под Фридландом русская армия потеряла пятнадцать тысяч человек{147}. Беннигсен в донесении на высочайшее имя от 4 июня сократил урон в людях до десяти тысяч{148}. Позднее, когда он оправдывался перед потомками, — еще в два раза, почти до пяти тысяч{149}.

По данным французских историков, Наполеон после сражения не досчитался четырех с половиной тысяч человек{150}.

Английский посол лорд Гутчисон доносил своему правительству:

«Мне не достает слов описать храбрость русских войск. Они победили бы, если бы только одно мужество могло доставить победу. Офицеры и солдаты исполнили свой долг самым благородным образом. В полной мере заслужили они и удивление каждого, кто видел Фридландское сражение»{151}.

Мужество предков в неудачном сражении может, конечно, вызвать чувства восхищения и гордости у потомков и через сто, и через двести лет. А каково было им пережить горечь поражения? Думаю, трудно — привычка к тому не выработалась. Целое столетие Россия не знала поражений. Ее военная история со времен Петра Великого отмечена одними триумфами. И вот посыпались удары: сначала Аустерлиц, а теперь Фридланд.

Прекрасная летняя ночь. Зарево пожарищ. И лунная гладь чужой реки. По ее правому берегу понуро плетутся солдаты во главе с якобы страдающим «каменной болезнью» полководцем. Об этом писали некоторые современники, например Алексей Петрович Ермолов, Александр Иванович Михайловский-Данилевский, пожалуй, другие тоже. И только Леонтий Леонтьевич, изведший горы бумаги на воспоминания, ни словом не обмолвился о своем застарелом недуге. Это — удивительно. Грешно сомневаться, но все-таки кажется, что причина его хвори в чем-то другом…

«Если уже судьба определила восторжествовать Наполеону под Фридландом, — писал немецкий свидетель этого сражения, — то зачем должна была там пострадать русская армия без всякой вины своей?»{152}

Если армия не виновата в поражении, то кто? Естественно, главнокомандующий, скованный страхом перед «чрезвычайной предприимчивостью» Наполеона. Впрочем, нельзя снимать ответственности и с военного министра, и с императора, которые не прислали до сих пор подкреплений. Без них Беннигсен вообще не считал возможным дать французам генеральное сражение, почему и избрал вариант с отступлением за Прегель.

Государь не мог продолжать войну. И ни один из его советников, кроме министра иностранных дел Андрея Яковлевича Будберга, не посмел возразить ему. Армия потеряла треть своего состава, сотни офицеров; генералы, особенно лучшие, излечивались от ран, а те, что остались в строю, в большинстве своем не имели ни боевого опыта, ни военных талантов. Наконец Александр осознал отсутствие способностей у главнокомандующего. Государь мучительно пытался понять, почему в столице сложилось столь высокое мнение о Беннигсене, в то время как здесь, в войсках, он не пользовался авторитетом; все считали его вялым и нерешительным. В самом деле, после каждого сражения «спаситель России и всей Европы» засыпал его величество победными реляциями, но тут же отступал вместо того, чтобы идти вперед.

— Нашими победами при Пултуске и Эйлау мы обязаны не Беннигсену и его мнимым талантам, а исключительно доблести русских солдат, — подвел итог своим грустным размышлениям император Александр Павлович в присутствии князя Алексея Борисовича Куракина{153}.

Перемирие было ратифицировано монархами 10 июня 1807 года. Через два дня состоялась знаменитая встреча Александра и Наполеона посреди Немана на плоту…

Несмотря на великий соблазн броситься в описание торжеств после катастрофы, я вынужден отказаться от этого, ибо полковник Ермолов в них не участвовал. 25 июня состоялось подписание Тильзитского договора «о мире и дружбе». Самым унизительным условием его было присоединение России к континентальной блокаде Англии.

«Этим миром царь опозорил себя, — писала в дневнике графиня Фосс, обер-гофмейстерина прусского королевского двора, — но больше всего в нем виноват великий князь…»{154}

Да, она очень мила. И в уме ей не откажешь. Но не стоит так безоговорочно с ней соглашаться. Действительно, великий князь

Константин Павлович еще до поражения под Фридландом убеждал венценосного брата вступить в переговоры с Наполеоном. Он находился в армии, видел ее состояние и неспособность противостоять «испытанным в боях и по-прежнему непобедимым французским войскам». Александр же судил об обстановке по донесениям главнокомандующего, который все одерживал победы, но после каждой отступал и всякий раз находил объяснение своей тактике. Поэтому государь держался до конца, продолжая войну. А прислушайся он к совету цесаревича, может статься, и мир был бы не столь унизительным.

В одном графиня права: мир был унизительным, и царь опозорил себя. Так считали и в самой России. Некоторые впечатлительные современники даже заливались слезами, ознакомившись с условиями Тильзитского договора, например П.Я. Чаадаев. А кто и когда считался с побежденными?

Виновником поражения был, конечно, Александр I. Прекрасную армию, явившую столь много доказательств своей храбрости, он вверил сначала пребывающему в маразме М.Ф. Каменскому, а потом непомерно честолюбивому и нерешительному Л.Л. Беннигсену, когда у него был М.И. Кутузов, несправедливо обвиненный им в поражении под Аустерлицем.

ПЯТЬ СКУЧНЫХ ЛЕТ

По пути в Россию Алексей Петрович остановился в Вильно, где навестил Беннигсена. Леонтий Леонтьевич принял его с прежней благосклонностью. Долго говорили о минувшей войне. Он мучительно переживал поражение и охлаждение к нему императора, искал и без труда находил оправдание своим неудачам.

— Разве так предполагал я начать летнюю кампанию в Пруссии? Мне обещали прислать подкрепление в тридцать тысяч штыков и сабель. Обманули. Потом уверяли, что получу непременно к первому числу мая, но и по день заключения мира не прибыло и одного человека. Посуди сам, голубчик, возможно ли было мне действовать наступательно?

Алексей Петрович согласно кивал головой. А генерал продолжал:

— Сразу после успеха под Прёйсиш-Эйлау я предлагал государю отправить к Наполеону известного ему человека, например Николая Федоровича Хитрово, якобы с предложением обменять пленных, а на самом деле — выяснить, что может склонить его к заключению выгодного для нас мира?

«Похоже, уже в начале войны не верил ты, Леонтий Леонтьевич, в успешное окончание ее, — думал Алексей Петрович. — Потому-то после победы при Прёйсиш-Эйлау отказался преследовать неприятеля и решил отступать к Кенигсбергу».

Из Вильно Ермолов отправился в Шклов, где нашел дивизию, к которой был приписан для продолжения службы. Там состоялась его встреча с Аракчеевым. Граф Алексей Андреевич, не скрывая своего нерасположения к полковнику Алексею Петровичу, довольно грубо сказал:

— Господин Ермолов, я ожидал вас для объяснений о недостатках еще в Витебске! Почему не приехали?

— Ваше сиятельство, неблагорасположение ко мне не должно препятствовать рассмотрению моих рапортов, — ответил Ермолов.

Алексей Петрович не скрывал своего намерения оставить службу. Аракчеев, несколько смягчив гнев, предложил ему взять отпуск для свидания с родственниками и приказал приехать в Петербург, чтобы познакомиться с артиллеристом поближе{155}.

Ермолов получил назначение в дивизию генерал-лейтенанта князя Аркадия Александровича Суворова с квартирой в Любаре, что на Волыни.

Он прибыл в Петербург, когда Аракчеев оставил должность инспектора артиллерии и занял кресло главы военного ведомства. Он встретил Алексея Петровича с видимым радушием и сам представил Александру I, предварительно настроив императора в пользу полковника. Государь пожаловал ему чин генерал-майора, назначил инспектором части конно-артиллерийских рот, расквартированных на юге России, и добавил к жалованью две тысячи рублей{156}.

Чем можно объяснить столь резкую перемену в отношении Аракчеева к Ермолову? Сам Алексей Петрович не оставил ответа на этот вопрос. Думаю, однако, граф не хотел лишиться умного, преданного службе офицера.

Ермолов умел нравиться. «Он всегда одинаков, всегда приятен, — писал А.С. Грибоедов, — и вот странность: даже тех, кого не уважает, умеет привлечь к себе…»{157}

Ермолов не уважал Аракчеева и все-таки сумел привлечь его к себе. Всесильный временщик, перед которым дрожала вся сановная Россия, чуть ли не умолял тридцатилетнего полковника, дабы он «всегда оставался ему хорошим приятелем». И он оставался, правда, своих отношений с одиозным Змеем Горыновичем, как называли друзья Алексея Петровича нового военного министра, не афишировал.

В новом звании и должности отправился Ермолов инспектировать конную артиллерию Молдавской армии. В Валахии встретился с генерал-лейтенантом Милорадовичем, участвовал в его ежедневных праздниках, устраеваемых для возлюбленной, жил весело, выслушивал рассказы Михаила Андреевича о его победах, в частности в сражении при Обилешти 27 декабря 1806 года, в результате которого был взят Бухарест:

— Я, узнавши о движении неприятеля, — откровенничал Милорадович, — пошел навстречу; по слухам, был он в числе шестнадцати тысяч человек; я написал в реляции, что разбил двенадцать тысяч, а в самом деле турок было не более четырех тысяч.

«Предприимчивость твоя делает тебе много чести», — подумал Ермолов, но ничего не сказал, ибо сам на такое не был способен{158}.

Посетив Бендеры и Одессу, Ермолов приехал в Крым. Обозревая «прелестный полуденный берег», Ермолов оказался в столице татарских ханов Бахчисарае, где наслушался рассказов местного полицмейстера, взявшего на себя роль гида.

Та часть ханского двора с разными домиками, в которых когда-то томились узницы гарема, представляла тогда печальную картину разрушения. Здесь же стояла шестигранная беседка. Из-

за ее зарешеченных окон жены и наложницы хана наблюдали за въездом чужеземных послов и смотрели на другие зрелища.

Над одним из фонтанов полицмейстер прочел надпись:

«Слава всемогущему Аллаху! Бахчисарай торжествует, утопая в *сияющей* благости лучезарного хана Кирим-Гирея. Жажда страны утолена его всещедрою рукою. Этот источник чистейшей струи также дробится здесь щедротами его…»

«Этот источник чистейшей струи» давно уже не действовал, ибо за четверть века, истекшие после отречения последнего хана, трубы засорились. Двор бывшего гарема пришел в запустение.

Только огромные покои ханского дворца, подготовленные когда-то для встречи Екатерины II, содержались в хорошем состоянии. Здесь было безмолвно, слышался лишь звук стекающих струй фонтанов.

Алексей Петрович побывал и во многих других городах и закончил свое путешествие по Крыму в Карасу-Базаре, где квартировала одна из артиллерийских рот его инспекции.

Из Крыма Ермолов уехал в Дубно, где находилась квартира резервного отряда, начальником которого назначил его государь. Там Алексей Петрович влюбился в «девицу прелестную», да так, что уже готов был жениться. Лишь «недостаток состояния с обеих сторон» помешал этому. Настоящей же его страстью была служба. Он понимал, что только она дает ему средства для «приятного существования».

«Итак, надо было превозмочь любовь!» И он «превозмог», хотя и «не без труда». Кстати, получил приказ о переводе в Киев, где прожил около двух лет. С тех пор к вопросу о женитьбе он никогда не возвращался{159}.

Алексей Петрович рвался в действующую Молдавскую армию князя Петра Ивановича Багратиона, а его вызвали в Петербург и назначили командиром гвардейской бригады с добавлением к годовому жалованью шести тысяч рублей. Оставшийся на месте полковник Лев Михайлович Яшвиль удостоился ордена Святой Анны первого класса, хотя вся ответственность за охрану западной границы в то время лежала на Ермолове. Его, однако, обошли, не изъявили даже благодарности. Объяснился с военным министром Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли. Тот «с важностью немецкого бургомистра весьма хладнокровно отвечал»:

— Это правда, упустил я службу вашу.

Обиженный Ермолов стал просить министра направить его бригадным командиром на Кавказскую линию, мотивируя это необходимостью лечиться минеральными водами. Проницательный Михаил Богданович сказал:

— Зная о благоволении к вам государя и будучи уверен, что он не согласится на это, вы хотите таким образом заставить меня дать вам награду.

Александр I действительно не согласился бы на перевод Алексея Петровича на Кавказскую линию, коль отказал инспектору артиллерии отправить его даже в кратковременную командировку в Прибалтику для осмотра тамошних оборонительных укреплений. Больше того, велел передать, что отныне все назначения Ермолова будет определять он сам.

При встрече с Ермоловым император поинтересовался, сообщили ли ему его повеление, и прибавил:

— Зачем отправлять тебя из Петербурга? Я помешал этому. Скоро и без Кавказа будет много работы{160}.

Тильзитский мир оказался непрочным. Англия отказалась от посредничества России в урегулировании ее отношений с Францией. Александр I вынужден был присоединиться к континентальной блокаде. Прекращение торговли с Великобританией отрицательно сказалось на экономике империи: вырос бюджетный дефицит, дело шло к финансовому краху. Все это вызвало недовольство и помещиков, и купцов. В Петербурге поговаривали о возможности очередного дворцового переворота.

Александр I пошел на нарушение условий континентальной системы, приняв в 1810 году новый таможенный тариф. Обострились противоречия и по вопросам международных отношений. Наполеон не скрывал своих намерений обеспечить за Францией господство над всем миром. И царь не отказался от мысли взять реванш за поражения под Аустерлицем и Фридландом.

Обе стороны открыто стали готовиться к войне. Она была неизбежной. Не исключалась даже возможность нанесения упреждающего удара.

В начале марта конная гвардия во главе с великим князем Константином Павловичем двинулась в Литовскую губернию. Через несколько дней Ермолов получил приказ вступить в командование всей гвардейской пехотой в составе шести полков и Морского экипажа и двинуться в том же направлении — на запад.

Глава третья.
1812 ГОД. ОТСТУПЛЕНИЕ

НАЧАЛО ВОЙНЫ

11 июня 1812 года во всех ротах и эскадронах армии вторжения, ожидавших наведения понтонных мостов через Неман, читалось воззвание Наполеона. Напомнив о победах французского оружия, обвинив Россию в отступлении от условий Тильзита, заявив о долге соотечественников перед союзниками, император пообещал солдатам славу и прочный мир. Они верили своему кумиру.

«Ах, отец, идут удивительные приготовления к войне, — писал один молодой француз домой. — Старые солдаты говорят, что они никогда не видели ничего подобного. Это правда, ибо собираются громадные силы. Мы не знаем только, против одной ли это России. Я хотел бы, чтобы мы дошли до самого конца света»{161}.

Он, этот восторженный юноша, не мог даже представить себе, что «конец света» находится не так далеко — между двумя русскими реками: Березиной и Москвой.

Первым должен был переправиться на русский берег у деревни Понемонь корпус маршала Луи Даву. К вечеру он подошел к реке и затих в приготовленных природой укрытиях. За ним двинулись войска Мишеля Нея, Шарля Удино, Этьена Нансути, Людовика Монбрена и императорская гвардия. Строжайше запрещалось разводить огни, нарушать тишину, чтобы дымом костров и шумом не привлечь внимание противника.

Остальные части перешли границу позднее, 18 июня: вице-король Италии Евгений Богарне форсировал Неман со своими войсками у селения Прены, а генерал Жером Бонапарт — у города Гродно.

Слева и справа действия этих группировок Великой армии обеспечивали два корпуса: прусский Жака Макдональда и австрийский Карла Шварценберга. Во втором эшелоне стояли в полной боевой готовности войска под командованием маршалов Клода Виктора и Пьера Ожеро, а также другие резервные части. Всего для броска на Россию Наполеон развернул 678 тысяч человек и 1372 орудия. Такой концентрации столь больших сил на направлении главного удара еще не знала кровавая история Европы{162}.

Главным содержанием стратегической концепции Наполеона было стремление навязать противнику генеральное сражение, чтобы мощным ударом своей армии уничтожить его живую силу и тем добиться победы в кампании или даже в войне в целом. Осуществление этой идеи приносило ему успех в прошлом. Он

верил в свою звезду и в неизбежном теперь столкновении с Россией.

— Я иду на Москву и в одно или два сражения все кончу. Император Александр на коленях будет просить у меня мира, — убеждал Наполеон Доменика Прадта накануне вторжения в Россию.

Этим силам завоевателя Европы Александр I смог противопоставить в начале войны три армии под командованием М.Б. Барклая-де-Толли, П.И. Багратиона и А.П. Тормасова, рассредоточенных на широком фронте вдоль западной границы, и отдельный корпус И.Н. Эртеля, дислоцированный под Ригой. Общая численность этих войск — 252 тысячи человек при 828 орудиях{163}.

* * *

В начале апреля Александр I, получив известие о концентрации сил противника у границы империи, оставил Петербург и через несколько дней прибыл в Вильно. Там «с надеждою на Всевышнего и на храбрость российских войск» он готовился отразить нападение коварного врага и… танцевал в окружении свиты блестящих генералов и божественно красивых дам.

«В тот самый день, в который Наполеоном был отдан приказ о переходе через русскую границу, Александр I проводил вечер на даче Беннигсена — на балу, даваемом генерал-адъютантами.

Был веселый, блестящий праздник; знатоки дела говорили, что редко собиралось в одном месте столько красавиц». Так, с документальной точностью, А.Н. Толстой воссоздал атмосферу, царившую в Главной квартире русской армии, когда военные действия могли начаться с минуты на минуту.

Ярким светом, разливающимся через распахнутые окна загородного дома Леонтия Леонтьевича Беннигсена, и чарующими звуками музыки встретил ночной Закрете курьера от графа Василия Васильевича Орлова-Денисова, прискакавшего с известием о начале войны. Его принял генерал Александр Дмитриевич Балашов, который и сообщил государю важную новость. «Это известие осталось тайной нескольких лиц, облеченных доверием царя, — вспоминал позднее очевидец “веселого, блестящего праздника” Сергей Григорьевич Волконский, — и танцы, и ужин продолжались».

Император покинул бал и уехал в Вильно. Там он вызвал к себе военного министра М.Б. Барклая-де-Толли, чтобы обсудить с

ним первые распоряжения, направленные на осуществление разработанного ранее плана военных действий.

* * *

После разговора с царем Барклай-де-Толли сообщил всем корпусным командирам подчиненной ему 1-й Западной армии, что неприятель переправился через Неман у Ковно, приказал им сосредоточиться у Свенцян, где предполагал дать противнику первое серьезное сражение.

Ночью государь подписал Манифест, в котором заверил подданных, что не положит оружия до тех пор, пока ни единого неприятельского солдата не останется на территории его царства.

Не спал в ту ночь и военный министр. Из-под его пера утром вышел первый после начала войны приказ по армии:

«Воины! Наконец приспело время знаменам вашим развеваться перед легионами врагов всеобщего спокойствия, приспело вам, предводимым самим монархом, твердо противостоять дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны.

Вас не нужно призывать к храбрости; вам не нужно напоминать о вере, о славе, о любви к государю и Отечеству своему: вы родились, вы возросли, и вы умрете с сими блистательными чертами отличия вашего от всех народов!»{164}

13 июня Александр I приказал генерал-адъютанту Александру Дмитриевичу Балашову немедленно отправляться к Наполеону с предложением начать переговоры о мирном решении конфликта. Непременным условием их успеха он считал отвод французских войск за Неман, что было нереально. Впрочем, император и не питал иллюзий на этот счет.

Встреча русского генерала с французским императором состоялась в Вильно, в том самом кабинете, из которого Балашов всего неделю назад вышел с письмом царя и покатил на запад. Александр Дмитриевич оставил воспоминания, в которых так возвысил себя любимого, что заставил многих усомниться в правдивости всего им написанного. Пожалуй, следует согласиться с тем, что он немало «присочинил». Но его мемуарами пользуются историки. Воспользуюсь и я, ибо других нет. К тому же в данном случае речь идет о характеристике, данной Барклаю самим Наполеоном.

Из воспоминаний А.Д. Балашова:

«Я не знаю Барклая-де-Толли, но, судя по началу кампании, должен полагать, что у него небольшие военные дарования.

Никогда ни одна из ваших войн не начиналась подобными беспорядками. *Доныне нет* определенности. Сколько магазинов вы уже сожгли, и для чего? Или их вовсе не надо было устраивать, или воспользоваться ими согласно с их назначением. Неужели вам не стыдно: со времен Петра Великого… никогда неприятель не вторгался в ваши пределы, а между тем я уже в Вильно. Я без боя овладел целой областью. Даже из уважения к вашему государю… вы должны были защищать ее»[165].

Не буду спорить с Наполеоном по вопросу о военных дарованиях Барклая-де-Толли. Пока военный министр их действительно не обнаружил. Михаил Богданович участвовал в войнах России с Францией в Пруссии и со Швецией в Финляндии. И в той и другой проявил хладнокровие и личную храбрость, но во время первой он был жестоко ранен, а большую часть второй простоял в резерве и проболел, однако удостоился ордена Святого Александра Невского и чина генерала от инфантерии.

Характеристика, данная Барклаю-де-Толли Наполеоном, интересна в другом отношении. В ней сквозит неприкрытая тревога, бесспорно, великого полководца, не сумевшего навязать русскому командованию генерального сражения. Были и иные причины для тревоги. Не случайно французский император обратил внимание Балашова на сожженные склады.

Прошла всего неделя со дня переправы французов через Неман, но противник уже испытывал серьезные трудности. Обозы отстали. «Авангард еще кормился, а остальная часть войск умирала от голода, — вспоминал Арман Коленкур. — В результате перенапряжения, лишений и очень холодных дождей по ночам погибло десять тысяч лошадей»[166]. Солдаты роптали, требуя отдыха. Учитывая это, Наполеон со временем приостановит изнурительную погоню за Барклаем-де-Толли и ограничится задачей окружения и уничтожения 2-й русской армии, в три раза меньше первой.

Так что какими бы дарованиями полководца ни обладал Барклай-де-Толли, а на начальном этапе войны он переиграл Наполеона, не позволил ему навязать русским генерального сражения в приграничной полосе.

М.Б. Барклай-де-Толли отказался от задуманного ранее генерального сражения и через два дня начал отводить свои войска к Дрисскому лагерю, который при подавляющем превосходстве сил противника мог оказаться «мышеловкой» для русских. Вот как оценил его А.Л. Беннигсен, посланный императором на рекогносцировку позиции, на которой генерал К.Л. Фуль планировал отстаивать свободу России:

«Более двух тысяч человек работало в течение шести месяцев

над этими укреплениями. Их называли вторым Гибралтаром. Поэтому не трудно представить себе мое изумление, когда я нашел тут самую плохую, самую невыгодную позицию, какую только можно было избрать для сражения, которое должно было решить участь кампании и, может быть, государства. Да и могло ли быть иначе, коль генерал Фуль нанес на плане, привезенном ему из Петербурга, укрепления по своей фантазии, никогда не видев самой позиции»{167}.

Несмотря на столь отрицательную оценку позиции, данную генералом Беннигсеном, которого поддержали принцы Георг и Август Ольденбургские и Людвиг Вольцоген, царь приказал отходить в Дрисский лагерь.

25 июня армия остановилась в Дрисском лагере. В тот же день Барклай-де-Толли написал Александру I:

«Я не понимаю, что мы будем делать с нашей армией в Дрисском укрепленном лагере. После столь торопливого отступления мы потеряли неприятеля совершенно из виду и, будучи заключены в этом лагере, будем вынуждены ожидать его со всех сторон»{168}.

Другие выражались еще определеннее, правда, в отсутствие государя. Особенно энергично возражал против того, чтобы давать здесь сражение, начальник штаба 1-й армии Ф.О. Паулуччи.

— Этот лагерь был выбран изменником или невеждой — выбирайте любое, ваше превосходительство, — с раздражением бросил Паулуччи, обращаясь к генералу Фулю, а полковник Бенкендорф, только что вернувшийся от Багратиона, донес до нас его «комплимент».

29 июня состоялся военный совет. Большинство его участников высказалось за оставление Дрисского лагеря. Император согласился с мнением генералов.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Начальником штаба 1-й Западной армии был Ф.О. Паулуччи, по определению злого на язык современника, «пошлый авантюрист, увешенный крестами, каждый из которых свидетельствовал об очередной содеянной им подлости». М.Б. Барклай-де-Толли обратился к царю с просьбой заменить его другим генералом. Его величество просьбу командующего уважил.

1 июля Александр I возложил обязанности начальника штаба 1-й Западной армии на Ермолова. Алексей Петрович попытался уклониться «от многотрудной сей должности», мотивируя свой отказ недостатком знаний и опыта, просил графа Аракчеева вступиться за него перед государем и предложить ему другую кандидатуру{169}.

Граф Алексей Андреевич с пониманием воспринял беспокойство молодого генерал-майора и предложил Александру I кандидатуру Николая Алексеевича Тучкова, но император отверг ее, а при встрече с Ермоловым спросил его:

— Кто из генералов, по вашему мнению, более способен исполнять должность начальника штаба?

— Первый встречный генерал, государь, конечно, не менее меня годен, — ответил Алексей Петрович.

Не желая продолжать этот разговор, Александр I приказал ему вступить в должность.

— Повинуюсь, государь. Если некоторое время я буду терпим в этом звании, то единственно по великодушию и милости ко мне вашего величества, — сказал Ермолов, — прошу, однако, не лишайте меня надежды вернуться к командованию гвардейской дивизией; считайте меня в командировке.

— Я обещаю вам это{170}.

Многие современники с удовлетворением встретили это назначение. Так, по утверждению Николая Николаевича Раевского, «все» были «этому рады», поскольку Ермолов «робких советов» командующему давать не станет{171}.

Другие же, например генерал-адъютант Петр Андреевич Шувалов, считали, что Ермолов, «несмотря на его рвение к службе… несмотря на выдающиеся таланты, не может противостоять злу при таком начальнике», как военный министр{172}.

А как сам Барклай-де-Толли отнесся к назначению Ермолова начальником штаба вверенной ему армии? Алексей Петрович на этот вопрос ответил так:

«Против воли Барклая дан я ему в начальники главного штаба: он не любил меня и делывал мне неприятности, [но] доволен был трудами моими и уважал службу мою»{173}.

Право же, было за что ценить и труды, и службу начальника штаба. Ермолов отличался поразительной работоспособностью, энергией, распорядительностью, умением быстро ориентироваться в постоянно меняющейся обстановке, держать в памяти данные о численности различных частей армии, четко формулировать распоряжения и приказы командующего, организовывать военную разведку и борьбу со шпионажем… Он участвовал в разработке тактических и стратегических планов 1-й Западной армии.

Надо сказать, что и Ермолов «делывал» Барклаю-де-Толли «неприятности». Это, однако, не помешало Алексею Петровичу много лет спустя дать Михаилу Богдановичу вполне объективную характеристику:

«Барклай-де-Толли, неловкий у двора, не располагал к себе людей близких к государю; холодностью обращения не снискал приязни равных, ни приверженности подчиненных. До возвышения в чинах имел он состояние весьма ограниченное, поэтому должен был смирять желания, стеснять потребности…

Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена не молода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя…

Свободное время он употреблял на полезные занятия, обогащая себя познаниями. Ума образованного, положительного, трудолюбив, заботлив о вверенном ему деле, тверд в намерениях, не подвержен страху, не чужд снисходительности, внимателен к трудам других. Словом, Барклай-де-Толли имеет недостатки, с большей частью людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие весьма немногих из знаменитейших наших генералов».

Однако вернемся в Дрисский лагерь, чтобы покинуть его.

4 июля армия оставила Дрисский лагерь и через три дня дошла до Полоцка, откуда Александр I уехал в Москву и далее в Петербург. Перед отъездом он зашел проститься с Барклаем-де-Толли. Адъютант командующего 1-й Западной армией майор Владимир Иванович Левенштерн писал позднее:

«Государь застал его за работою в конюшне, — ему было везде хорошо, лишь бы быть поближе к армии. Проведя с Барклаем около часа, император простился с ним, обнял его. Его величество был очень взволнован; я был в тот день дежурный и один присутствовал при этой сцене, которая глубоко растрогала

меня.

Сев в дорожную коляску, император обернулся еще раз и сказал Барклаю:

— Прощайте, генерал, еще раз; надеюсь, до свиданья. Поручаю вам свою армию; не забудьте, что у меня второй нет; эта мысль не должна покидать вас».

Она, эта мысль, и не покидала Барклая, заставляла думать о спасении армии и в связи с этим терпеть несправедливые обвинения соратников. Впрочем, не покидала она и начальника штаба Ермолова. Правда, его никто не упрекал в отступлении.

Уезжая, Александр Павлович не назначил главнокомандующего. Зато приставил к командующим людей, облеченных особым правом писать ему, когда сочтут это необходимым. Этим правом широко пользовались А.П. Ермолов, которого М.Б. Барклай-де-Толли считал своим недругом, и Э.Ф. Сен-При, откровенно шпионивший за П.И. Багратионом и доносивший о каждом его шаге царю. Кроме того, в армии остались многочисленные адъютанты императора и «другие не совсем благонадежные и совершенно бесполезные люди, осаждавшие главную квартиру», основным занятием которых, казалось, была интрига{174}. Все это создавало атмосферу подозрительности и лишало командующих необходимой самостоятельности. Каждый из них действовал с оглядкой на столицу, где находился государь.

Алексей Петрович писал царю донесения лишь «о чрезвычайных случаях», правда, некоторые из них очень смахивали на доносы. Но чего не сделаешь ради искренней любви к Отечеству.

Еще до отъезда Александра I в Петербург выявились разногласия между командующими армиями во взглядах на способы ведения войны. Пылкий П.И. Багратион был сторонником немедленных наступательных действий, тактики «искать и бить». Методичный и холодный М.Б. Барклай-де-Толли исповедовал осторожность, которую многие современники воспринимали как нерешительность, а то и трусость и даже измену. А он был геройски храбрым, беспредельно преданным России генералом, правда, с «немецкой» фамилией.

По мере отступления отношения между Багратионом и Барклаем-де-Толли принимали крайние формы. Характерно в этом смысле письмо князя начальнику главного штаба 1-й армии генерал-майору Ермолову, написанное сразу после блестящих побед арьергарда Платова в кавалерийских боях у Мира и Романова. Вот несколько строк из него:

«…Жаль Государя: я его как душу люблю, предан ему, но,

видно, он нас не любит. Почему позволил ретироваться из Свенцян в Дриссу? Бойтесь Бога, стыдитесь! Россию жалко! Войско их шапками закидало бы. Писал я, слезно просил: наступайте, а я помогу. Нет! Куда вы бежите?..

Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Он боится нас. Войско ропщет, и все недовольны. У вас зад был чист и фланги. Зачем побежали? Надо наступать… Мы проданы. Нас ведут на гибель, я не могу смотреть на это равнодушно. Уже истинно еле дышу от досады, огорчения и смущения. Я, ежели выдерусь отсюда, ни за что не останусь служить и командовать армией: стыдно носить мундир…

Что за дурак? Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать… Если бы он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноверцев-мошенников — никогда!..

Вообрази, братец: армию снабдил, словно деньги Государя экономил; дух непобедимый выгнал, мучился и рвался… все бить неприятеля; пригнали нас на границу, растыкали, как шашки, простояли там, рот разиня, обосрали все — и побежали!

Ох, жаль, больно жаль Россию! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не слуга. Выведу войска на Могилев, и баста! Признаюсь, мне все омерзело так, что с ума схожу»{175}.

В свою очередь царь и военный министр были недовольны действиями П.И. Багратиона. Они обвиняли его в том, что подчиненные ему войска не приближались, а удалялись от 1-й Западной армии. Военачальника, которого солдаты боготворили, как бесстрашного воина и мужественного полководца, упрекали в нерешительности и боязни сразиться с корпусом маршала Даву.

Кого из командующих поддерживал Ермолов: Барклая-де-Толли, помощником которого был, или Багратиона, с которым состоял в дружеских отношениях? Пожалуй, никого. На этом этапе войны он делал все возможное, чтобы примирить конфликтующих генералов и убедить императора в необходимости единоначалия. Но об этом в свое время…

Сразу после отъезда Александра I из Полоцка Ермолов предложил Барклаю-де-Толли план: переправить на левый берег Двины сильную группировку войск, следовать с нею до Орши, уничтожить расположенный там французский отряд, отвлечь на себя часть корпуса маршала Даву и тем способствовать соединению русских армий. «Все сие можно совершить, не подвергаясь ни малейшей опасности», — убеждал начальник штаба командующего. И тот не только согласился, но и распорядился. Однако не прошло и часа, как он изменил свое решение. Алексей Петрович был убежден, что повлиял на

Михаила Богдановича Людвиг Адольф Вольцоген, о котором речь еще впереди.

Это был как раз тот случай, о котором Алексей Петрович нашел необходимым сообщить императору Александру Павловичу…

Первая армия отходила к Витебску. Туда же спешил и Наполеон, не терявший надежды разгромить Барклая-де-Толли, чтобы затем нанести сокрушительный удар по приближающимся войскам Багратиона и тем закончить войну. Отношения между командующими приобрели крайние формы. Роптали солдаты и офицеры, недовольные отступлением. Исправить положение могло назначение главного начальника, но Александр I никак не мог найти подходящей кандидатуры.

В штабе Барклая-де-Толли, по-видимому, были убеждены, что соединение русских армий сдерживается не только объективными трудностями отступления войск Багратиона, но и сознательно. Во всяком случае, такой вывод напрашивается после чтения письма Ермолова к Александру I.

«Государь! — писал он 16 июля. — Необходим начальник обеих армий. Соединение их будет поспешнее и действия согласнее»{176}.

Чтобы успокоить войска и общество, М.Б. Барклай-де-Толли решил дать генеральное сражение у Витебска. Но оно не состоялось. А.П. Ермолов, осмотрев избранную позицию, «обратил внимание на множество недостатков, которые заключала она в себе», и посоветовал повременить до соединения с армией П.И. Багратиона. «Не без робости» начальника штаба поддержал Н.А. Тучков:

— Полагаю, нам необходимо дождаться ночи и отступить.

— Вы правы, генерал, — сказал начальник штаба, — только надобно быть уверенным, что Наполеон позволит нам дожить до вечера. В наших обстоятельствах необходимо выиграть время, чтобы не допустить преследования армии большими силами; промедление с отступлением для нас — смерти подобно.

Генерал-адъютант барон Федор Карлович Корф был явно сторонником отступления, однако в присутствии Михаила Богдановича Барклая-де-Толли не решался поддерживать нового начальника штаба. Он не искал случая «стяжать славу мерою опасностей, — писал Алексей Петрович. — Подобно мне и многим другим, душа его была доступна страху, и ей сражение не пища. Простительно чувство боязни, когда опасность угрожает общему благу. Я боялся непреклонности главнокомандующего, боялся и его согласия. Наконец он дал мне повеление на отступление. Пал жребий, и судьба похитила у неприятеля лавр

победы!»{177}

Отступление продолжалось.

«Хвала Барклаю, что после некоторого колебания решился он на спасительное отступление *от Витебска,* — писал будущий декабрист П.Х. Граббе, — *хвала* Ермолову, что способствовал тому доводами и убеждениями…»{178}

* * *

16 июля русские войска оставили позицию у Витебска. Вскоре пришло известие от Багратиона, что он практически беспрепятственно приближается к Смоленску и может вступить в город всего на сутки позже армии Барклая-де-Толли.

Барклаю-де-Толли очень не хотелось встречаться с Багратионом, и он готов был предоставить князю полную свободу действий на московском операционном направлении. Ермолов, понимая, в чем заключается причина нежелания Михаила Богдановича соединяться с Петром Ивановичем, горячо воспротивился этому.

— Ваше высокопревосходительство! Государь ожидает от соединения войск наших счастливого успеха и улучшения дел. К этому устремлены желания его величества, на это настроены умы солдат и общества, и это обещано им. Выходит, жертвы, понесенные Багратионом, были напрасны? Вы навсегда повергаете его в положение, из которого он вырвался сверх всякого ожидания. Ошибки вообще служат наставлением, свои собственные — учат. Неприятель, однажды обманутый, в другой раз обмануть себя не позволит. Он истребит слабую армию князя и вас отдалит от содействия с резервами.

Господин генерал! Вы не посмеете этого сделать. Вы соединитесь с князем Багратионом, составите общий план действий и тем исполните волю государя. Россия не будет иметь права упрекать вас, и вы успокоите ее насчет участи армий.

Барклай-де-Толли терпеливо выслушал пламенную тираду начальника штаба и сказал:

— Горячность ваша, господин Ермолов, от неумения обращаться с людьми. Это понятно. Удивляюсь я, как вы, дожив до тридцати пяти лет, не перестали быть Кандидом{179}.

Барклай-де-Толли шел к Смоленску через Поречье — первый старый русский город на пути отступления его армии. Многие жители, опасаясь прихода неприятеля, покинули город. Раньше пришли свои, они и предались грабежу оставленных домов и даже церквей. Ермолов арестовал пятнадцать человек. По приказу

командующего их повесили. Великий князь Константин Павлович не то в шутку, не то всерьез говорил Алексею Петровичу, с которым находился в приятельских отношениях:

— Я никогда не прощу вам, что у вас в армии в день именин моей матушки было повешено пятнадцать человек.

Об этом рассказывали Денису Васильевичу Давыдову сам Алексей Петрович и генерал-адъютант великого князя Дмитрий Дмитриевич Курута{180}.

Между тем 19 июля казачий корпус Платова соединился с армией Барклая-де-Толли. На следующий день в район их расположения под Смоленском стали подходить войска Багратиона.

Ученик Суворова Багратион умел поддерживать боевой дух в армии. Алексей Петрович вспоминал:

«По духу 2-й армии можно было думать, что оная пространство между Неманом и Днепром, не отступая, оставила, но прошла, торжествуя. Шум неумолкавшей музыки, крики неперестававших песен оживляли бодрость воинов; исчез вид претерпенных трудов, видна была гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых»{181}.

Солдаты М.Б. Барклая-де-Толли песен не пели. Они рассказывали анекдоты и каламбурили, обыгрывая фамилию своего командующего: «Болтай, да и Только». Но и его армия отступала, соблюдая «неподражаемый порядок», не зная, что такое «расплох и замешательство». По свидетельству участника ретирады и автора «Деяний российских полководцев» С.М. Ушакова, заслуга принадлежала начальнику штаба командующего А.П. Ермолову, «отличнейшие способности которого обнимали все, что только могло быть полезно и выгодно для… общего хода дел военных».

Соединение двух русских армий было большим успехом их командующих. Превосходство сил Наполеона заметно уменьшилось, и он не получил желаемого и выгодного для него на этом этапе войны генерального сражения.

В ЭПИЦЕНТРЕ КОНФЛИКТА

Торжество соединения не сгладило остроты противоречий между командующими. 21 июля М.Б. Барклай-де-Толли и П.И. Багратион встретились. Их сопровождали авторитетные русские генералы М.М. Бороздин, И.В. Васильчиков, М.С. Воронцов, И.Ф. Паскевич, М.И. Платов, Н.Н. Раевский, многие другие и представитель английских вооруженных сил сэр Роберт Вильсон. Последний оставил воспоминания, описав в них крайне неприятный эпизод…

Князь Багратион, отличаясь умом «тонким и гибким», по отзыву Ермолова, не проявил этих качеств в отношении к Барклаю.

— Ты немец, тебе все русские нипочем, — несправедливо обвинил распалившийся Багратион военного министра{182}.

Обычно тактичный Михаил Богданович долго терпел, щадя самолюбие авторитетного в армии и первого по времени производства в чин генерала Багратиона, но всему бывает предел. Он не выдержал и, по свидетельству Р.Т. Вильсона, ответил:

— А ты дурак, и сам не знаешь, почему называешь себя коренным русским, — ответил на это Барклай-де-Толли{183}.

Алексей Петрович Ермолов в беседе с Иваном Сергеевичем Жиркевичем, *дословно* повторив оскорбления обоих командующих, дополнил картину конфликта интересными деталями:

«Один раз в Гавриках я был в таком положении, что едва ли кто другой находился в подобном. Барклай сидел среди двора одного дома на бревнах, приготовленных для строительства. Багратион большими шагами расхаживал по двору. Они в буквальном смысле ругали один другого… Я же в это время, будучи начальником штаба… заботился только об одном, чтобы кто-нибудь не подслушал их разговора и потому стоял у ворот, отгоняя всех, кто близко подходил, говоря, что главнокомандующие очень заняты и совещаются между собою»{184}.

В такой обстановке рассчитывать на единство действий не приходилось. Военного министра порицали все: интриганы по свойствам характера и по положению в Главной квартире, боевые генералы и люди близкие к царской фамилии, а значит, и влиятельные при дворе; в солдатском строю за его спиной нередко раздавались смачные мужицкие ругательства.

Мудрая Клио давно разрешила этот исторический конфликт, устами А.С. Пушкина она в непревзойденной поэтической форме

оправдала М.Б. Барклая-де-Толли и поняла горячего и искреннего патриота П.И. Багратиона, в то время выражавшего общее мнение.

М.Б. Барклай-де-Толли — Александру I,

22 июля 1812 года:

«Отношения мои с князем Багратионом наилучшие. Я нашел в князе характер прямой и полный благороднейших чувств патриотизма. Я объяснился с ним относительно положения дел, и мы пришли к полному согласию в отношении мер, которые надлежит принять. Смею даже заранее сказать, что доброе единогласие установилось, и мы будем действовать вполне согласно»{185}.

Лукавил Михаил Богданович: только вчера один побывал в «немцах», а другой в «дураках». И не исключено, что дважды в один и тот же день.

А.П. Ермолов — Александру I,

после соединения Русских армий:

«Ваше Величество, мы вместе. Армии наши слабее неприятеля числом, но усердием, желанием сразиться, даже самим озлоблением, соделываемся не менее сильными…

Государь! Нужно *единоначалие*…

Государь! Ты мне прощаешь смелость в изречении правды!»{186}

Правда состояла не только в том, что между командующими продолжались распри, которые, конечно, мешали делу, но и в том, что даже в этих условиях Барклай-де-Толли умудрялся принимать решения, реализация которых в конечном счете приближала победу. Уже в первый день пребывания в Смоленске он обратился с воззванием к «верным соотечественникам» развернуть народную войну, «истреблять неприятеля мечом и пламенем»:

«…Оправдайте своими поступками мнение, которое имеет о вас целый свет. Да познают враги, на что народ наш способен. Не посрамите Земли Русской!

Любовь к Отечеству, ненависть к врагам и мщение будут единственным предметом наших движений»{187}.

По свидетельству современника, это воззвание военного министра «было читано по всей губернии по церквам… и по важности предмета имело сильное впечатление на умы жителей… Вскоре после обнародования такового приглашения поселяне уездов Смоленской и Московской губерний взялись за оружие добровольно и поражали с неустрашимостью многочисленные толпы неприятельские…»{188}

Ф.Н. Глинка, прочитав воззвание М.Б. Барклая-де-Толли, написал в «Письмах русского офицера»:

«Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в последней прокламации своей. Итак, народная война»{189}.

Некоторые историки Отечественной войны 1812 года считают М.Б. Барклая-де-Толли также и инициатором создания первого армейского партизанского отряда в составе трех казачьих и двух полков регулярной кавалерии под общим командованием генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде. 21 июля он отправил его на Петербургскую дорогу.

Есть, правда, сомнение: получил ли при этом отряд партизанское задание или был призван прикрывать Петербургское направление, как в свое время и корпус П.Х. Витгенштейна, выделенный из состава 1-й армии для прикрытия северной столицы.

Ни военный министр Барклай-де-Толли, ни князь Багратион, по мнению Ермолова, на роль главнокомандующего не годились: один был слишком осторожен и не имел авторитета в армии, другой — безрассудно отважен при наличии, однако, многих неоспоримых достоинств — усердие в защите Отечества, великодушие в поступках, склонность к принятию разумных предложений. «Но не весьма частые примеры добровольного подчинения» сводили к нулю эти достоинства{190}.

Обстановка в армии накалилась до предела, чему немало способствовал один случай, к которому оказались причастными казаки атамана Матвея Ивановича Платова…

25 июля состоялся военный совет, который почти единодушно высказался за наступление в направлении на Рудню, где предполагалось прорвать центр французской армии, разъединить ее на части и нанести каждой *из* них максимально ощутимый урон до того, как они успеют сосредоточиться. Впереди главных сил должны были идти казаки Платова. Еще можно было успеть кое-что сделать, хотя три дня уже были потеряны, но действия требовались энергичные и смелые. При всех достоинствах Барклая-де-Толли импровизация и благоразумный риск выпадали из сферы его военной практики. Он должен был несколько раз все взвесить, прежде чем на что-то решиться.

Из Витебска к Смоленску вели три дороги: одна — через Поречье, другая — через Рудню, третья — через город Красный. По какой из них пойдет неприятель? Вот вопрос, над которым мучительно думали генералы, принимая решение о переходе в наступление.

Багратион считал наиболее вероятным красненское направление, позволявшее Наполеону, совершив обход, отрезать

русским путь отступления на Москву, и не ошибся. Барклай-де-Толли, получивший неверные разведывательные данные о сосредоточении французов у Поречья, сделал вывод, что противник собирается обойти его правый фланг. Чтобы исключить эту опасность, он выдвинул туда свою 1-ю армию, а 2-ю отправил к селению Приказ-Выдра на Рудненскую дорогу, рассчитывая, что в случае необходимости она будет его подкреплять.

М.И. Платова забыли предупредить об этих перемещениях, и он продолжал идти по дороге на Рудню, но уже не впереди главных сил, как намечалось по диспозиции, а сам по себе, выдвинув в авангард бригаду генерал-майора В.Т. Денисова в составе двух казачьих полков. Результатом явилась впечатляющая победа донцов над дивизией О.Ф. Себастиани у Молева Болота. В этом бою неприятель потерял не менее половины личного состава.

В бою у Молева Болота казаки захватили документы, принадлежавшие генералу Себастиани, из которых стало ясно, что французскому командованию известен план наступления русских главных сил к Рудне. Осведомленность противника свидетельствовала о том, что он имеет шпиона в штабе 1-й Западной армии. Подозрения пали на Людвига Адольфа Вольцогена. Был ли он тайным осведомителем Наполеона, неизвестно, но Ермолов донес до нас содержание любопытного разговора, который состоялся у него тогда с Платовым.

— Мои казаки взяли в плен одного унтера, бывшего ординарцем при полковнике, — начал Матвей Иванович, — и тот сказал, что видел два дня сряду приезжавшего в польский лагерь под Смоленском нашего офицера в больших серебряных эполетах, который говорил о числе наших войск и весьма невыгодно отзывался о наших генералах.

Разговорились они «и о других, не совсем благонадежных и совершенно бесполезных людях, осаждавших Главную квартиру, и, между прочим, о флигель адъютанте полковнике Вольцогене, к которому замечена была особенная привязанность главнокомандующего». И Платов, находившийся «в веселом расположении ума», *посоветовал* Ермолову:

— Вот, брат, как надобно поступить. Дай мысль поручить Вольцогену обозрение неприятельской армии и направь его на меня, а там уж мое дело, как разлучить немцев. *Я* дам полков нику провожатых, которые так покажут ему французов, что в другой раз он их уже не увидит.

Платов рассмеялся, довольный, потом продолжил свой рассказ:

— Я, Алексей Петрович, знаю и других, достойных таких же почестей. Не мешало бы, к примеру, и князю Багратиону прислать ко мне господина Жамбара, служащего при графе Сен-При, в распоряжения которого он вмешивается.

— Что вы, Матвей Иванович, — в тон атаману сказал Ермолов, — есть такие чувствительные люди, которых может оскорбить подобная шутка, и филантропы сии, облекаясь наружностью человеколюбия и сострадания, выставляют себя защитниками прав человека.

В Вольцогене Барклай-де-Толли, кажется, не усомнился. Зато выслал из армии под наблюдение московского губернатора четырех других флигель-адъютантов императора.

Вслед за флигель адъютантами командующий 1-й армией очистил Главную квартиру от некоторых своих адъютантов, заподозренных им в силу каких-то причин в измене. Так, он выслал в Москву графа Лезера и барона Левенштерна, который формулировал негладкие мысли Барклая, плохо владевшего русским языком.

Факты, приведенные в «Записках Алексея Петровича Ермолова», как правило, не вызывают сомнений, а вот с их оценкой, его характеристиками отдельных генералов не всегда и не во всем можно согласиться, хотя надо отдать должное его наблюдательности, умению все-таки постигнуть психологию сослуживца. В целом, высоко оценивая Барклая-де-Толли как человека «ума образованного, положительного, терпеливого в трудах», то есть работоспособного, равнодушного к опасности, не подверженного страху и так далее, он в то же время считал его «нетвердым в намерениях», «робким в ответственности», «боязливым перед государем», с чем никак не согласуются многие поступки Михаила Богдановича.

По мнению М.А. Фонвизина, характерной чертой военного министра была независимость{191}. М.Б. Барклай-де-Толли не остановился даже перед удалением из армии великого князя Константина Павловича, который без тени смущения обвинял его перед солдатами чуть ли не в предательстве. Но об этом речь еще впереди…

Соединенная русская армия остановилась близ Смоленска. Свои чувства, вызванные возвращением в город детства и первых лет военной службы, Алексей Петрович описал в воспоминаниях:

«Итак, в Смоленске, там, где в ребячестве жил я с моими родными, где служил в молодости моей, имел многих знакомых между дворянством, приветливым и гостеприимным. Теперь я в летах, прошло время пылкой молодости, если не по собственному убеждению, то, по мнению многих, человек довольно порядочный

и занимаю в армии видное место. Удивительные и для меня едва ли постижимые перевороты!»

А где были и что делали в это время Багратион и Барклай?

Багратион с самого начала усомнился в достоверности известий о сосредоточении войск Наполеона у Поречья и пытался убедить Барклая продолжать движение на Рудню, но безуспешно. Под предлогом недостатка питьевой воды в районе деревни Приказ-Выдра он отвел 2-ю армию ближе к Смоленску, поскольку его серьезно беспокоила возможность наступления французов по Красненской дороге, чтобы обойти русских с юга, захватить этот важный стратегический пункт и отрезать их от Москвы.

1-я Западная армия простояла еще трое суток на одном месте. Когда выяснилось, что в Поречье никого нет, Барклай-де-Толли снова двинул свои войска к Рудне. На эти бесплодные ночные передвижения с дороги на дорогу было израсходовано слишком много сил и времени, чтобы думать о наступлении. Наполеон уже успел сконцентрировать для удара на Смоленск пять пехотных и три кавалерийских корпуса да еще гвардию, создав группировку общей численностью в 185 тысяч человек.

Успех атамана Платова в бою под Смоленском еще более усилил недовольство нерешительностью Барклая-де-Толли. Выразителем этого недовольства по-прежнему оставался Багратион.

П.И. Багратион — А.А. Аракчееву,

29 июля 1812 года:

«…Воля Государя моего! Я никак вместе с министром не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя бы полком командовать, в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу. Вся Главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку нет… Я думал, истинно служу Государю и Отечеству, а на поверку выходит, что служу Барклаю. Признаюсь, не хочу»{192}.

Недовольство Багратиона беспорядочным командованием Барклая-де-Толли русскими армиями после соединения их у Смоленска с искренней заботой о судьбе Отечества умело подогревал генерал-майор Ермолов.

А.П. Ермолов — ИМ. Багратиону,

1 августа 1812 года:

«…Пишите, Ваше Сиятельство, Бога ради, ради Отечества, пишите Государю. Вы исполните обязанность Вашу по отношению к нему, Вы себя оправдаете перед Россиею. Я молод, мне не станут верить. Я не боюсь и от Вас не скрою, что писал, но молчание, слишком продолжающееся, есть уже доказательство, что мнение мое почитается мнением молодого человека… Так,

достойнейший начальник! Вы будете виноваты, если не хотите как человек, усматривающий худое дел состояние, разумеющий тягость ответственности, взять на себя командование армией… Уступите другому, но согласитесь на то тогда только, когда будет назначен человек по обстоятельствам приличный. Пишите, Ваше Сиятельство, или молчание Ваше будет обвинять Вас»{193}.

Александр I пока не видел среди своих военачальников «человека приличного по обстоятельствам», которого можно было бы назначить главнокомандующим. О Михаиле Илларионовиче Кутузове после аустерлицкого погрома он даже не вспоминал.

В бою под Смоленском отличилась дивизия генерала Д.П. Неверовского. «Каждый штык ее, — восхищался Д.В. Давыдов, — горел лучом бессмертия!»{194}На следующий день на помощь ему подоспел корпус Н.Н. Раевского. Русские отступили за стены крепости и решили защищать город до подхода главных сил П.И. Багратиона.

Рано утром 4 августа Н.Н. Раевский получил от П.И. Багратиона записку: «Друг мой, я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы соединиться с тобою. Держись, Бог тебе помощник!»{195}

Князь П.И. Багратион не пришел на помощь другу. М.Б. Барклай-де-Толли отправил его армию на Московскую дорогу, чтобы не позволить Наполеону обойти левый фланг русских. Он вывел из города солдат Н.Н. Раевского, оставил в нем уцелевших героев Д.П. Неверовского, подкрепив их корпусом Д.С. Дохтурова и дивизиями П.П. Коновницына и принца Е.А. Вюртембергского. Два дня они отражали исступленные атаки французов.

Общий штурм крепости не имел успеха. Наполеон приказал начать обстрел города из 300 орудий. Все, что могло гореть, запылало. Наступившая ночь прекратила сражение, не давшее неприятелю ни малейшего преимущества.

«Этот огромный костер церквей и домов был поразителен, — писал Павел Христофорович Граббе. — Все в безмолвии не могли отвести от него глаз. Сквозь закрытые веки проникал блеск ослепительного пожара. Скоро нам предстояло увидеть позорище гораздо обширнее этого. Но это было вблизи, почти у ног наших, а то отразилось на небе в зареве необозримом»{196}.

Зрелище московского пожара действительно будет значительно обширнее смоленского. Но рассказ о нем еще впереди.

6 августа русские войска оставили Смоленск. Но прежде чем они вышли из города, Алексей Петрович приказал вынести из храма образ Смоленской Божией Матери, чтобы спасти его от надругательств неприятеля. Был отслужен молебен, который

произвел на войска «полезное действие»{197}.

Икона эта пройдет с армией путь от Смоленска до Москвы и вернется в свой храм ровно через три месяца.

Из воспоминаний А.П. Ермолова:

«Разрушение Смоленска познакомило меня с совершенно новым чувством, которого войны, ведущиеся за пределами Отечества, не вызывают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов… В первый раз в жизни коснулся ушей моих стон соотчичей, в первый раз раскрылись глаза на ужас бедственного их положения. Великодушие почитаю я даром Божества, но едва ли я дал бы *ему* место прежде отмщения»{198}.

7 августа 1812 года Алексей Петрович Ермолов был представлен к производству в чин генерал-лейтенанта. Однако до получения аттестата было еще далеко.

Со сдачей города, считавшегося ключом от Москвы, авторитет Барклая-де-Толли приблизился к нулю.

П.И. Багратион — А.А. Аракчееву,

7 августа 1812 года:

«…Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества… Я не виноват, что он нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет совершенно и ругает его насмерть»{199}.

Терялось уважение к военному министру и в обществе. Вот, к примеру, как судили о военачальнике тамбовские женщины. «Не можешь вообразить, — писала одна из них, обращаясь к своему адресату, — как все и везде презирают Барклая»{200}.

Багратион не выбирал выражений: «подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию». Это в письмах к ближайшим сотрудникам царя. Перед подчиненными Петр Иванович старался сдерживаться.

Других же ничто не смущало. Великий князь Константин Павлович, которого когда-то отчитал А.В. Суворов за неуважительное отношение к генералу А.Г. Розенбергу, забыл урок великого полководца. Однажды, подъехав к фронту солдат, он позволил себе сказать:

— Что делать, друзья! Мы не виноваты. Не русская кровь течет в том, кто нами командует!

Можно подумать, что в нем, великом князе Константине Павловиче, текла русская кровь. Или в других генералах? Да почти все они, за редким исключением, за минувшие столетия по необходимости стали православными, но кровосмешение допускали. Не опасаясь кары небесной, женились на двоюродных

сестрах. И не только ради предотвращения дробления имений — по известной национальной традиции. Поэтому едва ли не все герои войны 1812 года были связаны той или иной степенью родства. Но как воевали за Отечество! Какие подвиги совершали!

Терпение Михаила Богдановича лопнуло. Вручив Константину Павловичу депеши на имя императора, он приказал ему отправляться в Петербург.

— Я не фельдъегерь! — закричал великий князь. Барклай настаивал. Присутствующие при этом генералы,

испытывая неловкость, вышли. В помещении остались только адъютанты великого князя и командующего. Константин Павлович разразился бранью:

— Немец… изменник, подлец, ты предаешь Россию! {201}«Длительное отступление, трудные переходы, ухудшение

снабжения вызывают недовольство людей, приводят к падению авторитета начальства, — рассуждал Алексей Петрович, осмысливая события минувших дней. — Соединение армий ободрило войска, этим следовало воспользоваться; Москва *уже* близко — драться надобно; конечно, с падением столицы не все возможности государства разрушаются, но сила духа неизбежно будет подорвана»{202}.

10 августа у начальника штаба 1-й армии впервые и, может быть, у *самого первого* из военачальников, возникла мысль о возможной сдаче врагу древней русской столицы. Он подсел к столу, чтобы хоть как-то успокоить государя, еще раз попытаться убедить его в необходимости назначения нового главнокомандующего:

«…*Не всё Москва в себе заключает,* у нас есть средства неисчерпаемые, есть возможности всё обратить на гибель врагов Отечества нашего, завидующих могуществу и славе нашего народа…

Я люблю Отечество мое… люблю правду, и поэтому обязан сказать, что дарованиям главнокомандующего здешней армией мало кто завидует, еще менее имеют к нему доверенность, — войска же и совсем не имеют»{203}.

За короткое время Ермолов написал четыре таких письма Александру I. Ни на одно из них он не получил ответа. Однако не исключено, что в конечном счете начальник штаба 1-й армии вместе с другими русскими людьми, обеспокоенными судьбой России, заставил императора вспомнить Кутузова и назначить его главнокомандующим.

Конечно, Барклай-де-Толли допускал ошибки. В частности, под Смоленском, имея возможность нанести хотя бы частичное поражение противнику, пока тот не успел еще сосредоточиться,

он потерял немало времени сразу после соединения русских армий и потом, когда переводил свои войска с Рудненской дороги на Пореченскую и обратно.

Но отступление от города в конечном-то счете еще современники признали правильным, правда, уже после того, как улеглись страсти, в том *числе* и Ермолов. Но об этом позднее…

Какая несправедливость! Полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный», как характеризовал его адъютант Ермолова Фонвизин, человек, беззаветно служивший родине, и, быть может, спасший ее «искусным отступлением», больше других заботившийся о нуждах солдат, не только не был любим ими, но и постоянно обвинялся Бог весть в каких грехах{204}.

Кто виноват в этой вопиющей неблагодарности? Дикость черни, на которую указывал Пушкин, или те, кто сознательно или бессознательно внушал ей нелюбовь к спасавшему народ вождю?

Главным виновником создавшейся обстановки, конечно, был Александр I, который слишком долго не мог преодолеть честолюбивого желания лично руководить боевыми действиями. Лишь 8 августа он назначил главнокомандующим всеми российскими армиями генерала Михаила Илларионовича Кутузова. Кандидатуру великого полководца настойчиво отстаивала перед царем Москва.

ОТ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА

От Смоленска отступали тремя колоннами. Солдаты очень приуныли. Шли, повесив головы. Каждый думал: что-то будет?

7 августа у Валутиной Горы, что за речкой Колодней, отряд П.А. Тучкова силами около трех тысяч человек, половину из которых составляли донские казаки А.А. Карпова, и одной роты конной артиллерии должен был остановить два пехотных и два кавалерийских корпуса противника, чтобы дать возможность войскам 1-й и 2-й армий, отступавших от Смоленска разными дорогами, сойтись на Лубинском перекрестке и продолжить движение к Соловьевой переправе через Днепр.

Из этого боя русские вышли с честью. Подробную реляцию о нем, написанную А.П. Ермоловым, М.Б. Барклай-де-Толли приказал представить на имя его светлости князя М.И. Кутузова, который со дня на день должен был прибыть в армию. Воспоминания о событиях этого дня доставляли нашему герою в старости «особенное чувство удовольствия», поскольку командующий армией оказал ему тогда «высокую степень доверенности и большую часть успеха» отнёс на его счёт{205}.

К полудню неприятель показался перед позицией русского авангарда, который к этому времени получил в подкрепление свыше двух тысяч гренадеров под командованием полковника П.Ф. Желтухина и шесть орудий. Продержавшись с этими силами у Валутиной Горы часа три, П.А. Тучков отступил за реку Страгань, где уже должен был стоять до последнего, чтобы решить поставленную перед ним задачу. О том, насколько большое значение придавал М.Б. Барклай-де-Толли удержанию этой позиции, можно судить по воспоминаниям его адъютанта полковника В.И. Левенштерна. Вот о чем поведал он много лет спустя.

Отступив за речку Страгань, П.А. Тучков лично доложил командующему, что больше не в состоянии противиться неприятелю, напиравшему на его отряд силами четырех корпусов. И услышал в ответ:

— Генерал, возвращайтесь к своим солдатам и умрите вместе с ними, защищая отечество; если вы еще придете сюда, я прикажу вас расстрелять{206}.

Павел Алексеевич был способен положить свою жизнь на алтарь отечества. А вот задержать неприятеля теми силами, какими располагал в тот момент, едва ли. Понимая это, начальник штаба 1-й армии А.П. Ермолов срочно направил ему на помощь первый кавалерийский корпус графа Ф.П. Уварова, в

состав которого входил и лейб-гвардии казачий полк генерал-адъютанта В.В. Орлова-Денисова. Кроме того, ему были подчинены четыре гусарских полка, правда, один неполный из отряда Ф.К. Корфа, с шестью батарейными орудиями. Теперь численность авангарда достигла десяти тысяч человек, с которыми П.А. Тучков и вступил в бой против тридцати пяти тысяч отборных французских войск Нея, Мюрата и Жюно.

Бой начался в центре русской позиции. Французы несколько раз бросались в атаку, но, поражаемые шквалом картечи и пуль, отступили с большими потерями. В это время к месту сражения прибыл М.Б. Барклай-де-Толли. Убедившись в слабости отряда П.А. Тучкова, он спешно перебросил в район деревни Лубино третий пехотный корпус П.П. Коновницына. Численность авангарда 1-й армии возросла до пятнадцати тысяч штыков и сабель.

Отказавшись от бесплодных попыток прорвать оборону пехотных батальонов П.А. Тучкова в центре, французы обратили свои силы против левого фланга авангарда, где развернулась русская конница. Но прежде чем они двинулись в атаку, граф В.В. Орлов-Денисов успел принять кое-какие меры. Большую часть кавалерийского корпуса и конную артиллерию он оставил в кустарнике за болотом, а с лейб-казаками помчался к стоявшим перед ним у дороги гусарским и донским полкам.

Сам командир понимал: в случае поражения отступать некуда. Важно было убедить в этом подчиненных. Поэтому он отправил представителей всех гусарских эскадронов и казачьих сотен на рекогносцировку местности. Они скоро вернулись и доложили:

— Ваше сиятельство! Путей отхода нет: впереди — неприятель, позади — непролазная топь

— Значит, для нас остается одно из двух: либо победить врага, либо умереть с честью, — говорил граф, объезжая войска.

Лейб-казаков и гусар В.В. Орлов-Денисов построил в четыре линии перед болотистым ручьем, примкнув их правым крылом к пригорку, на котором устроил батарею, а на левом фланге расположил два эскадрона регулярной кавалерии и пять казачьих полков генерал-майора А.А. Карпова. Позднее М.Б. Барклай-де-Толли усилил конницу авангарда своей армии двумя пехотными полками из корпуса П.П. Коновницына и двенадцатью орудиями.

В течение часа бой развивался вяло, противники ограничивались лишь перестрелкой. Правда, мариупольские гусары в это время «почти дотла изрубили» одну роту неприятельской пехоты, неосторожно высунувшуюся из кустов. Потом в атаку пошла французская кавалерия во главе с самим

Мюратом. Она опрокинула казаков и стала их преследовать. Но В.В. Орлов-Денисов ударил ей во фланг, бросив вперед один за другим свои полки, стоявшие в четыре линии у деревни Заболотье. Неаполитанский король долго не решался возобновить атаку. Наконец, Жюно пустил в дело пехотную дивизию Охса. Она вышла из укрытия и направилась через лес на левый фланг русской позиции. Артиллеристы позволили ей приблизиться и расстреляли почти в упор из шестнадцати искусно замаскированных орудий при содействии перекрестного ружейного огня двух полков, присланных из корпуса П.П. Коновницына. Неприятель обратился в бегство. За ним ринулись казаки и гусары. К восьми часам вечера бой здесь затих{207}.

Известный военный теоретик и историк Антон Генрих Жомини, служивший и Наполеону, и Александру, так описал этот бой у деревни Заболотье, что в нескольких верстах от Лубино:

«Мюрат, стесненный справа и слева лесами и болотами, не мог успешно действовать своей кавалерией. Орлов-Денисов несколько раз опрокидывал головы колонн его, хотевших дебушировать за Латышино против левого фланга русских. Должно признаться, Орлов-Денисов показал в этой борьбе столько же мужества, сколько показывал до того времени храбрости и деятельности король Неаполитанский»{208}.

Лестное сравнение.

Когда почти стемнело, французы еще раз попытались прорвать центр русской позиции. Контратаку возглавил сам генерал-майор П.А. Тучков. В ночной схватке он был ранен штыком в бок и голову, попал в плен и доставлен к Мюрату, а затем к Наполеону.

Павел Алексеевич Тучков выжил, после войны написал воспоминания о пребывании в плену и о беседе с Наполеоном, а наследники опубликовали их в «Русском архиве» за 1873 год.

Французы поселили Тучкова в одном доме с маршалом Бертье. Через несколько дней пленного представили Наполеону.

— Генерал, — спросил Наполеон, — скоро ли ваши войска дадут мне генеральное сражение, или будут ретироваться до Москвы?

— Ваше величество, мне неизвестны планы командования.

Наполеон разразился такой бранью в адрес Барклая, которая по эмоциональному накалу превосходила его монолог, записанный генерал-адъютантом Балашовым.

— Что за отступление?! — истерично кричал Наполеон. — Если вы хотели воевать со мной, почему не заняли Польшу и не пошли дальше, что легко могли сделать. И тогда вместо войны на территории России вы перенесли бы ее на землю неприятеля. Да

и Пруссия, которая теперь против вас, была бы вашей союзницей. Почему ваш главнокомандующий не сделал этого, а теперь, отступая безостановочно, опустошает собственную землю? Зачем оставил он Смоленск? Зачем довел этот прекрасный город до такого несчастного положения? Если он решил защищать его, то почему неожиданно сдал? Он мог бы удерживать его еще долго. Если он не имел такого намерения, то зачем остановился в Смоленске и дрался с ожесточением? Для того чтобы разорить его до основания? За это в любом другом государстве его бы расстреляли.

Павел Алексеевич, сам порицавший командующего за отступление, выслушав эмоциональную тираду Наполеона, задумался: «Почему своей тактикой отступления Барклай довел до исступления великого полководца? Боится русского генерала? Но у него, по его же мнению, “небольшие военные дарования”. Похоже, сам себе не верит, потому и беснуется. Он боится нашего отступления больше, чем сражения с нами».

Так или примерно так рассуждал Павел Алексеевич, слушая затянувшуюся тираду французского императора. Наполеон отпустил генерала Тучкова и передал с ним Александру I предложение вступить в переговоры о мире. Царь не ответил.

Конечно, каждое воинское подразделение имело своих командиров, которые в этот день, 7 августа, действовали с присущей им инициативой. А.П. Ермолов не водил солдат в атаку, но все нити этого боя держал в своих руках, усиливая сражающихся свежими войсками, перемещая их с одного места на другое. М.Б. Барклай-де-Толли имел все основания большую часть успеха отнести на счет начальника штаба своей армии. А он имел полное право гордиться этим, когда писал свои воспоминания.

«Сражение 7-го августа, известное по моим донесениям, — писал М.Б. Барклай-де-Толли, — может почесться совершенною победою; неприятель был отражен на всех пунктах, и победоносные войска почивали на поле битвы. Они отступили единственно потому, что цель их была соединение обеих армий»[{209}].

Потери французов были велики — около девяти тысяч человек. Русские лишились более пяти тысяч своих сынов. Такой была плата за вторичное соединение двух западных армий[{210}].

В ночь на 8 августа 1-я армия подошла к Соловьевой переправе и в течение следующего дня под прикрытием казаков М.И. Платова переправилась на левый берег Днепра и двинулась вслед за войсками князя П.И. Багратиона по направлению на Дорогобуж, где М.Б. Барклай-де-Толли решил дать неприятелю сражение.

А.П. Ермолов — П.И. Багратиону, не позднее 11 августа:

«Наконец… хоть раз мы предупредили Ваше желание: Вам угодно было, чтобы мы остановились и дрались… я уже получил о том приказание. Теперь, почтеннейший благодетель, Вам надлежит оказать нам помощь. Пусть доброе согласие будет залогом успеха… Самая неудача не должна отнять у нас надежды, надо противостоять до последней минуты страшным усилиям могущественного соперника. Только продолжение войны представляет вернейший способ восторжествовать над злодеями нашего Отечества.

Боюсь, что опасность, угрожающая нашей древней столице, не заставила бы прибегнуть к миру. Эта мера — малодушных и робких. Все надо принести в жертву с радостью, когда под дымящимися развалинами жилищ наших можно будет погрести врагов, ищущих гибели нашего Отечества»{211}.

Понятно, сражение это не состоялось.

К этому же времени относится письмо А.П. Ермолова к графу П.П. Палену, через которое проходит та же мысль:

«Не дай Бог, допустить злодеев до Москвы! Но если… судьба позволит овладеть ею, кажется, и то к благу нашего народа: не окончив войны, будем защищаться до последней крайности…

…Продолжение войны, потеря *неприятелем* надежды кончить оную, зима, недостатки *продовольствия и фуража* — всё это уменьшит силы его, *и союзники Наполеона,* не имеющие ни малейших выгод, собственно им принадлежащих, не только смирятся, но, надо думать, многие от него отстанут»{212}.

Как видно, Ермолов задолго до генерального сражения не только не исключал возможности сдачи Москвы, но даже считал это необходимым, лишь бы не прекращать войну и не заключать мира до полной победы над врагом. Уже в первой декаде августа он возлагает надежды на голод и холод, которые должны довершить то, что не успеют сделать солдаты летом. Но не Алексею Петровичу первому пришла эта мысль. Барклай-де-Толли еще в июне месяце «успокаивал государя» и «ручался головою, что к ноябрю французские войска будут вынуждены покинуть Россию более поспешно, нежели вступили» в нее{213}.

На редкость неустойчивой была в то лето погода: в день переправы Наполеона через Неман бушевала гроза, шел дождь со снегом и градом, потом установилась жара, в середине июля — ливень, в начале августа — снова невыносимый зной. Кавалерия, артиллерия, пехота, поднимая тучи непроницаемой пыли, продвигались на восток. Солнце казалось багровым, ни зелени близ дороги, ни краски лафетов, ни цвета мундиров нельзя было различить. Лица солдат лоснились от пота и грязи. Люди дышали

пылью, глотали пыль, изнывали от жажды и не находили чем освежиться. Лошади отфыркивались, брызгали пеной, напрягались под тяжестью орудий, ездовые безбожно ругались, понукая ими.

Войска по-прежнему отступали тремя колоннами: одна Багратиона и две Барклая-де-Толли.

* * *

11 августа 1812 года северная столица, обеспокоенная двухмесячным отступлением западных армий, провожала М.И. Кутузова спасать Россию. Среди провожающих был любимый племянник полководца, который спросил его:

— Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?

— Разбить? Нет, не надеюсь разбить! А обмануть — надеюсь!

Приведенный диалог не следует расценивать как отказ нового главнокомандующего от активного военного противоборства с Наполеоном. Но стремление перехитрить опасного противника отличает все его действия от вступления в должность до изгнания французов из России.

Скорая русская тройка лишь через неделю докатила Михаила Илларионовича до Царева-Займища, где обвиняемый во всех смертных грехах осторожный М.Б. Барклай-де-Толли решил наконец дать Наполеону генеральное сражение. Приветствуя войска почетного караула, старый полководец нарочито бодро и не по возрасту зычно сказал:

— Ну, как можно отступать с этакими молодцами!

И этого было достаточно, чтобы по армии мгновенно разнеслось: «Приехал Кутузов бить французов». Солдаты и офицеры любили старого полководца и верили в него. Он, последний из «стаи славной екатерининских орлов», принял командование, когда ему исполнилось 67 лет.

М.И. Кутузов, осмотрев избранную М.Б. Барклаем-де-Толли позицию и взвесив шансы, приказал «этаким молодцам» отступать. Уповая на помощь Всевышнего и храбрость российских войск, он вместе с тем настойчиво требовал пополнений, без чего считал невозможным «отдаться на произвол сражения». А резервы надеялся получить по прибытии основных сил к Можайску.

Таким образом, отступление продолжалось, но с иным, нежели прежде, настроением и с верой в ум и находчивость главнокомандующего. «Все сердца воспряли, дух войска поднялся, все ликовали и славили его», — писал будущий декабрист А.Н. Муравьев{214}.

Генералы же встретили это назначение по-разному. 16 августа 1812 года, накануне прибытия М.И. Кутузова в армию, и М.Б. Барклай-де-Толли, и П.И. Багратион выразили свое отношение к выбору Александра I: первый в письме к жене, второй в письме к своему постоянному адресату Ф.В. Ростопчину.

М.Б. Барклай-де-Толли: «Счастливый ли это выбор, только Богу известно. Что касается меня, то патриотизм исключает всякое чувство оскорбления»{215}.

ИМ. Багратион: «Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет — французов — к вам, как и Барклай… Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги»{216}.

Для других генералов он был «царедворцем», «малодушным» человеком, «птицей не высокого полета»…

Впрочем, и царь не был в восторге от своего выбора, считая всех троих «одинаково мало способными быть главнокомандующими», и назначил «того, на которого указывал общий голос»{217}.

А «общий голос», вопреки надеждам Багратиона, Беннигсена, Вильсона и других, указал на Кутузова.

Ермолов же встретил назначение «князя и вождя» главнокомандующим всех западных армий с большим удовлетворением. Это Михаил Илларионович дал ему блестящую аттестацию по итогам кампании 1805 года и произвел в полковники. Он и во время Отечественной войны не обделил его своим доверием. Не случайно многочисленные источники, посвященные истории Бородинского сражения, называют Алексея Петровича, в это время уже генерал-лейтенанта, начальником штаба при Кутузове. Да и сам он чувствовал себя таковым… А в действительности он по-прежнему состоял при Барклае-де-Толли{218}.

22 августа русские войска вступили на поле предстоящего сражения. На следующий день М.И. Кутузов написал царю:

«Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в двенадцати верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местностях найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею я большую надежду к победе»{219}.

Таким образом, избранная позиция представлялась М.И. Кутузову достаточно крепкой. Но для инженерной подготовки ее слабого левого фланга необходимо было выиграть время. А это зависело от силы сопротивления арьергарда под командованием П.П. Коновницына.

Упорное сопротивление арьергарда П.П. Коновницына в период с 22 по 24 августа, многочасовое ожесточенное сражение за Шевардинский редут и село Бородино позволили М.И. Кутузову выиграть время, необходимое для завершения инженерных работ. «Слабое место сей позиции» он успел-таки исправить «посредством искусства», возведя батарею на центральной Курганной высоте, построив Семеновские и Масловские флеши и другие укрепления. В законченном виде избранная позиция представлялась главнокомандующему настолько «крепкой», что он опасался даже, как бы неприятель не начал «маневрировать… по дорогам, ведущим к Москве», и не отказался от предложенного ему здесь сражения{220}.

Утром накануне сражения князь М.И. Кутузов на больших дрожках выехал на осмотр Бородинской позиции. Его сопровождала небольшая свита из генералов. Ермолов «ехал у колеса для принятия приказаний». Не внеся изменений в расположение войск, главнокомандующий вернулся назад.

Из дневника артиллериста И.Т. Радожицкого:

«25 августа. Солнце светило ярко, и золотыми лучами скользило по смертоносной стали штыков и ружей; оно играло на меди пушек ослепительным блеском. Всё устраивалось для кровопролития следующего дня. Московские ратники оканчивали насыпи на батареях, артиллерию развозили по местам и готовляли патроны. Солдаты чистили, острили штыки, белили портупеи и перевязи.

Наступила ночь; биваки враждующих сил запылали бесчисленными огнями кругом верст на двадцать пространства;

огни отражались в небосклоне на темных облаках багровым заревом; пламя в небе предзнаменовало пролитие крови на земле»{221}.

Готовясь к сражению, Кутузов умело расположил наличные силы на поле предстоящей битвы. Согласно диспозиции они делились на войска левого и правого крыла и центра.

26 августа Кутузов проснулся рано, объехал войска, убедился в том, что солдаты, офицеры и генералы горят желанием сразиться с неприятелем, победить или умереть, и, вполне удовлетворенный, вернулся на наблюдательный пункт.

Наполеон провел ночь перед сражением в «мучительном беспокойстве», сам не спал и не давал заснуть своим адъютантам. Обращаясь к дежурному генералу Раппу, он внезапно спросил:

— Верите ли вы в завтрашнюю победу?

— Без сомнения, ваше величество, но победа будет кровавая.

Наполеона всю ночь не покидала мысль, что русская армия снова не примет сражения. Когда же на востоке блеснул первый луч нового дня и осветил поле Бородинской брани, император французов воскликнул:

— Вот оно, солнце Аустерлица!

Ошибался баловень фортуны. То было солнце Бородина, и светило оно не ему, а русскому полководцу Кутузову. Правда, сквозь клубы дыма московского пожара.

У Ермолова первые лучи восходящего солнца, осветившие «то место, где русские готовились бестрепетно принять неравный бой», вызвали мысль о городе его детства. «Величественная Москва, здесь участь твоя вверяется жребию, — размышлял Алексей Петрович. — Еще несколько часов и, если твердою грудью русских не будет отвращена грозящая тебе опасность, развалины укажут место, где во времена благоденствия ты горделиво вздымалась!»{222}

Главные события развернулись на левом крыле Бородинской позиции, занимаемом второй Западной армией П.И. Багратиона, у Семеновских флешей, которые оборонял пехотный корпус М.М. Бороздина.

В пять часов начался артиллерийский обстрел флешей. Затем последовал штурм. Наполеон бросил в бой пехотные корпуса маршалов Даву, Нея, Жюно, всю кавалерию Мюрата, доведя постепенно число атакующих до 45 тысяч штыков и сабель и 400 орудий.

«Страшные громады сил», по определению А.П. Ермолова, двинулись на штурм русских укреплений перед деревней Семеновской. При этом почти полностью была истреблена дивизия М.С. Воронцова. «Она исчезла не с поля сражения, а на

поле сражения», — как оценил ситуацию ее израненный командир. Оставшихся в живых принял под свое командование генерал-лейтенант Д.П. Неверовский, но и он был контужен.

Французы тоже понесли большие потери. Погибли многие генералы и командиры полков. Маршалов Наполеона, кажется, стала покидать уверенность. Они запросили у императора подкреплений, но получили отказ.

Семеновские флеши, покрытые тысячами убитых людей и лошадей, несколько раз переходили из рук в руки. Ближе к полудню начался последний отчаянный штурм уже разрушенных укреплений. П.И. Багратион решил предупредить врага контратакой.

«Вот тут-то и последовало важное событие, — вспоминал позднее поручик Апшеронского пехотного полка Ф.И. Глинка. — Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь П.И. Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше по всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки»{223}.

Атака русских была отбита.

Теперь Даву повел своих героев в штыковую атаку. Осыпаемые градом русских пуль, французские гренадеры не отстреливались. П.И. Багратион, хорошо знавший цену воинской отваги, восторженно приветствовал врага криками: «Браво, браво!» Это был последний бой князя Петра, любимца А.В. Суворова и всей армии, смертельно раненного осколком ядра.

«В мгновение пронесся слух о его смерти, и войско невозможно удержать от замешательства, — свидетельствует А.П. Ермолов. — Никто не внемлет грозящей опасности, никто не думает о собственной защите: одно общее чувство — отчаяние. Около полудня вторая армия была в таком состоянии, что некоторые части ее, не иначе как, отдаляя на выстрел, можно было привести в порядок»{224}.

Семеновские флеши, вошедшие в историю Отечественной войны с именем П.И. Багратиона, оказались в руках французов. Командование 2-й армией временно принял на себя П.П. Коновницын. Он отвел войска за овраг и стал готовиться к отражению атак противника. Первые попытки сместить русских с новой позиции были отражены.

Князь Н.Д. Кудашев, прибывший на командный пункт тестя М.И. Кутузова, донес о положении 2-й армии, пришедшей в замешательство после ранения князя П.И. Багратиона. Выслушав зятя, главнокомандующий приказал А.П. Ермолову, стоявшему рядом, немедленно отправляться во вторую армию, привести ее артиллерию в порядок, снабдить снарядами, в которых она

испытывала недостаток, и, если возникнет в том необходимость, указать на недостатки с учетом местных условий и «обстоятельств настоящего времени»[225].

Взяв из резерва М.Б. Барклая-де-Толли три роты батарейных орудий с полковником А.П. Никитиным, «известным отличной храбростью», А.П. Ермолов пустился на левый фланг решать поставленную перед ним задачу. За ним увязался и сам начальник артиллерии первой армии генерал-майор граф А.И. Кутайсов.

— Александр Иванович, вам не следует ехать со мной, — убеждал Ермолов Кутайсова. — Князь Кутузов чрезвычайно сердится, не видя вас при себе.

«Не принял он моего совета», — сожалел Алексей Петрович, вспоминая славный день Бородина[226].

* * *

После падения Багратионовых флешей главным пунктом Бородинского сражения стала Курганная высота, на которой была возведена батарея. Атаки на нее начались еще в 10 часов утра. Теперь же она попала под перекрестный огонь французской артиллерии, который нарастал с каждой минутой. «Ядра с визгом ударялись о землю, выбрасывали вверх кусты и взрывали поля, — вспоминали пережившие этот ад солдаты и офицеры лейб-гвардии Московского полка. — Сверкало пламя, гремел оглушительный гром»[227].

После ожесточенной артиллерийской подготовки в атаку на высоту пошла итальянская дивизия Ж.Б. Брусье, но огнем из сорока шести орудий она была отброшена.

Готовя вторую атаку, Е.Н. Богарне усилил Ж.Б. Брусье французской дивизией Ш.Л. Морана, взятой из корпуса Л.Н. Даву. Впереди нее шла бригада Ш.О. Бонами, которая уже ворвалась на Курганную высоту, обороняемую солдатами корпуса Н.Н. Раевского. Сам командир его оказался в смертельной опасности.

— Ваше превосходительство, — услышал Раевский голос своего ординарца, — спасайтесь!

Николай Николаевич оглянулся и увидел в шагах пятнадцати от себя французских гренадеров, ворвавшихся в редут со штыками наперевес. Он с трудом пробрался на левый фланг *позиции* своего корпуса, вскочил на лошадь и увидел, как генералы Илларион Васильевич Васильчиков и Иван Федорович Паскевич, выполняя его приказ, устремились со своими солдатами на неприятеля. Многие *из* них пали в неравном бою

или были рассеяны. При восьмидесяти орудиях русских батарей не осталось уже ни одного заряда.

В наступление пошла сначала итальянская дивизия Ж.Б. Брусье, а за ней французская Ш.Л. Морана. Уже изготовилась к броску королевская гвардия Е.Н. Богарне. Ее «полки строятся во взводную колонну. Легкие отряды открывают путь, за ними идут гренадеры, стрелки и драгуны. Радость, гордость, надежда сияют на всех лицах… В шуме падающих бомб и гранат, непрестанного свиста железа и свинца раздаются крики: «Да здравствует Император! Да здравствует Италия!»

Такими словами передал предчувствие победы скромный офицер Великой армии Цезарь Ложье{228}.

Дивизия Ж.Б. Брусье была отброшена, но авангард дивизии Ш.Л. Морана под началом бригадного генерала Ш.А. Бонами ворвался на батарею Н.Н. Раевского.

Ермолов, спешивший во вторую армию с тремя конно-артиллерийскими ротами, обратил внимание на то, что защитники батареи, расстреляв все заряды, оставив восемнадцать орудий, в беспорядке отступают. Алексей Петрович понимал, к каким гибельным последствиям может привести потеря этой важной высоты. Он взял из резерва четыре пехотных полка и, бросая перед солдатами горсти знаков Военного ордена, увлек их в штыковую атаку.

Алексей Петрович вспоминал:

«Бой яростный, ужасный продолжался не более получаса: сопротивление встречено отчаянное, высота отнята, орудия возвращены, и не слышно ни одного ружейного выстрела.

Израненный штыками, можно сказать снятый со штыков, неустрашимый бригадный генерал Бонами был пощажен; пленных не было ни одного, из всей бригады спаслись бегством немногие…»{229}

Неустрашимого генерала Шарля Августа Бонами Ермолов отправил в Орел к своему отцу Петру Алексеевичу, которого «просил иметь о нем особенное попечение»{230}.

Потери были огромные. Вместе с Ермоловым в контратаке участвовал начальник артиллерии первой армии генерал-майор Александр Иванович Кутайсов. Его лошадь вернулась в лагерь без седока, «седло и чепрак на ней были обрызганы кровью и мозгом». Через некоторое время и Алексей Петрович получил контузию, что заставило его покинуть Курганную высоту{231}.

Возвращением Курганной высоты, утверждал Николай Николаевич Муравьев-Карский, «Ермолов спас всю армию»{232}.

О подвиге Алексея Петровича писали в своих воспоминаниях многие русские участники сражения и французский генерал

Филипп Поль Сегюр. И лишь один Лев Николаевич Толстой поставил его под сомнение. Офицер гвардейской артиллерии Авраам Сергеевич Норов, исследуя документальную основу романа «Война и мир», счел «даже неуместным возражать» писателю, ибо отважный генерал-лейтенант возглавил контратаку на глазах у всей армии{233}.

Граф Л.Н. Толстой, бесспорно, — великий писатель, но в России были и великие полководцы (М.И. Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, например), а они дали высокую оценку подвигу А.П. Ермолова{234}. Поэт-партизан Д.В. Давыдов тоже неплохо разбирался в военном деле, и он писал:

«Все беспристрастные свидетели этого побоища громко признают Ермолова главным героем этого дела; ему принадлежит в этом случае и мысль и исполнение»{235}.

Утвердившись на Курганной высоте, Ермолов отправил своего адъютанта Павла Христофоровича Граббе с донесением об этом успехе к Барклаю-де-Толли. Позднее будущий декабрист писал;

«Я нашел его под картечью, пешком, генерал что-то ел. С улыбающимся, светлым лицом он выслушал меня, велел поздравить Ермолова со знаменитым подвигом»{236}.

Русские готовились отразить очередную атаку неприятеля.

Королевская гвардия Евгения Богарне уже перешла через реку Колочу, но неожиданно повернула назад и поспешила вернуться назад. Что случилось?

Атаку королевской гвардии сорвал начавшийся рейд казаков М.И. Платова и кавалерии Ф.П. Уварова. Более двух часов потребовалось Наполеону, чтобы восстановить порядок на левом фланге своей позиции. Русские войска получили передышку.

Историки утверждают: за это время главнокомандующий произвел перегруппировку наличных сил, подкрепил резервами вторую армию, пришедшую в расстройство после ранения П.И. Багратиона, и защитников Курганной высоты. А вот непосредственный участник этих событий А.П. Ермолов писал, что «князь М.И. Кутузов, пребывавший постоянно на батарее у селения Горки», не понимал, «сколь сомнительно и опасно положение наше, надеялся на благоприятный оборот. Военный министр, обозревая все сам, давал направление действиям, и ни одно обстоятельство не укрывалось от его внимания»{237}. Именно М.Б. Барклай-де-Толли послал на левый фланг Бородинской позиции гренадерскую дивизию и генерала Д.С. Дохтурова, который и привел войска в порядок, а героев Н.Н. Раевского заменил свежим корпусом А.И. Остермана-Толстого.

Замечу, кстати, что Алексей Петрович до сего времени с

большим уважением относился к Михаилу Илларионовичу и весьма скептически к Михаилу Богдановичу.

Отразив налет конницы М.И. Платова и Ф.П. Уварова, Наполеон приказал во что бы то ни стало взять Большой бородинский редут. Бой разгорелся с новой силой. Гром орудий заглушал ружейные выстрелы. Сил оказалось недостаточно. А.П. Ермолов был ранен. Его сменил генерал-майор П.Г. Лихачев. Ценою огромных потерь французам удалось захватить Курганную высоту, вошедшую в историю с именем Н.Н. Раевского.

Сам Наполеон, нетерпеливо ожидавший падения батареи, обороняемой солдатами Раевского, сказал тогда:

— Этот русский генерал сделан из материала, из которого делаются маршалы.

Курганная высота, когда ее заняли французы, представляла собой «зрелище, превосходившее по ужасу все, что только можно было вообразить. Подходы, рвы, внутренняя часть укреплений — все это исчезло под искусственным холмом из мертвых и умирающих, средняя высота которого равнялась 6—8 человекам, наваленным друг на друга»{238}.

Бой за Батарею Раевского принес французам лишь некоторый тактический успех. Общий же замысел Наполеона был сорван. С наступлением темноты Наполеон отвел свои войска на исходные позиции. Кутузов приказал объявить по армии, что завтра он намерен возобновить сражение, и это сообщение солдаты восприняли с восторгом, однако, получив донесение о потерях, приступил к составлению диспозиции на отступление.

Алексей Петрович дал поразительно точную оценку сражения 26 августа 1812 года:

«В день битвы Бородинской российское воинство увенчало себя бессмертною славою! Огромное превосходство сил неприятельских по необходимости подчиняло [наши действия] действиям оборонительным… Конечно, не было [до сих пор] случая, в котором оказано более равнодушия к опасности, более терпения, твердости, презрения к смерти. Успех долгое время сомнительный, но чаще клонившийся на сторону неприятеля, не только не ослабил дух войска, но воззвал к напряжению, едва силы человеческие не превосходящим. В этот день испытано все, до чего может возвыситься достоинство человека»{239}.

Вскоре после полуночи русские снялись с Бородинской позиции и двинулись на восток. 1 сентября главнокомандующий привел армию к селению Фили и сразу приказал возводить укрепления на Поклонной горе, где, как говорил, решил дать Наполеону сражение за Москву.

— Скажи, Алексей Петрович, как ты оцениваешь позицию? —

обратился он к Ермолову.

— Ваше сиятельство, с первого взгляда трудно сказать, но видимые недостатки ее позволяют думать, что удержаться на ней нет никакой возможности.

Кутузов взял руку Ермолова, ощупал пульс и, как бы возражая ему, спросил:

— Здоров ли ты, друг мой?

— Я в своем уме, ваше сиятельство, потому и говорю: драться на этой позиции вы не будете или будете непременно разбиты.

«Ни один из генералов не сказал своего мнения, — вспоминал Ермолов, — хотя не многие могли догадываться, что князь Кутузов никакой нужды в том не имеет, желая только показать решительное намерение защищать Москву, совершенно о том не помышляя». Он «снисходительно» выслушал мнение молодого генерала и «с изъявлением ласки» приказал ему осмотреть позицию и доложить.

Алексей Петрович осмотрел позицию от правого до левого фланга, определил достоинства и недостатки, но мнения своего не изменил. Кутузов между тем не уставал повторять, что без боя Москву не оставит, хотя для себя уже твердо решил поступить иначе: сдать старую столицу, чтобы спасти армию, а значит, и Россию. Он не мог первым сказать об этом вслух.

Первый сказал Федор Васильевич Ростопчин:

— Не понимаю, почему вы непременно хотите отстоять Москву, если неприятель, овладев ею, не приобретет ничего полезного. Принадлежащие казне сокровища и все имущество вывезены; из церквей, за малым исключением, — тоже. Едва войска выйдут за заставу, неприятель увидит город пылающим!

Кутузову «по сердцу было предложение графа Ростопчина, — рассуждал проницательный Ермолов, — но незадолго перед сим он клялся своими седыми волосами, что неприятелю нет другого пути в Москву, как через его труп».

Ростопчин, хотя и сказал первый, что древнюю русскую столицу надо сдавать, но ответственность за это пришлось бы нести не ему, а главнокомандующему. Поэтому Кутузов вечером собрал военный совет, перед началом которого почти все его участники были решительно настроены сражаться. По давней традиции он предложил всем генералам высказать свое мнение, начиная с младшего в чине Ермолова.

Действительно, Ермолов был младше других генералов, но, как начальник штаба армии, он пользовался большим авторитетом. Естественно, Кутузов, знавший его мнение, ожидал от него искреннего ответа, значит, поддержки. Не решился, однако, Алексей Петрович, «как офицер, не довольно еще

известный», опасавшийся «обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы». Не защищая свою точку зрения, впрочем, «неосновательную», по его же признанию, он «предложил атаковать неприятеля». Главнокомандующий с раздражением бросил:

— Вы предлагаете сражаться, потому что не на вас, а на меня ляжет ответственность за неудачу!

Как известно, психологически Алексей Петрович уже давно убедил себя в том, что при известных обстоятельствах Москву придется сдать французам, но признаться в этом перед всеми он не мог. Кутузов обиделся.

По выражению его высочества Константина Павловича, Алексей Петрович довольно часто поступал с *«обманцем»,* как и в этом случае, когда он предлагал защищать Москву в совершенно безнадежной ситуации. Правда, у него позднее хватило мужества признаться, что не стал отстаивать своего прежнего мнения только потому, что опасался «упреков соотечественников».

Среди генералов не было единства взглядов по этому вопросу. Барклай-де-Толли сумел убедить часть из них, что в сложившихся условиях важнее сохранить армию, пополнить ее резервами, а потом продолжить войну «с удобством».

Военный министр — не какой-нибудь отважный генерал-майор, он высказался за сдачу Москвы.

Его поддержал генерал-лейтенант Н.Н. Раевский:

— Я говорю как солдат: не от Москвы зависит спасение России; более всего должно сберегать войска; надо оставить Москву без сражения…

Были и противники сдачи Москвы. М.И. Кутузов прервал споры:

— Доколе будет существовать армия и будет в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним мы надежду благополучно завершить войну, но, когда уничтожится армия, погибнут и Москва, и Россия. Приказываю отступать![240]

От такого решения, вспоминал Петр Петрович Коновницын, «у нас волосы стали дыбом», с совета расходились с тяжелым чувством, как с похорон[241].

Решение сдать Москву с большим трудом далось Михаилу Илларионовичу. В эту ночь адъютанты несколько раз слышали, что старик плачет[242].

Рано утром 2 сентября князь Кутузов вызвал Ермолова и велел ему срочно отправляться в арьергард к Милорадовичу.

— Алексей, скажи ему, чтобы он удерживал неприятеля, пока мы вывезем из города тяжести и выведем войска.

Ермолов нашел часть арьергарда с генералом Раевским у

Драгомиловского моста и передал ему повеление главнокомандующего.

Михаилу Милорадовичу удалось договориться с Иоахимом Мюратом позволить русским войскам, «не наступая сильно», выйти из города. Впрочем, французы в последнее время и не рвались в бой: стоило ли теперь терять людей, когда неприятель уже и не помышлял защищать свою столицу и победа казалась близкой.

Французы вступили в Москву со стороны Арбата, когда последние полки русского арьергарда еще находились в городе, пытаясь хоть как-то определить участь оставленных в госпиталях соратников.

Вместе с армией из белокаменной ушли «женщины, купцы и ученая тварь», по определению Ф.В. Ростопчина. Эвакуацией руководил М.Б. Барклай-де-Толли. М.И. Кутузов, избегая встреч, уезжал из столицы один, без свиты, в сопровождении своего ординарца. Понять психологическое состояние главнокомандующего можно: ему невыносимо было слышать упреки и обвинения, видеть слезы старых солдат — просто «стон стоял в народе». Чаще всего в этот день *звучали* слова:

— Измена!.. Ужасно!.. Позор!.. Стыд!..

Измены, конечно, не было. Но было ужасно. И был позор. И стыд был. М.И. Кутузов утешал Александра I, что принял все меры, чтобы в городе «ни один дворянин… не остался»[243]. Но в госпиталях оставил 22 тысячи беспомощных «нижних чинов», значительная часть которых сгорела в огне великого пожара. «Душу мою раздирал стон раненых, оставленных во власти неприятеля», — вспоминал А.П. Ермолов[244].

В первую же ночь пребывания французов в Москве начались пожары, вызвавшие у них упадок духа, едва «встрепенувшегося» после вступления в русскую столицу. «Сквозь этот яркий свет» они «грустно глядели навстречу… темному будущему», как выразил свое восприятие зловещей картины, представшей перед завоевателями, врач наполеоновской армии Генрих Роос[245].

Московский пожар вынудил Наполеона покинуть Кремль и перебраться в Петровский замок. Его армия, предавшаяся пьянству и грабежам, на глазах деградировала. Через три дня император попытался прекратить вакханалию, но было уже поздно.

Выгорело три четверти города, подожженного по распоряжению Ф.В. Ростопчина и М.И. Кутузова. Пожар Москвы воспринимался как патриотическая жертва, принесенная русскими людьми на алтарь победы. «Собственными нашими руками разнесен пожирающий ее пламень, — писал А.П. Ермолов.

— Напрасно возлагать вину на неприятеля и оправдываться в том, что возвышает честь народа»[246].

Александр I был очень недоволен потерей древней столицы. Отправляя князя Петра Михайловича Волконского в армию, он наставлял его:

— Узнай, отчего при сдаче Москвы не было сделано ни одного выстрела; спроси у Ермолова, он должен все знать.

Алексей Петрович, избегая встречи с царским посланцем, уехал на время из штаба.

Русская армия, оставив Москву, двинулась по направлению к Рязани, потом, круто повернув на запад, устремилась к Подольску. Казаки же, прикрывавшие ее отход, продолжали идти по прежнему маршруту, увлекая за собой неприятеля. В районе Красной Пахры войска расположились лагерем и простояли там неделю.

Переход с Рязанской на Калужскую дорогу был совершен в ночное время быстро и столь скрытно, что французы, ничего не подозревая, десять дней гнались за казаками, не обремененными заботами о защите армии. Потом, когда Наполеон понял, что Кутузов перехитрил его, бросил на поиски русских четыре корпуса.

Между тем Кутузов, снявшись с позиции у Красной Пахры, перевел армию к селу Тарутино и 21 сентября расположился лагерем в его окрестностях. «Сие действие, — писал М.Б. Барклай-де-Толли, — доставило нам возможность довершить войну совершенным истреблением неприятеля»[247].

Глава четвертая.
1812 ГОД. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

«ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО…»

«Чем долее останется в Москве Наполеон, тем вернее наша победа», — настойчиво повторял Кутузов и делал все возможное, чтобы не убить надежду на мир. Но всему приходит конец. Надежда угасла{248}.

В начале октября Наполеон решил оставить Москву, а Кутузов — перейти в контрнаступление. Соотношение сил изменилось в пользу русского главнокомандующего. Он имел под ружьем 120 тысяч регулярных войск и казаков и столько же ополченцев. А французский император мог противопоставить ему всего 116 тысяч человек{249}. Первый удар намечалось нанести до прибытия корпуса маршала Виктора, который, как считали в Тарутинском штабе, уже выступил из Минска на соединение с Великой армией.

В то время когда армия Кутузова находилась в Тарутино, авангард Мюрата численностью до 20 тысяч человек беспечно располагался в шести верстах от него. Правда, правый фланг его был надежно защищен крутыми берегами Нары и Чернишни, но слева был открыт для нападения. Редкий лес с этой стороны не мог служить преградой для русской кавалерии, поскольку французы не сделали в нем даже засек и не выставили сторожевых постов. Об этом сообщил сотник Урюпинский. Он убедил начальство в возможности скрытно подвести войска к лагерю неприятеля, окружить и уничтожить его.

Граф В.В. Орлов-Денисов лично выехал на обозрение неприятельской позиции со стороны леса и, убедившись в правильности сведений, полученных от казачьего разъезда, написал донесение в штаб армии, в котором высказал мысль о нанесении удара по левому флангу французского авангарда. Далее события развивались так.

3 октября начальник штаба русской армии А.А. Беннигсен предложил М.И. Кутузову без потери времени всеми силами атаковать стоящего против Тарутино Мюрата прежде, чем к французам подойдут подкрепления. Это необходимо сделать еще и потому, убеждал он, что Наполеон с гвардией пока находится в Москве и не сможет оказать помощь своему авангарду.

План операции разработал генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь. Его поддержали Л.Л. Беннигсен, П.П. Коновницын, К.Ф. Багговут и одобрил М.И. Кутузов. Армия должна была выступить на исходные позиции вечером следующего дня, чтобы на рассвете наброситься на спящего неприятеля. При согласованности действий успех операции был обеспечен. Однако она сорвалась на

начальной стадии.

4 октября генерал-лейтенант Василий Федорович Шепелев давал обед. «Все присутствующие были очень веселы, и Николай Иванович Депрерадович пустился даже плясать»{250}. Разошлись в 9 часов вечера. Естественно, войска не двинулись с места. Рассерженный фельдмаршал отменил атаку, бросив окружающим:

— Все просят наступления, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу, ничего не готово, и предупрежденный неприятель, приняв меры, заблаговременно отступает{251}.

М.И. Кутузов перенес атаку на утро 6 октября. В штабе главнокомандующего силы авангарда Мюрата исчисляли «тысяч в пятьдесят». Поэтому решили бросить против него чуть ли не всю русскую армию: семь пехотных и четыре кавалерийских корпуса, казаков и даже партизан.

Главная роль в осуществлении операции по плану К.Ф. Толя отводилась войскам правого крыла под командованием Л.Л. Беннигсена. Переправившись через Нару, они должны были скрытно обойти французские позиции и нанести удар по их левому флангу. Основным силам русской армии под началом М.А. Милорадовича, с которым остался сам М.И. Кутузов, предписывалось атаковать неприятеля с фронта. Перед партизанскими отрядами И.С. Дорохова и А.С. Фигнера ставилась задача напасть на село Вороново с тыла, истребить там два пехотных полка противника и помочь наступающим соратникам отрезать пути отхода авангарду Мюрата на Спас-Куплю{252}.

К вечеру 5 октября фельдмаршал приехал в Тарутино. На этот раз все было готово. В назначенное время войска начали переправу через Нару.

«Смеркалось; облака покрыли небо. Погода была сухая, но земля влажная; не было слышно ни шествия войск, ни движения артиллерии. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высекать огонь; лошадей удерживали от ржания; все приняло вид таинственного предприятия. Наконец, при светлом зареве огней неприятеля, показавших нам место расположения французов, колонны остановились на ночь там, откуда утром надлежало вести атаку», — писал участник Тарутинского боя генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский{253}.

Л.Л. Беннигсен разделил войска правого крыла на три колонны, согласованные действия которых сулили немалый успех. Но внезапного удара всеми силами одновременно нанести не удалось. К началу атаки на месте оказалась лишь конница графа В.В. Орлова-Денисова в составе десяти казачьих и пяти гвардейских полков. Пехотные корпуса К.Ф. Багговута и А.И. Остермана-Толстого заблудились во тьме ночного леса и отстали.

Между тем наступил рассвет. Французский лагерь пробуждался ото сна. Операция попала под угрозу провала.

Орлов-Денисов, опасаясь быть обнаруженным, не стал ждать отставших. Подняв все донские полки, он ворвался в расположение авангарда Мюрата, сметая все на своем пути. Удар был неожиданным и столь стремительным, что неприятель обратился в бегство. Прошло не более часа с начала боя. Весь французский лагерь на правом берегу Чернишни оказался во власти победителей. А бой продолжался. Неаполитанский король был ранен пикой в бедро…

Наконец Багговут вышел из леса и, осыпаемый картечью и ядрами, устремился к деревне Тетеринки. Одним из первых выстрелов он был убит. Это вызвало замешательство в рядах наступающих. Начальство над колонной погибшего генерала взял на себя Беннигсен, но вскоре он был контужен. По приказу Кутузова его сменил Ермолов. Он и командовал ею «до окончания дела». После подхода войск Остермана-Толстого завязалась упорная борьба, но время было упущено.

Орлов-Денисов зашел в тыл противника. Положение Мюрата стало критическим. Он приказал отступать. Вслед за ним двинулись главные силы русских, но у Чернишни они были остановлены Кутузовым. На просьбы генералов разрешить им преследование неприятеля главнокомандующий недовольно ответил:

— У вас только одно на языке атаковать, а вы не видите, что мы еще не созрели для сложных движений и маневров. Ежели не умели мы поутру взять Мюрата живым и прийти вовремя на места, то и преследование будет бесполезно. Нам нельзя отдаляться от наших позиций{254}.

К вечеру войска вернулись в Тарутино.

В этот день, 6 октября, французы потеряли 2500 человек убитыми, в том числе двух генералов, и 2000 пленными. Среди трофеев, взятых исключительно казаками, были знамя, 36 пушек, 40 ящиков со снарядами и весь обоз Мюрата{255}.

Стоя на крыльце полуразрушенной избы, главнокомандующий приветствовал проходившие мимо войска:

— Благодарю вас именем царя и отечества!

— Ура! — дружно отвечали ему солдаты.

Шумно и весело вступали войска в Тарутинский лагерь, «как будто праздновалось воскресение умолкнувшей на время русской славы», — писал свидетель и участник общей радости А.И. Михайловский-Данилевский{256}.

Победе над Мюратом радовались не только русские. Некий адъютант полковника Флао, узнав о поражении французов,

сказал: «Это только начало, потом будет еще хуже». И предложил тост «за погибель Наполеона»[257].

Все сбылось: потом действительно стало еще хуже.

В БОЮ ЗА МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

Вечером 6 октября Наполеон получил сообщение о поражении авангарда Мюрата в бою на берегах Чернишни у Тарутино. Его надежды на мир с Александром окончательно рухнули. На следующий день Великая армия потянулась из русской столицы. Ее сопровождал огромный обоз в 10—15 тысяч повозок, в которые «были напиханы как попало меха, сахар, чай, книги, картины, актрисы Московского театра»[{258}]. По впечатлению Сегюра, французы «походили на татарскую орду после удачного нашествия»[{259}].

Как ни была обременена Великая армия награбленным добром и запасом продовольствия, Наполеону удалось-таки скрытно вывести ее из Москвы и двинуть по направлению на Калугу.

11 октября М.И. Кутузов, не зная еще о выступлении Великой армии из Москвы, отправил на усиление армейского партизанского отряда И.С. Дорохова, стоявшего близ Фоминского, занятого французами, два корпуса: пехотный Д.С. Дохтурова и кавалерийский П.И. Меллер-Закомельского. В тот же день главнокомандующий вызвал к себе А.П. Ермолова и сказал:

— Голубчик, ты пойдешь с Дохтуровым, и я буду спокоен, уведомляй меня чаще обо всем, что найдешь важным.

Получив это назначение, Алексей Петрович поручил партизану Сеславину разведать, какими силами располагает неприятель, стоящий у Фоминского и близ него. Вечером оба корпуса были на месте. Утром предполагалось окружить и уничтожить французский отряд, стоявший у села Котова, или, как выразился Ермолов, «съесть лакомный кусочек». Чтобы не спугнуть противника, соблюдали тишину, не разводили костров, а чтобы быть готовыми атаковать его на рассвете, не распрягали лошадей и не снимали с передков орудий.

Атака эта не состоялась.

Ближе к ночи прискакал Сеславин в сопровождении нескольких всадников. На одной из лошадей сидело два человека. Сидевший сзади был унтер-офицером наполеоновской Старой гвардии, только что взятым партизанами в плен. Он рассказал:

«Уже четыре дня, как мы оставили Москву. Маршал Мортье с отрядом, взорвав кремлевские стены, присоединился к армии. Тяжелая артиллерия, кавалерия, потерявшая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге под прикрытием польских войск… В селе Бекасове, что в шести верстах от Фоминского, ночует корпус маршала Нея. Завтра [то

есть 12 октября] Главная квартира императора — в Боровске. Далее направление на Малоярославец»[260].

Пленного гвардейца с его показаниями Ермолов представил Дохтурову, а тот срочно препроводил к Кутузову.

Пытаясь убедить Францию и всю Европу, что уход из Москвы не означает отступления, Наполеон распространил очередной бюллетень:

«Время прекрасное, но должно ожидать холода в первых числах ноября и, следовательно, необходимо заботиться о зимних квартирах; особенно кавалерия имеет в них нужду»[261].

Письма Наполеона из России, адресованные жене, явно преследовали ту же цель — внушить парижанам и союзникам оптимизм и веру в несокрушимость Великой армии:

«Мой друг, я в дороге, чтобы занять зимние квартиры. Погода великолепная, но она может измениться. Москва вся сожжена… Я покидаю ее и увожу гарнизон… мои дела идут хорошо»[262].

Погода давно изменилась: с начала октября лили холодные осенние дожди. Они и помешали маршалу Мортье в полной мере осуществить варварский план Наполеона по взрыву Кремля: многие мины не сработали.

Наполеон дурачил современников, но был не против подурачить и потомков. Дважды побитый и сосланный на остров Святой Елены, он утверждал, вспоминая октябрьские дни 1812 года:

«Армия возвращалась в Смоленск, но это был марш, а не отступление»[263].

О том, как воспринял донесение А.Н. Сеславина — Д.С. Дохтурова М.И. Кутузов, поведал нам майор Д.Н. Болговский. Вот что писал он в своих воспоминаниях:

«Ночь была теплая, лунная, очень быстро я достиг штаба… Коновницын, пораженный рассказом, пригласил тотчас Толя. Оба вместе, приняв записку, пошли будить фельдмаршала, а я остался в сенях. Кутузов потребовал меня к себе. Он сидел на постели в сюртуке. Чувство радости сияло в глазах его.

— Расскажи, друг мой, неужели воистину Наполеон оста вил Москву и отступает? Говори скорей, не томи сердца, оно дрожит!

Я донес обо всем, и когда рассказ был окончен, он изрек:

— Боже, Создатель мой! Наконец ты внял молитве нашей, с сей минуты Россия спасена!

Тут Толь подал ему карту, и Кутузов приказал Дохтурову не следовать, а, если можно, бежать к Малоярославцу»[264].

В тот же час Кутузов приказал Платову немедленно выступать со всеми казачьими полками, за исключением тех, что состояли в авангарде Милорадовича, и следовать с ними к

Малоярославцу, чтобы прикрыть Калужскую дорогу до подхода основных сил русской армии.

М.И. Платов выступил из района Тарутина вечером 11 октября и на рассвете остановился севернее Малоярославца. За ним двинулись основные силы армии.

Малоярославец — небольшой городишко на берегу реки Лужи, через который проходила дорога на Калугу и далее через Медынь и Юхнов на Ельню и Смоленск. Отводя армию по этому пути, Наполеон мог, конечно, убедить Францию и Европу в том, что совершает переход на зимние квартиры, а не отступление, но для этого ему был нужен успех. Большой успех.

Корпус Дохтурова действительно не следовал, а бежал под проливным дождем по направлению, указанному Кутузовым. Вскоре после полуночи 12 октября, отмахав почти тридцать верст, он подошел к Малоярославцу, уже занятому небольшой частью французского авангарда.

Брошенный в бой егерский полк, хотя и вошел в город, однако не смог выбить неприятеля из западной части его, примыкавшей к реке, французы делали все возможное, чтобы восстановить мост через Лужу и начать переправу подходивших войск.

Дохтуров подкрепил егерей двумя полками пехоты и ротой легкой артиллерии, подчинив все войска в городе Ермолову. После напряженного боя русские вынуждены были отступить.

На помощь отступающим пришли еще четыре полка пехоты и артиллерия. В результате кровопролитного штыкового боя противник был выбит из Малоярославца, но переправившиеся через Лужу значительные силы французских войск снова вытеснили русских из города. Только огнем сорока орудий, вызванных Ермоловым, противник был остановлен.

К одиннадцати часам утра этот захолустный городишко Калужской губернии успел четыре раза перейти из рук в руки. Алексей Петрович признавался, что несколько раз «совсем терял надежду» отбить его у неприятеля. А вот биограф Ермолова «сдал» ему Малоярославец, «наконец, окончательно!»{265}. Вот уж поистине: история — это не то, что было, а что надо партии. Не пойму, однако, на кой черт ей нужна была такая наука и такие ученые?

Во время одной из атак погибли дивизионный генерал Алексис Жозеф Дельзон и его братья. А у русских здесь получил тяжелую рану отважный партизанский командир Иван Семенович Дорохов, навсегда покинувший армию.

А бой продолжался…

К месту боя подтягивались главные силы противников.

Русские уже отдыхали у села Спасского, что на берегу Протвы. Сам Наполеон, в середине дня прибывший к Малоярославцу, удивился, что неприятель опередил его. «Неужели я, — думал он, — шел недостаточно быстро?»

Обескровленный затянувшимся боем Ермолов умолял Кутузова оказать ему помощь, но фельдмаршал завернул его посланца ни с чем. Алексей Петрович отправил второго гонца. Михаил Илларионович притопнул ножкой:

— Прочь с моих глаз! — и «с негодованием плюнул так близко к стоявшему против него посланцу, что тот достал из кармана платок, и было заметно, что лицо его имело большую в нем надобность»{266}.

Успокоившись, Кутузов отправил на помощь сражающимся героям Ермолова пехотный корпус Раевского. Общими силами они выбили неприятеля из города.

В конечном счете город еще несколько раз переходил из рук в руки и остался за французами. Фельдмаршал отвел свои войска на две с половиной версты к югу и занял там новую позицию, чтобы преградить неприятелю путь на Калугу.

По словам очевидца, Малоярославец «представлял собой зрелище совершенного разрушения. Направление улиц обозначалось только горами трупов, которыми они были усеяны. Везде валялись истерзанные тела, раздавленные проехавшими по ним орудиями. Все дома обратились в дымящиеся развалины, под которыми тлели полусожженные кости»{267}.

В восемнадцатичасовом бою французы потеряли до 5000 солдат, русские — 6665 человек{268}. Оба полководца не использовали свои главные силы и не были разбиты. Но Наполеон овладел Малоярославцем, а Кутузов отступил к югу от города в готовности дать неприятелю новое сражение, о чем написал царю:

«Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сражению, без коего я ни под каким видом в Калугу его не пущу»{269}.

Противники ввели в бой за Малоярославец от 20 до 24 тысяч человек с каждой стороны{270}. Однако русский полководец был готов возобновить сражение, а французский император колебался, хотя и понимал, что от исхода противоборства на берегу реки Лужи зависит судьба его армии. Вот как описал состояние Наполеона генерал его свиты Сегюр:

«Помните ли вы это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где 20 лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья? Представляется ли еще вашим глазам этот разрушенный кровавый город и эти глубокие овраги и леса, которые, окружая высокую долину, образуют из нее замкнутое место? С одной

стороны, французы, уходившие с севера, которого они так пугались, с другой — у опушек лесов — русские, охранявшие дорогу на юг и пытавшиеся толкнуть нас во власть их грозной зимы… Наполеон между двумя своими армиями посреди этой долины, его взгляды, блуждающие с юга на восток, с Калужской дороги на Медынскую? Обе они для него закрыты: на Калужской — Кутузов и 130 тысяч человек, со стороны Медыни он видит многочисленную кавалерию — это Платов»[271].

Генерал-лейтенант, историк, профессор Академии Генерального штаба Н.А. Окунев, оценивая бой за Малоярославец, писал:

«На мой взгляд, даже сражение под Бородином не было ему, Наполеону, так необходимо, как под Малоярославцем. Правда, первое открыло ему ворота в Москву, но дало ему только бесполезный трофей; спасение его армии зависело от второго»[272].

Здесь, под Малоярославцем, по образному выражению Д.В. Давыдова, пробился «зародыш всех злоключений Наполеона и переворота в судьбе государств и народов»[273].

Все современники — участники войны, которым приходилось по велению сердца или по долгу службы оценивать события под Малоярославцем, отдавали должное нашему герою. Так, уже упомянутому Муравьеву-Карскому запомнились такие его качества, как мужество и распорядительность[274]. А Дохтуров, к корпусу которого он был приписан, считал своей прямой обязанностью «засвидетельствовать, что генерал-майор Ермолов много способствовал успешному действию наших войск в сем сражении своею деятельностью и рвением» и оказал ему «величайшее пособие»[275].

Пособие-то оказал, а к чему это привело? Советские ученые считали, что Кутузов не просто одержал победу под Малоярославцем, но разгромил Наполеона, и выражали сожаление, что на Западе есть еще историки, трактующие сражение под Малоярославцем как победу французской армии. Но не могли же они не читать «Записок» Ермолова и Раевского, в которых сами герои уступали первенство неприятелю.

Наполеон колебался. Он мучительно искал ответа на вопрос: что предпринять, пробиваться ли на Калугу или возвратиться в Боровск и отступать по Старой Смоленской дороге?

Городня.., Небольшая деревушка под Малоярославцем, в которой остановился на ночлег французский император. После многочасового боя он собрал военный совет, чтобы выслушать мнение своих маршалов. Спорили долго. Одни предлагали атаковать Кутузова, другие — отступать по разоренной дороге и

не искушать судьбу. Так и не приняв решения, Наполеон на рассвете следующего дня с небольшим конвоем отправился на рекогносцировку русской позиции, во время которой едва не попал в плен к казакам.

«Если бы казаки, оказавшиеся под самым нашим носом и на один момент окружившие нас, — писал Арман Коленкур, — были более решительны и ринулись бы на дорогу, вместо того чтобы с ревом рубить направо и налево… то они захватили бы нас, прежде чем эскадроны успели бы придти нам на помощь»{276}.

Но не ринулись. И не захватили. Казаки отступили, когда «большие массы войск обратились на них», и, вопреки утверждению генерала Ж. Раппа, «взяли пленных, тридцать пушек и одно знамя». «При сем случае понес огромную потерю уланский полк польской армии», — писал А.П. Ермолов{277}.

Ускользнув от казаков, Наполеон вернулся в Городню, но в 10 часов утра снова выехал на рекогносцировку и довел-таки ее до конца. Вечером он еще раз созвал маршалов на совет. Сегюр вспоминал:

«Наполеон сидел перед столом, опершись головой на руки, которые закрывали его лицо и отражавшуюся, вероятно, на нем скорбь.

Никто не решался нарушить этого тягостного молчания, как вдруг Мюрат воскликнул в одном из порывов, свойственных ему и способных разом или поднять настроение, или ввергнуть в отчаяние:

— Остановиться нет никакой возможности, бежать опасно, поэтому нам необходимо преследовать неприятеля. Что нам за дело до грозного положения русских и их непроходимых лесов? Я презираю все это! Дайте мне только остатки кавалерии и гвардии, и я углублюсь в их леса, брошусь на их батальоны, разрушу все и вновь открою армии путь к Калуге.

Здесь Наполеон, подняв голову, остановил эту пламенную речь, сказав:

— Довольно отваги; мы слишком много сделали для славы; теперь время думать лишь о спасении остатков армии…

Бессьер, чувствуя поддержку, осмелился прибавить:

— Для подобного предприятия у армии, даже у гвардии не хватит мужества… Мы только что убедились в недостаточности наших сил. А с каким неприятелем нам придется сражаться? Разве не видели мы поля последней битвы, не заметили того неистовства, с которым русские ополченцы, едва вооруженные и обмундированные, шли на верную смерть?

Маршал закончил свою речь, произнеся слово «отступление», которое Наполеон одобрил своим молчанием.

Ссора усиливалась… Император же, по-прежнему погруженный в задумчивость, казалось, ничего не замечал. Наконец он прервал молчание и это обсуждение следующими словами:

— Хорошо, господа, я решу сам!

Он решил отступать…

Замечательно то, что он приказал отступать к северу в ту минуту, когда Кутузов со своими русскими… отступал к югу»[{278}].

На рассвете 14 октября Кутузов поднял армию и повел ее на юг от Малоярославца. В то же время Наполеон развернул свои корпуса и двинул их к Боровску.

Действительно *замечательно.* И, кажется, впервые в мировой истории войн противники после сражения уходили один от другого в разные стороны. Попробуй-ка определи, кто из них одержал победу под Малоярославцем? Думаю, прав был Н.А. Троицкий, признавший тактический успех за Наполеоном, а стратегический за М.И. Кутузовым[{279}].

14 октября А.П. Ермолов получил назначение в авангард М.А. Милорадовича, но через неделю поступил под начало атамана М.И. Платова и получил в команду сильный отряд пехоты и кавалерии.

Кутузов и подумать не мог, что Наполеон добровольно откажется от генерального сражения и поведет свою армию по дотла разоренной дороге через Можайск. Поэтому он отошел еще дальше на юг к Полотняному Заводу, где получил возможность держать под контролем все пути на Калугу и Медынь. Но император решил не искушать судьбу и на три дня оторвался от русских.

15 октября Кутузов получил донесение, что Великая армия от Малоярославца отступает по большой дороге. Главнокомандующему стало ясно, что отход армии к Полотняному Заводу оказался бесполезным. И все-таки стратегическая инициатива перешла в его руки, и он не упускал ее до изгнания французов из России.

Начался период истребления и изгнания агрессора.

ОТ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

16 октября М.И. Кутузов, уведомляя П.Х. Витгенштейна о событиях под Малоярославцем, писал, что намерен нанести неприятелю «величайший вред параллельным движением» и действиями «на его операционном пути»{280}.

Наполеон отводил свою армию по Старой Смоленской дороге. С севера его подпирала бригада П.В. Кутузова, южнее следовал авангард М.А. Милорадовича и отряды В.В. Орлова-Денисова и А.П. Ожаровского, а еще левее — основные силы русских во главе с самим фельдмаршалом. На пятки французам наступали казаки М.И. Платова.

Наполеон спешил прорваться к Смоленску раньше, чем настигнут и отрежут его от баз снабжения русские войска. Отходил он с такой скоростью, писал А.П. Ермолов в донесении М.И. Кутузову, «что без изнурения людей догнать его невозможно» было. М.И. Платов бросил в погоню две бригады казаков под командованием А.В. Иловайского и Д.Е. Кутейникова. 17 октября они сблизились с неприятелем и уже не отставали от него ни на шаг.

Запас продовольствия, взятый французами из Москвы, истощился. Частью он был съеден, а частью потерян или отбит казаками и партизанами. Вот что писал в связи с этим о положении Великой армии некий Франсуа, отступавший с арьергардом маршала Даву по дороге, ведущей к Гжатску:

«При недостатке съестных припасов мы едим лошадей, трупы которых окаймляют нашу дорогу; но, находясь в арьергарде, мы зачастую встречаем лишь остатки этих животных, часть которых уже съедена идущими впереди нас. Счастливец, кто может добыть себе хотя бы это!..

Солдаты, у которых нет ни ножа, ни сабли или которые отморозили себе руки, не могут воспользоваться даже и этой пищей. Однако я видел и таких, которые, либо стоя на коленях, либо сидя, словно бешеные волки, глодали эти обнаженные остовы…»{281}

Испытывая жесточайшие мучения от голода и холода, отбиваясь от беспрерывных атак казаков, неприятель бежал так, как ни одна армия прежде не бегала. По утверждению М.И. Платова, никакое перо историка не в состоянии изобразить того, что оставлял он после себя на большой дороге к Гжатску.

Узнав о возвращении французов на Старую Смоленскую дорогу, Ермолов обратился к Кутузову с предложением направить главные силы армии на Вязьму, чтобы окончательно сорвать

возможность отступления неприятеля через неразоренные русские губернии.

Из воспоминаний Цезаря Ложье:

«Холод усиливался, истощение солдат, еще ничего не евших, такое, что многие падают в обморок; другие почти не в состоянии нести оружие, но, тем не менее, желают боя, чтобы согреться, а может быть, надеются найти смерть, которая избавит их от этой долгой агонии. Среди командующих ими офицеров встречаются многие с рукой на перевязке или с забинтованной головой. Одни ранены еще под Москвой, другие под Малоярославцем»[282].

По какой бы причине французские солдаты ни желали боя, они его получили.

Днем 22 октября русские войска пошли на штурм Вязьмы. Неприятель был опрокинут, его батареи замолкли. Первым ворвался в город отряд А.П. Ермолова в составе дивизии И.Ф. Паскевича, трех полков регулярной кавалерии и нескольких донских полков. За ним устремился авангард М.А. Милорадовича, казаки М.И. Платова и А.А. Карпова, партизаны А.С. Фигнера и А.Н. Сеславина. Французы в беспорядке бежали к Семлеву. Прикрывал их отступление корпус М. Нея, занявший место в арьергарде армии.

Однажды Кутузов, глядя с высоты наблюдательного пункта на Ермолова, преследовавшего французов, сказал офицерам своего штаба:

— А я еще сдерживаю полет этого орла… Ему бы армией командовать!

В Вязьме русские в последний раз видели прежние французские войска, недавно вселявшие в противника страх и уважение, искусство их генералов и повиновение подчиненных, попытки с достоинством встретить атакующего противника.

Уже на следующий день ничего этого не было, исчезли искусство генералов и повиновение подчиненных, каждый стал жертвою голода, истощения и превратностей погоды. В бою за Вязьму неприятель потерял до четырех тысяч человек убитыми и около трех тысяч пленными.

В тот день, когда разворачивались события под Вязьмой, Кутузов с основными силами армии находился всего в шести верстах от города и «слышал канонаду так ясно, как будто она происходила у него в передней, — свидетельствовал его адъютант Левенштерн, — но, несмотря на настояния всех значительных лиц Главной квартиры, он остался безучастным зрителем этого боя»[283]. Действительно, многие авторитетные участники войны, в том числе Ермолов, упрекали фельдмаршала в том, что он не помог Милорадовичу отрезать и уничтожить хотя бы один, а то и

все три корпуса французской армии{284}.

Главнокомандующий не оправдывался, но, испытывая чувство горечи, свою позицию на всякий случай объяснил в письме влиятельному при дворе Евгению Вюртембергскому, племяннику императрицы Марии Федоровны:

«Наши молодые, горячие головы сердятся на старика за то, что он сдерживает их пыл, а не подумают, что самые обстоятельства делают больше, нежели… наше оружие. Нельзя же нам придти на границу с пустыми руками!»{285}

Обстоятельства эти — голод и холод, длинные российские версты, партизаны и казаки.

От бескормицы ежедневно гибли тысячи лошадей. Но еще до Вязьмы их трупов не хватало трем четвертям голодной армии. По пути к Смоленску стали пожирать своих мертвых товарищей.

После Вязьмы стали крепчать морозы, вызывавшие страдания, быть может, более сильные, чем голод. С каждой верстой армия Наполеона теряла боеспособность, дисциплину, порядок. Внешний вид французов вызывал у свидетелей их бегства то жалость, то смех. Были среди них генералы, покрытые старыми одеялами, и солдаты — дорогими мехами, офицеры, щеголявшие в теплых женских шапочках и в изорванных салопах.

Отдохнув четыре дня в Смоленске, французская армия снова двинулась на запад: 1 ноября из города выступили остатки корпусов Жюно и Понятовского, через сутки — гвардия во главе с Наполеоном. А вечером в город вошел арьергард Нея, теснимый егерями, драгунами и казаками Платова. Им и придется скрестить оружие в борьбе за старую русскую цитадель.

Французы оставили Смоленск, Узнав, что недалеко от Красного, в селе Кутьково, расположился отряд А.П. Ожаровского, Наполеон послал против него дивизию Молодой гвардии. Докладывая М.И. Кутузову об этом нападении, Адам Петрович писал:

«Быстрое стремление столь превосходных сил в ночное время не только не привело нас в замешательство, но даже было принято, как свойственно российским войскам, с совершенным порядком и духом»{286}.

Этот рапорт сегодня может вызвать чувство гордости за деяния предков, если отнестись к нему с доверием. А он этого не заслуживает.

А.П. Ожаровский потерпел страшное поражение. Это, по мнению Д.В. Давыдова, было «справедливое наказание за бесполезное удовольствие глядеть на тянувшиеся неприятельские войска и после спектакля ночевать в версте от Красного». При этом он потерял половину своих людей{287}.

А.П. Ермолов, в осведомленности которого сомневаться не приходится, писал:

«Молве о случившейся неудаче старались придать желанное направление, что, впрочем, не препятствовало самим подробностям сделаться известными. Государю описано было происшествие с выгоднейшим истолкованием, и все остались довольными!»{288}

Заставив Ожаровского отступить в Палкино, Наполеон открыл своим войскам путь на Оршу и сразу отправил туда корпуса Жюно и Понятовского. Сам же с гвардией остался в Красном ожидать подхода маршалов Богарне, Даву и Нея, которые, преодолевая невероятные трудности, медленно продвигались на соединение с императором.

В трехдневных боях под Красным Наполеон потерпел поражение. Французы потеряли здесь девятнадцать тысяч человек пленными и двести девять орудий{289}. Погибших никто не считал, но историки оперируют цифрами от шести до десяти тысяч человек, неизвестно, из каких источников извлеченными{290}.

Потери русских были значительно меньше, но все-таки велики — до двух тысяч убитыми и ранеными{291}.

«Вот еще победа!.. Бонапарте был сам, и кончилось тем, что разбит неприятель в пух». Так считал Кутузов! Но были и другие мнения…

Признанием заслуг фельдмаршала Кутузова перед Отечеством было повеление государя именовать его князем Смоленским.

В реляции на высочайшее имя Михаил Илларионович отметил, что под Красным генерал-лейтенант Ермолов показал примеры «рвения к службе, личной неустрашимости и военных способностей, чем много содействовал совершенному поражению неприятеля»{292}. Государь наградил героя шпагой, украшенной алмазами.

Сразу после трехдневных боев под Красным М.И. Кутузов сформировал еще один авангард под началом А.П. Ермолова. В состав его вошли два кирасирских, лейб-гвардии егерский и Финляндский полки, двенадцать батальонов пехоты Г.В. Розена и несколько орудий полевой и конной артиллерии.

Ермолов должен был установить связь с Платовым и согласовывать с ним свои действия. Отправляя его принимать авангард, князь наставлял:

— Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях!

— Ваше сиятельство, в мой расчет не входит отличаться,

подобно графу Ожаровскому, — ответил Ермолов.

— Днепр не переходи. Переправь часть пехоты, если атаман Платов найдет то необходимым.

— Ручаюсь за точность исполнения, — сказал Алексей Петрович, крестясь, и «тогда же решил поступить иначе».

М.И. Платов, оставив Смоленск, с пятнадцатью полками своего корпуса двинулся к Дубровне, рассчитывая перехватить неприятеля, отступавшего к Орше. В пути он задержался, увлекшись истреблением отдельных частей французской армии, отрезанных после боя при Красном.

За Оршей Платова нагнал Ермолов, которому Кутузов приказал остановиться в Толочине и ожидать прибытия Милорадовича. Это повеление должно было убедить войска в том, что вслед за авангардом к Березине подойдет и сама армия, тогда как она безнадежно отстала, засидевшись в селе Добром после боев при Красном. Матвей Иванович и Алексей Петрович, давние приятели по костромской ссылке, решили обмануть Михаила Илларионовича.

Ермолов, вспоминая события того дня, писал: Платов «согласился подтвердить донесение мое фельдмаршалу, что повеление его дождаться авангарда в местечке Толочине я получил, уже пройдя его, хотя я находился еще за один переход, и представил со своей стороны, что, вступая в огромные леса Минской губернии, ему необходима пехота, почему и предложил он мне следовать за собою или сколь можно ближе».

Эта невинная ложь была вызвана медлительностью главнокомандующего, упорно ожидавшего точных данных о направлении отступления Наполеона. Правда же состояла в том, что Платов, оставивший в Орше 1-й егерский полк, действительно оказался без пехоты, столь необходимой ему в природных условиях Белоруссии.

Так и шли один за другим с небольшим разрывом: Платов с казаками впереди, Ермолов с егерями и гренадерами позади. По сторонам дороги валялись брошенные французами пушки, тысячи умерших и замерзших людей, видны были пепелища селений.

Люди страдали от ужасающего бездорожья, но особенно из-за недостатка продуктов питания. Солдаты, офицеры и генералы — все были в одинаковом положении: никто не имел ни одного сухаря, ни манерки вина, ибо обозы отстали. И все-таки никто не роптал. Офицер лейб-гвардии егерского полка Василий Сергеевич Норов вспоминал:

«Нам стыдно было бы роптать на судьбу свою, глядя на страдания неприятельского войска и на пример обожаемого нами начальника, неутомимого Ермолова»{293}.

События приближались к развязке. Наполеон всеми силами тянулся к Борисову. Кутузов, оставаясь за Днепром, чуть ли не ежедневно требовал сообщить ему, в каком направлении отступает неприятель, ибо без того не мог решить, куда вести свою армию. Платов в это время продолжал изнурительную борьбу с арьергардом противника. Ни Ермолов, ни Милорадович не могли оказать ему помощь, поскольку отстали от него на один-два перехода. Витгенштейн тоже бездействовал, чем поставил казаков под угрозу флангового удара корпуса Виктора.

Несмотря на известную несогласованность и даже просчеты русского командования, французы уже не заблуждались относительно своего положения. Настроение, преобладавшее в их рядах, очень точно выразил граф Пьер Антуан Дарю:

— Завтрашний день — переход через Березину, он решит нашу участь; может быть, я не увижу более Франции, моей жены и детей. Эта мысль ужасна{294}.

Графу повезло: он увидел прекрасную Францию, жену и детей. Многие не увидели.

Ермолову не довелось участвовать в боях на берегах Березины. Подойдя к Борисову, он по повелению главнокомандующего соединился с армией Чичагова, и тот отправил его в резерв. Однако Алексей Петрович, оказавшись «очевидным свидетелем» тех трагических для неприятеля и драматических для адмирала событий, позднее посчитал своим долгом описать их и дать им принципиальную оценку в своих воспоминаниях, чтобы донести правду до современников и потомков…

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ БЕРЕЗИНУ

Наполеон, избежав «совершенного истребления» у Соловьевой переправы через Днепр и у Красного, приближался к Борисову, где еще в начале ноября было назначено соединение всех русских войск. По авторитетному мнению К. Клаузевица, «никогда не встречалось столь благоприятного случая… чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле»[295]. Кутузов имел трехкратное численное превосходство над противником; еще более важным было позиционное преимущество, ибо французам предстояло форсировать Березину под угрозой ударов с фронта, флангов и тыла одновременно. Кольцо окружения сжималось.

«Поспешите… к общему содействию, — писал М.И. Кутузов П.В. Чичагову в Минск, — и тогда гибель Наполеона неизбежна». Главнокомандующий допускал даже, что противник успеет до подхода русских занять Борисов и, переправясь через Березину, двинется «прямейшим путем к Вильне». Для предупреждения этого он настоятельно рекомендовал адмиралу занять отдельным отрядом дефиле при Зембине, в котором легко можно задержать значительно более сильного неприятеля. Таким образом, Дунайская армия должна была принять основной удар на себя, но только своими силами решить эту задачу он не мог.

Чичагов вполне осознал свою роль в назревающих событиях и заверил Кутузова в том, что всячески будет содействовать «совершенному истреблению» неприятеля на пути его отступления из России.

Корпус Витгенштейна, отбросив войска Виктора и Удино к дороге, ведущей из Орши в Борисов, занял выгодный рубеж, навис над противником с севера и закрыл ему все пути для отступления в этом направлении. Кутузов приказал ему «сближаться к Днепру», сообразуясь с движением Главной армии.

Главная армия должна была двигаться от Копыся через Староселье к местечку Березино, «во-первых, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствие, во-вторых, чтобы упредить» неприятеля, если бы он «пошел от Бобра… на Игумен» в надежде отыскать там удобную переправу. Как утверждал Кутузов, у него были основания для такого предположения[296]. Ермолов же сомневался в этом[297]. А Давыдов объяснил уход фельдмаршала далеко на юг от Борисова элементарным стремлением князя Смоленского «избежать встречи с Наполеоном и его гвардией»[298]. И вряд ли Денис Васильевич был далек от истины…

Кроме корпуса П.Х. Витгенштейна и Главной армии князя Смоленского, на флангах должны были действовать отряды: справа — генерал-адъютанта П.В. Кутузова, слева — А.Н. Сеславина, М.М. Бороздина, Д.В. Давыдова, А.П. Ожаровского.

Таким образом, остатки Великой армии, подгоняемые полками графа Платова, направлялись в западню. Вслед за казаками по-прежнему тянулись отряд Ермолова и авангард Милорадовича.

«Казалось, конечная гибель французов была неминуема, казалось, Наполеону суждено было здесь либо погибнуть со своей армией, либо попасться в плен, — писал Давыдов, — но судьбе угодно было еще раз улыбнуться своему прежнему баловню, которого присутствие духа и решительность возрастали по мере увеличения опасности»{299}.

Первыми вошли в Борисов остатки минского гарнизона Броникoвского и дивизии Домбровского. Едва они расположились на ночлег, как явились русские. Начался ожесточенный бой, продолжавшийся десять часов. Вечером 9 ноября авангард Дунайской армии Чичагова под командованием генерал-майора Карла Осиповича Ламберта ворвался в город. Поляки, потеряв восемь орудий и четыре с половиной тысячи человек убитыми, ранеными и пленными, побежали по Оршанской дороге навстречу Наполеону.

На следующий день к Борисову подошли главные силы армии Чичагова.

М.И. Платов — П.В. Чичагову,
15 ноября 1812 года:

«Милостивый государь Павел Васильевич!

С сердечным удовольствием узнал я о прибытии войск, состоящих под начальством Вашего Высокопревосходительства, к Борисову и о победе, уже одержанной при сем месте. Позвольте, милостивый государь, принести Вам в том мое поздравление…»{300}

Как видно, слух об освобождении Борисова авангардом армии Чичагова слишком долго блуждал по лесам Белоруссии, ибо, когда Матвей Иванович взялся за перо, чтобы поздравить Павла Васильевича с победой, тот не только уступил город войскам маршала Удино, но и допустил роковую ошибку, повлекшую за собой крах репутации адмирала…

Чичагов двинул к Лошницам авангард под командованием генерал-майора Палена, подчинив ему четыре егерских, три гусарских и пять казачьих полков. При выходе из лесного дефиле авангард был встречен плотным огнем французской пехоты и артиллерии, приведен в расстройство и обращен в бегство к

Борисову. Адмирал, вместо того чтобы оказать помощь отступающим соратникам и любой ценой удержать город наличными силами, пока не подтянется вся армия, отошел за Березину, уничтожив за собой мост. В результате Наполеон на несколько дней, с 11 по 14 ноября, стал безраздельным хозяином левого берега реки и мог выбирать место для переправы своих войск. И никто не мог помешать ему в этом. Платов увяз в трудном единоборстве с его арьергардом. Ермолов по-прежнему отставал от атамана на один марш. Витгенштейн бездействовал. Кутузов еще отдыхал в Копысе, не ведая того, что творится в 130 верстах впереди от него: уж слишком долог был путь курьеров, чтобы своевременно уведомлять его сиятельство обо всех превратностях войны.

Чичагов, выбитый *из* Борисова на правый берег Березины, господствовавший над левым, вынужден был пойти на распыление своих сил, чтобы обеспечить наблюдение за передвижениями неприятеля вдоль реки на пространстве в несколько десятков верст.

Между тем Наполеон установил через тамошних крестьян, что лучшая переправа через Березину находится в восьми верстах ниже Борисова, у местечка Ухолоды, но есть брод и выше, в два раза дальше, у деревни Студянки. Теперь надо было обмануть Чичагова, заставить его с войсками пойти в одну сторону, чтобы с остатками армии форсировать реку в другой. Французский император блестяще справился с этой задачей.

Наполеон, создав видимость подготовки к переправе у местечка Ухолоды, ввел Чичагова в заблуждение, заставив его поднять армию и двинуть ее вниз по течению Березины. Сам же максимально скрытно в тот же день, 13 ноября, стал стягивать свои войска к Студянке, где саперы и артиллеристы приступили к наведению сразу двух мостов…

Хитрость Наполеона, несмотря на ее избитость, вполне удалась, но косвенно, не желая того, ему помогли ввести адмирала в заблуждение… Витгенштейн и Кутузов.

Сначала Витгенштейн полагал, что Наполеон пойдет на северо-запад на соединение с фланговыми корпусами. Но дальнейшее развитие событий утвердило его в мысли, что французы будут пытаться форсировать Березину южнее большой дороги. В письме к Чичагову он размышлял:

«Не могу достоверно донести Вашему Высокопревосходительству о намерениях большой неприятельской армии; хотя и говорят, что она повернула к Бобруйску, ибо в таком случае маршал Виктор не преминул бы держаться в Черее, дабы прикрывать марш войска»{301}.

Не мог достоверно донести, так и не следовало бы строить догадки. Вопреки приказу Наполеона, маршалу Виктору не пришлось напрягаться у Череи, ибо Витгенштейн бездействовал, причем не без совета главнокомандующего. Напирал лишь Платов со своими казаками, да и то не на него, а на арьергард армии, который упорно сопротивлялся, создавая условия для отступления остальных войск.

Утром того же дня, когда противники расходились в разные стороны от Борисова, Кутузов уведомил Чичагова, что он с основными силами армии пойдет от Копыся через Староселье к местечку Березино, чтобы упредить неприятеля, если бы он «пошел от Бобра на Игумен». И тем же письмом приказал ему занять дефиле при Зембине, дабы отрезать французам путь отступления на Вильно{302}.

Таким образом, Витгенштейн и Кутузов не исключали возможности переправы неприятеля южнее Борисова. Наполеон, демонстрируя свое намерение сделать именно так, отправил вниз по течению Березины несколько тысяч «отсталых солдат», многочисленные фургоны, пушки и два полка кирасир и тем ввел Чичагова в заблуждение. Адмирал понимал, что фельдмаршал, находясь за 130 верст от противника, конечно, не сможет помешать тому перейти на правый берег реки близ Игумена. Потому-то и взял на себя решение этой задачи, двинулся на деревню Шабашевичи, стоявшую против местечка Ухолоды.

Чичагов допустил ошибку, собрав свою армию ниже Борисова. Но к ней он «прибавил еще одну, какой не сделал бы даже сержант», как писал полковник Великой армии Марбо. Адмирал не только не занял дефиле при Зембине, но даже не сжег два десятка мостов на нем. Если бы он «принял эту разумную предосторожность, французам было бы отрезано возвращение, и переход через реку не послужил бы им ни к чему, потому что они были бы остановлены глубоким болотом»{303}.

Ценой нечеловеческих усилий французы навели мосты. Во второй половине дня 14 ноября на правый берег Березины перешли кавалерия Домбровского и Думерка, пехота и артиллерия Удино. Неприятель сразу же перекрыл подступы к переправе с юга и овладел дефиле при Зембине. Путь на Вильно был открыт.

В тот же день Кутузов в очередной раз потребовал сообщить ему о действительном направлении отступления французов, ибо без того никак не мог решить, куда вести свою армию. На всякий случай повел… на запад, но так отклонился влево от места соединения всех войск, им же самим назначенного, что через неделю, выйдя к Березине, оказался на пятьдесят верст южнее

переправы.

15 ноября войска Богарне, Даву и гвардия Наполеона перешли Березину. Виктор, оставив в Борисове дивизию Партуно и приказав ему по возможности препятствовать соединению русских сил Чичагова, Витгенштейна и Платова, с большей частью своего корпуса отошел к Студянке для прикрытия переправы со стороны левого берега реки, где собирались тысячи нестроевых солдат и обозы.

Партуно, дождавшись назначенного часа, покинул город и повел свою дивизию на соединение с Виктором. В пути он перепутал дороги и вместо Студянки потянулся к Веселову, где напоролся на авангард корпуса Витгенштейна. В то же время в тыл к нему зашел атаман Платов с казаками. Генерал вынужден был положить оружие.

Никто из русских военачальников до вечера 15 ноября не знал, где именно Наполеон устроил переправу. Поэтому авангард корпуса Витгенштейна проскочил мимо Студянки и неожиданно вышел на Партуно, который заблудился. Столь же случайно в тылу у него оказался Платов с казаками. Результатом такого стечения обстоятельств явилась капитуляция французской дивизии.

Таким образом, корпус Виктора сразу лишился пяти генералов, более восьми тысяч солдат и офицеров пехоты с оружием и безоружных, восьмисот кавалеристов и трех пушек{304}.

Между тем и Чичагов, разобравшись в обстановке, повернул свою армию и, отмахав за сутки более тридцати верст, к вечеру 15 ноября остановился близ Борисова. Его войска, измученные в этот день трудным маршем, не могли двигаться дальше.

На подходе были также авангард Ермолова в составе двенадцати батальонов пехоты, двух полков кавалерии и двадцати четырех орудий.

16 ноября снег падал хлопьями; поля и леса были покрыты белой пеленой и терялись в тумане; ясно различались мрачная, наполовину замерзшая Березина, темные воды которой пробивали себе путь между льдинами, и мосты, едва возвышающиеся над поверхностью реки. А на берегу десятки тысяч безоружных, больных, почти одичавших людей, давящих друг друга ради того, чтобы прорваться на ту сторону, где, может быть, еще удастся спастись от этих наводящих ужас казаков, одержимых страстью грабежа.

Рано утром авангард корпуса П.Х. Витгенштейна потянулся к Студянке и на рассвете перешел в наступление против войск К.В. Виктора. Его поддержали часть дивизии Г.М. Берга и резерв А.Б.

фока. Но особенно большой вред неприятелю причинила артиллерия, открывшая огонь по мостам через Березину. Людей охватила паника. Солдаты, еще сохранившие силу, сбрасывали в воду слабых, мешающих им продвигаться вперед, шли по телам больных и раненых. Когда один из мостов рухнул под тяжестью обозных повозок и орудий, все бросились ко второму. Давка была такая, что уже никто не мог противиться натиску. Здесь, по свидетельству Ермолова, живые завидовали мертвым.

Услышав артиллерийскую стрельбу у Студянки, в наступление пошли войска Чичагова. Удино был ранен, и маршал Ней принял командование на себя. Наполеон бросил в бой остатки Молодой и Старой гвардий. На правом берегу Березины наибольший урон неприятелю тоже нанесла артиллерия.

Развязка наступила на рассвете 17 ноября. Под огнем русских пушек войска Виктора стали отходить к Березине, пробивая себе дорогу штыками и прикладами. Сотни повозок и тысячи нестроевых солдат оставались еще на левом берегу реки, когда генерал Эбле, выполняя приказ Наполеона, поджег мост. Полчаса спустя на толпу налетели казаки. Они рубили людей как капусту…

Когда корпус Виктора переправился на правый берег, Наполеон приказал отводить войска к Зембинскому дефиле, так и не занятому русскими. По данным французских источников, он потерял на берегах Березины убитыми, ранеными и утонувшими в реке от 20 до 25 тысяч своих солдат{305}. Такими же цифрами оперировал историк Богданович{306}. В плен было взято 24 тысячи человек, в том числе 5 генералов и 427 офицеров. Трофеями победителей стали 4 знамени и 22 орудия{307}.

Русские потеряли убитыми и ранеными 4 тысячи человек{308}.

Успех был ошеломляющий, но истребить всю французскую армию до последнего ее солдата, как планировал Кутузов, не удалось. Сам Наполеон, все его маршалы, многие генералы, две тысячи офицеров и семь тысяч самых боеспособных солдат вырвались из окружения и ушли через Зембиновское дефиле, уничтожив за собою мосты, что позволило им на один марш оторваться от преследователей.

Кутузов очень «грустил, что в полон взята не вся неприятельская армия», и вину за это возлагал на Чичагова, который совершил «пустой марш» к Ухолодами «не удержал ретираду» французов. На «земноводного генерала» негодовали, его высмеивали как «ангела-хранителя Наполеона», подозревали даже в измене{309}. Он был козлом отпущения, как выразился Троицкий, ибо таковой был нужен{310}. В советское время «козленком» при нем стал Витгенштейн. И только светлейший

князь Смоленский стоял всегда «слишком высоко в глазах России, чтобы кто-то мог упрекнуть его в чем бы то ни было»{311}.

А основания упрекать М.И. Кутузова были. Вот что писал П.В. Чичагов С.Р. Воронцову, вспоминая главнокомандующего и события почти годовой давности:

«Достаточно перечислить факты, глядя на карту, чтобы убедиться во всех махинациях и в шарлатанстве этого человека и ему подобных. Находясь более чем за сто верст на фланге хвоста неприятеля в тот момент, когда последний переходит Березину, он пишет с невероятной наглостью, что преследует его по пятам, и ему верят.

Что касается Витгенштейна, то он идет в направлении, противоположном тому, по которому должен был следовать, а затем хвалится тем, что вынудил Бонапарта перейти Березину. Стало быть, он сражался со мною, поскольку я находился с другой стороны, чтобы помешать переходу…

Кутузов подставил меня под уничтожение окружившего меня неприятеля»{312}.

Чичагов не имел карт местности и действовал «наощупь». Они были в штабе Кутузова, который находился в семи переходах от театра военных действий. Все просьбы адмирала прислать карты не получили ответа. Создается впечатление, что Михаил Илларионович не был заинтересован в его успехе.

С 9 по 15 ноября Чичагов действовал на берегах Березины один, без чьей-либо поддержки.

Интересно было бы узнать, как наедине с самим собой оценивал свою роль в этом эпизоде войны Кутузов? Но Михаил Илларионович не вел дневник. Зато Арман Огюстен Коленкур передал нам размышление Наполеона:

— Что сделал Кутузов во время нашего отступления, когда перед ним не было никого, способного воевать, а были лишь полуживые существа и ходячие призраки? Он и Витгенштейн позволили нанести тяжелые потери адмиралу Чичагову. Все другие генералы стоили гораздо больше, чем эта престарелая придворная дама…{313}

Вряд ли во всем можно согласиться с Наполеоном, но в одном он прав: Кутузов и Витгенштейн поставили Чичагова на берегах Березины в чрезвычайно трудное положение. Впрочем, и возраст у русского главнокомандующего был весьма почтенный, и «сплетни бабьи» он умел искусно плести, и не только при дворе — в своей армии тоже.

Конечно, фельдмаршал Кутузов был великим полководцем. Это — бесспорно. А адмирал Чичагов был исключительно порядочным человеком. Это тоже не вызывает сомнений.

Могли ли русские добиться здесь большего успеха? При известных условиях могли, конечно. Но слишком многие из этих условий даже не обозначились. Витгенштейн и Кутузов, которые должны были замкнуть кольцо окружения неприятеля, практически бездействовали: первый до утра 16 ноября, а второй до окончания боев на обоих берегах Березины.

Бесспорно, Чичагов допустил ошибку, когда увел армию вниз по течению реки и не занял Зембиновское дефиле, но именно он более других препятствовал переправе неприятеля через Березину и нанес ему самый ощутимый урон. Сами французы говорили, что погубила их совершенно встреча с Молдавской армией у переправы.

В защиту адмирала П.В. Чичагова выступили многие участники Отечественной войны, в том числе генерал-лейтенант А.П. Ермолов. Однако сначала о мнении других.

Д.В. *Давыдов:* «Армия Чичагова, которую Кутузов полагал силою в шестьдесят тысяч человек, заключала в себе лишь тридцать тысяч. Из них около семи тысяч кавалеристов…

Армия Витгенштейна следовала также по направлению к Березине… она продвигалась медленно и нерешительно…

Кутузов, со своей стороны, избегал встречи с Наполеоном и его гвардией, он не только не преследовал настойчиво неприятеля, но, оставаясь на месте, находился все время далеко позади. Это не помешало ему, однако, извещать Чичагова о появлении своем на хвосте французских войск. Предписания его, означенные задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу…

Адмирал, армия которого была вдвое слабее того, чем предполагал князь Кутузов, не мог один, без содействия армии князя и Витгенштейна, преградить путь Наполеону»{314}.

М.Ф. Орлов: «Если бы к адмиралу Чичагову подошли ожидаемые подкрепления, то ни один француз не переправился бы через реку. В самом деле, с двадцатью тысячами человек, из которых только пятнадцать тысяч пехоты, нелегко было охранять всю переправу через реку, берега которой сплошь покрыты лесами и болотами… особенно же тогда, когда с тыла… им угрожали сорок тысяч австрийцев и саксонцев»{315}.

Как видно, Михаил Федорович несколько занизил численность войск Дунайской армии, в которой по точному счету было тридцать три тысячи человек, а в остальном его защита адмирала не отличается от доводов других участников Отечественной войны.

Е.И. Чаплиц заостряет внимание на моральной стороне дела. По его мнению, «переправа еще послужит уроком для военных как

доказательство, что одной храбростью солдата, признанным мужеством офицеров, дарованиями маршалов и генералов нельзя поддержать армию при перемене счастья, но лишь нравственная сторона ее создает дисциплину и не ради внешности, чтобы тяготеть над человеком, но по принципу чести, который возвышает душу над невзгодами, сближает и связывает нас для борьбы и заставляет блюсти честь государя, народа, армии, а не частных лиц»{316}.

Право же, лишь от сознания того, что когда-то в России были такие генералы, сердце начинает биться учащенно, и ком к горлу подступает: не только воевать, но и говорить умели! А как заботились о чести государя, народа и армии!

А.П. Ермолов о беседе с Кутузовым: «Я успел объяснить ему, что Чичагов не столько виноват, как многие желают представить его… Легко я мог заметить, до какой степени простиралось неблагорасположение его к адмиралу. Не нравилось ему, что я осмелился оправдывать его. Но в звании моем неловко было решительно пренебречь моими показаниями, и князь Кутузов не пытался склонить меня понимать иначе то, что я видел собственными глазами. Он сделал вид чрезвычайно довольного тем, что узнал истину, и уверял меня, что совсем другими глазами будет смотреть на адмирала, но что доселе готов был встретиться с ним неприятным образом. Он приказал мне представить после записку о действиях при Березине, *но чтобы никто не знал об этом*».

И такие генералы были. Впрочем, и они заботились о чести государя, народа и армии. А все человеческое и им не чуждо было.

После публикации в середине XIX века «Записок Алексея Петровича Ермолова» об этом узнали все. И все-таки совсем недавно для историков Отечественной войны и биографов Михаила Илларионовича Кутузова этого источника как будто не существовало. Великий полководец, как жена Цезаря, был вне подозрений.

По свидетельству Давыдова, Ермолов составил-таки записку, оправдывающую Чичагова, но она «была, вероятно, *умышленно* затеряна светлейшим» князем Кутузовым{317}.

«По мнению многих, — писал Ермолов, справедливо считавший себя лишь свидетелем событий на Березине, — вина Чичагова в отношении к князю Кутузову заключалась в том, что он умел постигнуть его совершенно».

Совсем недавно Павел Васильевич принял Молдавскую армию у Михаила Илларионовича и много, очень много узнал о деятельности своего предшественника, чего фельдмаршал никак

не мог простить адмиралу.

Вот таким был он, наш национальный герой светлейший князь Смоленский. И вряд его можно считать типичным представителем чисто русского национального характера. Что угодно, только ни это. До чего же устойчива генетическая основа рода человеческого! Вот ведь как получается: его предки приехали на Русь еще во времена Александра Невского и приняли православие, а он в натуре своей сохранил через века нечто не то западное, не то восточное…

Алексей Петрович, встретившийся с Павлом Васильевичем в самый последний день березинской драмы, нашел адмирала человеком «превосходного ума» и позднее очень сожалел, что не смог оправдать его.

А как сам Павел Васильевич воспринял обрушившийся на него поток клеветы? С большим достоинством. Он никого не обвинял и ни перед кем не оправдывался, но другу Семену Романовичу Воронцову написал:

«Толпа везде слепа, но она вдвойне слепа у нас, потому что она менее просвещенная и совсем не имеет привычки пользоваться глазами разума, а значит, ее очень легко ввести в заблуждение, но что думать о тех, кто, зная правду, терпят ложь и клевету?.. Самая большая моя вина в том, что я пришел на место, указанное императором; другие же, кто не пришли туда, все оказались правы»{318}.

Правыми оказались фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов, который совсем не пришел, и генерал Петр Христианович Витгенштейн, пришедший с опозданием.

Березинская операция поставила Наполеона перед фактом катастрофы и приблизила окончание войны на территории России. Он укатил в Париж. Скоро казаки Платова заняли Вильно и Ковно. Главнокомандующий сообщил императору: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля».

Вечером 11 декабря 1812 года Александр I прибыл в Вильно. На следующий день фельдмаршал дал бал по случаю 35-летия императора. Перед входом монарха в зал князь Смоленский поверг к его ногам неприятельские знамена, только что присланные атаманом Платовым. Государь обнял Кутузова и вручил Спасителю Отечества орден Святого Георгия 1-го класса.

Звучала музыка. Государь был молод, красив и весел. Он *чувствовал* себя победителем. Кутузов *был* победителем.

Подводя итог своим размышлениям над событиями Отечественной войны, Алексей Петрович писал:

«Итак, потерявши в течение семи месяцев не менее восьми губерний, попавших под власть неприятеля, лишившись древней

столицы, обращенной в пепел, имея перед собой более пятисот тысяч враждебных полчищ, грозивших истреблением, Россия восторжествовала. Император примером непоколебимой твердости оживил в каждом надежду на спасение Отечества… Исполненные самоотвержения, двинулись храбрые ополчения, ударил час освобождения, и Бог, поборник правых, низложил горделивые замыслы врагов наших…»{319}

Глава пятая.
ПО ДОРОГАМ ЕВРОПЫ

ВОЙНА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГЕРМАНИИ

«От великого до смешного — всего один шаг. Моя армия перестала существовать. О господстве над миром нельзя даже мечтать — удержать бы под своим контролем то, что осталось», — так или примерно так думал Наполеон, мчась через всю Европу в Париж.

Переход русских войск через границу был предопределен.

Обращаясь к солдатам и офицерам армии, Кутузов писал:

«Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Перейдем границу и потщимся завершить поражение неприятеля на собственных полях его»[320].

Главная армия устала, растянулась, численность ее приметно уменьшилась, обозы с провиантом, боеприпасами и обмундированием отстали. Она нуждалась в отдыхе и пополнении резервами. Учитывая все это, Кутузов принял решение остановиться. Государь же настаивал на немедленном переходе войск через границу.

Остановка Кутузова в Вильно позволяла Наполеону хоть как-то подготовиться к встрече с ним. Поэтому трудно сказать, кому больше пользы сулил отдых русской армии. Так что и Александр I не подлежит безоговорочному осуждению за требование немедленно приступить к освобождению стран Европы.

Впрочем, военные действия в Европе и начались сразу после изгнания французов из России. Уже 2 декабря 1812 года, то есть в день освобождения Ковно, корпус Платова получил предписание «следовать за неприятелем до самой Вислы». А через две недели вслед за ним двинулись войска Витгенштейна и Чичагова.

Вместо двух недель Главная армия фельдмаршала М.И. Кутузова отдыхала месяц. Но наступила пора и ей действовать. 1 января 1813 года она форсировала Неман и тремя колоннами потянулась на запад. В этот день А.П. Ермолов был назначен начальником всей русской артиллерии, причем в обход старшего по времени производства в чин генерал-лейтенанта князя В.М. Яшвиля, служившего под началом графа П.Х. Витгенштейна.

Свой выбор Александр I мотивировал желанием наладить управление армейской артиллерией, хозяйственная часть которой после непрерывных войн с Турцией и Францией нуждалась в серьезной реорганизации. Витгенштейну же посоветовал объяснить Яшвилю, что государь не мог возложить на него эту должность, чтобы не лишать вверенный ему корпус такого генерала. Наконец, желая вполне уважить самолюбие князя, он освободил его от подчинения Ермолову[321].

Алексей Петрович без малейшего удовлетворения встретил назначение на должность начальника артиллерии всех русских армий, ибо «вместе с сим звучным именем» он «получил часть обширную, расстроенную и запутанную».

Между тем на сторону России перешла Пруссия. Командование ее войсками возлагалось на генерала Гебхарда Леберехта Блюхера. В начале апреля союзные войска были уже за Эльбой. Сколь большое значение придавал Михаил Илларионович Кутузов концентрации здесь союзных сил, предельно отчетливо выразил он в письме к царю, написанном за шесть дней до смерти:

«Я в отчаянии, что так долго хвораю, и чувствую, что ежедневно все более слабею; я никак не могу ехать, даже в карете. Между тем надобно стараться, сколь можно поспешнее, сосредоточивать армию за Эльбою»[{322}].

А генералы рвались вперед, настаивая на необходимости распространить действие союзных войск как можно дальше за Эльбу. Кутузов противился.

— Самое легкое, — сказал он однажды с мужицкой прямотой, — идти теперь за Эльбу, но как воротимся? С рылом в крови[{323}].

Кутузов опасался не без оснований: Наполеон спешно формировал новую армию; далеко в тылу продолжалась осада важных крепостей. Правда, только что капитулировал гарнизон Торна, но Данциг и Модлин на Висле и Штеттин, Кюстрин и Глогау на Одере продолжали сопротивляться, отвлекая на себя немалые силы русских.

Силы главнокомандующего таяли. В последних письмах жене он жаловался на усталость от забот и хлопот — «дай Бог только остаться живу»[{324}]. Не остался. 16 апреля 1813 года сердце великого полководца остановилось. Его набальзамированное тело отправили в Петербург. Сердце захоронили близ Бунцлау, где поставили обелиск с надписью:

«До сих мест князь Кутузов-Смоленский довел победоносные русские войска, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя».

Армия осиротела,

А жизнь продолжалась. И продолжалась война. Фельдмаршала М.И. Кутузова сменил генерал П.Х. Витгенштейн. Дебют его в роли главнокомандующего оказался неудачным.

20 апреля произошло сражение у города Аюцена. Несмотря на заметное численное преимущество французов, союзники удержали занятую позицию, но утром следующего дня вынуждены были отступить и на некоторое время отказаться от

роли освободителей Европы. Опасение Кутузова сбылось: русская армия слишком отдалилась от своих резервов. А к Наполеону подходили свежие войска.

Впрочем, П.Х. Витгенштейн, начиная сражение, кажется, сомневался в его успехе, ибо не ввел в бой сильный авангард М.А. Милорадовича, который в случае неудачи должен был обратиться в арьергард и прикрывать отступление армии. По свидетельству Ф.Н. Глинки, офицеры, солдаты и сам отважный генерал так и не смогли уразуметь, почему они в тот ответственный день оставались лишь «праздными свидетелями общего дела»{325}.

А.П. Ермолов, хотя и не имел никакой команды, не отсиживался в штабе. Он вместе со своими адъютантами находился в деле и много способствовал отражению неприятеля, но никакой награды не получил, чем немало удивил А.В. Казадаева, который внимательно вчитывался во все реляции со времени сражения под Малоярославцем и не находил в них имени своего друга…

Французы потеряли в сражении под Люценом 15 тысяч человек, а союзники несколько меньше. К тому же они захватили 5 пушек и 800 пленных{326}.

Русско-прусские войска отступили за Эльбу. 26 апреля они остановились в Нейштадте — левобережной части Дрездена, недавно освобожденной отрядом Д.В. Давыдова. Противников разделяла только река. День был прекрасный, солнечный, цвели каштаны, в воздухе разливалось благоухание — все это так плохо сочеталось с настроением потерпевших поражение солдат.

Граф Витгенштейн, который, по наблюдениям Давыдова, не отличался большими способностями полководца, объяснил поражение недостатком снарядов, в чем обвинил Ермолова. Только вот снарядов начальник артиллерии всех русских армий ко времени Люценского сражения заготовил значительно больше, чем их было выпущено в Бородинском сражении{327}.

В день сражения под Люценом артиллерийский парк, до отказа заполненный снарядами, располагался в шести верстах от поля боя, но они не были востребованы. В результате русские потерпели поражение. Ермолов был отстранен от должности и «заменен мужественным, деятельным и остроумным князем Яшвилем,.. к коему, — по свидетельству того же Давыдова, — особенно благоволил Витгенштейн»{328}.

Натиск войск маршалов Макдональда и Богарне после Люценского сражения сдерживал русский арьергард под командованием генерала Милорадовича, только что удостоившегося титула графа. К вечеру 3 мая он остановился в Бауцене, где смерть положила предел славным делам князя

Кутузова.

Генералы Витгенштейн и Блюхер, доведя численность союзных войск до 96 тысяч человек, решили дать сражение на выгодной позиции у Бауцена, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление от неудачи под Люценом. За два дня кровопролития, 8 и 9 мая, они потеряли 12 тысяч своих солдат и офицеров, французы — на 6 тысяч больше{329}.

Наполеон, раздраженный исходом сражения, кричал:

— Как, после такой резни и никакого результата? Нет пленных? Так эти люди решили не оставить мне ни одного гвоздя!{330}

Отступление продолжалось. По окрестностям Бауцена разливалось море огня. «Народ, выбежав из домов, стоял толпами. Мужчины с пожитками, матери с грудными детьми на руках, старцы, белеющие в сединах… в каком-то оцепенении, без воплей и слез смотрели на сгорающую землю и раскаленное небо. Глубокая ночь, повсеместный пожар, войска, проходящие мимо, как тени, и длинный ряд блестящих вдали штыков представляли какую-то смешанную картину ужасов», — писал русский офицер Ф.Н. Глинка{331}.

Наполеон сам возглавил преследование отступающих, пообещав своим маршалам показать, как надо бить русских и отнимать у них трофеи. Отряды арьергарда успешно отбивали атаки неприятеля.

Союзники отошли к Рейхенбаху. Здесь А.П. Ермолов, отступавший с отрядом в хвосте арьергарда, выдержал продолжительный бой против французских войск под командованием самого Наполеона. П.Х. Витгенштейн, отдавая справедливость герою, писал в донесении государю:

«Я оставил на поле сражения на полтора часа Ермолова, но он, удерживаясь на нем со свойственным ему упрямством гораздо долее, сохранил тем Вашему Величеству около пятидесяти орудий»{332}.

И в последующих стычках он, командуя отдельным отрядом русского арьергарда, давая «сильнейший отпор неприятелю, отступал в совершенном порядке, показывая отличное искусство в распоряжениях, примерную храбрость и мужество, одушевлявшие подчиненных среди самих опасностей»{333}.

Несмотря на донесение П.Х. Витгенштейна Александру I, который и сам был свидетелем подвига А.П. Ермолова, наш герой не удостоился даже устной благодарности. В конечном счете спасение шестидесяти (не пятидесяти!) орудий русской артиллерии государь приписал искусному распоряжению князя В.М.Яшвиля.

Алексея Петровича снова обошли. «Не хотят видеть, что я сделал», — жаловался он Александру Васильевичу Казадаеву.

Ермолов обладал удивительной способностью притягивать к себе людей и не менее поразительным умением наживать врагов, особенно «в высших слоях общества». Многие сторонились язвительного генерала, опасаясь попасть ему на язык. Сам он понимал, что недостаток сдержанности — верный признак отсутствия у него благоразумия и причина всех его бед по службе, но не мог отказать себе в удовольствии потешиться над удачливыми подлецами на военном поприще.

10 мая император французов остановил войска, так и не показав своим маршалам, как надо бить русских. 17 мая Витгенштейн, в полной мере явивший свою неспособность командовать армией, уступил должность Барклаю-де-Толли. Ермолов утверждал, что редко можно встретить генерала столь ничтожного в военном ремесле. В личной храбрости, однако, он ему не отказывал.

Под начало Ермолова Барклай-де-Толли передал вторую гвардейскую пехотную дивизию в составе четырех полков. В то же время другие генералы, «гораздо менее способные», получили от него корпуса. С надеждой отличиться в сражении можно было расстаться, ибо гвардию больше держали в резерве, чем бросали в бой. Решил просить об увольнении — отказали. С чувством омерзения к военному ремеслу вынужден был служить до окончания войны.

«Я себя… знаю и клянусь всем, что свято, не служить более, — писал Алексей Петрович другу. — Хочу жить, не быть игралищем происков, подлости и произвола и не зависеть от случайностей.

Мне близко уже к сорока годам, ничем не одолжен, исполнил обязанности, излишне балован не был, не испортился. Служить не хочу и заставить меня» никто не может{334}.

Столь крутой поворот в развитии войны после смерти Кутузова поверг в уныние монархов России и Пруссии, и они обратились к императору Франции с предложением о перемирии… Оно было подписано 23 мая 1813 года в Плесвице.

Перемирие предложили монархи-союзники (Александр I и Вильгельм Фридрих III), но в нем нуждался и Наполеон. Оно заключалось на шесть недель, но фактически продолжалось на три недели больше. Лишь в полночь 30 июля во французский авангард было передано заявление союзников о возобновлении военных действий. За это время противники пополнили армии резервами, оружием, припасами; солдаты и офицеры отдохнули, подлечились. В начале августа обе стороны готовы были

продолжить кровопролитие. Даже Австрия сделала свой выбор, объявив о разрыве с наполеоновской Францией, что далось ей очень нелегко. Швеция — тоже.

С какими силами противники вступили в осеннюю кампанию 1813 года? Союзники имели без малого 522 тысячи штыков и сабель и почти 1400 орудий. У Наполеона находилось в строю 440 тысяч человек и 1200 пушек{335}.[1]

Союзники разделили свои силы на три армии: Богемскую, Северную и Силезскую, каждая из которых насчитывала соответственно 261, 162 и 99 тысяч человек. Командование первой возлагалось на отменно храброго австрийского фельдмаршала, но посредственного полководца Шварценберга. Вторую возглавил наследник шведского престола, бывший маршал Франции Бернадот. Третья досталась энергичному, но малообразованному прусскому генералу Блюхеру.

После возобновления военных действий события развивались с переменным успехом: то союзники били французов, то французы били союзников. Особенно серьезное поражение русско-прусско-австрийские войска потерпели в середине августа в двухдневном сражении под Дрезденом. Потеряв там до тридцати тысяч человек, они двинулись в Богемию{336}.

После неудачи под Дрезденом Александр I решил взять реванш под Кульмом. Командование союзными войсками он возложил на Барклая-де-Толли. В сражении 17 августа участвовали только войска Витгенштейна и Милорадовича, пехотный корпус и гвардия под началом Остермана-Толстого. На следующий день русские составили большую часть Богемской армии. Однако обо всем по порядку…

Граф Остерман-Толстой с пехотным корпусом и всей гвардией, во главе которой после заболевания Николая Ивановича Лаврова неожиданно оказался Ермолов, получил предписание отступать в Богемию через Максен. Александр Иванович немедленно уведомил об этом Алексея Петровича. Генералы съехались где-то между Доной и Пирной.

Алексей Петрович, хорошо знавший географию Саксонии и Богемии *из* истории походов Фридриха Великого, рассказа адъютанта Михаила Александровича Фонвизина, только что вернувшегося с рекогносцировки местности, и собственных впечатлений, стал страстно убеждать графа в необходимости отступления всех подчиненных ему войск через Петерсвальде:

— Ваше сиятельство, я лишь вчера прибыл из Гигсгюбеля, где обедал у великого князя Константина Павловича, и еще раз ознакомился с этой местностью, которую и без того хорошо знаю. Если вы прикажете отступать на Максен, весь отряд наш будет

окружен неприятелем и неизбежно потерпит поражение. В доказательство того предлагаю отправить по этому пути обоз с инструментами. Ручаюсь, мы его никогда уже не увидим.

Действительно, обоз с инструментом и кассой лейб-гвардии финляндского полка, так обременявший войска, стал легкой добычей французов.

На совещании генералов, состоявшемся на лесной дороге, было решено отступать через Петерсвальде: Остерман-Толстой с пехотным корпусом и первой гвардейской дивизией из селения Пирна, а Ермолов со второй гвардейской дивизией из поселка Дона.

15 августа русские войска под командованием А.П. Ермолова и принца Е.А. Вюртембергского опрокинули неприятеля у Кричвица, Котты и Кольберга. Гвардейские егеря во главе с достойным А.И. Бистромом выбили французов с высот Цегиста. Кавалерия под началом К.Б. Кнорринга и других неустрашимых генералов совершила блистательные атаки на пехоту противника и загнала ее в лес.

В ходе боя. храбрый генерал-майор К.Б. Кнорринг примчался к А.И. Остерману-Толстому, чтобы доложить об успехе. А.П. Ермолов прервал его:

— Генерал, вы сначала довершите дело, а потом приезжайте рассказывать о своих подвигах.

Смущенный Карл Богданович, извинившись, умчался назад. Впоследствии он совершит еще немало подвигов и порадует ими своего знаменитого отца Богдана Федоровича Кнорринга.

Путь в Богемию через Петерсвальде проходил по узкой извилистой дороге. В двух местах, у Гигсгюбеля и Геллендорфа, он пресекался французами. Поэтому отряд Остермана-Толстого, при котором было около тридцати легких пушек, растянулся. Александр Иванович начал уже раскаиваться, что принял совет Ермолова. Алексей Петрович, приказав войскам идти тише, сказал графу:

— Ваше сиятельство, я беру на себя всю ответственность перед его величеством за все, что может приключиться с гвардией.

Преображенцы выбили французов из Гигсгюбельской позиции, а семеновцы штыками проложили себе дорогу у Геллендорфа.

Почти под прямым углом Петерсвальдское шоссе пересекала другая дорога, идущая параллельно речке Бар через селение Макербах на Кенигштейн. По ней свободно могли проследовать даже тяжелые французские орудия. Ермолов, мгновенно оценив значение этого пункта, остановил роту гвардейской артиллерии,

сам расставил орудия на ближайших высотах, а обер-квартирмейстеру Гейеру из корпуса Остермана-Толстого приказал пехотой занять окрестные сады и виноградники и удерживать их, пока остальные войска не займут избранную позицию под Кульмом.

Полковник Гейер не выполнил приказа Ермолова. Французы, овладев высотами и расположив на них свою артиллерию, открыли страшный огонь по отступающим русским войскам.

— Благодарите Бога, полковник, что не я, а граф Остерман-Толстой ваш начальник, — бросил Ермолов Гейеру. — Я приказал бы расстрелять вас на месте!

В десятом часу утра графу Остерману-Толстому ядром оторвало руку. Когда солдаты сняли его с лошади, он сказал:

— Вот как заплатил я за честь командовать русской гвардией! Я доволен.

Александр Иванович сдал командование над всеми войсками генерал-лейтенанту Ермолову. Он и принял на себя все удары численно более сильного противника. Когда на смену Остерману-Толстому прибыл генерал Дмитрий Владимирович Голицын с кавалерией, Алексей Петрович явился к нему, чтобы ввести его в курс дела. Однако этот «отлично благородный человек» сказал:

— Алексей Петрович, победа за вами, довершайте ее; если вам нужна будет кавалерия, я охотно и немедленно вышлю ее по первому вашему требованию.

К вечеру, когда бой уже закончился, пришел корпус Раевского. Алексей Петрович от помощи отказался. Таким образом, слава первого дня Кульмского сражения принадлежит исключительно русской гвардии и ее начальнику генерал-лейтенанту Ермолову.

На ночь гвардию отвели на отдых во вторую линию.

18 августа сражение возобновилось. Особенно упорные бои развернулись на правом фланге, где действовали прусские войска и казаки под командованием Алексея Петровича Ермолова. Трижды они отбивали ожесточенные атаки французов, пытавшихся сломить сопротивление союзников и очистить себе путь к отступлению. Во время последней из них генерал-майор Василий Дмитриевич Иловайский, «презирая ружейные и картечные выстрелы, атаковал сильную пехотную колонну, разбил оную совершенно, взял восемь орудий и захватил в плен командующего корпусом» Жозефа Доминика Вандама, много офицеров и рядовых, «другую колонну принудил бросить оружие и сдаться.

На десятиверстном пути преследования неприятеля казаки отбили еще одну пушку и взяли в плен до четырехсот

человек{337}.

37-тысячный французский корпус был разбит. За два дня боев он потерял 84 пушки, 200 зарядных ящиков, весь обоз, 10 тысяч убитыми и ранеными и 12 тысяч пленными»{338}.

Понятно, что какую-то долю успеха следует отдать также воинам Витгенштейна и Милорадовича, но большая часть его, бесспорно, принадлежит героям Ермолова.

В армии союзников самые большие потери понесли русские — 7000 человек, пруссаки и австрийцы вместе лишились 2300 своих воинов{339}.

Реляцию об итогах сражения, естественно, написал Ермолов. Успех этого дела он отдал «непоколебимому мужеству войск и распорядительности графа Остермана-Толстого». Александр Иванович подписал донесение, в котором Алексей Петрович подчеркнул:

«Все войска сражались с неимоверным мужеством… Нет ужасов, могущих поколебать храбрые гвардейские полки… Они покрыли себя славою»{340}.

И почти ничего о себе… Несмотря на жесточайшие страдания, граф Александр Иванович написал Алексею Петровичу записку. Она читается с большим трудом. Племянник Александр разобрал и опубликовал ее в очерке, посвященном деяниям своего дядюшки. Вот она:

«Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, нахожу только, что *вы мало упомянули о генерале Ермолове,* которому я привык отдавать всю истинную справедливость»{341}.

Когда один из флигель-адъютантов императора привез Остерману-Толстому Святого Георгия 2-го класса за Кульмское сражение, граф сказал ему: «Этот орден должен бы принадлежать не мне, а Ермолову, который принимал важное участие в битве и окончил ее с такою славою…»{342}

Надо отдать справедливость благородному графу Остерману-Толстому. Проживая в Швейцарии, он и тридцать лет спустя с благодарностью вспоминал Ермолова, и просил священника женевской православной церкви Каченовского непременно достать ему портрет Алексея Петровича.

Однажды в Париже Каченовский встретил историка и биографа Ермолова Михаила Петровича Погодина и передал ему просьбу престарелого графа, и «она доставила ему большое удовольствие»{343}.

По убеждению Ермолова, награду за Кульмское сражение заслужили все офицеры и нижние чины «храбрых полков, имевших счастье носить звание гвардии Государя, ими боготворимого»{344}.

Алексей Петрович столько извел бумаги на свои «Записки» и так мало написал в них о себе! У него было много врагов, но и друзей, слава Богу, немало, которые почитали его как человека и полководца. Они-то и выручают биографа язвительного Ермолова. Михаил Александрович Фонвизин, который был адъютантом прославленного генерала, утверждал, что ему «неоспоримо принадлежит слава Кульмской победы». Судя по всему, и Александр I считал так же, коль спросил:

— Чем могу я наградить вас, Алексей Петрович? Остроумный Ермолов, зная о симпатиях царя к иностранцам

на русской службе, ответил:

— Произведите меня в немцы, государь!

После смерти князя Багратиона Ермолов и его друзья стали выразителями недовольства засильем «немцев». Вот как характеризовал Алексей Петрович ситуацию, сложившуюся в армии:

«Отличных людей ни в одном веке столько не было, а *особливо* немцев. По простоте нельзя не подумать, что у одного Барклая фабрика героев. Там расчислено, кажется, на сроки, и каждому немцу позволено столько времени занимать место, сколько оного потребно для отыскания другого немца, сверх ежегодно доставляемого… из Лифляндии приплода»{345}.

Конечно, русский дворянин татарского происхождения допускал слишком широкие обобщения, называя всех нерусских генералов немцами. Почти все они были православными, но лишь немногие действительно немцами. Не буду развивать эту тему, хотя очень хочется. Рискованно это: под статью угодить можно.

Остроты Алексея Петровича передавались из уст в уста и вызывали раздражение у представителей власти. Иногда и государь гневался на него, но он, по свидетельству Дениса Давыдова и Федора Корфа, довольно быстро прощал его. При новом государе фортуна вообще отвернется от него, но уже по другой причине… Но об этом позднее.

Каковы же итоги первых двух недель военных действий после окончания перемирия? Наполеон одержал бесспорную победу над Богемской армией союзников под Дрезденом и заставил ее отступить в Чехию. Но она не могла сгладить неприятного впечатления от поражения генерал-лейтенанта Вандамма. А до него были побиты маршалы Удино и Макдональд. Авторитет великого полководца пошатнулся. Восстановить его могли только успехи в предстоящих сражениях.

После Кульма больших сражений на территории Германии между противниками не было до начала октября. Активно действовали лишь мобильные армейские отряды. Потерпев

несколько поражений в локальных стычках с союзниками, Наполеон стал концентрировать свои силы у Лейпцига. До великой Битвы народов оставалось несколько дней…

* * *

В конце сентября войска союзников в разных местах переправились через Эльбу. 3 октября Богемская армия заняла позиции на берегах Плейсе. Вечером следующего дня к Лейпцигу должен был подойти Блюхер, а еще через сутки — Бернадот и Беннигсен.

Александр I решил дать французам сражение 4 октября. В этот же день и Наполеон планировал разгромить Богемскую армию союзников, чтобы потом обрушиться на подходивших Блюхера, Бернадота и Беннигсена. Дата очередного кровопролития определилась. Осталось реализовать замыслы.

В ночь перед сражением разверзлось небо, выплеснув на противников библейские потоки дождя. Началась страшная буря, ломавшая деревья, срывавшая крыши с домов. Кажется, сама природа восстала против готовящегося кровопролития, но остановить его она уже не могла.

Основные события развернулись на правом крыле Богемской армии под командованием Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. На флангах у него стояли в основном австрийцы и пруссаки, а в центре русские во главе с принцем Евгением Вюртембергским, двоюродным братом Александра I, князем Андреем Ивановичем Горчаковым и графом Петром Петровичем Паленом. Все они составляли войска первой линии, подчиненные генералу от кавалерии Петру Христиановичу Витгенштейну.

Войсками второй линии правого крыла командовал генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский.

Русско-прусские гвардейские полки под командованием генерал-лейтенанта Ермолова входили в общий резерв, подчиненный великому князю Константину Павловичу. Он располагался за центром войск Барклая-де-Толли, между холмом Вахтберг, на котором союзные монархи наблюдали за развитием событий, и деревней Гюльденгосса, занятой французами.

4 октября — первый день сражения, вошедшего в историю как Битва народов. Наполеон решил поразить Богемскую армию союзников, пока не подошли Блюхер, Бернадот и Беннигсен. Против ее центра он бросил почти все свои наличные силы, оставив на флангах лишь минимальное количество войск, чтобы обезопасить атакующих от неожиданного удара справа и слева.

Открыли сражение русские. Они взяли Вахау и Клеберг, двинулись за отступающим неприятелем и попали под губительный огонь французских батарей. В мгновение были подбиты почти все орудия первой линии корпуса принца Евгения Вюртембергского.

Французы пошли в атаку и выбили русских из Вахау и Клеберга. Сражение развернулось по всей линии центра правого крыла Богемской армии. Попытки австрийцев форсировать реку Плейсе, чтобы усилить русских, не имели успеха.

Пользуясь бездействием своих гвардейцев, А.П. Ермолов с адъютантом М.М. Муромцовым надумал посмотреть, как развиваются события на левом фланге правого крыла, где корпус Н.Н. Раевского был атакован большими силами неприятеля.

Николай Николаевич стоял в цепи мрачен и безмолвен. На лице — неудовольствие, но беспокойства никакого. Глаза его горят, как угли, осанка благородная и величественная. Он, как бог войны, — поистине прекрасен. «Да за таким командиром, — рассуждал про себя Ермолов, любуясь другом и родственником, — солдаты пойдут в огонь и в воду».

Переговорив с Раевским, Ермолов с Муромцовым поскакали к своим гвардейцам. Николай Николаевич снова вернулся в цепь.

Генералы, составлявшие свиту союзных монархов, уже в середине дня считали сражение проигранным.

Трудно сказать, как оценивал ситуацию Александр I, но действовал он тогда решительно: приказал подтянуть артиллерию, а лейб-казакам прикрывать ее до подхода тяжелой кавалерии с правого фланга, за которой послал генерал-адъютанта графа Василия Васильевича Орлова-Денисова; из резерва вызвал гвардейские полки, и часть из них под командованием Алексея Петровича Ермолова бросил на штурм деревни Гюльденгосса, чтобы исключить возможность атаки на холм Вахтберг, с высоты которого монархи наблюдали за ходом сражения; от Шварценберга потребовал непременно форсировать Плейсе, чтобы усилить союзников в центре…

А Наполеон между тем бросил в атаку десятитысячный корпус, которым за ранением Ааттур-Мобура командовал генерал Думмерк. В три часа дня вся эта конница, имея впереди латников, огибая Вахау справа и слева, с нарастающим аллюром ринулась вперед, обрушилась на войска принца Евгения Вюртембергского, овладела батареей, изрубив прислугу, и прорвала расположение русской пехоты…

Ермолов и Муромцов, переговорив с Раевским, возвращались к своим войскам. Слева от них проходила вызванная по требованию государя русская гвардейская кавалерия,

растянувшаяся в длинную линию на узкой дороге. Французы уже ожидали их, построившись в эскадронные колонны.

— Вот смотри, Матвей, — привлек внимание адъютанта Ермолов, — как французы бросятся на наших и погонят их.

Едва Алексей Петрович сказал это, как французы обрушились на растянувшуюся кавалерийскую дивизию русских. Ее командир генерал-майор Иван Егорович Шевич был сражен пулей. Отступление превратилось в беспорядочное бегство{346}.

Никаких других войск, кроме лейб-гвардии казачьего полка, составлявшего конвой Александра I, в этот момент поблизости не было. Катастрофа казалась неизбежной.

Донские казаки к этому времени основательно забыли о своей былой вольности и считали себя подданными русского царя и составной частью его армии, а лейб-казаки, находившиеся на положении почетной стражи государя, тем более. Они готовы были умереть за него.

Александр I дал волю лейб-казакам, указав простертой дланью на наступающих французов, которые были совсем близко. Полковник Иван Ефремович Ефремов, оставшийся за командира после отъезда Василия Васильевича Орлова-Денисова с поручением государя, крикнул:

— Благословляю! — и, «высоко подняв свою обнаженную саблю, сделал ею в воздухе крестное знамение»{347}.

Казаки промчались через простреливаемую французскими пушками равнину. Одному из них шальным ядром оторвало голову, а тело его, оставаясь в седле, продолжало нестись на врагов вместе с другими всадниками эскадрона, ощетинившегося пиками.

— Прекрасные воины! — восхищенно сказал Ермолов и помчался очищать от французов Гюльденгоссу.

Между тем граф Орлов-Денисов, выполнив приказ императора, на обратном пути вступил в командование полком и повел его в атаку на, казалось, неисчислимую французскую конницу, преследовавшую русскую легкую гвардейскую кавалерийскую дивизию погибшего Шевича.

Отчаянная атака лейб-казаков освободила от натиска французов отступавшую русскую кавалерийскую дивизию. Она перестроилась и примкнула к флангам полка Орлова-Денисова. Дышать стало легче. Тогда ринулся граф на конницу противника, стоявшую в огромной эскадронной колонне…

Ермолов в это время вел своих гвардейцев на Гюльденгоссу, которую с утра безуспешно штурмовали пруссаки. Неприятеля, засевшего за каменными стенами деревни, выбить было трудно. Алексей Петрович, построив свои полки в две колонны на

флангах и рассыпав гвардейскую пехоту в центре, под бой барабанов повел их на штурм. Противник обратился в бегство. В центре деревни завязался бой в большом каменном доме под красной крышей. Русские егеря ворвались в него, перебили стекла и зеркала, а засевших там французов перекололи и перерезали{348}.

В это время к месту сражения подтянулась русская резервная артиллерия. А.П. Ермолов поставил орудия левее Гюльденгоссы и открыл страшную пальбу по неприятелю, которая, по словам М.А. Милорадовича, была «громче бородинской»{349}.

Г.Л. Блюхер привел Силезскую армию к Лейпцигу часов в пять пополудни, когда сражение практически прекратилось, и сразу бросил в атаку на польскую конницу русскую кавалерию А.Ф. Ланжерона и Ф.В. Остен-Сакена.

На исходе дня сражение прекратилось. С прибытием Силезской армии Блюхера положение Наполеона стало весьма затруднительным. А на подступах к Лейпцигу были уже войска Бернадота и Беннигсена. Поэтому он обратился к союзникам с предложением о перемирии.

В ожидании ответа на предложение о перемирии Наполеон отвел войска к Лейпцигу, откуда думал начать отступление.

Пока он принимал меры оборонительные, союзники готовились обрушиться на него всеми своими силами.

6 октября в Битве народов сошлись 310 тысяч союзников, в том числе *146* тысяч русских, и 171 тысяча французов{350}. Сражение продолжалось с раннего утра до позднего вечера.

Наступила ночь. Предместья Лейпцига были объяты пламенем. Горели ближайшие к городу селения. Союзные монархи решили возобновить сражение на следующий день. Впрочем, никто не сомневался, что Наполеон начнет отступление…

Продолжения сражения не последовало. 7 октября 1813 года Наполеон покинул Лейпциг. Французы разными дорогами потянулись к Эрфурту…

Командуя русско-прусскими гвардейскими полками, Ермолов в то же время оставался начальником лейб-гвардии артиллерийской бригады. Пришло время писать донесения, чтобы не оставить своих героев без царской награды.

А.П. Ермолов — М.А. Милорадовичу,

после сражения под Лейпцигом:

«…Известное превосходство нашей артиллерии над неприятельской ограничивает меня в похвале на счет ее действий; но считаю себя обязанным донести вашему сиятельству об искусном распоряжении господ батарейных командиров…

Господа ротные командиры и офицеры отличаются знанием своего ремесла. Не говорю о храбрости каждого из них… Награждение офицеров является справедливостью, отвечающей их личным достоинствам…»{351}

Таковы были в России офицеры и генералы… Когда-то. И воевать, и писать умели.

Утром в преследование пустились отряды М.И. Платова и В.Д. Иловайского, позднее — А.И. Чернышева и В.В. Орлова-Денисова, а на следующий день со своих позиций у *Лейпцига* снялись регулярные войска союзников. Такого галопа еще не видела старая Европа за всю свою долгую историю.

По свидетельству М.И. Платова, погоня за неприятелем после Лейпцига, когда он, теснимый и поражаемый с тыла и с обоих флангов, не имел возможности доставать себе продовольствие, сделала его отступление похожим на бегство из Москвы в 1812 году.

Французы отступали. Союзники их преследовали, очищая от неприятеля карликовые европейские государства. Генерал Ермолов со 2-й гвардейской дивизией следовал через Баденское герцогство. Проходя мимо памятника маршалу Франции Ла Туру де Тюренну, установленному близ Засбаха, он решил отдать честь памяти этого знаменитого полководца XVII века, настолько знаменитого, что сам Александр Васильевич Суворов сравнивал его с великими героями древности. Правда, будущий генералиссимус и себе знал цену и померился бы с ним силами, будь тот жив{352}.

В приказе по 2-й гвардейской дивизии генерал-лейтенант Ермолов убеждал, что все великие люди имеют право на уважение потомков, и предписал солдатам и офицерам следовать мимо памятника в полной парадной форме и с музыкой.

У памятника полководцу стояло засохшее дерево. На его крючковатом суке, на чугунной цепи висело роковое ядро, сразившее героя. Ермолов громко приветствовал проходившие мимо полки, каждый из которых стройностью рядов старался превзойти другие.

Полки остановились. Водворилась тишина. Троекратным раскатистым «ура!» русские войска почтили память великого французского полководца. После парада офицеры и генералы вошли в мемориальный музей маршала Ла Тур де Тюренна. Алексей Петрович оставил запись в журнале для посетителей, в которой описал все, что только что произошло перед глазами восхищенных баденцев{353}.

К концу ноября 1813 года вся Европа к востоку от французской границы была очищена от неприятеля. Русские

войска остановились во Франкфурте. Пребывание их на кантонир-квартирах, как правило, сопровождалось парадами, пирами и балами, устраиваемыми по случаю успехов, побед, годовщин, именин. Так было в Бартенштейне и Вильно, так было и в этот раз на берегу Рейна.

В тот день во Франкфурте был назначен парад. На него опоздал флигель-адъютант Удом, командовавший лейб-гвардии Литовским полком. Несмотря на то, что полк его явился на смотр задолго до прибытия государя, разгневанный цесаревич Константин Павлович дважды приказал Ермолову арестовать офицера. Поскольку повеление это было объявлено ему перед строем, Алексей Петрович безмолвно повиновался. Однако когда после парада, его высочество ещё раз распорядился на счёт полковника, генерал смело возразил ему:

— Виноват во всём я, а не Удом, а потому к его сабле я присоединяю свою; сняв её однажды, я, конечно, в другой раз её не надену.

Это заявление обезоружило великого князя, и он ограничился лишь выговором Удому. Вот таким был он, наш герой Алексей Петрович Ермолов.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦИИ

С остатками своих сил Наполеон ушел за Рейн. Союзники обложили его со всех сторон. Они угрожали ему из Испании, Италии, Голландии и Дании. Но судьба Франции на заключительном этапе войны должна была решиться на направлении наступления Богемской (Главной), Силезской и Северной армий.

Во главе Богемской армии, при которой находилась Главная квартира союзных монархов, по-прежнему стоял князь Шварценберг. У него под ружьем было 230 508 человек, в том числе 53 408 русских[354].

Силезской армией командовал фельдмаршал Блюхер. Он имел 92 514 человек, в том числе 53 583 русских[355].

В Северной армии шведского принца Бернадота числилось 90 237 человек, из которых 35 237 были русские[356].

Под началом А.П. Ермолова, кроме русской, состояли также пехотные полки гвардии прусского короля и великого герцога Баденского, приписанные к Главной армии.

Командующим всеми русскими войсками считался генерал М.Б. Барклай-де-Толли, но фактически под его началом состоял лишь резерв Богемской армии.

Какие силы противопоставил союзным армиям Наполеон, неизвестно. Михайловский-Данилевский полагал, что они не превышали 120 тысяч человек. В эту цифру он не включил войска, расположенные в Северной Италии и на границе с Испанией, и гарнизоны крепостей, опоясывавших Францию с востока[357].

Итак, 120 тысяч французов против 400 тысяч союзников. Казалось, первые заведомо обречены, но во главе их стоял Наполеон. Впрочем, обо всем по порядку…

Накануне вторжения во Францию Александр I обратился к русским войскам с приказом, в котором, поблагодарив воинов за спасение Отечества, призвал их не уподобляться неприятелю, ибо «человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство… понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку»[358].

В России 20 декабря, а в Европе уже наступил Новый 1814 год. Войска союзников в разных местах начали переправу через Рейн. В пять часов вечера они вступили в пределы Франции.

Русские войска ещё не вступили в Париж, но никто уже не сомневался, что это произойдёт в ближайшее время. Странная сложилась ситуация: Ермолов — постоянно на передовой, но что там делает, из донесений на высочайшее имя не видно. Напротив,

устная молва о его подвигах чуть ли не опережает сами подвиги. Поэтому многие в России стали хлопотать о приобретении его портретов. В числе желающих друг Алексея Петровича по Персидскому походу Александр Васильевич Казадаев. В ответ на его просьбу отец героя писал:

«Обязательное и приятное письмо ваше имел честь получить. Портрет, требуемый вами, был у меня миниатюрный, но когда меня обокрали, тогда и он исчез. Есть ещё у одного моего приятеля масляный, хотя и не очень сходный. Я с сею же почтою писал к нему, что прислал его ко мне, и как скоро получу, в угодность вашу к вам доставлю. Изволите писать, что вы к подлиннику привязаны… Привязанность ваша к нему разрисовала портрет его, ежели можно так сказать, пристрастно.

Подвигов героя вашего я не видел ни разу ни в реляциях, ни в газетах, которые наполнены именами генералов Винценгероде, Теттенборна, Чернышёва, Бенкендорфа и проч. и проч.

Герой ваш был начальником штаба, потом командующим артиллериею, наконец, дивизионным начальником, и теперь, слава Богу, опять командир корпуса… Вы возбудили господ граверов, и я очень сожалеть буду, если они окажутся в накладе; сомневаюсь, что много охотников найдётся покупать оные портреты».

Позднее, когда портрет был уже издан, Пётр Алексеевич, получив экземпляр, писал тому же Казадаеву; «Примите, почтенный мой благодетель, живейшую мою благодарность за подарок. Вы бы не могли ничем меня облагодетельствовать так, кроме сего подарка. Выгравирован прекрасно; искусство приносит честь художнику, но сходство меня удивило…»

Войска союзников продвигались вперед, охватывая дугой Париж с северо-востока, востока и юго-востока. Французские маршалы, выполняя повеление Наполеона, отходили, изредка вступая в арьергардные бои с авангардами своих преследователей. Основные силы сторон на этом этапе войны в боях не участвовали. Пришло, однако, время и им действовать.

Бывало, Наполеон одерживал победы над союзниками во Франции, но они уже не могли изменить положения. Падение Парижа было предопределено.

Для защиты Парижа французы собрали до 45 тысяч человек под командованием Иосифа Бонапарта. Против них союзники выставили не менее 100 тысяч своих бойцов, одушевленных победами в России и Европе. Штурм был назначен на утро 18 марта.

Союзники ворвались в предместье Парижа. В три часа дня Ермолов овладел деревней Бютт Шамон и окрестными высотами,

на которых установил гвардейскую артиллерию. После нескольких выстрелов к Александру I прибыл офицер от маршала Мармона с предложением вступить в переговоры о перемирии. Государь согласился остановить сражение, но при условии немедленной капитуляции. Иначе, пригрозил он парламентеру, вы не узнаете места, на котором стояла ваша столица.

Этот эпизод нашел отражение на картине художника Б.П. Вилленвальде «Перед Парижем», украшающей Александровский зал Эрмитажа. На ней изображены русский император, движением руки останавливающий очередной залп батареи, французский парламентер, А.П. Ермолов, командир и офицер артиллерийской роты его высочества.

Александр I остановил сражение, продолжавшееся несколько часов. Противники понесли большие потери: союзники лишились девяти тысяч своих героев, из них около тысячи русских; французы — четыре тысячи защитников столицы{359}.

19 марта союзные войска вступали в Париж. Торжественное шествие открывала легкая конногвардейская дивизия, за ней шли русские и прусские кирасиры, гусары и драгуны. Александр I въезжал во французскую столицу верхом на чистокровной серой лошади по кличке Эклипс, когда-то подаренной ему Наполеоном. По левую руку от него — король Фридрих Вильгельм III, по правую — Шварценберг, представлявший императора Австрии. За ними, соблюдая дистанцию, следовала блестящая свита из тысячи генералов разных наций, среди них старшие по званию Блюхер и Барклай-де-Толли. И снова войска{360}.

Мир еще не был подписан, а в Петербурге уже славили героев. Вот о чем поведала потомкам молодая писательница Анна Григорьевна Хомутова:

«Вечером мы поехали в театр… подали печатный бюллетень о сражении 18 марта, выигранного на высотах Бельвиля и Монмартра, после которого Париж сдался. Этот бюллетень рассказывал о великих подвигах Барклая, Ермолова, Раевского. Славные имена, блестящие, как маки, после бурь 1812 года и засверкавшие новым блеском в день триумфа»{361}.

Сенат объявил Наполеона низложенным. По воле государя Александра Павловича он получил в вечное владение остров Эльбу, на который отправился под конвоем 8 апреля 1814 года.

22 апреля Людовик XVIII въехал в Париж. Франция получила своего «легитимного» монарха. Ермолов констатирует в дневнике:

«Неприметно ни малейшей радости в народе»{362}.

18 мая в Париже был подписан мирный договор. Александр I поручил красноречивому А.С. Шишкову составить манифест, извещающий подданных об окончании войны, продолжавшейся

почти два года. Адмирал задание выполнил, но документ царю не понравился, и он поручил А.П. Ермолову написать его заново.

Нет необходимости приводить его полностью, но некоторые фрагменты процитировать следует, чтобы добавить в портрет генерала несколько выразительных штрихов:

«Буря брани, подъятая врагом общего спокойствия, непримиримым врагом России, недавно свирепствовавшая в сердце отечества нашего, ныне в страну неприятелей перенесенная, на ней отяготилась.

Исполнилась мера терпения Бога — защитника правых! Всемогущий ополчил Россию возвратить свободу народам и царствам. 1812 год, тяжкий ранами, принятыми на грудь отечества нашего… вознес Россию наверх славы, явил перед лицом вселенной ее величие, положил основание свободы народов…

Единодушие любезных нам верноподданных, известная любовь их к отечеству, утвердила надежды наши. Российское дворянство, твердая опора престола, на коей возлежало величие его; служители алтарей всесильного Бога, их же благочестием утверждаемся на пути веры; знаменитое заслугами купечество и граждане, не жалели никаких пожертвований! Кроткий поселянин, незнакомый прежде со звуком оружия, оружием защищал веру, государя и отечество. Жизнь казалась ему малою жертвою!..»{363}

И еще немало любопытных суждений высказал в этом манифесте Алексей Петрович от имени императора Александра Павловича, позволяющих представить образ мыслей этого замечательного русского генерала, которого лишь недобросовестный историк мог поставить в оппозицию его величеству.

11 мая 1814 года Александр I покинул Париж и отправился в Лондон, в котором его ожидала любимая сестра Екатерина Павловна. Накануне отъезда он назначил Ермолова командующим авангардным корпусом резервной армии численностью в девяносто тысяч человек, дислоцированной в районе Кракова. Одну из дивизий этого корпуса тогда же возглавил граф Воронцов. Между Алексеем Петровичем и Михаилом Семеновичем установились прочные, никогда не прерывавшиеся дружеские отношения. В разное время к их содружеству примкнули другие генералы, в том числе Арсений Андреевич Закревский, Павел Дмитриевич Киселев, Иван Васильевич Сабанеев. С Денисом Васильевичем Давыдовым Ермолов с юных лет поддерживал братские отношения и состоял в переписке.

«Душа в душу, рука в руку, исполненные усердия к славе народа нашего и государя, будем мы действовать вместе, любезнейший граф», — писал Ермолов Воронцову в марте 1815 года{364}.

Нравится ли вам сия записочка, любезнейший читатель? Мне очень! В последние сто лет так никто из генералов не писал, даже лизоблюды. Впрочем, вряд ли и слова такие они могли бы найти.

Неизвестно, как долго пришлось бы друзьям оставаться в Польше, одному в Кракове, другому в Калише, не устрой Наполеон переполох на всю Европу, сбежав с Эльбы…

ПАРАД, ОШЕЛОМИВШИЙ ЕВРОПУ

А.П. Ермолов — М.С. Воронцову,
конец марта 1815 года:

«Вы уже, конечно, читали выписку из “Moniteur”, что Наполеон в Лионе… Я рассуждаю так: во Франции, наименее к нему расположенной, выйти на берег без препятствий есть уже успех значительный. Отойти от берега на 50 миль, надобно непременно иметь связи и способы [содействие], позволить себе предприятие против города, каков Лион, и, сверх того, защищаемого значительным гарнизоном, надобно иметь силы»[{365}].

Побег Наполеона готовился долго и тщательно. Он имел и связи, и содействие, и поддержку гарнизонов по пути следования. Об этом сложилась большая литература: и научная, и художественная. Многие французы, вовлеченные в заговор, пострадали. Судьбу одного из них описал Александр Дюма…

8 марта 1815 года недавно поверженный Наполеон под восторженные крики парижан торжественно вступил в столицу Франции. Начались знаменитые «Сто дней» его правления.

А.П. Ермолов получил сразу два предписания (М.Б. Барклая-де-Толли и К.Ф. Шварценберга) следовать с армией во Францию. Естественно, разными маршрутами. Какой *из* них принять? Решил на всякий случай проинформировать его величество, отправив в Вену адъютанта П.Х. Граббе.

— Какой маршрут намерен выбрать Алексей Петрович? — спросил государь Павла Христофоровича.

— Генерал приказал мне сказать вашему величеству, что выбор маршрута не затруднит его, он будет следовать, сообразуясь с обстоятельствами.

А обстоятельства эти диктовал сам Ермолов.

Австрийцы, пытаясь задержать войска своих союзников как можно дольше, настаивали, чтобы русские во время марша останавливались не в городах, а в специальных лагерях, в которые предполагалось заблаговременно завезти продовольствие и фураж.

— Не сомневайтесь, господин фельдмаршал, — заявил Ермолов австрийскому комиссару Роткирху, — я со своим сорокатысячным корпусом добуду моим солдатам провиант и найду для них квартиры для ночлега.

Роткирх не стал испытывать судьбу и согласился предоставить русским все, что требовал Ермолов, и даже больше. В результате он привел войска на Рейн намного раньше других

генералов{366}.

А.П. Ермолов, следуя параллельным курсом с дивизией М.С. Воронцова, постоянно обменивался с другом письмами, по которым можно точно определить дату прохождения корпусом того или иного города. Так, из сообщения от 12 июля следует, что в Гейдельберге его войска смотрел государь и нашел их «довольно хорошими», но не настолько, как бы хотелось.

Впрочем, его величество Александр Павлович принял Алексея Петровича «благосклонно». Он пытался хоть как-то «усладить» генерала за то, что когда-то «перед лицом неприятеля» взял у него боеспособный корпус, а взамен дал команду, которая должна была «или служить молебны за победы других, или по окончании войны идти в авангарде возвращающейся армии», сетовал он в одном из писем другу{367}.

Предстояла кампания в Бельгии. Веллингтон с 90-тысячной интернациональной армией был уже в Брюсселе. Блюхер со 120 тысячами пруссаков в Намюре. Крупные силы австрийцев и русских двигались к границам Франции. После соединения союзники намеревались начать наступление.

Однако Наполеон вовсе не собирался ждать, когда союзники соединятся. 3 июня он отбросил англо-прусские войска при Линьи, но через неделю потерпел сокрушительное поражение под Ватерлоо. Русские и австрийцы не успели. Славу победы разделили между собой Блюхер и Веллингтон.

Наполеон вторично отрекся от престола и вступил на борт британского корабля. Союзники придумали ему наказание. У него есть название — остров Святой Елены.

28 августа (10 сентября по европейскому стилю) Александр I устроил грандиозный смотр русской армии на Каталунских полях в 120 верстах от Парижа с участием 150 тысяч человек при 540 орудиях. Присутствовали иностранные гости: император Австрии, король Пруссии, герцог Веллингтон, князь Шварценберг, Блюхер, принцы крови, маршалы, генералы, приехавшие из европейских столиц.

Парад произвел ошеломляющее впечатление на союзников. Веллингтон в изумлении воскликнул:

— Я никогда не представлял, что можно довести армию до подобного совершенства!

— Я вижу, что моя армия — первая в мире, для нее нет ничего невозможного! — ответил сияющий радостью Александр.

Союзники стали сговорчивее…

Государь был доволен. Он откровенно признался стоявшему рядом Ермолову:

— В России считают меня весьма ограниченным и неспо

собным человеком; теперь они узнают, что у меня в голове что-нибудь да есть.

Алексей Петрович ответил:

— Подобные слова редки в устах частных людей, но они несравненно реже встречаются у государей. Они тем более удивительны, что в настоящую великую эпоху слава вашего величества не уступает славе величайших монархов в истории мира.

Тогда многие русские, в том числе и военные, восхищались Александром I. Думаю, и Алексей Петрович был искренен. Он считал, что государь постоянно благоволит ему. Впрочем, так оно и было. Конечно, и без высочайших капризов не обходилось…

Алексей Петрович, вспоминая тот последний парад русских войск под Парижем, рассказал однажды адъютантам любопытную историю, а Матвей Матвеевич Муромцов слово в слово записал за ним…

Как ни тянули носки гренадеры Ермолова, как ни выпячивали грудь колесом, а все-таки во время церемониального марша от «неправильной музыки» не то два, не то три взвода из дивизии Алексея Петровича сбились с ритма. Зрители этого не заметили, но Александр I плохо слышал, зато хорошо видел. Он остался недоволен «фрунтовым образованием» его богатырей и «за дурной парад» приказал арестовать несколько боевых полковников и отправить их на гауптвахту, охраняемую в тот день англичанами.

— Государь, — вступился за подчиненных Ермолов, — сии полковники — отличнейшие офицеры, уважьте службу их, а особливо не посылайте на английскую гауптвахту: у нас есть своя Сибирь, в крайнем случае, своя крепость.

— Исполняйте долг свой! — закричал «величайший из монархов» мира, выведенный из терпения язвительной прямотой генерала Ермолова.

Алексей Петрович замолчал, но приказа не выполнил, полковников не арестовал, надеясь, что обойдется. А на случай, если государь спросит о них, заготовил объяснение: «повели свои полки на квартиры в селения».

Государь Александр Павлович спросил, но не у Алексея Петровича, а у начальника Главного штаба Петра Михайловича Волконского, арестованы ли полковники «за дурной парад»? Поскольку их на гауптвахте не оказалось, то он накричал на князя, пригрозив ему наказанием. Тот, испугавшись, бросил на поиски Ермолова своих адъютантов. Его нашли в театре.

Адъютант Христом Богом умолял Ермолова расписаться в получении записки Волконского. Алексей Петрович вышел в фойе

и расписался. На другой день генерал еще раз попытался уговорить государя. Не помогло. Он вынужден был арестовать полковников и отправить на гауптвахту. «Как не обожать великого Алексея Петровича!» — закончил изложение рассказа генерала Ермолова его адъютант Муромцов{368}.

Для Алексея Петровича эта история закончилась без последствий. Александр Павлович настоял, но, по-видимому, счел излишним отчитывать остроумного генерала. А великий князь Николай Павлович, которому лишь по стечению обстоятельств, созданных венценосным братом, суждено было через десять лет занять российский престол, вмешался в дело и попытался осудить поведение Ермолова.

— Я имел несчастье подвергнуться гневу его величества, — ответил генерал-лейтенант на назидание великого князя. — Государь может посадить нас в крепость, сослать в Сибирь, но он не должен ронять храбрую русскую армию в глазах чужеземцев. Гренадеры пришли сюда не для парадов, но для спасения Отечества и Европы. Таковыми поступками нельзя приобрести расположения армии, — и затем добавил. — Ваше высочество, разве вы полагаете, что военные служат только государю, а не России? Вы еще достаточно молоды, чтобы учиться, но недостаточно стары, чтобы учить других.

По представлениям Ермолова, служить Государю все равно что служить Отечеству. А служба имеет смысл лишь тогда, когда она приносит пользу, в том числе и самому себе.

Монолог этот стал известен Александру I, и он приказал перевести арестованных полковников с международной гауптвахты в специальную комнату, подготовленную для арестованных в занимаемом государем Елисейском дворце.

По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского, «великий князь по молодости лет не нашелся, что ответить генералу. Но, надо думать, что эти слова глубоко запали в душу мстительного Николая Павловича и положили начало тому недоверию, которое так сильно отразилось на Алексее Петровиче Ермолове в прискорбные дни декабрьских событий» 1825 года.

Впрочем, до восстания декабристов еще десять лет, а Алексей Петрович пока не лишился доверия его величества Александра Павловича. А значит, будет служить на пользу ему и Отечеству.

В октябре русские войска стали возвращаться на родину. Выступил из Парижа и Ермолов. С пути он писал Воронцову, оставшемуся во Франции командовать оккупационным корпусом:

«Я во Франкфурте, Главная квартира идет следом за мною, и я на вечном параде… Великий князь Константин Павлович сегодня будет объезжать корпус. Оба молодые князя уже

приехали, здесь и Екатерина Павловна. Я мимо них действую в параде и потом каждого пропускаю на походе. Церемониальную службу мою я скоро кончу, ибо приближается время моего отпуска»[{369}].

По пути на Родину великая княгиня Екатерина Павловна попросила брата-цесаревича представить ей Ермолова. Увидев его, она сказала:

— Алексей Петрович, я очень хотела с вами познакомиться. Я слышала, что граф Витгенштейн и другие преследуют вас и успели уже очернить вас в глазах государя.

Ермолов ответил ей:

— Эти господа несправедливо обвиняют меня, чтобы оправдать свои неудачи. Они подражают Наполеону, который своё поражение под Лейпцигом приписывает лишь полковнику, слишком рано взорвавшему мост. Относительно неблаговоления государя ко мне, награждённому наравне с другими генералами, к коим его величество наиболее милостив, скажу так: я могу не обращать внимания на это.

— Ты, матушка Екатерина Павловна, слывёшь у нас в семье вострухою, не пускайся с ним слишком далеко, потому что он тебя двадцать раз продаст и выкупит, — сказал Константин Павлович сестре и рассмеялся.

Алексей Петрович довел войска до Познани, где в ноябре 1815 года передал командование корпусом генерал-лейтенанту Ивану Федоровичу Паскевичу, а сам покатил в Россию, чтобы, наконец, воспользоваться отпуском, навестить отца, отдохнуть.

* * *

Последний парад русских войск под Парижем ошеломил союзников, но не отразил действительного состояния армии, которую надо было приводить в порядок. Кто мог решить эту чрезвычайно трудную задачу? По мнению Аракчеева, она была по силам только Ермолову. Рекомендуя его на должность военного министра, граф убеждал царя в Варшаве:

— Армия наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается в хорошем военном министре; я могу указать вашему величеству на двух генералов, которые могли бы прежде других занять это место с большою пользою для России: Воронцова и Ермолова.

Назначению Воронцова, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного, приятного в обществе, не лишенного деятельности и тонкого ума, возрадовались бы все, но вы, ваше

величество, вскоре усмотрели бы в нем недостаток энергии и бережливости, какие нам в настоящее время необходимы.

Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно. Он начнет с того, что со всеми перегрызется, но порядок в армии наведет. Энергия, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость впоследствии его полностью оправдают.

Запомним, что именно Аракчеев предложил императору Александру I кандидатуру Ермолова на место военного министра России. И руководствовался он исключительно интересами государства. Правда, Алексей Петрович как военный министр не состоялся, поскольку для него нашлась должность еще более важная…

В Вильно Алексей Петрович встретился с братом Александром Михайловичем Каховским, но о чем был разговор между ними, я не знаю. Потом он несколько дней прожил в Смоленске.

Здесь, в Смоленске, Ермолов ужаснулся масштабу разрушений города. Казалось, что неприятель только что оставил его. Размышляя над недавним прошлым, Алексей Петрович думал: «Горе тому, кто ступит на землю Русскую!» Похоже, эта пророческая мысль очень понравилась нашему отпускнику, коль он закончил ею письмо к брату Александру Михайловичу.

Ну а далее путь Ермолова лежал в Орловскую губернию, где в селе Аукьянчиково проживал его престарелый отец. После долгого отсутствия Алексей Петрович предался там совершенному безделью, «которое у военных людей нередко заменяет спокойствие». Во всяком случае, так определил сам генерал свое состояние и понимание отдыха. Он отнюдь не хотел возвращаться в армию, думал поехать на кавказские минеральные воды, но получил высочайшее повеление прибыть в Петербург.

Этот вызов не явился для Ермолова неожиданным. Из неофициальных сообщений он уже знал о предполагаемом назначении его «начальником в Грузию», о чем давно мечтал, даже тогда, когда «по чину не мог иметь на то права». А коль так, хранил мечту в тайне. Но об этом речь пойдет в следующей главе.

Глава шестая.
ЗА ХРЕБТОМ КАВКАЗА

НАЗНАЧЕНИЕ

Ошеломив союзников парадом, Александр I покинул Париж и скоро вернулся в Петербург. Там уже несколько месяцев ожидал его персидский посланник Абуль-Хасан с поручением шаха добиться возвращения ему, хотя бы за денежное вознаграждение, нескольких ханств, отошедших к России по условиям Гюлистанского мира.

Александр I принял Абуль-Хасана, но не сказал ему ничего определенного, пообещав дать ответ шаху Фетх-Али через своего посла, который будет отправлен в Тегеран в ближайшее время.

6 апреля 1816 года Александр I назначил Ермолова не только командиром отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии, но и чрезвычайным и полномочным послом в Персию. Чем определялся выбор императора? Версию советских историков, настаивавших на том, что он хотел отправить подальше от себя очень популярного в передовых кругах России генерала, придется признать, мягко говоря, несостоятельной, ибо в силах государя было подрезать крылья оперившемуся орлу. А он возвышал его, предполагая назначить военным министром. Это пугало многих генералов. «Передовые круги» России еще никак о себе не заявили и ставку на популярного героя Отечественной войны пока не делали. Ермолов еще не находился на подозрении у властей. Все это придет, но позднее лет на десять. А благоприятные отзывы о нем будущих декабристов говорят лишь о его личных качествах и не более. Он действительно лучше других мог «соблюсти выгоды государства при иностранном дворе» и «быть лучшим управляющим области». Но так считал и Александр I.

Ермолов мечтал об этой должности, и помогли ему занять ее вовсе не недруги, которые якобы опасались испить «от него горькую чашу» в случае назначения его военным министром, а лучшие друзья. Вот что писал он Арсению Андреевичу Закревскому в феврале 1816 года, когда считался в отпуске и проживал в имении отца:

«Поистине скажу тебе, что *Грузия* во сне мне грезится, а все прочие желания умерли. Не хочу скрывать от тебя, что гренадерский корпус меня сокрушает, и я боюсь его… Не упускай случая помочь мне отправиться на восток»{370}.

Закревский, желая «порадеть родному человечку», не упустил случая, обратился с просьбой к ближайшему другу Александра I князю Петру Михайловичу Волконскому, которого советские летописцы почему-то относили к заклятым врагам Ермолова. И

государь, вопреки своему желанию сделать Алексея Петровича руководителем военного ведомства, отправил его на Кавказ, однако не для того, чтобы оградить грабителей казны от этого бескорыстного до щепетильности генерала. Он надеялся получить в его лице наместника умного, красноречивого, образованного, решительного и предприимчивого, способного укрепить позиции России в этом важном районе и подвести под ее власть непокорных горцев.

Князя Волконского поддержал граф Аракчеев, который, как я уже рассказывал, рекомендовал Ермолова на должность военного министра. Он убеждал Александра I, что тот непременно переругается со всеми, наживет себе немало врагов, но порядок в армии наведет. Солдаты будут обуты, одеты и накормлены. И все-таки его величество отправил его на Кавказ, где он был необходимее.

Чтобы убедиться в том, что назначение Ермолова «начальником в Грузию» отвечает намерениям генерала, государь даже вызвал его в Петербург для беседы.

— Я никогда не поверил бы, — говорил император, протягивая генералу руку, — что ты можешь желать назначения на Кавказ, если бы это не утверждали князь Волконский и граф Аракчеев.

Алексей Петрович с радостью принял предложение его величества. В противном случае, избавь Господи, государь оставит в Петербурге. Он терпеть не мог столицу с ее бюрократией со времени возвращения из ссылки, когда ему пришлось обивать пороги кабинетов военного ведомства в поисках своих документов о службе. А был еще высочайший двор, «достойный презрения». По его убеждению, придворные всего мира могли бы составить «нацию особенную». Разница между ее составляющими «ощутительна только в степени уточнения подлости, которая уже определяется просвещением»{371}.

Переписка Ермолова с друзьями — бесценный клад для историка и биографа. Она позволяет получить ответ из первых рук на многие вопросы, встающие перед исследователем.

Назначение на должность наместника избавило Ермолова от необходимости возвращаться в гренадерский корпус и от наскучившей однообразной службы. Теперь перед *ним* открывался широкий простор для активной деятельности на территории огромного и малоизвестного края, хотя на востоке ему довелось побывать еще в юности под началом графа Валерьяна Александровича Зубова.

Назначение же чрезвычайным и полномочным послом в Персию явилось для Алексея Петровича совершенной

неожиданностью. Вот что писал он 15 мая 1816 года другу почти всей его жизни Михаилу Семеновичу Воронцову:

«…Скажу тебе вещь страннейшую, которая и удивит тебя и насмешит. Я еду послом в Персию! Сие и мне самому еще в голову не вмещается, но я точно — посол, и сие объявлено послу персидскому, и двор его уведомлен. Ты можешь легко себе представить, что, конечно, никаких негоциации нет и что это *настоящая фарса, в противном случае,* послали бы человека, к сему роду дел приобвыкшего. Не менее, однако же, любопытно и самое путешествие, а паче в моем звании. Не худо лучше узнать соседей»{372}.

Ермолов не кокетничал, когда писал другу, что «никаких негоциации» не было. Действительно, никто не просил государя Александра Павловича о назначении его чрезвычайным и полномочным послом в Персию. Царь сам додумался до этой «фарсы». И боевой генерал исполнил доверенную ему роль блестяще.

Алексей Петрович был настолько доволен назначением начальником на Кавказ и послом в Персию, что называл себя «балованным сыном счастья»{373}.

Ермолова, как правило, окружали хорошие люди, с кем состоял он в переписке и мог разделить свои успехи и неудачи. Одним из его постоянных корреспондентов был великий князь Константин Павлович, редкий хам и насильник. В архиве Алексея Петровича скопилось немало его писем. А сам цесаревич, не желая того, со временем сыграл заметную роль в судьбе проконсула Кавказа.

Цесаревич Константин Павлович терпеть не мог возражений, а вот Алексею Петровичу, которому покровительствовал с весны 1805 года, многое прощал и лестно отзывался о нём:

«Ермолов в битве дерётся как лев, а чуть сабля в ножны, никто от него не узнаёт, что он участвовал в бою. Он очень умён, всегда весел, очень остёр и весьма часто до дерзости». Признаюсь, о нём трудно узнать что-либо не только из его рапортов и донесений, но даже из его собственных воспоминаний.

Свои письма к Ермолову великий князь начинал почти всегда одним и тем же обращением: «Любезнейший, почтеннейший, храбрейший друг и товарищ». Узнав о новом назначении Алексея Петровича, он писал ему:

Назначению вас послом «совсем не удивляюсь, я вам говорил всегда и повторяю снова, что единственный Ермолов горазд *(способен)* на все». И далее рекомендовал быть осторожным: «как бы Персия не перевела много православных»{374}. Нет, не физически, климат здешний мог извести многих людей,

прибывших из северной страны.

Убеждён, великий князь не кривил душой. Вот что писал он ему однажды с нескрываемым упрёком: «Я всегда был и буду одинаков с моею к вам искренностью, и оттого между нами та разница, что я всегда к вам был как в душе, так и на языке, а вы, любезнейший и почтеннейший друг и товарищ, иногда с обманцем бывали».

Вполне возможно. Ермолов был образованным и, в общем-то, достаточно воспитанным человеком. Он редко срывал своё недовольство на подчинённых, хотя в отношениях с близкими людьми мог употребить крепкое словечко для усиления выразительности описываемой ситуации, в чём мы если и не убедились ещё, то убедимся. О его порядочности знали все. Константин Павлович же, как я отметил уже, пользовался репутацией хама и насильника. Поддерживать с ним дружбу было стыдно, а отвергать её опасно: вот и приходилось хитрить, иногда поступать «с обманцем», а великий князь заметил это и упрекнул Алексея Петровича.

Алексей Петрович очень серьезно готовился к исполнению возложенной на него миссии. Он перечитал все, что сумел найти о стране, в которую направлял его государь, но прежде всего «Персидские письма» Монтескье с подробным изложением сути восточной деспотии. Влияние этого сочинения мы еще обнаружим во всеподданнейшем рапорте Ермолова, в котором посол будет подводить итоги своей поездки к Фетх-Али-шаху.

В начале августа Алексей Петрович оставил Петербург. Русская «птица-тройка» «довольно скоро и хорошо» домчала его до Москвы, где почти месяц он пребывал в свите императора.

А.П. Ермолов — А.В. Казадаеву,

21 августа 1816 года:

«…Живу праздно и весело, чрезвычайно рад случаю, сделавшему меня свидетелем пребывания здесь Государя. Народ в восхищении и боготворит его. Он подданным своим — совершенный отец. Так благосклонно его обращение, так свободен к нему доступ. Он обласкал дворянство и все состояния, *в благодарность за это* все готовы в другой раз зажечь Москву без ропота. Для него, кажется, нет ничего невозможного. Я первый раз вижу *выражение* подобных чувств, и до сего *времени* не имел о том понятия.

Слава русскому народу!»{375}

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ПЛАНЫ

Ермолову приходилось начальствовать штабом армии, командовать гвардейской дивизией, гренадерским корпусом и всей артиллерией. Теперь вот выпало управлять ещё и «гражданской частью» огромного края и выполнять обязанности чрезвычайного и полномочного посла в Персии. А в этом деле он никакого опыта не имел. Но в России в то время достаточно было быть генералом, чтобы не вызвать сомнений, что любая задача человеку с золотыми эполетами на плечах по силам. Позднее так ценился лишь член Коммунистической партии, которая, как известно, была «умом, честью и совестью нашей эпохи». Такой мог водить руками где угодно: на фабрике, на стройке, в каком-нибудь сибирском лагере…

Однако обо всём по порядку.

От Москвы-реки до реки Куры восемьдесят станций и две тысячи верст. Многие праздные путешественники преодолевали это расстояние месяца за полтора. Ермолову хватило одного, даже несколько меньше.

По пути в Тифлис Ермолов остановился в Георгиевске, тогдашнем центре управления Северным Кавказом. Пробыв здесь всего несколько дней, он узнал, что терские и даже кубанские казачьи станицы, а за ними и русские крестьянские поселения являются ареной постоянных набегов горцев. Для них жить здесь означало воевать, и только воюя можно было жить. Однако особенно поразил будущего наместника и оказал влияние на выбор им линии поведения во вверенном крае случай похищения чеченцами с целью получения выкупа майора Павла Швецова, героя многих сражений русских солдат под началом легендарного генерала Котляревского во время минувшей войны с Персией.

* * *

6 февраля 1816 года, то есть задолго до появления на Кавказе Ермолова, майор Грузинского гренадерского полка Швецов выехал в отпуск из Шемахи, но не обычным путём по Военно-Грузинской дороге, а на Кубу, Дербент и далее на Кизляр. Наспех собранный в Кази-Юрте конвой из девятнадцати человек, подвластных кумыкскому князю Шефи-беку, оказался ненадежной охраной.

На подступах к Кизляру наши путники напоролись на засаду. Одиннадцать человек сразу пали, сражённые выстрелами из

зарослей камыша, другие были ранены, попали в плен или ускакали за помощью в Кизляр. Швецов остался один. Лошадь под ним была убита. До десяти чеченцев ринулись на майора. Троих он зарубил, остальные отпрянули. Важно было продержаться до подхода подкрепления.

Силы оказались неравными. Отбиваясь от нападающих с фронта, он получил удар по голове сзади. Чеченцы набросились на него, связали и как вьюк перебросили через седло. Теперь им осталось только уйти от погони, которая тремя отрядами казаков, ногаев и кумыков уже мчалась из Кизляра.

Ближе всех к цели оказался отряд ногаев под началом старшего брата майора Швецова, нагнавший похитителей. Парламентёр чеченцев заявил, если их не пропустят, они будут драться до последнего человека, но первой жертвой неизбежно станет пленный, которого зарежут, чтобы потом никто не посмел сказать, что какие-то татары отбили у них добычу.

Через несколько дней Швецова доставили в аул Большие Атаги. Похитителей русского офицера встречали как героев. Каждый наровил плюнуть ему в лицо, ударить камнем или показать, играя кинжалом, с каким удовольствием он изрезал бы его на куски…

Вероятно, чеченцы принимали майора Швецова за лицо весьма значительное, коль оставили его в мундире, при орденах и назначили за него огромный выкуп — десять арб серебряных монет. А до получения его бросили пленника в глубокую яму и заковали в ручные и ножные кандалы.

Позднее чеченцы заметно уменьшили сумму выкупа до двухсот пятидесяти тысяч рублей. Но где взять такие деньги? Ответ на этот вопрос нашел друг майора Швецова генерал-майор Котляревский, который предложил своему давнему соратнику Головину, проживавшему в Петербурге, обратиться через газеты с воззванием к русскому обществу внести посильный вклад в дело освобождения героя минувшей войны. На этот призыв откликнулись все сословия, в том числе и солдаты оккупационного корпуса Воронцова во Франции. В результате денег было собрано более чем достаточно.

В таком положении застал ситуацию Ермолов, когда явился на Кавказ перед отъездом в Персию. Он лично не мог заняться этим делом, но дал ему своё направление.

«Честью отвечаю Вам, — писал он матери Швецова, — что заступающему моё место будет вменено в особую обязанность обратить внимание на участь вашего сына, и он столько же усердно будет о том заботиться, как и я сам. Нас всех должна побуждать к тому обязанность печься об участи товарищей по

службе»{376}.

Прежде чем отправиться в Тифлис, Ермолов приказал генералу Ивану Петровичу Дельпоццо собрать всех кумыкских князей и владельцев, через земли которых был провезён Швецов, заключить их в Кизлярскую крепость и объявить, что если через десять дней они не добьются освобождения пленника, то все (восемнадцать человек) будут повешены. Так с похитителями русских людей на Кавказе до сих пор никто не разговаривал.

Пытаясь спасти свою жизнь, арестованные сумели добиться понижения суммы до десяти тысяч рублей. Но Ермолов не намерен был платить и этих денег от имени правительства. Алексей Петрович договорился с Султан-Ахмед-ханом аварским, «другом всех мошенников», внести выкуп от своего имени. Ему удалось скостить эту цифру до восьми тысяч. Позднее, когда Швецов был уже на свободе, наместник компенсировал его расходы{377}.

Майор Швецов был освобождён, позднее прославился в боях против чеченцев и дагестанцев под командованием легендарного генерала Мадатова, но прожил недолго. Неведомая нам болезнь скрутила его в Дербенте и свела в могилу.

* * *

Там же, в Георгиевске, Ермолов вник в так называемые «кабардинские дела» и сделал первый шаг к их решению. Не стоит, однако, опережать события…

Кабарда, раскинувшаяся от предгорьев Кавказа до южнорусских степей, никогда не имела чёткой границы с Россией. Отношения между странами с давних пор были добрыми, но под влиянием Крыма и Турции они испортились, что выразилось в грабительских набегах кабардинцев на терские и кубанские поселения.

Вразумлять кабардинцев ходили с войсками многие российские генералы — Медем, Якоби, Потёмкин, Глазенап, Булгаков и, наконец, Дельпоццо. И надо сказать, в их лице они нашли очень достойных противников, с которыми нельзя было не считаться.

Кабардинцы приняли российское подданство ещё в XVI веке, из которого то выходили, то снова возвращались. Потеряв значительную часть населения в годы эпидемии чумы, они не могли рассчитывать на успех массового восстания. Но их тактика нападения на прилинейные поселения мелкими группами или даже в одиночку наносила русским не меньший ущерб, чем

общий вооружённый мятеж. Вот как понимал Алексей Петрович ситуацию, сложившуюся в этой части Северного Кавказа:

«Правительство допустило водворение в Кабарде мусульманской веры, и получило священнослужителей, озлобленных против нас. Порта с намерением подсылала их *к нам… Но долгое бремя ничто не могло поколебать доброго отношения кабардинцев к русским.* Слишком равнодушное к переменам начальство только тогда стало противиться оным, когда меры насилия сделались необходимыми… Поэтому люди, прежде желавшие нам добра, охладели, неблагонамеренные сделались совершенными злодеями. Веру и учреждения свои все решились защищать единодушно.

Корыстолюбивые муллы взяли на себя разбирательство дел, прежние суды были уничтожены. Князья и лучшие фамилии потеряли всякое влияние, лишились всякого уважения в народе, и мы не могли иметь *поддержки* никакой партии. Молодые люди знатнейших семейств включились в грабежи и разбои, и между ними отличались те, кто более наносил вреда русским, нападая на безоружных поселян Кавказской линии»{378}.

Государь требовал при наведении порядка использовать прежде всего меры убеждения и лишь в крайнем случае допускал насилие, чтобы не давать кабардинцам повода обвинять русских в напрасном пролитии крови.

Близ Георгиевска Ермолова встречали кабардинские князья, явившиеся кто по доброй воле, а кто по вызову. Он долго разговаривал с ними, советовал удерживать своих узденей от разбоев, которые могут повлечь за собой строгое наказание. Алексей Петрович не обольщал себя надеждой, ибо хорошо «знал, что все они много обещают и ничего не исполняют, но не мог приступить к мерам смирения», не зная, какие дела ожидают его по прибытии в Тифлис.

Покидая Георгиевск, главнокомандующий приказал взять от Кабарды заложников, предупредив, что за всякий разбой на линии они будут расплачиваться своей жизнью.

В то же время он обратил внимание на дисциплину среди донских казаков, нёсших службу на передовых пикетах. Они позволяли кабардинцам совершенно безнаказанно разбойничать в пределах России, нередко спали на посту. Алексей Петрович отдал под военный суд двух младших офицеров, обвинённых в нерадивом отношении к делу.

* * *

10 октября 1816 года Алексей Петрович прибыл в Тифлис и приказом объявил о вступлении в командование отдельным Грузинским корпусом.

«Приняв начальство над войсками, Высочайше мне вверенными, объявляю я о том всем новым по службе *моим товарищам* от генерала и до солдата. Уважение Государя Императора к заслугам войск учит меня почитать храбрость их, верность и усердие, и я уверяю, что каждый подвиг ваш на пользу службы возложит на меня обязанность ходатайствовать у престола Государя, всегда справедливого, всегда щедрого», о поощрении вас достойной наградой{379}.

Бывало, и в XVIII веке, поднимая солдат в атаку, некоторые генералы, например, Матвей Иванович Платов, взывали:

— Товарищи, русские, братья, за мной!

Но в приказе по войскам до такого демократизма, кажется, никто не опускался. Ермолов гордился этим и в письме к двоюродному брату Денису Васильевичу Давыдову писал, «что немногие смели называть солдат товарищами». А проконсул (как назвал его Александр Сергеевич Грибоедов) позволял себе такое и в прошлом, и в будущем. Этим обращением он приводил офицерскую молодежь в восторг. Один из них рассказывал:

— Мы беспрестанно читали, повторяли этот приказ и вскоре знали его наизусть{380}.

С подчиненными Алексей Петрович держался просто, как старший товарищ. Он был доступен для всех, не позволял себе сидя приветствовать даже самого младшего из офицеров, интересовался жизнью солдат, освободил их от излишних учений, ибо им и без того постоянно приходилось быть в боевой готовности. Муштра же к умению воевать ничего не прибавляла.

А какие велись разговоры между «товарищами»! Какие писали они письма друг другу! Об этом и сам Алексей Петрович пока не догадывался. Содружество «ермоловцев» еще не оформилось, но первые шаги на пути к этому уже делались.

Офицерам Кавказского корпуса не раз приходилось слышать, как солдаты говорили:

«Дай Бог всю жизнь прослужить с таким начальником! За него готовы пойти в огонь и в воду».

Николай Фёдорович Ртищев, непосредственный предшественник Алексея Петровича в должности наместника, покидая Закавказье, писал царю:

«Приняв край здешний в бедственном положении, обуреваемый волнениями, разлившимися по всем частям Грузии, теснимый напором многочисленных войск двух сильных держав, Персии и Турции, разоряемый вторжениями в Кахетию

значительных дагестанских сил с целью восстановления власти беглого царевича Александра *Ираклиевича,* край, истребляемый смертоносной язвой и доведённый до крайности чрезвычайным голодом, я оставляю теперь оный в цветущем состоянии, наслаждающимся совершенным внутренним спокойствием, изобилием и ничем не нарушаемым благоденствием, а извне — безопасностью от соседей»[{381}].

Так представлял итоги своего наместничества генерал Ртищев.

А вот Ермолов видел их совсем в другом свете. С юга на Кубу постоянно нападали дагестанцы. Кахетию разоряли лезгины, в Картлию вторгались осетины. Гурию со стороны моря беспокоили аджарцы, Абхазию — убыхи. И причина этих бед заключалась не только в том, что правительство не имело сил и средств держать горцев в повиновении, но и алчность персидских чиновников, с которыми те делились добычей.

Вряд ли Алексей Петрович предполагал, какой объем работы предстоит ему проделать, когда рвался на Кавказ. Но отступать было поздно. Теперь, засучив рукава, он готов взяться за дело и навести порядок, о котором здесь со времен Павла Дмитриевича Цицианова никто не вспоминал. Лишь бы хватило сил. А силы были. Да и «доброй воли к трудам» ему не занимать.

Ермолов сменил в должности наместника генерала Николая Федоровича Ртищева, вместо которого Кавказом, в сущности, управляла его жена. В каком состоянии принял он подведомственный край и вверенные ему войска? Подробный ответ на этот вопрос Алексей Петрович даёт в письме от 26 января 1817 года, адресованном всесильному тогда графу Алексею Андреевичу Аракчееву. Нет необходимости приводить его полностью, чтобы не выбиваться из стилистики повествования, но на отдельных положениях сего послания надо остановиться.

Знакомство с краем началось с административного центра, где находилась резиденция главноуправляющего. Тифлис — город многолюдный, населенный постоянными жителями (без малого двадцать тысяч человек) и гостями, приезжающими на Кавказ по делам службы из столиц и соседних губерний. Полиции в нем не было, кроме «нескольких негодных квартальных», поэтому за порядком никто не следил. Налоги собирались без учета каких-либо правил, а деньги расходовались без контроля. «Богатый и бедный платили поровну с лавки и комнаты. Различие состояний не принималось в рассуждение». Право же, не у ртищевских ли чиновников учились нынешние финансисты, определяя ставку подоходного налога и с зажравшихся олигархов,

и с нищих профессоров вузов, которые не берут взяток?

Прежде чем продолжить историю жизни Алексея Петровича Ермолова, необходимо вернуться в Грузию времён царя Ираклия II, умолявшего Екатерину II принять его страну в состав России…

* * *

28 июля 1783 года был подписан Георгиевский трактат, по условиям которого правительство Екатерины II брало на себя обязательство отстаивать территориальную целостность Грузии и предоставляло новым подданным одинаковые с русскими права. Царь Ираклий получил полную свободу в сфере внутреннего управления, но уступал ее величеству все вопросы внешней политики.

Подписанный представителями обеих сторон Трактат был доставлен в Петербург 17 августа. Путь важного курьера в столицу лежал через захолустный Кременчуг, в котором скучал вдали от своей возлюбленной Григорий Александрович Потемкин, отвечавший за сношения России со странами Востока, в том числе и с Грузией.

«Вчерашний день, — писала ему Екатерина Алексеевна, — я письмо твое получила через полковника Тамару; он привез и грузинское дело, за которое снова тебе же спасибо. Прямо ты — друг мой сердечный! На зависть Европы я весьма спокойно смотрю, пусть балагурят, а мы дело делаем».

Императрица была рада успеху и тому, как он был достигнут: без единого выстрела и без затрат. Устами грузинского царя просил у нее защиты целый народ. И она окажет ему помощь, оградит от вторжений с удовольствием, равным славе, уже приобретенной, и пользе, ожидаемой от этого акта милосердия и дружбы.

Грузины торжественно отпраздновали заключение Георгиевского трактата. Они ликовали искренно, шумно, с надеждой. Веселье на улицах Тифлиса подогревалось слухами о том, что совсем скоро, как только будут построены мосты на Тереке и дорога в горах, придут русские войска и тогда уже никто не осмелится ворваться в пределы Грузии.

Уже к октябрю дорога в Грузию была готова. Пролегала она по местам, где прежде человек не мог пройти без опасности низвергнуться в пропасть. А принимавший работу русских солдат генерал Павел Сергеевич Потемкин промчался по ней в коляске, запряженной восьмериком. Признав путь вполне удовлетворительным, он отправил в Тифлис два егерских

батальона при четырех орудиях, которые вскоре вступили в столицу Ираклия II.

Военно-Грузинская дорога разделила Кавказ на две части: к востоку от неё находились Чечня и Дагестан, к западу — Кабарда, простирающаяся до верховий Кубани, а далее — закубанские земли, населённые черкесами. Это были три основных направления, на которых приходилось действовать корпусу Ермолова.

Положение русских в Грузии могло быть надежным лишь после утверждения их на Северном Кавказе. Поэтому там закладываются новые крепости, создается Кавказская оборонительная линия, куда отправляются военные команды, чтобы содержать посты и охранять следующих по ней курьеров и путешественников. На большее у России в то время просто не хватало ни сил, ни средств. Она втянулась в беспрерывные войны с горцами, турками, шведами, поляками, персами, французами и коалицией европейских стран.

Продвижение русских в Грузию вызвало беспокойство турецкого правительства. Агенты султана, разъезжая по Кавказу, старались сплотить правоверных против православных. И не безуспешно. Над царством Ираклия II нависла серьезная опасность со стороны азербайджанских ханств. А генерал-поручик Потемкин не мог оказать никакой помощи, подчиненный ему корпус втянулся в настоящую войну с горцами, поднятыми каким-то «пророком» из Чечни. Россия одолела всех…

И божья благодать сошла
На Грузию! — Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

Что касается «божьей благодати», то Лермонтов, скажу откровенно, несколько преувеличил: не всех она охватила, но разорительные набеги персов и турок действительно прекратились, конечно, не сразу — постепенно. О стихах уже не говорю: «злой мальчик», как называли Михаила Юрьевича современники, был наделён Господом поэтическим даром гения.

Надо сказать, советские потомки подданных царя Ираклия долго с благодарностью вспоминали тот день, когда был подписан Гергиевский трактат. В последний раз они созвали гостей в Тбилиси по случаю 200-летия договора. И я там был. Выступал с докладом на конференции и по республиканскому телевидению, знакомился с грузинской столицей и ее

окрестностями. Счастливое, незабываемое время! Казалось, никто не сможет разрушить наши добрые отношения. Увы, бездарные политики смогли.

Выходит, Георгиевский трактат утратил свою силу? Похоже, ведь опасность физического истребления народа, реальная в конце XVIII века, сегодня исчезла. Вот и захотелось независимости…

* * *

Заниматься внутренними проблемами Грузии было некогда, да и некому. Поэтому переход этой многострадальной страны под покровительство России пока не отразился на ее сословиях. Местное дворянство оставалось грубым и необразованным. «Беспутное и самовластное правление» преемников Ираклия II, не брезговавших захватом чужой собственности, по мнению Ермолова, лишь ожесточило его против любого правления.

Цари стали грабителями своих подданных. Глядя на них, и дворяне «почитали всякий способ обогащения» возможным и даже нравственным. По мнению Ермолова, потребуется еще немало времени, чтобы изменить их представления о добре и зле.

Александр I лишил наследников Ираклия II прав на грузинский престол. Но и чиновники русской администрации в Тифлисе, отойдя от страха, который вселила в них строгость князя Павла Дмитриевича Цицианова, уступившего власть упомянутому Николаю Федоровичу Ртищеву, погрязли в воровстве и взяточничестве. Естественно, они ненавидели нового начальника, и он знал об этом, но заменить их было некем. Поэтому он пользовался услугами прежних лихоимцев, припугнув их суровым наказанием.

Вот как закончил Ермолов упомянутое письмо к графу Аракчееву, отправленное из Тифлиса в конце февраля 1817 года:

«… Больно мне признаться, но скажу вашему сиятельству, как благодетелю моему, что… некоторые из предшественников моих своею слабостью приучили *народ* к неповиновению и утвердили дух мятежный. Не всегда строгая справедливость была знаменем их поступков. Покровительство не оправдывалось правотою и честью. Пути кривые открыты были для пронырливых и подлых *людей*. Доверие к правительству не укоренилось, должного уважения к власти не существует. Отсюда причины много раз возгоравшихся мятежей и бунтов. Виновники последнего *из них* или мало наказаны, или наказаны менее виновные. А некоторые не только прощены, но и награждены даже.

Мое поведение будет совсем другим. У меня нет власти, нет воли, кроме силы законов. Но, клянусь, что сила будет полная, без уважения лиц, что будут повиноваться и вскоре даже без малейшего ропота.

Хочу, чтобы имя мое стерегло страхом наши границы крепче цепей и укреплений, чтобы слово моё было для азиатцев законом, вернее неизбежной смерти. Снисхождение здесь — знак слабости, и я прямо из человеколюбия буду строг неумолимо. Одна казнь сохранит сотни русских от гибели и тысячи мусульман от измены»[382].

В другой раз Ермолов писал:

«Здесь у всех одна мысль, что надобно страшиться общего негодования, которое всегда является в виде бунта. Подобными страхами изведывали робость начальников и вырывали потворство и слабые меры. Во мне нет сей боязни, и я смело заключаю, что редки будут подобные прежним происшествия или совсем, может быть, не случатся»[383].

Алексей Петрович принимает меры по пресечению злоупотреблений в «гражданской части», по упорядочению судопроизводства. «Не берусь я истребить плутни и воровство, но уменьшу непременно, — писал он Арсению Андреевичу Закревскому, — и теперь уже на некоторое время приостановились»[384].

Перед трудностями у Ермолова не опустились руки, не опостылели разом все дела. Напротив, он проникся верой в свои силы и готов убедить население огромного края, что ему выпало несказанное «счастье принадлежать российскому государю».

В России всегда было немало «достойных людей». Нашлись они и в прежней администрации генерала Ртищева. С их помощью новый наместник обнаружил несколько «нечистых дел» и наложил секвестр на имущество некоторых чиновников администрации впредь до обнаружения пропавших казенных денег. Он организовал работу полиции, которая до него существовала лишь на словах, арестовал прежних ее начальников и назначил новых.

В полиции Ермолов обнаружил более шестисот нерешенных дел. Он лично изучал их, затем шел в крепость, где содержались арестанты. «Некоторым по возможности облегчал участь или, по крайней мере, ускорял решение судьбы»[385]. В течение двух недель Авгиевы конюшни ведомства охраны порядка в Грузии были очищены.

Труднее было навести порядок в администрации мусульманских провинций Кавказа, присоединенных к России предшественниками Ермолова в основном мирным путем,

посредством заключения двусторонних трактатов с ханами. Гудович, Паулуччи и Ртищев, предоставив им значительные уступки в ущерб интересам их же подданных и интересам самой империи, они создали немало проблем будущим наместникам, в данном случае Ермолову.

Власть ханов была наследственной и практически неограниченной. Согласно упомянутым трактатам даже измена не могла быть достаточным основанием для передачи власти в руки русской администрации. Поэтому они истязали и грабили народ нещадно. Не случайно по прибытии на Кавказ Ермолов буквально был завален жалобами на произвол местных правителей.

Главнокомандующий предупредил их, что если удостоверится в справедливости этих обвинений, то заставит каждого отвечать за свои злодеяния.

Предупреждение, однако, мало подействовало, ибо новый наместник должен был прежде познакомиться с ханами и их чиновниками, обстоятельно вникнуть в образ их правления, а потом уже принимать какие-то меры. На это же требовалось время…

«КАКАЯ ТЯЖКАЯ СЛУЖБА, КАКАЯ ЖИЗНЬ НЕСЧАСТНАЯ!»

Решая неотложные дела по организации гражданского управления, Ермолов ни на минуту не забывал, что государь назначил его командующим в Отдельный Грузинский корпус. Вникнув в быт солдат, он совсем не удивился чрезмерной их смертности. В казармах было сыро, стены грозили обрушением. Но и таковые жилища доставались немногим героям недавних войн с Турцией и Персией. Большинство же защитников Отечества обитало в землянках, по определению Алексея Петровича, «истинных гнездах всяких болезней, опустошавших прекрасные здешние войска»[{386}].

Половину офицеров следовало удалить из корпуса, ибо даже самый снисходительный начальник терпеть таких не мог. Кроме знаменитого Петра Степановича Котляревского, все прочие полковые командиры «обзавелись хуторами, табунами и хозяйством» и не занимались своими полками.

Я уже обращал внимание на генетически обусловленное остроумие Алексея Петровича. Оно в полной мере проявилось и в его отзывах о генералах корпуса. Не откажу себе в удовольствии познакомить читателя с некоторыми перлами из его многочисленных писем к «любезному другу Арсению» Андреевичу Закревскому, генерал-адъютанту императора Александра I:

«Здесь есть у меня генерал-майор Тихановский, весьма старый офицер и довольно много служивший. *Он* утомленные службою силы свои нередко укрепляет такими средствами, которые ноги ослабляют. Сжальтесь надо мною, и без него у меня есть генералы, ни на что не годные. В сем смысле особенно рекомендую…

Загорский… Неужели ты не утешишь меня переводом его в другую дивизию в Россию? Он усердный человек, но здесь нужен немного поумнее… Не подумай, однако, что я хочу сбыть его с рук, божусь, что нет…

Дренякин… Этот не менее глуп, но никак не хочет того признать и потому умничает… Избавь меня хоть от него…

Пестель, дядя будущего декабриста… Германский рыцарь. Жаль, что нет в нем живости. Он также принадлежит к тому числу людей, которых по справедливости уподобляю я ледовитому полюсу.

Мерлини… такая редкая блядь, что грех кого-нибудь снабдить им и, конечно, надо оставить здесь, ибо в его лице я почитаю

волю Бога, меня наказующую… за тяжкие грехи!..

Истолкуй мне, почтенный Арсений, какой злой дух понуждает вас производить подобных генералов?.. Сообщи мне об этом для моего успокоения, если то не тайна государственная!»{387}

Благо бы, такие генералы командовали только полками. Нет, каждому из них полагалась бригада или даже дивизия, а по совместительству еще и гражданская провинция в составе подведомственного наместнику края. Это уже слишком!

«Как избавиться от дряни в генеральских чинах»? — задумался однажды Михаил Семенович Воронцов. Алексей Петрович нашел ответ на этот вопрос.

Ермолов решил вызвать всех генералов в Тифлис (якобы по служебной необходимости), а командование подчиненными им войсками и управление провинциями, на которых они были расквартированы, возложить на достойных офицеров.

Достойные офицеры на Кавказе, конечно, были. Забытые начальством, они долгие годы ходили в одних и тех же чинах. Ермолов выводил их из забвения, старался улучшить быт и материальное положение. Алексей Петрович с раздражением спрашивал у Арсения Андреевича Закревского, служившего при императоре, как должны такие люди смотреть на гвардию, которая «печатает полковников как ассигнации»?

Гражданское мужество Алексея Петровича поражает и восхищает. Но не стоит забывать, что Александр I уважал свой выбор, доверял своему наместнику на Кавказе и очень часто удовлетворял его просьбы. А вот с «сословием» столичных чиновников отношения у него (в отличие от генерала Ртищева) не сложились. Поэтому многие вопросы приходилось «пробивать» с большим трудом. В письме к Казадаеву он жаловался:

«Не знаю, надолго ли таким образом станет меня, но иначе невозможно, ибо много нашел расстроенного или того, что по необходимости должно быть приведено совсем в другой вид. Сколь ни остерегаюсь я перемен, но они, однако же, неизбежны. На многие вещи я не могу смотреть с той стороны, с какой видел их мой предместник *генерал Николай Федорович Ртищев*. Не потому говорю я, чтобы винить его, но лета его, образ воспитания обоих нас положили между нами разницу. Он опирался на *опыт* долговременной службы, на сильные связи свои и тем считал себя *достойным* уважения. Я же простой солдат, которому счастье сделало много завистников. Нет у меня связей, и я похож на поденщика, который трудами своими должен добиваться некоторого внимания к себе. Так я всегда чувствовал, и отсюда происходила моя деятельность»{388}.

А начиналась его деятельность еще до восхода солнца. Вставал он в пять часов утра и сразу принимался за дела, которыми занимался весь день. Ближе к вечеру в приемной собиралось много людей. Кто-то приходил с просьбой, кто-то с жалобой, а кто-то скоротать время. Не зная, чем занять себя, грузины шли к нему. При этом большая часть из них не могла даже говорить по-русски. Так что разговор начальника с посетителями получался «не весьма занимательный». А время шло, некогда было даже книгу взять в руки.

«Небогаты мы славными офицерами», — часто говаривал Ермолов, задумываясь над стоявшими перед ним проблемами. А коль так, необходимо учредить «небольшую военную школу вроде наших губернских военных училищ… Молодые люди, воспитанные в духе нашего правления, будут образцом просвещения и началом введения обычаев наших в здешнем краю». И он пишет представление на высочайшее имя.

Поражает объем работы, проделанной царским наместником за каких-то полгода. А ведь он не только писал представления, но и сам объезжал свои владения или посылал толковых офицеров, прежде чем отправиться в Персию. Так, Алексей Петрович поручил штабс-капитану Николаю Николаевичу Муравьеву (будущему графу Карскому) возглавить экспедицию, созданную для первой инструментальной съемки местности от Моздока до Тифлиса.

Скоро экспедиция вернулась в Тифлис. Наместник остался доволен проделанной работой, благодарил Муравьева и всех его товарищей:

— Вижу, что не ошибся в вас, Николай, съемка превосходная, я словно другими глазами край увидел. А теперь, если желаете еще раз мне услужить, берите свою команду и отправляйтесь на границу с Турцией и Персией, сделайте то же, опишите горы и перевалы, попытайтесь найти лазутчиков и разведать о намерениях наших соседей. Только прошу вас, будьте осторожны.

Ермолов вынашивал обширные завоевательные планы на Востоке, а потому изучал театр возможных боевых действий. «Железом и кровью создаются царства, подобно тому, как в муках рождается человечество, — говорил он. — В Европе не дадут нам шагу сделать без боя, а в Азии целые царства к нашим услугам»{389}.

Во второй половине ноября 1816 года Алексей Петрович сам двинулся в путь, намереваясь познакомиться с одиозными карабахским и шекинским ханами, на которых сразу по вступлении в должность наместника он получил особенно много жалоб от их же подданных.

* * *

Карабах произвел на инспектора весьма грустное впечатление. Всюду царило запустение. Среди роскошной природы видны были развалины городов и больших деревень, заброшенные тутовые сады — свидетели недавнего процветания шелковой промышленности. Во всей провинции насчитывалось около двадцати четырёх тысяч армянских семейств. Остальные были уведены в плен или покинули свои жилища, спасаясь от притеснений хана и вторжений персов.

Мехти-хан карабахский не заботился о благосостоянии подданных, проводил время в распутстве и в занятиях охотой, поручив дела чиновникам, которые обирали не только народ, но и своего повелителя. В результате хозяйство пришло в запустение. Не видно было и признаков роскоши, в которой жил когда-то его отец. Дворец хана превратился в развалины, а имущество было расхищено до такой степени, что он не мог уже содержать даже себя достойным образом.

Алексей Петрович был поражён нищетой Карабаха. Обратив внимание на стоявшую близ дворца неказистую мечеть, пришедшую почти в полный упадок, он пригрозил Мехти-хану:

— Я требую, чтобы к моему следующему приезду на месте этих развалин была выстроена новая мечеть!

Эти слова, сказанные по-азербайджански, подавили волю хана. Все последующие годы он жил в ожидании наказания…

Из Карабаха Ермолов отправился в Менгечаур на встречу с Измаил-ханом шекинским. Он нашел в нем человека «наклонностей развратных, в управлении подданными неправосудного, в наказаниях не только неумеренного, но жестокого и кровожадного». Алексей Петрович при всём народе высказал ему осуждение и приказал, собрав всех несчастных, искалеченных им, разместить в своём дворце и держать там до тех пор, пока не обеспечит семейства каждого обиженного всем необходимым. Приставу майору Пономарёву наместник вменил в обязанность «немедленно восстановить равновесие между властью и народной безопасностью».

Заехал Ермолов и в Ширванское ханство. Оно оказалось в значительно лучшем состоянии, чем Карабахское и Шекинское: народ не был так отягощен поборами, а хан Мустафа исправно платил налог в казну.

Столицей Ширвана была древняя Шемаха, сохранявшая своё значение в течение многих веков. Но Мустафа перенёс свою резиденцию на скалы Фит-Дага, где он мог чувствовать себя в большей безопасности, чем на равнине, однако не настолько,

чтобы не думать о будущем. Больше всего правитель Ширвана боялся русских и никогда не доверял им. Определив общее направление политики Ермолова на Кавказе, он понял, что рано или поздно его ханство лишится независимости, и пошёл на сближение с Персией.

Убедившись в правоте характеристик Карабахского и Шекинского ханов, извлеченных еще в Тифлисе из жалоб их подданных, наместник пришел к выводу о необходимости ликвидации существующей местной власти и замены ее русской администрацией. Без этого, считал он, недавно присоединенные к империи мусульманские провинции долго еще будут оставаться враждебной страной, временно оккупированной войсками его величества.

Решение этого вопроса в Карабахе не могло вызвать особых затруднений, ибо действующий правитель не имел детей. В случае его смерти Ермолов считал необходимым не назначать нового хана, хотя наследником по непонятным причинам генерал Ртищев в свое время провозгласил племянника Мехти-хана Джафар-Кули-агу, известного русскому правительству как изменника и виновника истребления персами целого батальона Троицкого пехотного полка{390}.

Труднее было лишить власти шекинского и ширванского ханов. Но и эту задачу наместник решит после возвращения из Персии.

Ликвидация прежней власти на Кавказе была необходима еще и потому, что почти все ханы не прерывали сношений с Персией; одни в силу родства с шахом, другие из желания с его помощью добиться независимости от России, ограничивающей их необузданный произвол.

Наследник престола Аббас-Мирза, фактический правитель страны при престарелом шахе, сохраняя видимость дружеских отношений с Россией, считал возможным вести тайные переговоры и переписку с ханами и возбуждать против неё не только пограничных мусульман, но и жителей Дагестана и даже Грузии. Результатом этой пропаганды явилась неудачная попытка сына Ираклия II Александра бежать в Персию. Причиной этого явилось лишение его прав на родительский престол, после чего он в течение почти двух десятилетий находился на содержании Тегерана. Впрочем, царевич не мог оказать какого-либо влияния на характер международных отношений на Кавказе. Осознав это, Ермолов совершенно утратил интерес к нему.

Когда речь заходила о царевиче Александре Ираклиевиче, Алексей Петрович говорил:

— Человек, известный развратной жизнью, подлостью и

трусостью, опасным быть не может. Я ни гроша не дам ни за жизнь, ни за смерть подобного подлеца.

Позднее Александр Ираклиевич бежал из Дагестана в Турцию, а из Турции в Персию. Принц Аббас-Мирза поселил его на границе с Карабахом, надеясь, что он сыграет ещё свою роль в борьбе против России. Надежды не оправдались: принц ушёл из жизни в Тавризе на семьдесят третьем году от рождения, забытый всеми и на родине, и на чужбине.

Ермолов не сомневался в необходимости ликвидации местной власти в ханствах Карабахском, Шекинском и Ширванском, примыкавших к Грузии, Алексей Петрович не хотел даже испрашивать на это разрешения у Александра I, чтобы не втягивать государя в дело, в котором он явно не мог «творить блага», и брал всю ответственность за это на себя. Наместник заверял царя, что приступит к реализации своего замысла, «сообразуясь с обстоятельствами», сразу после возвращения из Персии.

Правители всех трёх ханств по закону кавказского гостеприимства намерены были подарить наместнику верховых лошадей, уборы к ним, отделанные золотом, оружие, шали и прочее. Алексей Петрович не пожелал принять столь дорогие вещи, тем более воспользоваться ими. Не хотел и обидеть хозяев отказом, поэтому попросил заменить их на семь тысяч овец, чтобы передать в свои полки.

— Хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службе, видели, как приятно мне заботиться о них, — говорил он. — Обещаю и впредь о том думать.

Конечно, ханы обиделись. А вот солдаты были довольны.

* * *

Между тем Муравьев с командой вернулся в Тифлис. Проделанная им работа привела Алексея Петровича в восторг и расположила его к деловитому штабс-капитану гвардии. 9 января 1817 года он отправил в Петербург всеподданнейший рапорт с подробным описанием границы с Персией, в котором пришел к безоговорочному выводу о невозможности допустить возвращения шаху каких бы то ни было земель, отошедших к России по условиям Гюлистанского мирного договора{391}.

А вот теперь, кажется, самое время обратиться к исполнению Ермоловым дипломатического поручения государя…

Глава седьмая.
С ПОСОЛЬСТВОМ В ПЕРСИЮ

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ ЕРМОЛОВА

17 апреля 1817 года Ермолов после торжественного напутственного молебна, совершенного митрополитом Варлаамом в Сионском соборе, выехал из Тифлиса в Персию. В составе его свиты были: чиновники, врачи, художники, офицеры Генерального штаба и Грузинского корпуса, квартирмейстеры, фельдъегеря, хранители подарков, музыканты, казаки и солдаты охраны, слуги — всего более двухсот человек. Их путь пролегал через Талынь, Эчмиадзин, Эривань, Нахичевань и Тавриз.

Согласно высочайшей инструкции, перед Алексеем Петровичем ставились задачи: добиться установления окончательной границы между Россией и Персией, возможно, даже ценой уступок последней каких-то земель с мусульманским населением, присоединенных в результате продолжительной войны, и укрепить дружбу между двумя соседними странами. Зная крутой нрав посла, император Александр I особое внимание обращал на соблюдение им восточного этикета.

«В азиатском церемониале, — убеждал государь Ермолова, — заключается много таких вещей, которые по своей необыкновенности часто кажутся для европейцев неприличными; в таких случаях будьте вообще сговорчивы, ибо не трудно различить то, что относится просто к обычаям, от того, что можно почесть за унижение»{392}.

По признанию Ермолова, он ехал в страну, не имея о ней ни малейшего представления, и должен был руководствоваться инструкцией, основанной на том же незнании. Свои впечатления о поездке Алексей Петрович выразил в «Журнале посольства в Персию», получившем распространение в списках. Сергей Иванович Тургенев, один из представителей «передовых кругов» России, привыкший «к высокому мнению» о знаменитом генерале, нашел его сочинение «дурно написанным и довольно пустым».

Может быть, журнальчик и впрямь показался Тургеневу суховатым и пустым, но это потому, я думаю, что Сергей Иванович, человек, бесспорно, думающий, не сумел настроить себя на чтение. В противном случае вряд ли дипломат оценил бы сочинение Ермолова так низко, ибо в нем есть всё: и глубокие суждения о монархии и деспотии, о взаимоотношениях между властью и подданными, о чести и бесчестии, об особенностях национального характера того или иного народа, о дорогах и о клопах, атакующих исключительно иностранцев. Он с легкостью необыкновенной переходил от юмора к сарказму, давал меткие характеристики своим собеседникам. Не случайно же многие

современники зачитывались дневником Алексея Петровича как приключенческим романом. Вот как оценил его, например, Александр Яковлевич Булгаков, директор московской почты, в письме к брату Константину от 12 августа 1817 года:

«Я с большим удовольствием читаю писанный самим Ермоловым журнал его посольства в Персию. Умный, острый и твердый человек»{393}.

В самом начале путешествия посол познакомился с нахичеванским ханом, ослепленным когда-то агой Мухаммедом из рода Каджаров, тем самым, против которого юный капитан артиллерии Алексей Ермолов ходил на Кавказ в составе корпуса графа Валерьяна Зубова. Вот что писал он о той встрече:

«Хан, человек отлично вежливый и весьма весёлый, был тронут особенным уважением, оказанным мною к несчастному его состоянию. У *него* вырвалась горькая жалоба на жестокость тирана. Не всегда состояние рабства заглушает чувство оскорбления, и, если строги судьбы Провидения, благодетельная природа даёт многим надежду на отмщение. Но сей несчастный уже в летах, клонящихся к старости, лишенный зрения, в течение двадцати лет отлучённый от приверженных к нему подвластных, не может иметь и сего утешения…

Какие новые чувства испытывает при подобной встрече человек, живущий под *кротким правлением!* Лишь между врагами свободы можно научиться боготворить её. Здесь с ужасом видишь власть предержащих, не знающих пределов оной в отношении к подданным, с сожалением смотришь на них, не чувствующих человеческого достоинства.

Благословляю стократ участь любезного Отечества, и ничто не изгладит в сердце моём *презрения,* которое я почувствовал к персидскому правительству. Странно смотрели на моё соболезнование провожавшие меня персияне: рабы сии из подобострастия готовы считать глаза излишеством»{394}.

Первое знакомство со страной пребывания состоялось, правда, пока со слов бывшего нахичеванского хана. Появился материал для самого поверхностного сравнения «кроткого правления» императора Александра I и власти шаха Фетх-Али, не знающей пределов. Появилось устойчивое презрение к персидскому правительству.

30 апреля посольство благополучно достигло города Талыни, некогда не уступавшего по численности населению Эривани. В центре его стоял огромный полуразрушенный замок, возведённый, по мнению местных жителей, более тысячи лет назад. По преданию, его последней владетельницей была некая армянская княгиня Лютра, прославившаяся необыкновенной

красотой и легендарными подвигами, совершенными ею с обожателями и сподвижниками в борьбе против персидских завоевателей. Её жизнь и смерть за стенами цитадели в 1795 году долго ещё воспламеняли воображение восточных поэтов.

Следующим важным пунктом на пути посольства был Эчмиадзин, первопрестольный армянский монастырь. Встречать его выехал сам патриарх Ефрем. Остальное духовенство ожидало у ворот обители, в которую русские въезжали под звон колоколов, гром выстрелов и пение гимнов. Алексей Петрович рассказывал:

«Я намеренно не пошел прямо в церковь, дабы не привести с собою толпы встречавших меня персиян, которые в храмах наших обыкновенно не оказывают никакого уважения к святыне».

Эта предосторожность не избавила православный храм от ожидаемого Ермоловым унижения. На следующий день «с прискорбием» увидел Алексей Петрович, как персидские чиновники, небрежно развалясь, сидели в креслах во время литургии, тогда как он, как и положено православному христианину, всю службу простоял на ногах. Самолюбие чрезвычайного и полномочного посла было уязвлено, тем более что они не могли позволить себе даже присесть в присутствии своего сардаря эриванского. Впрочем, не следует особенно расстраиваться из патриотического сочувствия нашему герою: он ещё научит уважать себя не только иранскую мелкоту канцелярскую, но и их наследного принца и самого шаха. Но об этом речь впереди…

3 мая русское посольство, встречаемое пятитысячным отрядом конницы во главе с самим сардарем, под проливным дождем въезжало в город Эривань. В путевом журнале Ермолова есть такая любопытная запись:

«До прибытия моего в Эривань в простом народе разнёсся слух, что я веду с собою войско. Глупому персидскому легковерию казалось возможным, что я везу в закрытых ящиках солдат, которые могут овладеть городом. Невидимые мои легионы состояли из двадцати четырех человек пехоты и стольких же казаков, а регулярная конница вся заключалась в одном драгунском унтер-офицере, который присматривал за единственной моей верховой лошадью. Вот все силы, которые приводили в трепет пограничные провинции персидской монархии. Казалось, что и в некоторых чиновниках гордость и притворство не скрыли страха, издавна вселенного в них русскими»[{395}].

По пути в Тавриз русское посольство сопровождали персидские войска. «Весьма приметно было, — писал Ермолов, — что персы старались показать их сколько можно более и, сколько

умели, в лучшем виде. В городах не осталось ремесленника, на которого не нацепили бы ружья, хватали приезжавших на торг крестьян и составляли из них конницу, дабы убедить нас в том, какими страшными ополчениями ограждены пограничные области Персии. Из благопристойности я только смеялся над этим…»

Вступая в пределы Персии, Ермолов решил занять твердую позицию и разрушить убеждение хозяев, что русское «посольство не могло быть отправлено с другим намерением, как искать их дружбы и с покорностью поднести требуемые провинции»{396}.

Посол не столько получил, сколько предоставил себе сам почти неограниченную свободу действий. Он решал, ехать ли на переговоры с шахом самому или отправить к нему доверенного человека, соблюдать или не соблюдать требования восточного дипломатического этикета и так далее. И совершенно определенно: никаких уступок презренному персидскому правительству!

Всё, что происходило в Персии, действительно походило на фарс. Но его сценаристом, режиссером и *исполнителем* главной роли был он сам, боевой русский генерал-лейтенант Алексей Петрович Ермолов, который по ходу спектакля позволял себе отступать от собственного текста и собственных установок на действие.

По мере приближения к Тавризу к свите Ермолова начали присоединяться разного звания персидские чиновники, старавшиеся друг перед другом поздравить его с прибытием в столицу его высочества. По обеим сторонам дороги были выстроены войска, между которыми под звуки русской музыки и пушечной пальбы шествовала, принимая воинские почести, громадная фигура русского посла. А позади сквозь толпу любопытных на нетерпеливом скакуне пробирался всадник, прикрывавший лицо черной епанчой. Он не сводил глаз с нашего героя. Перед самым въездом в город таинственный джигит исчез. То был третий сын шаха Фетх-Али Аббас-Мирза.

19 мая русские послы вступили в резиденцию Аббаса, назначенного шахом наследником престола. Но у повелителя персов было ещё пятнадцать джигитов. В Петербурге считали, что все они, особенно Мамед, управлявший южными провинциями страны, не позволят брату воспользоваться полученным от отца правом.

Наставляя посла перед отъездом из России, Александр I советовал ему не вмешиваться в распри шахской семьи и оказывать наследнику престола «всякое уважение»{397}.

Город Тавриз был окружен стенами из сырцового кирпича,

башнями и глубоким рвом. Гарнизон имел внушительную артиллерию, но войско представляло жалкое зрелище. Английские офицеры-инструкторы, не смущаясь присутствием русских, безжалостно избивали в строю гвардейцев его высочества, внушая им «понятия о чести». «И хотя последние досадуют на это, но утешены тем, что в свою очередь отыгрываются на своих подчиненных, — пишет саркастичный Ермолов. — Одни нижние чины остаются без удовлетворения, но справедливая судьба может и им представить благоприятный случай, и нельзя ручаться, что когда-нибудь эти экзерцирмейстеры не расплатятся за *полученные* кулачные удары»{398}.

Так уже во второй раз Алексей Петрович поднимает тему мести, которая, правда, не имеет никакого политического смысла.

Абуль-Хасан-хан, вспоминая с благодарностью время, проведенное в Петербурге в ожидании императора Александра Павловича, письмом поздравил русского посла с прибытием в Тавриз. С точки зрения европейца, его послание может представлять интерес лишь как яркая иллюстрация к действу, жанр которого сам Ермолов определил как «настоящую фарсу»:

«До тех пор, пока золотое знамя солнца будет освещать небесный стан, до тех самых пор да украсится лагерь вашей высокосановности знаменем могущества и да наполнится чаша вашей души вином радости.

По изъявлении множества приветствий и по отправлении тысячи молитв о вашем благополучии я рукою искренности снимаю фату с ланит красавицы цели. После того, как я долгое время вперял око надежды в дорогу ожидания и денно и нощно не переставал желать радостного свидания с вами, вдруг получил благовестие о приближающемся блаженстве от вашего присутствия…

Похвальные ваши качества и превосходные ваши добродетели прославляются всеми в здешнем крае. Вся знать горит пламенным желанием увидеться с вами, в особенности великий *визирь* Азам-Шефи своим желанием к свиданию с вами превосходит других…»{399}

Алексея Петровича разместили в доме высокопоставленного персидского чиновника мирзы Безюрга, который поставил его под неусыпный надзор агентов правительства, чтобы исключить возможность контактов посла с русскими военнопленными и не допустить их возвращения домой. Это не осталось тайной для проницательного Ермолова. Он вызывающе отказался выезжать на прогулки за город, как, впрочем, и все прочие члены миссии. Дни, проведенные в Тавризе, Алексей Петрович считал скучнейшими в

своей жизни, хотя и вспоминал их не без удовольствия.

Уклоняясь от каких бы то ни было переговоров с Безюргом, посол никак не мог уклониться от разрешения одного очень щекотливого вопроса без риска быть обвиненным в нарушении традиций…

Согласно персидскому церемониалу посол иностранной державы не мог войти в приемную его высочества в сапогах. Он должен был предстать перед ним в красных чулках вместе с немногими своими советниками. Удел остальных чиновников миссии — стоять во дворе под окнами приемной в ожидании окончания переговоров.

Такое унижение, по мнению Ермолова, мог вынести лишь наполеоновский генерал Гардан, который накануне перехода французов через Неман делал всё возможное, чтобы удержать Персию в состоянии войны с Россией. «Ему после красного *якобинского* колпака вольности не трудно было надеть красные чулки». Английские послы, стремившиеся «приобрести исключительные выгоды для торговли» в этой стране, тоже не могли испытывать «затруднений в исполнении предлагаемого этикета»{400}.

«А коль я приехал ни с чувствами наполеоновского шпиона, — иронизировал Алексей Петрович, — ни с прибыточными расчетами приказчика купечествующей нации, то и не согласился на красные чулки и прочие условия»{401}.

Долго думал Аббас, как поступить, выслушивал мудрейших своих советников и, наконец, решил принять миссию северного соседа не в комнатах, сидя на ковре, который «доселе не попирал ни один сапог», а во дворе дома, стоя на каменном помосте под полотняным навесом перед портретом престарелого своего родителя. Понятно: все это делалось впервые и якобы в знак особого уважения к русским. Ермолов принял такое объяснение и «замолчал о том до времени».

Наконец был назначен день аудиенции у Аббас-Мирзы. Послам пришлось пройти несколько узких и темных коридоров и грязных дворов, прежде чем они достигли каменного помоста, на котором возвышался человек в обычной одежде без всяких украшений, и только за поясом у него сверкал осыпанный алмазами кинжал. По левую сторону от него стояли три богато одетых мальчика. Конечно, можно было, хотя и трудно, не догадаться, что это наследник престола, но шедшие впереди дипломатов адъютанты принца начали поспешно снимать туфли и отпускать земные поклоны. Русские, не обращая внимания на сопровождающих, продолжали шествовать за своим командором.

«В сию минуту мы походили на военных людей, утомленных в

знойное время дальним переходом, поспешающих на отдых под ставку маркитанта», — писал Алексей Петрович.

В середине двора отставшие адъютанты принца Аббаса догнали русских послов и снова склонили головы перед человеком, стоявшим под полотняным навесом шагах в шести от них. Ермолов же, как бы не замечая этого, спросил у сопровождающих:

— Господа, где же его высочество? — и только после указания снял шляпу, а за ним и вся его свита сделала то же.

Сделав несколько шагов вперёд, принц Аббас подал Ермолову руку. После обычных приветствий посол вручил ему царскую грамоту с выражением желания сохранить мир и дружбу с Персией и представил членов своей миссии. На этом, собственно, и окончилась аудиенция. В последующие дни наследник престола показывал русскому генералу свою конницу и артиллерию, приглашал в сад, устраивал фейерверки, занимал скучнейшими разговорами.

Персидская конница вызвала общее одобрение членов русской миссии. А вот артиллерия оказалась ниже всякой критики: из восемнадцати орудий было сделано по шесть выстрелов и все — мимо цели! Это, однако, отнюдь не смутило принца.

— Между прочим, ваше превосходительство, русские научили нас завести артиллерию, — сказал Аббас-Мирза.

— Мы научили вас, а вы показали пример другим: вот уже и туркмены просят завести у них артиллерию.

Чтобы понять смысл этой остроты Ермолова, скажу, что туркмены были злейшими врагами персов.

— К кому же обращались они с этой просьбой? — спросил принц Аббас-Мирза.

— Ко мне, естественно, — ответил Алексей Петрович и раскатисто рассмеялся, — а я перед отъездом к вам приказал заняться этим заступившему моё место начальнику.

После смотра войск и артиллерии его превосходительство был приглашён его высочеством на чай и шербет. Аббас-Мирза принял русского посла ажурной беседке в саду, из которой открывался прекрасный вид на город. По правилам персидского двора он не мог сидеть за одним столом с неверными. Исключение делалось для Ермолова, а он явился на прием почти со всей свитой. В результате принцу не удалось унизить русских и поддержать на высоте в глазах подданных представление о своём величии и могуществе.

Скоро раздосадованный Аббас-Мирза стал прощаться и хотел уехать *из* сада один. Ермолов разгадал его нехитрый замысел, дал

знак своему ординарцу, и рядом с лошадью принца оказалась лошадь посла. Они покинули сад вместе.

Всё это раздражало персов, но они вынуждены были скрывать своё недовольство.

Однажды заспорили, чьё подданство предпочел бы народ мусульманских территорий, завоеванных Россией во время минувшей войны, имей он возможность выбирать. Наследник убеждал Ермолова, что, несомненно, его симпатии были бы на стороне Персии, ибо российский «образ правления… не сходствует с их нравами и их ожесточает».

— Сожалею, ваше высочество, что вы получили ложное представление о русском правлении… — парировал посол. — Не буду осуждать я персидское правительство, но думаю, и наше нельзя обвинить в том, что оно может кого-либо лишить чести, ибо законы связывают своеволие каждого, тогда как вы и честь отъемлете, и жизни лишаете по произволу.

У нас собственность каждого ограждена, и никто коснуться её не смеет, поскольку законы того не допускают.

У вас нет собственности, ибо имущество каждого принадлежит вам, лишь бы на то была воля ваша, хотя и неосновательная и пристрастная.

У нас нельзя тронуть волоса.

У вас ограждается от произвола один сильный, которого оскорбить опасно.

Я не думаю, что неограниченное самовластие могло быть привлекательным, не слышал, чтобы оно было залогом выгод народа{402}.

Вряд ли Алексей Петрович Ермолов, умнейший современник Михаила Михайловича Сперанского, не видел того, что видел сам великий реформатор, считавший отечественную политическую систему несомненной *деспотией.* Думаю, ничем другим такую позицию посла не объяснить, как необходимостью отстоять интересы империи на Кавказе. Впрочем, его политические взгляды довольно часто не совпадали с взглядами не только тех, кого до недавнего времени называли «представителями передовых кругов России», но и с позицией его друзей (Михаила Семеновича Воронцова, Дениса Васильевича Давыдова, Арсения Андреевича Закревского, Павла Дмитриевича Киселева, Ивана Васильевича Сабанеева), которых ныне считают не оппозицией его величеству, а оппозицией его величества{403}.

Его высочество принц Аббас окончательно отбил у Ермолова желание оставаться в Тавризе. Однако следовало дождаться сообщений из Тегерана, чтобы узнать о намерениях шаха…

Молодые русские офицеры посольства жили все вместе в

одной большой палатке. К ним часто заходил Ермолов. В дневнике Николая Николаевича Муравьева есть такая запись: «Третьего дня Алексей Петрович пришел к нам в кибитку рано поутру, разбудил всех и пробыл у нас до самого вечера. Разговоры беспримерного сего человека наставительнее самых лучших книг. Мы заслушались и удивлялись необыкновенному уму и дару его»{404}.

Здесь, в русском посольском лагере близ Тавриза, возможно, был сделан самый первый шаг в оформлении кавказского сообщества «ермоловцев», как назвал ближайшее окружение генерала Вильгельм Карлович Кюхельбекер.

24 мая Ермолов получил известие, что шах Фетх-Али примет его в долине Султании, куда персидский двор переселялся из Тегерана, спасаясь от несносной летней жары. А это означало, что «настоящая фарса» только начинается. Принимая это сообщение из рук Мамед-Али-бека, Алексей Петрович рассказал ему о тайном надзоре, под которым находилось посольство со времени прибытия в Тавриз, и попросил передать великому визирю, что если и в последующие дни своего визита в Персию он столкнется с чем-то подобным, то сочтёт это за нарушение дружественных отношений и «начертает себе другой образ поведения»{405}.

Чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, мирза Безюрг посоветовал принцу Аббасу отправить к русскому послу приглашение на загородную прогулку. Ермолов отказался, сославшись на плохое самочувствие.

— Передайте его высочеству мою благодарность за благосклонный прием и внимание, которое он оказывал нам, — сказал Ермолов адъютанту принца Аббаса, доставившему приглашение. — Я дождался бы облегчения от болезни, чтобы проститься с ним перед отъездом, но поскольку по прибытии сюда не был принят им приличным образом, а встретился случайно во дворе, что и за аудиенцию почесть нельзя, то не считаю себя обязанным прощаться с ним…

Советник принца Безюрг попытался оправдаться:

«Прием на дворе является самым убедительным доказательством уважения, которое наследный принц до сих пор никому не оказывал. Впрочем, прежде все посланники, принимаемые во дворце, надевали красные чулки»{406}.

Алексея Петровича прорвало:

— Я — не все. Я — посол великой державы, расположение которой доставляет Персии ощутимые преимущества. Если красные чулки могут служить основанием дружбы между двумя странами и без них обойтись невозможно, то прошу предупредить шаха, что я их не надену и буду у дороги ожидать ответа, ехать ли

мне дальше на встречу с ним или возвращаться в Россию?

Столь резкое заявление вызвало неописуемый страх у Безюрга. Он понимал, что от Ермолова не укрылась его ненависть к русским и его мнение о нём, как «о величайшем из плутов». «Посол неизбежно обвинит меня в случае провала переговоров», — думал мирза и рисовал в воображении картины расправы с ним шаха.

Мирза Безюрг стал добиваться встречи с послом, но он не принял его и надеялся обострить конфликт, чтобы потом устранить от участия в переговорах о возвращении Персии части земель, отошедших к России по условиям Гюлистанского мира.

Рано утром 26 мая Алексей Петрович с одним лишь адъютантом поспешно покинул Тавриз. Остальные члены посольства остались в лагере ожидать лошадей. Внезапный отъезд его вызвал переполох в свите принца. Сановники, на которых по протоколу возлагалась обязанность провожать важного гостя, один за другим кинулись догонять его, чтобы вручить ему письма с извинениями Аббаса и Безюрга.

Посольство покинуло Тавриз, не оставив принцу Аббасу никакой надежды на поддержку Россией его кандидатуры в борьбе за престол. Ермолов отдавал предпочтение старшему сыну шаха, ибо, в отличие от Александра I, считал весьма полезными для империи распри в высочайшем семействе. Мирза Безюрг же предполагал занять место великого визиря, хотя бы после смерти престарелого Шефи.

28 мая Ермолов остановился в замке Уджан (Царская Роза), построенном принцем Аббасом для своего венценосного отца. Здесь Алексей Петрович увидел картину, на которой неизвестный художник изобразил победу персов над русскими. Алексей Петрович так описал представленную на ней сцену:

«Ни один *русский* не дерзает остановиться против непобедимых войск Аббаса-Мирзы; многие увлекаемы в плен или с унижением просят помилования; головы дерзнувших противиться повергаются перед его лошадью. Нет… ни единой преграды, могущей удержать стремление героев Персии. Как вихри несут кони ужасную артиллерию, уже сеит она смерть между врагами, и гибель их неотвратима. Со стороны русских одно *лишь* орудие, около которого спасаются рассеянные, и оно *уже* готово впасть во власть победителя.

Разрушается российская монархия, и день сей сглаживает имя русское с лица земли! Но кто виновник сих ужасных перемен на земном шаре? Не сам ли шах, столько царствованием своим прославленный? Нет, он не оставлял гарема своего, населенного множеством красоты, и труды, во славу отечества им подъятые,

обогатили его семью младенцами, в один день рождёнными, в дополнение к сотне, которых имел он прежде. Не Аббасу-Мирзе ли, наследнику, предоставила судьба уничтожение сильнейшего в мире народа? Нет, никогда не *вел* он войска к победам, никогда не видел он торжествующих, и слава на поле битвы всегда принадлежала резвому коню, спасавшему его быстрым бегом. Герой, венчавший себя бессмертной славой, есть англичанин Аиндезей из войск Ост-Индской компании. Он изображен на картине, повелевающим артиллерией…»

«Интересно, — подумал Ермолов, — Асландузское или Ленкоранское сражение запечатлел художник на своём бессмертном полотне?» К сожалению, вопрос этот оказался риторическим, ибо ни шаха, ни его наследника рядом не было.

Такому описанию сюжета картины, какое предложил в своих Записках о посольстве в Персию Алексей Петрович, позавидовал бы и профессиональный искусствовед. Сколько здесь юмора и откровенного сарказма! Ведь в упомянутых сражениях генерал Пётр Степанович Котляревский в пух и в прах разнёс персов.

* * *

Алексей Петрович всегда очень неохотно обращался к вопросу о своем происхождении, считая себя простым солдатом, посвятившим жизнь служению Государю и Отечеству. А здесь он впервые ради пользы дела поведал персам о том, что является потомком Чингисхана, и они сразу стали смотреть на него с уважением и страхом; под *началом такого полководца* русские войска вряд ли кто-то сможет остановить.

«Государь не подозревает, что между подданными своими имеет столь знаменитого человека, — пишет Алексей Петрович другу Арсению Андреевичу Закревскому, близкому к царю, — предупреди его величество. Вполне вероятно, что персияне надумают узнать, точно ли я чингисхановой породы»[{407}].

5 июля посольство прибыло в урочище Саман-Архи, находящееся примерно в десяти верстах от Султании. На обширной равнине были разбиты два лагеря один против другого — русский и персидский. Начались нудные переговоры по вопросу о содержании заключительного протокола о границе, который предстояло подписать.

Чрезвычайный и полномочный посол был встречен здесь с особым почетом личным представителем шаха мирзой Абдул-Вехабом, якобы имевшим высочайшее поручение добиться от него территориальных уступок, прежде всего возвращения Карабаха. К

каким только уловкам ни прибегал «самый просвещенный из персиян», пытаясь воздействовать на Ермолова: он и уговаривал его, и угрожал разрывом дипломатических отношений, и пугал несметными полчищами пехоты и кавалерии, собранными на случай войны, уверял, что в Персии положение военных завиднее, чем в России. Однако ничто не действовало на этого толстокожего генерала, обладавшего поистине железной логикой и фигурой огромного африканского льва.

— Где нет понятия о чести, — парировал Ермолов, — там остается искать выгод, потому-то все ваши военные люди похожи на разбойников, не думающих ни о славе страны, ни о чести оружия, но об одном только грабеже. Отличнейшие из государственных мужей наказываются у вас без суда по воле шаха продажею жен и детей, и вы, конечно, не можете утверждать, что в подобных случаях ничто не угрожает достоинству человека.

Подобного рода полемика продолжалась между ними около двух недель.

— Для блага Персии вам необходимо жить в мире с Россией, — убеждал Ермолов представителя шаха. — В минувшей войне с вами мы, занятые отражением наполеоновского на шествия, вынуждены были действовать лишь самыми малыми силами…

Мой государь просил заверить вас, что он не допускает даже мысли воспользоваться превосходством своих сил, чтобы принудить вас к новым уступкам. Цель его политики в Азии — сохранить мир между народами сопредельных с Россией стран и, пользуясь этим, водворить благоденствие и просвещение в Закавказье.

Вам не следует пугать меня разрывом отношений и несметными полчищами солдат. Даже не надейтесь вернуть то, что вам уже не принадлежит, — упрямо твердил посол и предупредил Абдул-Вехаба:

— Если у шаха я встречу холодный прием или замечу малейшее намерение нарушить мир, пеняйте на себя: ждать не буду, сам первый начну войну и окончу её, когда дойду до Аракса и объявлю его границей России{408}.

Всякий раз, когда Ермолов начинал говорить о войне, «угрюмая рожа» его, по его же признанию, «принимала выражение человека, готового вцепиться зубами в горло» собеседнику, что вызывало у того неописуемый страх. К несчастью для министров персидского правительства, посол заметил это и, когда ему «не доставало убедительных доказательств», он пытался влиять на *них* своим внешним видом, начинал кричать, как сто тысяч воинов, соединенных вместе. Все это производило столь ужасное впечатление, что им казалось, не может человек так бурно

реагировать, «не имея на то справедливых и основательных причин»{409}.

Фарс достиг кульминации, но первый актер этого спектакля не исчерпал ещё своих возможностей. Он нарисовал картину разрушения правящей династии в том случае, если Персия решится начать войну, чтобы вернуть потерянные провинции.

— Неудачная война пагубно отразится на Персии, ибо непременно найдутся люди, готовые возбудить междоусобие. Много численное семейство шаха не сможет удержать власть. Оно будет истреблено, поскольку в этом заключается единственное средство избежать отмщения.

Абдул-Вехаб вынужден был согласиться со всеми доводами Ермолова. Ему не удалось добиться территориальных уступок от русского посла, и он был наказан. Но каким образом? Алексей Петрович не поведал нам об этом в своих записках.

АУДИЕНЦИЯ У ШАХА ФЕТХ-АЛИ

26 июля русское посольство торжественно въехало в Султанию и расположилось лагерем поблизости от дворца. Через пять дней состоялась аудиенция Ермолова у шаха Фетх-Али с вручением верительной грамоты. Однако обо всём по порядку…

В составе посольства Ермолова был Николай Николаевич Муравьев, впоследствии Муравьев-Карский, а в это время штабс-капитан Гвардейского генерального штаба. Пылкое воображение молодого офицера рисовало ему картины сказочной роскоши восточного владыки. А то, что увидел он еще до приезда шаха, поразило его своей убогостью.

Шахский дворец, построенный из жженого кирпича, оказался весьма неказистым двухэтажным зданием, стоящим на невысоком пригорке и уступающим многим домам «порядочных помещиков» в России. Небольшие комнаты его не отличались чистотой, как и комнаты жен, наложниц и танцовщиц. Они напоминали чуланчики, скорее даже «нужники». Мебель в них чрезвычайно бедная, лишь ковры были очень хороши.

Из записок Н.Н. Муравьева:

«Рано утром… мы узнали, что шах, ночевавший в четырех верстах от Султании, тронулся с места… Посол поехал в синем сюртуке частным образом посмотреть на его въезд.

Сарбазы были расставлены в две линии по дороге. Шах ехал один. Впереди шел лейб-гвардии верблюжий полк, а сзади, поодаль, — его чиновники. Увидев наших господ, он привстал на стременах и закричал:

— Хош-гельды! (Добро пожаловать!)

Персияне рты разинули, удивляясь сей необычной милости царской… Шах въехал в свою лачугу. Войска персидские прошли мимо нашего лагеря, также и слон шахский. Весьма странно для европейцев видеть верблюжий полк. Верблюды были обвешаны красными лоскутками… Они хорошо выучены, скачут быстрее лошадей, немилостиво ревут и воняют. Где пышность персидского двора? Кроме лоскутков, свинства и нескольких жемчугов, ничего не видно!

Спустя три дня состоялся первый прием нашего посольства. Приемная палатка была устроена на обширном дворе. Шах сидел на троне, украшенном драгоценными камнями. Его ноги, обутые в белые чулки, болтались, и вместо величия, которое мы ожидали, увидели мишурного царя на карточном престоле, и все невольно улыбнулись. Он был, конечно, богато одет, впрочем, все было грязно и обношено. Сыновья его стояли у стены недвижимо и

безмолвно»[410].

Члены посольства прошли через двор, по обеим сторонам которого стояли придворные и вооруженные телохранители шаха Фетх-Али. Окна гарема, примыкавшего к саду, были распахнуты настежь. Редкая возможность видеть иноземцев привлекла к ним всех обитательниц заведения, нацелившихся на гостей зрительными трубками. Впрочем, и русские без стеснения уставились на «строй жен и наложниц различного образа и возраста» и не увидели среди них «пригожих женщин», кроме одной, пожалуй, да и то очень «скучной и задумчивой»[411].

В этот раз никому уже не пришла в голову мысль предложить потомку Чингисхана снять обувь и надеть красные чулки. За особую уступчивость Алексея Петровича было принято его согласие на то, чтобы шагов за сто до приемной палатки один из лакеев стер пыль с сапог русского посла.

Поклонившись, Ермолов вручил его величеству высочайшую грамоту и сказал:

— Император всероссийский, великий государь мой, постоянный в правилах и чувствах своих, уважая отличные качества вашего величества и любя славу вашу, желает навсегда укрепить существующий ныне мир с Персией, благополучной царствованием вашим.

Я имел счастье быть удостоенным поручения передать вашему величеству желание моего государя. В искренности его перед лицом Персии призываю я в свидетели Бога[412].

По приглашению хозяина Ермолов сел в кресло, поставленное перед троном на том же ковре. Естественно, Фетх-Али был подготовлен к встрече и настроился увидеть «ужаснейшего и самого злонамеренного человека». И каково же было его удивление, когда гость «начал отпускать ему такую лесть, какой он не слыхивал в жизни», оставив позади всех его придворных льстецов. И чем глупее она была, тем больше нравилась. Вот что писал об этом сам Алексей Петрович:

«… Я показывал удивление его высокими качествами и добродетелями. Старик принял лесть за правду, и я, снискав доверие к своему простосердечию, свел с ним знакомство. Как мужа опытного и мудрого, просил я его советов и уверял, что руководимый им, я сделаю много полезного. В знак большой привязанности к нему я называл его отцом и, как покорный сын, обещал ему откровенность во всех поступках и делах.

Итак, о чём невыгодно было мне говорить с ним, как с верховным визирем, я обращался к нему, как отцу, когда же надобно было возражать ему или даже пострашать, то, храня почтение, как сын, я облекался в образ посла. Сей эгидой

покрывал я себя, однако же, лишь в крайних случаях и всегда выходил торжествующим».

Шах поинтересовался здоровьем посла.

— Счастливейшим считаю сей день, — отвечал Алексей Петрович, — в который предстал пред очи государя Персии, могущественного и знаменитого, уважаемого российским императором, моим государем.

Фетх-Али справился о здоровье русского императора, поинтересовался, где он находится, и выразил желание, чтобы согласие и мир между двумя державами никогда не нарушались.

— Желательно было бы, — заметил он, — чтобы русский император, точно так же, как персидский шах, могли посещать друг друга, подобно европейским государям. И да сойдет гнев Аллаха на всякого, кто осмелится поколебать мир, в коем пре бывают ныне обе державы!

Заканчивая официальную часть приема, шах сказал послу:

— Император Александр удостоил вас своим доверием. Я полагаюсь на мудрость его величества и поручаю вам делать все, что только может служить утверждению согласия между нашими странами.

Затем в палатку были приглашены все прочие члены посольства, общим счетом до двадцати человек.

— Я очень рад, — сказал шах, — что имею случай познакомиться с отличными офицерами русского государя, моего союзника.

Ермолов представил шаху каждого поименно. Когда очередь дошла до капитана Морица Евстафьевича Коцебу, известного путешественника, Алексей Петрович сказал:

— Вот капитан Коцебу, который три года ездил кругом света и не был доволен, пока не удостоился увидеть ваше величество.

— Теперь он все видел и может быть доволен, — ответил без тени иронии шах. — Вы все мои слуги, и я буду просить императора Александра наградить вас очередным чином, — чем немало потешил членов русской миссии.

Представив всех членов посольства, Ермолов заключил:

— Все они считают себя несказанно счастливыми людьми, ибо своё столь дальнее путешествие совершили с одной лишь целью — узреть кроткого монарха, прославившегося отличными свойствами, мудростью и величием{413}.

А какое впечатление на шаха произвели подарки! Особенно зеркала. Вот что писал об этом современник:

«Долго и неподвижно всматривался он в себя и обливавшие его алмазы и бриллианты, в бесчисленных сияниях отражавшиеся в глубине волшебного трюмо. Но вот, как бы очнувшись, он

решил было обратиться к другим вещам, но какая-то неведомая сила… *возвращала его назад.* Прошло еще несколько минут. Наконец, превозмогая себя, он сделал легкое движение в сторону; еще миг, еще один только взгляд на зеркальную поверхность и… очарование исчезло»{414}.

К вечеру шах собрал своих придворных и приказал им удивляться. А потом и сам, окруженный женами, всю ночь смотрел на себя в русские зеркала и беспрестанно цокал языком и ахал. Он впервые видел себя в полный рост.

После приема в русский посольский лагерь явился евнух, присматривавший за гаремом шаха, и спросил:

— Зачем вы смотрели на женщин моего повелителя?

— Смотрели для того, чтобы увидеть, — получил он самый вразумительный ответ.

С тех пор окна гарема не открывались.

Фетх-Али просил Ермолова заказать для него фарфоровый сервиз и хрустальные люстры, эскизы которых набросал художник Мошков по его указанию. Алексей Петрович удовлетворил желание хозяина и тем так расположил к себе повелителя персов, что тот почти ежедневно присылал своих людей справиться о здоровье посла.

Искусством откровенной лести Алексей Петрович окончательно покорил хозяина. Он так увлекся, когда перечислял «редкие и высокие качества души шаха», что без особого труда выдавил из себя слезу умиления. На другой день об этом только и говорили, утверждали, что до сих пор «не было такого человека под солнцем», как русский посол.

Шах вменил в обязанность своим вельможам оказывать русскому послу возможное внимание.

«Можешь представить себе, что значат подобные слова в устах деспота, сказанные рабам! — завершил свой рассказ другу Алексей Петрович. — После сего я стал пользоваться уважением вельмож, как будто сам был из первейших чинов государства. Иногда я поступал с ними, как с невольниками, и, думаю, если для пользы дел моих потребовал бы я чьи-то уши, то едва ли получил бы отказ»{415}.

Уши не потребовал, до этого дело не дошло, а вот полковника гвардии наследника престола, француза по национальности, посол приказал высечь плетьми за обиду, нанесенную русскому музыканту, и даже не подумал объяснить свой поступок его высочеству. Впрочем, никто на это как бы и не обратил внимания. Деспот приказал рабам уважать чужеземца, и они покорно уважали.

Русские в свою очередь получили подарки от шаха. Послу

достались десять прекрасных шалей, бриллиантовая звезда, ковры, несколько чистокровных персидских лошадей. «Другой на месте Алексея Петровича, — писал Муравьев, — сделал бы себе состояние из подарков сих, но бескорыстный наш генерал раздал все эти вещи своим знакомым, друзьям и родственникам, ничего не оставив себе»{416}.

Это пока все, что удалось посольству сделать за время пребывания в Персии. Много это или мало? Думаю, не очень много, ибо главную задачу — определить границу между двумя странами — пока решить не удалось.

После вручения верительной грамоты и подарков шаху и обмена льстивыми комплиментами переговоры о разграничении земель Ермолов должен был вести с первым министром мирзой Азам-Шефи. Весьма непривлекательный портрет его нарисовал участник миссии генерал-майор Соколов.

Мирза Шефи… Восьмидесятилетний старец, более сорока лет исполнявший должность первого министра, служивший трем государям и научившийся творить всякого рода беззакония, несколько раз приговаривался к смертной казни, но по воле Аллаха, что ли, избегал ее. Он и сам однажды пытался отравить какого-то чиновника из зависти к его дарованиям и влиянию на шаха, но и тогда умудрился отделаться покаянием перед потерпевшим и штрафом в пользу его величества.

Потеряв всех своих сыновей, мирза Шефи сокрушался, что не может передать по наследству «благородные свои свойства», но продолжал грабежом увеличивать состояние. Шах потворствовал алчности визиря, надеясь воспользоваться его богатствами, женив одного из своих молодцов на дочери первого министра.

Мирза Шефи много и быстро говорил и никогда не вникал в то, о чем говорили другие. А в серьезных разговорах он всегда уклонялся от прямого и определенного ответа{417}.

Ермолов понимал, что работа предстоит долгая и трудная. Готовя членов своего посольства к ней, он наставлял: с Безюргом избегайте объяснений, хвалите Аббаса, будьте ласковы с Абуль-Хасан-ханом, Абдул-Вехабу оказывайте уважение, берегите садр Азам-Шефи из почтения к древности. При этом свои рекомендации Алексей Петрович сопровождал иронией, порой достаточно пошлой.

Дождавшись окончания праздника Байрама, русский чрезвычайный и полномочный посол обратился к первому министру с заявлением, что пора бы и к делам приступить. Только просил непременно уведомить его, кто будет назначен вести переговоры с ним и обязательно с письменным подтверждением полномочий.

Шаху угодно было уполномочить самого мирзу Шефи, верховного министра персидского правительства. Естественно, при таком раскладе письменного подтверждения не требовалось. Выражая согласие с этим назначением, Ермолов писал своему оппоненту:

«Священным именем моего великого государя уверяю вас, что он тверд в намерении сохранить вечную дружбу, не иметь в виду других выгод, кроме общих обоим государствам, и для России не желает свыше того, что Всевышний предоставил последним миром…»{418}

То, что Всевышний предоставил русским, не могло удовлетворить шаха Фетх-Али. И мирза Шефи снова попытался поднять вопрос об уступке Персии некоторых провинций.

— Как я доложу шаху о вашем нежелании уступить нам хотя бы две-три провинции? — сокрушался визирь.

— Не беспокойтесь, — успокаивал его Ермолов, — я выведу вас из этого затруднения, и сам объяснюсь с его величеством.

Садр Азам-Шефи и присутствующие при этом люди принца Аббаса и его отца признались, что настаивали на возвращении занятых русскими земель, ничего не ведая о высочайшем намерении, считая это делом справедливым. Об этом первый сказал мирза Абуль-Хасан-хан, когда вернулся из Петербурга, а потом и другие, выдавая желаемое за действительное.

— Перед приездом сюда, — ответил на это Алексей Петрович, — я осмотрел границу России с Персией, определенную не давним трактатом, и донес императору о невозможности сделать вам даже самой малой уступки, и государь, предоставив мне право говорить от его имени, *без сомнения,* подтвердит мое *мнение*{419}.

Мирза Азам-Шефи обещал сообщить об этом шаху, после чего переговоры долгое время не приводили ни к чему определенному.

После столь резкого и определенного заявления тегеранскому двору осталось одно из двух: или не поднимать более вопроса об уступке земель, или прервать переговоры и занять враждебную позицию по отношению к России. Шах Фетх-Али, поддержанный сыном Мамедом, решил сохранить мир и велел сообщить Ермолову, что не намерен предъявлять ему требований, которые выходили бы за рамки его полномочий{420}. Таким образом, соглашение было достигнуто. Осталось закрепить его соответствующим протоколом.

Вроде бы были поставлены все точки над «i». Ан нет. Высокие чиновники попытались смягчить русского посла ценными подарками. Вот что рассказал он в своей «Записке о посольстве в Персию».

Однажды пригласил Ермолова на обед министр внутренних дел Персии. Когда собрались гости, хозяин взял Алексея Петровича под руку, чтобы отвести к столу, а сам в это время натянул ему на палец левой руки «необыкновенной величины перстень».

— Господин министр, — сказал посол, снимая перстень и возвращая его хозяину, — подобных подарков, тем более таким образом предложенных, я принять не могу.

В процессе обеда он сказал через переводчика:

— Ваше превосходительство, не хотите принять перстень, примите неоправленный камень.

Алексей Петрович, «не умея растолковать ему, как можно отказаться от приобретения драгоценного подарка», ушел с обеда. На следующий день министр попытался вручить Ермолову «необычайной цены синий яхонт», а великий визирь — «нитку крупного жемчуга». Но оба не имели успеха.

«Многие обыкновенно стараются приписать всё своим способностям и талантам, — иронизировал Алексей Петрович, — я же признаюсь чистосердечно, что успеху более всего способствовала огромная фигура моя и приятное лицо, которое омрачил я ужасными усами, и очаровательный взгляд мой, и грудь высокая, в которую ударяя производил звук, подобный громовым ударам».

16 августа Алексей Петрович получил официальное уведомление, что его величество считает вопрос о провинциях, отошедших к России по Гюлистанскому мирному договору, решённым, поскольку «приязнь государя императора *Александра I* шах предпочитает пользе, происходящей от приобретения земель». фетх-Али повторил это Ермолову при первом же свидании с ним и, обращаясь к зятю, стоявшему рядом, пошутил:

— Посмотри на посла, видишь, как ему совестно, что не исполнил моей просьбы, не уступил мне хотя бы Карабаха, когда я готов сделать всё, что угодно, для его государя.

Все рассмеялись. Продолжая беседу, Фетх-Али спросил Ермолова уже серьёзно:

— Скажи, не хитря, ты передашь наш разговор императору?

— Непременно, — ответил Алексей Петрович, — и подчеркну, что его величество шах персидский говорил мне о том самым благосклоннейшим образом, что в глазах его не было ни малейшего негодования. Напротив, прочел я в них намерение всегда быть истинным другом русскому государю.

Ответ посла очень понравился шаху, и он завел речь о своей власти, которую считал несравненно выше власти других монархов, уподобляя себя тени Аллаха на земле.

— Приятна тень от человека, под скипетром которого благоденствует несколько миллионов человек, считающих дни его правления благотворными, — сказал Ермолов шаху и, не сдержавшись, спросил:

— Скажите, ваше величество, а какова была тень вашего дядюшки хана Мухаммеда из рода Каджаров, например, для нахичеванцев или грузин? Было ли его правление столь же благотворным для них, как и ваше для персов?

Шах понял намёк посла на зверства дядюшки Мухаммеда, но неудовольствия не обнаружил, а может быть, умело скрыл его за хитрой усмешкой в седую бороду.

27 августа 1817 года шах устроил прощальную аудиенцию. Алексей Петрович, довольный итогами многомесячной работы, благодарил повелителя Ирана за проявленное им внимание не только к нему лично, но и ко всем членам посольства. Заканчивая свою речь, он сказал:

— С первого шага по земле персидской пронес я в душе моей почтение к знаменитым делам и славе вашего величества, и сие чувство почерпнул я в истинной дружбе и уважении, которые великий государь мой сохраняет к особе вашей.

Ныне, имея возможность познать лично высокую добродетель вашего величества, возвращаюсь я в Отечество исполненный удивления. И благополучно утвержденный мир, и милостивый благосклонный прием, которого удостоились россияне, будут новым поводом дружбы и большей привязанности великого государя их к великому обладателю Персии.

Молю Бога, чтобы сохранил он доброе согласие между нашими странами на благо обоих народов.

Благополучное царствование и слава вашего величества есть сердечное желание каждого россиянина.

На эту речь шах ответил кратко, но столь проникновенно, что растрогал себя до слез:

— Ты до того расположил меня к себе, что язык мой не хочет произнести, что я отпускаю тебя.

Из записок Н.Н. Муравьева-Карского:

«…Посол дал пир главнейшим чиновникам Персии.

Приемная палатка была освещена чудесным образом, к стороне дворца была иллюминация, музыка играла, *словом,* нельзя было сделать ничего пышнее и параднее, но неучи сии ничего не поняли, они рыгали и ели руками одни арбузы. Вали курдистанский чуть было не подавился конфеткой, которую хотел проглотить с бумажкой»{421}.

Прощаясь с солдатами почетного караула, посол пожаловал им сто червонцев, а их начальнику золотые часы, но едва Алексей

Петрович отвлекся, расторопный сарганг отобрал деньги у своих подчиненных и, конечно, не вернул, заметил молодой русский офицер, наблюдавший за этой картиной.

Персидских солдат грабили не только офицеры, но и сам шах, недоплачивавший им до половины жалованья.

29 августа Ермолов выехал из Султании и 9 сентября был уже в Тавризе. Здесь Алексей Петрович обратился к мирзе Безюргу с просьбой сообщить ему, когда он будет готов приступить к установлению границы между двумя странами, и сам предложил начать работу в апреле 1818 года. Советник принца поспешил согласиться, надеясь добиться расположения посла и признания *Россией Аббаса наследником престола, что было чрезвычайно* важно в сложившейся в Персии политической ситуации, которая определялась непримиримой борьбой за власть между двумя сыновьями шаха.

Формально после смерти шаха престол должен был занять его старший сын Мамед, но его, рожденного христианкой, отец лишил этого права, провозгласив наследником младшего Аббаса, появившегося на свет от мусульманки из рода Каджаров. Каждый из них получил в управление свою часть. При этом первому достались области, основная масса населения которых состояла из представителей самых знатных фамилий и их подданных. Второй же получил территории, недавно отвоеванные у Турции, а значит, не имевшие общих культурно-исторических традиций с коренной Персией.

Мамед-Али был несравненно сильнее. Чтобы уравнять с ним Аббаса, шах позволил ему иметь регулярные войска и отказал в этом старшему сыну, лишенному права на престол, чем еще более обострил конфликт между братьями.

Войска принца обучали английские инструкторы. Поэтому Ермолов не считал возможным признавать Аббаса наследником престола без приобретения каких-либо очень важных и существенных выгод для России. Поскольку вопрос этот даже не обсуждался в Султании, постольку и в Тавризе посол обошел его, не сказав Безюргу ни «да», ни «нет». Вот если бы шах попросил, то можно было бы еще подумать. Впрочем…

«В бытность мою в Персии, — писал Ермолов царю, — обстоятельно узнал я, что по смерти шаха внутренняя война неизбежна и сему причиною наследство, которого старший сын *шаха* мирза Мамед-Али лишен несправедливо. Сам он признался мне, что наследства *[читай: власти]* не уступит. Я имею полную его доверенность и до такой степени довел с ним мое знакомство, что могу иметь с ним сношение, если ваше императорское величество изволите найти это нужным»{422}.

Далее Алексей Петрович поведал государю Александру Павловичу свою систему доказательств того, насколько выгодно признать принца Мамеда наследником престола: Аббас уже сейчас имеет тайные сношения с народами Дагестана и настраивает их против России; получив же власть, он непременно объявит войну, чтобы отвоевать провинции, потерянные Персией по условиям Гюлистанского мира, заключенного сразу после войны.

19 сентября Аббас-Мирза принял русское посольство «со всеми знаками вежливости и внимания». Прощаясь, он сказал:

— Я уверен, что вы, покидая нас, остаётесь всем довольны, и, конечно, не увозите с собой ни малейшей неприятности.

Ермолов промолчал. На следующий день он выехал из Тавриза. Утром посла догнал адъютант Аббаса с офицерами и вручил ему письмо принца, который уже сам лично просил признать его наследником престола.

Ответное письмо получилось весьма пространным и обтекаемым. Однако смысл его сводился к тому, что коль сам шах Фетх-Али не нашел нужным внести вопрос о признании Россией наследника в повестку переговоров, то и он считает невозможным после окончания их «входить в рассуждение о том предмете, о коем его величеству угодно было хранить молчание»[{423}].

Заканчивая письмо, Ермолов еще раз выразил восхищение «редкими качествами души и отличными добродетелями» принца Аббаса, но не забыл напомнить, как его советник мирза Безюрг содержал членов русской миссии под караулом и не позволил им встретиться с пленными минувшей войны, чтобы выяснить, кто из них готов вернуться на родину.

«Поступки подчиненных, конечно, не всегда могут быть относимы на счет начальников, — писал Алексей Петрович, — но весьма часто дают понятие о намерении их, ибо подчиненным всегда выгодно угадать волю начальников»[{424}].

24 сентября Алексей Петрович прибыл в Нахичевань и остановился в доме уже известного читателю слепого хана, недавно возвращенного к власти. Беседовали долго и о разном. В основном говорил хозяин, а гость слушал и запоминал, чтобы потом речь мудрого старца перенести в свои записки:

— Не так давно здесь были и русские войска, но они не за ставили проливать слез в земле нашей, и злом не вспоминают о них соотечественники мои. Теперь вы, посол сильнейшего государя в мире, удостаиваете меня вашей приязнью и, не пренебрегая бедным жилищем моим, позволяете принять себя как друга. Не измените тех же чувств благорасположения, господин посол, когда непреодолимые войска государя вашего войдут

победителями в страну сию…

Хан замолчал. Со стороны казалось, что уснул. Но нет, подумав немного, он продолжил:

— Хотя приближаюсь я к старости, но еще не сокрушит она сил моих, и последние дни жизни моей успокою я под сильной защитой вашего оружия. Некоторое предчувствие меня в том уверяет… Я знаю персиян и потому не полагаюсь на прочность дружбы, которую вы утвердить столько старались. Я не сомневаюсь, что или они нарушат дружбу своим вероломством, или вас заставят нарушить ее, вызывая к отмщению вероломства…

На следующий день он отправил донесение императору Александру I, в котором так определил итоги своего посольства:

«Бог, содействующий благим намерениям Вашего Императорского Величества, допустил нас быть исполнителем точной Вашей воли. Возложенные на меня поручения в Персии я окончил благополучно. Настояния о возвращении нами областей были повторены с твердостью. С таковою же я отверг оные, и наши границы не претерпели ни малейшего изменения. Дружба была не весьма чистосердечна, но получила наилучшее основание, и, по-видимому, можно надеяться на продолжение оной. Иноземцы не в полном блеске изображали здесь славу Вашего Императорского Величества и могущество России, но смею утверждать, что ныне воздается им достойное почтение»{425}.

10 октября Ермолов вернулся в Тифлис и в конце месяца написал всеподданнейший рапорт, в котором изложил свои впечатления от увиденного:

«В Персии… в руках шаха Фетх-Али власть беспредельная, более или менее отягощающая подданных… Господствующая страсть его — собирание сокровищ.

Народ обременен чрезмерными налогами, грабительство приведено в систему и обращено в необходимость для каждого управляющего, ибо без денег и подарков ни милости шаха, ни покровительства вельмож, ни уважения между равными снискать невозможно.

Деньги доставляют почести и преимущества, до коих персияне ненасытны.

Деньги разрешают преступления, с которыми персияне неразлучны…»{426}

2 октября посольство Ермолова достигло российской границы, где его встречала команда донских казаков. Вскоре наши путники увидели на возвышении и знамя кавказского корпуса. Алексей Петрович никогда не мог вспоминать об этом

равнодушно. И не потому, что начальствовал здесь, а потому что был русским.

Экономия средств, в том числе экстраординарных сумм, выделенных посольству, стала предметом особой заботы Ермолова. Истратив на подарки сто тысяч рублей, за которые и отчитываться не должен был, он вернул их в казну из собственного жалованья. «Знай наших, брат Арсений! — писал Алексей Петрович Закревскому. — Только обрати, пожалуйста, на это внимание Государя, не помешает, если он увидит, что в деньгах я не первое счастье поставляю»{427}.

Говорят, что «не в деньгах счастье, а в их количестве». Но посол имел возможность получить от принца Аббаса огромную сумму, стоило лишь признать его наследником престола. «Я сие мог сделать на основании данной мне инструкции, — подчеркивал Ермолов, — но видел в том вред нам, *а потому* и за сто миллионов *на то* не согласился бы. Много нашлось бы мастеров, которые и деньги взяли бы и поступку своему придали похвальный вид. Меня многие примут за дурака!»{428} Впрочем, не только тогда, сегодня особенно…

За успешное выполнение высочайшего поручения по ведомству иностранных дел Алексей Петрович Ермолов был произведен в чин генерала от инфантерии.

Глава восьмая.
ЗАБОТЫ ПОВСЕДНЕВНЫЕ

ВСТРЕЧИ ДЕЛОВЫЕ И СЛУЧАЙНЫЕ

Вскоре после возвращения из Персии Ермолов вызвал капитана Муравьева и спросил:

— Николай Николаевич, что Вы знаете о Хивинском ханстве?

— Только то, ваше высокопревосходительство, что находится оно по пути в Индию и что государь Петр I посылал туда большой военный отряд, который там весь и погиб.

— Правильно! Ровно сто лет назад, — уточнил генерал. — Великий государь Петр Алексеевич надеялся открыть через Хиву торговый путь в Индию, поэтому хотел установить добрые отношения с хивинцами, а то и склонить их принять российское подданство.

Хивинский хан убедил полковника Александра Черкасского, возглавлявшего экспедицию, что готов поддерживать с Белым Царем дружественные отношения, но потом коварно выманил его отряд в степь, внезапно напал с превосходными силами и перебил три тысячи русских людей до последнего человека.

В начале 1801 года император Павел I послал было двадцать пять тысяч донских казаков в Индию, а сам… скоропостижно умер. Они успели дойти лишь до Волги. Ныне царствующий государь вернул их назад. С тех пор замысел Петра Великого…

— Остается неосуществленным, — закончил мысль начальника Муравьев.

— Выходит, так. А между тем англичане настраивают против нас не только персов, но и хивинцев, снабжают их оружием. Наши владения в Азии могут оказаться в опасном положении. Судите Николай Николаевич, что нам следует предпринять.

— Отправить новую экспедицию!

— А где взять деньги? Казна-то пуста, — сказал Ермолов. — Остается одно: отправить в Хиву не экспедицию, а одного умного и смелого человека для переговоров с ханом и описания его владений.

«Стало быть, Алексей Петрович решил пожертвовать мною ради пользы Отечества, но издалека подступает», — подумал Николай Николаевич. А Ермолов, расхаживая по комнате, продолжал:

— Спешить с отправкой посла не будем. Необходимо как следует подготовиться, договориться с туркменами, чтобы выделили нам проводника до Хивы, закупить подарки для хана, да мало ли ещё о чем позаботиться. Скажите, что думаете об этом, Николай Николаевич? Возьмёте ли на себя эту, не скрою, трудную и опасную миссию? С ответом не спешите, подумайте.

— Благодарю, Алексей Петрович, буду стараться оправдать ваше доверие, — ответил Муравьёв.

— Иного ответа от вас я и не ожидал. А о разговоре нашем пока никому не говорите. Я даже в Петербург об этом не писал. Вы бойко изъясняетесь по-турецки и по-персидски. Неплохо было бы и с хивинцами обойтись без переводчика{429}.

На том и разошлись.

* * *

Ермолов, успешно решив высочайше поставленную задачу, по возвращении в Тифлис должен был расформировать своё посольство. Некоторых его чиновников ему предстояло отправить в Петербург, но не прямым путем по Военно-Грузинской дороге, непроходимой из-за схода лавин, а в объезд через Дербент и Кизляр. Вместе с ними Алексей Петрович провожал английского ученого-этнографа сэра Роберта Портера, продолжавшего путешествие по Кавказу после нескольких дней отдыха у гостеприимного русского генерала. Свои впечатления от встречи с наместником русского царя он описал в книге «Путешествие по Грузии, Персии, Армении, Древнему Вавилону», изданной в Лондоне в 1821 году:

«Это направление *[на Дербент и Кизляр]* совпало в первый день путешествия [7 *ноября 1817 года]* с моим маршрутом, поэтому мы отправились вместе *[с чиновниками посольства],* оставив генерал-губернаторский дом в три часа пополудни. Его превосходительство *[Алексей Петрович]* в довершение прочих знаков любезности и доброго внимания, выказанных нам, пожелал проводить нас.

Отъехав вёрст пять от города, гостеприимный главный начальник края простился со своими соотечественниками и со мною. Мы следили за отъезжающим от нас *генералом,* пока поворот дороги не скрыл его из вида, проникнутые чувством признательности и уважения, сила коего может быть испытана лишь в положении и обстоятельствах, в которых находились тогда мы, в чужой стране, вдали от друзей, когда услуга оказывается от чистого сердца — соотечественнику, как другу, а иноземцу — как соотечественнику.

Таков был генерал, с которым мы только что расстались. Являясь… человеком широко образованным, он, несомненно, был достоин того высокого положения, которое занимал в стране. Его обходительная доступность обеспечивает ему признательность и доверие со стороны лиц всяких национальностей, которые

испытали на себе знаки его доброго расположения, так как способность покорять сердца есть первый шаг к раскрытию их.

Изучив характер и обычаи здешних народов, Ермолов достигает конечной цели сравнительно мягкими средствами, но с неколебимой твердостью. При этом гордые грузины с каждым днем всё более убеждаются в преимуществах сосредоточения власти в руках начальника, хотя и чуждого им по национальности, но управляющего ими по их же законам»[{430}].

Отношения Ермолова с горцами, конечно, остались за пределами внимания Портера.

Как видно из названия книги, английский ученый муж побывал на территории современного Ирака, где когда-то располагался Древний Вавилон. В Багдаде сэр Роберт Портер посетил местного пашу Дауда, родители и братья которого почему-то проживали в Тифлисе.

— А каково настоящее положение дел в Грузии? — обратился Дауд Багдадский к английскому сэру.

— В Грузии сегодня царит спокойствие, и она благоденствует под управлением России. Начальствует там знаменитый своими подвигами генерал Ермолов, человек широкого образования, чрезвычайно строгий, но в высшей степени справедливый.

— Скажите, сэр Роберт, могу ли я написать доблестному правителю Грузии и просить его благосклонно позаботиться о моих родственниках, проживающих в Тифлисе? Исполнит ли генерал Ермолов мою просьбу?

— Несомненно, генерал Ермолов, отличающийся добрым сердцем, с радостью исполнит желание паши и с особенным удовольствием воспользуется случаем сделать угодное столь знатному владетельному лицу.

— В таком случае я хотел бы вместе с письмом отправить господину Ермолову какой-нибудь подарок. Как вы думаете, сэр Роберт, обрадуют ли его великолепного достоинства персидские шали? — поинтересовался паша Дауд Багдадский.

Портер посоветовал ему послать Ермолову вместо шалей саблю. Паша тотчас приказал принести несколько сабель, украшенных драгоценными камнями. Англичанин выбрал одну лучшую.

Ни письмо, ни сабля не дошли до адресата. Нарочный, посланный Даудом в Тифлис, был ограблен в пути курдами[{431}].

МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

До сих пор у Ермолова были дела, не требующие много времени для их разрешения: встретился, поговорил, сделал вывод, простился. Теперь предстояло заняться решением вопросов, отложенных накануне отъезда в Персию, — заменой местной администрации администрацией русской в Шекинском, Ширванском и Карабахском ханствах.

Отношения предшественников Ермолова с этими кавказскими провинциями регулировались трактатами, заключёнными с их правителями. Ханы не раз давали повод для разрыва этих договоров, подписанных под давлением сложившихся обстоятельств, но ни Цицианов, ни Ртищев так и не воспользовались этой возможностью.

По возвращении из Персии Ермолов внимательно следил за событиями в этих ханствах и выжидал лишь формального повода, чтобы ликвидировать их самостоятельность.

Первым пало Шекинское ханство, которым деспотично управлял Измаил-хан, генерал-майор русской армии, получавший большое денежное содержание. Он ненавидел своих подданных и подвергал их бесчеловечным пыткам и истязаниям, что и дало наместнику повод лишить его власти…

На территории Шекинского ханства стояли три армянских деревни, жители которых если и не благоденствовали, то по крайней мере не знали большой нужды. Еще хан Хаджи-Челеби Бездушный, за несколько лет до Измаила, предложил каждому из них либо принять ислам, либо платить налог, равный стоимости шестидесяти батманов шёлка, за право исповедовать христианство. Никто из армян не отрекся от веры отцов, но непосильные поборы разорили их.

Шли годы. Челеби Бездушного сменил Селим. Селим изменил императору Александру I и бежал в Персию. По милости Ивана Васильевича Гудовича власть получил Джафар-Кули, вызванный из Персии. Шекинское ханство уже находилось под властью православной России, а бедные армяне продолжали нести непосильное тягло. Кто подсказал им обратиться с жалобой к генералу Николаю Фёдоровичу Ртищеву, неизвестно. Но они, выбрав из своей среды шесть более расторопных односельчан, отправили их в Тифлис.

— Мы христиане, — говорили они главнокомандующему, — мы подданные христианского государя; за что же враги христианства берут с нас штраф за исповедование христианской веры?

Ртищев не нашел ничего лучшего, как сказать им:

— Возвращайтесь домой и не платите штрафа.

Едва ходоки вернулись в Нуху, как по повелению Джафара подверглись мучительной казни, а армяне за жалобу Ртищеву сверх шестидесяти батманов шёлка были обложены дополнительным сбором в размере двух тысяч рублей.

После смерти Джафара в 1815 году армяне, евреи и даже татары Шекинского ханства ещё раз обратились с жалобой к Ртищеву и просили его не отдавать их земли во власть персам, а назначить управляющим русского чиновника. «Их жалобы, слёзы и отчаяние, — пишет Ермолов, — не тронули начальства; их назвали бунтовщиками, многих наказали плетьми, человек двадцать сослали в Сибирь, а остальных выдали новому хану *Измаилу,* который подверг их бесчеловечным пыткам и казням»{432}.

Еще более омерзительный случай ханского произвола имел место буквально накануне вступления Алексея Петровича в должность, летом 1816 года. В деревне Ханабади был убит семилетний мальчик, сын тамошнего муллы. Никто не знал, кем совершено преступление, но, по свидетельству местных женщин, через деревню в этот день проезжали евреи из соседнего Карабалдыра. Их и призвали к ответу.

Измаил-хан приказал пытать евреев. Несчастных били палками, рвали клещами тело, выбивали зубы, которые потом вколачивали им в головы. В исступлении терзаемые оговаривали других, которых тут же хватали и подвергали таким же издевательствам. Деревни Карабалдыр и Варташены были опустошены, женщины и мальчики изнасилованы.

Со вступлением в должность Ермолова Измаил-хан, предчувствуя скорое падение, впал в депрессию и запил по-чёрному, поглощая ром бутылками. Он пил даже во время похода русских войск в Дагестан, в котором сопровождал со своей конницей князя Мадатова. Во время этой поездки он заболел и через восемь дней скончался.

Распространились слухи, что Измаила отравили. Одни обвиняли русских, другие считали виновницей смерти деспота его родную сестру. Василий Алексеевич Потто убеждённо утверждает, что «хан умер от пьянства». Тело покойного было отправлено в Персию и предано земле в местечке Кербелай.

«Жалел бы я очень об Измаил-хане, — ёрничал Ермолов в письме к князю Мадатову, — если бы ханство должно было поступить такому же наследнику, как он, *но* утешаюсь, что оно не поступит в гнусное управление, и потому остаётся мне только просить Магомета стараться о спасении души его»{433}.

Между прочим, хочу напомнить читателю, что блистательный герой Отечественной войны 1812 года князь Валерьян Григорьевич Мадатов родился в Карабахе в бедной армянской семье, рано лишился родителей, всю жизнь отдал русской армии, стал кавалером многих российских и иностранных орденов и дотянул до чина генерал-лейтенанта. По возвращении на родину был зачислен в Кавказский корпус Ермолова. Судьба армян, стонавших под гнётом ставленников персидского шаха, была ему далеко не безразлична…

Прямых наследников у Измаил-хана не было. Русские войска вошли в Нуху. Ермолов объявил народу, что «отныне на вечные времена» ликвидируется Шекинское ханство, «и оное получает название Шекинской области».

29 августа 1819 года население Шекинской области было приведено к присяге на верность русскому императору. Никакого протеста не последовало.

* * *

Еще после первой встречи с Ермоловым, объезжавшим свои владения в ноябре 1816 года, ширванский хан Мустафа понял, что его самостоятельность продержится недолго. Он взял курс на сближение с Персией и стал готовиться к военным действиям. Известие об этом дошло до Вельяминова.

Вельяминов, оставшийся на Кавказе после отъезда Ермолова за главного начальника, двинул в Ширванское ханство войска якобы для защиты Мустафы, а на самом деле для предотвращения его побега в Персию. И Алексей Петрович, как говорится, державший руку на пульсе, писал ему, чередуя упрёки с юмором:

«Вы не уведомили меня, что в ханстве вашем жители вооружаются по вашему приказанию и что вы приглашаете к себе лезгин, о чём вы должны были дать мне знать как главнокомандующему и как приятелю, ибо я обязан отвечать перед великим государем нашим, если не защищу его верных подданных; а к вам, и как к приятелю, сверх того, я должен прийти на помощь. Скажите мне, кто смеет быть вашим противником?..

Не желая в ожидании ответа вашего потерять время быть вам полезным, я теперь же дал приказание войскам идти к вам на помощь. Так приятельски и всегда поступать буду, и если нужно, то не сочту за труд и сам приехать, дабы показать, каков *я как* приятель и каков буду против врагов наших»[{434}].

Мустафа решил, что Ермолов намерен заменить его другим

ханом — Касимом, которого когда-то привёл к власти на место Мустафы граф Зубов, а после отзыва русских войск Павлом I прогнал в горы тот же Мустафа. Основания для такого подозрения дал бестолковый генерал-майор Пестель, вступивший в какие-то тайные переговоры с Касимом. Это и послужило причиной его воинственных приготовлений.

О генерал-майоре Пестеле я расскажу позднее.

Как ни пытался Ермолов разубедитьподозрительного Мустафу, когда-то добровольно присягнувшего на верность России, не получилось. Поэтому напомнил ему о долге верноподданного: «Ваша воля, верить или не верить искренности моего совета, но если вы будете упорствовать в преступных намерениях, то я, сколько ни прискорбно мне как доброму вашему приятелю, скоро вразумлю вас…»{435}

Когда известие о ликвидации Шекинского ханства дошло до Мустафы, он занял откровенно враждебную позицию по отношению к России, установил связи с дагестанцами и стал подбивать их на восстание.

Как раз в это время к Ермолову привели одного из самых близких людей Мустафы, который и выдал его связи с дагестанцами. Хан попытался подкупить представителей русской администрации в Тифлисе, но деньги были перехвачены и переданы в казну. Правитель Ширвана, опасаясь наказания, бежал в Персию.

Вслед за этим наместник возвестил ширванцам, что «Мустафа за побег в Персию навсегда лишается ханского достоинства, а Ширванское ханство принимается в российское управление». Народ встретил сообщение об этом совершенно равнодушно, впрочем, как и присягу русскому императору. А вот фейерверком, устроенным по случаю тезоименитства Александра I, искренно «забавлялся»{436}.

Теперь следовало определить судьбу Карабаха.

* * *

После первого приезда Ермолова в Карабах минуло ровно пять лет. Алексей Петрович уже и сам забыл, что когда-то приказал Мехти-хану построить в Шуше мечеть, как в Тифлис пришло сообщение, что он бежал в Персию. Никто не мог понять, что побудило его к этому, Уж не боязнь ли наказания, что не выполнил повеления русского начальника? Нет, причина была иная.

Учитывая крайнюю нищету народа Карабаха, Александр I

списал с него недоимки за несколько лет, а Мехти-хан скрыл это от своих подданных и продолжал собирать с них долги в свою пользу. Возможно, это и заставило его бежать в Персию почти без денег, без жён и имущества.

Воспользовавшись бегством хана, Ермолов обратил Карабах в простую русскую провинцию, а у народа принял присягу на верность императору Александру Павловичу{437}.

ЕРМОЛОВ КАК РЕФОРМАТОР

Чиновники и судьи в России, может быть, и не глотали конфеты вместе с фантиками, но лихоимствовали и воровали ничуть не меньше, чем в Персии, а на Кавказе даже больше, ибо народ здесь не только законов не знал, но и не знал даже, кому жаловаться на произвол «гражданских кровопийцев». Поэтому после возвращения на родину перед Ермоловым стояла все та же задача — если не искоренить, то хотя бы уменьшить грабежи и разбои. И он знал, как это сделать.

Необходимо нагнать ужас на лихоимцев и откровенных грабителей. И Алексей Петрович нагонял, произнося «речи публично и для удобнейшего понятия в самых простых выражениях». Понимал, что лучше, конечно, ввести «последнее в *данном случае* средство, то есть отсечение головы». Тогда бы у него на Кавказе многие переселились в царство небесное раньше срока. Но кто же решится нарушить запрет на смертную казнь, введенный еще Елизаветой Петровной? На дворе-то *уже* XIX век!

Строгости не помогали. Ужас сменился страхом. Страх быстро прошел. Грабежи и разбои усилились. Через год после возвращения посольства в Тифлис уже известный читателю молодой офицер Николай Муравьев, обожавший Ермолова, писал в дневнике:

«Злоупотреблений здесь множество. Алексей Петрович смотрит на оные сквозь пальцы или не знает о них. Всякий управляющий какой-нибудь частью присваивает себе неограниченную власть и делает, что ему вздумается, все ищут более своей собственной пользы, чем пользы службы…

Жители города Тифлиса угнетены ужасным образом полицмейстером Кохановым. Он явно взяток не берет, но имеет другие средства, освобождая от постоя тех, которым постой следует… *за что, естественно, берет мзду, и не малую.* У бедных людей отнимает земли для расширения улицы, а, напротив, живущих богато, не трогает.

Коханов, человек, изгнанный из Астрахани за воровство и подлейшие проступки, приезжает в Тифлис без гроша в кармане и вскоре начинает жить самым роскошным образом, угнетая жителей и выказывая себя ложью, сплетнями, доносами, неправдами, получает доверенность главнокомандующего…

Вчера я был у Ховена. В первый раз слышал от него порядочную вещь. Он, жалуясь на неустройство в Грузии, сказал:

— Это удивительно! Хотят, чтоб здешний народ благословлял российское правление, тогда как употребляют всевозможные

средства для угнетения его…

Злоупотребления столь велики, как никогда не были. Никогда столько взяток не брали, как нынче. Ермолов видит все, но позволяет наушничать и часто оправдывает и обласкивает виноватого. А сему причиною Алексей Александрович Вельяминов, *начальник штаба Кавказского корпуса и друг командующего,* к которому все сии народы, *то есть грабители и взяточники,* подбиваются. Он делает из Алексея Петровича все, что хочет.

Столь долгое пребывание главнокомандующего на Сунже подает мысль, что Грузия ему надоела, и что он хочет от дел отвязаться, отчего злоупотребления увеличиваются и народ ропщет»{438}.

Бескорыстный до щепетильности Алексей Петрович и в высшей степени честный и благородный его племянник гражданский губернатор Грузии Роман Иванович Ховен не могли за всем уследить. К тому же дядя часто и подолгу бывал на Северном Кавказе, поручая дела другу и начальнику штаба корпуса генералу Вельяминову, а тот, ничуть не стесняясь, запускал обе руки в казну наместничества, подрывая авторитет главнокомандующего.

Вначале, когда Ермолов только что появился в Тифлисе, прежняя бюрократическая машина дала сбой, начала пробуксовывать, но за время его пребывания в Персии она раскрутилась и двинулась в прежнем направлении. Судя по всему, важную роль в реанимации ее сыграл генерал Вельяминов, имевший связи в Петербурге, без которых казнакрады и взяточники в Грузии не могли бы развернуться, как говорят, на всю катушку.

А вот у Алексея Петровича отношения с петербургской властью сразу не заладились. Он признавался Арсению Андреевичу Закревскому:

«До сего времени я как солдат не имел дела с министрами и не знал, что Бог за грехи рода человеческого учредил казнь сию. Теперь собственные опыты научили, однако же, и тому, что природа не особенных людей в министры приуготовляет»{439}.

Нет, не особенных, но разных. Среди них бывали люди очень талантливые и не очень, но бывали и откровенно бездарные. Своего отношения к последним наш герой не скрывал. Арсений Андреевич упрекнул его однажды в прямолинейности, из-за которой у него не ладились отношения с людьми. Соглашаясь с другом, Алексей Петрович пояснял:

«Справедливо выговариваешь мне, что я со всем светом перебранился и что неприятелей у меня число несметное.

Слушаю твой дружеский совет и начинаю смягчаться.

Ты не знаешь, что с министром юстиции *имею я* приятельскую переписку, правда, *пишу ему* чрезвычайно редко. С министром полиции *у меня* самые сладкие приветствия взаимные, министр финансов *ко мне* неблагосклонен, но если то от гордости, то не будет ему пощады, и я знаю то, что самое счастливейшее царствование Александра не сделает его лучше, чем он есть… *уважать Гурьева нельзя по приказу*… Я повинуюсь тебе, и ему даже пишу комплементы и всему достохвальному его семейству, то есть графу Нессельроде[2], который точно человек прекраснейший, но я не виноват, что имею с ним дело как с министром. На обеде, завтраке, при устрицах я всегда ему приятель; по службе Государю я требую не одной только любезности»{440}.

Редкий сановник был так непопулярен в России, как граф Гурьев. «Комплементы» Ермолова, письма которого поступали в канцелярию Министерства финансов, пересказывались её чиновниками как анекдоты. Поэтому Дмитрий Александрович просил «Проконсула» Кавказа писать ему только партикулярно, то есть официально и по форме.

По свидетельству князя Петра Владимировича Долгорукова, когда граф Дмитрий Александрович ушел, как сказали бы сегодня, на заслуженный отдых, в день Святой Пасхи все говорили: «Христос воскрес — Гурьев исчез!»{441}

Скажите на милость: могли ли у Алексея Петровича сложиться хорошие отношения с такими министрами? Со времен офицерской молодости он чувствовал свое превосходство над бездарностями, которых и тогда бы немало. Сослуживцы молили Бога, чтобы он, наконец, получил чин генерала и оставил их в покое. Не понимали они, что не от чина эта нетерпимость — от характера, унаследованного от матушки Марии Денисовны.

Усугубил отношения Ермолова с министрами один коварный поступок государя. Написал однажды Алексей Петрович откровенное письмо Александру Павловичу, в котором подверг резкой критике положение в гражданском управлении России, а он возьми и передай его в те самые ведомства, на которые жаловался наместник. Арсений Закревский, узнав о содержании этого послания, отчитал друга…

«Правду и весьма правду говоришь, — соглашался “брат Алексей” с “другом Арсением”, — что письмо мое зло… но кто мог ожидать такого предательства, каковым с ним поступлено. После сего станут еще сомневаться, что простосердечие мое вредит мне. Конечно, после сего и самую правду буду я *говорить сквозь зубы,* если за нее должен покупать себе злодеев, которыми

и без того очень изобилую. Воображаю, как дуются министры и какие пакости готовы мне делать, но я не буду сердиться и их в свою очередь, сколько возможно, буду истреблять, хотя весьма уверен, что сражение не всегда будет в мою пользу»{442}.

Нет, не сумел Алексей Петрович правду говорить «сквозь зубы». Поэтому врагов у него в Петербурге заметно прибавилось. Его совершенно откровенно порочили в глазах царя и столичного общества, обвиняли в превышении власти, клевете на честных слуг престола. Один против всего правительства он, конечно же, не мог выиграть все сражения. Впрочем, почему один? Были у него и единомышленники, готовые предупредить о грозящей опасности…

В 1818 году была назначена сенатская ревизия областей, состоявших под управлением Ермолова. На нее, кроме прочих, была возложена задача проверить достоверность информации о *злоупотреблениях по гражданской части, поступившей на имя* царя из Тифлиса.

Что можно было ожидать от ревизоров, ехавших на Кавказ с готовым мнением о ложности обвинения гражданской администрации в злоупотреблениях? Ермолов был предупрежден об этом. Действительно, проверка была поверхностной, в суть жалобы никто не вникал, доступа к сенаторам не было. Впрочем, наместник не сидел, сложа руки, в ожидании приговора. Думаю, не случайно сразу после их отъезда он получил донос. Некий доброжелатель поведал ему, что члены комиссии, добравшись до Астрахани, «счастливо» играют там в карты.

До чего же изменились пристрастия за двести лет! Сегодня члены министерской комиссии, приезжающие в провинцию, не будут играть в карты… Однако речь-то идет не о них, а о нашем герое, болевшем за державу. Вот что писал он по поводу проверки гражданской администрации вверенного ему края, Проконсулом которого называли его друзья, да и сам он тоже:

«Нельзя не видеть, что *сенаторы* получили приказание находить все в хорошем виде… Ко всему придираются, чтобы по возможности извинить беспорядки, словом, видно: хотят сделать представление, противное тому, что говорил я о здешних гражданских разбойниках. Не знаю, зачем присылают этих господ?.. Правительство ничего не узнает от таких ревизоров, а будет считать, что они все сделали и привели в надлежащий вид… Нельзя при царствующих ныне министрах, при дремлющем инвалидном Сенате достигнуть правосудия!»

Алексей Петрович не хочет мириться с этим. В следующий раз намерен доложить обо всем царю или уйти в отставку.

А почему в следующий раз? Думаю, потому что однажды уже

докладывал. Правда, тогда не просил еще об отставке. Пока нельзя. Надо осмотреться, подумать. В противном случае, убеждает он своего адресата, может получиться вот что: «Назовут меня дерзким, строптивым, и когда буду я просить одного взгляда на злодейства и беззакония, в то время отвратят внимание от жалоб, и не будет мне доверия. Не мне делают обиды и угнетения. Я обязан доводить до сведения Государя стон угнетаемых»{443}.

Можно, конечно, написать государю и донести до него «стон угнетаемых» людей. Но лучше подождать случая, когда представится возможность переговорить лично. Он верит в свой дар убеждения. Его величество поймет, заменит «царствующих министров» и разбудит «дремлющих сенаторов». Вроде бы и не наивным человеком был генерал, а вот надеялся.

Господи, да неужели одного предательства ему было мало, чтобы понять, что не заменит и не разбудит? Похоже, «достал» Алексей Петрович своей честностью не только «царствующих министров» и «дремлющих сенаторов», но и бодрствующего императора.

Оставим пока попытку Ермолова покончить со злоупотреблениями по гражданской части, тем более что она ему не удалась, и обратимся к конкретным делам наместника как администратора вверенного ему края. Эта работа затянулась на все годы пребывания его на Кавказе{444}.

* * *

С проблемой дураков Алексей Петрович безуспешно боролся всю свою сознательную жизнь, начиная со времени обучения в кадетском корпусе. А вот за строительство дорог он взялся лишь на Кавказе, ибо понимал, что без них ему не удастся утвердить мир и порядок на подвластной ему территории. В частности, новые пути сообщения были проложены от Тифлиса до Ку-таиса, от Георгиевска до Екатеринодара через Кабарду, между Дагестаном и прочими мусульманскими провинциями. Берега больших и малых горных рек соединились мостами.

Вдоль восстановленных и новых дорог была создана система военных постов, что значительно повысило безопасность движения. Отпала необходимость назначения сильных конвоев для сопровождения транспорта и пассажиров.

Естественным следствием расширения путей сообщения явился рост экономики. Особенно заметных успехов достигла горная промышленность, в частности, добыча золота, серебряной

и свинцовой руды на Северном Кавказе. Начались поиски полезных ископаемых в Грузии.

Ермолов, столь экономный в расходовании государственных средств, не пожалел одного миллиона рублей на устройство немецких колоний в Закавказье. В частности, из Вюртемберга в Грузию вызываются пятьсот семейств, для которых силами русских солдат строятся дома. Для упорядочения переселенческого дела по предложению наместника создается правительственная межевая комиссия.

Улучшение путей сообщения, обеспечение их безопасности и отмена пошлин вызвали оживление торговли. По ходатайству Ермолова в Закавказье был введен транзит европейских товаров, с которых взимался только пятипроцентный таможенный сбор. Однако и эта мера давала значительный вклад в доходную часть бюджета края.

Алексей Петрович поощрял судоходство и рыболовство на Каспийском море, привел в порядок тамошнюю флотилию, выступил инициатором постройки астраханской городской верфи, а для облегчения навигации велел начертать карту дельты Волги.

Росту доходной части бюджета края немало способствовало *более справедливое* распределение и сбор податей, упорядочение повинностей крестьян в пользу помещиков.

Время управления краем Ермолова — время роста задолженности грузинских дворян. Поэтому их имения вместе с крепостными довольно часто и, как правило, *за бесценок* доставались кредиторам. Наместнику пришла в голову счастливая мысль разрешить крестьянам, которые стремились получить свободу, погашать долги своих господ, а при желании и приобретать часть их имущества, причем даже с помощью субсидий от казны. Предложение наместника после обсуждения и утверждения его в Государственном совете приобрело силу закона.

Оживление деловой жизни Кавказского края неизбежно требовало совершенствования связи. Поэтому в крупных населенных пунктах наместничества были открыты почтовые конторы и экспедиции, которые получили право принимать и отправлять посылки, казенные и частные пакеты, деньги и драгоценные вещи.

Кроме того, между Петербургом и Тифлисом была учреждена экстренная почта, более быстрая, чем обычная.

* * *

Алексей Петрович понимал, что без стабильных законов не может быть устойчивого порядка в повседневной бытовой, общественной и деловой жизни населения вверенного ему края. И начал он с Грузии, имевшей древнюю историю и правовую культуру.

Наместник учредил Комиссию для перевода и кодификации грузинских законов. Из обширного свода Вахтанга VI были выбраны лишь те статьи, которые можно было использовать после вхождения Грузии в состав России.

По его инициативе был составлен и утвержден проект правил для управления калмыками, включавший в себя, кроме новых законов, также приведенное в систему обычное право.

Что касается других народов Кавказа, то их правовая культура находилась на эмбриональном уровне развития. Даже многие нормы обычного права, кроме кровной мести, практически не действовали.

* * *

Куда больших успехов добился Ермолов в развитии гражданской культуры на территории края. По его инициативе был открыт офицерский клуб с библиотекой, русской и иностранной литературой и прессой. А еще он решил завести свой печатный орган.

В провинциальной России того времени издавалось всего три газеты: в Астрахани, Казани и Харькове. Казалось бы, в замысле наместника — ничего особенного: в Тифлисе будет четвертая. Но выпуск ее изначально задумывался на грузинском языке.

Первый номер газеты вышел в марте 1819 года. Готовилась она русскими литераторами. Потом переводилась на грузинский язык, печаталась и распространялась среди потребителей информации. Чем можно объяснить такую сложную технологию издательского дела? Местными условиями.

Со времени включения Грузии в состав России не прошло и сорока лет, в течение которых практически не прекращались войны с Турцией, Польшей, Швецией, Персией, Францией и ее союзниками, что не позволяло правительству серьезно заняться идеологическим воспитанием новых подданных.

В то время русский язык знали лишь очень немногие представители местной городской интеллигенции, не говоря уже о крестьянах. А Ермолову важно было, как писал он в докладе на высочайшее имя, ознакомить новых подданных «с обычаями людей более просвещенных», с политикой правительства на

Кавказе вообще *и* в Грузии в частности, с событиями международной жизни, «с устройством разных заведений и с новыми изобретениями, полезными в крае, столь мало населенном, какова Грузия»{445}.

Показателем развития культуры является просвещение. На всем Кавказе во время управления генерала Ермолова было три учебных заведения — одно духовное и два светских. Предметом особой заботы Алексея Петровича было Тифлисское благородное училище. Он настоял на открытии в нем высших классов и расширении учебной программы за счет введения новых дисциплин — фортификации, геодезии и гражданской архитектуры.

Он лично заказывал книги для его учеников и отпускал на это необходимые средства.

Проконсул Иберии делал все возможное, чтобы расширить набор в Тифлисское благородное училище, выпускников которого *он* предполагал привлечь к выполнению программы городского строительства в административном центре края. Однако попечитель Казанского округа, в состав которого входило это учебное заведение, известный Магницкий, нашел, что потребная для этого сумма слишком велика, чтобы правительство могло позволить себе такую роскошь.

Ермолов практиковал и такую форму распространения просвещения в крае, как направление местной молодежи для обучения в кадетских корпусах. Особенно важным он считал воспитание в них детей «главнейших возмутителей и изменников» из горских народов и народов Гурии, Имеретии и Мегрелии, откуда они распределялись бы в полевые полки, расположенные на территории России.

* * *

На жалованье чрезвычайного и полномочного посла в Персии в размере ста тысяч рублей, от которого, как известно читателю, Алексей Петрович отказался, в Тифлисе был построен госпиталь.

Под его личным наблюдением в 20-х годах началось интенсивное освоение района минеральных вод, где были отремонтированы и построены новые корпуса лечебниц, получивших название «ермоловских». При этом главнокомандующий исходил из вполне справедливой мысли, что «израненый солдат, восстановивший силы для службы отечеству, будет благодарить *власть* за попечение о нем».

* * *

Большую часть года главнокомандующий проводил в экспедициях по Северному Кавказу. Но месяца три, правда, не больше, пребывал в Тифлисе. Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы обратить внимание на архитектурный облик административного центра края. Проконсул Иберии стремится придать ему вид европейского города. Он запретил частным лицам по своему усмотрению строить дома и начал плановое преобразование столицы Грузии и губернии.

За десять лет в центре Тифлиса было построено с десяток общественных зданий, которые вплоть до середины XIX века оставались единственными памятниками русского владычества на Кавказе.

Глава девятая.
СМИРИСЬ, КАВКАЗ!

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АВТОРА

Давно это было, четверть века назад…

Поезд Москва — Баку идет через Грозный. Мне — в Грозный. У кассы очередь. Билетов нет. Но я купил.

Поезд — скверный. Проводник — мужчина средних лет с заросшими черной щетиной щеками и круглым, как астраханский арбуз, волосатым животом, вывалившимся через распахнутую настежь рубаху, пропитанную потом. Ему нет дела до меня. Он совсем расплавился от жары. Не взглянув в мои проездные документы, хозяин вагона выдохнул:

— Входы.

— Благодарю, — сказал я и вошел.

Вагон разбитый, грязный, вонючий и, как ни странно, почти пустой. Получаю белье — серое, застиранное, влажное, отдающее плесенью. Ложусь. Колеса стучат на стыках, и я засыпаю. Слава Богу, прошла ночь. В столицу автономной республики прибыл с опозданием на несколько часов. Но все-таки прибыл. И это уже хорошо. Выхожу на платформу, иду по перрону, вижу растяжку с аккуратно написанным текстом, читаю: *«Привет участникам научной конференции, посвященной 200-летию добровольного вхождения народов Чечено-Ингушетии в состав России!»*

— Спасибо!

— Кого благодаришь ты и за что? — спросила меня жена.

— Читай, — сказал я и указал на растяжку, висевшую над платформой.

Не знаю, как другим пассажирам, а мне уже первые минуты пребывания в незнакомом прежде городе показались даже забавными. Подумалось: явно не для того созвали местные летописцы историков чуть ли не со всех концов страны, чтобы вспомнить за «круглым столом» генерал-майора Ивана Медема, «умиротворившего» когда-то непокорных и гордых чеченцев. А после него были и другие серьезные люди. Например, Павел Цицианов, Алексей Ермолов…

Пленарное заседание ученого собрания открылось утром следующего дня. В президиуме — маститые, известные не только своим женам историки, представители партийной власти города, правда, среднего уровня, но тщательно причесанные и отутюженные. Над сценой — кровавого цвета транспарант, точная копия того, что колыхался вчера на перроне железнодорожного вокзала. В актовом зале — хозяева и гости, аспиранты и студенты

республиканского университета, призванные продемонстрировать интерес молодежи к славному прошлому своих отцов и дедов. По воле случая я оказался рядом с человеком, примечательным не только внешностью, манерами и запоминающимся именем, но и трудами по истории народов Кавказа.

После традиционного и формального приветствия ректора университета, открывшего конференцию, с проповедью к присутствующим обратился партийный руководитель учебных заведений города. Он говорил о славном юбилее, об очень влиятельном «старшем брате», о семимильной поступи советской исторической науки, вооруженной «самой передовой методологией», а вот о генерале Иване Медеме и его преемниках, как и следовало ожидать, — ни слова. Я никак не мог сосредоточиться, отвлекал красный транспарант с навязчивым текстом.

— Простите, — обратился я к соседу слева, назвав его по имени, прославленному русской классической литературой, — что вы скажете о приветствии? — и кивнул на красное полотнище над сценой.

Он приподнял голову, посмотрел и очень серьезно ответил:

— Признак внимания, уважения, гостеприимства. Особенно здесь, на Кавказе. А остальное — ложь, ставшая уже привычной. Не обращайте внимания, не судите строго организаторов конференции. Они, смею вас заверить, славные люди, я их давно знаю.

Мой сосед замолчал, а я подумал: «Ложь, возведенная в ранг официальной политики, превратила нашу прекрасную Клио в шлюху, призванную прославлять бестолковую власть и не требовать даже вознаграждения».

Мог ли я тогда представить, что пройдет каких-то пять лет, и наша муза, исповедуясь от грехов и причастясь, начнет свой правдивый рассказ о прошлом, который многим покажется страшнее всякой лжи. Поэтому несколько лет шипели историки: «не надо чернить прошлое». Теперь-то привыкли, помалкивают, некоторые сами пытаются понять, с кем это постоянно боролась Коммунистическая партия за какую-нибудь победу, и что из этого вышло…

С трибуны вещал о подвигах красных казаков в Гражданской войне новый оратор. А его оппонент, потирая руки, готовил для него несколько метких определений, призванных осмеять, оплевать, растереть, уничтожить соперника по ученой проблеме за «поверхностное проникновение в сокровищницу ленинской мысли».

Не знаю, о чем молчал мой импозантный сосед, а я вспомнил

тогда забытого всеми академика Николая Федоровича Дубровина и его многотомную «Историю войны и владычества русских на Кавказе», написанную в годы «самой оголтелой политической реакции», как было принято квалифицировать время, наступившее вскоре после убийства народниками императора Александра И. Именно в том актовом зале Чечено-Ингушского университета возник у меня замысел нескольких очерков и книг, изданных в последние десять лет разными издательствами Ростова, Тбилиси, Москвы, Петербурга и Нью-Йорка. От замысла до воплощения — значительная часть жизни, прожитой, быть может, не так, как мечталось. Но, увы, прожитой, к сожалению, необратимо.

Я не назвал героев этих воспоминаний, некоторые из которых были моими учителями. Дожившие до сегодняшнего дня участники той конференции и без того узнают своих эмоциональных коллег, а у прочих читателей этой книги такие ученые вряд ли вызовут интерес. Они были на каждой кафедре истории партии даже в технических вузах и истории советского общества в университетах. И все — как близнецы-братья, владевшие «самой передовой методологией».

В те дни нашел меня в гостинице мой друг, с которым познакомился я значительно раньше, и увез в свое родовое селение Гехи, где тогда уже благополучно жили его родители и многочисленные братья и сестры, племянники и племянницы. Он водил меня к старому дубу, в тени которого, по преданию, якобы отдыхал когда-то после дальней дороги молодой русский офицер Лев Николаевич Толстой. Там освежил я лицо студеной водой Валерика, воспетого другим гением нашей литературы — Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Поднимался высоко в горы, любовался плывущими внизу облаками и зеленью альпийских лугов в просветах между ними…

Как давно это было. Сколько с тех пор воды утекло в том же Валерике…

Впрочем, несколько лет назад я увидел моего друга в какой-то информационной программе. За минувшую четверть века он мало изменился, только очень поседел. Известный специальный корреспондент одного из каналов Центрального телевидения за океаном представил его как председателя Комитета по законодательству старого чеченского парламента, искавшего поддержки у зарубежных коллег…

Недавно я узнал от его односельчанина, с которым судьба свела меня в больничной палате, что на родину бывший депутат парламента пока не вернулся, хотя и не запятнал себя участием в военных действиях в Чечне, ибо был политиком, а не боевиком…

ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Историки и биографы Алексея Петровича советского времени старались не писать об этом. Поэтому оставался он в массовом сознании лишь одним из «начальников народных наших сил» и другом декабристов. А он, между прочим, Кавказ усмирял, а именем его матери-горянки детей пугали. Для нас он, конечно, герой самой великой на том этапе истории России войны, но и суровый усмиритель горцев. И противоречивостью личности это никак не объяснишь. Он служил царю, а в его представлении и турки, и персияне, и поляки, и французы, и горцы — все были врагами Отечества.

Хочу, однако, обратить внимание читателя на то, что я, изучая жизнь Ермолова, не выявил ни одного случая проявления им беспричинной жестокости. Всякий раз его жестокость была ответом либо на набег горцев на русские селения при Кавказской линии, либо на убийство офицеров корпуса исподтишка.

Ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе накануне вступления Ермолова в должность, была очень сложной. Он считал, что его предшественники до такой степени избаловали дагестанских ханов «и подобную им каналью», что они почитают себя едва ли не равными турецким султанам, а потому проявляют такую жестокость к своим подданным, от которой «давно уже и турки отказались».

Генералы Павел Дмитриевич Цицианов и Николай Федорович Ртищев, не располагая достаточными военными силами, вынуждены были вступать в переписку с ханами, «как с любовницами», уговаривали их, как будто не они у русских, а русские у них находились под властью. «Я начал вразумлять их», — сообщал Алексей Петрович Арсению Андреевичу Закревскому. Каким способом? Да, «чрезвычайной строгостью»{446}.

Ермолов лет за сто до коммунистов решил, что здесь, *то есть на Кавказе,* добро надобно делать кулаками. Он был убежден, что впоследствии все они, в том числе и горцы, поймут, что действовал он для их же пользы.

Беспокоила наместника не только магометанская, но и христианская грузинская знать. Вот как оценивал он её в одном из своих писем:

«Князья здесь ничто иное есть, как уменьшенная копия с царей грузинских. Та же алчность к самовластию, та же жестокость в обращении с подданными. То же благоразумие

одних в законодательстве, других в убеждении, что нет законов совершенных»[447].

К своим заслугам («подвигам») Ермолов относил стремление «помешать делать злодейства» грузинским князьям и «воспретить какому-нибудь хану по произволу его резать носы и уши» своим подданным, что вовсе не было преувеличением[448]. Алексей Петрович действительно прислушивался к «стону угнетаемых», но его методы защиты их ничем не отличались от действий известного литературного героя, которого мало занимал вопрос о законности того, что он делает. Только, в отличие от Держиморды, наш генерал был убеждён, что творит жестокость во благо Отечеству Российскому.

Ермолова не следует представлять защитником сирых и бедных. Он и таковых мог заставить плакать кровавыми слезами. Все они, кажется, собрались по ту сторону Кавказской линии и совершали грабительские набеги на русские селения, на защиту которых и обратил внимание Ермолов по возвращении из Персии.

Да, матери-горянки именем Ермолова пугали детей своих. Но так и не запугали. Детки подросли и стали песенки напевать. Вот дословный перевод одной из них, распеваемой повзрослевшим джигитом перед набегом на русские приграничные селения:

«Конь у *него,* как невеста, убранная к свадьбе… Хлопнув ладонью по коню, садится на него молодец и пускается в путь… Где коснулась рука его — там плач поднялся, куда ступила нога его — там пламя разлилось. Захвачены прекрасные девы и пойманы мальчики, цветущие здоровьем…»

Не забывай, мой читатель, что плакали при этом сначала русские матери, потерявшие прекрасных дев и изнасилованных мальчиков, цветущих здоровьем, а потом уже горянки начали пугать детей своих именем Ермолова, что пламя пожирало сначала убогие избы в казачьих станицах и русских деревеньках, а потом уже сакли в горских аулах. Впрочем, я не оправдываю деяний главнокомандующего Кавказским корпусом, я только констатирую факты. И здесь, и далее.

Когда-то, еще в XVIII веке, с целью защиты казачьих станиц по течению реки Кубани были построены крепости, но все они находились в неудовлетворительном состоянии. Впрочем, разобщенные закубанские племена не доставляли в то время особого беспокойства русским, поскольку их набеги предупреждались разъездами пограничной стражи, призванными заменить обветшавшие укрепления.

Совсем другое положение сложилось на левом фланге Кавказской линии, против которого жили чеченцы. Они считались мирными, но фактически в их аулах формировались банды горцев

перед набегом на русские приграничные станицы и села, а проводниками их были беглые православные солдаты.

Еще в 1783 году чеченцы добились разрешения светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина поселиться на равнине между Сунжей и Тереком, издавна принадлежавшей казакам. Они обещали жить мирно и содержать передовые посты на Линии. Обманули, конечно.

Ермолов строго предупредил «мирных мошенников», что если они будут пропускать через свои земли грабителей, то будут наказаны силой оружия, прогнаны в горы, «где их истребят или неприятели, или болезни». Чеченцы не поверили угрозам, больше того, решили, что русские готовы заключить с ними договор, как это делали предшественники нашего героя.

Вслед за чеченцами поверили в свое могущество анцухцы, проживавшие в Дагестане. Они обещали Ермолову жить с ним в мире, если он будет платить им дань, как это делал царь Ираклий II[{449}].

Естественно, командующий отказал, потребовал полной покорности и разъяснил, что Грузия давно уже стала частью Российской империи, сила которой столь же несоизмерима с силой их прежних данников, сколь «далеко отстоит солнце от земли».

Принимая меры по защите русских поселений от набегов горцев, Ермолов начал с чеченцев. «С нетерпением ожидаю я, — писал он, — первой возможности искоренить гнездо гнуснейших злодеев. Этого требуют строгая справедливость и слезы жителей наших на Линии, между которыми редкое семейство не оплакивает или убийство, или разорение»[{450}].

К 1818 году чеченцы, по свидетельству начальника штаба Кавказского корпуса А.А. Вельяминова, до такой степени опустошили русские пограничные селения, что опасно было выходить за ворота казачьих станиц. Чтобы прекратить грабительские набеги горцев, А.П. Ермолов принял решение оттеснить их аулы в глубь лесов и гор, перенести Линию за Терек, занять Сунжу и постепенно, в течение трех лет, по ее течению построить ряд крепостей[{451}].

Однако прежде чем перейти в наступление, чтобы возвратить казакам их прежние затеречные владения, необходимо было добиться разрешения на это императора Александра I.

«С устройством крепостей, — писал он государю, — я предложу злодеям, живущим между Тереком и Сунжей и называющим себя мирными, правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные Вашего Величества, а не союзники, как до сего времени считали. Если

будут они повиноваться, то назначу им нужное количество земли, а остальную разделю между казаками и чёрными ногаями; если же нет, предложу им удалиться к прочим разбойникам… в сем случае все земли останутся в нашем распоряжении».

Ермолов не скрывал, что предприятие это потребует немалых усилий. В обеспечение успеха он просил его подкрепить Кавказский корпус хоть одним полком. Алексей Петрович убеждал царя, что рано или поздно это придётся сделать. Теперь же самое время перейти в наступление — «мир и спокойствие тому благоприятствуют».

Несмотря на принятые меры, набеги на пограничные русские селения продолжались. Не проходило ни одного дня, чтобы горцы не уводили в плен детей, женщин, работавших в поле, и не угоняли скота и лошадей. В селениях, ближайших к границе, они врывались даже в дома и уносили вещи и домашнюю утварь. Почти все станицы, расположенные вдоль Линии, постоянно подвергались нападениям.

Наместник приказал повесить несколько чеченцев, захваченных в плен во время набега, а жителей аулов, которые их укрывали, предупредил, что если они и впредь будут принимать и укрывать грабителей, то могут лишиться не только своих жилищ, но и самой жизни.

Досталось и казакам, которых Ермолов обвинил в нерадивом несении службы, отсутствии дисциплины, ослаблении воинственного духа, а офицеров в предпочтении личных выгод, получаемых непозволительными средствами, в распутстве и даже в участии вместе с горцами в набегах на русские селения{452}.

Не правда ли, знакомая ситуация?

Страх как универсальное средство поддержания порядка распространялся не только на горцев. Здесь особенно показателен случай, описанный в воспоминаниях Н.Н. Муравьева-Карского…

Однажды горцы вырезали несколько казаков, «уснувших на пикете, как на квартире». Ермолов вызвал их командира, по-видимому, хорунжего или сотника.

— Я не могу наказать тебя плетьми, — взревел А.П. Ермолов, потом ударом огромного кулака поверг его на землю и с остервенением стал топтать ногами. Натешившись, выкинул *из* палатки, заставив рыть яму, в которую приказал бросить избитого офицера. Командиру бригады В.А. Сысоеву, рассказывал Н.Н. Муравьев, с большим трудом удалось уговорить разъяренного генерала, «который, вероятно, все же не закопал бы его». Конечно, но из службы исключил{453}.

Над казаками были и более высокие начальники, чем пикетные командиры. С ними Алексей Петрович тоже не

церемонился, но изъяснялся более изысканно.

«Достаточно со стороны вашей одного равнодушия к беспорядкам, — писал Ермолов генерал-майору Дебу, — чтобы подчиненные, в свою очередь, были совсем нерадивы или даже негодны. Поверьте, ваше превосходительство, мне трудно делать подобные замечания вам, а еще менее я желаю повторять их»{454}.

Все понимали: повторного замечания добиваться не стоит.

В Петербурге никак не могли понять, что побуждает горцев к враждебным действиям против русских? Начальник Главного штаба князь Петр Михайлович Волконский попросил ответить на этот вопрос Ермолова.

«Набеги и грабительства чеченцев и других народов, — ответил он, — происходят единственно от желания добычи, и других побуждающих к тому причин нет ни особенных, ни новых»{455}.

Набеги на русские поселения стали не только образом жизни, но и способом существования горцев. Алексей Петрович как бы и не замечает, что они живут в самой страшной бедности, что, собственно, и определяет все их поступки. Кушать-то каждый день хочется. Потому и рисковали.

Государь одобрил план главнокомандующего. С весны 1818 года он приступил к реализации своих намерений.

Для Ермолова все горцы — народ «гнусный и подлый», легко дающий клятвы на верность и столь же легко отступающий от них, поэтому заслуживающий самого сурового наказания. Но он не спешит перевоспитать их. Постепенно, как бы исподволь, наместник ограничивает возможности для грабительских набегов чеченцев и кабардинцев на пограничные русские селения.

Глядя на громады гор, командующий Кавказским корпусом говорил своим офицерам:

— Это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надобно или штурмовать, или обложить её траншеями. Штурм будет стоить слишком дорого, не будем рисковать солдатами, возьмём неприступную цитадель измором.

И он приступил к устройству новых крепостей и укреплений на Кавказской линии. Все селения, с точки зрения Ермолова, мешавшие обустройству Линии, подлежали истреблению, а их жители переселению в горные районы. Правда, главнокомандующий заранее предупреждал их об этом и предлагал взять с собой самые ценные вещи. Многочисленные же табуны лошадей и стада скота, принадлежавшие на данный момент горцам, подлежали конфискации с целью удовлетворения пострадавших от их набегов русских крестьян и казаков.

Это о горцах вообще, но не лучше мнение Ермолова и о

чеченцах. Для него «нет под солнцем народа ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее», но нет и народа «более сильного, живущего в состоянии совершенного равенства, непризнающего никаких над собою властей». Поэтому и относится он к ним иначе — с терпением, готов «сносить и досады, и потери», будучи уверен, что «за все то они впоследствии заплатят и будут вынуждены обратиться к жизни спокойнейшей»{456}.

Такая уверенность генерала основывалась на задуманном им плане вытеснения чеченцев за Терек, где на реке Сунже намерен он был поставить крепость *Грозную* как форпост русских на Северном Кавказе. Ермолов понимал, насколько это трудная задача, а потому и не форсировал события, но принимал меры по постепенному ограничению грабительских набегов горцев на русские селения.

Весной 1818 года Ермолов сосредоточил на берегу Терека пять тысяч шестьсот человек, с которыми 25 мая двинулся в сторону Сунжи. Впереди следовал казачий разъезд с двумя пушками, за ним — главные силы и обоз. Сильная жара скоро изнурила войска. Командующий разрешил солдатам снять галстуки и расстегнуть мундиры. Шли без необходимого в таких случаях охранения. Лишь в самых опасных местах выставляли часовых. Усиленное питание и рюмка водки поддерживали здоровье солдат. На подступах к Ханкальскому ущелью остановились{457}.

Чеченцы спокойно наблюдали за движением русских и не сделали в их сторону ни одного выстрела. Те, кто не чувствовал за собой никакой вины, остались в своих домах и даже приходили в наш лагерь, писал Ермолов в высочайшем донесении.

Главнокомандующий собрал старейшин всех селений и заявил:

— Я пришел не наказывать вас за прошлые злодеяния, но требую, чтобы оные не повторялись впредь. Вы должны еще раз присягнуть на верность России и вернуть находящихся у вас пленных. В противном случае пеняйте на себя. Наказание не заставит себя ждать и будет суровым.

Старшины просили главнокомандующего дать им время для обсуждения предложенных условий, ибо по традиции, уходящей в века, они не могут и шага ступить без согласия всего общества. Ермолов согласился, но для гарантии от каждого аула оставил у себя аманатов (заложников) из числа самых авторитетных людей.

Противники вхождения Чечни в состав империи сумели убедить большую часть населения горной страны, что русские пришли только для наказания тех, кто участвовал в грабительских набегах на их приграничные казачьи станицы, и не

приступают к акции возмездия только потому, что опасаются вступать летом в непроходимые леса. А слухи о строительстве крепости на берегу Сунжи — всего лишь вымысел: пройдет немного времени и войска неверных вернуться на Линию.

Третью неделю шли холодные проливные дожди. Солдаты никак не могли приступить к заготовке леса и материалов, необходимых для закладки крепости. И все-таки утром *10 июня 1818 года,* после торжественного молебна, крепость *Грозная* была заложена. Леса на пушечный выстрел от неё были вырублены.

Ошеломив чеченцев закладкой крепости, Ермолов обязал селения, от которых держал у себя заложников, доставлять лес на стройку. Аулы же, расположенные за Ханкальским ущельем, наотрез отказались выполнять эти требования и стали готовиться к сопротивлению, строить укрепления, на дорогах выставлять пикеты и караулы, обстреливать русский лагерь. Малочисленность отряда вынуждала командующего перегружать солдат. Нередко после рабочей смены они без отдыха отправлялись в конвой или в караул{458}.

Ермолов ещё раз запросил подкреплений. Император Александр Павлович уважил просьбу наместника. Он приказал разделить грузинскую пионерную роту на две части, довести каждую часть до комплекта и одну из них отправить в Чечню. Она, конечно, не могла решить всех проблем Алексея Петровича, но положение его облегчила.

Строительство крепости *Грозной* было завершено в середине октября 1818 года. Значительно позднее здесь был возведён памятник основателю города, который через столетие стал столицей автономной республики. Правда, его пришлось обнести стеной, чтобы не взорвали каменное изваяние генерала неблагодарные горцы, которых он загнал еще выше в горы.

Крепость *Грозную* главнокомандующий приказал связать рядом укреплений с Владикавказом, стоявшим у входа в горы на страже Военно-Грузинской дороги.

Перенесение Линии с Терека на Сунжу лишило чеченцев части равнинных земель, правда, заселенных ими совсем недавно с разрешения русских. Тем не менее начинают складываться предпосылки для массовых выступлений горцев, сначала чеченцев, а затем народов Дагестана и Северо-Западного Кавказа, что в конечном счете вылилось в продолжительную Кавказскую войну, начало которой многие историки связывают с правлением Ермолова и замыслом строительства крепости *Грозной.* Но, право же, не слишком ли прямолинейно? Он не первый и не последний посягал на свободу и независимость горцев. И до него здесь действовали не менее инициативные генералы. Пример тому —

деятельность князя Цицианова.

* * *

Хронологические рамки Кавказской войны, принятые нашей наукой (1817—1864), недостаточно обоснованны. На мой взгляд, начало ее правильнее было бы отнести к 1764 году, когда завершилось строительство и заселение Моздока, положившего, по выражению известного историка Василия Алексеевича Потто, «краеугольный камень завоеванию Кавказа». Окончилась же она в 1864 году, когда пал последний опорный пункт сопротивления горцев русской колонизации — Кбаада{459}.

Здесь уместно еще раз сослаться на В.А. Потто, считавшего основание Моздока «началом той великой программы, на выполнение которой потребовалось целое *столетие* и миллионы материальных жертв и нравственных усилий»{460}.

Раньше других угрозу стеснения своей свободы почувствовали кабардинские владельцы, подвластные люди которых бежали от гнета и укрывались в крепости. В 1764 году они предприняли попытку разрешить назревающий конфликт, связанный со строительством Моздока, путем переговоров с русской императрицей и, когда она не увенчалась успехом, призвали народ к оружию. Началась *Столетняя Кавказская война.* Одним *из* ее этапов было время сурового управления Кавказом генерала Ермолова.

* * *

То, что мы ныне называем национально-освободительной борьбой народов Северного Кавказа, Ермолов считал беспорядками. Вскоре после вступления в должность Алексей Петрович писал Петру Ивановичу Меллер-Закомельскому, в то время инспектору всей артиллерии:

«Я терпеть не могу беспорядков, а паче не люблю, что… здешние горские народы противятся власти государя».

Не смирив горцев Северного Кавказа, Россия не могла считать свои позиции прочными *и* в Закавказье, ибо Турция и Персия не отказались от мысли взять реванш после недавних поражений, закрепленных мирными договорами в Бухаресте и Гюлистане. Для продвижения империи на Восток наместник считал возможным использовать все средства. За горцами он признавал только одно право — повиноваться. В противном

случае грозил «истреблением ужасным». И слово сдерживал: предавал огню целые селения, а их жителей вырубал, как лес, не исключая стариков, женщин и детей.

Набеги на русские поселения с целью грабежа в первое время заметно сократились и, как правило, заканчивались полным истреблением налетчиков. Многие чеченцы вместе с семьями перешли на нелегальное положение, укрывшись в лесной глухомани. Их поддерживали те из них, кто притворно заявил о своей лояльности к русским и жил с разрешения главнокомандующего между Тереком и Сунжею. Поездки по Военно-Грузинской дороге с каждым днем становились все опаснее и могли осуществляться не иначе как с большим конвоем, при котором всегда находилось несколько пушек.

— Мне не нужны мирные мошенники, — говорил Алексей Петрович. — В посредниках я не нуждаюсь…*Достаточно, что я знаю, что имею дело со злодеями. Пленных и беглых солдат немедленно вернуть, или мщение будет ужасным!*{461}

Отныне Ермолов держал при себе аманатов, которые периодически меняли друг друга. Такая вот ротация по-ермоловски…

— Живите смирно, — наставлял Ермолов, — не делайте воровства, грабежей и смертоубийств; занимайтесь хлебопашеством и скотоводством, и вы будете спокойны, богаты и счастливы; в противном случае, за всякое буйство, за всякое воровство, грабеж и смертоубийство аманаты ваши будут отвечать головой{462}.

Таким образом, Алексей Петрович избавил чеченцев от посредников, которые обходились им весьма недешево. Но те, лишившись немалых доходов, настраивали своих соплеменников против русских, распускали самые нелепые слухи:

— Неверные призывают нас спокойно работать, чтобы потом завладеть нашим имуществом, а самих нас изгнать в горы.

Как ни старался Ермолов убедить чеченцев в том, что русские не заинтересованы в их разорении, как ни призывал их спокойно заниматься сельским хозяйством, гарантируя им неприкосновенность личности и имущества, не верили. Видя, что на их земле строится новая укрепленная линия, они объединялись в отряды, бежали в горы, нападали на русские селения, казачьи станицы и солдатские лагеря и молниеносно исчезали. Алексей Петрович, не находя понимания, нервничал:

— Я превращу земли между Тереком и Сунжей в пустыню, но наведу порядок, никому не позволю разбойничать в нашем тылу.

С этой целью жители десятка андреевских аулов были изгнаны из своих жилищ и под конвоем отправлены в горы.

— И Боже избавь того, кто посмеет ослушаться, — рычал он. — Когда придут войска, поздно будет помышлять о спасении. Я слышать не могу о беспорядках, тем более видеть их своими глазами{463}.

В связи с этим Грибоедов, следовавший через Моздок в Тифлис, писал в путевом дневнике:

«…Андреевская, окруженная лесом… Там на базаре прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, — а нынче самих продавцов вешают».

Так, по русской традиции, наместник боролся на Кавказе с варварством самыми варварскими методами. Однако же боролся, отменил рабство, закрепил право выкупа крепостных с торгов, как и в Грузии. Но не следует спешить с выводами. К этому я еще вернусь…

Ермолов ввел круговую поруку в аулах, которые считались мирными. За участие в разбое члена семьи отвечала вся семья. За укрывательство семьи грабителя подлежало истреблению всё селение с его обитателями, включая женщин и детей. На чеченскую знать главнокомандующий возложил задачу содержания ночных караулов.

Ультиматум, продиктованный генералом чеченцам, и сегодня вызывает не лучшие чувства, хотя он и не додумался еще до мер наказания, которые пришли в голову «кремлевскому горцу» из грузинского городка Гори, знавшему жителей Кавказа не хуже знаменитого «господина проконсула Иберии». Может быть, потому и не додумался, что железных дорог тогда не было. Впрочем, ногаи когда-то пешком дошли до Урала, и многие выжили.

С потрясающим цинизмом Алексей Петрович писал Арсению Андреевичу Закревскому:

«Чеченцы мои любезные — в прижатом положении. Большая часть живет в лесах с семействами. В зимнее время вселилась *в них* болезнь, подобная желтой горячке, и производит опустошение. От недостатка корма из-за отнятия полей скот падает в большом количестве. Некоторые селения, лежащие в отдалении от Сунжи, приняли уже присягу и в первый раз… дали ее на подданство. Теперь наряжается отряд для прорубания дорог, которые мало-помалу доведут нас до последних убежищ злодеев»{464}.

Мысль о создании просек к горным аулам чеченцев с целью отнять у них возможность совершать набеги на русские пограничные селения и безнаказанно скрываться за непроходимыми лесами историческая традиция приписывает Алексею Александровичу Вельяминову. Ермолов вполне оценил

находку начальника своего штаба. Рубка леса заняла важное место не только в тактике «умиротворения» Кавказа, но и в истории русской классической литературы.

Время шло, а результаты завоеваний на Кавказе все еще не стали необратимыми. Необходимо было прежде всего усмирить Чечню, которая служила примером для других горских народов. Вот что писал об этом А.С. Грибоедов:

«С успехом в Чечне сопряжена тишина здесь между кабардинцами, и закубанцы не посмеют часто вторгаться в наши границы, как прошлой осенью. Имя Ермолова еще ужасает; дай Бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! В Чечню! Здесь война особенного рода: главное затруднение — в дебрях и ущельях отыскать неприятеля; отыскавши, истребить его ничего не стоит».

Эффективным средством наведения порядка наместник считал голод, поэтому стремился отобрать у горцев долины, где могли «они обрабатывать землю и пасти стада свои».

«Голоду все подвержены, и он приведет к повиновению», — убежден Алексей Петрович.

Крутые меры главнокомандующего еще более обострили обстановку на Северном Кавказе. Чеченцы обратились за помощью к своим самым ближайшим соседям, но не получили поддержки их правителей, которые опасались навлечь гнев русского главнокомандующего, надумавшего объехать Дагестан с большим отрядом войск. Так, подданные Адиль-хана, уцмия каракайтагского, не скрывали от него, что с прибытием Ермолова они будут просить наместника «о принятии их во всегдашнее управление России»{465}.

Пытаясь сохранить власть, Адиль-хан решил еще при жизни передать ее своему сыну Мамед-беку в обход старшего в роде Эмира-Гамзы, законного наследника, вынужденного после смерти отца вместе с младшим братом скрываться в Аварии. Алексей Петрович разгадал замысел правителя Каракайтага и отказал ему, несмотря на протекцию свата Мехти-шамхала Тарковского, безусловно преданного России. Отвечая на просьбу последнего, главнокомандующий писал ему, что непременно отправит представление в Петербург. Однако отсутствие государя не позволяет надеяться на скорое решение вопроса.

Чеченцам удалось вовлечь в восстание многие дагестанские ханства — ширванское, акушинское, аксаевское, дженгутайское, лезгинское и другие.

Султан-Ахмед-хан аварский, хотя и состоял на службе его величества и получал за это жалованье, однако принимал к себе всякого рода преступников и тайно готовился к военным

действиям. Ему помогал советом и организацией движения народов Дагестана против империи его брат Хасан, правитель дженгутайский, человек, пользовавшийся большим уважением среди местного населения. Чтобы отвлечь внимание русских, союзники решили напасть на уцмия каракайтагского и шамхала тарковского, отказавшихся примкнуть к общему восстанию горцев.

«Не хочу угрожать вам, и я в том нужды не имею, — писал Ермолов аварскому хану 24 июля 1818 года, — но отдаю на рассуждение вашего превосходительства, могу ли я, имея по воле великого государя моего и власть, и силу, допустить, чтобы нанесли оскорбление верноподданным его, и чтобы я оставил то без примерного наказания? Могу ли я терпеть своевольства такого человека, которого я потому только знаю, что он имеет честь быть вашим братом, который *разве лишь низкими и подлыми сплетнями и происками мог сделаться известным.*

Простите за откровенность, но я всегда так говорю с моими приятелями и *против них не умею быть не только слабым, но и излишне снисходительным*»[{466}].

Аварский хан пытался убедить главнокомандующего, что он предан России, и в доказательство «сдал» ему проводника Нур-Магомета, с которым сам отправил своих людей на помощь чеченцам. Правда, с опозданием: генерал давно уже прогнал его в горы.

— Подданные вашего превосходительства также были с Нур-Магометом! — подчеркнул Алексей Петрович. — Хочу верить, что о том вы не знали или не имели власти, чтобы удержать их, но уверяю вас, что за то нимало не сержусь[{467}].

Обмануть Ермолова не удалось.

Алексей Петрович предостерег и других правителей Дагестана от участия в подготовке восстания:

— Если я возьмусь по своим правилам воздерживать вас, то вам будет очень неприятно, а ваши подданные, увидя, что вы не в силах защитить их, потеряют к вам уважение[{468}].

Ни предупреждения, ни откровенные угрозы не помогли: большая часть дагестанских правителей продолжала втягивать свои народы в подготовку общего восстания горцев. Ермолов остановил выдачу жалованья аварскому хану и приказал генералу Пестелю выступить против акушинцев, остановиться лагерем подле селения Башлы, сохраняя, однако, «в непроницаемой тайне точное назначение войск», чтобы заставить их больше думать о собственной защите, чем о нападении на племена, преданные России[{469}].

Пытаясь предотвратить кровопролитие, Ермолов обратился с

воззванием к народам акушинского, драгинского и цудахаринского обществ, разоблачил ложь и коварные замыслы их правителей, которые хотят использовать их для наказания своих неприятелей, ориентирующихся на Россию. Требуя от них аманатов, он писал:

«Довольствуйтесь великодушным расположением к вам российского правительства, которое уважает веру вашу, не нарушает ваши обычаи, не касается вашей собственности и ничего от вас не требует. Но знайте, что оскорбление и вред, нанесенный верноподданным великого государя, *наказываются строго*…

Не забывайте, народы, что вы дали обещание ничего не предпримете противного пользам России. Может быть, не остановлю я вас моим советом, но исполню свой долг, предупредив вас. *Сколько уважаю вас спокойными и кроткими, столько страшно буду наказывать дерзких и своевольных. Остерегайтесь!*»[{470}].

Пригрозил главнокомандующий и другим правителям. Дагестан раскололся. Шамхал и уцмий, опасаясь своих противников, ориентировались на Россию. Все остальные владельцы и их народы поддерживали чеченцев. Первых следовало защищать, вторых — держать в страхе. Но как это сделать? Территория, находившаяся под его властью, была несоразмерна с численностью русских войск, разбросанных по Линии. К тому же общий некомплект только в полках регулярной кавалерии и пехоты Кавказского корпуса достигал двенадцати тысяч человек. Конечно, собранные вместе, они и в неполном составе справились бы с любой повстанческой армией. Но, увы, главнокомандующий не мог пойти по пути оголения своих флангов, поэтому вынужден был действовать малыми силами.

Пока армия была не укомплектована, Ермолов по необходимости воздерживался от наступательных действий и заботился только об обороне собственных границ, как правило, плохо защищенных. Он понимал, что здесь, на Кавказе, одинаково вредны и сила, неуместно употребляемая, и кротость, слишком откровенная, на которой, как форме общения с горцами, настаивал начальник Главного штаба князь Волконский: первая подрывала доверие к власти, вторая принималась за слабость и поощряла к активным действиям[{471}].

Александр I, принимая в основном тактику наместника, просил его по возможности добиваться сохранения мира на Кавказе, ибо война ему ни под каким предлогом была не нужна. Во всяком случае, в этом убеждал Ермолова князь Волконский[{472}].

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА ЕРМОЛОВА. НАЧАЛО

Сохранить мир не удалось. Андрей Борисович Пестель, желая предотвратить восстание, занял город Башлы, столицу каракайтагского уцмия, жители которого не повиновались ему. Слабый отряд генерала оказался в самом отчаянном положении на многолюдных улицах поселка. Горцы, не осмеливавшиеся напасть на русских в открытом поле, решили воспользоваться своим преимуществом. На помощь каракайтагцам пришли акушинцы, даргинцы, табарасанцы и прочие народы Дагестана. Всего собралось до двадцати тысяч человек. Толпами бунтовщиков руководили… аварский хан Султан-Ахмед и его брат Хасан. Лишь один Мехти-шамхал остался верным клятве, данной его величеству Александру Павловичу.

Днем 23 октября 1818 года повстанцы появились на подступах к городу и атаковали некоторые укрепления. Пестель не принял никаких мер для отражения неожиданного нападения неприятеля. Он с раннего утра находился в «веселом расположении духа», проводил время «в самом оскорбительном для населения распутстве» и ничего не замечал. Русские были застигнуты врасплох. Генерал растерялся, не давал никаких распоряжений. Лишь решительность подполковника артиллерии Мищенко и майора Севастопольского полка Износкова, собравших вокруг себя часть отряда, спасли его от окончательной гибели. Запершись в замке и доме уцмия, они отбивали отчаянные атаки неприятеля.

Многие солдаты, рассредоточенные по городу, не успели соединиться с товарищами, были окружены в домах многочисленным неприятелем и дрались каждый, как мог, без связи и порядка{473}.

В последующие два дня беспрерывные атаки горцев продолжались. Они отчаянно бросались на русские батареи, достигали до самых орудий и падали под их картечью, другие умирали под ударами штыков. Во время каждой атаки храбрый майор Износков выдвигал своих стрелков «и закрывал их валом из неприятельских тел»{474}.

Поведение жителей Башлов менялось по мере приближения повстанцев к городу: сначала они помогали русским строить укрепления, а потом стали снабжать горцев порохом, свинцом, продовольствием и даже стрелять по солдатам отряда.

Трое суток русские войска оставались без пищи, крова и сна. По требованию подполковника Мищенко и майора Износкова генерал Пестель вывел их из города, предав огню дома

изменников-лезгин. Более четырех часов горцы преследовали отступающих, пытаясь отбить аманатов, но всякий раз неудачно. Генерал Мадатов, в то время военный окружной начальник в ханствах Шекинском, Ширванском и Карабахском, встречавший отряд в Дербенте, нашел его «в самом жалком состоянии». По сведениям князя, он потерял убитыми и ранеными двенадцать офицеров и более пятисот рядовых. Правда, сам командир в рапорте на имя Вельяминова уменьшил убыль в людях человек на сто, не меньше{475}.

Князь Валерьян Григорьевич Мадатов мог рассказать о многих недостойных деяниях генерал-майора Пестеля, но, кажется, счел неудобным описывать его похождения, решив, что Алексей Петрович во всем разберется сам и без всякого оружия приведет в покорность бунтующих горцев…

* * *

Ермолов, объезжая свои северокавказские владения, остановился в Моздоке, где нашёл Грибоедова, следующего через Тифлис в Тегеран с поручением Министерства иностранных дел. Это была уже третья их встреча, после которой новоиспечённый дипломат ещё раз убедился в необыкновенных качествах знаменитого полководца. Он открыл его замечательные достоинства «в вещах на вид мало значительных: в самостоятельной манере смотреть, судить обо всём остро и изящно, но не поверхностно, всегда оставаясь выше предмета» обсуждения… «Говорит он превосходно, — делится Александр Сергеевич впечатлениями с Симоном Ивановичем Мазаровичем, — отчего в беседе с ним я должен бывал прикусить язык, несмотря на всю свою уверенность, от самолюбия происходящую»{476}.

Расставаясь, договорились встретиться в Тифлисе. Грибоедов покатил во Владикавказ и далее по Военно-Грузинской дороге. А Ермолов двинулся в Грозный, чтобы возглавить карательную экспедицию в Дагестан.

* * *

25 октября 1818 года Алексей Петрович с отрядом в составе пяти батальонов пехоты, четырёхсот донских казаков и пятнадцати орудий подошёл к Сунже. Поздняя осень, дождь и слякоть пока никак не отразились на настроении солдат.

Разувшись, они весело входили в холодную воду реки, чтобы вброд перейти на другой берег. За переправой наблюдал главнокомандующий. Сам он, его офицеры и солдаты были одеты не по форме, кто во что горазд: у одного на голове была папаха, у другого черкесская шапка; кто был в архалуке, кто в чекмене. Стоявший рядом с ним Симон Иванович Мазарович, описавший эту переправу, усмехнулся.

— Чему смеёшься, Симон Иванович? — спросил Ермолов Мазаровича.

— Глядя на вас, Алексей Петрович, можно подумать, что вы не генерал российской армии, а атаман разбойников.

— А знаешь ли ты, о чём я думал в эту минуту? Мазарович отрицательно покачал головой.

— Я подумал, а что сказал бы государь, если бы приехал сюда и увидел этих фигурантов? — и указал рукой на пёструю вереницу солдат, спускавшихся к броду.

Алексей Петрович продолжал:

— Уверяю вас, что если бы я хотя бы за два дня узнал о приезде государя, то смог бы представить ему этих самых «разбойников»; клянусь, взглянув на них, его величество остался бы доволен{477}.

В пути Ермолов узнал, что Пестель потерпел поражение.

Эту ничтожную победу над малочисленным отрядом Пестеля праздновали несколько дней не только в Дагестане, но и в Персии. Весть о поражении генерала разнеслась по всем провинциям Северного Кавказа. Этим воспользовались агенты шаха, стремившиеся возбудить общее недовольство горцев и приобрести союзников в лице населения областей, уступленных России в результате последней войны. С этой целью распускались самые нелепые слухи, например, о неизбежном якобы повышении податей и призыве мусульман в армию Александра I.

Ермолов приказал Пестелю снова взять Башлы.

3 ноября главнокомандующий пришёл в Тарки. Жители города, зная о поражении Пестеля, находились в большом унынии. Поскольку Мехти-шамхал состоял в отряде русского генерала, то и его они считали погибшим. Жёны шамхала отправляли своё имущество за Сулак, и сами были готовы к бегству при первом известии о приближении войск Султан-Ахмед-хана аварского.

Успокоив тарковцев, Ермолов двинулся на Мехтулу.

Мехтулинское ханство на севере граничило с владениями шамхала тарковского и располагалось между землями койсубулинцев и даргинцев. Оно принадлежало Хасан-хану, брату Султан-Ахмед-хана аварского.

Хасан-хан был непримиримым врагом Мехти-шамхала тарковского. Не имея собственных сил, он надеялся расширить свои владения за счёт ближайшего соседа при помощи братской Аварии и войск народов Даргинского союза, известного под общим именем акушинцев.

11 ноября Алексей Петрович выступил из Тарков и поздно вечером был уже на границе Мехтулинского ханства, где ожидали его войска неприятеля во главе с самим Султан-Ахмед-ханом аварским. Едва русские подошли, как на главнокомандующего посыпались самые дерзкие ругательства.

— Ермул! Сын собаки! — кричали горцы.

Солдаты, раздражённые дерзостью лезгин, рвались в бой. Но Ермолов приказал остановиться и варить кашу, чем вызвал недовольство даже офицеров, осуждавших его за бездействие. Вот что вспоминал об этом участник экспедиции Николай Фёдорович Грамматин, в то время молодой человек, а позднее известный на Кавказе генерал и почти неизвестный писатель:

«И в этот самый вечер Ермолов, закутавшись в бурку, как обычно, направился к одному из офицерских костров. Вокруг огня сидели кабардинцы. Это был бивуак храбрейшего полка.

Он знал в этом полку поимённо не только всех офицеров, но и большую часть унтер-офицеров и даже солдат. Подходя к костру, он услышал густой бас штабс-капитана Гогниева, который самыми неприличными, отборными словами ругал его за медлительность. Большая часть офицеров соглашалась с мнением Гогниева. Ермолов постоял, послушал и, незамеченный, вернулся, не сказав ни слова»{478}.

Между тем наступила ночь — тёмная, холодная, ненастная. Горы осветились кострами неприятельского лагеря, откуда долго еще доносилось ликование горцев.

— Пусть себе тешатся, — сказал Алексей Петрович, укрываясь буркой.

Не спалось. «Штурм высоты, занятой неприятелем, с фронта обойдётся слишком дорого, — рассуждал главнокомандующий. — Об отступлении не может быть и речи. Малейшая неудача наша повлечёт за собой неисчислимые бедствия: поднимется весь Дагестан, как один человек; не исключено, что общий поток увлечёт за собой даже людей шамхала тарковского»{479}.

Оставалось одно — обойти неприятеля с фланга. Один из проводников, житель шамхальства тарковского, хорошо знавший те места, сказал Ермолову, что недалеко от русского лагеря есть дорога, но настолько трудная, что её забросили даже горцы.

— Если русские солдаты смогут пройти по этой дороге, — сказал проводник, — то я готов вывести их незаметно прямо в

тыл войскам хана аварского.

Был одиннадцатый час вечера. Ермолов вызвал майора Швецова, недавно выкупленного из плена, приказал ему взять второй батальон Кабардинского полка с двумя орудиями, следовать за проводником, на горе укрыться в лесу и на рассвете ударить неприятелю во фланг или в тыл.

— Только смотри, брат, — напутствовал генерал своего молодого соратника, — чтобы без единого выстрела; встретишь не приятельский караул, уложи его штыками, а когда поднимешься на вершину горы, дай сигнал, мы тебя поддержим.

Швецов поднял и вывел свой батальон из лагеря так тихо, что никто из соратников не заметил выступления кабардинцев.

Штабс-капитан Гогниев со своей ротой шёл в авангарде. Непогода способствовала скрытному движению небольшого отряда. Костры на горе догорели; горцы, охраняемые дремлющей стражей, угомонились.

Между тем Швецов с отрядом поднялся на гору и, незаметно пробравшись по густому *лесу,* подошёл вплотную к неприятельским караулам. Чтобы ещё более отвлечь внимание горцев от наступающих с тыла, Ермолов приказал передовой цепи своих войск открыть огонь с фронта.

Батальон Швецова изготовился к атаке. Его пушки одна за другой выбросили из своих жерл град картечи. Кабардинцы с криками «ура!» стремительно обрушились на неприятеля. Многие горцы погибли под штыками прежде, чем успели проснуться. Остальные в ужасе обратились врассыпную. Проворнее всех оказался Хасан-хан мехтулинский и дженгутайский. Одни бежали в одежде, но без оружия, другие — с оружием, но без одежды.

Весь день русские войска поднимались на гору, занятую героями Швецова. Ермолов благодарил солдат и приказал дать им двойную порцию водки. Вечером около него, как обычно, собрались офицеры.

— Вот вам, господа, урок того, как должно беречь русскую кровь, — сказал Алексей Петрович. — По-вашему, надо было бы вчера положить здесь несколько сот русских солдат… А для чего? Для того чтобы занять эту гору?.. Но вот мы достигли того же и не потеряли ни одного человека.

Ермолов окликнул штабс-капитана Гогниева. Тот вышел вперёд.

— Спасибо, Гогниев! — сказал генерал. — Ты с ротой первый взошёл на гору, могу тебя поздравить с Владимирским крестом. Только смотри, брат, не ругайся так, как вчера ночью ругал меня.

На следующий день войска спустились в Параул, где жил аварский хан, когда был ещё простым мехтулинским беком.

Город, покинутый жителями, Ермолов отдал на поживу своим героям. Та же участь постигла Большой и Малый Дженгутаи, где русские потеряли трёх офицеров и пятнадцать солдат убитыми и ранеными{480}.

В Дженгутае Ермолов получил известие, что отряд Пестеля снова взял Башлы. А он и в этот раз едва не погубил дело. Сначала медлил с выступлением из Дербента, ссылаясь на непогоду и нехватку патронов, а потом, неожиданно столкнувшись с неприятелем в лесу, велел отступать. Благо, вмешался командир артиллерийской роты майор Мищенко.

— Генерал! Стоит вам сделать шаг назад, и войскам вашим не избежать поражения, как и месяц назад. Если вы не надеетесь разбить неприятеля или опасаетесь за собственную жизнь, то останьтесь, ради Бога, в обозе под прикрытием одного батальона пехоты, а остальными позвольте распорядиться мне{481}.

Похоже, Пестель не воспринимал уже никаких оскорблений. Он устранился от командования войсками. Мищенко смело повёл солдат на засеки и разбил неприятеля. Русские без боя вошли в город, покинутый жителями.

Храброго майора Мищенко Ермолов представил к награждению орденом Святого Георгия 4-го класса, произвёл в чин подполковника и назначил командиром Апшеронского пехотного полка.

Дальше Дженгутая главнокомандующий не пошёл. Дагестанцы мало-помалу отошли от шока, вызванного поражениями, и скоро потянулись к Ермолову с просьбой о помиловании. Он встречал всех одним и тем же вопросом:

— Знаете ли вы, против кого осмелились поднять оружие? На горцев производили впечатление и громадная фигура

генерала, и суровый взгляд его, пронизывающий посетителей. «Невольно глядя на эти черты, отлитые в исполинскую форму старины, — говорил один из участников похода, — воображение переносилось к временам римского величия. Это был настоящий проконсул Кавказа»{482}.

Прощал всех, кто приходил с покаянием, и объявлял, что Хасан-хан лишается власти как изменник и никто не должен повиноваться ему.

Четыре аула, принадлежавшие ранее аварскому хану и его брату, были переданы во владение шамхалу тарковскому, а из остальных создано особое приставство под управлением русского офицера.

«Надеюсь, что эта милость государя императора умножит усердие ваше к его службе, — писал при этом Ермолов шамхалу тарковскому. — Селения эти отдаются вам за верность, лично

вами оказанную, а потому наследникам вашим могут принадлежать не иначе, как с разрешения государя императора»{483}.

И уже с присущей ему иронией писал об этом же Закревскому:

«Мятежники наказаны и вознаграждены сохранившие нам верность. Одному из сих последних дал я в управление шестнадцать тысяч душ с обширной и прекрасной страной. Так награждает проконсул Кавказа!»{484}.

Награждённый шамхал тарковский прибыл в Карабудагкент, где впервые увидел главнокомандующего и поразился неприхотливости его быта и одежды.

— Право же, мой повелитель, — сказал шамхал тарковский, — признаюсь, сначала я даже не поверил, что вы генерал Ермолов, которого здесь все так боятся. Думал, что вы прислали вместо себя другого человека.

— Почему же ты так подумал? — смеясь, спросил генерал.

— Уж очень бедно живёте.

«Какие нелепости находят место в головах этих людей!» — подумал проконсул Кавказа.

Авторитет и влияние аварского хана в глазах горцев покатились вниз. Он написал главнокомандующему письмо, в котором попытался оправдаться.

«Нет прощения подлым изменникам», — ответил Ермолов и именем государя лишил его генеральского чина и получаемого содержания.

Сурхай-хан Казикумыкский, известный на Северном Кавказе плут, не раз обманывавший предшественников Ермолова, прислал к Алексею Петровичу поздравление с одержанными победами и предложил свои услуги в разрешении конфликта с дагестанцами. Отвечая ему, главнокомандующий писал:

«Скажу вам по приятельски, что я уже кое-что сделал для успокоения *Дагестана.* Всю фамилию подлейших дженгутайских беков выгнал из их владений и первого из них — гнусного изменника Султан-Ахмед-хана аварского, и даю слово, что вечно они в своих владениях не будут… Теперь остались известные своей глупостью акушинцы, дерзнувшие поднять оружие против российских войск. Я дал им время на раскаяние, и Боже избавь их, если они осмелятся что-либо предпринять: истреблю до основания скотский сей завод»{485}.

Алексей Петрович не преувеличивал *значения* побед, одержанных в Дагестане. Велика ли радость от поражения, нанесённого не войску даже — «скопищу» людей, которые до сих пор не слышали звука пушек.

Алексей Петрович, проходя с войсками через аул Эндери, переименованный в село Андреевское, убедился в том, какую важную роль играет оно в экономической жизни населения левого фланга Кавказской линии. Здесь горцы приобретали необходимые жизненные припасы, продавали в рабство русских крестьян и казаков, похищенных во время удачных набегов, а в зимнее время укрывли отары овец, спустившихся с гор.

Старший князь андреевцев Кара-Мурза Темиров, человек преклонных лет, поражённый пороком беспросветного пьянства, не имел никакого влияния на своих людей. Алексей Петрович освободил его от непосильного бремени власти и передал её Шефи-беку из того же лезгинского рода, майору Кавказского корпуса, человеку умному и, безусловно, преданному империи. Он поручил ему ликвидировать на подчинённой ему территории работорговлю и исключить из практики укрывательство дезертиров и банд грабителей перед набегом на русские пограничные селения.

Объявляя о назначении Шефи-бека Темирова правителем целого ряда андреевских аулов, главнокомандующий требовал от населения полного повиновения своему князю:

«Предупреждаю, что я требую от вас лучшего поведения и порядка, чем те, *каковые были у вас до сих пор*. Бойтесь быть непокорными, ибо старший владелец будет исполнять мои собственные приказания. За каждым действием вашим буду я иметь наблюдение… И Боже сохрани, если не найду в вас большего усердия и верности»[{486}].

Во второй половине ноября Ермолов приехал в Дербент. Там он выяснил, что в Башлах Пестель проводил время «в любовных сношениях с Ниною, мингрельскою правительницею». Горцы жаловались ему на генерала, который *ни* в чём не находил удовлетворения и только кричал: «Прикажу повесить!» Солдаты обвиняли его в напрасной гибели своих товарищей.

Как и предполагал Мадатов, Ермолов во всём разобрался и, чтобы избавиться от Пестеля, за сражение при Башлах, в котором он не участвовал, представил его к награде.

Главнокомандующий более года держал Пестеля «без всякого употребления по службе, ибо к природным, весьма посредственным его способностям присоединился ещё какой-то столбняк». Ермолов отправил его в отпуск, из которого он уже не вернулся, за что Алексей Петрович благодарил своего «несравненного и единственного друга» Закревского, который нашёл ему место где-то в России[{487}].

После непродолжительного отдыха Алексей Петрович вернулся в Тифлис.

Подводя итоги своей экспедиции, главнокомандующий снимал с себя ответственность за военные действия 1818 года, поскольку нельзя их избежать, «когда дерзкий неприятель приходит к нам с угрозами».

«Здесь между народами, загрубевшими в невежестве, чуждыми общих понятий, первое средство есть сила, — писал Ермолов начальнику Главного штаба князю Волконскому. — Знаю, что недостойно России во зло употреблять оную, но не могу не чувствовать, что она необходима, дабы отразить насилие.

Может ли быть что безрассуднее и дерзостнее, как поступок лезгин, требующих, чтобы войска наши оставили город, принадлежащий нам? Во всяком другом месте в подобном случае силою отражаются такие требования, но здесь сего недостаточно: здесь надо наказывать.

Теперь это довольно легко сделать, но в другой раз не вдруг могут представиться подобные обстоятельства. Не пренебрегайте, ваше сиятельство, Дагестаном. Не весьма отдалены времена Надир-шаха, а именно здесь потерпели поражение его армии… Нельзя нам не знать, насколько опасны могут быть в случае войны *с Персией* двадцать пять тысяч человек, действующих в *нашем* тылу и служащих для многих других народов примером»{488}.

Алексей Петрович обратился к начальнику Главного штаба Петру Михайловичу Волконскому с просьбой усилить его корпус хотя бы тремя полками пехоты и двумя ротами лёгкой артиллерии, которые потребуются ему для смирения акушинцев, не утративших гордости от победы над великим Надир-шахом. Но об этом я расскажу позднее.

Глава десятая.
ЛИЦЕЙСКИЕ, ЕРМОЛОВЦЫ, ПОЭТЫ

«ТЕПЛАЯ СИБИРЬ»

«…Никакой край мира не может быть столь нов для философа, для историка, для романтика. Когда европейцы с таким постоянством рвутся к истоку Нила, как не желать нам, вратарям Кавказа, взглянуть в эту колыбель человечества, в эту чашу, из коей пролилась красота на все племена Европы и Азии, в этот ледник, в котором сохранилась разбойническая эпоха древнего мира во всей ее свежести. Между тем, до сих пор, кажется, не удавалось ни одному дельному офицеру попасть в плен и вырваться из него для того, чтобы познакомить нас с горцами…»{489}

Еще в XVIII веке в плен к горцам довольно часто попадали русские офицеры, но, по-видимому, не очень «дельные», коль не оставили о том воспоминаний{490}. А вот позднее, в начале следующего столетия, «в эту колыбель человечества» офицеры ехали один за другим: кто по доброй воле, а кто по воле начальства за всевозможные провинности. Последнее случалось значительно чаще. И сколько осталось впечатлений на страницах их всевозможных записок и писем к родным!

Государь Александр Павлович назвал Кавказ «теплой Сибирью», куда под пули горцев отправлял и просто неугодных, и неблагонадежных, часто избавляясь от них без лишних хлопот навсегда. В разные годы здесь побывали Александр Андреевич Авенариус, братья Андрей Иванович и Петр Иванович Борисовы, Петр Григорьевич Каховский, Гермоген Иванович Копылов, Петр Александрович Муханов, Петр Максимович Устимович, Павел Дмитриевич Черевин, Александр Иванович Якубович — все те, кто когда-то состоял в тайных организациях декабристов, начиная от Союза спасения и Союза благоденствия и кончая Северным и Южным обществами.

К этому же кругу «ермоловцев» следует отнести и тех, кто не состоял в тайных обществах декабристского толка, но так или иначе выражал недовольство существующими порядками, фрондировал или действительно находился в оппозиции. Здесь следует назвать Давида Осиповича и Василия Осиповича Бебутовых, Алексея Александровича Вельяминова, Николая Павловича Воейкова, Александра Сергеевича Грибоедова, Николая Николаевича Муравьева, Евсевия Осиповича Палавандова, Александра Николаевича и Николая Николаевича Раевских, Ивана Дмитриевича Талызина, Василия Федоровича Тимковского, Александра Гарсевановича Чавчавадзе, Николая Васильевича Шимановского. По-видимому, были и другие,

наверное, менее заметные…

Из иностранцев в кавказское содружество русских единомышленников входил испанский революционер дон Хуан Ван Гален.

Всех их, несомненно, можно отнести к «передовым кругам России», которые еще недавно в нашей науке определяли историческую поступь страны и судьбу отдельных людей. Бывший лицеист Вильгельм Карлович Кюхельбекер, в 1821 году чиновник особых поручений при Ермолове, в одном из своих стихотворений объединил их в содружество «ермоловцев», поставил в один ряд с милыми его сердцу «лицейскими» и назвал всех «товарищами»:

Лицейские, ермоловцы, поэты,
Товарищи! Вас подлинно ли нет?
А были же когда-то вы согреты
Такой живою жизнью…

Разжалованных «товарищей» на Кавказе собралось так много, что Ермолов должен был просить царя прислать хоть какое-то положение об их чинопроизводстве. Здесь сложилась особая атмосфера, которую Л.Н. Толстой определил как странное соединение двух противоположных вещей: войны и свободы. «Приют русского свободомыслия» сохранялся здесь и в последующие годы, даже после отставки А.П. Ермолова.

Тогда все названные «ермоловцы» в той или иной степени входили в орбиту общения знаменитого генерала, но лишь немногие запомнились ему. Вот о них-то в первую очередь и пойдет речь в этой главе. Да и в других главах тоже…

А.П. ЕРМОЛОВ И А.С. ГРИБОЕДОВ

В конце ноября 1818 года А.П. Ермолов вернулся в Тифлис из Дагестана после экспедиции против горцев, где снова нашел приехавшего туда несколько раньше А.С. Грибоедова. Они подружились.

Встречались и беседовали «каждый день по нескольку часов». Младший, по его же признанию, своими «сказками прогонял скуку» старшему. Ермолов перешагнул уже за сорок, Грибоедову исполнилось двадцать три года. Разница в возрасте не мешала им находить общие темы для обсуждения. Современники единодушно отмечали удивительную способность Алексея Петровича казаться «вечно молодым». Собеседники были умны, великолепно образованны, начитанны, красноречивы. Оба прошли школу профессора Гейма в Московском университетском благородном пансионе. И это не могло не сближать их. Поэт, по его же словам, «пристал» к генералу «вроде тени» и никак не мог с ним наговориться.

О чем говорили они «каждый день по нескольку часов»? Думаю, Александр Сергеевич, назначенный секретарем русского посольства в Тегеране, расспрашивал Алексея Петровича о Персии, и он охотно делился с ним своими еще свежими впечатлениями:

— Ты едешь в страну, о которой у нас мало кто осведомлен, и менее всех дураки из Министерства иностранных дел. Отправляя меня с посольством в Персию, они требовали, чтобы я поступал по общепринятой ныне филантропической системе, которая совершенно недопустима на Востоке, ибо всякая мера кроткая и снисходительная принимается там за слабость и робость.

Граф Нессельроде — человек прекрасный, но я-то имел с ним дело как с министром, а тут одной любезности совершенно недостаточно. Представь себе, он требовал от меня сношений с Персией, основанных на «правилах благочестия» и «библейских истин». И это со страной, в которой произвол шаха не знает границ. Все его подданные являются рабами, вельможи и крестьяне уравниваются страхом перед деспотией.

Там никто не может быть уверенным в своем будущем, включая и самого владыку, ибо не только подданные трепещут перед тираном, но и сам он в любой момент может пасть жертвой ответного произвола с их стороны. И что особенно странно: в Персии никто даже не дерзает расторгнуть оковы поносительного рабства[{491}].

«Начитались вы, господин проконсул Иберии, “Персидских

писем” Монтескье», — подумал Грибоедов и сказал в глаза Алексею Петровичу:

— Зная ваши правила, ваш образ мыслей, приходишь в не доумение, потому что не знаешь, как согласовать их с вашими действиями; на деле-то вы совершенный деспот.

Ермолов отвечал:

— Испытай прежде сам прелесть власти, а потом осуждай! Конечно, Алексей Петрович рассказал молодому другу о

том, как перед аудиенцией у наследника престола и у самого шаха отказался снять сапоги и надеть красные чулки, как в интересах дела признался хозяевам, что ведет свое происхождение от Чингисхана, как своей «угрюмой рожей» пугал персиян, добивавшихся от него возвращения хотя бы нескольких завоеванных Россией мусульманских провинций Кавказа.

Ермолов любил поэзию, а Грибоедов был поэтом. Выходит, была у них еще одна общая тема для разговора. Едва ли не все пииты, общавшиеся с генералом, посвятили ему свои творения. Чуть было и Александр Сергеевич не поддался общему искушению и не прославил Алексея Петровича в своих стихах, для которых даже оставил часть страницы в путевых записках, адресованных Степану Николаевичу Бегичеву, чтобы сделать вставку. Он признавался:

«Или я уже совсем сделался панегиристом, а кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову и Храповицкому не писал стихов…»[{492}].

Измайлову и Храповицкому не писал, а вот Ермолову хотел написать, однако не написал, а что помешало, я не знаю. Впрочем, кажется, никто не знает. Может быть, появились сомнения? Нет, пока не появились.

Ермолов знал не только Персию. Он прошел, проскакал, проехал в кибитке через всю Европу, побывал в Австрии, Франции, Италии. В Неаполе познакомился и беседовал с леди Гамильтон, правда, я не знаю, с какой целью ходил молодой человек на то свидание. Там, за границей, он заложил основы своей богатой библиотеки, которая, по утверждению Михаила Петровича Погодина, лично знавшего Алексея Петровича, «была отборной, особенно, что касается до военного дела, до политики и вообще новой истории». На Кавказе наместник «выписывал и получал тотчас всё примечательное, преимущественно на французском *языке. Значительная* часть книг испещрена его примечаниями на полях»[{493}].

Испанский революционер дон Хуан Ван Гален, служивший на Кавказе под началом Ермолова, писал, что генерал ежедневно, нередко ночами, читал, постоянно интересовался новой

литературой[494].

Алексей Петрович много знал и был интересным рассказчиком. В упомянутых уже путевых записках Грибоедов восхищался им:

«Что за славный человек: мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, и не нынешнее отрывочное, несвязное наполеоновское риторство, его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить, однако позволяет говорить и другим…»[495]

В другой раз поэт представил еще более выразительный портрет генерала: «Какой наш старик чудесный… как он занимателен, *сколько свежих мыслей, глубокого познания* людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, *ругатель* безжалостный, но *патриот,* высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова… Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться, но уважения моего он ни в коем случае утратить не может»[496].

Действительно, Ермолов ругал всех, кроме государя Александра Павловича. И был патриотом. Монархист Давыдов, по его же признанию, тоже попал в число противников самодержавия:

«Я никогда не пользовался особым благоволением царственных особ, коим мой образ мыслей, хотя и монархический, не совсем нравился»[497].

Как мог монархический образ мыслей не нравиться монарху? Оказывается, мог, не признав «права самодержца становиться деспотом, то есть нарушать собственные законы», — разъяснял Натан Яковлевич Эйдельман[498].

Если верно, что патриот Ермолов, обнажая в «Записке о посольстве в Персию» деспотизм шаха, разумел самодержавную Россию, то следует лишь удивляться тому, что он так долго оставался фаворитом государя Александра Павловича. Не будем, однако, делать скоропалительных выводов, хотя названный документ, бесспорно, укреплял либеральную репутацию генерала. Не случайно он не был опубликован и долгое время распространялся в многочисленных списках.

Грибоедов тоже понравился Ермолову.

«Кажется, он меня полюбил», — написал Александр Сергеевич. Впрочем, начинающий дипломат не исключал, что мог и ошибиться: уж очень они не постоянны в своих симпатиях, эти «трехзвездные особы»[499].

Не ошибся. Многие подтверждали это. Так, весьма осведомленный чиновник докладывал в Петербург:

«Более всех Ермолов любит Грибоедова за его необыкновенный ум, фантастическую честность, разнообразность знаний и любезность в обращении»{500}.

А далее следовало весьма существенное добавление:

«Сам Грибоедов признавался мне, что Сардарь-Ермулу, как азиатцы называют Ермолова, упрям, как камень, что ему невозможно вложить *в голову* какую-нибудь идею. Он хочет, чтобы все происходило от него и чтобы *все* окружающие его повиновались ему безусловно»{501}.

28 января 1819 года Грибоедов отправлялся в Персию. За два минувших месяца он «обжился» в Тифлисе. Очень не хотелось садиться на лошадь, чтобы трястись полторы тысячи верст, но нечего делать. Жаль было оставлять Алексея Петровича. «Бог знает, — думал он, — как этот человек умеет всякого привязать к себе, и как умеет!»{502}

Впрочем, Андрей Жандр, хорошо знавший Александра Грибоедова, отметил, что он тоже «имел удивительную, необыкновенную, почти невероятную способность привлекать к себе людей, заставлять их любить себя, именно очаровывать»{503}.

Надо сказать, в то время многие умели «очаровывать» и, главное, старались это делать, например государь император Александр Павлович, что отмечали многие современники, в том числе такой авторитетный, как Наполеон.

— Ну, повеса, давай прощаться, — сказал Алексей Петрович, рассмеялся и прибавил: — Со всем тем ты, Александр Сергеевич, прекрасный человек, — и обнял его, как сына{504}.

Они расстались, чтобы через восемь месяцев встретиться здесь же, в Тифлисе, и продолжить свои бесконечные прения.

ДРУГИЕ «ЕРМОЛОВЦЫ»

В Грузии той эпохи обычно выделяют три основных центра оживленной интеллектуальной и политической жизни, освещенных именем Алексея Петровича Ермолова: Тифлис, где по инициативе наместника был открыт офицерский клуб с богатой библиотекой, русской и европейской прессой; Караагач, место постоянного пребывания Нижегородского полка, и Цинандали, имение Александра Гарсевановича Чавчавадзе, известного поэта и друга Грибоедова, который скоро станет ему зятем.

Нет необходимости распределять «ермоловцев» по названным центрам, но на краткой характеристике некоторых из них стоит остановиться, чтобы лучше понять главного героя этой книги.

* * *

Пётр Григорьевич Каховский оказался на Кавказе раньше Ермолова, но об этом периоде его жизни известно немного, как, впрочем, и о предыдущем.

Родился Каховский, по собственному признанию, в 1797 году, воспитывался в Московском университетском благородном пансионе, как и Ермолов и Грибоедов. Скорее всего, именно здесь он постиг русский, немецкий и французский языки настолько, что мог не только говорить на них, но и писать, и читать. С детства изучал историю греков и римлян и воспламенялся героями Античности; знал географию и арифметику. По воспоминаниям Якушкина, тогда многие страстно любили древних. Сочинения античных авторов были почти у каждого настольными книгами{505}.

Неизвестно, окончил ли самый буйный из будущих декабристов Благородный пансион или по какой-то причине покинул его раньше. Во всяком случае, в марте 1816 года он был зачислен в лейб-гвардии егерский полк юнкером. Именно к этому времени относится предсказание некоего «каретника, высокого мужчины, брюнета, с живыми черными глазами», записанное Николаем Михайловичем Новицким, однополчанином Каховского:

«…Мы лежали на своих кроватях: Каховский читал книгу, я, тоже тогда юнкер, готовил урок к завтрашнему дню; было тут еще два-три человека посторонних. Каретник стоял некоторое время недвижно, всматриваясь попеременно то в меня, то в него, и вдруг произнес:

— Вот что я вам скажу: один из вас будет повешен, другой — пойдет своей дорогой»[{506}].

Понятно: «своей дорогой» пошел Новицкий, в противном случае ему не удалась бы написать воспоминаний, а на виселицу с юных лет рвался Каховский…

Уже в декабре 1816 года по повелению великого князя Константина Павловича Каховский за «шум и разные непристойности в доме коллежской асессорши Вангерсгейм, неплатеж денег в кондитерскую лавку и леность к службе» был разжалован в рядовые. Похоже, хватил юнкер лишку и разошёлся, точнее, расходился, а хозяйка пожаловалась шефу русской гвардии, и тот принял меры.

Не прошло и двух месяцев, как наш герой снова «отличился», за что был переведен из гвардии в армию и сослан на Кавказ в линейные батальоны «за какую-то шалость», как написал его биограф Павел Елисеевич Щеголев[{507}].

П.Г. Каховский и впрямь был шалуном. Позднее, на Сенатской площади, почитай, только он и «шалил», в чем убедились на своей шкуре полковник Н.К. Стюрлер и генерал М.А. Милорадович.

Рядовой Каховский был определен в 7-й егерский полк. За первые три года службы на Кавказе он прошел путь от рядового до поручика. Правда, совершенно невозможно определить, какую роль в его карьере сыграл Ермолов. Разве что подписывал представления полковых командиров и отсылал их в Петербург.

Позднее, отвечая на вопрос следствия, откуда появился у него «вольный образ мыслей», он признавался:

«Недавние перевороты в правлениях Европы сильно на меня подействовали. Наконец, чтение всего того, что было известно в свете по части политической, дало наклонность мыслям моим»[{508}].

В начале 1821 года Каховский, получив отставку по болезни, оставил Тифлис…

* * *

Государь Александр I, назначив Ермолова командующим Грузинским корпусом, позволил ему самому подобрать себе помощников. Его выбор пал на *Алексея Александровича Вельяминова,* которому он предложил должность начальника штаба. Трудно даже представить, что Алексей Петрович мог сделать это предложение человеку духовно и идейно чуждому. Они познакомились вскоре после Аустерлицкого погрома, когда

русская артиллерия была организована в бригады, приписанные к пехотным дивизиям. Потом оба служили в гренадерском корпусе, расквартированном в Польше. После «ста дней» Наполеона вместе осматривали «всё любопытное» в Париже, посещали театры, в общем, были неразлучны.

Начальник штаба был молод, каких-то тридцать лет в год назначения на должность, а не тридцать семь, как пишет историк Потто. Алексей Александрович отличался суровым и равнодушным характером, обширными познаниями, особенно в математике и о кавказских народах. Про него говорили, что он никогда не жалел о потерях.

На службу в лейб-гвардии Семёновский полк отец зачислил Алексея ещё в детстве. По достижении совершеннолетия он ходил уже в поручиках гвардейской артиллерии. Боевое крещение принял под Аустерлицем, а кончил войну после падения Парижа.

«Натура сильная, непреклонная и чрезвычайно талантливая, — как пишет биограф Алексея Александровича, — он никогда не оставался в тени, даже стоя рядом с такой личностью, как Ермолов, для которого Вельяминов был не только ближайшим помощником, но его вторым “я”, другом, пользовавшимся его безграничным доверием»{509}.

По свидетельству Дениса Васильевича Давыдова, Вельяминов отличался исключительными способностями и «редкой самостоятельностью характера». Все эти качества начальника штаба Грузинского корпуса позволяли ему одинаково успешно пользоваться авторитетом и у «ермоловцев», и у столичных министров, и у грузинских грабителей и взяточников и, как ни странно, «вить веревочки» из Алексея Петровича, который, как нас убеждал Грибоедов, больше всего считался со своим мнением.

Один младший современник Алексея Александровича отнёс его к числу людей, которые «не сварили в желудке самодержавие и деспотизм»{510}.

На Кавказ Вельяминов приехал вместе с Ермоловым, имея чин полковника. Через два года мы видим его уже генерал-майором.

Особенно отличился он на Кубани.

* * *

Александр Гарсеванович Чавчавадзе родился в 1787 году в Петербурге. Его отец Гарсеван Ревазович был одним из полномочных представителей царя Ираклия II при подписании

Георгиевского трактата, юридически закрепившего вхождение Грузии в состав России, а позднее — послом на берегах Невы. Крестной матерью мальчика стала Екатерина II Великая. Он получил образование в одном из лучших пансионов Северной столицы.

Русский государь Александр Павлович, придя к власти, лишил наследников Ираклия II прав на грузинский престол, что вызвало обострение оппозиционного движения местного дворянства, делавшего ставку на царевича Александра Ираклиевича, рассчитывавшего на помощь дагестанских ханов и иранского шаха. К заговору примкнул и юный князь Александр Гарсеванович Чавчавадзе, за что неизбежно должен был поплатиться.

В 1804 году заговор был раскрыт, а его участники арестованы. В числе последних оказался и Александр Чавчавадзе, приговоренный к ссылке в Тамбов на три года. То ли из сострадания к семнадцатилетнему юноше, то ли из уважения к заслугам Гарсевана Ревазовича, преданного России, император помиловал молодого князя и определил в Пажеский корпус, после окончания которого он получил назначение в лейб-гвардии гусарский полк.

Некоторое время А.Г. Чавчавадзе состоял адъютантом князя Ф.О. Паулуччи, затем принял участие в войнах с наполеоновской Францией, вместе с армией побывал в Париже, а по возвращении в Россию служил в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском Селе. Его однополчанами были П.Я, Чаадаев, Н.Н. Раевский и П.П. Каверин. Очень вероятно, что здесь он мог видеть совсем юного лицеиста А.С. Пушкина, подававшего большие надежды.

В 1817 году ротмистр Александр Гарсеванович Чавчавадзе, переведенный из гвардии в Нижегородский драгунский полк полковником, вернулся на Кавказ. Здесь его однополчанами оказались Александр Иванович Якубович, Давид Осипович Бебутов, испанский революционер дон Хуан Ван Гален. Вместе с другими поэтами он вошел в плеяду грузинских романтиков, чьё творчество было окрашено вольномыслием и политическим свободолюбием.

Историк Василий Потто писал, что муза Александра Чавчавадзе соединила в себе «обширное европейское образование с духом истого грузина… она одинаково сроднилась и со скептицизмом Вольтера… и с удалью грузинских народных бардов»{511}.

С 1818 года, то есть со времени первого приезда в Грузию, А.С. Грибоедов общался с А.Г. Чавчавадзе. Встречались и в

Тифлисе, где князь арендовал флигель, и в имении Цинандали, и, может быть, в Караагаче, где квартировал Нижегородский драгунский полк. В семействе друга, ставшего тестем, поэт нашел себе жену Нину Александровну.

Многие современники пишут, что офицеры Нижегородского драгунского полка летом часто собирались в имении полковника Чавчавадзе Цинандали, где всегда было много гостей, а потому шумно. Дом князя стоял на крутом берегу реки Чебохури, и с его балкона открывался прекрасный вид на долину, покрытую садами, а на горизонте возвышались снежные вершины Кавказа{512}.

* * *

Александр Иванович Якубович родился в 1796 или в 1797 году. За его отцом, уездным предводителем дворянства, в Полтавской и Черниговской губерниях числилось более тысячи душ крепостных крестьян. Мальчик получил хорошее домашнее воспитание и образование. Потом, как и Ермолов, учился в Московском университетском благородном пансионе.

Действительную службу юный Александр начал в августе 1813 года юнкером лейб-гвардии уланского полка. Он успел принять участие в заграничном походе русской армии, с которой дошёл до Парижа и вернулся на Родину.

За участие в качестве секунданта в дуэли А.П. Завадовского с В.В. Шереметевым А.И. Якубович был переведён на Кавказ в Нижегородский драгунский полк прапорщиком, где стрелялся с А.С. Грибоедовым и ранил драматурга в левую ладонь, лишив Россию талантливого композитора и музыканта, В тот же день, 23 октября 1818 года, А.П. Ермолов отправил дуэлянта из Тифлиса в Дагестан в отряд князя В.Г. Мадатова, получившего приказ покорить Казикумыкское ханство. Там в боях против горцев он отличился, за что из поручиков был произведен в штабс-капитаны и представлен к награждению орденом Святого Владимира.

Позднее Якубович геройствовал в составе отряда Вельяминова на Кубани, где был ранен пулей в лоб. «Лоб оказался крепче», — иронизирует Брюханов. Может, оно и так, но это ранение явилось отнюдь не формальным основанием проситься в отпуск на операцию в клинике Медико-хирургической академии. Потом, уже в Сибири, его мучили страшные головные боли, от которых он порой даже терял сознание.

Через год после ранения Якубович получил отпуск, приехал в Петербург, где встретил Кондратия Фёдоровича Рылеева. Капитан

пожаловался поэту на то, что его заслуги незаслуженно обойдены, и выразил намерение *убить* Александра I. «Логика, соответствующая травмированному черепу», — прокомментировал порыв Александра Ивановича упомянутый исследователь Брюханов.

Стоит ли серьёзно воспринимать это заявление Якубовича? Думаю, вряд ли. Однажды Александр Иванович распустил слухи о существовании на Кавказе тайного общества. Попытка князя Сергея Григорьевича Волконского, специально командированного в Грузию, найти его кончилась неудачей. Теперь капитан гвардии решил поквитаться с царём, но тот то ли сам умер, то ли стал жертвой очередного заговора. Однако прежде чем это произошло, среди северных декабристов разыгрался настоящий спектакль: один клоун деланно пугал своих товарищей покушением на государя, два других его умоляли не делать этого: Никита Михайлович Муравьёв, стоя перед ним, а Кондратий Фёдорович Рылеев, ползая на коленях.

Конечно, уговорили,

И на Сенатской площади Якубович не отличился: то он, ссылаясь на головную боль от раны, отказывался вообще выйти на площадь, то готов был принять на себя командование восставшим полком, то уходил от мятежного каре, то вновь возвращался.

Зато «отличилась» академик Нечкина, многие десятилетия определявшая развитие советского декабристоведения. Она сделала из него не то парламентёра, не то разведчика в стане врага, выполнявшего якобы ответственное поручение штаба восстания. А вот сами участники и организаторы событий 14 декабря не знали об этом. Многие из них считали его «типичным бретёром» и «хвастуном».

По мнению Марка Константиновича Азадовского, может быть, одного из лучших знатоков истории движения декабристов, «есть целый ряд фактов, заставляющих отказаться от слишком упрощенных воззрений на личность Александра Ивановича Якубовича». В качестве довода «за» он приводит его записку, поданную из крепости на имя императора Николая Павловича, в которой он предстаёт как «подлинный гражданин-патриот, как политический мыслитель, много и глубоко размышлявший о судьбах родины». В данном случае трудно возражать против этого. Тюремная камера многим выправила мозги, даже убеждённым борцам с деспотизмом. А он не из них.

Что же произошло в тот роковой для России день 14 декабря? Неужели Александр Иванович испугался? Вряд ли. Ведь его уважали за храбрость не только русские солдаты, но и сами горцы. А ради чего, собственно, он должен был рисковать? В

тайное общество Якубович так и не вступил и никогда не проявлял интереса к революционным замыслам будущих декабристов. Против этого тезиса не возражали даже советские историки.

Порисоваться наш герой любил, это верно. Даже на поле брани капитан гвардии умел мастерски «пенить боевую пыль», как выразился Александр Александрович Бестужев-Марлинский в письме к братьям в Сибирь. За это и получил двадцать лет каторги в Нерчинских рудниках, в острогах Читы и Петровского Завода.

Молва о подвигах Александра Ивановича на Кавказе дошла до Петербурга и возбудила творческое вдохновение поэтов и писателей. Первым отозвался о них поэт Степан Дмитриевич Нечаев, бывший член Союза благоденствия, отошедший от движения, В 1823 году он писал:

Кавказских рыцарей краса,
Пустыни просвещённый житель!
Ты не одним врагам гроза, —
Судьбы самой ты победитель.
Как богатырскою пятой
Вражду черкеса попираешь,
Так неприступною душой
Тоску изгнанья презираешь
Герой-мудрец! Ты искупил
Двойной ценой венец героя:
В бедах покой свой сохранил,
И щит был общего покоя.

А Александр Сергеевич Пушкин решил написать роман о Якубовиче. Сама романтическая внешность капитана гвардии наталкивала на этот замысел. Вот какой портрет получился под пером актёра Каратыгина, встретившего его на улице столицы незадолго до восстания:

«Он был высокого роста, смуглое лицо его имело какое-то свирепое выражение; большие чёрные, на выкате глаза, всегда налитые кровью, сросшиеся густые брови, огромные усы, коротко остриженные волосы и чёрная *повязка на лбу, которую* он постоянно носил в то время, придавали его физиономии какое-то мрачное и вместе с тем поэтическое выражение… Когда он сардонически улыбался, белые, как слоновая кость, зубы блестели из-под усов его и две глубокие морщины появлялись на его щеках, и тогда его улыбка имела какое-то зверское выражение…»

«Глаза на выкате» стали едва ли не самой характерной

особенностью всего российского дворянства. Многие мемуаристы указывают ещё на «милую картавинку» в речи представителей нашего «благородного сословия». Однако об этом позднее…

Пушкину, по его же признанию, не удалось в полной мере создать романтический образ «Кавказского пленника». Этот недостаток он надеялся исправить в романе, *прототипом* главного героя которого, очень схожим с оригиналом, должен был стать Якубович.

Образ А.И. Якубовича давно занимал поэта.

Незадолго до восстания на Сенатской площади в «Северной пчеле» была опубликована статья «Отрывки о Кавказе» за подписью *А.Я.* В связи с этим А.С. Пушкин писал А.А. Бестужеву:

«Кстати, кто писал о горцах в Пчеле? Вот поэзия! Не Якубович ли, *герой моего воображения?* Когда я вру женщинам, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева *etc. — В нём много, в самом деле, романтизма.* Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя *[«Кавказский пленник»]* была бы лучше».

Главный герой романа Пушкина, как тип, а не историческая личность, — писал литературовед Николай Васильевич Измайлов, — «окружённый ореолом таинственности и легендарной славы, должен был восхищать обитательниц вод и возбуждать романтические мечтания у московской барышни; он — друг черкесов, помогающих ему; он — бретёр, картёжник и ни перед чем не останавливающийся похититель; вместе с тем любитель театральных эффектов и красивых поз, делающий даже из похорон отца своего “одно кокетство”. Всё это согласуется с характеристикой Александра Ивановича Якубовича, но воспринятой под особым углом зрения…».

Пушкин не ошибся, автором названной статьи действительно был Якубович. К сожалению, дальше замысла написать роман о нём и плана сочинения дело у поэта не пошло. Я же подошёл к тому моменту, когда должен ответить на вопрос, о чём писал в «Северной пчеле» капитан гвардии, декабрист по случаю, как бы я определил его политический и исторический статус.

Понятно, Якубович писал о людях Кавказа, главным образом о воинской стороне их жизни: отношении к войне, к свободе, к неприятелю. В целом его оценка положительная. У него они — «народ свободный, храбрый, трудолюбивый… Сама природа, своими красотами и ужасами возвышает дух сих горцев; внушает любовь к славе, презрение к жизни и порождает благороднейшие страсти, теперь омрачаемые невежеством магометанства и кровавыми обычаями».

Из пороков горцев Александр Иванович выделяет коварство в

сношениях с неприятелем и корыстолюбие.

В сибирской ссылке Якубович сошёлся с Николаем Александровичем Бестужевым. В письме к брату Александру Александровичу, переведённому на Кавказ, он сообщал:

«Якубович благодарит тебя за поклон и приписку; велит сказать, что ему снится Кавказ, и ежели он ещё живой выйдет на поселение, то хочет туда проситься. Быть может, ты будешь его командиром».

И на Кавказе помнили Якубовича. Об этом сообщал братьям тот же Бестужев-Марлинский:

«Линейцы — молодцы: все очень помнят Александра Ивановича; черкесы — тоже. Но все те, которым он кланялся, кроме Атажука, или умерли, или убиты»{513}.

О других подробностях биографии Якубовича кавказского периода я расскажу ниже.

* * *

Дон Хуан Ван Гален, человек с фантастической биографией, родился в 1790 году на испанском острове Леоне. Еще отроком включился в борьбу народа против Наполеона. Французы были изгнаны из страны, завоевавшей конституцию. Когда конституционалисты потерпели поражение, король Фердинанд возглавил реакцию, начались аресты. Страна покрылась сетью революционных организаций, готовивших открытое выступление во главе с полковником Антонио Квирогой, другом нашего героя.

В сентябре 1817 года Ван Гален был арестован, заключен под стражу, подвергался допросам с пристрастием, *но* никого не выдал. Наконец, с помощью одной девушки, приёмной дочери тюремщика, проявившей не то чувство, не то сострадание к узнику, ему удалось бежать из мадридской тюрьмы.

Каким образом?

Каждый день надзиратели обходили своих поднадзорных, и Ван Гален решил воспользоваться этим. Он встал у выхода из камеры, и едва тюремщик подошёл к нему, узник толкнул его в дальний угол и, выскочив в коридор, моментально захлопнул дверь и запер её на замок.

Тюремщик, в мгновение ока ставший узником, поднял страшный крик, но это лишь придало силы Ван Галену. Он пустился бежать по коридору, встретил упомянутую девушку и с её помощью выбрался на улицу, где ожидали его друзья, которые вскоре переправили его в Лондон.

Дочь тюремщика была отправлена на вечное поселение в

монастырь. Революция возвратила ей свободу. Впоследствии она вышла замуж за солдата, которого полюбила задолго до того, как встретила Ван Галена. Прямо-таки сюжет для романа, подобного «Пармской обители». Понятно, на испанский лад.

Страшная нужда заставила дон Хуана искать службу в такой стране, которая никогда не принимала участия в борьбе против Испании. В этом отношении лучше России он найти не мог.

Ван Гален был представлен графу Дмитрию Николаевичу Блудову, находившемуся в Лондоне. Заручившись рекомендательными письмами к государственному канцлеру Николаю Петровичу Румянцеву, братьям Александру Ивановичу и Николаю Ивановичу Тургеневым и управляющему путями сообщения Августину Августиновичу Бетанкуру, выхлопотал русский паспорт и отправился в Россию, захватив с собою довольно легкий багаж, состоявший из «небольшого чемодана, хорошего здоровья и твердых решений».

В 1818 году Ван Гален добрался наконец до Петербурга. Сразу же сочинил прошение о зачислении его в военную службу. Управляющий ведомством иностранных дел граф Карл Васильевич Нессельроде начертал на нем свою резолюцию: *«И так слишком много иностранцев»,* В ход пошли рекомендательные письма. Новые знакомые посоветовали *ему* проситься на Кавказ. Это помогло. Испанский революционер был зачислен майором в штат Нижегородского драгунского полка.

Ван Гален прибыл на Кавказ в середине сентября 1819 года с Апшеронским пехотным полком, который остановился в лагере близ Андреевского аула, где находилась главная квартира командующего корпусом. Вот что рассказал он о встрече с Ермоловым и о службе под его началом:

«На следующее утро пушечный выстрел возвестил приближение зари. *Я* вышел из палатки и с высоты, на которой раскинулся лагерь, увидел одно из самых величественных зрелищ, которое когда-либо представлялось моим глазам: с одной стороны живописно раскинулся аул, с другой — тянулись плодоносные долины, окружённые высокими горами причудливых очертаний. Когда пробило шесть часов, я отправился вместе с офицерами Апшеронского полка к главнокомандующему, жившему в войлочной кибитке с одним окном, всё убранство которой состояло из походной кровати, стола и двух стульев.

Из кибитки вышел адъютант и пригласил нас войти. Ермолов, дружески поздоровавшись с нами, обнял по очереди каждого, с кем познакомился во время последней войны с Наполеоном. Затем, обращаясь ко всем присутствующим, подробно рассказал о

положении дел на Кавказе…

Ермолову было на вид около сорока лет. Он очень высок ростом, пропорционально и крепко сложён, с живым и умным лицом. На нём был военный сюртук с красным воротником и орденской ленточкой Георгия в петлице; на его постели лежали сабля и фуражка, которые служили дополнением его обычного походного костюма…

Когда Ермолов приехал из Болтугая, русские нашли Андреевский аул всеми покинутым; из него убежали даже и те немногие князья и уздени, которые еще находились там; остались в нём только священнослужитель да несколько беспомощных стариков. Он приказал войскам стать лагерем близ аула… а беженцам сообщил, что они в течение трёх дней могут вернуться в свои дома. Мера эта оказала своё действие: андреевцы вернулись, но среди вернувшихся не было мужчин…

В башне, где находилась главная квартира, нам сказали, что обед давно готов. Но ввиду того, что Ермолов в этот день отправлял депеши императору с подробным отчётом о действиях отряда, нам пришлось ожидать его ещё целый час. Я вышел в сад…

По возвращении в столовую я обратил внимание на то, что гостей больше, чем мест, — обстоятельство, повторявшееся довольно часто, потому что всякий имел право являться без приглашения к столу Алексея Петровича, как называли все главнокомандующего. В подобных случаях слуги приставляли к столу деревянные скамьи, сделанные русскими солдатами. По принятому обычаю, все мы ожидали прихода генерала, чтобы занять свои места.

Наконец он вошёл, поздоровался со всеми с обычным добродушием, не делая никаких различий, и занял своё место, пригласив некоторых начальников сесть рядом с ним, а меня и одного прибывшего со мной майора усадил в торце стола.

Обыкновенно Ермолов перед обедом усиленно занимается делами со своими молодыми адъютантами, не отдавая предпочтения ни одному из них. Как словесные, так и письменные приказы он поручает тому, кто первый попадается под руку.

Я слышал от людей, знавших Алексея Петровича в молодости, что он всегда любил серьёзное чтение и хорошо был знаком с классиками. При этом генерал не терпел пьянства и картёжничества, за которые строго карал, хотя эту страсть очень трудно выбить из его соотечественников. Этих пороков он терпеть не мог, особенно в людях, к которым чувствовал некоторое уважение.

Вечером, после ухода гостей, Ермолов писал и читал, а так как он никогда не пользовался часами, то не ложился спать до тех пор, пока не сменялся караул у его окна. Несмотря на это, прежде чем пушечный выстрел извещал о приближении зари, он был уже на ногах и производил осмотр лагеря.

Таков неизменный образ жизни этого человека, обременённого ответственностью за управление обширным и отдалённым краем.

С солдатами он обращается как с братьями, дорожит каждой каплей их крови и во время экспедиций употребляет все меры, чтобы обеспечить успех с наименьшей потерей. Благодаря этому он пользуется общей любовью и уважением своих подчинённых»{514}.

Дон Хуан Ван Гален сразу же нашел среди однополчан много друзей. В круг его общения вошли уже известные читателю Александр Иванович Якубович, Давид Осипович Бебутов, Александр Гарсеванович Чавчавадзе, Валерьян Григорьевич Мадатов и *неизвестный еще* адъютант главнокомандующего Николай Александрович Самойлов, позднее Александр Сергеевич Грибоедов{515}.

Из лагеря под аулом Эндери (Андреевской) Ван Гален уехал в Тифлис, а зиму с 1819-го на 1820 год провёл в Караагаче, где стоял Нижегородский драгунский полк. С наступлением весны он стал проситься в Дагестан. Главнокомандующий отправил его в отряд генерала Мадатова, которому предстояло действовать против хана Сурхая Казикумыкского…

В этом биографическом повествовании я придерживаюсь хронологического принципа, поэтому прерываю своё повествование об испанском революционере, чтобы продолжить его позднее, когда Нижегородский драгунский полк выступит против горцев…

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА

В конце лета 1819 года Ермолов вернулся из поездки по Северному Кавказу и тут же послал адъютанта Талызина к Муравьёву с требованием немедленно явиться к нему.

— Иван Дмитриевич, а чем вызвана такая спешка? — спросил Николай Николаевич адъютанта главнокомандующего.

— Не могу знать, — пожал плечами Талызин.

Похоже, Муравьёв понимал, как мало сделал он для подготовки экспедиции в Хиву за время отсутствия Ермолова. К тому же участие в роли секунданта в прошлогодней дуэли Якубовича с Грибоедовым, о чём, по слухам, всё ещё не забыл проконсул. Не ожидая ничего хорошего, он прихватил с собой прошение об увольнении и отправился на встречу с его высокопревосходительством.

Вопреки ожиданию, Алексей Петрович встретил Муравьёва радушно и рассказал ему о том, что сделал сам для подготовки экспедиции. Оказалось, что его человек уже заручился согласием кочевых туркмен доставить членов экспедиции под видом торговцев в Хиву и привести их обратно на восточный берег Каспийского моря, где их будет ожидать русский корвет «Казань», чтобы потом переправить в Баку.

— Сопровождать вас в Хиву будет армянин Иван Муратов. Подготовьте вместе с ним перечень приличных подарков для хана, да для себя купите татарскую одежду и всё, что необходимо, чтобы на купца азиатского походить.

— Хорошо, Алексей Петрович, я всё сделаю, как надо. Разрешите идти.

— Не спешите, капитан. Начальником экспедиции в составе ста сорока человек я назначаю известного вам майора Пономарёва. Он должен вступить в дружеские отношения с туркменами, которых хорошо знает, и заложить на восточном берегу Каспия крепость и пристань, куда могли бы приходить наши купеческие суда с товарами для восточных стран. А вы, Николай, помогите ему выбрать место для строительства, а потом с Муратовым отправляйтесь в Хиву.

Алексей Петрович был в хорошем расположении, много шутил, советовал Муравьёву принять имя Мурад-бека и завести гарем.

«Слава Богу, — думал капитан, — отношение его ко мне не изменилось, несмотря на моё участие в дуэли, в которой Якубович прострелил руку его задушевному другу Грибоедову».

— Ну а теперь ступайте, Николай.

3 августа 1819 года корвет «Казань» под командованием лейтенанта Басаргина бросил якорь на восточном берегу Каспия. За ним подошёл с запасом провианта и материалами шкоут «Святой Поликарп». Место для строительства крепости и пристани выбрали на берегу Красноводского залива, от которого рукой подать до Хивы.

20 сентября Муравьёв отправился в Хиву, везя с собой письмо Ермолова для хана Магомед-Рахима. Алексей Петрович, постигший особенности восточной эпистолии, распинался:

«Высокославной, могущественной и пресчастливейшей Российской империи главнокомандующий в Астрахани, в Грузии и над всеми народами, обитающими от берегов Чёрного до пределов Каспийского моря, дружелюбно приветствуя высокостепенного и знаменитейшего обладателя Хивинской земли, желает ему многолетнего здравия и всех радостей.

Честь имею при том объявить, что торговля, привлекающая хивинцев в Астрахань, давно уже познакомила меня с подвластным вам народом, известным храбростью своею, великодушием и добронравием. Восхищённый мнением, повсюду распространяющемся о высоких достоинствах ваших, мудрости и… добродетелях, я с удовольствием пожелал войти в ближайшее с вашим высокостепенством знакомство и восстановить дружеские сношения; поэтому через сие письмо, в благополучное время к вам писанное, открывая между нами двери дружбы и доброго согласия, весьма приятно мне надеяться, что через оные, при взаимном соответствии вашем моему искреннему расположению, проложится счастливый путь для ваших подвластных к ближайшему достижению преимущественных выгод по торговле с Россиею и к вящему утверждению взаимной приязни, основанной на доброй воле…»

Остановлюсь пока, чтобы передохнуть от столь цветистого слога сурового генерала. В данном случае мне, надеюсь, и читателю тоже, не столь интересно содержание письма, сколько «содержание» самого автора. Содержание письма лишь подтверждает высокую эпистолярную культуру Ермолова, в котором император Александр I угадал незаурядные дипломатические способности. Впрочем, путешествие капитана Муравьёва в Хиву он организовал без высочайшего разрешения, опасаясь, что в министерствах начнут «судить да рядить», а время будет упущено. Однако предлагаю дочитать письмо:

«Податель сего письма, имеющий от меня словесные к вам поручения, будет иметь честь лично удостоверить ваше высокостепенство в желании моём из цветов сада дружбы сплести приятный узел соединения нашего неразрывной приязнью. Он же

обязан будет по возвращении своём, донести мне о приёме, коим от вас удостоен будет и о взаимном расположении вашего высокостепенства, дабы я на будущий год мог иметь удовольствие отправить к вам своего посланца с дружественным приветствием и засвидетельствованием моего особливейшего почтения.

Впрочем, прося Бога украсить дни жизни вашей блистательною славою и неизменным благополучием, честь имею пребыть искренне вам усердный и доброжелательный

генерал *Ермолов*»[516].

По прибытии в Хиву Николай Николаевич более двух месяцев ожидал аудиенции у хана, находясь под арестом и живя «между страхом смерти и надеждой».

«Я не знал, на что мне решиться, — вспоминал Муравьёв. — Мне предстояли неминуемо или томительная неволя, или позорная и мучительная казнь. Я помышлял о побеге и лучше желал, чтобы меня настигли в степи, где я мог умереть на свободе с оружием в руках, а не на плахе под ножом хивинского палача. Однако же мысль о неисполнении своей обязанности, когда ещё могла быть на это сомнительная и малая надежда, меня останавливала. Я решился остаться, привёл в порядок своё орудие и приготовился к защите, если бы на меня внезапно напали. К счастью, у меня был… перевод “Илиады”. Я всякое утро выходил в сад и занимался чтением, которое меня развлекало»[517].

Встреча с Магомет-Рахим-ханом состоялась. Повелитель хивинцев выразил желание установить дружеские отношения с Россией, одарил гостя роскошным халатом из индийской золотой парчи, кушаком и кинжалом в серебряных ножнах, выделил ему «хороших людей», которых Муравьёв должен был представить главнокомандующему, а тот, если сочтёт необходимым, может послать их даже к своему государю.

24 декабря корвет «Казань» с Муравьёвым и его спутниками на борту бросил якорь на рейде Бакинского порта. Здесь Николай Николаевич получил послание Алексея Петровича, отправленное из Дагестана:

«С почтением смотрю на ваши труды и на твёрдость, с которой вы превозмогли и затруднения, и самую опасность, противостоявшие *на пуши* исполнения возложенного на вас поручения. Вы собственно мне сделали честь, оправдав выбор мой исполнением столь трудного поручения, и я почитаю себя обязанным представить Государю Императору об отличном усердии вашем к пользе его службы»[518].

Муравьёв прибыл в Дербент раньше Ермолова и сразу попал в объятия своих тифлисских приятелей Бабарыкина и Воейкова. Они рассказали капитану гвардии о «деяниях»

главнокомандующего против горцев. Николай Николаевич писал:

«Рассказы, слышанные мною о кампании Алексея Петровича, не могут быть здесь помещены, ибо, не имея достоверных сведений на сей счёт, не хотел бы обсуждать действия двенадцатитысячного корпуса, который в течение целого лета, как мне кажется, только грабил и разорял окрестные деревни и несколько раз рассеял вооружённые толпы. Главнокомандующий до такой степени забывался, что даже собственными руками наказывал несчастных жителей. Жестокие поступки, которыми он ознаменовал себя в течение прошлого года, совсем несовместимы со свойственным ему добродушием. Одно отравление Измаил-хана Текинского, коего исполнитель был генерал Мадатов, заставляет всякого содрогаться»{519}.

К сожалению, капитан гвардии Муравьёв в то время не знал ещё о деяниях Измаил-хана. Может статься, и сердце его не рвалось бы из груди от жалости к ставленнику персидского шаха. А так измучился от переживаний.

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА ЕРМОЛОВА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

В 1819 году на нижнем Тереке, близ Андреевского аула, Ермолов приступил к строительству крепости *Внезапной,* которая должна была отделить чеченцев от кумыков и дагестанцев. А далее за кумыками находилось дружественное России шамхальство Тарковское. *Внезапную* предполагалось соединить рядом *укреплений* с *Грозной, чтобы* подпереть Чечню *и часть* Дагестана со стороны равнины.

«Крепость такая, — писал Ермолов Мадатову, — что здешним дуракам взять её невозможно. Скоро начнут приходить полки наши из России, и мы поистине будем ужасны. Недаром горцы нас побаиваются. Всё будет благополучно»{520}.

Уверенность Алексея Петровича покоилась на знании обстановки. Опасаться за *Грозную* не приходилось, ибо все жители в районе этой крепости бежали в горы. Окрестные аулы будто вымерли. Всё говорило о том, что основные события развернутся близ русского лагеря у *Внезапной,* где находился сам главнокомандующий с четырьмя батальонами пехоты, правда, один из них состоял из только что призванных рекрутов, которых он не мог использовать в бою. Солдаты чувствовали себя хорошо. Больных в отряде не было.

В середине августа Султан-Ахмед-хан аварский, собрав большое войско из лезгин, дагестанцев и чеченцев, решил помериться силами с Ермоловым: остановить строительство крепости *Внезапной,* прогнать русских за Терек и разорить Кизляр.

Ермолов не терял присутствия духа и поддерживал его в войсках. Он ходил по лагерю, шутил с солдатами, заботился о них, и они платили ему любовью и откровенностью. Однако незадолго до решающих событий чеченцы из качкалыковского племени, незаконно проживавшие на земле кумыков, скрытно подступили к русскому лагерю и отогнали до четырехсот лошадей.

Наконец стали прибывать подкрепления. Первым пришёл егерский полк из Таганрога. Этого было достаточно, чтобы Ермолов решил перейти в наступление. У селения Болтугай мятежный хан Ахмед потерпел поражение. Пользуясь паникой, охватившей неприятеля, главнокомандующий двинулся в горы, где истребил несколько аулов и, не встретив там ни одного человека, вернулся в лагерь.

6 сентября солдаты взялись достраивать крепость *Внезапную*. Между тем в лагерь подошли остальные полки, направленные из России на усиление Кавказского корпуса — Куринский и Апшеронский. С последним, как я уже рассказывал, в лагерь Ермолова прибыл испанский революционер дон Хуан Ван Гален.

В середине сентября строительство *Внезапной* завершилось.

Теперь предстояло наказать нарушителей спокойствия. Все мятежные аулы, как и обещал главнокомандующий царю, были обложены налогом, чтобы горцы поняли, наконец, что они подданные русского государя, а не союзники его. На чеченцев-качкалыковцев, кроме того, возлагалась обязанность вернуть русским недавно похищенных лошадей и очистить территорию Кумыкии.

Ермолов не питал иллюзий на этот счёт, не думал, что качкалыковцы разом снимутся с мест и потянутся за Сунжу. А коль так, следует подтолкнуть их. Но каким образом? Надо нагнать на них не страху даже — ужаса. Вот и поручил главнокомандующий донскому генералу Василию Алексеевичу Сысоеву устроить показательную расправу над каким-нибудь чеченским аулом, чтобы только слухи об этом заставили любителей поживиться чужим добром бежать в горы.

Такой жертвой стал богатый Надтеречный аул Дады-Юрт, жители которого, по убеждению нашего героя, считай, поголовно были причастны к грабительским набегам на русские пограничные станицы и сёла. При этом, однако, они умели прятать концы в воду.

Сысоев получил приказ скрытно подойти к аулу и предложить жителям добровольно уйти за Сунжу. В противном случае взять его штурмом и не давать никому пощады. Трагедия разыгралась утром 15 сентября 1819 года. Каждый дом, представлявший небольшую крепость, после артиллерийского обстрела приходилось брать приступом. Во дворах и в саклях шла такая резня, в какой русским ещё не приходилось участвовать на Кавказе.

Некоторые защитники аула, видя, что им не устоять в этом бою с полками регулярной армии, на глазах у штурмующих убивали своих жён и детей. Многие женщины бросались на солдат с кинжалами или кидались от них в огонь…

Дады-Юрт был взят только тогда, когда из многочисленных его защитников осталось всего четырнадцать человек, да и то жестоко израненных. На месте аула остались одни развалины.

Сысоев был ранен. Он потерял четвёртую часть своего отряда.

Напуганные судьбой защитников Дады-Юрта, качкалыковцы в массе своей ушли за Сунжу и далее в горы. Лишь два пытались

оказать сопротивление. Но уже третий встречал Ермолова хлебом-солью. Аксаевцы поклялись жить мирно. Проконсул разрешил им оставаться на месте и возделывать свои поля.

Через месяц после этих событий Ермолов с теми же войсками был уже в Дагестане. В Чечне он оставил полковника Николая Васильевича Грекова, которому поручил прорубать просеки через Гехинские, Гойтинские, Шалинские и Гременчугские леса.

* * *

Ликвидация самостоятельности Мехтулинского ханства не остановила дагестанцев. Щедро финансируемые Персией, они всю зиму готовились к восстанию, и в то же время осаждали Ермолова письмами, жалуясь, что их «непоколебимая верность русским остаётся без воздаяния». Ермолова, однако, трудно было обмануть. Поддерживая «приятельскую переписку» с ханами, он ожидал лишь «удобного случая, *чтобы* воздать каждому из них по заслугам».

Мятежники предполагали нанести удар одновременно по четырём провинциям, в которых стояли войска Кавказского корпуса, и по ханству Кюринскому и шамхальству Тарковскому, хранившим верность России. Алексей Петрович успокаивал Петербург:

«…Ничего не будет хуже того, что было при последних моих предшественниках, но не в моих правилах терпеть, чтобы власть государя моего была не уважаема разбойниками».

Наместник проникся уверенностью. Теперь важно было не ошибиться с выбором начальника над войсками, назначенными против мятежников. Алексей Петрович остановился на кандидатуре уже известного читателю генерал-майора Валерьяна Григорьевича Мадатова, управлявшего мусульманскими провинциями, уже потерявшими независимость. Кроме выдающихся способностей военачальника, он обладал знанием языков и обычаев народов Кавказа, что делало его незаменимым в сношениях с горцами.

В начале августа 1819 года князь Мадатов вступил в командование отрядом, состоявшим из двух батальонов пехоты, трёх сотен линейных казаков, шести орудий пешей и двух конной артиллерии. Понимая, что этих сил явно недостаточно, чтобы рассчитывать на успех, он обратился с призывом к жителям мусульманских провинций, состоявших под его управлением, выставить конные дружины волонтёров. И, представьте, получил несколько сотен отличной конницы. Ермолов в шутку назвал её

«иностранным легионом».

Главнокомандующий, понимая, что сил у князя ещё недостаточно, предостерегает его от наступательных действий и призывает «ограничиться наблюдением за Табасаранью».

Вопреки предостережению главного начальника, Мадатов с отрядом ринулся вперёд и в течение двух месяцев покорил Табасарань и Каракайтаг. Адиль-хан бежал к акушинцам, увеличив собою число бездомных правителей. Селение Великент стало местом пребывания русского пристава.

Инициативу объединения народов поверженных ханств взял на себя так называемый Даргинский союз, воины которого недавно нанесли страшное поражение знаменитому Надир-шаху. Бегство персов было столь поспешным, что шах потерял на поле сражения корону и седло, украшенное драгоценными металлами и камнями.

Центром Даргинского союза было высокогорное лезгинское селение Акуши, считавшееся неприступным.

Даргинский союз состоял из шести автономных магалов, то есть обществ, из которых каждое управлялось своим кадием, но акушинский кадий считался главою союза. В его распоряжении было двадцать пять тысяч воинов, одушевлённых памятью о той давней победе над великим завоевателем Надир-шахом.

Между тем Ермолову, пришедшему из Чечни на помощь Мадатову, одного взгляда на позицию противника оказалось достаточно, чтобы понять, что она не столь уж и неприступна. «Да, взять Акушу с фронта невозможно, — рассуждал главнокомандующий, — но стоит только найти какую-нибудь тропу, ведущую в горы, обойти её справа, и победа нам будет обеспечена».

На третий день казаки сообщили, что нашли тропу в Акуши через горы, причём такую, что по ней можно провезти и артиллерию.

В русский лагерь в это время пришли акушинские старшины, приехавшие на переговоры. Самые умеренные предложения Ермолова, направленные на предотвращение напрасного кровопролития, были отвергнуты ими. Вернувшись домой, они поделились своими впечатлениями. По их рассказу выходило, что у русских войск мало, солдаты изнурены и находятся в таком состоянии, что против них и оружие употреблять было бы верхом неприличия.

На рассвете 19 декабря отряд князя Мадатова, преодолев скрытно верст шесть-семь, остановился у деревни Лаваши, на пушечный выстрел перед позицией акушинцев. В то же время Ермолов, наступавший с фронта, привел свои войска в боевую

готовность. Неприятель, поражаемый перекрёстным огнём артиллерии, обратился в бегство. Всё это произошло так быстро, что дагестанцы не успели даже развернуть против наступающих и четвёртой части своих сил.

«Многие, опасаясь быть отрезанными, бросались вниз, — рассказывал Алексей Петрович, — что едва ли можно было представить даже, что с такой крутизны спуститься можно»{521}.

Бой продолжался не более двух часов и закончился полным разгромом войск Даргинского союза, ещё не утративших гордости за победу над Надир-шахом. На следующий день русские без боя вошли в Акушу. Алексей Петрович обратился к своим героям с речью:

— Труды ваши, храбрые товарищи мои, проложили нам путь в земли акушинского народа, воинственного и сильнейшего в Дагестане. Страшными явились вы перед лицом неприятеля. Многие тысячи не устояли перед вами, рассеялись и спаслись бегством. Область покорена, и новые подданные великого нашего государя благодарны вам за великодушную пощаду.

Вижу, храбрые товарищи мои, что никто не может предложить вам горы неприступные, пути непроходимые. Достаточно донести до вас волю императора — и все препятствия исчезают перед вами…{522}

Акушинцы, потерпевшие поражение, выдали русским своих предводителей, в том числе Аммалат-бека Буйнакского. О нём мой рассказ ещё впереди…

Алексей Петрович наложил дань на акушинцев, ничтожную в материальном выражении (всего две тысячи баранов), но важную в психологическом отношении — как свидетельство их зависимости от Российской империи.

26 декабря Ермолов оставил Акушу, заехал в Мехтулинскую провинцию, где убедился, что оставленный там русский гарнизон под командованием полковника Верховского мирно уживается с местными горцами. «Они уразумели, — пишет наместник о дагестанцах, — что войска, бывшие ужасом для врагов, украшает снисходительное и великодушное поведение».

* * *

11 января 1820 года Ермолов прибыл в Дербент, где встретился с Муравьёвым, ожидавшим его после возвращения из Хивы.

Во время встречи с Алексеем Петровичем Николай Николаевич не сумел скрыть тягостного впечатления от рассказов

своих приятелей, что не ускользнуло от внимания проницательного генерала. «И этот осуждает меня», — подумал он и сухо сказал:

— Докладывай.

Алексей Петрович слушал Николая Николаевича рассеянно и, кажется, не воспринимал его рассказа, а когда тот закончил, приказал изложить все письменно и представить ему отчет о поездке в Хиву не позднее следующей недели.

Слухи о мужестве капитана гвардии стали достоянием общественности, о его поездке в Хиву писали российские газеты, на его тифлисский адрес хлынул поток писем от друзей и даже совершенно незнакомых людей. Вот что писал ему из Тульчина, например, Иван Григорьевич Бурцов, будущий декабрист:

«Имя твое, достойнейший Николай, превозносимо согражданами. Подвиг, совершенный тобой, достоин славного Рима. Как ни равнодушен век наш к подобным делам, но не умолчит о тебе история. Суди же, какою радостью исполнены сердца друзей твоих! Всегда друзья твои славили и чтили твою чувствительность, душевную крепость: теперь отечество обязано перед тобой — оно в долгу у гражданина, торжественное, превосходное состояние!»{523}

Отдавая должное отважному капитану, Алексей Петрович написал его начальству в Петербург:

«Гвардейского Генерального штаба капитан Муравьёв, имевший от меня поручение проехать в Хиву и доставить письмо тамошнему хану, несмотря на все опасности и затруднения, туда проехал. Ему угрожали смертью, содержали в крепости, но он имел твёрдость, вытерпев всё, ничего не устрашиться; видел хана, говорил с ним и, внуша ему боязнь мщения с моей стороны, побудил его отправить ко мне посланцев.

Муравьёв — первый из русских *людей побывал* в сей дикой стране, и сведения, которые передаст он нам о ней, чрезвычайно любопытны. Увидев его в Дербенте, я пришлю вам рапорт о происшествиях и похвальной решительности *капитана гвардии*{524}.

Глава одиннадцатая.
ЧЕЛОВЕК ВЛАСТИ И ПОРЯДКА

«БЕЖИТ КОВАРНЫЙ СУРХАЙ-ХАН»

Сколько можно изменять и присягать России, чтобы убедить её в своей преданности? Трудно сказать. Вот, например, Сурхай-хан Казикумыкский только перед генералом Ртищевым раскаивался несколько раз в своих изменах, клялся служить верно. Стоит ли говорить, что ни одного из своих обещаний он не сдержал и угрызений совести не испытывал. В связи с этим Ермолов писал:

«Если генерала Ртищева отвлекали важнейшие занятия, то мог он, по крайней мере, не входить в сношения с явным изменником, сношения, которые он не иначе должен был разуметь, как прощение его преступлений»[525].

У Сурхая Казикумыкского были причины бояться появления русских в Южном Дагестане. Только во время наместничества Ермолова он вместе с акушинцами действовал против Пестеля, посылал свои войска на помощь мехтулинскому хану, поддерживал уцмия Каракайтагского и, наконец, вместе с аварцами сражался при Болтугае. Всё это убедило главнокомандующего принять решительные меры против изменника. Тот знал об этом, собирал силы в Хозреке и готовился к обороне.

19 января 1820 года Ермолов объявил населению Дагестана, что за измену Сурхай высочайшим повелением императора Александра I отстраняется от власти и Казикумыкская провинция передаётся в управление Аслан-хану Кюринскому, верному России.

Для исполнения высочайшего повеления в Казикумыкское ханство отправляется генерал Валерьян Григорьевич Мадатов с сильным отрядом, в состав которого зачисляется по его просьбе испанский революционер на русской службе дон Хуан Ван Гален. Он оставил нам свои воспоминания, изданные в Лондоне, о чём я уже упоминал, в которых дал подробное описание этого похода, за что ему должны быть благодарны многие поколения русских историков и биографов Алексея Петровича Ермолова.

Отряд Мадатова формировался в Ширванской провинции. В конечном счёте его составили пять батальонов пехоты, одна тысяча отличной мусульманской конницы, сотня казаков и четырнадцать орудий. Этот летний горный переход по трудности, может быть, и нельзя сравнивать с суворовским переходом через Альпы, но был он чрезвычайно опасным. Несмотря на соблазн пуститься в описание его, сдержу свои эмоции, ибо Ермолова там не было. Он почти всю вторую половину 1820 года находился в

Тифлисе. Но об этом позднее…

Преодолев все препятствия, отряд Мадатова достиг Кубы, где его встретил полковник русской армии Аслан-хан Кюринский с восемью сотнями своей конницы, выстроенной на обширной поляне. По свидетельству Ван Галена, всадники приветствовали князя радостными криками. На всех лицах отражался восторг, вызванный звуками музыки и ожиданием близких сражений.

Утром 5 июня Мадатов получил сообщение о скоплении больших сил горцев в Хозреке. Переправившись через бурный Самур, отряд князя к вечеру вступил в пределы Кюринского ханства, где должен был сразиться с двадцатитысячным войском Сурхая.

Командование всей туземной конницей Мадатов поручил Аслан-хану, а её авангард он подчинил его брату Гасану.

Сражение началось рано утром 12 июня. Князь бросил авангард Гасана против левого фланга неприятеля, чтобы сбить его с высот и открыть отряду путь на Хозрек. В этой опасной атаке принимали участие майор Нижегородского драгунского полка дон Хуан Ван Гален и капитан Александр Иванович Якубович.

Два раза герои князя Мадатова врывались на высоты перед Хозреком и дважды отступали. «При этом, — вспоминает Ван Гален, — я был невольным свидетелем нескольких сцен ярости, до которой доходили азиатские воины…

Я видел одного кюринского всадника, борющегося с лезгином в предсмертной агонии. Они рвали друг друга зубами и, наконец, обнявшись, покатились в скалистую пропасть, увлекая за собою и своих лошадей, которых держали за повод.

Я видел другого лезгина, который, поручив свою лошадь товарищу, сползал вниз по страшной крутизне под нашими выстрелами только для того, чтобы отрезать голову неприятелю, сто раз рискуя при этом потерять свою…»{526}

Во время третьей атаки неприятель был смят и опрокинут. Преследуя противника, отважный командир авангарда Гасан-ага пал, сражённый пулей в самое сердце. Замешательство, возникшее в связи с гибелью начальника, устранил Мадатов, подкрепивший свою конницу тремя ротами Апшеронского полка, с которыми сам явился на место боя. Лезгинская конница рассыпалась по окрестным горам. Тогда же удачным выстрелом из пушки был взорван пороховой склад в селении на подступах к Хозреку. Воспользовавшись паникой в рядах врага, русская пехота устремилась в атаку и захватила окопы передовой линии обороны Сурхай-хана.

Ван Гален вспоминал:

«С высоты гор перед нами открылась вся линия неприятельской обороны и весь лагерь Сурхая Казикумыкского. Его пёстрая ставка была украшена знамёнами, кругом были палатки его приближённых, также покрытые разноцветными шёлковыми тряпицами. Тут же стояло множество оседланных лошадей и несколько отрядов пехоты, составлявших неприятельский резерв. Всё это представляло собой чрезвычайно оживлённое зрелище, указывая вместе с тем на ресурсы неприятеля и способы его защиты, что имело большое значение в данный момент»{527}.

Атаку на Хозрек возглавил сам Мадатов. Напрасно офицеры просили его отъехать в сторону и не подвергать себя опасности.

— А кто возьмёт Хозрек, если я уеду, — возражал князь.

— Мы возьмём его, ваше сиятельство, — отвечал за всех подполковник Сагинов и с батальоном Апшеронского полка устремился на приступ. Он и майор Ван Гален первыми ворвались на городскую стену, и оба были ранены.

Неприятель, выбитый из Хозрека и подгоняемый шквалом картечи, бежал по узкому ущелью, неся огромные потери. Хан Сурхай скакал впереди. Якубович с туземной конницей преследовал отступающих и рубил их, как лозу на учении.

Аслан-хан Кюринский, возведённый Ермоловым в чин генерал-майора русской армии, стал также ханом Казикумыкским. Сурхай бежал в Персию, где и умер в глубокой старости.

Вслед за Казикумыкским ханством присягу на верность России добровольно принесли старшины высокогорного Кубачинского общества. Поздравляя войска с победой, Ермолов писал в приказе по корпусу:

«Ещё, наказуя противника, надлежало вам, храбрые воины, вознести знамёна наши на вершины Кавказа и войти с победою в ханство казикумыков. Сильный мужеством вашим, дал я вам это приказание, и вы неприятеля, в числе превосходящего, в местах и окопах упорно защищавшегося, ужасным поражением наказали. Бежит коварный Сурхай-хан, и владения его вступили в подданство великого нашего Государя. Нет более противящихся нам народов в Дагестане…»{528}

Не забыл главнокомандующий и упомянутых офицеров Якубовича и Ван Галена, представив их обоих к награде. О первом из них, сосланном на Кавказ за дуэль, Ермолов писал начальнику Главного штаба Волконскому:

«Заглаживая вину своей безрассудной молодости, он командовал у Мадатова мусульманской конницей и в бою при овладении высотами отличил себя поистине блистательной

храбростью. Если не достоин он воспользоваться милосердием Императора для перевода в гвардию, то прошу для него орден Святого Владимира 4-й степени, ибо он по справедливости офицер отличный»{529}.

Не менее лестно отзывался Ермолов и о втором офицере в представлении, адресованном тому же князю Волконскому:

«Ван Гален служил примером неустрашимости и усердия, которые видел в нём каждый с особенным уважением. Я прошу исходатайствовать для него орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. Иноземец в стране отдалённой гордиться будет служением в храбрых войсках Государя Великого»{530}.

Впрочем, рассказ мой о Ван Галене ещё впереди…

Алексей Петрович надеялся, что император Александр Павлович по достоинству оценит подвиг его и его солдат. Но, увы, не оценил. Честолюбие генерала было уязвлено.

Каких бы успехов ни добился Ермолов, он был обречён на умолчание. Победитель Наполеона и глава Священного союза Александр I не мог позволить себе признаться перед всей Европой, что Кавказ ему пока не подвластен. В связи с этим Алексей Петрович писал:

«Удобно было происшествия на Кавказе сохранить в неизвестности, а самого меня покрыть мраком… Иностранные журналы не только не были язвительны, но даже молчали».

Русские тоже молчали.

По мере покорения горцев усиливалась и власть А.П. Ермолова на Кавказе, приобретая практически неограниченный характер. При этом он нарочито подчёркивал свою независимость, в чём признавался А.А. Закревскому:

«Знаю свои недостатки! Иногда, чтобы напомнить о себе, выпускаю странные приказы, на которые другие не решаются»{531}.

Вот что писал об этом князь П.А. Вяземский:

«Если под раздражением неблагоприятных и щекотливых обстоятельств мог он быть в рядах оппозиции и даже казаться стоящим во главе её, то это было лишь *внешнее явление,* которое многих обманывало; в сущности, *он был человеком власти и порядка»*{532}.

Эта внешняя оппозиционность проконсула Кавказа обманула декабристов, делавших ставку на подчинённые ему войска и предполагавших ввести его в состав Временного революционного правительства. Обманула она и Александра I. Историки утверждают, что в последние годы император серьёзно думал о необходимости смещения Ермолова с поста командира Кавказского корпуса, несомненные способности которого высоко

ценил, активно продвигал его по службе и давал важные назначения, но при этом немного побаивался.

«СЛАВА ТЕБЕ, ГИШПАНСКАЯ АРМИЯ!»

Пока дон Хуан Ван Гален геройствовал на Кавказе, на родине у него произошли события европейского значения…

В первый день 1820 года полковник испанского генерального штаба Рафаэль дель Риэго поднял на острове Леон мятеж Астурийского батальона и потребовал восстановления конституции, отмененной королем Фердинандом лет пятнадцать назад. На следующий день к нему присоединился уже известный читателю Антонио Квирога. Первые сведения о начале революции пришли в Россию, когда исход событий не был ясен, Николай Иванович Тургенев с тревогой записал в дневнике 13 февраля:

«В Гишпании восстало несколько полков. Опять ли всё погибнет? И надолго ли?»{533}

Неизвестно, когда Ван Гален получил сообщение о революции на родине, но тут же поспешил поделиться своей радостью с каким-то «ермоловцем», «молодым москвичём из хорошей семьи». В ответ на информацию испанца тот писал ему:

«Дорогой конституционалист!

Прими мою горячую благодарность за оба твои письма, принесшие столь хорошие новости. Здесь у нас европейские вести имеют цену, в других местах вовсе неизвестную. Сомневаюсь, чтобы существовал в мире еще какой уголок, где испанские события могли бы так поразить читателя, как нас они поразили в маленьком нашем собрании П…[?] Когда европейские газеты появляются еженедельно и извещают о каком-либо политическом кризисе, каждый делает свои предположения; вслед за сим приходит развязка, и, если она совпадает с предсказаниями, ничего удивительного в том нет, ибо она уже обозначалась со всеми своими возможностями в многочисленных дебатах, где выставлялись все «за» и «против». Но вот для нас, столь чуждых делам мира христианского, вдруг сразу газеты за три месяца! Мы читаем о восстании храбрецов на острове Леон и видим, ещё не дойдя до последнего номера, что Фердинанд приобрел популярность, что краеугольный камень Конституции положен торжественно в центре блестящей столицы, что нация, доселе считавшаяся бездейственной, просыпается, потрясая [?]

своим примером!.. Сколь счастливые перемены в твоем отечестве… история не являет нам ничего подобного…»{534}

Это письмо интересно тем, что позволяет представить реакцию «молодой России», в том числе и «ермоловцев», на революционные события в Европе: все они в восторге от полученных известий.

А какова *позиция* самого *Алексея* Петровича, как он встретил сообщение из Испании? Попытаюсь ответить на этот вопрос.

В марте революция в Испании победила. Власть монарха была ограничена. Он столь же легко принял Конституцию в 1820 году, как и пятнадцать лет назад отверг её. Дон Хуан Ван Гален, узнав об этом, засобирался на родину. Он подал прошение на высочайшее имя. Александр I ему не ответил, а Ермолову приказал немедленно изгнать испанца из русской армии, арестовать и под конвоем препроводить на границу, где выдать австрийскому правительству.

Несколько дней проконсул скрывал приказ, мучительно думал, что предпринять. Потом вызвал Ван Галена и сообщил ему, что решил не выполнять высочайшего повеления. Он выдал испанцу паспорт и аттестат с описанием его подвига при Хозреке, скрепил документ печатью и подписью, предварив её перечнем своих высоких должностей и чина. Ермолов, конечно, понимал, какое опасное дело затеял, и все-таки посоветовал ему ни в коем случае не ехать через Москву и Петербург, а мчать на почтовых до Ростова-на-Дону и далее через южные города России прямо до границы — в Дубно, где в это время находился приятель Ермолова и соратник по многим сражениям Отечественной войны и заграничным походам генерал-лейтенант Федор Григорьевич Гогель.

Ермолов дал беглецу рекомендательное письмо к Гогелю и попросил того оказать ему помощь. Затем, узнав, что штабной офицер Ренненкампф, проживавший на одной квартире с Ван Галеном, выразил желание проводить друга до Моздока, генерал согласился, но попросил отложить отъезд до вечера, чтобы ещё раз пообедать с ним.

Обед состоялся и затянулся. Когда все встали из-за стола, Ван Гален стал прощаться с Ермоловым, генерал пригласил его и Ренненкампфа в свой кабинет и, обращаясь к нему, «спросил с самым сердечным участием»:

— Достаточно ли у вас, дорогой мой друг, денег, чтобы совершить путешествие от азиатской границы до самого крайнего конца Европы?

— Помимо тех денег, которые есть у меня, я получил ещё прогонные и надеюсь доехать до Дубно, — ответил Ван Гален.

— А затем на какие средства вы будете продолжать своё путешествие? — спросил Алексей Петрович.

— Я думаю обратиться к испанскому посланнику в первой столице, какая попадётся на пути, и надеюсь, он не откажет мне в помощи.

Ермолов добродушно усмехнулся и сказал:

— У вас довольно странное представление о посланниках! Но ведь это ребячество!.. Я хочу устроить таким образом, чтобы вы могли вернуться домой, не подвергая себя напрасным унижениям… Примите это от меня… не смейте отказываться… Когда поправятся ваши дела, вы можете возвратить мне эти деньги.

«С этими словами он всунул в мою руку кошелёк с тремястами голландских дукатов, — рассказывает Ван Гален. — Это было всё его состояние в этот момент, как я узнал потом от Ренненкампфа, в чём вряд ли кто мог сомневаться, зная полное равнодушие Ермолова к деньгам и его беспримерную щедрость. Кроме того, он подарил мне отличную белую бурку и просил сохранить её на память как произведение страны, в которой я находился на службе.

Затем он крепко обнял меня с отеческой нежностью и сказал:

— Прощайте, мой дорогой друг! Господь да благословит вас»[535].

Они больше не встретились, но Ван Гален не забыл благодеяний русского начальника. В английском издании воспоминаний испанского революционера есть такая фраза: «Не могу тут дать полное объяснение великодушному отношению ко мне генерала Ермолова…»[536] Почему? Мемуары выходили в свет при жизни Алексея Петровича, и автор, очевидно, опасался навредить ему подробностями, хотя и без того сказал достаточно, чтобы вызвать недовольство правительства и самого государя.

Он не смог! А что делать нам почти через двести лет?

В Австрии Ван Галена не арестовали, но приставили к нему гренадера, который с такой невероятной точностью исполнял свои обязанности, что был даже на званом обеде у венского коменданта.

«Он, к моему удивлению, сопровождал меня в залу, — вспоминал дон Хуан, — как тень ходил за мной, когда я двигался, и стоял у моего стула, когда я садился. Во всё время обеда он не пошевельнулся, и его суровый, серьёзный вид был в высшей степени комичен при его неподвижной позе…»[537]

В феврале 1821 года Ван Гален благополучно вернулся на родину и через несколько лет продолжил военную службу.

* * *

Несколькими страницами выше я уже пытался убедить читателя в том, что некоторые поступки нашего героя на первый взгляд казались поступками представителя оппозиции, в то время

когда *«он был человеком власти и порядка»,* как писал об этом князь Вяземский. А как можно расценить его поступок, связанный, по существу, с организацией побега испанского революционера? Как поддержку испанской революции? Ничего подобного.

Государь приказал арестовать Ван Галена и передать австрийскому правительству, то есть взять на себя полицейские функции. Такие поручения даже в XVIII веке вызывали протест у военных. Возможно, в данном случае мы столкнулись с чем-то подобным. Но, думаю, дело не только в этом. Алексей Петрович был человеком с высоко развитым представлением о чести. «Так случилось, что подчиненный мне офицер воспринимает существующий миропорядок иначе, чем основатели Священного союза, в том числе и наш государь, — возможно, так думал Ермолов. — Но он до сих пор добросовестно служил России. Почему я должен арестовывать его?»

Как бы ни рассуждал А.П. Ермолов, из описанного факта не следует делать далеко идущих выводов. Обратимся к письмам генерала, принесенным однажды «в Дагестанский музей неизвестным гражданином и уступленным за незначительную плату» его служащим. Двенадцать из них адресованы А.А. Закревскому и по одному П.М. Волконскому и императору. Все они датированы 1820 годом, а потому позволяют проследить за реакцией наместника на такие события, как испанская революция, возмущение солдат Семеновского полка, восстание в Грузии; его отношение к вопросу об отмене крепостного права и другим проблемам.

Каково же отношение Ермолова к событиям в Испании? Все, что произошло в далекой южной стране, для него вовсе не революция, а бунт. Там возмутились войска, поддержанные народом. И то, что следовало бы испросить у короля, у него вырвали силой. Алексей Петрович возмущен.

«Прекрасные способы! Хороши и написанные к нему письма! Какой неблагоразумный поступок, оскорблять то лицо, которое и при перемене правления должно оставаться первенствующим. Это — приуготовлять собственное уничтожение! Скажите, сделайте одолжение, — обращается Ермолов к Закревскому в мае 1820 года, — что заставляет Вас все эти мерзости печатать в русских газетах? Неужели боитесь отстать в разврате от прочих? Нам не мешало бы и позже узнать о подобных умствованиях, которые, конечно, ничего произвести у нас не в состоянии, но нет необходимости набивать пустяками молодые головы»{538}. Вряд ли процитированный документ требует какого-то комментария. Здесь все ясно.

«НЕ ПОСЛЕДНЯЯ МЕРЗОСТЬ В ГВАРДИИ»

Вслед за революцией в Испании произошла революция в Неаполе. Она тоже была делом рук военных. В русской армии началось «закручивание гаек», что выразилось в смещении командиров гвардейских полков. Среди прочих отстранили от командования семеновцами князя Якова Алексеевича Потемкина и назначили на его место полковника Федора Ефимовича Шварца, которого современники и потомки по общему заблуждению тоже называли «немцем».

Шварц с места в карьер начал наводить порядок в полку, возродив палочную дисциплину, забытую после Отечественной войны и заграничных походов, придумал весьма непритязательный способ наказания провинившихся солдат, заставляя их плевать в лицо друг другу и тратить личные деньги на содержание обмундирования…

Что там Шварц? Боевой фельдмаршал Барклай-де-Толли в это время нагибался до земли, «чтобы равнять носки гренадеров». О минувшей войне забыли, как будто ее никогда и не было, вспоминал свидетель подвигов русских солдат в ту лихую годину. Боевые качества героев «заменились экзерцирмейстерской ловкостью».

Вечером 16 октября 1820 года одна из рот Семеновского полка подала жалобу на Шварца. В ответ он распорядился посадить бунтовщиков под арест. Солдаты все как один человек поднялись на защиту своих товарищей, потребовав отправить их в крепость. А почему бы и нет. Пожалуйста. И под конвоем, на виду у жителей города Святого Петра.

Генерал-адъютант Александр Христофорович Бенкендорф, начальник штаба гвардейского корпуса, в состав которого входил и Семеновский полк, свое отношение к этому выразил в письме к начальнику Главного штаба князю Петру Михайловичу Волконскому:

«…Семеновский полк, привыкший в течение многих лет к честному командованию, дорожил славными преданиями и с честью носил имя Его Величества.

Назначение полковника Шварца командиром полка, как вы знаете, возбудило всеобщее неудовольствие гвардии.

Офицеры, оскорбленные именем, манерами, репутацией человека, совершенно чуждого полку, восстали против этого назначения, которое казалось им обидой. Свободные разговоры, быть может, в присутствии солдат, возникшие вследствие предубеждения к Шварцу, придавая новую силу этому чувству, с

первого же времени поставили полк во враждебное отношение к полковнику.

Это предубеждение против полковника Шварца, к несчастью, слишком скоро оправдалось.

Не будучи в состоянии приобрести уважения, Шварц решился заставить себя бояться, и в этих видах стал употреблять наказания скорее позорные, чем строгие, подробности их отвратительны, относительно этого генерал Васильчиков неоднократно ему выговаривал.

Пусть сопоставят то сознание своего достоинства, которое отличало полк более сотни лет, с обращением, коему он подвергся в продолжение этого года, и тогда легко понять, что подобное положение должно было разрешиться кризисом.

Кризис настал и разрешился…

Столь необыкновенный факт не должен, однако, казаться ужасным, так как он обусловлен не состоянием дисциплины в гвардии, а более мелкими подробностями восстания.

Назначение полковника Шварца удивило и вызвало неудовольствие большинства офицеров гвардии. Разговоры того времени уже произвели неблагоприятное впечатление на солдат всех остальных полков гвардии…

Выражая ненависть к своему командиру, виновные гренадеры Семеновского полка в то же время уважали авторитет всякого офицера. Они с почтением говорили о прочих своих начальниках и выражали энтузиазм и любовь к монарху; не однажды можно было слышать эти памятные слова: “О, если бы Государь знал это!”

В конце концов, волнение отнюдь не было направлено против начальства вообще, оно имело в виду только одного человека; солдаты Семеновского полка, равно как и всех других полков, сознавали преступность своего поступка.

Чуждое по самому существу своему интересам офицеров, волнение это убедило просвещеннейших из них в крайней необходимости обращаться с солдатами со справедливою строгостью, но главным образом с человеколюбием и разборчивостью. Офицеры вообще сознают, что неблагоразумно умалять значение высших начальников в среде солдат, возмущение которых может повлечь за собой всеобщую погибель…»{539}

Этот документ, приведенный в значительно сокращенном виде, известен давно. Он не укладывался в образ будущего начальника III отделения и шефа жандармов, созданный в XX столетии, поэтому его обходили стороной даже историки-декабристоведы.

Командир гвардейского корпуса Илларион Васильевич Васильчиков отстранил от должности командира полка Шварца, а его солдат оставил пока в крепости. В процессе разбирательства Александр I поставил перед Васильчиковым восемь вопросов. Последний был такой:

«Почему начальник штаба гвардейского корпуса, в отсутствие генерал-адъютанта Васильчикова, не знал в подробности, что делалось в Семеновском полку, говоря часто, что, по его сведениям, всюду тихо и хорошо?»..{540}

Васильчиков четко ответил на семь вопросов. Последний пропустил. Почему? По-видимому, считал, что на него должен ответить сам Бенкендорф.

Я слишком отвлекся от главного героя книги, чтобы иметь материал для сравнения позиций двух авторитетных героев русской истории: Бенкендорфа, якобы олицетворявшего собой реакцию, и Ермолова, который, по мнению одних, «слуга царю, отец солдатам», а по убеждению других, чуть ли не декабрист.

О том, как оценил «семеновскую историю» начальник штаба гвардейского корпуса Бенкендорф, сам он рассказал в процитированном выше письме к Волконскому. А теперь — что думал об этом же Ермолов?

Слухи о «пречудесных проказах» в Семеновском полку дошли до Тифлиса раньше, чем Ермолов получил сообщение от Закревского. Всякий судил об этом по-своему, и у него, между прочим, было свое мнение, скажу так: не очень оригинальное. По его твердому убеждению, пока взбунтовалась всего одна рота, командиру корпуса Васильчикову следовало сразу «отодрать розгами человек пять-шесть, хотя бы в число последних попались и не самые виновные. В результате не было бы огласки и, если точно Шварц дал справедливый повод для жалоб, то приказать ему сказаться больным до приезда Государя, а командование полком передать другому».

Как видно, до такого не додумался даже Бенкендорф, а вот Алексей Петрович с его громадным опытом «умиротворения» горцев дошёл до этого своим умом. Далее он иронизировал:

«Весьма странно: роту посадить в крепость — это верное средство возбудить в целом полку ропот и негодование. А что батальон посадили, то, кто ни узнал о сем, первое чувство — хохот! Это не самая мудрая мера! Вы увидите, что такое наказание оставит худой след в общественном мнении. В какое трудное положение поставлен Государь: наказывать большое число солдат неловко, вообще не наказывать нельзя, ибо примеру сему последуют другие».

Что рота! И даже батальон! Незабвенный родитель

Александра Павловича, если верить современникам, однажды целому полку приказал маршировать в Сибирь. Вовремя задушили расторопные заговорщики — с разрешения сына…

Ермолов, обращаясь к Закревскому, поинтересовался и расписал свой сценарий желательного развития событий:

«Хочу спросить тебя, любезнейший друг, что бы ты сделал? И между тем изложить мое престранное мнение.

Я бы строго наказал Шварца за то, что допустил в полку такие беспорядки и выгнал бы вон. Командира роты тем же чином перевел в армию за своевольство, допущенное солдатами, ибо у капитана, любимого подчиненными, ничего не делается без его воли, и каждый пытается угодить ему.

Старых солдат *первой гренадерской* роты, которые должны знать о подчиненности и являться примером для молодых, перевесть в дальние полки армии. Всем прочим прибавить двухлетний срок, уменьшенный в гвардии. Полк, *как будто ничего не произошло,* возвратить по-прежнему на службу.

Знаю, что сего не сделают, чтобы не оскорбить барственную гордость Васильчикова и не расставаться со Шварцем».

Алексей Петрович убежден, что «пречудесная проказа» солдат Семеновского полка — «не последняя мерзоть в гвардии», если полками по-прежнему будут командовать «шварцы и им подобные». Далее он продолжал иронизировать и являть искусство эпистолярной прозы перед Закревским:

«Офицеры гвардии в основном таковы, что начальник над ними должен достоинствами своими доказывать право на уважение, одними подвигами в экзерциргаузах, манежах и на всех возможных рынках их удивить невозможно!

Воля Ваша, но, по крайней мере, в гвардии надобно начальников иметь благовоспитанных, а не таковых, кои, окончив подвиги свои на плац-параде, никакого внимания к себе не привлекают и спасаются от явного презрения небольшим золотцем, налепленным на плечах.

В полку начальник не может каждому нравиться, но никто не забудется *на фоне* человека благородного, ибо не избежит презрения товарищей. В том же Семеновском полку *Яков Алексеевич* Потемкин — лучший пример, и нельзя не отдать справедливости его поведению. Вспомни, что против него были даже интриги и месту его завидовали, но он не довел до беспорядков.

Увидишь, что напишут в иностранных газетах, и сколько будет домашних глупых толков, все это неприятно!»{541}

Никого из офицеров-семеновцев не признали виновными в солдатском бунте, но и благодарности не удостоили. Косвенная

вина их состояла в том, что они в присутствии солдат поносили за глаза самыми последними словами Шварца, Поэтому некоторых из них понизили в чинах и отправили служить в армейских частях в провинции. Солдат взбунтовавшегося полка тоже распасовали по гарнизонам.

А.П. Ермолов ошибся. Каждый получил по заслугам: Ф.Е. Шварц навсегда распрощался с армией, И.В. Васильчиков сразу же по возвращении государя уступил командование гвардейским корпусом Ф.П. Уварову. А.Х. Бенкендорф был уверен, что его ждет отставка. Она действительно последовала, но лишь через год и два месяца с повышением и в чине, и в должности, хотя он к числу фаворитов императора не относился.

Александр I никак не мог поверить, что солдаты взбунтовались сами, что единственной причиной их недовольства являлось жестокое обращение с ними полковника Шварца. Вопреки мнению его величества, никакое тайное общество к этому возмущению семеновцев не было причастно.

«МЫСЛЬ О СВОБОДЕ КРЕСТЬЯН… НЕВПОПАД»

Проблема «вреда» и «пользы» крепостного права обсуждалась в течение всего XVIII века. В первой половине столетия Василий Никитич Татищев, а во второй — Иван Никитич Болтин и Михаил Михайлович Щербатов так или иначе признавали «вольность холопей» полезной, но только не в России. У нас она, по их мнению, никак не сочеталась с монархическим образом правления, а потому могла бы оказаться чрезвычайно опасной. К тому же не так уж и плохо живется большинству наших крестьян. Что же касается другой части, ленивой и вечно пьяной, то она «недостойна ни земли, ни свободы»{542}.

Тогда же Екатерина Романовна Дашкова так убеждала Дени Дидро и формулировала свою аргументацию неприкосновенности крепостного права в России:

«Просвещение ведет к свободе; свобода же без просвещения может породить только анархию и беспорядок. Когда низшие классы моих соотечественников будут просвещены, тогда они будут достойны свободы»{543}.

Получается: крепостное право, конечно, надо отменять, но только, ради Бога, не сейчас. Преждевременно. До понимания необходимости свободы должны дорасти и высшая бюрократия, и помещики, и крестьяне. В противном случае не удастся гармонизировать интересы всех сословий и власти, а это опасно.

Первым созрел император Александр Павлович, но не мог же он в самом деле взять на себя инициативу освобождения крепостных рабов, не выяснив отношения к этому основной массы дворянства. И государь ограничился поручением Аракчееву составить план крестьянской реформы, а сам отошел в тень. Впрочем, речь-то не о нем. Но и время для разговора о Ермолове пока не наступило.

Не менее чем испанская революции и «семеновская история» потряс общественное спокойствие слух о создании особого общества для освобождения крестьян…

А началось все со встречи в Варшаве Петра Андреевича Вяземского и Сергея Ивановича Тургенева, возвращавшегося домой после окончания службы в русском оккупационном корпусе во Франции. Занимая свободное время беседами, они пришли к выводу о необходимости отмены крепостного права. По мнению князя, начинать надо с создания *легального* общества, которое стало бы добиваться свободы для крестьян{544}.

По возвращении домой Сергей Иванович рассказал братьям Александру Ивановичу и Николаю Ивановичу о беседах с князем Петром Андреевичем. Они согласились с его идеей создания общества и для придания ему авторитета предложили пригласить в него известных и очень богатых противников крепостного права Михаила Семеновича Воронцова, Александра Сергеевича Меншикова, Иллариона Васильевича Васильчикова и других. Они составили Записку для императора с обоснованием своей идеи.

В числе авторов Записки первой стояла подпись Воронцова. Казалось бы, Александр I приобрел «в сей толпе дворян» надежных помощников в решении самой актуальной задачи внутренней политики. Но император не дал согласия на создание общества, опасаясь, что обнародование их планов подтолкнет крестьян к бунтам. На инициаторов отмены крепостного права обрушился поток критики.

Возможно, поступи эта Записка к императору на год-два раньше и его реакция была бы иной. Но череда европейских революций и известие о существовании в России тайного общества напугали государя. К тому же дворянство было взбудоражено слухами о возможной отмене крепостного права. Александр I вынужден был считаться с этим.

Среди строгих критиков Михаила Семеновича Воронцова был его ближайший друг и наш герой Алексей Петрович Ермолов. Вот что писал он по этому поводу Арсению Андреевичу Закревскому:

«Мысль о свободе крестьян, смею сказать, невпопад. Если она и по моде, то *надо подумать,* соответствуют ли тому обстоятельства и время… Подозрительно было бы суждение мое, если бы я был человек богатый, но я, хотя и ничего не теряю в таком случае, далек, однако, *от того,* чтобы согласиться с подобным намерением и собою умножить общество мудрых освободителей… Вред сих замыслов не в самом предложении, но в примере, которому могут последовать многие неблагоразумные люди, единственно по доверенности к мнению известного и отличного человека…

Не думает ли брат Михайло обессмертить свое имя? Ему надобно остерегаться, чтобы не оставить по себе память беспорядком и неустройствами, которые будут необходимым следствием несогласованного с обстоятельствами переворота. Невелико счастье быть записану в еженедельное издание иностранного журнала.

Поразительно твое замечание, что, помышляя дать свободу *крестьянам,* он продал некоторую часть *своего* имения. Таким действием он может разрушить доверенность к своим предложениям и дать повод к невыгодным на свой счет

заключениям.

Просто сказать: у него ум за разум зашел!

Божусь, не узнаю брата Михаилы, и неужели он не как прежде с тобою и не открыл тебе своих намерений? Надобно было, почтеннейший Арсений, предостеречь его! Долговременное *пребывание его за границей* могло многие обстоятельства сделать ему не довольно известными»[{545}].

Здесь та же мысль: «невпопад» затеял брат Михаил освобождать крестьян, преждевременно. Зачем это ему? Решил обессмертить себя актом милосердия? Если так, то как согласовать с этим продажу им части своих земль и крепостных? Столь необдуманный поступок не сулит ничего, кроме подрыва авторитета и доверия к нему, как к человеку, пользующемуся хорошей репутацией.

Вот ведь как получается: мы ждем от Алексея Петровича «прогрессивных» мыслей и поступков, а он всякий раз думает и действует как откровенный «консерватор». Друзья считают его человеком власти и порядка, а власть видит в нем оппозиционера и опасается, как бы он не надумал «отложиться» от России.

«ГРАФ АРАКЧЕЕВ НЕ СЫЩЕТ ЗАВИДУЮЩИХ»

Если не считать попытку царя Алексея Михайловича создать драгунские и рейтарские полки, совмещавшие службу с занятиями сельским хозяйством, то впервые мысль о военных поселениях сформулировал Екатерине II Захар Григорьевич Чернышев. Однако императрица отвергла проект фаворита, увидев в нем опасность для спокойствия государства. Вот в чем она состояла, по мнению Ивана Дмитриевича Якушкина:

«Военные поселения неминуемо должны были преобразоваться в военную касту с оружием в руках, не имеющую ничего общего с остальным населением России»[546].

Такую же опасность увидел в поселениях и С.П. Трубецкой.

Для кого военные поселения могли представлять опасность? Понятно: для дворянства.

АЛ. Ермолов считал возможным создать военные поселения на Кавказе, но «совсем другого рода». «Здесь они не представляют ни малейшей опасности… — писал он, — но и к сему не иначе приступать должно, как с *величайшей осторожностью*»[547].

Пока же военные поселения существовали лишь в замыслах двух очень разных людей — Алексея Андреевича Аракчеева и Николая Семеновича Мордвинова, которых поддерживал… великий реформатор Михаил Михайлович Сперанский. Впрочем, в это время, после ссылки, он одобрил бы любой проект, только бы лишний раз подтвердить свою лояльность режиму.

Первые воинские части обратились к хозяйственной деятельности еще в 1810 году. Отечественная война приостановила начавшийся процесс. После разгрома Наполеона потребность в военных поселениях резко возросла, поскольку огромную армию, вернувшуюся в Россию с большим запасом европейских впечатлений, распустить по деревням нельзя, слишком опасно. Можно, конечно, придержать в казармах, но чем кормить? Значит, следует перевести на самообеспечение. Выгода — очевидная: солдат, находясь в кругу семьи, всегда будет сыт и весел, прекратятся бабьи вопли во время ненавистных рекрутских наборов. Правда, некоторые генералы сомневаются, что можно объединить ружье и соху.

Среди маловеров — наш Ермолов, хорошо знавший психологию русских солдат, переживших славу освободителей Европы. Алексей Петрович писал Арсению Андреевичу Закревскому, что «солдат редко может быть хорошим

хлебопашцем», он убежден, что земледелец, бесспорно, более «низкого состояния, нежели человек, несший оружие за отечество». «Кроме того, и сама долговременная отвычка уничтожает *у него* способность» заниматься хозяйством{548}.

По убеждению Ермолова, Аракчеев один способен загубить даже самую хорошую идею. А он для выполнения «сего трудного и многосложного плана» и помощников подобрал под стать себе — Лисаневича, Витта, Княжнина, Александрова{549}.

Закревского не надо было убеждать в том, что выбор императора в реализации плана перевода армии на «оседлость» пал не на самого лучшего из его генералов. Арсений Андреевич считал Аракчеева хуже чумы, которая «не прежде изгладится с земли нашей, как по его смерти, которой ожидать нам *придется* долго»{550}.

Закревский однажды сказал, что никто из уважаемых людей не видит в поселениях «пользы государственной». Эти слова в первую очередь надо отнести к его другу Ермолову, который допускал создание таковых на Кавказе, но лишь при непременном условии, что они не будут уподобляться аракчеевским, в противном случае — «смешаются с грязью».

В 1820 году начальник военных поселений резервной кавалерии граф Иван Осипович Витт был высочайше пожалован Александровской лентой. Неумеренность этой награды Ермолов предложил Закревскому компенсировать вычетом у него Георгиевского креста, который при «мирных добродетелях» кавалера «совсем излишняя для него тягость». Алексей Петрович разошелся — не остановить:

«Будь другом, не сказывай никому нескромного моего замечания: и без того мало у меня приятелей! Признайся, однако же, что я изыскал премудрый способ уравнения наград.

Основатель поселений должен быть в восхищении, ибо повсюду чрезвычайные награды, и они должны разрушить все невыгодные… толки. Вот новый способ получить в командование армию…

Господа главнокомандующие армиями скоро почувствуют, что имеют сильного соперника, который может на выбор брать у них наилучших офицеров.

Я не столь знатный человек, но охраняют меня горцы от поселений. Честь учреждения оных будет принадлежать другому, а основатель до того счастливого времени не доживет. Здесь в некоторых местах будут они полезны в будущем, но я боюсь утеснительных правил, на коих они основаны. Неудовольствие жителей может быть пагубным. У вас плети всё решают, а здесь недовольным могут помочь неприятели. Равная осторожность

извне и внутри невыгодна!

Если замыслят что-либо подобное, вместе с приказом присылай мне увольнение. Не сделаешь ошибки!»{551}

И я в этот раз не ошибся: Алексей Петрович оправдал мои ожидания, заявив о себе в письме к другу как представитель «передовой России», осуждавшей аракчеевские военные поселения.

Ермолов, как и многие другие проницательные современники, не раз предупреждал, что военные поселения несут в себе заряд такой разрушительной силы, погасить который будет нелегко.

Предвидение Алексея Петровича оправдалось. Летом 1819 года восстали чугуевские поселенцы. Такой экзекуции еще не знала русская армия: две тысячи арестованных, двести наказанных шпицрутенами, двадцать пять скончавшихся от побоев, сотни сосланных. За расправой наблюдал Аракчеев, по определению Закревского, «единственный государственный злодей»{552}.

«Незавидное положение графа Аракчеева, — пишет Ермолов, — усмирять оружием сограждан. Я подобное дело почел бы величайшим для себя наказанием»{553}. Алексей Андреевич не «почел». И все-таки, кто мог ему позавидовать? Никто!

Впрочем, а в чём суть ермоловских поселений, созданных тогда только в Грузии? Попытаюсь ответить на этот вопрос.

Ермолов решил учредить штаб-квартиры в местах постоянного пребывания полков вверенного ему корпуса. Выбор же поселений для размещения их определялся стратегическими соображениями. В полках предполагалось выделить роты женатых солдат, освобождённых от походов, и поручить им вести полковое хозяйство под присмотром опытных в домашних делах женщин и под защитой вооружённых соратников. В случае же войны или иных чрезвычайных обстоятельств роты женатых солдат могли взять на себя защиту своих опорных пунктов до прибытия подкреплений.

Об отношении к ермоловским военным поселениям современников и участников события можно судить со слов старой солдатки, записанных неким путешественником по Кавказу:

«Пообстроились полковые штаб-квартиры, пообзавелись солдатики разными необходимыми атрибутами оседлой жизни, а всё чего-то им недоставало. Скучен и молчалив был народ и оживлялся только во время вражеских нашествий. Мало того, госпитали и лазареты были переполнены больными… Думало, думало начальство, как бы пособить горю. Музыка на плацу по

три раза в день играла, качелей везде понастроили — нет, не берёт! Ходят солдатики скучные, понасупились, есть не едят, пить не пьют, поисхудали страх как. На счастье, нашёлся один генерал (Ермолов), большой знаток людей; он и разгадал, чего не хватает солдатушкам, и отписал по начальству, что при долговременной, мол, службе на Кавказе, в глуши, в горах да лесах, им необходимы жёны. Начальство пособрало в России несколько тысяч вдов с детьми да молодых девушек (среди последних всякие были) — и отправило их морем из Астрахани на Кавказ, а часть переслало и сухим путём на Ставрополь. Так знаете, какую встречу устроили? Только подошли к берегу, где теперь Петровск, как артиллерия из пушек палить стала, — в честь баб, значит, а солдатики шапки подбрасывали, да «ура!» кричали. А замуж выходили по жребию, кому какая достанется.

Тут уже… Божья планида всем делом заправляла. А чтобы иная попалась, да не по сердцу — так нет, что ты! Они, прости Господи, на козах бы переженились, а тут милостивое начальство им настоящих жён доставило…»{554}

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ В ПЕТЕРБУРГ

Арсений Андреевич Закревский давно уже советует другу взять отпуск и приехать в Петербург, обещая женить его и выделить ему две комнаты в своем доме. И Алексей Петрович вроде бы готов уже оставить своих горцев, отправиться в столицу, завернуть в Орел, чтобы навестить старика-отца, как вдруг до него дошел слух, что государь Александр Павлович в марте отъезжает в Варшаву и неизвестно, когда вернется. Он опасается, что ему «будет приказано ехать туда же, где между празднествами и пирами некогда будет поговорить о делах»{555}.

Очень не хотелось терять драгоценного времени. Однако решился и даже попросил Закревского выслать ему навстречу фельдъегеря с сообщением о точной дате выезда государя и времени его возвращения в столицу. Но обстоятельства заставили отсрочить отъезд. Задержали Алексея Петровича на Кавказе, во-первых, опасность восстания, готового вспыхнуть в Имеретии, и, во-вторых, подчинение ему Черноморского казачьего войска.

Причиной возмущения имеретинцев явилась политика экзарха Феофилакта, присланного в Тифлис. Желая угодить синодальному начальству увеличением церковных доходов, он серьезно затронул интересы грузинского духовенства и дворянства, которые «сообщили дух мятежа народу», и тот взялся за оружие. Главнокомандующий вынужден был прибегнуть к силе, назначив начальником карателей полковника Пузыревского.

Пузыревский прибыл в Кутаис в начале 1820 года. Осмотревшись, он убедился в том, что ситуация в Имеретии приобрела значительно более опасный характер, чем это казалось в Тифлисе. Священники открыто благословляли народ на борьбу, в церквах освящалось и раздавалось прихожанам оружие.

Чтобы не допустить нежелательного развития событий, Пузыревский арестовал организаторов заговора, в том числе двух митрополитов, бывших душою его. Вельяминов, предоставляя полковнику полную свободу действий, наставлял его:

«Вообще надо более всего страшиться смерти митрополитов, убийство которых может не только возмутить имеретинцев, но и произведёт дурное впечатление на наших солдат, привыкших относиться к духовенству благоговейно».

Арестованных митрополитов под конвоем отправили в Тифлис, но один из них в дороге простудился и умер, не доехав несколько вёрст до Гори. В Имеретии установилась тишина, которая, по выражению полковника Пузыревского, «предвещала бурю». И полковник не ошибся.

С удалением из Имеретии митрополитов движение возглавил князь Иван Абашидзе, избежавший ареста и укрывшийся в Гурии. К нему потянулись все недовольные русским правлением в Грузии.

Пузыревский не придал серьёзного значения движению под предводительством Абашидзе. Беда не заставила долго ждать себя. 13 апреля 1820 года полковник был убит выстрелом в упор кем-то из гурийцев. Получив известие об этой трагедии, Ермолов сказал:

— Не при мне умирать достойному офицеру без отмщения!

Погорячился Алексей Петрович. Рассудив здраво, он отправил войска в мятежные провинции и приказал «наказывать без сожаления злобных изменников», а мирных жителей не трогать. Подавление восстания завершилось почти без пролития крови. Но от крепости, в которой якобы был убит полковник Пузыревский, не осталось камня на камне.

В воззвании к населению Имеретии от 24 апреля 1820 года генерал Ермолов писал:

«Минувший год может служить *лучшим* доказательством того, что не хотел я употреблять силу оружия против единоверцев, таких же, как и сам я, подданных великого государя, поэтому и не было ни одного выстрела. Не хочу и теперь прибегать к оружию, но вижу, к сожалению моему, что необходимость к тому понудит. Желаю отвратить несчастья от страны бедной и разорённой, не озлобляюсь и не мщу народу, ибо знаю, что обманут он малым числом людей злонамеренных».

Постепенно волнения в Грузии затихли. В Имеретии и в соседней Гурии установилось спокойствие. Вдохновитель и руководитель движения князь Иван Абашидзе укрылся в ущелье близ самой турецкой границы, откуда потом бежал в Ахалцых.

* * *

«У меня солдат верит, что он мне товарищ», — убеждён Ермолов. Он знает и то, что друзьям-офицерам «наскучил смертельно», и они, слава Богу, не скрывают этого. Еще бы! Уже немолодой генерал девять месяцев в году таскает их по горам и всякий раз появляется там, где его не ждут. Зато и результат налицо: горцы наконец стали понимать, что они — подданные российского императора, а не турецкого султана или персидского шаха.

И все-таки с жителями гор отношения у Ермолова не сложились. Время от времени они распускали слухи, что его

отзывают и вместо него назначают нового главнокомандующего.

«Ты представить не можешь, — сообщает он другу Арсению Андреевичу Закревскому, — какую радость вызвали эти слухи у грузинских князей и дворянства, в сем чувстве с ними могут сравниться лишь чеченцы, которые в восторге *от этого*. Из чего заключаю, что я — не самый приятный начальник. Впрочем, не мне уверять тебя, что не корыстолюбие, лихоимство и неправосудие являются причинами сей ненависти. Одна строгость во мне не любима… не имеет у меня преимуществ знатный и богатый перед человеком бедным и низкого состояния — вот преступление!»{556}

Зато как благодарят его русские люди, живущие вдоль Кавказской линии за избавление от грабительских набегов горцев!

* * *

Алексей Петрович уже почти четыре года на Кавказе и пока не собирается его покидать. У него обширные планы, которые он намерен осуществить. Правда, нет-нет и подумает: «Хорошо бы некоторое время пожить за границею, насладиться полной свободой. Хотя служба моя довольно приятная и необыкновенно счастливая, однако дает о себе знать и чувствительная усталость. Кажется, жизнь покойная может иметь свои удовольствия!»{557}

Надеялся приехать в Петербург в мае — июне — не получилось. Год выдался трудный: хлеба не хватало, фураж был так дорог, что если бы лошадей кормить пшеном, то едва ли оказалось дороже ячменя. Ермолов чаще стал прихварывать. Ему порой стало казаться, что исполняемая им должность уже слишком трудная для человека его лет. К тому же на плечи захандрившего генерала неожиданно свалилась новая обуза: 11 апреля 1820 года последовало высочайшее повеление о подчинении Черноморского войска его власти. Алексей Петрович очень неохотно принял под своё начало разорённый край, для охраны которого требовались войска, а их у него и без того не хватало. К тому же казаки пользовались дурной славой людей, нерадиво относящихся к службе. И всё-таки пришлось смириться.

Ко времени вступления Алексея Петровича в командование новым войском процесс социального расслоения среди черноморских казаков зашёл уже далеко. С одной стороны, выделилась зажиточная верхушка, захватившая в свои руки в потомственное владение обширные земли, с другой — совершенно бесправные низы, которые несли основные военные

повинности, в частности особенно ненавистную кордонную службу без соблюдения очереди. Полковые командиры нередко покидали полки и проживали на своих хуторах, занимаясь хозяйством. Оборона границы слабела с каждым днём. Этим пользовались черкесы, совершавшие опустошительные набеги на русские селения в низовьях Кубани. Атаман Григорий Кондратьевич Матвеев пожаловался паше анапскому, и тот посоветовал ему ловить разбойников и топить их в реке.

Население Причерноморья составляли отчасти бывшие запорожцы, отчасти малороссийские казаки Полтавской и Черниговской губерний, переселённые туда десять лет назад и ко времени перехода под командование Ермолова утратившие свои военные навыки, поскольку никто ими не занимался.

Правительство, понимая, что наличных сил Черноморского войска явно недостаточно для обороны от грабителей, отправило туда еще двадцать пять тысяч переселенцев, которые оказались в самом бедственном положении — без денег, без имущества и без скота, павшего в пути от бескормицы. Не имея средств, они провели зиму в разных губерниях России, живя на подаяние милосердных людей.

Таким образом, численность населения Причерноморья возросла до шестидесяти одной тысячи человек. Однако требовалось время, чтобы переселенцы стали казаками и могли защитить себя.

Ермолов решил сломать сложившуюся систему отношений в Черноморском войске. Чтобы остановить расхищение земель, он приказал обратить в казачье сословие всех беглых крестьян, не востребованных помещиками, и тем самым лишил офицерскую верхушку рабочих рук и отбил у неё охоту грабить общину в будущем.

Главнокомандующий вооружил казаков, правда, не карабинами или боевыми дальнобойными винтовками, как у горцев, а старыми кремнёвыми ружьями, которых немало скопилось на складах Черноморского войска. Конечно, это был не лучший выход из положения, зато он не требовал от населения, и без того уже разорённого, новых непосильных затрат{558}.

Что касается черкесов, то по отношению к ним наместник решил проводить ту же политику, какую уже проверил на чеченцах. Знакомя правительство со своими планами, он предлагал оттеснить их подальше от Кубани, где они обосновались с разрешения Министерства иностранных дел незадолго до подчинения их командующему Кавказским корпусом, а вдоль русской границы возвести ряд укреплений. Начать же следовало с занятия Каракубанского острова,

возникшего некогда в результате раздвоения реки на два рукава.

Этот остров протяжённостью в шестьдесят и шириной в двенадцать вёрст с построенным укреплением, по мнению Ермолова, позволит «не терпеть наглых и оскорбительных вторжений закубанцев, преследовать и наказывать ближайшие селения, участвующие в злодеяниях, — иначе не будет безопасности, и всегда потери будут на нашей стороне»{559}.

Предложение наместника не получило одобрения в Петербурге. Там опасались вмешательства Турции в конфликт. Успокаивая столичное начальство, Алексей Петрович писал:

«Народы закубанские явно непослушны турецкому правительству, и паша, начальствующий в Анапе, сам находится в постоянной опасности. Он редко выезжает из крепости, и никогда команды турецких войск не выходят оттуда в малом числе. Очевидно, что он не имеет средств прекратить разбои, а, напротив, тайным подстрекательством добивается их привязанности.

Хищники в селениях, лежащих на самом берегу Кубани, имеют верное убежище между сообщниками, не боясь преследования, ибо знают, что воспрещено оное…»{560}

Никакие доводы не убедили правительство. Но главнокомандующий добился разрешения преследовать и наказывать закубанцев за разбойные набеги на их территории.

Готовясь к отъезду в Петербург, Ермолов поручил командование Черноморским войском донскому генералу Максиму Григорьевичу Власову, но прежде приказал ему устроить смотр его полкам и дать обстоятельное заключение. Выводы инспектора были неутешительными. Ознакомившись с ними, Алексей Петрович писал атаману Матвееву, которого не очень почитал за слабость характера и нераспорядительность:

«Генерал-майор Власов прислал мне донесение о смотре полков, содержащих по Кубани кордонную стражу. Сколько он ни старался смягчить выражения при описании недостатков… не могу я, однако, не видеть *реального положения дел.*

Начну с того, что в *полках* некомплект, но вы, господин атаман, должны помнить… мой приказ о собрании… отлучных людей и чтобы оные не были отвлекаемы *от службы.*

Оружия у многих людей нет, а имеющееся налицо — в непозволительном состоянии… У казаков черноморских съедает его ржавчина.

Лошадей много неспособных; большого числа вовсе недостаёт; в пяти полках казаков с хорошими лошадьми только тысяча пятьсот девяносто восемь. Посчитайте, господин атаман, сколько остаётся негодных.

В оценке людей не учитывается род службы. Казак, ловкий на коне, служит пеший; неумеющий управлять, влез на коня — и сам не рад, и конь непослушен под седоком боязливым.

Если судить по стрельбе казаков в цель, можно заключить, что многие из них пороха от мака не отличают.

Отношение офицеров к казакам не внушает в сих последних должного почтения к командирам. Не слабостью и потворством приобретается любовь подчинённых. Большая часть офицеров Черноморского войска сего не понимает.

Казаки, послаблением доведённые до состояния, уничижающего звание воинов, заставляют краснеть начальников, над ними поставленных, и мне, новому сотруднику вашему, остаётся признать вас не начальником войска, приставом над мужиками.

Сколько же неприятно мне видеть в вас начальника, не вызывающего уважения, которым должны бы быть почтены и лета ваши, и заслуги, а равно и иметь под начальством моим сброд людей, присвоивших себе право именоваться военными.

Есть время всё поправить, и мне приятно будет щадить старого служивого»{561}.

Вряд ли Алексей Петрович очень сгустил краски. Так сложились обстоятельства. Слишком много воды утекло со времени переселения запорожцев в Причерноморье. Старики ушли с исторической сцены. На смену им пришли совершенно неискушённые в военном деле переселенцы, многие *из* которых не имели средств, чтобы достойно снарядить себя на службу. Форма отношений между панами-офицерами и простыми казаками пришла на Кубань из-за днепровских порогов и, по мнению замечательного историка Василия Алексеевича Потто, «нимало не мешала каждому свято исполнять свои обязанности».

Черноморцы под командованием М.Г. Власова своими доблестными делами и нечеловеческими усилиями докажут, что ставить крест на них по крайней мере рано. Очень скоро казаки нанесли страшное поражение многочисленному отряду шапсугов, переправившихся через Кубань, чтобы ограбить хутора Петровской станицы. Сам генерал-майор участвовал в рукопашной схватке с налётчиками наравне с другими.

«Я аж ахнул, когда увидел, что и сам генерал рубится с нами, — рассказывал позднее один *из* казаков. — Знаем мы: другого не заманишь и близко подъехать к черкесам, командуют себе издалека… А этот командовать командует, а сам маленький да широкоплечий… работает шашкой, и не одному черкесу снёс голову… Сам рубит и приободряет да покрикивает:

— Бей, ребята! Топи, коли басурман!

Ну и досталось же им на орехи!»{562}

А происходило это в бою при Калаусском лимане.

Главнокомандующий по достоинству оценил подвиг генерал-майора Власова. Вот что писал он в представлении, адресованном на имя начальника Главного штаба князя Волконского:

«Прошу исходатайствовать генералу Власову награждение орденом Святой Анны 1-й степени. Он имеет все прочие награды и даже Святого Георгия 3-го класса, и теперь, мною испрашиваемой, совершенно достоин.

В заключение доношу, что со времени водворения войска Черноморского на Тамани не было подобного поражения закубанцев на земле, казаками занимаемой»{563}.

Потери налётчиков были страшными. Лишь очень немногим удалось прорваться через заслон Власова и уйти за Кубань. Остальные полегли под пиками казаков или утонули в зловонном лимане.

Император Александр I пожаловал Власову сразу орден Святого Владимира 2-й степени, минуя Анненскую ленту.

Со временем Ермолов подчинил Власову и гражданскую часть войска, хотя не отстранил от власти и атамана Матвеева.

ЕРМОЛОВ И КЮХЕЛЬБЕКЕР

«Напрасно, друг любезнейший, замышляешь ты женить меня, — пишет Ермолов 16 октября из Тифлиса Закревскому, — прошло время, и жене наскучить можно одним попечением о сбережении здоровья дряхлого супруга. Хорошо тебе рассуждать, — еще молодому человеку, избравшему жену чудесную. Не думаешь ли, что все такие? Тебя судьба наградила по справедливости…»{564}

Алексей Петрович твердо решил, что отправится в Петербург в декабре, о чем уведомил «почтеннейшего Арсения Андреевича».

* * *

Еще до прибытия Ермолова в Петербург столицу покинул будущий «ермоловец» *Вильгельм Карлович Кюхельбекер,* выехавший за границу в составе свиты Александра Львовича Нарышкина, камергера двора его величества.

В стихотворении «Прощание» он выразил предчувствие встречи с революционной Европой.

Пируй и веселись, мой Гений!
Какая жатва вдохновений!
Какая пища для души —
В ее божественной тиши
Златая, дивная природа…
Тяжелая гроза страстей,
Вооруженная свобода,
Борьба народов и царей{565}.

Сообщая родным о предстоящей поездке, Кюхельбекер писал: «Наше путешествие будет для меня очень интересно и полезно. Мы поедем в Дрезден, оттуда в Вену, из Вены — в Северную Италию, а зиму пробудем в Риме. Лето мы проведем наполовину в Париже, наполовину в Южной Франции; зимой вернемся в Париж, а весной морем проедем в Лондон, откуда, после двухлетнего путешествия по лучшим местам Европы, вернемся в отечество»{566}.

Я не поведу читателя за восторженным поэтом по городам Европы, поскольку не он герой этой книги. Скажу лишь о том, что Бенжамен Констан, с которым Вильгельм Кюхельбекер познакомился во Франции, организовал ему цикл лекций по

истории российской словесности в антимонархическом обществе «Атеней».

Кюхельбекер говорил своим слушателям о том, «как мог сложиться характер современной русской нации под совершенно деспотическим управлением», о значении вольного Новгорода и его веча в истории страны и о многом другом. Но главный криминал в заключительной части единственной дошедшей до нас лекции, в которой он позволил себе откровенно порицать императора за бесполезную трату времени в заседаниях Священного союза:

«Политические сделки, совершенно чуждые русскому народу, не всегда будут поглощать столь дорогое для нас время государя, от которого столько ждали для счастья его родины. Да сломит он, наконец, тиранство знати, столь же наглой, как и жестокой, и в этом будет его наивысшее право на признательность грядущих поколений» соотечественников{567}.

Знатоку истории русской словесности Кюхельбекеру было приказано немедленно возвращаться на родину.

Директор лицея Егор Антонович Энгельгардт писал о нем:

«Черт его дернул забраться в политику и либеральные идеи, на коих он рехнулся, запорол чепуху, так что Нарышкин прогнал его от себя, а наш посланник запретил читать *лекции* и, наконец, выслал его из Парижа. Что из него получится, Бог знает»{568}.

В самом деле, что из него получилось бы, не вступись за него друзья перед царем и не уговори они Ермолова взять его на Кавказ? Трудно ответить на этот вопрос вполне определенно, ибо история не терпит сослагательного наклонения. Судьба-злодейка лет на пять могла опередить естественный ход событий и заточить его в крепость. Вот о чем рассказал он сам позднее на следствии:

«В 1821-м году, возвратясь в Петербург, в скорости после того, когда возвратился туда же из Лайбаха генерал Ермолов, я был рекомендован ему Александром Тургеневым и управляющим министерством иностранных дел графом Нессельродом и принят им на службу для особых поручений в Грузии с чином коллежского асессора»{569}.

Не будем, однако, спешить, ибо Ермолов пока не покинул Кавказ и не доехал до Петербурга, а Кюхельбекер в это время все еще колесил с Нарышкиным по Европе.

* * *

24 сентября 1820 года Александр Пушкин, делясь

впечатлениями от двухмесячного пребывания на Кавказе, писал брату Лёвушке из Кишинёва:

«Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и неподвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бештау, Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии — любопытен во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением.

Дикие черкесы напуганы; древняя дерзость их исчезает. Дороги становятся час от часу безопаснее, многочисленные конвои — излишними…»{570}

Свой восторг от пребывания на Кавказе поэт перенес на бумагу, сотворив первую поэму в байроническом духе, которую, как выразился сам, «окрестил» «Кавказским пленником». Не буду пересказывать сюжет, известный каждому любителю творчества Пушкина, напомню лишь строки из эпилога.

Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена…
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов…
Но се — Восток подъемлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!{571}

Поэму в целом критика восприняла положительно, находя в ней примеры изысканной художественности, а вот приведенные строки из эпилога вызвали недовольство. Так, князь Петр Андреевич Вяземский в письме Александру Ивановичу Тургеневу сокрушался:

«Мне жаль, что Пушкин окровавил стихи своей повести. Что за герои Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он *как черная зараза, губил, ничтожил племена?* От такой славы кровь стынет в жилах и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть. Поэзия — не союзница палачей; политике они, может быть, нужны, и тогда

суду истории решать, можно ли её оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни»{572}.

* * *

Наполнив Кавказ «своим именем», Сардарь-Ермулу в декабре отправился в Россию и разъехался дорогами с курьером, посланным императором за ним на Кавказ. Завернув по пути в Орел, чтобы навестить отца, Ермолов покатил в Петербург, где государя, понятно, уже не было, но ожидало его высочайшее повеление оставаться в столице. Александр Павлович, не дождавшись Алексея Петровича, взял с собой генерал-адъютанта барона Ивана Ивановича Дибича и поспешил в Лайбах, где собрались монархи Священного союза, напуганные революциями в Испании и Неаполе.

А.П. Ермолов задержался в столице до конца марта 1821 года, где получил уведомление о содержании доноса М.К. Грибовского на членов Союза благоденствия, в который попали оба его адъютанта времен войны с Наполеоном — М.А. Фонвизин и П.Х. Граббе. Он встретился с последним и предупредил его:

— Оставь вздор, государь знает о вашем обществе!

Кто сообщил об этом Ермолову? Возможно, Милорадович. Впрочем, не исключено, что и генерал-адъютант императора Закревский, озабоченный судьбой друга, мог пошептать ему на ухо.

Наконец, в столицу пришло известие о возмущении греков против турецкого господства. Все ожидали разрыва отношений с Османской империей. Но Россия не пришла на помощь православным братьям. Помощь им оказала Англия, закрепившая на долгие годы свое влияние на Балканах.

Закревский, опекавший друга во время его пребывания в Петербурге, пригласил Ермолова в Чесму, куда сам отправился для осмотра только что полученной передвижной военно-походной типографии. Гостям прочитали два документа, до тех пор неизвестных: одно из писем Суворова и приказ Петра I, данный войскам накануне Полтавской битвы, и предложили выбрать один из них для воспроизведения. Алексей Петрович указал на второй. Очень понравились ему слова великого государя, которыми заканчивалось его обращение к своим «товарищам»:

«А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

Приказ Петра I был отпечатан в двухстах экземплярах и

роздан присутствующим на память. Один из них А.П. Ермолов позднее подарил историку М.П. Погодину. Очевидец происходящего дежурный штаб-офицер А.И. Казначеев писал:

«Как будто самою судьбою было определено достойному генералу Ермолову вызвать царскую речь с того света на сей свет».

8 марта 1821 года вспыхнула революция в Пьемонте. Австрийские войска выступили немедленно, чтобы предотвратить распространение мятежа. В помощь им Александр I приказал собирать стотысячную армию и готовить ее к следованию в Северную Италию.

В конце апреля по вызову царя Ермолов отправился в Лайбах, чтобы возглавить русскую армию, хотя официального указа об этом назначении не получил.

В апреле Алексей Петрович достиг Бреста, где по повелению великого князя Константина Павловича готовилась ему торжественная встреча. Въехав в город и увидев это, он «выскочил из коляски и скрылся в жидовских переулках».

Такая же встреча ожидала его в Люблине, от которой он тоже избавился бегством, о чем, понятно, тут же последовало донесение в Варшаву.

«Чрезвычайно странно, — писал он, — что во всех газетах я уже назван главнокомандующим»[573].

26 апреля Ермолов прибыл в Лайбах и в тот же день получил приказ вечером явиться к государю, у которого намечалась встреча с Меттернихом. Она началась в десять часов вечера и закончилась за полночь. Все это время Алексей Петрович находился рядом с Александром Павловичем, который очень обстоятельно обрисовал ему «картину дел политических», сообщил о назначении его «начальником армии», *убедил* в необходимости участия России в погашении опасного очага европейского пожара[574].

Делясь впечатлениями от беседы с царем, Ермолов писал Закревскому: «Государь ко мне необыкновенно милостив и в звании главнокомандующего, хотя, впрочем, мнимого, удостоил меня несколько большей, нежели прежде, доверенности. Успел много расспросить *о положении* края, в котором я живу, и своими знаниями *о нем* показал, *какое значение он придает ему*»[575].

Австрийцы покончили с революцией своими силами. Александр Павлович и Алексей Петрович один за другим покатили в Петербург. Последний был доволен, что ему не пришлось командовать войсками карателей.

На обратном пути в Россию Алексей Петрович заехал в Вену, потом остановился в Варшаве, где по желанию Константина

Павловича осматривал Польскую армию, после чего отправился в Петербург. Бегство от торжественных встреч в Бресте и Люблине, организованных по повелению великого князя, заметно повлияло на отношение его к генералу. Простились довольно холодно. Переписка между ними практически прекратилась. Однако очень скоро жизнь поставит перед нашим героем проблему выбора, и он допустит роковую ошибку. Впрочем, мой рассказ об этом еще впереди, а пока последуем за ним в северную столицу…

Ермолов вернулся в Россию. Встретившись позднее с Фонвизиным, он приветствовал его такими словами:

— Подойди сюда, величайший карбонарий! Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он, *Александр I*, вас так боится, как бы я желал, чтобы он меня боялся{576}.

Вспоминая поездку в Лайбах, Ермолов писал:

«Таким образом, сверх всякого ожидания, был я главнокомандующим армии, которой не видел и доселе не знаю, почему назначение моё должно было сопровождаться такою тайной. Не было на этот счет никакого указа, хотя во время пребывания в Лайбахе наш государь и император австрийский не один раз говорили мне о том».

Это несостоявшееся назначение умножило число завистников Ермолова. 30 августа «государь, всегда милостивый» к прославленному генералу, пожаловал ему «аренду» с доходом в 40 тысяч рублей в год. Однако, почитая эту «награду выше заслуг» своих, он не принял ее, уверяя при этом, «что в отказ не вмешивалось самолюбие».

Ермолов демонстрировал не только отсутствие у него самолюбия, но и честолюбия. «Боже, избавь, если меня вздумают обезобразить графским титулом», — бросил он в ответ на ходившие по Петербургу слухи о возможном возведении его в это достоинство. Государь не был столь навязчивым, чтобы награждать подданных вопреки их желанию.

Не знаю, убедил ли Ермолов Арсения Андреевича Закревского в отсутствии у себя таких пороков, как честолюбие, но в отношениях между императором и наместником, кажется, началось охлаждение. Во всяком случае, именно в это время, еще до отъезда из Петербурга, Алексей Петрович пришел к горестному заключению: «Не буду спорить, что можно прожить там, *на Кавказе,* с пользою, но никто не в состоянии и оспорить, чтобы то не была ссылка»{577}.

Пожалуй. Но ссылка-то была добровольной. И винить здесь некого. Аракчеев рекомендовал его на должность военного министра, но ему хотелось на Кавказ, и граф рассказал об этом государю. А император тогда, в 1816 году, лишь уважил желание

Ермолова. Теперь обстоятельства изменились: он стал побаиваться набравшего силу проконсула Иберии, позволяющего себе демонстративно отвергать царские милости.

В первых числах сентября Ермолов выехал из Петербурга. Снова завернул к отцу и прогостил у него весь октябрь. Потом долго пережидал непогоду во Владикавказе. Лишь 18 января 1822 года он добрался до Тифлиса, где нашёл Грибоедова, посланного к нему Мазаровичем с сообщением, что между Персией и Турцией началась война. По пути Александр Сергеевич сломал себе руку и решил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы закрепиться в администрации наместника. Алексей Петрович одобрил решение поэта и обратился в Петербург за разрешением оставить его при себе в качестве секретаря по дипломатическим вопросам.

А.П. Ермолов — К.В. Нессельроде,

12 января 1822 года:

«Секретарь миссии нашей при тегеранском дворе титулярный советник Грибоедов на пути из Тавриза сюда имел несчастье переломить в двух местах руку и, не найдя нужных в дороге пособий, должен был по необходимости обратиться к первому, кто мог оказать ему помощь,,. По прибытии в Тифлис надлежало ему худо справленную руку переломить в другой раз. До сего времени не владея ею, не мог он обойтись без искусного врачевания... поэтому никак не может он отправиться в Персию.

С сожалением вынужден я был удалить его от занимаемой им должности, но, зная отличные способности молодого человека и желая воспользоваться приобретёнными им успехами в знании персидского языка, я имею честь покорнейше просить ваше сиятельство определить его при мне секретарём по иностранной части, без коего столько времени не без труда я обходился.

Во-первых, пользование здешними минеральными водами возвратит ему здоровье, и он, имея способность к изучению восточных языков, начав уже заниматься арабским, сможет здесь усовершенствовать свои познания.

Во-вторых, что почитаю я главнейшим предметом, вы, ваше сиятельство, со временем сможете поручить ему заведение школы восточных языков, на что не следует жалеть средств…

Не смею я испрашивать большого жалованья Грибоедову, как двести червонцев. И хотя лишается он двух третей того, что получал доселе, но к сему побуждает меня сравнение с прочими чиновниками, при мне служащими»{578}.

Ходатайство Ермолова было удовлетворено, и Александр Сергеевич прожил в Тифлисе до февраля 1823 года, впрочем, довольно часто разъезжая с Алексеем Петровичем по Кавказу.

* * *

Кюхельбекер прибыл в Тифлис раньше Ермолова. В ожидании генерала благодарный поэт сотворил в его честь стихи, наполненные чувством признательности за спасение:

Он гордо презрел клевету,
Он возвратил меня отчизне:
Ему я все мгновенья жизни
В восторге сладком посвящу…

Одним «ермоловцем» на Кавказе стало больше. Он прослужил под началом Ермолова менее полугода, но сумел оставить там заметный след.

Самым ярким первым впечатлением Кюхельбекера от пребывания в Грузии была его встреча с человеком, которого он знал еще в Петербурге, но не ожидал увидеть в Тифлисе. Вот что писал Вильгельм об этом сестре Юлии:

«Я встретил здесь своего милого петербургского знакомого — Грибоедова. Он был секретарем посольства в Персии; сломал себе руку и будет теперь в Тифлисе до выздоровления. Он очень талантливый поэт, и его творения в подлинном, чистом персидском стиле доставляют мне бесконечное наслаждение»{579}.

В это время А.С. Грибоедов работал в чисто русском стиле над комедией «Горе от ума», а В.К. Кюхельбекер славил греков, восставших против турецкого господства, и безуспешно уговаривал себя включиться в борьбу «народов и царей». Влияние первого на второго было столь велико, что на это обратил внимание А.А. Дельвиг, укорявший друга за «литературную измену»:

«Скучно только во сне говорить с Вильгельмом: поговорю на бумаге… Ах, Кюхельбекер, сколько перемен с тобою в два-три года! Но об них после. Сперва оправдай меня перед матушкой твоей. Меня Плетнев напугал, сказав, что она без слез не может встретить друзей твоих; что они напоминают ей твое положение, совсем невеселое, и я побоялся показаться ей. Я, некоторым образом, причина твоих неприятностей по несчастной моей рекомендации Нарышкину…

Мое положение скоро поправится; дай Бог, чтоб и твое поскорее пришло в прежнее состояние. Не теряй надежды на счастье, только ищи его не в Петербурге, — искание тщетное, поезжай в Москву и там, даст Бог, скоро увидимся. Скажу о себе,

что я тот же Дельвиг, но менее ленив и менее весел.

Так и быть! Грибоедов соблазнил тебя: на его душе грех! Напиши ему и Шихматову проклятие, но прежними стихами, а не новыми. Плюнь и дунь, вытребуй от Плетнева старую тетрадь своих стихов, читай ее внимательнее и, по лучшим местам, учись слогу и обработке… Друзей любить знаю, а разлюбливать, хоть убей, не умею»{580}.

Грибоедов и Кюхельбекер жили на одной квартире. Не обремененные служебными поручениями, оба всецело отдавались творчеству, а по вечерам потчевали друг друга написанным за день. Александр Сергеевич, хотя и был отпетым циником, не без удовольствия, думаю, слушал адресованные ему стихи «К Ахатесу»:

Ахатес, Ахатес! ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас?
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О, друг, полетим на священную брань.
…
И в вольность и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки со мною душой сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда…

Звезда свободы тогда «восходила» в Греции…

Впрочем, и Грибоедов не остался в долгу перед Кюхельбекером, вложив в образ Чацкого некоторые черты друга. Эти черты Тынянов нашел, например, в таких репликах своих героев:

Чацкий:
Я сам? не правда ли, смешон?
Софья:
Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна,
А над собой гроза куда не бесполезна.
Чацкий:
Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож…

Право же, кто был более смешон, чем Кюхля в Лицее? Или Кюхельбекер в тайном обществе, на следствии, на поселении? Да и среди родственников? В репликах Хлестовой и княгини

абсолютно точно перечисляются все учебные заведения, в которых преподавал выпускник Александровского лицея Вильгельм Карлович:

Хлестова:

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня:

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!

«Как бы ни увлекался Тынянов прямыми сопоставлениями Чацкий—Кюхельбекер, — пишет В.В. Кунина, — он неопровержимо прав в одном: пребывание Кюхельбекера в Тифлисе не прошло бесследно для великой комедии»{581}.

Не только Тынянов, но и Пушкин подметил, что Чацкий — ученик Грибоедова, «напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно»{582}.

Смешно, не правда ли, смешно метать бисер?.. Точно так же, как Кюхельбекер перед следователями:

«Клянусь и обещаю воздержаться впредь от всяких дерзких мечтаний и суждений касательно дел государственных, ибо уверился, что я для сего слишком недальновиден…»{583}

Чаще всего Грибоедов потешал написанными сценами комедии своего восторженного друга, но иногда отзывался на просьбы и читал отрывки из нее в офицерском собрании. Однако о впечатлении, которое произвела она на генерала в это время, нам ничего не известно. Известно лишь, что Алексей Петрович сопоставлял Александра Сергеевича с Гавриилом Романовичем Державиным и находил, что оба они не способны ни на какие великие дела по службе{584}.

В офицерском собрании *пили* вино, шутили и злобствовали, чаще всего за глаза. Поэтому иногда случались дуэли. Не избежал ее и Кюхельбекер. Оскорбленный какими-то слухами, исходившими от родственника главнокомандующего Николая Николаевича Похвиснева, Вильгельм Карлович прилюдно отвесил ему звучную пощечину. Поединок закончился без крови, но нашему «ермоловцу» пришлось подать прошение об отставке по состоянию здоровья и спешно покинуть Тифлис. Алексей Петрович не стал портить ему и без того подмоченную репутацию и ограничился достаточно сдержанной характеристикой: «По

краткости времени его пребывания здесь мало употребляем был в должности, и потому собственно по делам службы способности его неизведаны»{585}.

Во время продолжительного отсутствия Ермолова в его владениях стали назревать волнения. В связи с этим забот у главнокомандующего заметно прибавилось. Но об этом в следующей главе…

Глава двенадцатая.
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ НА КАВКАЗЕ

АММАЛАТ-БЕК

Алексей Петрович «умиротворил» уже несколько чеченских и дагестанских провинций, подчинив их своей власти не формально, как это было при его предшественниках, а фактически.

И только Султан-Ахмет-хан аварский по-прежнему чувствовал себя независимым правителем, хотя и лишился *уже* за *измену* и чина генерал-майора, и, что особенно неприятно, приличного содержания от русского правительства. С этим надо было как-то кончать. Но как? Очень просто: заставить его жить под постоянной угрозой низложения.

Ермолов нашёл среди родственников аварского хана молодого человека, которому по местным законам могли принадлежать права на управление Аварским ханством, пусть даже с оговоркой. Таким оказался Сурхай, сын Гебека, который после смерти брата, знаменитого Омар-хана, должен был получить власть вместе с женой покойного Гихили.

У вдовы Омар-хана, однако, были свои планы. Она приказала убить Гебека. Власть над Аварией получил Султан-Ахмед-бек мехтулинский. Ему и досталась коварная Гихили. Этим, однако, не завершились шекспировские страсти в горах Дагестана, но режиссёром их выступил наместник русского царя на Кавказе генерал Ермолов.

Сурхай, красивый и даровитый юноша, рождённый от неравного брака, казалось, не мог быть опасным соперником Султан-Ахмед-хану. Понимая это, он покинул родину и жил в Кюре, не принимая даже пассивного участия в борьбе за власть. Из небытия его вытащил генерал Ермолов, обещавший ему в случае успеха власть над Аварией, чин генерал-майора и пять тысяч рублей жалованья от русского правительства. Молодой человек согласился сыграть заглавную роль в этом очень ответственном и, скажу прямо, опасном для жизни политическом спектакле.

Так Сурхай стал единственным наследником аварского престола. Теперь важно было сделать его популярным и необходимым народу. Наместник выдал ему особую печать. Человек, обладавший документом, скреплённым этой печатью, получал неограниченные возможности общения с русскими подданными, в том числе торговли с ними, что строжайше запрещалось всем остальным.

Число сторонников Сурхая быстро росло, и Ермолов выжидал лишь удобного случая, чтобы объявить его ханом. Это

обстоятельство заставляло Султан-Ахмеда постоянно думать о том, как сохранить свою власть. Примирение с русскими стало невозможным. Не случайно под влиянием аварского правителя по Дагестану прокатилась волна народных возмущений, главным действующим лицом которых стал Аммалат-бек, прославленный писателем-декабристом Александром Александровичем Бестужевым-Марлинским в одноименной повести, опубликованной в первых книгах журнала «Московский телеграф» за 1832 год{586}.

* * *

Аммалат, наделённый природой мужественной красотою, умом и дарованиями военачальника, был всего лишь беком буйнакским, а с детства мечтал стать правителем богатого шамхальства Тарковского, доставшегося его дядюшке Мехти, со временем ставшему ему тестем, человеку, быть может, не столь способному, зато миролюбивому и преданному России. Он внушал больше доверия, чем его пылкий и честолюбивый племянник.

В самом деле, не воевать же с ближайшим родственником, и Аммалат удалился в свой живописный аул, где проживал в собственном доме, который стоял на склоне горы и возвышался над скромными саклями односельчан. Между тем неожиданно ослепла молодая жена буйнакского бека, и он, добившись развода, отправил её к отцу, чем нанёс шамхалу тарковскому страшное оскорбление. Примирить их уже никто не мог, впрочем, никто, кажется, и не пытался.

Порвав все связи с домом дядюшки, бывшего тестя, Аммалат-бек влюбился в четырнадцатилетнюю дочь аварского хана Салтанету, первую красавицу Нагорного Дагестана. Естественно, он стал искать сближения с аварским правителем. Султан-Ахмед, поняв это, сделал его орудием достижения своих замыслов. Постоянно откладывая свадьбу, хан втягивал молодого человека в борьбу против русских, вооружая людей потенциального зятя. В бою под Лавашами в 1819 году, о котором я уже рассказывал, повстанцы потерпели поражение, а их вождь был выдан русскому главнокомандующему, который тут же нарядил над изменником суд под председательством честного человека и отважного героя Башлынского боя подполковника Мищенко. Объсняя свой выбор, Алексей Петрович говорил ему:

— Я избрал вас, зная вашу честность; уверен, вы дадите при мер правосудия, которого, к сожалению, здешние жители до сих

пор почти не знали[587].

Ввели Аммалат-бека. Это был молодой человек, лет двадцати, может быть, несколько более. Строен, как Аполлон Бельведерский, и красоты необыкновенной. Он сел на лавку и начал гладить собаку главнокомандующего. Ермолов, метая глазами молнии, бросал в лицо пленнику:

— Аммалат, помнишь ли ты, что ты подданный русского государя? Что над тобой стоят его законы?

— Я никогда не забыл бы этого, если бы нашёл в них защиту прав моих, и теперь не стоял бы здесь, — ответил Аммалат спокойно.

— Глупый мальчишка! Ты не представляешь, что ожидает тебя.

— Представляю. Меня расстреляют.

— Нет, пуля — слишком благородная смерть для разбойника. Арбу вверх оглоблями и узду на шею — вот тебе достойная награда.

Примерно так со слов свидетелей описал первую встречу Алексея Петровича с обречённым на смерть Аммалат-беком младший современник главнокомандующего, а я лишь привёл этот диалог в соответствие со стилистикой моего повествования[588].

Николай Иванович Цылов, офицер Кавказского корпуса, совершивший с Ермоловым поход в Дагестан, внёс в описанную сцену несколько выразительных штрихов.

Слушая угрозы главнокомандующего, «Аммалат-бек продолжал хладнокровно гладить собаку Ермолова и потом, вежливо поклонившись ему, молча и гордо отошёл к ожидавшим его конвоирам. Говорят, что Алексей Петрович, поражённый этим спокойствием, сказал:

— Да сохранит меня Бог лишить жизни человека с таким возвышенным духом!

И Аммалат-бек был прощён». Солдаты вывели его из палатки главнокомандующего[589].

За прекрасного юношу вступился обер-квартирмейстер Кавказского корпуса Евстафий Иванович Верховский, Ермолов знал его со времён Кульмского сражения и очень дорожил им. Он попросил Алексея Петровича отдать Аммалата ему на поруки. Генерал не смог отказать, согласился, сказав при этом:

— Я по своей слабости уже много сделал ошибок, но так и быть, прощаю Аммалата; возьми его, но помни: не доверяйся ему, будь осторожен[590].

В том, что Аммалат и Верховский подружились, вроде бы нет ничего необъяснимого. Первый, несомненно, был благодарен

своему спасителю и, возможно, надеялся, что влиятельный Евстафий Иванович поможет ему овладеть столь желанным шамхальским престолом. Второй, думаю, считал возможным не только дать ему хоть какое-то образование, но и перевоспитать юношу, сделать из него человека полезного для России. Что из этого получилось?

Одним словом на этот вопрос ответить трудно, пожалуй, невозможно. Надо подробно нарисовать максимально объективную картину событий на Северном Кавказе, которая определяла репутацию Алексея Петровича. Его и без того во всех грехах обвиняли ещё современники, даже друзья. Прошло четыре года. За это время полковник Верховский получил в командование Куринский гренадерский полк и из Тифлиса переселился в Дербент. Вместе с ним переехал туда и Аммалат, который всё ещё оставался буйнакским беком. Расчёт честолюбивого юноши на получение Тарковского шамхальства не оправдался. Неприязнь к спасителю, подогреваемая кознями Султан-Ахмед-хана, постепенно нарастала.

Аммалат-бек не отказался от мысли заполучить в жёны красавицу Салтанету, о которой давно уже не имел никаких известий. Неожиданно появилась надежда хоть что-нибудь узнать о любимой женщине. Полковник Верховский получил приказ навести порядок в некоторых аулах Мехтулинского ханства, недавно включённых в состав шамхальства Тарковского, восставших против необузданного нрава русского пристава.

Молодой человек добился разрешения сопровождать своего покровителя.

Не успел отряд карателей дойти до цели, как пришло известие о том, что волнения там утихли столь же неожиданно, как и начались. Верховский вынужден был повернуть назад. Надежда Аммалата получить сообщение о любимой стала угасать. Но Ахмед-хан аварский, следивший за движением русских, сумел уведомить его, что хотел бы встретиться и поговорить. Как говорят современники, свидание это состоялось ночью за пределами русского лагеря, что подтверждает и Алексей Петрович в своих записках. Правда, он говорит не о свидании, а о «сношениях», установившихся между ними во время похода.

Ахмед-хан откровенно сказал ему, что Салтанета просватана за Абдул-Муслима, второго сына Мехти-шамхала тарковского, и в то же время дал понять, что не всё ещё потеряно:

— Слушай! Я ещё могу взять своё слово назад. Салтанета будет твоей, но первое условие этого — смерть Верховского. Его *жизнь* будет калымом за невесту…

— Без Верховского весь Дагестан останется без головы и

оцепенеет на несколько дней от страха. В это время мы налетим на рассеянных по квартирам русских. Я сажусь на коня с двадцатью тысячами аварцев и акушинцев, и мы нападём с гор на Тарки как снежная лавина. Тогда ты, Аммалат, — шамхал тарковский![591]

Евстафий Иванович, по-видимому, был слишком открытым человеком. Он мечтал по завершении похода отправиться в Россию, где ожидала его невеста, молодая вдова недавно убитого в Гурии полковника Пузыревского, мечтал и своей мечтой делился с окружающими. О его планах стало известно хану аварскому, и тот умело воспользовался полученной информацией.

Хан аварский подкупил близких к Аммалату людей, и те распространяли слухи, будто шамхал тарковский плетёт против него интриги. Так, бывшая няня буйнакского бека со слезами на глазах утверждала, что сама слышала, как он предлагал Верховскому пять тысяч червонцев за смерть её воспитанника и что полковник отверг это предложение, пообещав, однако, взять его в Россию и потом отправить в Сибирь.

Как известно, Верховский действительно собирался в отпуск и предложил Аммалату поехать с ним в Россию. Это приглашение как бы подтверждало опасение няньки. Судьба полковника была решена. На обратном пути в Дербент он был предательски убит выстрелом из карабина. Пуля поразила его в самое сердце. Искусный наездник, буйнакский бек скрылся в тумане ущелья. Попытка донских казаков нагнать убийцу не имела успеха[592].

Полковника Евстафия Ивановича любили все. Когда его тело отправляли в Дербент, солдаты плакали навзрыд.

Аммалат выполнил условие Ахмеда. Окрылённый надеждой получить в жёны красавицу Салтанету, он помчался в Хунзах, но там его ожидало страшное разочарование. Хан погиб, сорвавшись в пропасть вместе с конём. А вдова его выпроводила жениха из своего дома. О свадьбе не стоило даже мечтать.

Похоже, горцы восприняли убийство Верховского как значительную победу, вдохновившую их на активные действия. Волнения охватили чуть ли не все провинции Дагестана, которые продолжались всего три дня. Где-то они были подавлены силой, где-то затихли сами по себе. Участники этих волнений разделились на две части: одни продолжали симпатизировать Аммалат-беку, другие считали его виновником всех смут и требовали изгнания. Он удалился и укрылся пока в аулах койсубулинцев, за что те и поплатились своим скотом, спустившимся с горных пастбищ, и аманатами, взятыми русскими в залог мира. Вскоре после этих событий в Дагестан прибыл

Ермолов. Одного появления его было достаточно, чтобы остановить горцев от слишком смелых предприятий. Два неукомплектованных батальона Херсонского и Ширванского полков, пришедших с ним, показались им, по выражению самого Алексея Петровича, «силами ужасными». Они и представить не могли, что при главном начальнике может быть так мало войск.

Наступила осень. В Дагестане установилось затишье. Ермолов отпустил войска на зимние квартиры, и сам остановился в селении Большие Казанищи, что в Мехтулинском округе. Зимовка эта, вопреки ожиданиям, оказалась спокойной и весёлой. Многие офицеры, не связанные семейными узами, в том числе и сам главнокомандующий, заплатив калым, как того требовал обычай, вступили в так называемый кебинный брак с мехтулинками и, по выражению Ермолова, «скучную стоянку обратили в Магометов рай». Алексей Петрович не только наслаждался любовными утехами, но и много работал, пытаясь добиться замирения постоянно бунтующего края. С этой целью он несколько раз тайно встречался с одним из самых влиятельных дагестанских мулл, Сеидом-эфенди, и сумел склонить его на свою сторону. Это представлялось тем более важным, что к этому времени относится появление на Северном Кавказе идеи мюридизма — священной войны против неверных, то есть православных. Только благодаря суровому нраву нашего генерала она не получила тогда широкого распространения на Кавказе.

Ермолов настойчиво и систематически подчинял себе местных владельцев: одних карал, других поощрял, третьих вообще устранял.

Он широко использовал и проверенный с давних пор важнейший принцип завоевателей — разделяй и властвуй, натравливая одни племена на другие, крестьян — на мятежных феодалов, враждебных России, освобождая первых от крепостной зависимости от вторых, как сделал это, например, в Грузии и в Кабарде. Нет оснований придавать этому факту социальную окраску. Это был всего лишь тактический приём, направленный на подавление сопротивления горской знати.

Перезимовав в Казанищах, Ермолов возвратился в Тифлис. С этого времени и до вторжения персов в Грузию серьёзных волнений в Дагестане уже не было. Вот что писал об этом Алексей Петрович в донесении царю:

«При всех обстоятельствах, сопровождавших вторжение неприятеля в наши пределы *в 1826 году,* при общем возмущении в мусульманских провинциях, Дагестан, многолюднейший, воинственный и помнящий прежнее своё могущество, пребывал в совершенном спокойствии, говоря, что новых властелинов он не

желает»{593}.

Чтобы завершить, наконец, этот раздел моего повествования, необходимо сказать несколько слов о судьбе Аммалат-бека. В Дагестане считали, что он укрывался в Чечне, где потерял здоровье, а вместе с ним и былую красоту и отвагу. Но память о его предательстве, как утверждал Бестужев-Марлинский, жила долго, и имя его всегда произносилось горцами с укором. Но существовала и другая версия, по-видимому, неизвестная писателю.

Некий буйнакский житель рассказал однажды, а генерал-майор Николай Иванович Цылов записал за ним:

«Я был товарищем Аммалата, был с ним всюду, делил с ним и горе и радость, и сколько раз эта рука останавливала смерть, висевшую над головой пылкого юноши! Но нет ничего сильнее предопределения судьбы.

Мы пробрались к черкесам и были в Анапе, когда русские брали эту крепость. Здесь Аммалат был ранен, и мы бежали с ним под защиту вольного, непокорного русским народа. Променяв бурную жизнь на мирное пристанище, я пас стада у богатых князей, стриг овец и добывал скудный хлеб, которым и делился с моим товарищем.

Но Аллах не хотел, чтобы мы жили вместе, и бедный Аммалат умер на моих руках от оспы…»{594}

БЕЙ-БУЛАТ

Не было на Северном Кавказе человека более известного, чем Бей-Булат из Гельдигена. Прославился он невероятной дерзостью во время ночных набегов на русские приграничные селения. Но не только. С его именем историческая традиция связывает большую часть потрясений в самой Чечне. Предшественники Ермолова всячески задабривали отчаянного джигита всевозможными подарками и таким образом удерживали от разбоя. Алексей Петрович был противником такой системы отношений, но и он видел в нём силу, с которой следовало считаться.

Главнокомандующий решил встретиться со знаменитым разбойником. И они свиделись. Бей-Булат, получив дорогие подарки и чин поручика, дал слово прекратить набеги на приграничные русские станицы и сёла и слово держал до возведения крепости Грозной. Потом исчез. Говорили, что он в числе недовольных чеченцев ушёл в горы и снова обратился к своему прежнему ремеслу и разбойничал на Моздокской дороге.

Ермолов потребовал голову Бей-Булата. Лучше других знал Чечню и чеченцев генерал-майор Николай Васильевич Греков, который вот уже несколько лет занимался здесь рубкой леса. На него *я* возложил главнокомандующий задачу устранения изменника.

Николай Васильевич подкупил двух чеченцев и поручил им либо убить Бей-Булата, либо бросить в его саклю через трубу мешок с порохом и взорвать разбойника вместе с многочисленным семейством. Но не просто было сделать это…

Однажды вечером в дверь постучали.

— Кто там? — спросил Бей-Булат.

— Выйди, — отозвался незнакомый голос за дверью, — мы из Гельдигена, пришли сообщить тебе важную новость.

Бей-Булат оказался тем самым «воробьем», которого на «мякине не проведёшь». Он отправил на переговоры с незваными гостями своего племянника. Едва юноша переступил порог, как в него вонзились два кинжала. На крик выскочил хозяин и ударом сабли положил на месте одного чеченца, а другого скрутили сбежавшиеся на крик соседи. На допросе с пристрастием последний признался, что подослан Грековым. Его посадили в яму, чтобы уморить голодом. «Но какая польза от его смерти, — рассуждал предводитель чеченцев, — не лучше ли приказать ему убить Грекова, а чтобы не вздумал хитрить, взять заложником его сына».

Отпуская чеченца, Бей-Булат сказал ему:

— Жизнь твоего сына теперь в моих руках; помни, ты можешь выкупить её только головою Грекова, но если не удастся, привези мне триста рублей серебряными монетами, иначе он умрёт.

Бей-Булат знал, что его пленник не в состоянии собрать такую сумму, поэтому будет стремиться убить Грекова.

Чеченец отправился прямо к Грекову, и, когда тот его принял, поведал ему, что с ними приключилось. Николай Васильевич посмотрел на него пронизывающим взглядом и сказал:

— Вижу по твоим глазам, что ты не всё мне сказал: тебе при казано убить меня!

Чеченец задрожал от страха, рухнул на колени и рассказал всё. Греков дал ему триста рублей на выкуп сына. После этого случая он стал верным слугой генерала. Правда, служить осталось недолго…

«Сегодня Грекову не удалось убить меня, — думал Бей-Булат, — а что если в следующий раз *он подошлёт ко мне убийц* более проворных? Похоже, надо мириться с Ермоловым».

Бей-Булат отправился в Дагестан, встретился с Ермоловым, раскаялся во всех своих грехах и пообещал ему подчинить русской власти всё непокорное население Чечни.

— Хорошо, Бей-Булат, кто старое помянет, тому глаз вон; отправляйся в крепость Грозную и продолжай служить его величеству.

Несмотря на просьбу Алексея Петровича обойтись с ним ласково, Николай Васильевич, знавший Бей-Булата как непримиримого и опасного врага России, принял его холодно. Право же, *и были причины: раскаявшийся разбойник потребовал* подчинить ему всех чеченцев и предоставить право налагать на них денежные штрафы. Только при выполнении этих условий он гарантировал спокойствие во вверенном ему округе.

Кроме того, Бей-Булат требовал выплаты ему жалованья за всё время его якобы вынужденного отсутствия.

На все его требования генерал-майор Греков ответил:

— Надо сначала заслужить, а потом требовать или ожидать награду. Впрочем, жалованье будет выдано тебе, но не раньше, чем ты доставишь ко мне аманатов.

Они расстались врагами. Бей-булат удалился в горы и принялся возмущать чеченцев{595}. Греков сообщил об этом Ермолову. Если бы Алексей Петрович знал, к чему приведёт прощение разбойника, он непременно повесил бы его.

В конце 1824 года по Чечне поползли слухи, распространяемые людьми Бей-Булата, что появился пророк, который весной избавит народ от власти неверных. Роль пророка сыграл юродивый Гаука, которого считали сумасшедшим, да он и

был таковым. Греков получил сообщение об этой, как выразился генерал, комедии слишком глупой, чтобы опасаться её серьёзных последствий.

Прошла зима. Наступила весна, а вместе с ней и срок явления чеченцам пророка. Вот уже вышли на свет и обосновались на лесной поляне Бей-Булат и его ближайший соратник мулла Махома. Вокруг них расположилась многочисленная толпа любопытных. Все надеялись на какое-то чудо. Но единственным чудом пока было то, что сумасшедший пророк исчез, как сквозь землю провалился. Народ, истомлённый ожиданием, начал роптать,

В России время от времени появлялись самозванцы, которые выдавали себя за хороших царей. Ко времени наместничества Ермолова никто уже не рисковал играть такую роль. Слава Богу, на дворе-то был уже XIX век! Иное дело, на Северном Кавказе.

Там мусульмане уже двенадцать столетий ожидали своего пророка Мансура. Последний раз он предстал перед ними в облике пастуха Ушурмы из чеченского аула Алды. А вот в образе сумасшедшего имама он явился, кажется, впервые, и увидели его прошлой осенью очень немногие, ибо он исчез. Что делать? Ответ на этот вопрос нашёл односельчанин Бей-Булата Махома, выдавший себя за имама.

То ли в шутку, то ли всерьёз он стал разыгрывать роль человека, одержимого религиозным экстазом. Он упал на землю, долго катался по траве и вдруг взревел страшным голосом:

— Правоверные, знайте: имам — это я! Я видел пророка, я слышал голос Аллаха, я послан избавить вас от неверных!

Как ни темны и невежественны были чеченцы, а разыгранный спектакль даже их привёл в недоумение. Чтобы не сорвать его окончательно, в игру вмешался Бей-Булат. Он схватил Коран и, бросившись к ногам Махомы, закричал:

— Народ! Я, Бей-Булат, клянусь, что видел собственными глазами ангела, сходящего с неба в огненном образе, когда этот святой муж молился в мечети! И он передал ему поручение Ал лаха представлять его на земле.

Кто-то уже поверил в новоявленного имама-пророка, а кто-то ещё сомневался, а все вместе требовали от него чуда. Махома на это спокойно сказал:

— Сначала грехи замолите, а потом ожидайте чуда. Со временем чудес будет много, но не всем дано распознать их.

Народ успокоился, удовлетворённый таким объяснением. По всем дорогам Чечни поскакали всадники, призывая правоверных поклониться пророку. Многочисленные толпы людей потянулись в Маюртуп, ставку святого. Здесь Бей-Булат объявил своим

сторонникам, что скоро на помощь им из Аварии придёт знаменитый Аммалат-бек. И в эту байку чеченцы тоже поверили: для них XIX век ещё не наступил.

В Маюртуп к пророку потянулись люди из многих районов Чечни и Дагестана, желавшие, чтобы он избавил их от власти русских. Всё это происходило под неусыпным надзором генерала Грекова. Выходит, святой человек Махома сотворил первое чудо. От него ожидали очередного.

Огромное разноплеменное мусульманское войско выступило из Маюртупа и скоро заняло аул Атаги, расположенный против крепости Грозной за Ханкальским ущельем. Повстанцы ликовали, не видя нигде неприятеля. Казалось, начало сбываться очередное предсказание Махомы, который говорил, что им даже не придётся драться с русскими, ибо он скажет заветное слово, и они убегут за Терек.

30 июля 1825 года. Утром этого дня Греков стянул свою конницу к крепости Грозной, усилил её двумя ротами егерей и выступил в поход. Ливень и сильный ветер затрудняли движение. Пушки и пехота вязли в грязи. Ханкальское ущелье отряд прошёл без единого выстрела. На подступах к Атагам увидели толпы мятежников, в страшном беспорядке убегавших за Гойту. В чём дело?

Как только мятежники получили сообщение, что идёт Греков, Махома по совету Бей-Булата вышел к народу и сказал:

— Теперь начинать бой не время. Уходите в лес за Гойту и ожидайте свершения чуда.

В одно мгновение аул Атаги и прилегающие к нему поляны опустели.

Греков с войсками вошёл в Атаги. Скоро сюда потянулись представители от населения ближайших аулов с заверениями, что они будут верно служить русскому правительству и никогда уже не пойдут за имамом. Генерал-майор сказал им:

— Воля ваша, если хотите лишиться своих очагов и испытать нищету, соединяйтесь с мятежниками. Вам известно, что я не знал поражений. Надеюсь, и теперь наказать разбойника Бей-Булата вместе с лжепророком Махомой, обманывающим народ.

В тот же день Греков вернулся в крепость Грозную. Этим воспользовался Бей-Булат, распустивший слухи, что русские бежали от одного взгляда святого имама, не причинив вреда ни одному чеченцу. Чем не чудо для слаборазвитых? Только теперь генерал-майор понял, какую допустил ошибку, не задушив мятеж в самом зародыше.

Дальнейшее развитие событий привело к поражению гарнизона небольшого укрепления Амир-Аджи-Юрт. Позднее

Алексей Петрович Ермолов, вспоминая годы службы на Кавказе, писал: «Взбешён я был происшествием сим, единственно от оплошности нашей случившимся. Ещё досаднее было, что успех сей мог усилить партию мятежников, умножив *число* верующих в лжепророка»[596].

Так оно и случилось. Мелкие поражения посыпались одно за другим. Сливаясь воедино, они создавали чрезвычайно неблагоприятное мнение о положении русских на Кавказе. Пиком всех неудач явилась гибель 18 июля 1825 года в Герзель-ауле генералов Николая Васильевича Грекова и Дмитрия Тимофеевича Лисаневича, павших от руки религиозного фанатика. Мятеж разгорелся с новой силой, втягивая окрестные чеченские деревни. Поэтому на театр этих событий отправился Алексей Петрович Ермолов.

Ермолов выехал из Тифлиса, будучи больным. Стояла изнуряющая жара, под влиянием которой ему стало хуже. Во Владикавказе он слёг окончательно, и врачи сомневались даже, выживет ли. Об этом каким-то образом стало известно мятежникам. Энергичный Бей-Булат соединил свои рассеянные силы под знамёнами лжепророка Махомы, искусно подстрекая чеченцев к бунту.

3 августа Алексей Петрович поднялся с постели и тотчас двинулся в Чечню. От Владикавказа до крепости Грозной он прошёл с одним батальоном Ширванского полка и тремя неполными сотнями донских казаков при двух орудиях, не встретив никакого сопротивления. По пути он ликвидировал несколько небольших русских укреплений, которые трудно было поддержать в случае необходимости из-за их удалённости от центров сосредоточения русских войск, а их малочисленные гарнизоны присоединил к своему отряду.

Грекову главнокомандующий доверял всегда. А вот генерала Лисаневича, последнего представителя цицияновской эпохи на Кавказе, недолюбливал и все неудачи русских в Чечне пытался приписать его «неспособности» командовать войсками. С этим, однако, не согласился государь. Вот что писал он своему наместнику:

«Разделяя мнение ваше, что причиною несчастья при Амир-Аджи-Юрте была оплошность капитана Осипова и что смерть генерала Аисаневича последовала от собственной его неосторожности, не могу, однако же, согласиться с тем, что сей генерал был неспособен к командованию…»[597]

Не очень ли высокой меркой судил наш герой своих соратников?

Дмитрий Тимофеевич был способен командовать войсками,

что не раз доказывал в прошлом. Он и в тот трагический день сумел рассеять многочисленные толпы мятежников и освободить Герзель-аул, имея смертельное ранение в голову штыком. Это Алексей Петрович, да простит его Бог, не сумел дать беспристрастную оценку хорошему генералу. С ним это случалось. И не раз. Кончина Лисаневича была трагична. Умирая, он сказал полковнику Сорочану: «Передайте генералу Ермолову — я человек бедный, служил государю тридцать лет… и не нажил ничего; пусть он не оставит детей моих и жену, тогда умру спокойно»{598}.

Я не знаю, как отнёсся Алексей Петрович к просьбе Дмитрия Тимофеевича, ушедшего из жизни на сорок восьмом году от роду. Неизвестно даже, где могила его…

* * *

Уже один слух о движении отряда во главе с Ермоловым действовал на население мятежных аулов гипнотически. Ещё вчера они, готовые драться, сегодня притихли. Вожаки поспешно бежали в горы, а остальные ожидали генерала, чтобы просить прощения.

Пройдя через Червлённую и Андреевскую, главнокомандующий значительно пополнил свой отряд за счёт тамошних войск. Это позволило ему немедленно приступить к перестройке крепости Внезапной, чтобы усилить её оборонительные способности. Во время этих работ в окрестностях города показались четыре тысячи чеченцев, рассчитывающих на сочувствие местных жителей. Но присутствие русских удерживало их от опасной измены. Поэтому Бей-Булат, погарцевав со своей конницей за линией выстрелов, ушёл обратно за Сунжу.

26 октября 1825 года полковник Сорочан нанёс страшное поражение коннице Бей-Булата на подступах к Грозной, положив сотни тел, скошенных картечью шести орудий и ружейным огнём. Мятежники удалились за Гойту. В районе крепости установилась тишина.

Между тем Ермолов привёл свой отряд в почти пустой Аксай, поскольку большая часть его жителей бежала в леса и в горы, боясь вернуться домой. Алексей Петрович объявил амнистию, но приказал разрушить старый город, а новый построить на берегу речки Таш-Кичу, куда он решил перенести Герзель-аульское укрепление.

Решительные действия Ермолова оказали отрезвляющее влияние на Дагестан. Самые сильные акушинцы не ответили на

призыв Бей-Булата и своим примером удержали от мятежа другие народы.

Расположив войска на отдых в гребенских станицах, Алексей Петрович приступил к подготовке зимнего похода, но прежде решил познакомиться с обстановкой в Кабарде, поэтому отправился в Екатериноград, чем решили воспользоваться чеченцы, как-то узнавшие о планах русского главнокомандующего.

Случилось это 20 ноября. Над землёй расстилался такой туман, что за несколько метров ничего нельзя было разглядеть. В этот день конница чеченцев численностью в тысячу всадников, достигнув Козиорского шанца, отправила на русскую сторону Терека партию в четыреста человек, чтобы убить Ермолова. Упустил, однако, этот отряд особого назначения свою жертву в сумраке пасмурного утра. Позднее Алексей Петрович признавался:

«В ясную погоду я был бы усмотрен с дальнего расстояния, и пришлось бы драться за свободу. Слабому конвою *моему* трудно было бы противостоять врагу, впятеро сильнейшему; но не думаю, однако, что для того только, дабы схватить меня, решились они на большую потерю, без чего нельзя было преодолеть казаков»{599}.

Огорчённые неудачей, мятежники бросились грабить казачьи хутора. Едва Ермолов прибыл в станицу Калиновскую, как туда пришло сообщение о набеге чеченцев. Сто двадцать гребенских всадников, сопровождавших главнокомандующего, а за ними и калиновцы с одним конным орудием помчались к Козиорскому шанцу, настигли грабителей и с саблями наголо устремились в атаку. Удар их был страшен…

В Екатериноградe Алексей Петрович получил достоверное известие о смерти императора Александра Павловича и поспешил в Червлённую, где находилась его штаб-квартира, и приступил к подготовке карательной экспедиции против горцев.

26 января 1826 года Ермолов с отрядом выступил из крепости Грозной, прошёл Ханкальское ущелье и занял аул Большие Атаги.

«В первый раз посетил я эти места и увидел труды генерала Грекова, — писал он, — едва видны были признаки леса, прежде непроходимого… Теперь обширная и прекрасная долина представляет свободный доступ в середину их страны, и уже нет оплота, на который они столько надеялись»{600}.

Войска расположились лагерем вокруг аула и постоянно вели перестрелку с неприятелем: во время рекогносцировки, на аванпостах и караулах. Порой чеченцы подступали так близко к селению, что могли обстреливать даже квартиру

главнокомандующего. Вот что писал он об этом в письме к другу:

«Со мною случилось забавное приключение: когда пули стали долетать до моего дома, повар отказался готовить мне обед, говоря, что он не создан стоять под пулями чеченскими; кажется, он хотел заставить меня думать, что меньше опасается пуль народов просвещённых»{601}.

На третий день «атагинского сидения» русских войск с правого берега Терека донеслись звуки выстрелов и крики радости, вызванные прибытием значительных подкреплений. Приехали, наконец, «пророк» Махома и отважный наездник Бей-Булат. Следовало ожидать решительных действий, и они неудержимо приближались.

Повстанцы дрались отчаянно, это надо признать, но каждый аул вступал в бой самостоятельно, поэтому решительных действий не получилось. Да и что мятежники могли противопоставить русским пушкам? Разве что «заветное слово» лжепророка и личную храбрость. Вот если бы Ермолов сначала разделил с ними своё оружие, а потом стал решать поставленные царём задачи, тогда дело другое, получилась бы вполне современная война, первая или вторая.

Вот как на основе донесений Ермолова на высочайшее имя историк Потто представил бой 30 января 1826 года на берегу Аргуна:

«В эту минуту вся чеченская сила обрушилась на батальоны Ширванского полка. Бой завязался отчаянный. Сам “пророк” Махома находился среди атакующих, муллы пели священные молитвы, ободряя мятежников. Дважды отбитый, неприятель бросился в атаку в третий раз, и это нападение длилось долее прочих. Орудиям приходилось действовать почти в упор, на расстоянии каких-нибудь десяти — пятнадцати саженей, и действие картечи было поистине ужасным. Сотни истерзанных трупов валились под самые жерла пушек, и те, кто бросался поднимать их, напрасно увеличивали собою потери.

Кровавые жертвы не остановили, однако, чеченцев, находившихся в религиозном экстазе; они прорвались за цепь русских гренадеров, и батальонам пришлось вступить в штыковую схватку. Все офицеры, *бывшие* в цепи, дрались наравне с солдатами. Сами мятежники говорили потом, что не помнят такой ожесточённой свалки.

Но вот стал подниматься туман, и неприятель, увидев грозные силы отряда, в страшном беспорядке бросился бежать за Аргун»{602}.

Вешками на пути движения карателей стояли на месте аулов печные трубы убогих чеченских саклей.

Карательная экспедиция Ермолова оказала своё влияние на развитие событий. Мятеж ещё не был до конца подавлен, но многие чеченцы уже стали покидать лжепророка. Между тем началась весенняя распутица, затруднившая движение пушек и обоза. Главнокомандующий расположил войска на отдых в казачьих станицах. Когда же установилась погода, он перешёл за Сунжу и продолжил работу, не законченную Грековым, — стал прорубать новые и расчищать старые просеки.

Постепенно с бунтом было покончено. Отдавая справедливость войскам, Ермолов писал в приказе по корпусу: «Труды их были постоянны, ибо надлежало ежедневно или быть с топором на работе, или с ружьём для охраны рабочих. К подобным усилиям без ропота может возбуждать лишь одна привязанность к своим начальникам, и сия справедливость принадлежит господам офицерам»{603}. Как видно, офицеров, подобных полковнику Шварцу, в его Кавказском корпусе не было.

Алексей Петрович вернулся в Тифлис.

А какова судьба основных героев мятежа? «Пророк» Махома исчез бесследно. Бей-Булат укрылся в горах. После Ермолова он снова вышел на сцену. Паскевич осыпал его подарками, что не отвратило его от прежнего ремесла. Исподтишка он продолжал совершать набеги на казачьи станицы. 14 июля 1831 года предводитель чеченцев пал жертвой кровной мести. Смерть его была платой за убийство Мехти-шамхала.

Не менее драматично развивались события в Причерноморье.

КАЗБИЧ ШЕРЕТЛУКОВ

Потерпев страшное поражение при Калаусском лимане, лидеры черкесов тешат себя надеждой на реванш и готовят народ к поголовному вторжению в пределы России. Черноморские казаки живут под постоянной угрозой вражеского нашествия. Генерал-майор Власов принимает меры, позволяющие ему встретить грабителей во всеоружии: назначает надёжных командиров, усиливает состав пограничных постов за счёт резервов, подтягивает к Кубани четыре конных полка, эвакуирует жителей некоторых хуторов под защиту войска. Противники стоят по разные стороны реки, готовые вцепиться друг в друга.

Анапский паша, опасаясь за последствия вторжения подвластных ему горцев в пределы России, задержал у себя их предводителей и таким образом на некоторое время погасил уже назревшее столкновение. Однако был среди черкесов лидер, который не согласовывал свои действия с действиями других и не считал нужным выслушивать советы турок. Это был главарь отряда шапсугов Казбич из известного рода Шеретлуковых.

Казбич… Удивительная, необыкновенная, исключительная во всех отношениях личность. Отличаясь огромным ростом, громким голосом, необузданным нравом и фантастической смелостью, он как магнитом притягивал к себе людей. В мгновение ока этот уже немолодой гигант, не отличавшийся ни особенным умом, ни красноречием, ни общительностью, мог собрать многотысячную толпу и совершить с ней удачный набег на русские селения за Кубанью.

В тот раз, когда шапсуги потерпели ужасное поражение, утопив в мутных водах Калаусского лимана более тысячи своих джигитов, Казбич в набеге не участвовал. Больше того, он всячески отговаривал от него других. Не послушали, однако, следствием чего и явилась та трагедия. Теперь к уже известным свойствам личности знаменитого разбойника прибавилось ещё суеверное представление народа о нём как о носителе военной удачи. Умер наш герой в глубокой старости, но от раны, полученной в молодости.

Пока другие предводители черкесов совещались с пашой в Анапе, Казбич несколько раз порывался переправиться через Кубань, но всякий раз натыкался на бдительные дозоры русских. Поэтому горцам пришлось смирить свои реваншистские устремления и отложить набег на русские селения на неопределённое время.

Власов очень внимательно следил за приготовлениями

разных черкесских отрядов к вторжению в Причерноморье. Максим Григорьевич решил упредить неприятеля. Переправив войска через Кубань, он 2 февраля 1822 года двинул их на шапсугские аулы, разбросанные по берегам небольших рек. В одном из них казаки нашли своего пленного товарища, закованного в кандалы и второпях *забытого бежавшими* горцами.

Через два дня Власов с войсками вернулся назад, оставив за спиной около полутора сотен больших и малых аулов, сожжённых казаками. Генерал-майор обратился к Вельяминову с ходатайством о поощрении отличившихся участников экспедиции. Начальник штаба Кавказского корпуса растолковал ему, что государь император является сторонником мирных отношений с соседями, а поэтому главнокомандующий не может испрашивать у него высочайших наград за подвиги. Однако от себя лично Ермолов отблагодарил всех в приказе по корпусу, особенно добровольцев.

Отныне шапсуги вынуждены были больше заботиться о собственной безопасности, чем об организации набегов на казачьи станицы, поскольку черноморцы сами стали ходить за Кубань и устраивать там засады. Это было тем более необходимо, что черкесы, не решаясь переправиться на правый берег, постоянно стреляли по русским часовым со своего — левого.

Не решаясь переправляться на русский берег большими силами, черкесы постепенно отладили механизм вторжения в пределы России небольшими группами. Впрочем, черноморцы не отставали от них, отвечая на каждый набег истреблением целых аулов вместе с их обитателями. Между прочим, дважды такие налёты на казачьи станицы возглавлял сам Казбич. В последний раз он был ранен саблей в висок и в шею и пикой в бок в бою под Тимошевским кутом.

Так и жили черноморцы и черкесы до 1825 года, то нападая, то отбиваясь друг от друга. 23 января знаменитый Казбич с отрядом в две с половиной тысячи шапсугов и абадзехов перешёл по льду Кубань и двинулся к Елизаветинской станице. Однако сильным ружейным и пушечным огонём и отчаянной атакой с ближайшего Александровского поста неприятель был остановлен и прогнан за реку. В некоторых же местах произошли столкновения, в результате которых восемнадцать казаков выбыли из строя по ранению.

1 февраля уже Власов явился с ответным «визитом» к Казбичу и стёр с лица земли несколько абадзехских аулов, а ещё через две недели та же участь постигла шапсугов. Основные же события развернулись в конце лета. Черкесы едва ли не каждый день проявляли намерение перейти Кубань, но всякий раз

черноморцы отбивали их попытки.

Столь же интенсивно противники обменивались ударами и в начале 1826 года. И всякий раз Власов опережал налётчиков. В Причерноморье установилось относительное затишье. Войсковые власти, обладавшие теми же возможностями, что и этот донской генерал, но не сумевшие оградить своих людей от погромов врага, завидовали ему и плели против него интриги. Последовал донос императору.

«С крайним неудовольствием узнал я о противозаконных действиях генерала Власова, превышающих степень первоначальных обвинений, дошедших до меня, — писал Николай I Ермолову. — Из донесений генерал-адъютанта Стрекалова ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобресть для себя и подчинённых знаки военных отличий лёгкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием…»{604}

Последовало высочайшее распоряжение отстранить Власова от командования Черноморским войском и предать его военному суду по месту жительства. Досталось и Ермолову за то, что подчинённый ему генерал-майор получил награду за то же самое дело, за которое теперь наказывался.

Власов уступил власть над Черноморским войском донскому генералу Василию Алексеевичу Сысоеву. Под давлением из Петербурга Ермолов запретил казакам переходить за Кубань и ограничиться исключительно охраной границы.

Между тем началась война с Персией, на которую Черноморское войско отправило один пеший и два конных полка, чем серьёзно подорвало свои силы. Это, однако, не подвигло черкесов на новые подвиги. Создавалось впечатление, что именно Власов был виновником всех прежних военных столкновений на Кубани. Но это не так.

Тогда же по повелению турецкого султана к расследованию причин постоянных конфликтов между черкесами и русскими приступил трапезундский паша, и он нашёл, что сами горцы и виноваты во всех столкновениях на Кубани. То ли признав справедливость такого вывода, то ли устав от постоянной вражды с соседями, они заявили о своей готовности жить с черноморцами мирно, если и те откажутся переходить на их берег.

Первые примирились с казаками абадзехи, потом другие. Начавшийся процесс не на шутку испугал султана. Он принимает меры к действительному подчинению черкесов своей власти. Его агенты кружат по Кавказу, приводят народ к присяге, берут от него аманатов, собирают подати, которые идут на содержание

анапского гарнизона. Горцы всячески уклоняются от этого, а шапсуги вообще не допускают их в пределы своей земли и даже оказывают вооружённое сопротивление, заявляя, что скорее покорятся России, чем будут данниками Турции. Вот почему на обоих берегах Кубани установилось затишье, а не потому, что от командования Черноморским войском был отстранён генерал-майор Власов, как утверждали его завистники.

Ермолов в это время всецело был занят делами Дагестана и Чечни. Ему не удалось оправдать своего генерала. Впрочем, над ним самим нависла угроза увольнения от должности главнокомандующего, но об этом речь пойдёт в следующей главе.

Суд полностью оправдал Власова, а император Николай I произвёл его в чин генерал-лейтенанта и назначил сначала походным, а ещё через несколько лет наказным атаманом Войска Донского. Объезжая в 1848 году свои владения, Максим Григорьевич в пути поймал холеру и умер в станице Усть-Медведицкой, где и был похоронен во дворе местного Божьего храма.

КАБАРДИНСКИЕ ДЕЛА

Ермолов, увязший в борьбе с непокорными чеченцами и дагестанцами, лет пять после вступления в должность наместника не имел ни сил, ни времени, чтобы серьёзно заняться кабардинскими делами, препоручив их заботам своих офицеров. А они ограничивались в основном тактикой сдерживания горцев, которая не всегда была достаточно эффективной.

Лишь в 1822 году главнокомандующий приступил к созданию Кабардинской линии, призванной оградить мирное население Прикубанья от неожиданных грабительских набегов горцев. Те, естественно, не остались равнодушными к попытке русских подчинить их своей власти и всеми силами стремились остановить строительство крепостей. Генерал Ермолов ответил на это предельно лаконично:

— О крепостях просьбы бесполезны. Я сказал, что они будут, и они строятся.

Линия сооружалась настолько успешно, что уже к осени могла служить надёжным оплотом против набегов кабардинцев. Она проходила от Владикавказа до верховий Кубани и состояла из крепостей, закрывавших выходы из Баксанского, Чегемского, Нальчикского, Черекского и Урухского ущелий, и многочисленных промежуточных постов. Эта мера заметно улучшала безопасность мирного населения.

Район же верховий Кумы и Малки оставался уязвимым со стороны Кабарды. Поэтому Ермолов решил заселить его линейными казаками. Но чтобы теперь же обезопасить его и прикрыть Минеральные Воды и Георгиевск, он восстановил Кисловодское укрепление, а в направлении к верховьям Кубани учредил сильные посты: в урочище Бургустан, у Ахандукова аула, у Каменного моста, в верховьях Тахтамыша и на реке Кулькужин.

Все аулы, располагавшиеся между Кумой и Малкой, были переселены за линию укреплений, на равнину. В результате кабардинцы оказались в окружении русских укреплений и в изоляции от своих соплеменников, оставшихся в горах, которых Ермолов назвал врагами Русского государства.

Кабардинцам, смирившимся с подчинением России, наместник гарантировал свободу совести и обычаев, владение равнинными землями, но требовал от них защищать границы империи от грабительских набегов своих горных соплеменников.

Ермолов учредил кабардинский суд, основанный на принципах обычного права, исключив его из компетенции магометанского духовенства. Для контроля же за ним назначил

особого русского чиновника. Наместнику не удалось, однако, запустить новую машину правосудия на полную мощность. Хуже того, после отзыва его с Кавказа она вообще остановилась. Только через два года кабардинский начальник полковник Подпрядов нашёл средство раскрутить её. Он ликвидировал ничтожный налог, взимаемый с населения на содержание судей, и таким способом заставил их исполнять свои обязанности за жалованье, выдаваемое из казны.

Минуло тридцать лет. Николай Николаевич Муравьёв (в то время уже граф Карский) писал Алексею Петровичу: «Я был в Нальчике, где устав ваш и прокламации служат единственным руководством для дел, встречающихся не только между кабардинцами, но даже и между племенами, живущими в горах. Край этот, через который прежде нельзя было проехать без сильного конвоя и пушек, ныне спокоен благодаря началу, положенному вами»{605}.

Ещё большую опасность, чем суд в руках магометанского духовенства, представляло аталычество, то есть передача сыновей кабардинских аристократов на воспитание в Турцию, откуда они, вырастая, возвращались, привозили непримиримую ненависть к православной России. Естественно, Ермолов не мог равнодушно смотреть на это. Его прокламация гласила: «Отныне впредь запрещается всем кабардинским владельцам и узденям отдавать детей своих на воспитание к чужим народам, но предписывается воспитывать их в Кабарде. Тех, кои отданы прежде, возвратить тотчас же»{606}. Чтобы сделать эту меру более действенной, кабардинцам было запрещено выезжать за пределы Кабарды без подорожной.

7 сентября 1822 года Алексей Петрович отправился в Тифлис, оставив вместо себя полковника Юрия Павловича Кацырева и известного своей легендарной храбростью штабс-капитана Нижегородского драгунского полка Александра Ивановича Якубовича. Первому он подчинил все войска в Кабарде, второму — казачьи резервы, расположенные в местах возможного прорыва горцев.

Теперь наступило время рассказать о некоторых подробностях жизни Якубовича на Кавказе, не попавших в общий рассказ о нём.

* * *

Вскоре после отъезда Ермолова в Тифлис к Кацыреву явился некий горец, который сообщил, что в верховьях Чегемского

ущелья скрываются беглые кабардинские семейства и за сходную плату согласился провести туда русские войска…

В ночь на 20 ноября небольшой отряд двинулся в путь. Авангард его возглавил штабс-капитан Якубович. Преодолев невероятные трудности, он спустился с кручи в ущелье и вступил в перестрелку с горцами. Услышав звуки боя, на помощь соратнику поспешил Кацырев, но ночная темень не позволила ему окружить кабардинцев. Тем не менее всё, что горело, было сожжено, всё, что осмелилось сопротивляться, было уничтожено. Русские пощадили только женщин и детей. Через шесть дней войска вернулись в Нальчик.

Всё последующее время для Якубовича было наполнено неустанной военной деятельностью. Командуя казачьими резервами на Малке, Баксане и Чегеме, он подчинялся только Кацыреву. Цель его пребывания там — не допустить вторжения горцев, оградить от их нападения кабардинцев, живущих на равнине, и держать под контролем Линию, совершая беспрерывные разъезды вдоль неё и пр. Александр Иванович буквально не сходил с седла. Нередко одного появления штабс-капитана в горах было достаточно, *чтобы* рассеять *уже* готовую к набегу партию неприятеля.

Якубович был человеком слова, и горцы ценили это. Они знали, что женщины и дети, попавшие в силу обстоятельств в его руки, будут непременно возвращены с почётом и без выкупа. Бывало, и сами отпускали русских пленных, не требуя вознаграждения. Злейшие враги России нередко были кунаками штабс-капитана и гордились его дружбой.

Александр Иванович знал обычаи горцев, их тактику горной войны. Он не отличался от них ни одеждой, ни вооружением и не уступал им в искусстве наездничества, а храбростью превосходил лучших кавказских джигитов. Капитан собственноручно поражал всякого, кто осмеливался вступить с ним в единоборство. В горах считали его заколдованным.

Однажды в горах во время переговоров с карачаевцами Якубович, раздражённый их упорством и несговорчивостью, взмахнул нагайкой и крикнул: «Прочь с глаз моих!» Несмотря на то что он был один среди сотни карачаевцев, никто не осмелился выстрелить в него: все разбежались от его грозного возгласа, как школьники от строгого учителя.

Декабрист Андрей Евгеньевич Розен, служивший на Кавказе, рассказывал со слов одного ветерана, что Якубович был родным отцом для солдат, добычу делил между ними справедливо, а себе никогда ничего не брал.

В Кабарде Якубович пробыл до весны 1823 года, после чего

был переброшен с казаками за Кубань, где под началом Алексея Александровича Вельяминова ему предстояло действовать против черкесов на берегах Большого и Малого Зеленчуков. Но уже близ переправы через реку он был ранен. Пуля раздробила ему череп над правым глазом. Александр Иванович лишился чувств. По отряду разнёсся слух, что штабс-капитан погиб.

Вопреки заключению докторов, Якубович через сутки с перевязанной головой ехал на коне впереди своих отважных конников, которые вчера вывезли раненого командира из боя. С этого дня, 28 июня 1823 года, до самой смерти нашего героя чёрная повязка прикрывала его незаживающую рану, которая часто вызывала у него приступы невыносимой головной боли и эпилепсии.

В продолжение всего похода он, по свидетельству Вельяминова, «не переставал отправлять самую деятельную службу и в сей день сражался с отличной, то есть с обыкновенной своей храбростью и благоразумием»{607}.

10 сентября 1823 года горцы потерпели поражение и понесли значительные потери. Лидеры черкесов, в то время подвластные анапскому паше, Алуков, Кара-Мурзин и Мамбетов были ранены. Берега Большого и Малого Зеленчуков были очищены от враждебного России населения. Теперь до самой Лабы лежало обширное пустое пространство, которое хотя и не исключало, но серьёзно затрудняло грабительские набеги на прилинейные казачьи станицы и крестьянские сёла. Что делать? Надеялись пожить за счёт ограбления мирных кабардинцев — не позволили войска Вельяминова, а точнее их арьергард под командованием Якубовича…

Скоро, однако, Вельяминов уехал в Георгиевск, уступив свои войска грозному полковнику Кацыреву. Якубович отправился на операцию в Медико-хирургическую академию, но угодил в Сибирь. Скончался он в Енисейске в 1845 году.

* * *

Кацырев, уверенный в себе, отпустил домой два полка Черноморского войска на помощь генерал-майору Власову, а сам стал готовить своих героев к выступлению против горцев. Многие аулы закубанцев, считавшиеся мирными, спешно стали переселяться в горы. Юрий Павлович поднял свой отряд и пустился в погоню, но слишком задержался на переправе и опоздал. Джембулат Айтеков успел увести своих людей в горы, а потом буквально опозорил его войска, но об этом позднее. И всё-

таки результатом экспедиции полковника была просьба черкесов принять от них присягу на подданство России.

Юрий Павлович Кацырев убеждал начальство, что черкесы бежали в горы, оставив на равнине неубранные хлеба, спасаясь от наказания за разорение русских селений. Теперь же голод заставил беглецов раскаиваться. Конечно, их можно простить и принять присягу на подданство России, но при условии, что они переселятся на правый берег Кубани и возьмут на себя обязательство защищать себя от набегов грабителей.

Горцы не приняли этих условий.

Кабардинцы тоже заявили о своей готовности покориться русским, но при условии, что они сроют крепости, построенные в 1822 году, отодвинут войска от гор и позволят им вершить суд по шариату. На переговоры с Ермоловым отправился князь Арслан Бесленеев с большой свитой. Главнокомандующий принял только его, не считая «приличным» говорить с другими.

— Господин Бесленеев, виновные должны просить о прощении, а не выдвигать условия, — сказал Ермолов, — они могут надеяться на великодушие русского правительства; вы, конечно, понимаете, что несправедливо предоставлять больше выгод изменникам, нежели тем, кто подчиняется нам беспрекословно.

Бесленеев легко согласился с доводами главнокомандующего:

— Ваше высокопревосходительство, я прежде ни разу не бывал у русских начальников, поэтому не мог судить о вас. Теперь я получил о русских совсем другое понятие и могу возвращаться в Кабарду.

Какое новое понятие о русских получил Арслан-бек Бесленеев, трудно сказать. Возможно, князь искренне хотел примириться с русскими, но современники утверждают, что анапский паша запретил ему идти на уступки. А может, сами горцы не пошли за ним. Поэтому взаимные набеги продолжались и заканчивались обычно не в пользу горцев, хотя и без серьёзных людских потерь с их стороны.

С осени 1824 года восстание в Кабарде начало шириться. Русские, пытаясь упредить неприятеля, время от времени нападали на аулы горцев, но всегда находили их пустыми. 14 сентября известный лазутчик Али-Мурза сообщил Вельяминову через курьера, что анапский паша с большой партией черкесов, стоящей между верховьями Лабы и Урупа, ожидает лишь прибытия пушек, чтобы напасть на селение Тахтамышское, разорить его, а жителей угнать в горы.

20 сентября черкесы *снялись с* места и выступили в поход, но

куда, неизвестно. Русские готовились нанести удар черкесам отрядами донских полковников Победнова и Исаева с двух сторон Тахтамышского аула. Бой, однако, не состоялся. Лазутчик обманул наших героев. Впрочем, они и не рвались отличиться, всячески избегая столкновения с неприятелем, чем и воспользовались горцы, уничтожив защитников нескольких укреплённых постов Кабардинской линии: одних сожгли заживо, других перебили. Вот что писал в связи с этим генерал-лейтенант Вельяминов в приказе по вверенным ему войскам от 20 ноября:

«Уклонение полковника войска Донского Победнова от сражения не позволяет иметь к нему ни малейшего доверия, а потому кордон, состоящий под его начальством, поручается командиру Кубанского казачьего полка подполковнику Степановскому.

Не более похвалы заслуживают и действия полковника Исаева, который употребил всё искусство, чтобы не встретиться с неприятелем. Подобные действия также не внушают доверия, и кордон, находящийся под его начальством, поручается войсковому старшине войска Донского Грекову 14-му».

В рапорте на имя Ермолова Вельяминов выражал надежду, что новые командиры будут действовать лучше, ибо хуже того, что сделали Победнов и Исаев, «ничего сделать невозможно»{608}.

Такого унижения, какому подверг Джамбулат русские войска, Юрий Павлович Кацырев не испытывал никогда. Уже в декабре он с казаками был за Кубанью, о чём не догадывались даже самые близкие к нему люди, не говоря уже о горцах. В наказание за их вероломство он напал на темиргоевские пастбища и отбил у Мисоста Айтекова тысячу лошадей. Так и действовали, соревнуясь друг с другом в коварстве и жестокости. Нет необходимости описывать все факты, но на одном из них стоит остановиться, ибо он позволяет определить отношение к нему Ермолова.

В то же время, когда донские полковники Победнов и Исаев маневрировали, обманывая друг друга и избегая встречи с черкесами Джембулата Айтекова, произошёл случай, характерный для эпохи утверждения русского владычества на Кавказе.

21 сентября черкесы скрытно перешли Кубань у Каменного моста и столь же скрытно двинулись по берегу Малки. Здесь к ним присоединились кабардинцы во главе с Джембулатом Кучуковым, которого считали преданным России. Через неделю эта огромная ватага напала на станицу Солдатскую.

Погода стояла скверная, шёл дождь. Тем не менее на рассвете почти все казаки отправились на работу в отдалённые поля. В

станице же остались одни женщины, старики и малые дети. Восемь человек черкесы убили «и принялись обшаривать дома, — рассказывала уцелевшая казачка, — перины повытащили, сундуки разбили, пух с подушек повыпустили, даже рушники — и те посдирали со святых образов, но особенно накидывались на всякое железо: на топоры, косы и гвозди. Навьючили они всем этим добром своих лошадей и зажгли избы. Тут они добрались и до нас, баб, спрятавшихся в саду, и всех забрали»{609}.

По официальным данным, черкесы и кабардинцы увели с собой сто тридцать человек. Благодаря сырой погоде домов сгорело всего десять, в том числе небольшая церквушка, больница и хлебные амбары.

Оставив разграбленную станицу, черкесы перешли Малку и, никем не преследуемые, потянулись к Баксанскому ущелью. Пройдя ещё сутки, они оказались у входа в ущелье Чегемское, где наткнулись на подполковника Булгакова, который с ротой пехоты и артиллерией следовал к Малке. Грабители казачьей станицы бросились в горы. Но он не стал их преследовать, несмотря на открытое возмущение его солдат. Ермолов, находившийся на Линии, с беспощадной откровенностью писал ему:

«Мне надо было проехать через всю Кабарду, чтобы удостовериться, до какой степени простиралась подлая трусость ваша, когда, встретив шайку, уже утомлённую разбоем и обременённую добычей, вы не осмелились напасть на неё. Слышны были голоса наших людей, просящих о помощи, но вас заглушила подлая трусость; рвались подчинённые ваши освободить соотечественников, но вы удержали их. Из их головы теперь нельзя изгнать мнения, что вы подлый трус или изменник. И с тем и с другим титулом нельзя оставаться среди людей, имеющих право гнушаться вами, а потому я прошу успокоить их поспешным отъездом в Россию. Я принял меры, чтобы, проезжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями. Примите уверение в том почтении, какое только вы заслуживать можете»{610}.

Это послание было написано под свежим впечатлением от полученной информации, сгоряча. Однако и по прошествии десятилетий Алексей Петрович не остыл, не отказался от своего прежнего мнения о Булгакове.

«Трусость подполковника Булгакова, — писал Ермолов, работая над своими мемуарами, — не позволила наказать хищников, ибо, догнав их в тесном ущелье, обременённых добычей и пленными, имея у себя достаточно сил и пушки, не решился атаковать грабителей. Солдаты явно негодовали за сию робость; я назначил тотчас другого начальника и, вразумительно

изъяснившись насчёт подлой его трусости, приказал ему подать прошение об отставке…»{611}

Трусость Булгакова имела чрезвычайно тяжёлые последствия. Черкесы, ушедшие в Чегемское ущелье, не ограничились разгромом станицы Солдатской, уже в начале октября они предприняли ряд набегов на аулы, расположенные по берегам Черека и Баксана, обитатели которых хотели жить в мире с русскими, опустошили их сакли и угнали скот. В погоню за ними пустился сам кабардинский валий князь Кучук Джанхотов. Он нагнал грабителей и отобрал почти всё увезённое ими имущество.

Немало горя принесли равнинным кабардинцам горцы Магомета Атажукина, упомянутого выше приятеля капитана Александра Якубовича, чудившего в это время в Петербурге перед отправкой на каторгу. В ночь на 8 октября они сожгли несколько аулов, расположенных по берегам Баксана, а их обитателей увели в Чегемское ущелье. На Линии поднялась тревога. Наперерез поджигателям пустился майор Тарановский с небольшим отрядом. Ему удалось отбить большую часть людей и почти весь обоз грабителей.

Тарановский потерял при этом семь человек убитыми и ранеными. Черкесы понесли значительно больший урон. Был убит абадзехский кадий и тяжело ранен князь Магомет Атажукин, лихие набеги которого на Линию русские помнили и десятилетия спустя.

Между тем на Кубань стягивались русские войска. Они перекрыли черкесам все пути выхода из Чегемского ущелья. Осталась единственная тропа, проходившая через перевал, покрытый нетающим снегом. Почти сорок лет назад его преодолел в это же время года легендарный чеченский «пророк» Мансур, оставивший на вершине немало окоченевших трупов своих соратников{612}.

Дорого обошёлся этот переход черкесам. Впрочем, и русским пленникам, которых на каждого горца «досталось по девке и по мальчику», — тоже. Многие из них замёрзли на перевале, а следы выживших навеки затерялись на чужбине, на невольничьих рынках и в гаремах мусульманских стран.

«Черкесы пошли через Карачай, — рассказывала бывшая пленница, — и там, у карачаевцев, они продали и променяли всё награбленное, что им не годилось. От Кубани нас повели у самых снеговых гор. Так шли мы шесть недель и вышли почти под Анапу… Там-то по долинам и по ущельям черкесов кишмя кишит — аул подле аула стоит»{613}.

Набеги черкесов и горных кабардинцев на русские станицы и

сёла продолжались. Даже прибытие на Кубань грозного Ермолова не остановило их. 29 октября, то есть ровно через месяц после опустошения Солдатской, партия в пятьсот человек во главе всё с тем же Джембулатом Кучуковым перешла реку у Прочного Окопа, разгромила казачий пост и устремилась к русским сёлам, опустошая всё на своём пути, забирая в плен людей и угоняя полковых лошадей. Начальник штаба Кавказского корпуса Вельяминов понял, что без хорошо организованной разведки просто невозможно предупреждать быстрые и неожиданные вторжения неприятеля.

В декабре Джембулат повторил набег, но солдаты и казаки на этот раз встретили его во всеоружии. Путь отступления грабителей был усеян их трупами.

Воспоминания современников буквально пестрят описаниями подвигов русских солдат и казаков, которым самоотверженно помогали женщины. Одна из них с нарочитым равнодушием поведала об этом заинтересованному путешественнику, а тот записал её рассказ и позднее опубликовал его в популярном журнале. Вот несколько строк из повествования отважной «амазонки», как назвал её мемуарист:

«Мы, бабы, нанимаемся для перевозки всякой рухляди… В тот раз я везла *из Екатериноградa во Владикавказ* патроны, другие муку. Оказия была сильная. И вдруг со всех сторон налетели черкесы… Ведь они были бы не так уж страшны, да уж визжат больно. Господи? *Какой визг подняли!.. Шашки наголо* — и летят!.. Мы скареились, да из-за арб и давай их душить. Отобьёмся, отобьёмся, смотрим: опять летят!.. Дадут залп из ружей — ив шашки!.. А прорваться в карею не могут: за арбами и фурами нашим ловко было отсиживаться. Вдруг слышим конвойные кричат:

— Патроны кончились!

Мы, бабье дело, да не будь плохи, разбили тюки и давай разносить патроны-то! И, вот как я подавала уже скушенный патрон солдату, *пуля* и отшибла мне палец: вот видите? Зато теперь я получаю пенсион и полный паёк — Государь так приказал…»

Начальника конвоя унтер-офицера Пучкова Ермолов представил к чину прапорщика и к ордену Святого Георгия 4-го класса. Солдат государь наградил денежным жалованьем.

Ермолову стало известно, что виновниками разорения станицы Солдатской были сын кабардинского валия Джембулат Кучуков и князья Канамир Касаев и Росламбек Батаков. Главнокомандующий приказал Вельяминову примерно наказать разбойников. Начальник штаба вызвал их в Нальчик. Весть об

этом разнеслась по равнинным и горным аулам. Горцы как один человек сели на коней и поехали спасать своего старого, любимого, уважаемого всеми вождя.

Валий Кучук и без того был несчастен. Он уже потерял старшего сына, утонувшего на переправе через Кубань. Второй его отпрыск погиб где-то недалеко от Георгиевска. Теперь вот смертельная угроза нависла над последним наследником, изменившим клятве на верность, данной его отцом России. И всё-таки старик приказал Джембулату готовиться к поездке в Нальчик. Не буду описывать драматизм их встречи с Вельяминовым. Скажу лишь, что все упомянутые организаторы разбойничьего набега на станицу Солдатскую были взяты под стражу, но не обезоружены. Почтенного правителя Кабарды начальник штаба принял в своём кабинете с достойным его титула вниманием.

— Здравствуй, Кучук, — сказал Вельяминов, протягивая валию руку. — К сожалению, я не могу радоваться свиданию с тобой. То, что я скажу, тебе будет больно слушать, а мне не приятно говорить.

Алексей Александрович указал старику на стул у окна. Оба сели. Кучук бросил взгляд на улицу и увидел, что дом, в котором находился под стражей сын Джембулат, окружён солдатами.

После минутного молчания Вельяминов сказал старику:

— Кучук! Твой сын забыл о присяге, о милостях его величества и о дружеском отношении к тебе Ермолова, забыл свой долг и честь и, как разбойник, напал на наши деревни. Он уже арестован. Тебя, как валия и отца, я прошу узнать, может ли он хоть что-нибудь сказать в своё оправдание.

— Виноват ли мой сын или нет, ты знаешь это лучше меня. *Об* одном прошу: избавь отца от печальной обязанности говорить с ним. Трудно мне быть исполнителем наказания, а ещё труднее подвергаться стыду, если встречу непослушание с его стороны.

— Я сделаю это, — сказал Вельяминов, — из уважения к тебе. Но мои средства для достижения цели заключаются в силе, которая не гнёт, а ломает; твоё средство — любовь, думаю, отцовское сердце сумеет преодолеть упрямство сына, поэтому участь его я вверяю отцу.

Вельяминову явно не хотелось прибегать к крайнему средству, и старик, кажется, почувствовал это. У него появилась надежда на благополучный исход дела. Он пошёл к сыну. Джембулат сидел на широкой деревянной скамье и чистил ружьё. Молодой человек встал и поклонился отцу.

На лице старика не отразилось тревоги. Он был спокоен.

— Джембулат, — сказал он, — ты арестован по приказу

русского начальника, и я пришёл взять у тебя оружие.

— Не отдам! — твёрдо сказал Джембулат.

— Не сметь противоречить валию и отцу! — прикрикнул Кучук.

— Оружия не отдам, — прохрипел Джембулат.

— Ты нарушил клятву, ты воровски, не как князь, а как разбойник, поднял оружие против тех, кому твой отец, твой повелитель, глава кабардинского народа беспрекословно повинуется. Что скажешь ты в своё оправдание?

— Оружия не отдам! — твёрдо сказал Джембулат после продолжительного молчания. — Таково предопределение Аллаха.

— Кучук, ты знаешь, со мною шутки плохи, — сказал Вельяминов, понявший, что миссия отца провалилась. — Не хочу знать, что побудило твоего сына к измене, но знай, его спасение — в слепом повиновении… Больше надеяться ему не на что…

Кучук ещё раз попытался уговорить сына повиниться и сдать оружие. Он застал его стоящим в центре комнаты с заряженной винтовкой. В эту минуту дверь отворилась — вошёл комендант Нальчика.

— Гяур! — неистово закричал Джембулат и бросился на него с обнажённым кинжалом.

Кучук заслонил собой коменданта и выбил кинжал из руки сына. Последняя надежда спасти его рухнула. Старик вернулся в кабинет Вельяминова.

— Генерал, я сделал всё, что от меня зависело, теперь по ступай, как велит тебе долг твой и совесть, — сказал валий и опустился на стул у окна.

Вельяминов позвал адъютанта и приказал разоружить арестованных князей.

Солдаты подступили к дому, в котором находился Джембулат. Из окна раздался выстрел, за ним другой. Двое служивых упали.

Неукротимый Джембулат вышиб ногою окно и вместе с Касаевым прыгнул вниз с шашкой наголо. Раздался залп — оба мятежника пали замертво. Росламбек сдался. Он не стрелял и пытался уговорить своих товарищей. Не смог.

Валий встал и начал прощаться с Вельяминовым.

— Кучук, такому человеку, как ты, — сказал генерал, — ни кто не посмеет отказать в уважении. И я почитаю сие за счастье, — и низко склонил голову перед стариком{614}.

Они расстались.

Валий вышел, приказал трогаться, и сам возглавил свой конвой. Он молчал. И никто не смел нарушить молчание старика, только что потерявшего последнего своего сына. Кабардинцы не

могли не осознавать, что сам Джембулат и был виновником своей ничем не оправданной гибели. Вельяминов имел полное право написать в донесении Ермолову:

«Кабардинцы, хотя и опечалены смертью Джембулата Кучукова, но хорошо понимают, что лишь упорство его и неукротимый характер были причиной оной. Надеюсь, что происшествие сие не произведёт никаких лишних беспокойств, а, напротив того, многих воздержит от опасных предприятий»{615}.

Смерть Джембулата Кучукова послужила темой для преданий и всевозможных рассказов о нём, впрочем, ныне забытых.

Вельяминову предстояло совершить объезд Кабардинской линии, и он послал курьера за батальоном пехоты и двумя орудиями. Нет, не из-за страха, которого он не знал, а чтобы не изменять своему правилу — быть сильнее обстоятельств. Однажды ночью его разбудил адъютант и подал ему записку от Кучука. Валий писал: «Генерал! Ты изъявлял желание доказать мне своё доверие. Вот теперь представился такой случай. Дорога на Линию тебе кажется опасной, и ты потребовал себе конвой из Екатериноградa. Прошу тебя, доверься моим пятистам кабардинцам, которых я тебе посылаю. Они проводят тебя до места»{616}.

Вельяминов не имел выбора. Он должен был принять предложение валия и принял его. На рассвете нового дня начальник штаба Кавказского корпуса выехал из Нальчика. За ним, надвинув на глаза папахи, следовала партия кабардинцев. Никто не проронил ни слова. Слышен был лишь глухой стук копыт огромного конвоя.

Кабардинцы признали власть империи. Со времени гибели Джембулата Кучукова и до начала войны с Персией и Турцией ни одного акта насилия над жителями Прикубанья они уже себе не позволяли.

Глава тринадцатая.
ДВА ЛИКА ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА

НА ПОДОЗРЕНИИ У ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ

Авторитет Ермолова среди подчинённых непререкаем, и всё-таки уверенность покидает всесильного «проконсула Иберии», его страшат трудности, на которые прежде пускался он решительно, опасается завистников и клеветников, превратно истолковывающих все «благонамеренные действия» главнокомандующего. Врагов у него всегда хватало.

— Когда их было много, — признавался Алексей Петрович великому князю Константину Павловичу, — я их ещё считал, а когда их стало слишком много, перестал даже думать о них.

«Ермолов был неуступчив и шероховат в сношениях с высшими сановниками, — вспоминал о нём один из современников, — резко писал, а ещё резче высказывал им свои убеждения, нередко шедшие вразрез с петербургскими взглядами, а сарказм его, на который он не скупился, задевал за живое очень многих сильных мира сего»{617}.

Только враг отечества мог рекомендовать для Кавказа такую глупость, писал однажды наместник в Петербург, делая вид, что не знает автора рекомендации, но явно метя в министра иностранных дел графа Нессельроде. Ермолов мог упражняться в остроумии, пока был жив Александр I, да и то в известных пределах. Государь высоко ценил интеллектуальные способности и военные дарования своего генерала, поэтому многое ему прощал. Но в конце его царствования проявление такой смелости стало очень опасным и для него.

Алексея Петровича одолевают мрачные предчувствия, и он делится ими с Петром Андреевичем Кикиным: «Я, не шутя, ожидаю смены, которая, может быть, и потому нужна, чтобы дать место кому-нибудь из клиентов людей могущественных… Нельзя без некоторого героизма прожить в здешней стране долгое время, зная, что каждое *твое* действие отравляет клевета»{618}.

Впрочем, он готов *был уйти* в отставку еще пять лет назад, но только по собственному желанию, а не по воле сверху. Популярность наместника стала пугать некоторых в Петербурге. Он оказался на подозрении у верховной власти. Не случайно именно в это время Александр I писал брату Николаю Павловичу:

«Ходят слухи, что пагубный дух вольномыслия разлит или, по крайней мере, разливается между войсками, что в обеих армиях равно, как и в отдельных корпусах, есть в разных местах тайные общества или клубы, которые имеют притом тайных миссионеров

для распространения своих идей: Алексей Ермолов, Николай Раевский, Павел Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников и полковых командиров»{619}.

Как видно, в списке неблагонадёжных Ермолов занимает первое место. С такой репутацией Алексею Петровичу стало трудно служить даже «великому государю» Александру Павловичу, который много лет покровительствовал этому оригинальному во всех отношениях генералу, а теперь вот заподозрил его в симпатиях к членам тайных обществ.

Великий князь и сам хорошо понимал, какое «на Кавказе необыкновенное влияние на войско» имеет Ермолов, и «решительно опасался, как бы он не вздумал когда-нибудь отложиться» от России{620}. Его высочество опасался напрасно. Алексея Петровича даже наедине с самим собой не могла посетить такая мысль. Не сложились у них отношения еще со времени парада русских войск на Каталунских полях *близ* Парижа, когда Алексей Петрович как мальчишку отчитал Николая Павловича, состоявшего тогда под его началом.

19 ноября 1825 года в Таганроге скончался Александр I. Узнав о смерти императора, великий князь Константин Павлович принял безоговорочное решение отказаться от престола в пользу младшего брата Николая, на чем настаивал при жизни государь, и уведомил об этом царицу-мать Марию Федоровну.

Восемь дней потребовалось фельдъегерю, чтобы доставить сообщение о смерти государя из Таганрога в Петербург — скорость невероятная. Получив это известие, генерал-губернатор столицы Михаил Андреевич Милорадович, запугивая Николая возмущением гвардии, буквально заставил его присягнуть Константину и приказал привести к присяге войска столичного гарнизона…

Позднее ситуация разъяснилась. На день 14 декабря 1825 года была назначена присяга Николаю I. Несколько раньше будущий царь написал в Таганрог Дибичу, бывшему в свите покойного: «Послезавтра поутру я — или государь, или — без дыхания. Я жертвую собой по повелению брата; счастлив, если как *подданный* исполню волю его. Но что будет в России! Что будет в армии! Господин Толь здесь, и я пошлю его в Могилёв с сим известием… и ищу доверенного для такого же назначения в Тульчин и к Ермолову. Словом, надеюсь быть достойным своего звания не *боязнью* или *недоверчивостью,* но с надеждою, коль я долг свой исполнил, то и все оный ныне передо мною выполнят. Я вам послезавтра, если *жив буду,* пришлю сам ещё не знаю, кого с уведомлением, как всё сошло. Вы также не забудьте меня

уведомить обо всём, что у вас или вокруг вас происходить будет, *особливо у Ермолова… Я, виноват, ему менее всех верю»*{621}.

До Кавказских гор эта весть еще не дошла. Наши герои занимаются обычным делом, то есть изнывают от безделья, и готовятся к очередной экспедиции против горцев. 7 декабря 1825 года А.С. Грибоедов писал С.Н. Бегичеву: «Пускаюсь в Чечню, Алексей Петрович не хотел, но я сам ему навязался. Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгревов *[английских ракет];* будем вешать и прощать и плевать на историю.

Насчет Алексея Петровича объявляю тебе, что он умнее и своеобычнее, чем когда-либо. Удовольствие быть с ним покупаю смертельною скукою во время виста, уйти некуда, все стеснены в одной комнате; но потом за ужином и после до глубокой ночи разговорчив, оригинален и необыкновенно приятен. Нынче, с тех пор как мы вместе, я еще более дивлюсь его сложению телесному и нравственному. Беспрестанно сидит… окружен глупцами и не глупеет»{622}.

Как видно, восторженное отношение циничного Грибоедова к Ермолову все еще не прошло. Напротив, усилилось. О чем говорили «за ужином и после до глубокой ночи», понятно. А вот кто отстаивал какую позицию, из письма не видно.

Вечером 13 декабря 1825 года Ермолов, начальник штаба Кавказского корпуса Вельяминов, российский поверенный при персидском дворе Мазарович и другие находились в станице Екатериноградской на Тереке. Грибоедов читал им только что оконченную комедию «Горе от ума». Разошлись поздно. Не успели расположиться на ночлег, как явился фельдъегерь из Петербурга с известием о смерти Александра I.

Некий офицер Грузинского корпуса, вызванный к главнокомандующему, с которым довелось побеседовать историку Михаилу Петровичу Погодину, застал его в постели со слезами на глазах. «Скончался мой благодетель», — сказал он и распорядился срочно отправить фельдъегеря в Тифлис с повелением приводить к присяге императору Константину войска тамошнего гарнизона{623}.

Поутру 14 декабря присягнули на верность новому императору все войска Кавказского корпуса, ожидавшие приказа выступить в Чечню. А в Петербурге в этот день одни клялись на верность Николаю, а другие, спровацированные Милорадовичем, пытались помешать этому, поставив ничего не понимающих солдат под пули и картечь правительственных войск{624}.

Получив известие о вступлении на престол великого князя Константина Павловича, Алексей Петрович сообщил об этом в

Тегеран. Фетх-Али-шах ответил, что известие о кончине императора Александра I он воспринял *«как вихрь, разносящий пыль горести в цветник души»,* а вступление на престол нового императора — *«как зефир радости, освежающий садик приятной весны»*{625}. Правитель Персии сразу же отправил в Тифлис мирзу Мамед-Садыка для переговоров о разграничении земель, надеясь, что новый царь будет более сговорчив.

Генерал-лейтенант Вельяминов, которому наместник поручил вести переговоры, обещал донести требования персиян до министра иностранных дел Нессельроде. Что же касается вопроса об уступке каких-либо провинций, отошедших по Гюлистанскому миру к России, генерал Ермолов не может присвоить себе права, принадлежащие исключительно императору. Вот как начальник штаба корпуса мотивировал свою позицию в письме в Тегеран:

«Таковое присвоение всеми законами в мире признано преступлением, и я бы почёл себя слишком виноватым перед вашим величеством, если бы мог когда-либо подумать, что вы будете требовать от генерала Ермолова измены своему государю. Великим монархам таковые требования несвойственны»{626}.

После столь категоричного ответа шах решил отправить посольство в Петербург. Отказать ему в этом Алексей Петрович не мог. Поэтому поручил Вельяминову сообщить персидскому правительству, что по случаю кончины императора Александра I при дворе объявлен продолжительный траур, в течение которого никакие дела в министерствах рассматриваться не будут, тем паче новым государем. А по завершении его посол соседней великой державы, конечно, будет принят соответственно его сану.

Восстание в столице было подавлено. М.А. Милорадович, вызванный из-за утреннего стола танцовщицы Е.А. Телешевой, вынужден был призвать солдат к порядку. Его пламенную речь прервал выстрел декабриста П.Г. Каховского. Трудно сказать, чем бы кончилась для него эта авантюра, останься губернатор жив. Не исключено, что он составил бы компанию на эшафоте П.И. Пестелю, К.Ф. Рылееву и их товарищам. А может, следствие пошло бы по совершенно иному пути. Кто знает…

Манифест о восшествии на престол Николая Павловича Алексей Петрович получил в походе. Допустив ошибку в первый раз, он не стал спешить с присягой новому императору, чтобы снова не попасть в щекотливое положение. Эта задержка породила ряд нелепых слухов. Говорили, будто генерал Ермолов со своим Кавказским корпусом идет на соединение с мятежниками. Естественно, слухи не подтвердились.

Опытный полководец не мог не понимать, что любая его попытка развернуть наступательные действия против

правительственных войск обречена на неудачу. Впрочем, у него и не могла возникнуть такая мысль.

Вскоре фельдъегерь Дмитриев привез на Кавказ известие об отречении Константина Павловича и восшествии на престол Николая I. Он застает главнокомандующего в окружении ближайших сотрудников, в сюртуке, раскладывающим пасьянс. Ермолов принял бумаги от курьера и передал их находившемуся рядом адъютанту.

— Читай, — сказал генерал, продолжая раскладывать пасьянс.

Когда адъютант дочитал до того места, где было сказано, что новый император во всем будет следовать за Александром Благословенным, как тот в свое время обещал подданным руководствоваться «законом и сердцем» бабки Екатерины, Ермолов сострил:

— Одолжил, нечего сказать.

Остроту эту в Петербурге истолковали по-своему. К тому же присяга Кавказского корпуса задерживалась» Удивлялись, что «кавказцы» так скоро поклялись на верность Константину, а теперь вот тянут. Призвали Дмитриева, стали расспрашивать, как Ермолов воспринял манифест о восшествии на престол Николая I. Фельдъегерь рассказал, как было дело. Здесь начало всех последующих проблем главнокомандующего.

«Полагали, что Ермолов участвовал в заговоре 14 декабря, что он окружен неблагонамеренными лицами и проч. Тотчас же послали арестовать правителя его канцелярии Грибоедова и адъютанта Воейкова. Оба эти лица сидели на гауптвахте Главного штаба с Липранди, которому и рассказали, как было дело», а тот от третьего лица позднее поведал нам эту историю, а я вам, мои читатели{627}.

Ермолов с корпусом присягнул на верность Николаю Павловичу почти на две недели позднее, чем Петербург. Если вычесть время, затраченное фельдъегерем на преодоление расстояния от Северной столицы до Екатериноградской станицы, то промедление составит несколько дней, минимум трое или четверо суток. О чем так долго размышлял главнокомандующий? Неужели ожидал от членов тайных обществ сигнала к выступлению, как писали некоторые историки движения декабристов и биографы полководца? Не думаю. Надеялся еще получить сообщение о согласии Константина принять престол? Возможно, но нет доказательств, как нет и основания считать проконсула Кавказа участником заговора графа Милорадовича, о котором Владимир Брюханов написал аж две прекрасные книги. О, если бы все авторы были математиками, как он, а не

историками!

А может быть, и не было сознательного промедления? Ведь чтобы проехать вдоль Линии, протянувшейся на многие сотни верст, принять присягу от войск корпуса, оформить бумаги, подтверждающие сам факт клятвы на верность новому царю, требовалось время — несколько дней или минимум трое-четверо суток.

Ни телефона, ни телеграфа, ничего подобного тогда не было, а это важный фактор развития событий в те и более ранние годы. Это непременно надо учитывать. Современники по-разному реагировали на слухи о задержке присяги Отдельным Кавказским корпусом Ермолова: очень беспокоились *в* царской семье и с надеждой ожидали те, кто находился под арестом.

Наконец, в Петербург прибыл фельдъегерь из Тифлиса с известием, что войска Кавказского корпуса приведены к присяге императору Николаю I. На расспросы курьер нарочито наивно ответил:

— Иначе и быть не могло, ведь там Алексей Петрович, а по его приказу войска присягнут и шаху персидскому{628}.

Вот это и пугало сановный Петербург. Не случайно Мария Фёдоровна, узнав о присяге войск Кавказского корпуса, по свидетельству Дениса Давыдова, вздохнула с облегчением и перекрестилась.

Алексей Петрович знал о существовании тайных обществ в России и, как известно, после возвращения из Лайбаха предупредил своего бывшего адъютанта Михаила Александровича Фонвизина, что о том известно и правительству. «Подобное предупреждение, — писала академик Милица Васильевна Нечкина, — звучало почти поощряюще»{629}. Не почти — поощряюще! Алексей Петрович умел поощрять и внушать надежду на содействие. Не случайно Рылеев и другие говорили: «Ермолов наш». В Южном обществе многие считали его своим покровителем, исполненным «ума и свободных мыслей». При этом всякий раз он подчеркивал отстраненность от заговорщиков: и в разговорах с ними, и в письмах к друзьям. Поэтому уличить его в неблагонамеренных действиях было трудно.

Воцарение Николая I означало для Ермолова конец военной карьеры. Но отставка последовала не сразу. К власти пришли новые люди, не расположенные к Алексею Петровичу. «Любезный и почтеннейший Арсений Андрееич» отправился в Финляндию исполнять должность генерал-губернатора. Начальник Главного штаба Петр Михайлович Волконский вынужден был по состоянию здоровья уйти в отпуск и уступить место Ивану Ивановичу Дибичу. Причём, по убеждению того же Закревского, князя

«свергнули». В прочих ведомствах управляющие тоже поменялись…

«И до нас дошёл слух о переменах в министерствах, — писал Алексей Петрович Александру Васильевичу Казадаеву. — *Како паде сей сильный,* ты угадаешь, что я говорю о Гурьеве. Со всем неожиданное падение! Как рад, что разбойника Обва удалили и, конечно, не сам он догадался оставить место. Дибич сделался великим магнатом, и мне кажется, что должность сия дана ему для того, чтобы производство его менее обидным могло показаться старшим. Он по ловкости своей всем воспользуется… Это место не мешало бы занять *кому-нибудь из русских, но у видно у нет способных»*... {630}

В популярном журнале «Русская старина» служили, очевидно, не только образованные, но и воспитанные люди, поэтому они не решились опубликовать письмо Ермолова в редакции автора, поставив в середине весьма крутого определения личности графа Гурьева многоточие. Впрочем, и *я не* решаюсь раскрыть истинное значение этого слова, хотя утончённостью манер не отличаюсь — сказывается рабоче-крестьянское происхождение. Если адаптировать письмо Алексея Петровича по смыслу для детей школьного возраста и утончённых интеллигентов, то назвал он бывшего министра финансов как бы «разбойником Обманщиковым». Примерно, конечно. А всё прочее здесь понятно: и цитата из Священного писания, и выпад по адресу настоящего немца барона Дибича, равного которому якобы не нашлось среди русских людей.

А были ли они, русские люди, тогда на святой Руси? Конечно, были, даже немало — среди крестьян разных категорий, потомки которых сегодня в массе своей опустились на дно жизни.

Ермолов понимал, что в сложившихся условиях он не может исполнять свои обязанности. Надо уйти, не ждать, когда «оскорблениями вынудят к тому прибегнуть». Друг Арсений Андреевич упрекает Алексея Петровича и настоятельно советует служить, чтобы довести до конца начатые преобразования. И без того уже «в краю столь мятежном, люди начинают делаться мирными хлебопашцами», а Кавказ становится надёжным щитом России на юге. Обидно будет, если новый управляющий столь обширным краем сведёт на нет эти успехи. И далее дословно:

«Позвольте сказать, почтеннейший Алексей Петрович, что вас не должно оскорблять недоброжелательство министров и стремление выставлять ваши ошибки, не оставляя в покое и домашней жизни вашей. *Причина этого — ваше величие и их ничтожество.* Люди сии чувствуют, сколь они перед вами малы, поэтому стараются, чтобы другие не делали сего сравнения… вас

уменьшить, чтобы через то приблизить вас к себе.

Но тщетно их старание. Они не ослепят всего народа. *Всякий замечает в сём действие их зависти.* Посему вам не следует на сей писк обращать внимания…»{631}

Алексей Петрович решил пока остаться, хотя и находил своё положение весьма затруднительным и неприятным. Он огорчён отношением к себе, но вполне удовлетворён собой, что видно из письма его к Александру Васильевичу Казадаеву:

«В столицах меня сменяют, иногда казнят, но это не мешает мне, пока лежат на мне обязанности, отправлять их с усердием и хорошо, сколько умею. Между тем я здоров и любуюсь на некоторые, хотя, впрочем, весьма малые успехи восьмилетнего моего пребывания здесь. Есть, по крайней мере, начала, изрядные для последователей. Кажется, вечные труды и заботы необходимы для поддержания сил моих…»

Кажется, Алексей Петрович полон оптимизма и веры в свои *силы.* Но ничего подобного. Уже через несколько строк того же письма он впадает в такую депрессию, от которой и сейчас не по себе становится:

«…Уже начинаю чувствовать приближение старости… Я скоро буду совсем не годен для службы и соглашусь с теми, кто таковым меня уже представляет. Не преодолеть мне всех завистников и враждебных…»{632}

Задолго до восстания на Сенатской площади правительству стало известно о существовании в России обширного заговора, нити которого якобы вели даже на Кавказ. Слухи эти шли от эмоционального декабриста Якубовича, позёра и болтуна, склонного к мистификации. И то, что Пушкин нацеливался писать о нем роман, не может повлиять на характеристику его личности.

В Петербурге полагали, что если генерал Ермолов и не был членом тайного общества, то непременно знал о его существовании. Действительно знал, но на Кавказе его не было.

«Мне не нравится и сама *тактика секретного общества,* ибо я имею глупость не верить, чтобы добрые дела требовали тайны», — сказал однажды Ермолов, а Давыдов вспомнил как-то его мысль и донес её до нас. Поэтому нам не надо ничего выдумывать и делать из генерала-монархиста, в лучшем случае конституционного, настоящего декабриста, вроде Михаила Сергеевича Лунина, сравнение с которым, думаю, для Алексея Петровича не было бы обидным. Нет, однако, основания для сравнения.

А вот недоверие Николая Павловича к Алексею Петровичу имело под собой известное основание. 22 января 1826 года в

крепость Грозную, где находились Ермолов с войсками и Грибоедов, прибыл фельдъегерь Уклонений с высочайшим предписанием «немедленно взять под стражу чиновника Министерства иностранных дел Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени для их истребления, и прислать оные и его самого под благонадежным присмотром в Петербург»{633}. Генерал задержал незваного гостя на пару часов у себя и таким образом позволил писателю и помогавшим ему его друзьям избавиться от опасных бумаг. По убеждению Пушкина, он сделал это, чтобы спасти себя.

Какие бумаги угодили в печь и каково их содержание, приходится только гадать. Ясно одно: их было немного, ибо друзья избавились от них за каких-то полчаса. 23 января арестованный писатель под присмотром фельдъегеря Уклонского покатил на север. В секретном отношении на имя Дибича Ермолов писал:

«Господин Грибоедов во время служения его в миссии нашей при персидском дворе и потом при мне в нравственности своей и в правилах не был замечен развратным и имеет многие весьма хорошие качества»{634}.

Думаю, вряд ли характеристика, данная генералом, которому «менее всех» верил государь, могла облегчить участь Грибоедова. Впрочем, и сам писатель действовал не лучшим образом, когда в письме, адресованном царю, называл Ермолова «любимым начальником». Вот это письмо:

«По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника мною любимого… через три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных…

Государь! *Я* не знаю за собою никакой вины. В проезд мой с Кавказа сюда я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг моей матери, которая могла бы от того ума лишиться. Но, ежели продлится мое заточение, то, конечно, и от нее не укроется.

Ваше императорское величество сами питаете благоговейнейшее чувство к вашей августейшей родительнице… Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться с моим поведением никогда не заслуживал, или пошлите меня в Тайный Комитет, чтобы я мог предстать лицом к лицу с моими обвинителями и обличить их во лжи и клевете»{635}.

Общение с Ермоловым не прошло бесследно: царю так раскованно не пишут, свою матушку с императрицей-матерью не сравнивают, а императора не ставят на свое весьма непрочное

место. Поэтому и содержался под арестом, правда, на гауптвахте, а не в крепости, чуть ли не на полгода дольше тех, чья вина тоже не казалась столь очевидной, как Воейкова или Липранди, например. Послание Грибоедова так и не достигло адресата. Кто-то из офицеров гауптвахты не пожелал портить настроение новому императору.

4 июля 1826 года Грибоедов был выпущен на свободу с «очистительным аттестатом». Помогло ходатайство чрезвычайно влиятельного родственника — Ивана Федоровича Паскевича, женатого на двоюродной сестре Александра Сергеевича. А может, и еще что-то…

Император Николай Павлович Ермолову не верил.

А что касается заговорщиков, то одни из них возлагали на него большие надежды, другие же считали «интриганом», а Пушкин квалифицировал его даже «великим шарлатаном», но об этом мой рассказ еще впереди. Кто из них ошибался и кто был прав? Вот что писал, например, декабрист Николай Романович Цебриков, ожидания которого не оправдал Алексей Петрович:

«Он мог играть ролю *Валленштейна, если бы в нем было* поболее патриотизма, если бы он при обстановке своей того времени и какого-то трепетного ожидания от него людей ему преданных и вообще всех благородномыслящих не ограничивался каким-то непонятным равнодушием, увлекшим его в бездеятельность, в какую-то апатию…

Ермолов мог предупредить арестование стольких лиц, и потом смерть пяти мучеников, мог бы дать России конституцию, взять с Кавказа дивизию пехоты, две батареи артиллерии и две тысячи казаков и пойти прямо на Петербург… Это было бы торжественное шествие здравого ума, истинного добра и будущего благополучия России! При русском сметливом уме солдаты и крестьяне тотчас бы смекнули, что эта война была бы чисто за них; а равенство перед *законом и сильного, и слабого,* начальника и подчиненного, чиновника и крестьянина тотчас связало бы дело, за татарско-немецким деспотизмом оставленное не-поднятым…

Ермолов, еще раз повторяю, имея настольную книгу Тацита и Комментарии на Цезаря, ничего в них не вычитал, он всегда был только интриганом и никогда не был патриотом…»{636}

Сколько их, таких смельчаков, было в тайных обществах, терявших от возбуждения собственными речами способность объективно оценивать и людей, и сами обстоятельства. А после ареста лишь три-четыре человека выдержали испытание тюремной камерой.

Другие декабристы не доверяли Ермолову настолько, что

даже не *пытались вовлечь в свое движение* Грибоедова, которого не без основания считали другом главнокомандующего.

А был ли смысл вовлекать в тайное общество человека, который буквально измывался над конспираторами в своей гениальной комедии «Горе от ума»? Да и в жизни — тоже. Причем я имею в виду не только образ Репетилова, но и Чацкого, который по совершенно гениальному замыслу режиссера самого классического московского театра въезжал когда-то на сцену на «пятой точке». А что стоит издевательское «сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России»? Впрочем, Грибоедов был не одинок в своей иронии. Примерно так же подтрунивал над будущими декабристами князь Пётр Андреевич Вяземский.

При благоприятных обстоятельствах Ермолов мог, пожалуй, поддержать декабристов, но для этого они должны были победить. Пойти же на авантюру, развязать гражданскую войну полководец был неспособен, он «подобное дело почел бы величайшим для себя наказанием». Вряд ли его политические взгляды, которые генерал тщательно скрывал, шли дальше ограничения монархии рамками конституции. Характерно в этом смысле отношение Алексея Петровича к Испанской революции, о чем я рассказал выше.

Отставка Ермолова стала неизбежной, но прежде чем она произошла, на Кавказ начали приезжать разжалованные в солдаты декабристы. Воспоминания о представлении Алексею Петровичу оставил Михаил Иванович Пущин, которого генерал раньше не знал:

«Он не заставил нас дожидаться, тотчас позвал в кабинет… вставая, сказал:

— Позвольте обнять вас, поздравить с возвращением из Сибири.

Просил нас сесть, предложил чаю, расспрашивал о пребывании нашем в Сибири, обнадежил, что и Кавказ оставит у нас хорошее воспоминание. Продержав нас с час, отпустил с благословением на новое поприще. Этот час, проведенный у Ермолова, поднял меня в собственных глазах… и, выходя от него, я уже с некоторой гордостью смотрел на свою солдатскую шинель»{637}.

Царь требовал от Ермолова ежемесячно доносить ему о поведении сосланных декабристов. Алексей Петрович неизменно сообщал, что они «ведут себя хорошо и службу исполняют с усердием». С поощрения командующего корпусом офицеры часто приглашали их на свои обеды.

МИССИЯ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА

В конце июля Николай Павлович прибыл в Москву на коронацию. Гостей собралось много. Самые внимательные *из них* отметили, что на торжествах нет Ермолова. А ему так хотелось приехать и, кажется, отнюдь не из любопытства. Алексей Петрович убеждал своего адресата:

«Чувствую, что для меня, не менее как для самих дел по службе, было бы сие необходимо. Желал бы я, чтобы мне позволено было приехать, коль то смогу *сделать* без упущения *по* должности. Не беспокойся за меня, не верь нелепым слухам; верь одному, что за меня никогда краснеть не будешь»[{638}].

Поговорить с царем по служебным делам всегда полезно, но не менее важно пообщаться с ним по личным вопросам, убедить в том, что его недоверие не имеет основания. Вот почему он безуспешно рвался в Москву.

На коронацию приехать не удалось…

В начале февраля 1826 года в Тавриз, где находилась резиденция наследника персидского престола, пришло искажённое известие о событиях 14 декабря в Петербурге. Принц Аббас-мирза понял, что там после смерти императора Александра якобы началась вооружённая борьба за власть между великими князьями Константином и Николаем. Он тут же обратился к шаху с предложением воспользоваться междоусобицей в России и немедленно открыть военные действия против неё с целью возвращения кавказских провинций с мусульманским населением, утраченных по условиям Гюлистанского мира.

Фетх-Али шах колебался. Зато принц Аббас-мирза, ещё не получив согласия отца, приступил к сосредоточению армии вторжения на границе России. Нерешительность повелителя персиян объясняется, по-видимому, тем, что недавно он получил сообщение из Петербурга о назначении князя Александра Сергеевича Меншикова чрезвычайным послом в Тегеран и, возможно, надеялся встретить в нём более сговорчивого оппонента, чем Ермолов, который сам начертал границы своих владений на Кавказе с учётом достигнутых соглашений и сам охранял их.

На Меншикова были возложены задачи: по пути в Тегеран определить состояние Кавказского корпуса, вручить шаху и наследнику царские грамоты с уведомлением о вступлении на российский престол нового императора и войти с ними в переговоры по вопросу о границе между двумя государствами, снова поднятому персидской стороной. При этом послу

вменялось в обязанность обратить особое внимание на поведение Ермолова: не будет ли чинить «преднамеренных препятствий» или высказывать «ложных взглядов на дело».

Из секретной инструкции, данной Меншикову, видно, что в лице Ермолова верховная власть ожидала встретить серьёзного противника своей политике на Кавказе. В основе оппозиционности Ермолова, по их мнению, может лежать: во-первых, желание войны, чтобы прославиться, или ошибочное представление о российских интересах на Кавказе; во-вторых, давняя личная неприязнь генерала к наследнику персидского престола Аббас-мирзе; в-третьих, чувство самолюбия, оскорблённое назначением князя Меншикова для завершения дела, начатого им ещё десять лет назад.

Император Николай I, провожая Меншикова в Тифлис, наставлял его:

— Слушай, Меншиков, встретишься с Ермоловым, ради Бога, не дай ему понять, что я прислал к нему *дядьку* в твоём лице; постарайся выведать, почему он предпочитает свою систему обороны той, которую предлагаю я.

Извещая Фетх-Али-шаха и принца Аббаса о своём вступлении на престол, император Николай заверял их, что намерен свято придерживаться прежней политики, направленной на сохранение мира и доброго согласия между двумя странами, и выражал надежду, что и усилия шаха будут направлены на достижение той же цели.

7 марта 1826 года князь Меншиков прибыл в станицу Червлёную, где встретился с главнокомандующим. Здесь, пишет академик Дубровин, «сошлись два человека, одарённые блестящими умственными способностями, оба острые на язык и один хитрее другого».

Согласно высочайшей инструкции князь Меншиков должен был вызвать генерала Ермолова на откровенный разговор об основных принципах внешней политики правительства на Востоке и о событиях, имевших место в Петербурге 14 декабря минувшего года. Это — две предписанные темы для обсуждения. Ну а дальше уж как Бог подскажет.

— Рад встречи с вами, Алексей Петрович! Я князь Меншиков Александр Сергеевич.

— Да уж знаю, знаю, ваше сиятельство; милости прошу, — сказал Ермолов и пригласил гостя к столу.

— Алексей Петрович, как живёте в этакой глуши?

— Который месяц уже живу в прегнусной татарской деревне, в скуке несноснейшей. Меня привели сюда беспорядки, бывшие здесь ещё в прошлом году. Но такова, по-видимому, судьба моя:

стоит мне появиться, — не без гордости поведал Алексей Петрович Александру Сергеевичу, — как мятежники за благо почитают выполнить мои требования, чем противиться. Думаю, со временем привыкнут повиноваться без принуждения. Впрочем, и сейчас уже не прозвучало ни одного выстрела. А тишина-то какая стоит вокруг, послушайте.

В Петербурге считают *меня человеком крутым* и даже жестоким. Вопреки такому мнению, я отношусь к горцам с кротостью, в чём, надеюсь, князь, вы убедитесь сами{639}.

Что это я всё о себе, да о себе. Расскажите-ка, князь, какая беда привела вас на Кавказ? — прикинулся совершенно неосведомлённым Ермолов.

— Не скрою, Алексей Петрович, прислан я сюда, чтобы донести до вас волю его величества Николая Павловича.

— В чём же состоит она, воля его величества Николая Павловича? — поинтересовался Ермолов.

— Непременная воля государя нашего состоит в поддержании мира на Кавказе, доброго согласия и дружественных отношений с Персиею и, следовательно, в устранении всего того, что могло бы заставить её предполагать, что Россия стремится к расширению своей территории за счёт соседей. Кроме того, желание мира обусловлено нашими отношениями с Турцией, которые, несомненно, ухудшатся, если последует разрыв с тегеранским двором.

— Так! А ещё что вам поручено сказать мне, генерал-майор? — спросил Ермолов гостя.

— Мне поручено передать вам, Алексей Петрович, что общественное мнение упрекает вас в том, что вы из личной ненависти к наследному принцу Аббасу обостряете отношения с Персией, на что обратил внимание ещё покойный государь Александр Павлович. А ныне царствующий император, не делая выводов из прошлого и не предрешая будущего, обещает ожидать фактов, чтобы на их основе составлять своё мнение.

Что касается моего назначения, то я еду в Тегеран на место Мазаровича, который оставил свой пост. Его величество, провожая меня, выразил уверенность, что вы будете рады отправлению экстраординарного посольства в Персию, чтобы таким образом восстановить прерванные с ней сношения.

— Да, ваше сиятельство, я рад безмерно.

Александр Сергеевич умолчал о том, как Николай Павлович просил его не говорить генералу Ермолову, что он пока не вошёл в курс дел и потому не имеет определённого мнения относительно всего, что происходит в стране, над которой Проведение вручило ему неограниченную власть. При этом

государь был убеждён, что среди его подданных вряд ли найдётся хоть один человек, способный действовать не в духе высочайших предначертаний, о чём просил намекнуть Алексею Петровичу. Наместник намёк понял и, как бы спохватившись, спросил:

— Александр Сергеевич, расскажите, что произошло в Петербурге 14 декабря прошлого года? Что вам известно?

— Подробности будут известны по окончании следствия. Сейчас же могу сказать лишь о том, что касается лично вас, Алексей Петрович. Эти сведения, правда, в виде слухов, я получил буквально перед отъездом на Кавказ.

Меншиков рассказал о том, как единодушно общественное мнение осуждает заговорщиков. Ермолов усомнился в этом, но промолчал.

— Говорят, что адъютант ваш (?) полностью скомпрометирован, что Якубович и Кюхельбекер, которые, как говорят, пользовались вашим покровительством, также обвиняются: первый в покушении на жизнь покойного ныне государя Александра Благословенного, второй — на великого князя Михаила Павловича. Да и про вас, Алексей Петрович, говорят Бог весть что. Но его величество просил меня обнадёжить вас, что он не придаёт этим слухам никакого значения.

Меншиков ожидал, что Ермолов начнёт возражать, приводить факты, оправдываться от обвинений «общественного мнения». А он слушал и молчал.

— Почему вы молчите, Алексей Петрович? — спросил князь.

— Не нахожу нужным оправдываться, ибо на очевидную глупость так называемого «общественного мнения» не может не обратить внимания ни один здравомыслящий человек. Не случайно, по-видимому, и государь решил поговорить со мной через вас: не хочет оставлять историкам документа сомнительного содержания.

А молчал я потому, что думал. Персияне настаивают, чтобы мы уступили им земли у озера Точка, примыкающие к нашим провинциям с мусульманским населением. Я думаю, вам не надо объяснять, насколько это опасно. В этом случае агенты шаха почувствуют себя полными хозяевами у нас на Кавказе. Чтобы изолировать горцев от их пагубного влияния, нам придётся построить ряд укреплений, которых, по мнению его величества, и без того здесь много, и содержать наших солдат в дурных климатических условиях, ожидая распространения болезней. Я был и остаюсь самым решительным противником каких-либо уступок шаху. Так и передайте государю.

Зная шаха, его наследника и окружение, Алексей Петрович настоятельно советовал Меншикову добиваться продолжения

переговоров и проявлять терпение. Вот что писал он князю 10 марта 1826 года по этому поводу:

«Быть может, уважив в вашей светлости особу, облечённую доверием императора, персидское правительство, а паче наследник Аббас-мирза, найдёт выгодным не казаться слишком упорными, дабы вы не представили их таковыми его императорскому величеству, и согласятся взамен участка, лежащего по озеру Точка, принять участок земли в Талышенском ханстве…»{640}

Этот вариант, однако, требовал немалых финансовых затрат на компенсацию потерь хана и членов его огромной семьи, которые имели собственность на уступаемой части Талышенского ханства.

Ермолова часто упрекали в том, что он желает войны, надеясь прославиться в сражениях, потому и не мог довести переговоры о разграничении земель между двумя странами до логического конца. Чтобы оградить себя от таких обвинений, Алексей Петрович предложил министру иностранных дел учредить при посольстве должность независимого дипломатического агента и возложить на него обязанности информировать правительство о действиях персиян. По его мнению, это исключит возможность произвольной оценки поступков наместника. Откровенные беседы с прославленным генералом позволили *князю* Меншикову убедиться в том, что Кавказ никогда не был втянут ни в какие политические движения и что там никаких тайных обществ не существовало и не могло существовать, ибо офицеры корпуса постоянно были в походах и жили изолированно друг от друга в крепостях и многочисленных укреплениях вдоль Линии и встречались чрезвычайно редко.

Высочайшее поручение выполнено. Получен ответ на все вопросы инструкции. Пришла пора прощаться с гостеприимным хозяином и писать всеподданнейшее донесение. 11 марта князь добрался до Моздока и с утра следующего дня взялся за перо. Вот что из этого получилось:

«Я еду из главной квартиры генерала Ермолова, находящейся в Червлёной станице, где исполнил поручение вашего величества. С чувством благодарности было принято изложение воли вашей и, тем более что он мнил себя оклеветанным перед лицом государя наветами недоброжелателей. Я устранил сие нарекание, но упомянул о действиях, не согласных с видами правительства. Он тщательно отвергал упрёк отступления от правил, начертанных ему блаженной памяти государем императором…

В этом разговоре я видел в нём и опасение быть принятым вашим императорским величеством за худого исполнителя воли

монаршей, и желание угодить своему государю.

Существование тайных обществ в Кавказском корпусе генерал Ермолов решительно отвергает…

В местах, на пути моём лежавших, духа вольнодумства и неповиновения я не заметил, как в войсках, так и среди обывателей, и по доходящим до меня сведениям не предполагаю оного на Кавказской линии»[{641}].

В Тифлисе Меншиков ещё более убедился в том, что Кавказ не имеет отношения ни к какому заговору. Казалось, все сомнения рассеяны: Ермолов вполне лоялен к существующей власти, на него можно положиться. Император же думает иначе…

Дядька-то оказался порядочным человеком.

Впрочем, Алексей Петрович и не тешил себя надеждой добиться симпатии императора Николая Павловича. Он был убеждён, что истинная причина присылки на Кавказ князя Александра Сергеевича Меншикова кроется в недостатке доверия к нему верховной власти и в якобы пристрастном отношении его к персиянам на переговорах о разграничении земель между двумя странами, из которых одна вышла из войны победительницей, а вторая побеждённой.

Глава четырнадцатая. ОТСТАВКА

ВОЙНА С ПЕРСИЕЙ. МИССИЯ ПАСКЕВИЧА

Меншиков, получив уведомление тегеранского двора о готовности принять русского посла, оставил Тифлис и с небольшим конвоем двинулся к персидской границе. Прибыв на место, он нашёл вопрос о войне с Россией практически решённым. Войска Аббаса стояли на границе с Карабахом, готовые к броску. «Наследный принц думает, что уже обладает Тифлисом и предписывает нам мир. В упоении высокомерными надеждами он предаётся ребяческому тщеславию и сравнивает себя с Тамерланом и Надир-шахом», — доносил князь Александр Сергеевич Алексею Петровичу{642}.

Меньше других желал войны Фетх-Али-шах. Но чиновники и военные убеждали его, что армию его величества ожидает несомненный успех, а русских — поражение.

«В сих обстоятельствах я полагаю, — писал князь Меншиков генералу Ермолову, — что важнейшая цель моих действий — затягивание переговоров до зимы, дабы мы могли подготовиться к войне… А под конец намерен я предложить персиянам послать своего чиновника в Петербург, объяснив, что уступки, требуемые ими, превышают данную мне власть»{643}.

Ермолов одобрил тактику затягивания переговоров. Однако он и мысли не допускал, что персияне начнут военные действия в то время, когда посол русского императора находится при дворе шаха. Поэтому Алексей Петрович просил князя Меншикова противопоставить им твёрдость и не обращать никакого внимания на их приготовления к вторжению в пределы мусульманского Кавказа.

3 июля 1826 года Ермолов вернулся в Тифлис.

Между тем персияне тоже затягивали переговоры и усиливали требования, обвиняя Ермолова в неуступчивости. Князь Меншиков предупредил, что и он не уполномочен великим императором удовлетворить их притязания. Александр Сергеевич посоветовал министру иностранных дел Персии отправить своего посла в Петербург, но ответа не получил. Похоже, шах уже принял решение…

Да, шах принял решение. Русский посол князь Александр Сергеевич Меншиков был арестован. Войска наследного принца Аббаса двинулись к границе. Главнокомандующего упрекнули в том, что он, зная о неизбежном вторжении персиян, не принял никаких мер для отражения агрессии.

— Какие меры ни принимай, с ничтожными моими силами не могу я прикрыть всё непомерное протяжение границы, — говорил

Алексей Петрович Мазаровичу. — Предупредить набега персиян невозможно, а между тем, если узнают, что я собираю на границе отряд, то в Европе скажут, что русские начали войну, что русские — зачинщики. Пусть они первые откроют военные действия, пусть вторгнутся к нам, — я только того и желаю.

Желание Алексея Петровича очень скоро сбылось.

Талышенский хан Мир-Гассан изменил России. Упаковав своё имущество, он отправил его в Персию, а сам укрылся в лесу. Часть его людей последовала за своим повелителем, а другая предпочла уйти под защиту стен Ленкорани и русских солдат во главе с майором Ильинским, который занялся укреплением обороноспособности крепости.

16 июля 1826 года большая персидская армия перешла границу и вначале добилась успеха, углубившись в кавказские владения России. Какой прекрасный повод позлобствовать: Ермолов «проспал» вторжение, действовал нерешительно, Грузия в опасности, проезд через горы невозможен, поскольку все горцы восстали против жестокого обращения с ними.

Получив известие о вторжении персиян, главнокомандующий обратился с приказом к войскам:

«Не стану говорить о храбрости и неустрашимости вашей… когда же не были таковыми воины русские? Всегда отличались вы верностью государю; но я требую от вас, будучи сам вам примером, новому государю нового усердия. Имейте терпение и защищайтесь с твёрдостью. Я укажу вам, храбрые товарищи мои, когда нанести удар по врагам нашего императора»{644}.

Удар этот мог быть нанесён по прибытии подкреплений. Сообщая новому государю о вероломном вторжении неприятеля, главнокомандующий обратился к нему с просьбой о присылке ему двух пехотных дивизий и до шести тысяч человек лёгкой кавалерии, то есть до двенадцати казачьих полков. А пока он решил сохранить за собою только единоверную Грузию, к населению которой обратился с воззванием:

«…Теперь, когда справедливое мщение ожидает персиян… за разбойническое вторжение в землю нашу, вы, без сомнения, все поспешите ополчиться противу врагов религии нашей, врагов, алкающих крови грузинской! Кто из вас не помнит или не знает о нашествии Магомет-хана, дяди нынешнего шаха персидского, в пепел обратившего Тифлис? Не персияне ли, изверги, гордились жертвами здешними, наполняя ими гаремы свои, и несметное число христиан, соотчичей ваших, силой обращали в магометанскую веру?»{645}

Не только старики, но и люди среднего возраста ещё помнили, как персияне в 1795 году сожгли Тифлис, жителей

города перебили или обратили в рабов, а молодых женщин распихали по своим гаремам или вывели на продажу. Помнили даже, что царь Ираклий II платил дань ничтожным по численности мусульманским племенам до принесения присяги на верность России. Может быть, эта память и помогла грузинам в самое короткое время собрать и вооружить до полутора тысяч человек конного ополчения. И это после недавних волнений, вызванных церковной реформой Феофилакта!

Выполняя предписание главнокомандующего, русские войска оставили Шемаху, Кубу и Нуху.

В районе вторжения неприятеля держалась только Шуша, оборону которой возглавил полковник Реут. Аббас-мирза обратился к нему с предложением выделить своего офицера «для некоторых важных объяснений». На встречу с принцем пошёл майор Клюке фон Клюгенау.

— Я не могу впредь быть снисходительным к вам и жителям города, — сказал раздражённо принц российскому офицеру. — Войска мои неотступно требуют штурма, но я, уважая вас и не желая напрасного кровопролития, ждал, полагая, что вы образумитесь и примите моё предложение. Неужели вы думае те, что я пришёл сюда с войсками только из-за одной Шуши? У меня ещё много дела впереди, поэтому предупреждаю, *если я соглашусь заключить мир с вами, то не иначе как на берегах Москвы-реки*{646}.

Не правда ли, знакомая угроза? Недавно один воин Аллаха грозил тоже дойти до Кремля. Правда, русский стратег был не менее смешон, обещая остановить его силами всего одного полка.

Клюке фон Клюгенау выслушал речь Аббаса с едва сдерживаемой улыбкой, которая не укрылась, однако, от внимания принца.

— Вы не верите мне, но я честью уверяю вас, что вы напрасно надеетесь на помощь; вы, по-видимому, не знаете, что государь ваш ведёт междоусобную войну с братом, следовательно, ему теперь не до Кавказа, а Ермолов давно уже оставил Тифлис. Так что вам надо самим решать свою судьбу.

— Ваше высочество, это полковник Реут отказывается сдать Шушу. Он всё ещё ждёт подтверждающего приказа главнокомандующего Ермолова. Чтобы получить его, следовало бы отправить в Тифлис человека. На поездку туда и обратно потребуется всего дней десять, не больше.

Вы утверждаете, что Карабах является достоянием Персии, несправедливо отнятым русскими. В таком случае, неужели вы хотите ознаменовать первое ваше завоевание пролитием крови и истреблением будущих ваших подданных, которые, смею вас заверить, ни в чём не виноваты?

Имея сорокатысячную армию против небольшого нашего гарнизона при двух пушках, вы, конечно, возьмёте Шушу, но эта победа достанется вам очень дорого. На месте богатого города вы найдёте одни развалины и войдёте в него по трупам ваших подданных, — и всё это из-за подстрекательства людей, желающих обогатиться за счёт ограбления других. Через несколько дней вы займёте крепость без потерь, ибо, если удержание Карабаха не входит в соображения Ермолова, он непременно согласится на предлагаемые вами весьма выгодные условия.

— Я сделал всё, что мог, — сказал Аббас-мирза, — и едва ли буду в состоянии удержать моих воинов от желания немедленно штурмовать крепость. В Тифлис же посылать курьера вам не стоит, ибо русских там давно нет.

На следующий день в лагере Аббаса началась подготовка к штурму. На глазах у русских солдат перемещались войска и возводились батареи. В одну из ночей неприятель двинулся к крепости, но лишь только местность осветилась пылающей ветошью, пропитанной нефтью и сброшенной вниз защитниками цитадели, как персияне пустились наутёк, падая под градом русской картечи и пуль{647}.

С такими войсками трудно было взять Шушу, а ещё труднее дойти до Москвы. Аббас-мирза снова попросил прислать Клюгенау.

— Ну, что, одумался ли ваш полковник? — спросил он. — Кажется, уже пора.

— Вроде бы одумался, а вроде бы и нет, — пожал плечами Клюгенау. — Всё ждёт распоряжений Ермолова и готовится к обороне. Поэтому лучше всего отправить к главнокомандующему курьера, а до возвращения его заключить перемирие.

Только якобы из уважения к Клюгенау Аббас-мирза согласился на перемирие, да и то при условии, что сам майор и отправится к генералу Ермолову за распоряжениями. Надо же было так «запудрить» мозги наследному принцу! Не мальчик ведь.

Полковник Реут не отправил майора Клюгенау в Тифлис, ибо главнокомандующий и без того распорядился:

«Защищаться твёрдо и неустрашимо! Персияне силою крепость не возьмут. Остерегайтесь измены. Подозрительных беков содержать под строжайшим караулом, в крайнем случае, расстреливать. Фураж и продовольствие для войск взять у татар, пусть и они терпят нужду.

Требую от вас употребить все средства для обороны. Армян под ружьём имейте сколько угодно, они защищаться будут. Вы

знаете, насколько трусливы и подлы персияне. Князь Саварсемидзе с горстью людей гоняет их большие силы… Придёт время и мы вас освободим»{648}.

Между тем закончилось перемирие. Аббас-мирза всё ещё не потерял надежды убедить Реута сдать Шушу, обещая пропустить гарнизон в Тифлис. На это полковник ответил, что ни в коем случае не уйдёт, ибо всякий солдат под его командой умрёт или победит врагов, несмотря на их численное превосходство. Так и не отважившись на штурм, принц ушёл с основными силами к Елизаветполю, где стал концентрировать свои войска, а у стен крепости оставил лишь небольшой наблюдательный отряд. Вряд ли Алексей Петрович не пожалел о том, что при вторжении неприятеля приказал оставить Шемаху, Кубу и Нуху. Чем было вызвано такое распоряжение главнокомандующего? Думаю, он поверил Симону Ивановичу Мазаровичу, убеждавшему его в том, что персидская армия, обученная англичанами, уже не такая, какой была двадцать лет назад.

* * *

Несмотря на придворные сплетни, Николай I в ответном послании на первое донесение Ермолова о начале войны с Персией выразил веру в военный талант главнокомандующего и сожаление, что не может приехать на Кавказ, чтобы под его началом принять участие в сражениях против коварного врага.

«…Теперь остается мне, — писал он, — ждать и радоваться известиям о ваших подвигах и награждать тех, которые привыкли под начальством вашим пожинать лавры. Еще раз Бог с вами. Буду ожидать частных донесений ваших… Искренно доброжелательный к вам»{649}.

Не был Николай Павлович ни искренним, ни доброжелательным, но об этом ниже…

Государь ждал победных реляций из Закавказья, а Ермолов доносил, что сначала Карабах, потом Ширвань и все прочие мусульманские провинции перешли на сторону персиян, а русские войска повсеместно отступают; неприятель почти подступил к Елизаветполю. С прибытием подкреплений главнокомандующий обещал наказать неприятеля за вероломство.

Ещё год назад Ермолов предсказывал неизбежность столкновения с Персией, но его донесениям не верили. Хуже того, граф Нессельроде убеждал правительство, что войны не будет, поэтому наместнику отказали в просьбе прислать подкрепления.

Опасаясь быть обвинённым в непредусмотрительности, Алексей Петрович оправдывался перед новым императором:

«…Хочу, государь, оправдать себя перед вами, ибо не имею счастья быть известным вашему императорскому величеству. К тому же начало службы моей новому государю сопровождается обстоятельствами, которые… могут обвинить меня. Если бы обстоятельства сии грозили лишением репутации мне одному, сумел бы я заставить молчать моё самолюбие; но когда затмевают славу оружия нашего, и *в неприличном виде является могущество и величие русского государя,* репутация моя перестаёт быть достоянием частным и не должна терпеть или от неблаговоления лично ко мне министра Нессельроде, или *от совершенного невежества его относительно дел здешней страны и состояния Персии*»[{650}].

По мнению бывшего чрезвычайного и полномочного посла, Министерство иностранных дел России допустило ряд серьёзных ошибок в отношениях с Персией. И самой главной из *них* было признание принца Аббаса наследником престарелого шаха, что позволило ему преодолеть сопротивление старшего брата, имевшего куда больше прав на власть и немало сторонников.

Ермолов считал ошибкой и чрезмерное заискивание перед чиновниками из Тегерана, приезжавшими по каким-либо делам в Петербург. Внимание, им оказанное, они представляли дома как дань уважения к великой персидской державе, а не как изъявление благого деяния российского императора.

В то же время граф Нессельроде не счёл нужным представить новому государю Мазаровича, о чём уведомил принца Аббаса, и тот, решив, что ему выгоднее иметь дело непосредственно с министром иностранных дел России, стал откровенно пренебрегать общением с ним. Оскорблённый таким отношением к себе непосредственного начальника, Симон Иванович подал прошение об отставке. Никто даже не попытался удержать опытного дипломата.

Петербург постоянно требовал от главнокомандующего во что бы то ни стало сохранять мирные отношения с персиянами и снисходительно относиться ко всем их поступкам, «нередко весьма наглым», что принималось за робость. При этом англичане убеждали своих подопечных, что Россия не решится объявить им войну.

Ермолов предупреждал царя, что начавшаяся война с Персией неизбежно повлечёт за собой войну с Турцией. В противном случае, Тегеран никогда не решился бы вести себя так нагло. И он оказался прав.

Столь резкое послание Ермолова император получил в

Москве, куда приехал на коронацию. Чиновники, обвинённые наместником в непонимании интересов России на Кавказе, бывшие рядом с царём, имели немало шансов оправдаться перед ним. А вот Алексей Петрович находился очень далеко от государя…

Ермолова обвиняли в заносчивости, в желании развязать войну, в отсутствии дарований военачальника и способностей гражданского администратора. Вот какую характеристику дал своему непосредственному начальнику его адъютант капитан Иван Дмитриевич Талызин в беседе с Иваном Ивановичем Дибичем:

— Я изучил характер Ермолова как лица исторического и нахожусь в приятельских отношениях с очень близкими к нему людьми. На него никто не имеет влияния, кроме его собственного самолюбия. Он некоторым своим любимцам позволяет иногда говорить правду о себе и даже требует этого, но никогда не следует их советам.

Чем умнее человек, находящийся при Ермолове, тем он менее подвержен его влиянию. В общем, с такими людьми он соблюдает дистанцию, даже удаляет от себя, чтобы не подумали, что кто-то им управляет. Именно поэтому генерал избавился от Тимковского, который надоедал ему своими советами и планами.

Более других Ермолов любит Грибоедова за его необыкновенный ум, фанатическую честность, широкие познания и любезность в общении. Сам стихотворец признавался мне, что сардарь Ермолу, как называют главнокомандующего горцы, упрям как камень; в генерала невозможно вложить какую-нибудь идею. Алексей Петрович хочет, чтобы всё исходило от него, чтобы окружающие повиновались ему беспрекословно.

Ермолов имеет необыкновенный дар привязывать к себе людей и привязывать их крепко, как рабов. Они знают его недостатки, но любят его.

В шутку Ермолов делит своих приближённых на две части: одних он называет *«моя собственность»*, а других — *«моя личная безопасность»*. Первые суть те, которым он даёт поручения; вторые — удальцы и наездники, вроде Якубовича.

Ермолова любят за мелочи: он позволяет солдатам на переходах и вне службы ходить в шароварах и широком платье; офицерам в фуражках и кое-как; мало учит… в нужде делится последним.

Важная добродетель Ермолова — он некорыстолюбив и не любит денег. Оттого статские чиновники не любят его, и хотя он не весьма бдительно истребляет лихоимцев и злоупотребления, но зато, если узнает, беда! И его боятся как огня»{651}.

На основе этого монолога Талызина Дибич составил всеподданнейший доклад, в котором, кроме того, что я уже описал, отметил также, что адъютант Ермолова имел лишь одно постоянное поручение главнокомандующего — *«разнюхивать, что говорят о нём здесь и как судят»,* В общем, моему герою невозможно приставить крылья, всё равно не приживутся, поэтому и не буду. Пусть читатель принимает его таким, каким сам его видит.

* * *

Я уже подчёркивал, что Николай Павлович не был ни искренним, ни доброжелательным. 11 августа 1826 года, он уведомил Алексея Петровича, что направил к нему генерал-адъютанта Ивана Федоровича Паскевича якобы в помощь и для подробного изъяснения ему, Ермолову, его царских намерений, а на самом деле — для вступления в командование Кавказским корпусом вместо него. Не сразу, конечно, через некоторое время, по мере накопления «компромата».

Перед отъездом Паскевича царь принял его в своём кабинете.

— Мне Дибич сказал, что ты не хочешь ехать на Кавказ, — встретил Николай Павлович Паскевича, протягивая ему руку, — но я тебя прошу, сделай это для меня.

— Но там же Ермолов, государь. Что я буду делать и чем смогу помочь дурному состоянию дел, коль у него и сил мало? К тому же я болен и не выдержу тамошнего климата, который мне известен, — нарочито противился Иван Фёдорович. — Я буду в подчинении у Ермолова, — добавил Паскевич после непродолжительной паузы, — а потому не смогу сделать никакого распоряжения и отвечать за него.

На это император сказал Паскевичу:

— Я приказал Ермолову не делать никаких военных распоряжений без совета с тобой. А тебе вручаю особый приказ о смене его в случае *умышленного* противодействия моим повелениям о совместных ваших действиях, — и протянул Паскевичу конверт{652}.

В то же время император писал Ермолову: «Я направляю к вам двух известных генералов — Ивана Паскевича и Дениса Давыдова. Первый, мой бывший начальник, пользуется полной моею доверенностью; он лично может вам объяснить всё, что по краткости времени и неизвестности не могу я вам письменно приказать. Назначив его командующим войсками под вами, я дал вам отличнейшего сотрудника, который выполнит всегда все

данные ему поручения с должным усердием и понятливостью»{653}.

Выходит, государь назначил Ивана Фёдоровича Паскевича заместителем Ермолова, причём с правом писать ему в любое время и как можно чаще. Алексей Петрович, человек в высшей степени честолюбивый, не мог отнестись к этому назначению хладнокровно. У него был начальник штаба генерал-лейтенант Вельяминов, который, в сущности, исполнял обязанности его заместителя. Появление ещё одного помощника, к тому же пользующегося полным доверием государя, не могло не отразиться на их первой встрече. Она состоялась в то время, когда персияне, не встречая сопротивления, быстро продвигались вперёд и без боя уже заняли город Елизаветполь.

Чтобы защитить от неприятеля Тифлис со стороны Елизаветполя, Ермолов сформировал отряд под командованием генерал-майора Мадатова. Сообщая ему об этом, Алексей Петрович выражал уверенность, что князь Валерьян Григорьевич сделает всё, чтобы не позволить «этой сволочи», то есть персиянам, продвигаться вперёд.

— Каджарам ещё не приходилось иметь дело со столь значительными нашими силами, — подбадривал Мадатова главнокомандующий. — Ваше мужество и многолетние заслуги служат ручательством того, что вы успеете внушить неприятелю тот ужас, какой должны вселять в него храбрые русские войска под начальством опытного генерала.

Ермолов приказал генералу Мадатову перейти в наступление и изгнать неприятеля из Елизаветполя. Однако предупредил его запиской: «Противу сил несоразмерных, Валерьян Григорьевич, не вступайте в дело. Нам надобен верный успех, и вы приобретёте его со своими войсками, я не сомневаюсь в этом. Суворов не употреблял слова “ретирада”, а называл оную “прогулкой”. И вы, любезный князь, прогуляйтесь, когда будет не под силу. Стыда в том никакого нет…»

29 августа 1826 года Паскевич был уже в Грузии. Позднее он вспоминал, а историк Андрей Парфёнович Заблоцкий-Десятовский записывал за ним:

«По приезде в Тифлис я тотчас явился генералу Ермолову. Он сказал, что весьма рад моему назначению и прибытию. На другой день приходит ко мне полицейский чиновник сказать, что генерал Ермолов никого не принимает, а на третий день тот же чиновник объявил мне, когда будет принимать главнокомандующий. Прихожу к нему в назначенный час. Меня пригласили в большую комнату… посредине которой стоял стол в виде стойки. На одной стороне сидел Ермолов в сюртуке, без эполет, в линейной казачей

шапке, напротив него генерал и другие лица, которые обыкновенно собирались у него для разговоров и суждений. Прихожу я… Он говорит:

— А, здравствуйте, Иван Федорович.

Никто не уступил мне места, не нашлось для меня даже стула. Полагая, что это делается с умыслом для моего унижения, я взял в отдалении стул, принес его сам, поставил против Ермолова и сел. Смотрю на посетителей: одни в сюртуках без шпаг, другие без эполет и, наконец, один молодой человек в венгерке; все вновь входящие приветствуются одинаково со мною:

— А, здравствуйте, Иван Кузьмич, как вы поживаете?

— Здравствуйте, Петр Иванович…

Все потом садятся… прапорщик не уступает места генералу. Приходит *начальник штаба Кавказского корпуса* Вельяминов… ему нет стула, и никто не уступает ему места

— Кто это — Иван Кузьмич?

— Это поручик, — и назвал знакомую фамилию… Мне это показалось очень странно»{654}. Воспоминания Паскевича в целом и приведенный фрагмент в частности преследовали цель представить Ермолова в максимально неприглядном виде. А получилось все наоборот, он нарисовал нам привлекательный образ военачальника, сумевшего создать в Кавказском корпусе демократическую атмосферу, исключавшую даже попытки заискивания младших офицеров перед старшими.

Можно, конечно, и так оценить ситуацию, сложившуюся в Кавказском корпусе. Но ведь можно и иначе, как совершенный развал воинской дисциплины и субординации. Одного приведённого примера вполне достаточно, чтобы подтвердить это.

Не знаю, тогда ли, раньше ли или позднее Алексей Петрович пустил гулять по свету остроту: «Паскевич пишет без запятых, но говорит с запятыми». Похоже, каждая эпоха выдвигает своего Цицерона на государственную службу, военную или гражданскую. И наша, как известно, не стала исключением… Чего стоит только одна фраза, ставшая крылатой: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Бедная Россия: почему здесь никогда не любили людей умных и честных? Подтверждением этого тезиса являются судьбы героев более позднего времени — Сергея Юльевича Витте и Петра Аркадьевича Столыпина, последних гениев романовской империи. Я не говорю уже о первой в мире социалистической империи…

Через три дня после Паскевича в Тифлис прибыли: Грибоедов, освобожденный из-под ареста по делу декабристов с «очистительным аттестатом», и Давыдов, желавший поступить на

службу в Кавказский корпус Ермолова. Денис Васильевич свои впечатления от путешествия по Кавказу закрепил на бумаге с изяществом опытного литератора, может быть, с пристрастием.

Доехав до Кавказской линии, Денис Васильевич готов был убедиться в достоверности столичных слухов о глубоком расстройстве горного края, находившегося под управлением Ермолова, с детства уважаемого им человека…

Из воспоминаний Д.В. Давыдова;

«Но каково было мое удивление, когда я только коснулся границы стран, его управлению вверенных! И как удивление мое усиливалось по мере путешествия моего далее и далее. Я попал в другой мир! Я оставил тот, где ему поют анафему, и вступил туда, где только что не служат ему молебны!

Это — отец и покровитель всех от малого до великого, от бедного до богатого!

Вместо… возмущенных горцев, нашел я горцев, которые никогда не были смирнее; в нынешнем году не было даже слабых набегов, в десять-пятнадцать человек; вместо грузин, помогающих персиянам, увидел, как от одного слова Ермолова поднялись все на войну против общего врага. Даже дагестанцы, получившие фирманы для действий против нас, остались спокойными и прислали сии фирманы в оригинале Алексею Петровичу. Лишь провинции, занятые персиянами, отложились от нас, но потому только, что принуждаемы были к этому силой, и потому, что они магометане.

Между тем я уже нашел войска нами собранные и, хотя их было мало, Алексей Петрович, зная персиян, был уверен, что для отражения *неприятеля* этого достаточно… Он денно и нощно работал, распоряжался, приказывал и был так весел, тверд и свеж, как петербургский житель на вахтпараде.

Около семи тысяч *человек* было собрано против Аббас-Мирзы и около трех тысяч против сардаря Эриванского. Алексей Петрович хотел на днях отправиться к первому отряду, а вторым послал командовать Алексея Александровича Вельяминова. *Дела задержали* его в Тифлисе на несколько дней»...{655}

Приведенный фрагмент из воспоминаний Давыдова написан, конечно, с пристрастием. Автор пытается защитить двоюродного брата Ермолова от обвинений в том, что он не подготовился к войне, а когда она началась, проявил нерешительность; своей жестокостью вызвал озлобление горцев, которые, воспользовавшись вторжением персиян, якобы в едином порыве поднялись против русских.

Биограф проконсула Кавказа не может отмахнуться от этих обвинений только потому, что они исходили от его противников.

Если не вникать в суть дела, то в чем-то можно согласиться с его критиками, скорее с хулителями. Да, узнав о вторжении персиян, главнокомандующий действовал очень осторожно. Денис Васильевич, конечно, лукавил, когда писал, что Алексей Петрович в это время «был так весел, тверд и свеж, как петербургский житель на вахтпараде». Для повседневной радости не было причин: русский поверенный в Тегеране Симон Иванович Мазарович не предупредил Тифлис вовремя о готовящемся нападении, царь сомневался в преданности генерала, а потому не прислал подкреплений.

В общем, было от чего прийти в уныние, отметил лет сто назад крупный кавказовед Евгений Густавович Вейденбаум. Другое дело, что неудачи русских на начальном этапе войны не были фатальными: уже через два месяца они, обладая теми же силами и той же *ермоловской* выучкой солдат, стали одерживать победы над персами.

Да, горянки не без причин пугали детей именем Ермолова. Бывало, он сжигал аулы, вешал в назидание другим горцев, *уличенных* в набегах на русские пограничные станицы и села, брал заложников, но делал это не чаще своих предшественников. Все это было, но только не в 1826—1827 годах. Не случайно, по-видимому, историки в это время не видят массового народного движения против русских{656}.

Да, весь мусульманский Кавказ восстал против русских, но это произошло одновременно с вторжением персиян, а не раньше. А пришли государь Ермолову хотя бы одну дивизию из резерва, и войны не было бы вообще, считали современники.

Блистательный историк-писатель новейшего времени Натан Яковлевич Эйдельман, чьи выводы мало зависели от идеологической ситуации, утверждал, что жестокость Ермолова вполне соответствовала той эпохе и тем обстоятельствам, при которых он служил{657}.

Мнение же об исключительной жестокости наместника основывалось на двух совершенно противоположных источниках.

Во-первых, оно исходило от самого Ермолова, который с удовольствием называл себя «проконсулом Кавказа» и живо рассказывал о том, что другие скрывали. На это обратили внимание ещё дореволюционные историки.

Во-вторых, оно исходило от государя Николая Павловича и генерала Ивана Фёдоровича Паскевича, считавших необходимым прежде дискредитировать знаменитого полководца, чтобы потом с легким сердцем отправить его в отставку{658}.

Когда в Тифлис прибыли Паскевич и Давыдов, Ермолов назначил их командовать войсками, направлявшимися против

персиян. Обе стороны готовились к генеральному сражению, которое должно было состояться близ города Елизаветполя. Но прежде чем оно состоялось, князь Мадатов с отрядом в составе полутора батальонов пехоты, полка нижегородских драгун и двухсот казаков *3 сентября в пух и прах разнёс десятитысячный* корпус принца Мамеда при Шамхоре, положив на месте и особенно во время преследования более полутора тысяч человек. Сам же лишился семи своих героев.

Поздравляя русских солдат и казаков с победой, карабахский армянин Мадатов, подкручивая огромные усищи, говорил:

— Вы, русские воины, я с вами никогда не буду побеждён; мы персиян не только здесь, но и везде разобьём. Ура!

— Ура-а-а! — разнеслось эхом по окрестностям. Ермолов был доволен. В письме к Мадатову он писал: «Как хорошо, что вы, любезный князь, положили начало

совершенно в подтверждение моего донесения о том, что я распорядился начать наступательные действия прежде прибытия генерала Паскевича. Они там думают, что мы перепугались и ничего не смеем предпринять! Происшествие сие порадует столицу, а я ожидаю донесения о взятии Елизаветполя»[{659}].

Алексей Петрович не напрасно ожидал. Уже в ночь на 4 сентября Мадатов, желая захватить неприятеля врасплох в Елизаветполе, поднял войска и приказал выступать. Сам же с двумя сотнями казаков и двумя орудиями помчался вперёд. По пути он узнал от местных жителей, что неприятеля в городе уже нет, что гарнизон его был увлечён всеобщим бегством. Немного позднее стало известно, что комендант крепости Назар-Али-хан за трусость понёс самое позорное в Персии наказание: ему обрили бороду и, посадив на осла задом наперёд, возили по всему лагерю принца Аббаса-мирзы.

4 сентября князь с войсками вошёл в Елизаветполь. Значительную часть населения его форштадта составляли армяне. Они встречали освободителей хлебом-солью, фруктами, а их полководца обнимали за колени. Вечером во многих дворах звучали песни.

Победителям достались громадные трофеи, в том числе «жизненные припасы», в которых очень нуждались русские.

Казачьи разъезды, рыскавшие по всем направлениям, приносили известия о полнейшей деморализации персидских войск.

Ермолову удалось собрать близ Елизаветполя до десяти тысяч штыков и сабель. Он подчинил их общему командованию генерал-адъютанта Ивана Фёдоровича Паскевича. Сообщая об этом императору Николаю I, Алексей Петрович писал:

«Известная храбрость и военная репутация сего генерала делают его полезным мне сотрудником, тем более что он удостоился полной доверенности вашего императорского величества»{660}.

Вряд ли Ермолов не лукавил, давая такую характеристику Паскевичу. Но совершенно очевидно, он не стремился к обострению отношений с ним, что подтверждается и письмом главнокомандующего к всегда успешному в бою князю Мадатову, оскорблённому подчинением его отряда новому начальнику.

Ермолов, успокаивая эмоционального князя, просит не оскорбляться, наступить на горло собственному честолюбию, всеми силами помогать новому начальнику, которому, несомненно, потребуются его опыт, знание неприятеля и языков кавказских народов. «Обстоятельства таковы, — убеждает Алексей Петрович генерала Мадатова, — что все мы должны действовать единодушно»{661}.

Главнокомандующий дал несколько полезных советов Паскевичу, назвал ему фамилии офицеров, на которых он может полностью положиться. Самым надёжным среди прочих, по его мнению, является начальник штаба корпуса генерал Вельяминов.

5 сентября 1826 года Паскевич выехал из Тифлиса, вступил в командование войсками, собранными в селении Муганло, и скоро своими глазами увидел результаты боя героев князя Мадатова с персиянами при Шамхоре. Весь двадцативёрстный путь их отступления, по свидетельству Ивана Фёдоровича, был завален трупами врага.

В первое время отношения между князем и новым начальником были нормальными. Валерьян Григорьевич, как и предсказывал Алексей Петрович, произвёл на Ивана Фёдоровича хорошее впечатление, и тот поделился своими чувствами с императором: «Генерал Мадатов — нужный здесь человек. Он как один из первых помещиков Карабаха, знающий местные языки, имеет большое влияние на кавказские народы»{662}.

А вот кавказские войска, которым новый начальник устроил смотр, ему не понравились. Паскевич нашёл *их* недисциплинированными, плохо одетыми и в боевом отношении никуда негодными. Солдаты не знали своих бригадных и дивизионных командиров. Командиры, естественно, не знали своих солдат.

«Трудно представить себе, до какой степени они плохо выучены, — писал Паскевич императору. — *Боже избавь с такими войсками быть первый раз в деле;* многие не умеют построить каре или колонну, а это всё, что я от них требую. Примечаю также, что сами офицеры находят это ненужным. *Слепое повиновение им не*

нравится, они к этому не привыкли, *но я заставлю их делать по-своему»*{663}.

Хочу обратить внимание читателя на то, что эти строки были написаны накануне первого очень ответственного сражения с персиянами, от которого многое зависело. Основная мысль автора рапорта предельно проста: с такими войсками победить невозможно.

А вдруг…

Если «вдруг», то понятно, кому будет принадлежать заслуга неожиданного успеха. Конечно, военачальнику, щедро одарённому природой блестящими способностями полководца, человеку, выделяющемуся из ряда людей обыкновенных, стойкому и энергичному. «Вот бы государь Николай Павлович догадался дать мне такую характеристику, — подумал Иван Фёдорович, подписывая очередной рапорт на высочайшее имя, составленный скорее всего его адъютантом Иваном Осиповичем Каргановым, доносчиком и казнокрадом. А может быть, и Александром Сергеевичем Грибоедовым…

На это «вдруг» и работает отныне генерал Паскевич, учит солдат делать «движения вправо, влево, вперёд и обратно, перестраиваться из каре в колонну, из колонны в каре». И так изо дня в день в течение недели, о чём и государя уведомить не забывает. Теперь, кажется, наступила пора помериться силами с воинами Аббаса, которых совсем недавно принц якобы едва удерживал от нападения на русских. Вот как они рвались к отмщению неверным!

Рано утром 13 сентября близ Елизаветполя сошлись до десяти тысяч русских и тридцать пять тысяч персиян. При таком соотношении сил самый вероятный исход сражения — поражение. Паскевич в отчаянии: государь не простит. Валерьян Григорьевич Мадатов и Алексей Александрович Вельяминов убеждают: необходимо принять сражение. Иван Фёдорович благоразумно соглашается. В результате Аббас-мирза сокрушён, его войска бегут…

Кому принадлежит заслуга победы при Елизаветполе? Понятно, ему, Паскевичу, сумевшему за какую-то неделю научить солдат Кавказского корпуса двигаться туда-сюда и, конечно, перестраиваться. Страшно даже представить, чем бы всё кончилось, если бы они не освоили этих упражнений, а опирались только на боевой опыт Суворова, Кутузова, Ермолова, сохранившийся в русской армии… Вот и государь, рассудив, пришёл к убеждению, что успех этот — следствие «благоразумных распоряжений» его, генерал-адъютанта, «который всегда служил примером подчинённым».

Странно, не правда ли? По мнению Паскевича, кавказские войска ничего не умеют, и Боже избавь оказаться первый раз с ними в сражении. А они ещё до его приезда в пух и в прах разнесли персиян в бою под Шамхором, а за сражение под Елизаветполем, *свидетелем* (а не участником) которого он случайно оказался, добыли ему саблю, украшенную бриллиантами. Немного позднее те же войска подарили начальнику титул графа Эриванского и чин фельдмаршала.

Эта победа окончательно решила судьбу Алексея Петровича, в лице которого Россия, по выражению современника, «лишилась… фельдмаршала с замечательными способностями».

«Без сомнения, теперь всё будет приписано Паскевичу, — писал Вельяминов кузену наместника Петру Николаевичу Ермолову сразу после событий при Елизаветполе, — но ты можешь быть уверен, что если дела восстановлены, то, конечно, не потому что он сюда прибыл, а несмотря на то, что прибыл»{664}.

Понятно, победу одержали бы и без него, как и в его присутствии, всё те же Мадатов и Вельяминов, которых царский адъютант, слава Богу, представил к награждению: первого — чином генерал-лейтенанта, второго — орденом Святого Георгия 3-го класса.

Так и случилось: победа была отдана Паскевичу, и он, государь Николай Павлович, пожаловал ему, Ивану Фёдоровичу, высокую награду — саблю, украшенную алмазами, с надписью: *«За поражение персиян при Елизаветполе».*

Вдохновлённый победой, отмеченной царской наградой, Иван Фёдорович рвался перенести военные действия на территорию Персии. Главнокомандующий готов был пойти на это, но лишь после подхода подкреплений. Упрямый «хохол» настаивал, приводил убедительные доводы. Алексей Петрович сдался, разрешил переправиться через Араке, поскольку был убеждён, что «неприятель, не имеющий достаточно сил, противиться не станет», а значит, не сможет причинить ущерба русским войскам, но категорически запретил идти на Тавриз, столицу наследника престола, где можно было найти всё: и продовольствие, и фураж, и военные припасы. Паскевич приписал запрет зависти Ермолова, его желанию помешать ему.

Персияне действительно не стали противиться. Аббас уже распустил войска, за исключением личного конвоя численностью в одну тысячу человек. Преследовать-то оказалось некого, и Паскевич вернулся назад, приведя с собой около трёхсот семейств и более пяти с половиной тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота. Там ничего существенного не произошло, но наш

новый герой *«заметил, что войска не привыкли драться в горах».* Где привыкли драться известные горцам войска Кавказского корпуса, в том числе солдаты Ширванского пехотного полка, Иван Фёдорович не уточнил.

Идти дальше, до Тавриза, не имея необходимого транспорта для доставки провианта и обеспеченного тыла, было чрезвычайно опасно. Разорённое подчистую местное население не имело ни запасов продовольствия, ни перевозочных средств. В любой момент оно могло взбунтоваться. Всё это трезво учитывал Ермолов, запрещая наступление в глубь Персии.

Подводя итоги первого года войны, Паскевич писал императору: *«Кампания кончена — кампания испорчена».* Кто так изящно закончил донос вместо малограмотного генерала, я не знаю. Однако очень вероятно, что Карганов. Или Грибоедов. Скорее даже Александр Сергеевич, ибо доносы Ивана Фёдоровича в оформлении «Ваньки-Каина» особой велеречивостью не отличались.

Ввиду столь трудного положения Ермолов приказал перевести войска на зимние квартиры. Желание государя «действовать быстро и решительно» исполнить не удалось. Виною тому — главнокомандующий Кавказским корпусом, не сумевший «подготовиться к военным обстоятельствам». Так считали его недруги, так воспринимал их доносы Николай I.

Одержав победу и получив награду за неё, Иван Фёдорович воспрял духом и уже не скрывал, с какой целью прислан на Кавказ. Отношения между ещё действующим главнокомандующим и уже рвущимся ему на смену обострились до крайности, «Два старших генерала ссорятся, с подчинённых перья летят», — определил ситуацию Грибоедов в письме к Бегичеву.

Однако обо всём по порядку…

МИССИЯ ДИБИЧА

Чтобы привести ситуацию в соответствие с условиями военного времени, император Николай I отправил на Кавказ начальника Главного штаба барона Дибича. Уже в пути он получил кое-какие полезные сведения и, надо сказать, остался доволен внешним видом хопёрских казаков, ставропольским городским управлением, учебной командой, созданной из разных полков Донского, Кубанского и Черноморского войск, о чём сообщил императору. Его величество поблагодарил «любезного Ивана Ивановича» за скорую езду и полученные сообщения, но выразил тревогу в связи с сообщением Паскевича о дурном состоянии артиллерии и кавалерии Кавказского корпуса и просил генерал-адъютанта срочно представить ему своё заключение по этому вопросу.

В Ставрополе Дибич пригласил к себе артиллерийских офицеров. Они явились к нему, по свидетельству очевидца, «в старых, истёртых мундирах», подходили «неровным, трепетным шагом». Все ожидали «услышать бурю», но начальник Главного штаба не сказал ни слова и только нахмурил брови. Проверяя донесение Паскевича, Иван Иванович вызвал известного ему подполковника Радожицкого, командовавшего бригадой.

— Господин подполковник, артиллерия всегда была лучшей частью нашей армии во всех отношениях, а у вас я вижу противное, — сказал царский посланец и спросил: — Что случилось?

— Ваше высокопревосходительство, моя бригада вот уже несколько лет беспрерывно находится в походах то за Кубанью, то в Кабарде, поэтому некогда заниматься ни обмундированием людей, ни их выправкою.

— Что вы мне говорите! — закричал генерал. — Вам не хватало времени почистить мундиры? Дурно, сударь, дурно! А коль пытаетесь оправдаться, тем хуже. Я буду просить государя от решить вас от командования.

Спустя какое-то время они встретились за столом, и Дибич спросил Радожицкого:

— Бывают ли у вас учебные стрельбы?

— Постоянно, господин генерал, — ответил Илья Тимофеевич, имея в виду действия против горцев. — Черкесы так уважают нашу артиллерию, что не осмеливаются по три-четыре человека собираться вместе на известном расстоянии.

— Может быть, боятся, а не потому, что вы прицельно стреляете, — прервал начальник штаба осмелевшего

подполковника.

— Они потому и боятся, — не унимался герой минувшей войны с французами, — что мы метко стреляем из пушек, что могут подтвердить все, кто бывал за Кубанью.

— Похоже, начальство лучше знает об этом, чем вы! — сказал Дибич, наливаясь от возбуждения кровью и сверкая глазами{665}.

В тот же день начальник штаба донёс императору о плохом состоянии артиллерии, пообещав на обратном пути обратить особое внимание на практическую стрельбу кавказских канониров. «Если и по этой части оная окажется столь же мало исправною, — писал он, — то подполковника Радожицкого надо будет отстранить от командования бригадой»{666}.

По пути от Ставрополя в Тифлис Дибич внимательно осмотрел войска и нашёл их «в удовлетворительном состоянии». Их «дух и усердие» вполне отвечали требованиям императора. Каждый солдат предстал перед царским инспектором в «изрядном» виде, правда, «выправки» и здесь было «мало». *«А* её и требовать-то мудрёно, — рассуждал Иван Иванович наедине с самим собой, — ибо люди постоянно находятся или в карауле, или в конвое. Обмундирование на всех служивых добротное, только вот амуниция подогнана очень плохо»{667}. Будь в то время хотя бы обычная телефонная связь, успели бы не только переодеться, но и все видимые недостатки устранить.

На последнем перегоне перед Тифлисом Дибича встретил адъютант Ермолова Талызин с запиской от главнокомандующего, в которой были такие слова: «Рад душевно, что вы едете сюда, знаю, сколь облегчены будут мои действия».

Вообще-то Дибич пользовался репутацией порядочного человека, но ведь не настолько же, чтобы возлагать на него такие надежды. Вот если бы ему пришлось выбирать только между Ермоловым и Паскевичем, он, конечно, выбрал бы первого. К разговору об этом я ещё вернусь…

Начальник Главного штаба прибыл в Тифлис 20 февраля 1827 года и сразу же навестил Ермолова на его квартире. Разговорились. Алексей Петрович убеждал гостя:

— Иван Иванович, мы сумеем найти выход только на основе взаимной откровенности, если, конечно, вопрос о судьбе моей не решён уже в Петербурге, — и выжидающе посмотрел на собеседника.

— Не скрою, Алексей Петрович, государь Николай Павлович очень сомневается, что в ближайшее время вы будете действовать быстро и решительно, как того желает он и достоинство России.

— Я, пожалуй, допустил ошибку, когда после Елизаветпольского боя не пошёл на Тавриз. Причиной того были

малые потери персиян и опасение, что на берегу Аракса шах подкрепит Аббаса свежими силами. А если так, переходить границу, не усмирив ширванцев, шекинцев и аджарцев, очень опасно. Хочу заверить вас, Иван Иванович, что уже в начале апреля я буду иметь продовольствия на два месяца и достаточно транспортных средств для доставки его к войскам, что позволит мне перейти в наступление, не оглядываясь назад. Ручаюсь головой, что до наступления летней жары Эриванское и Нахичеванское ханства будут в моих руках.

— Согласен, Алексей Петрович, нам следует опасаться не войск шаха, а голода. Он может настигнуть нас при продвижении в глубь Персии. Поэтому необходимо немедленно занять Эриванское ханство, чтобы не позволить неприятелю уничтожить и ту малую часть провианта, которую мы можем получить у армян.

Договорились вернуться к обсуждению этого вопроса после подсчёта Ермоловым всего того, что он имеет и что надеется иметь в будущем. Дибич спросил Алексея Петровича об его отношениях с Паскевичем. Алексей Петрович пытался уклониться от ответа, но Иван Иванович настоял, и он высказался:

— Я знаю, Паскевич приехал сюда, чтобы занять моё место главного начальника на Кавказе. Вопрос этот решён в Петербурге давно и окончательно. Мне бы, Иван Иванович, прикинуться больным, как это сделали бы другие на моём месте, и смириться с неизбежными обстоятельствами. Но я привык исполнять волю государя моего в полном объёме, не вдаваясь в обсуждение его рескриптов. Он позволил мне самому решать, что Иван Фёдорович может сообщать ему. Государь подчинил Паскевичу только войска корпуса, находящиеся под моим началом. Генерал же стал вмешиваться во все сферы управления обширным краем и требовать предъявить ему все документы, подписанные мною. Я, Иван Иванович, не считаю себя обязанным отчитываться перед ним. Очень сомневаюсь в бескорыстии его поступков. Убеждён, что он никогда не сможет быть в хороших отношениях со мною.

— Алексей Петрович, — обратился Дибич к Ермолову, — государь император, зная Паскевича лучше, чем я, посоветовал мне убедить вас в том, что при деликатном обхождении с ним он будет вам вернейшим помощником.

— Не смею сомневаться, ваше высокопревосходительство. Время покажет, каков он на самом деле, любимец государя{668}.

На этом первая встреча закончилась. Дибич простился с Ермоловым и отправился на отведённую ему квартиру. Его встречали все генералы, находившиеся в Тифлисе, и почётный караул, который оказался «в отличном порядке». Среди офицеров

корпуса начальник штаба императора не нашёл людей недовольных, если по выражению лица судить можно. Когда все разошлись, он остался наедине с Паскевичем.

— Действительно ли всё, что вы писали государю про Ермолова, правда? — спросил Дибич Паскевича.

— Иван Иванович, вы рассказали мне о нём гораздо больше того, что я писал его величеству, — ответил обиженный вопросом Паскевич. — Если государю угодно, я останусь на Кавказе и буду служить под командою любого генерала, который старше меня, но только не с Ермоловым, мне быть вместе с ним никак нельзя.

Генерал Паскевич уверял барона Дибича в том, что не более чем через неделю он убедится в неискренности Ермолова и в неспособности его как командовать войсками, так и управлять столь обширным краем. А вообще-то Иван Фёдорович остался недоволен первой встречей с Иваном Ивановичем{669}. А почему, может спросить читатель? На этот вопрос я отвечу немного позднее. А пока проследим за развитием событий.

Дибич устроил смотр полкам, находившимся в Тифлисе, и был поражён «приличным внешним видом» всех офицеров без исключения. Они превзошли его ожидание. Одежда на всех — новая и чистая, правда, сшитая без особого изыска. А вот амуниция и здесь была «прочная, но дурно пригнанная». Иван Иванович поделился своими впечатлениями с Николаем Павловичем. До чего же его характеристика, данная войскам Кавказского корпуса, отличается от той, которую дал им Паскевич.

Начальник Главного штаба всего одной фразой сумел оценить обоих генералов сразу. Он писал императору:

«После того порядка, в каком при Ермолове находился край, и того екатерининского и суворовского духа, в котором Паскевич застал одушевлённое войско, было легко пожинать лавры»{670}.

Почти такую же оценку войскам Кавказского корпуса он дал и в беседе с Иваном Васильевичем Сабанеевым, которого вскоре встретил на Линии по пути в Петербург.

«Я нашёл там войска, одушевлённые духом екатерининским и суворовским, — сказал Дибич, отвечая на вопрос Сабанеева. — С такими войсками Паскевичу нетрудно будет одерживать победы»{671}.

Можно ли дать более достойную оценку состоянию войск? Скорее всего, можно. Но, думаю, и эта удовлетворила Ермолова, хотя для Николая I Алексея Петровича вроде бы уже и нет на Кавказе. Он поздравил с победой — «первой победой» в его царствование — только Ивана Фёдоровича.

23 февраля 1827 года Иван Иванович Дибич сообщил царю

«по секрету» из Тифлиса, что строгое обхождение генерала Ермолова со здешними грузинами и армянами восстановило против него дворянство, ханов и беков, но, возможно, именно это будет иметь «выгодное для нас влияние на поведение нижнего работающего класса и, несомненно… на скорое покорение взбунтовавшихся». Конечно, главнокомандующий допускал какие-то упущения, быть может, даже ошибки, и они отразились, по мнению инспектора, на «фронтовой части», но отнюдь не затронули «дисциплину и дух войск». Здесь всё было в полном порядке.

Лучшей похвалы не придумаешь. Низы кавказского общества не везде пошли за своими князьями, ханами и беками. Некоторые, предпочитая уйти под защиту русского оружия, к мятежу не примкнули. Злоупотреблений начальник Главного штаба не обнаружил, как и «нежелания Ермолова выполнить волю государя». Он считал достойными оправдания и похвалы и строгость главнокомандующего, умеющего быстро утихомирить бунтующих горцев, «и его сношения с разными особами в Персии».

Дибич писал о прежней строгости Ермолова, поскольку пока не получил ни одного примера в доказательство его жестокости. Думаю, однако, он не мог не понимать, какого сообщения ждёт от него государь Николай Павлович…

И ещё, может быть, самое важное из того, что вынес начальник Главного штаба из повседневных бесед с Ермоловым: он сразу же отверг обвинение его хотя бы в косвенной причастности к движению декабристов. Когда разговор коснулся этой темы, Алексей Петрович откровенно сказал:

— Иван Иванович, в молодые годы я позволял себе резкие суждения, но, клянусь, они никогда не касались правительства, а только начальников, которые казались мне несправедливыми. Да, снисходительно относился к молодым людям, в которых замечал дарования, не слишком навязчиво осуждал их за глупую болтовню. Может быть, это и послужило основанием для оскорбительного заключения, что я разделяю их мысли. Я наивно полагал, что самое звание и лета мои должны защитить меня от подобных подозрений, тем более что ни один из моих офицеров не был причастен к заговору. Якубович, вовлечённый в него князем Сергеем Волконским, уволился из корпуса ещё до мятежа и укатил в Петербург. Кюхельбекера я сам выслал с Кавказа…

Алексей Петрович замолчал. Молчал и Иван Иванович.

«Я удостоверился, — заключает Дибич своё донесение на высочайшее имя, — что обвинение генерала Ермолова в своём отношении есть совершенно неосновательное»{672}.

Я уже обмолвился выше, что Дибич не мог не понимать, какого сообщения от него ждёт государь Николай I. Конечно, понимал, поэтому скоро «состряпал» нужное, в котором, хотя и признал несправедливость обвинений Ермолова Паскевичем, однако указал на мелкие его ошибки, которым теперь придал характер «значительных упущений» и посоветовал заменить его другим человеком, ибо от него «нельзя ожидать блистательных действий».

Кем заменить знаменитого генерала Ермолова? Дибич намекает, что Паскевич на роль главнокомандующего не подходит. Можно было бы, конечно, назначить Витгенштейна, но граф совсем не знает Кавказа, что очень плохо. Иван Иванович разрабатывает подробный план предстоящей летней кампании 1827 года, как бы желая навести государя на мысль, что лучшей кандидатуры на эту должность, чем сам он, ему не найти.

А вот любопытное свидетельство самого Паскевича, высказанное им в беседе с историком Заблоцким-Десятовским: «Барон Дибич явился в Тифлис в роли посредника между нами. Такова, по крайней мере, была официальная версия его приезда. Тайная же, его собственная цель была другая… *В донесениях на высочайшее имя начальник Главного штаба,* казалось, давал понять, что он один только может успешно вести дела за Кавказом, что без него они вообще не пойдут»{673}.

Иначе говоря, Паскевич более чем прозрачно намекал, что Дибич хотел сам занять место Ермолова и победоносно завершить войну с персиянами. И завершил бы! Этот немец пользовался авторитетом среди российских военачальников, и особенно при Дворе, что ещё важнее.

Император предпочёл видеть в должности главнокомандующего Паскевича. Уполномочив Дибича удалить Мадатова, Вельяминова и всех прочих офицеров, дальнейшее пребывание коих на Кавказе окажется вредным, он приказал ему возвращаться в Петербург. При этом государь настоятельно советовал сделать это спокойно, «без шума и скандала», не допуская «оскорблений». «Пусть всё совершится в порядке, с достоинством и согласно точному закону службы», — наказывал государь.

Через десять дней после того, как Дибич признался царю, что жестокость Ермолова еще не доказана, он известил Алексея Петровича о том, что государь император нашел избранные им самовольно строгие меры для удержания здешних народов в повиновении неэффективными. Доказательством этого его величество посчитал «внезапное возмущение оных при первом вторжении персиян в наши пределы». За это «злоупотребление

властью» он приказал генерал-адъютанту объявить главнокомандующему Кавказским корпусом от его имени «строгий выговор».

Алексей Петрович теперь не питал иллюзий относительно своего положения: император не нуждался в его услугах, он нашёл ему замену. Поэтому 3 марта 1827 года Ермолов обратился с письмом к его величеству, в котором выразил сожаление, что не сумел заслужить его доверия, без чего полководец не может «иметь необходимой в военных делах решительности». А коль так, надо просить об отставке?

Ничего подобного, просить об отставке он не будет и предоставит его величеству самому решить, как поступить с героем Бородина и Кульма, «христианским вождем русским», коль сам назвал его так, узнав о вторжении огромной персидской армии. Он присел к столу. Из-под его пера вылились строки капризного упрямства и обиды честного человека на совершенно необоснованное недоверие к нему высшей власти: «Не видя возможности быть полезным для службы, — писал Ермолов царю, — не смею, однако же, и просить об увольнении меня от командования Кавказским корпусом, ибо в теперешних обстоятельствах это легко расценить как желание уклониться от трудностей войны, которые я не считаю непреодолимыми. Устраняя все виды личных выгод, всеподданнейше осмеливаюсь представить Вашему Величеству меру сию, как согласную с пользою общею, которая всегда была главною целью всех моих действий»[{674}].

Иван Фёдорович Паскевич прибыл на Кавказ с высочайшим указом сменить Алексея Петровича, когда сочтет то необходимым. Генерал, хотя и писал без запятых, однако понял: воспользоваться правом сменить такого главнокомандующего, как Ермолов, значит опорочить себя в глазах общества.

Иван Фёдорович рассказал, а историк Андрей Парфёнович Заблоцкий-Десятовский записал за ним:

«Полномочие сменить Ермолова я не желал привести в исполнение без нового высочайшего повеления, которого, однако, прямо не испрашивал, а барону Дибичу не было это полномочие известно. Распечатав как начальник Главного штаба донесение мое и прочитав его, он до того вышел из себя, что в присутствии моего адъютанта бросил оное на пол и топтал ногами»[{675}].

Паскевич в полной мере воспользовался правом писать лично царю. Он буквально завалил Петербург доносами с предложениями отстранить Ермолова от командования Кавказским корпусом, ибо он довел Россию до войны с Персией и озлобил горцев до такой степени, что все они перешли на сторону

противника, как только тот форсировал пограничный Араке. В результате русские стали отступать. Теперь же всё изменилось, успехи последовали один за другим. Алексей Петрович как бы самим стечением обстоятельств обвинялся в ошибках и нерешительности, впрочем, не без основания.

Паскевич не успел ещё войти во вкус побед, а солдат успел уже оскорбить высокомерным отношением. Накануне Елизаветпольского боя, как я рассказывал, он в течение недели занимался с ними строевой подготовкой. После возвращения в Тифлис эти занятия стали нормой повседневной службы для воинов, закалённых в боях и походах, но которых ему было «стыдно показать неприятелю».

Но особенно вопиющую несправедливость он допустил по отношению к солдатам Ширванского полка, знаменитого своими подвигами на Кавказе. Они вернулись в Тифлис после многолетних походов по лесам Чечни и горам Дагестана и вступили в город, как всегда, с *музыкой* и песнями. Весёлые, бодрые, уверенные, что будут отмечены похвалой за верную службу государю, проходили герои мимо дома главнокомандующего, с балкона которого на них смотрел незнакомый генерал. Обратив внимание на обмундирование солдат, многие из которых были в лаптях или азиатских чувяках, он пришёл в такую ярость, что прогнал ширванцев со своих глаз и приказал заготовить приказ по корпусу с объявлением взысканий офицерам полка.

К счастью, на месте оказался Ермолов. Главнокомандующий взял на себя право не только отдать, но и написать приказ, в котором в самых сильных выражениях отблагодарил ширванцев за проявленные в боях чудеса храбрости и за твёрдость в преодолении невероятных лишений, выпавших на их долю{676}.

В Тифлисе Паскевич уже не ограничивался только предписанными ему военными делами. Иван Фёдорович стал вмешиваться во все сферы управления, разыскивая всюду злоупотребления, не обременяя себя, однако, поисками истины. Свои донесения царю о состоянии дел на Кавказе он строил на слухах и сплетнях, не заслуживающих доверия. И тем вызвал ненависть не только солдат, но и офицеров полка. Поэтому не случайно царский адъютант жаловался: «Я одинок, совершенно одинок…» Причём своё одиночество генерал объяснял интригами Ермолова.

Предела нравственного падения Паскевич достиг во всеподданнейшем доносе от 11 декабря 1826 года, в котором представил свой взгляд на деятельность Алексея Петровича уже по пунктам, что создавало видимость серьёзного анализа. А на

самом деле он лишь повторил прежние обвинения, только расположил их по ранжиру и подкрепил ссылкой на мнение персиян: «Аббас-мирза тоже сие утверждает…»; «Угурлу-хан мне тоже сказывал…» и т.д.

Последнее обвинение касалось личного отношения Ермолова к Паскевичу. Вот что писал он царю в *связи* с этим:

«Со времени моего приезда в Тифлис я заметил, что генерал Ермолов не будет ко мне расположен… К стыду русских, я узнал от тифлисского армянина-переводчика Карганова, который со страхом объявил мне, что я окружён шпионами и интриганами, что князь Мадатов в то же время, когда уверяет меня в дружбе, бранит меня в присутствии всех старших чиновников [то есть офицеров] лагеря»{677}.

А кто такой этот тифлисский армянин-переводчик, прозванный сослуживцами «Ванькой-Каином»? Мелкий чиновник ермоловской администрации поручик Иван Осипович Карганов был мошенником, сумевшим обманным путём получить какую-то сумму в Министерстве иностранных дел якобы для доставки в Петербург грузинского царевича Александра, скрывавшегося сначала в Дагестане, а потом в Персии и Турции. Прошло несколько лет. Карл Васильевич Нессельроде обратился к Ермолову с просьбой разыскать обманщика и отобрать у него присвоенные деньги. Алексей Петрович нашёл его и приказал определить его на жительство в Метехский тюремный замок. Некоторое время спустя супруга арестованного казнокрада обратилась к главнокомандующему с просьбой вернуть семейству отца и мужа. Остроумный генерал начертал на прошении свою резолюцию: *«Единое неизречённое милосердие государя императора является причиною того, что до сих пор виселица не имела столь великолепного украшения»*{678}.

Ко времени приезда на Кавказ Паскевича Карганов был уже на свободе. Его призвал претендент на место главнокомандующего в свидетели «вредной» деятельности Ермолова, интригана, злоупотребляющего властью, генерала, неспособного ни управлять вверенным *ему* краем, *ни* командовать войсками, зато якобы способного распечатывать и читать чужие письма. Вот почему, оправдывался Иван Фёдорович перед Дибичем, он не писал ему.

В общем, Паскевич всюду видел недоброжелателей. И первый среди них — Ермолов, «самый злой и хитрый человек, желающий даже в реляциях затмить» его имя. И пригрозил Дибичу отставкой:

— Государь император найдёт другого генерала, который угодит Ермолову, а я не могу, он будет мешать моим делам…

Иначе говоря, Паскевич предлагал Николаю I выбирать между ним и Ермоловым. Справедливость обвинений Ивана Фёдоровича призван был подтвердить авторитетный герой Отечественной войны Константин Христофорович Бенкендорф.

Его письмо к брату Александру, начальнику над жандармами и другу императора, Дибич отправил с тем же курьером, который вёз и донос царского адъютанта. Вот лишь небольшой фрагмент из него:

«…Ермолов не покинет своего поста, пока его решительно не выгонят отсюда, как он того заслуживает. Это, кажется, человек без всякого чувства, жаждущий одной власти, какой бы ценою она ему ни досталась, а между тем он сделал всё, чтобы потерять её, как в административном, так и в военно-политическом отношении, ибо никогда тегеранский двор не согласится иметь с ним дело.

Ермолов убил во всех патриотический порыв, и я вас прошу подумать и принять к сведению, что *мы не совершим ничего выдающегося, пока он здесь, пока ему будет предоставлено всё дело или пока его не свяжут по рукам и ногам.* Я говорю вам не от себя только, но высказываю желание всех, кто только предан императору, желает ему блага и хочет служить ему. Те же, кто набил себе карманы, думают только о том, чтобы им сохранили его…

Погода здесь стоит превосходная, на персидских горах нет ни капли снега, но если бы он даже и был, то разве не нашлось бы русских рук, чтобы его расчистить. Это просто скандал, и время начинать бой»[{679}].

Вот ведь как получается: погода стоит отличная, давно пора приступать к активным действиям, а Ермолов отправил войска на зимние квартиры. Любопытно, что письмо это попало в руки императора не через Александра Христофоровича Бенкендорфа, которому формально и было адресовано, а через курьера Дибича, минуя начальника III отделения. Оно произвело на государя сильное впечатление. Другие современники и участники событий добавили свои штрихи в общую картину конфликта.

Так, барон Александр Андреевич Фредерике убеждал Дибича, что бездействие сказывается на настроении войск. Они с грустью смотрят, как проходят зимние месяцы, столь удобные для наступления. Весной болезни, неизбежные в это время года, могут навредить больше, чем сам неприятель.

Согласитесь, что это — скорее упрёк, чем обвинение главнокомандующего, тем более что его войска, по мнению барона, «хотя и уступают прочим по выправке и обмундированию, однако проникнуты наилучшим духом и несомненной

храбростью»{680}.

Другой свидетель этой драмы, князь Николай Андреевич Долгоруков находил, что начальники кавказских провинций, хотя и обладают большой властью, однако нередко оказываются в трудном положении из-за незнания языка и недобросовестности переводчиков. По его словам, порядок там обеспечивается только доверием к Ермолову и страхом, который он вызывает у горцев. Тем не менее, утверждает он, главнокомандующего скорее можно упрекнуть в слабости, чем в излишней жестокости.

Что же касается состояния войск, то их выправка и одежда показались Долгорукову «в жалком виде», но в то же время князь отметил «прекрасный дух и примерную дисциплину» у офицеров и солдат корпуса и их готовность пройти через все испытания, какие только выпадут на их долю. В продолжение трёхмесячного похода он не слышал ни ропота, не видел там ни малейшего беспорядка{681}.

Три недели из трёх месяцев князь Николай Андреевич прожил рядом с Паскевичем. Все его попытки установить нормальные отношения между двумя генералами оказались бесплодными.

Паскевич писал доносы не только на Ермолова, но и на его ближайших помощников, особенно на Мадатова и Вельяминова, на генералов, которым был обязан победой под Елизаветполем. У Ивана Фёдоровича князь Валерьян Григорьевич «лживее всех», а Алексей Александрович «его во всём поддерживает», поэтому здесь «ничего нет труднее, как узнать истину».

Несмотря на победу в Елизаветпольском бою, одержанную в основном солдатами Мадатова, он для него не военачальник с дарованиями полководца, «а только храбрый гусар».

Паскевич понимает, что эта характеристика Мадатова, как, впрочем, и других соратников Ермолова, коренным образом отличается от тех, какие он давал им, представляя к награждению очередными чинами и орденами. Ничего страшного, «это произошло оттого, — оправдывается он перед Дибичем, — что я о них ничего не знал и после уже получил сведения…».

Не от Карганова ли?

Николай I отправил Дибича на Кавказ для разрешения конфликта между двумя генералами. «Да поможет вам Господь и да вразумит Он вас, чтобы быть справедливым», — наставлял император начальника штаба. Только как-то своеобразно государь понимал эту справедливость. «Надеюсь, — писал он, — что вы не позволите обольстить вас этому человеку *[Ермолову],* для которого ложь составляет добродетель, если он может извлечь из неё пользу…»{682}

Мог ли Ермолов рассчитывать на справедливую оценку своей десятилетней деятельности на Кавказе при таком отношении к себе главы государства? Вряд ли…

Алексей Петрович не исключал, что в годы управления Кавказом мог что-то упустить, недоглядеть из-за обширности территории подчинённого ему края, принять ошибочное решение, в силу которого не достигал цели, поставленной перед ним высшей властью, но никогда при этом не преследовал личной выгоды. Это, по его мнению, является лучшей оценкой его поступков. Он писал Дибичу, что лишь «одна ожесточённая злоба подлейшего доносчика могла изобрести и приписать» его «намерениям за-конопротивные действия, никогда не существовавшие» или до сведения его не доходившие.

Там, где Ермолова трудно было обмануть, вспоминал современник, служивший при обоих главнокомандующих, «там легко было пустить туман в глаза Паскевичу». Поэтому при нём злоупотреблений было значительно больше. Предъявленные обвинения Алексей Петрович разбил в пух и прах и потребовал назначить судебное следствие над ним и доносчиками, но дело это не получило продолжения, ибо Николай Павлович и не ставил перед собой задачу найти истину. Предвзятость императора здесь очевидна.

В этом противоборстве двух «старших генералов» даже ближайшие сотрудники Ермолова не сразу сделали свой выбор. Колебался, по-видимому, адъютант главнокомандующего Шимановский. В противном случае непонятно, почему Грибоедов буквально кричал ему в лицо:

— Как, Николай Викторович, вы хотите, чтоб этот дурак, которого я хорошо знаю, торжествовал бы над одним из умнейших и благороднейших людей России! Верьте, что наш Алексей Петрович его проведёт, и Паскевич… уедет отсюда со срамом{683}.

Александр Сергеевич ошибся: Иван Федорович никуда не *уехал, хотя и угрожал* отставкой. Государь Николай Павлович сделал свой выбор. В условиях военного времени он «дела здешнего края поручил человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли», как считал Алексей Петрович и пытался убедить в этом императора{684}. Не удалось.

12 марта государь подписал рескрипт о смене главнокомандующего. На шестнадцатый день фельдъегерь вручил его Дибичу, а тот ознакомил с ним Ермолова: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого главного начальника,

повелеваю вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях впредь до моего повеления».

«Обстоятельства» эти — война с Персией.

Сколько сменилось на Кавказе главнокомандующих! Но *ни* одна отставка не произвела такого впечатления на общество, как увольнение Ермолова. «Друзьями его, — свидетельствует современник, — были все честные, правдивые трудящиеся и бескорыстные люди, а врагами — люди с нечистой совестью. В отношении с ними у него не было обыкновенной середины: он первых любил по-братски, а вторых — гнал, как врагов отечества»[{685}].

ЕРМОЛОВЦЫ ПЕРЕД ВЫБОРОМ

В связи с отставкой прославленного генерала Александр Христофорович Бенкендорф писал Павлу Дмитриевичу Киселеву:

«Надо было иметь в руках сильные доказательства, чтобы решиться на смещение со столь важного поста и особенно во время войны человека, пользующегося огромной популярностью и который в течение двенадцати лет управлял делами лучшего проконсульства империи».

Однако это скорее похвала решительному императору, чем талантливому администратору и блистательному полководцу Ермолову, хотя этого Бенкендорф не отрицает, но и не утверждает. Алексей Петрович слишком не любил немцев, чтобы его по достоинству мог оценить Александр Христофорович, человек, бесспорно, умный, и немец самый *настоящий)* а не выкрест какой-нибудь, каких немало было в империи.

В рапорте на имя царя начальник Главного штаба подчеркнул, между прочим, что Алексей Петрович «принял высочайшее решение с величайшею покорностью и без малейшего ропота»{686}. Думаю, что царь с удовлетворением прочел эти слова…

Какие странные слова… Похоже, государь и начальник его штаба не исключали, что Ермолов окажет сопротивление. Не оказал. Не мог оказать. Больше того, удовлетворяя просьбу Дибича, он отказался от прощания с войском, несмотря на настойчивые просьбы офицеров Ширванского полка, уходившего на театр войны с Персией. Алексей Петрович не хотел устраивать демонстрацию протеста. После высочайшего приказа от 28 марта генерал уступил Паскевичу начальство над Кавказским корпусом без борьбы, которой так опасались в Петербурге, особенно в Зимнем дворце{687}.

Итак, Иван Федорович Паскевич — главнокомандующий Кавказским корпусом. Талантливый Юрий Николаевич Тынянов, представляя его читателю, писал:

«…Все говорили о нем: он выскочка, бездарен и дурак… Никто не принимал его всерьёз. Только у купцов висели его портреты, купцы его любили за то, что он был на портрете кудрявый, толстый и моложавый.

Есть люди, достигающие высоких степеней или имеющие их, которых называют за глаза Ванькой. Так, великого князя Михаила звали “рыжим Мишкой”, когда ему было сорок лет. Ведь при всей великой ненависти Паскевич ни за что не мог бы назвать Ермолова, всенародно униженного, Алешкой.

А его… так звали, и он знал об этом. И сколько бы побед он ни одержал, он знал, что скажут: “Какая удача! Что за удачливый человек!”

А у Ермолова не было ни одной победы, и он был великий полководец.

И Паскевич знал еще больше: знал, что они правы»{688}.

Вслед за Ермоловым ушли в отставку очень немногие. Большая же часть «ермоловцев» ужилась с новым начальником, в их числе и Грибоедов. В начале декабря 1826 года он откровенничал с другом Бегичевым:

«С Алексеем Петровичем у меня род *прохлаждения* прежней дружбы. Денис Васильевич этого не знает: я не намерен вообще давать это замечать, и ты держи про себя. Но старик наш человек *прошедшего* века. Несмотря на все превосходство, данное ему от природы, подвержен страстям, соперник ему глаза колет, а отделаться от него он не может и не умеет. Упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников, слишком *уважал* неприятеля, который этого не стоил…»{689}

Соперник Алексея Петровича сначала колол глаза и нашему комедиографу. В противном случае писатель не назвал бы его «дураком». Александр Сергеевич Грибоедов понимал, что вместе с «потеплением» его отношений с Иваном Федоровичем Паскевичем он понесет огромные нравственные потери, поэтому и просил Степана Николаевича Бегичева сохранить содержание адресованного ему письма в тайне.

Вот так: Ермолов-главнокомандующий — старик чудесный, любимый начальник, патриот, высокая душа, замыслы и способности у него точно государственные; Ермолов в отставке — уже человек прошедшего века, то есть устаревший, уважающий неприятеля сверх всякой меры, то есть боящийся его, а он, неприятель-то, совсем того не стоит.

А кто же знал до Елизаветпольского боя, что неприятель того не стоил. Мазарович сумел убедить Ермолова, что персидская армия, подготовленная английскими инструкторами, далеко не такая, какой была до Гюлистанского мира. Вот и осторожничал Алексей Петрович, опасаясь навредить делу и репутации своей и его величества.

Еще недавно, каких-то полгода назад, наш Александр Сергеевич квалифицировал Ивана Федоровича «дураком». Теперь же он смотрит на Алексея Петровича глазами своего недалекого родственника и оценивает деятельность Ермолова на Кавказе в стиле доносов Паскевича, в которых, правда, теперь расставлены запятые. Странно? Да. В жизни Грибоедова вообще много необъяснимых странностей…

И далее в том же послании Бегичеву Грибоедов писал:

«Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом отношении к числу орденов и крепостных рабов. Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, *то есть Гомера,* скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием; но всех равнодушнее наш сардар; я думаю даже, что он их ненавидит. Посмотрим, что будет. Если ты будешь иметь случай достать что-нибудь новое, пришли мне в рукописи. Не знаешь ли чего о судьбе Андромахи *[то есть о Павле Александровиче Катенине, авторе трагедии «Андромаха»].* Напиши мне. Я в ней ошибся, как и в Алексее Петровиче»{690}.

В общем-то у Александра Сергеевича были причины не любить Алексея Петровича: сравнивал его с Гавриилом Романовичем Державиным и обоих считал «непригодными к делам», не представлял к наградам и повышению в чине, жалованье назначил самое минимальное, не проникся восторгом от «Горя от ума», хуже того, от чтения комедии у него начинали «скулы болеть». И вовсе не от смеха — от непролазной скуки.

При Паскевиче Грибоедов надеялся удовлетворить свое честолюбие, по определению Пушкина, «равное его дарованиям». И удовлетворил: был надворным советником, стал статским советником, чин восьмого класса сразу поменял на чин пятого класса. Только какой ценой? За ту роль, какую играл драматург в конфликте между двумя «старыми генералами», его упрекали многие современники, а пуще других — двоюродный брат Ермолова Давыдов:

«В Грибоедове, которого мы до того времени любили как острого, благородного и талантливого товарища, совершилась неимоверная перемена. Заглушив в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, *казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа,* навлекшего на себя ненависть нового государя. Не довольствуясь сочинением приказов и частных писем для Паскевича (о чем я имею самые неопровержимые доказательства), он слишком коротко сблизился с Ванькой-Каином, то есть *Иваном Осиповичем* Каргановым, который сочинял самые подлые доносы на Ермолова.

Паскевич, в глазах которого Грибоедов обнаруживал много столь недостохвального усердия, ходатайствовал о нем у *государя*»{691}.

Как мы убедились, ходатайствовал не без успеха.

А еще Д.В. Давыдов сообщает, что А.С. Грибоедов якобы

сказал С.Н. Бегичеву: «Я вечный злодей Ермолову». Непонятно только, констатировал факт или сожалел о чем-то.

А сколько их было, таких блюстителей нравственности комедиографа? Много, очень много. Вот только некоторые из них, самые известные широкому кругу любителей истории.

Павел Александрович Катенин: «Он лезет в гору ужасно… Бог расточает блага тем, которые дали обет быть ему верными»{692}.

Николай Платонович Огарев (несколько позднее): «Грибоедов… высказал в “Горе от ума” все, что у него было на сердце, а дальше он ничего не мог развить в себе самом именно потому, что он примкнул к правительству, этому гробу русских талантов и русской доблести»{693}.

После 14 декабря многие «примкнули» к правительству. Но ведь были и такие, кто изначально служил ему. Стоит ли их порицать, что не вошли в тайные общества? Важно, что в основном не доносили на своих товарищей, хотя и знали об их скрытой жизни.

Не все поступки и факты из биографии Грибоедова поддаются расшифровке. Перед Великой Отечественой войной и после неё историки и биографы драматурга пытались понять, за что Александр Сергеевич иногда получал крупные суммы от правительства? Но любопытным фатально не везло: не только отдельные документы, но и целые архивные дела, доступные раньше, неожиданно выбывали из научного оборота, как только кто-либо проявлял интерес к личности автора знаменитой комедии. Об этом рассказывал своим родственникам и друзьям один очень достойный провинциальный писатель, а они о том поведали мне. И речь шла вовсе не о пожаловании дипломату четырех тысяч червонцами за заключение мира после войны с Персией, победителем из которой вышел Паскевич. Вот почему захлебывался Александр Сергеевич в письме Ивану Федоровичу:

«Государю угодно *[было]* пожаловать меня четыре тысячи червонцами, Анною с бриллиантами и чином статского советника. — А Вы!!! — Граф Эриванский и с миллионом. Конечно, Вы честь принесли началу нынешнего царствования. Но воля Ваша, награда необыкновенная. Это отзывается Рымникским и тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске. Нынче нет лиры Державина, но дух Екатерины царит над столицею Севера… Голова кругом идет, я сделался важен. Ваше Сиятельство вдали, а я обращаюсь в атмосфере всяких великолепий»{694}.

Вот так и не иначе: победа Паскевича над персами «отзывается Рымникским», то есть Суворовым, а «дух Екатерины царит» над николаевским Петербургом. За что же надо было,

позвольте спросить, ссылать такого дипломата «на явную гибель в Тегеран», в чём нас убеждали в детстве и юности учителя и большие ученые, вплоть до академиков. Помню, сорок лет назад, еще в начале шестидесятых, один очень не похожий на всех преподаватель многих древних и новых языков Ростовского университета с историческим образованием поставил перед нами на занятиях… по мёртвой латыни эту проблему. И помянуть его не грех — Сергей Федорович Ширяев. Очень интересный и поучительный семинар получился, хотя и не запланированный. И главное: никто не донес декану, тоже очень хорошему человеку, но ортодоксальному марксисту. Оттепель сказалась.

Потом-то молодые и совсем не молодые люди «подмерзать» стали, на себе убедился. Но книга-то моя об Ермолове, а не о Грибоедове, тем более — не воспоминания…

3 мая 1827 года Алексей Петрович покинул столицу Грузии, чтобы никогда уже в него не вернуться. Он уезжал, оскорблённый «торжествующей посредственностью», не получив от неё даже конвоя, в котором никогда не отказывали и простым путешественникам. В Тифлисе опальный генерал «выпросил его сам, а на военных постах по дороге давали начальники по привычке повиноваться» ему.

По пути Ермолов остановился в деревне своего давнего друга Алексея Фёдоровича Реброва где-то близ Пятигорска, хозяйство которого, основанное на использовании наемного труда, прославилось на всю Россию. Только в конце месяца прибыл генерал в Георгиевск, где ожидали его братья Сергей Николаевич и Дмитрий Николаевич Вельяминовы, чтобы продолжить путешествие домой вместе.

Алексей Петрович болезненно переживал отставку, хотя не признавался в этом даже самым близким друзьям. Так, в письме на имя двоюродного брата Петра Николаевича Ермолова от 30 мая из Георгиевска он писал:

«К половине июня надеюсь быть в Орле, где предамся жизни покойной. Много вытерпел я оскорблений, чтобы желать службы; буду стараться, и успею, *то есть сумею,* истребить из памяти, что я служил когда-то. Кончена моя карьера, и пламенное усердие мое к пользам отечества скроет жизнь безызвестная. Порадуются неприятели мои, но верно, что есть правосудие Божие!»

В другом письме к тому же адресату уже из Орла он писал: «Кажется, пережил я уже все неприятности и предстоит мне жизнь спокойная, безызвестная. Сколь непредсказуема участь человека! Теперь надо искать семейственного счастья. Не подумай, мой друг любезный, чтобы я имел глупость в мои лета помышлять о женитьбе, нет, я разумею приобрести дружбу родных, между

которыми провести старость с меньшею скукою. Вот моя претензия!

Впрочем, в нынешнем веке происшествия теснятся в коротком пространстве времени так, что, имея пятьдесят лет, я надеюсь еще дожить до многого, и Бог знает, что со мною еще случится. Не грусти, любезный брат, о прошлом, ибо я сам переношу все молодецки. Посмотрим, что ожидает торжествующих!

Теперь примиряюсь я с моими врагами, ибо никому теперь не мешаю, быть может, прекратятся порицания»{695}.

Торжествующего Ивана Федоровича Паскевича ожидали чин фельдмаршала, титулы графа Эриванского и светлейшего князя Варшавского и должность наместника Царства Польского.

По пути в Орёл заехал Алексей Петрович в Таганрог, чтобы увидеть место кончины своего благодетеля Александра Павловича, вместе с которым, как считал он, было похоронено его счастье.

А был ли покойный император благодетелем Ермолова? До определённого момента, до лета 1825 года, — да, пока не стал подозревать чуть ли не всех, вплоть до людей из ближайшего окружения. От реальных и мнимых заговорщиков государь укрылся в Таганроге, надеясь оттуда развернуть наступление на своих врагов. Но они опередили его… Мне эта версия Владимира Брюханова очень нравится, потому что она убедительна. Какое впечатление вынес Алексей Петрович от посещения города, в котором ушёл из жизни Александр Благословенный, я не знаю…

Кончить эту главу моего повествования о жизни одного из самых блестящих героев прошлого мне хочется стихами неизвестного поэта, отразившего настроение русского общества первой половины XIX столетия:

Хоть дел великих окончанья
Рукою ты не довершил,
Но дух твой из глуши изгнанья
Других к победам предводил.
Свершить тебе не дали время,
Но всюду там твои следы;
Тобою брошенного семя
Россия соберёт плоды…

Глава пятнадцатая.
ЖИЗНЬ В ОТСТАВКЕ

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

15 июня 1827 года Ермолов приехал в Орёл. Погостив некоторое время у отца, Алексей Петрович переселился в сельцо Аукьянчиково, где занялся перестройкой родительского дома, который стал для него с детьми слишком тесен. Он предусмотрел в нём гостиную, библиотеку, спальни, но столь малые, что в них «можно было укладывать людей только на ребро, как бритвы в шкатулке», как писал он Роману Ивановичу Ховену.

Скоро весть об отставке Алексея Петровича дошла до Петербурга. В связи с этим Петр Андреевич Вяземский писал, констатируя факт и горько иронизируя:

«О Ермолове, разумеется, говорят не иначе, как с жалостью, а самые смелые с каким-то удивлением. Впрочем, кажется, он, в самом деле, в соображениях и планах своих был не прав. У Провидения свои расчеты: торжество посредственности и уничижение ума входят иногда в итог его действий. Кланяемся и молчим…»{696}

Какие «соображения и планы» генерала Ермолова имел в виду князь Вяземский, неизвестно. Но «посредственность» действительно восторжествовала над «униженным умом» замечательного администратора и великого, по определению Тынянова, полководца. Участием в Отечественной войне и в походе русской армии по дорогам Европы он заслужил такую оценку.

В то же время в Новгородском имении Грузино переживал падение другой генерал, *вынужденно* сделавший ставку на великого князя Константина Павловича, Алексей Андреевич Аракчеев. Он выразил сочувствие опальному Алексею Петровичу: «Весьма желал бы с Вами видеться, но в обстоятельствах, в коих мы с Вами находимся, это невозможно»{697}. Обоим было запрещено покидать свои деревни…

В августе навестил Алексея Петровича брат Денис Васильевич Давыдов. За чаем, а может, за чем-то покрепче, разговорились.

— Ты знаешь, Денис, при покойном государе мне постоянно улыбалось счастье. Мог ли я представить тогда, что в пятьдесят лет, в расцвете сил, буду жить в праздности в деревне моего отца…

Делясь впечатлениями, Давыдов писал Закревскому: «Он не грустен, но сердит, как будто сбитый с винта, на коем вертелся тридцать восемь лет славной службы!»{698} Да, был «сердит», но относился к своему новому положению довольно спокойно и даже с иронией.

«Тебе Мазарович расскажет всё, что до меня касается, — писал Ермолов 16 августа своему приятелю Кикину, — он находился в Тифлисе в последнее время моего пребывания там, и ты услышишь множество странных вещей… Ты не удивляйся, ибо нет ничего вечного под луной, и, может быть, найдёшь не совсем справедливым отношение ко мне людей могущественных, но и это весьма обыкновенно…»{699}

С понятным интересом Алексей Петрович следил за развитием событий на Кавказе и, несмотря на оскорблённое самолюбие, оставался справедливым даже по отношению к своим открытым врагам. Вроде бы удивившись тому, что военные действия в Персии идут не совсем успешно, он вместе с тем выразил уверенность, что Паскевич, получив значительное подкрепление, «даст оборот делам».

Высочайшим приказом от 25 ноября Ермолов был уволен из армии «по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсионом полного жалованья»{700}.

«По домашним обстоятельствам…» Как видно, «незабвенный Николай Павлович», по определению Александра Ивановича Герцена, чувствовал себя неловко, коль так мотивировал перед подданными отставку знаменитого генерала.

«Пенсион полного жалованья» отставного генерала составлял всего четыре тысячи рублей ассигнациями в год. Конечно, жить можно, но очень скромно, поэтому решил заняться хозяйственными делами. А он о них имел «пресмешные понятия», однако был уверен, что сумеет постичь всё и сделается «экономом», то есть экономистом{701}. Опережая события, скажу: не сделался.

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, дочь известного участника дворцового переворота 1762 года и героя турецкой войны, узнав о таком скудном содержании Ермолова, сказала однажды у себя за столом, что сочла бы за счастье отдать Алексею Петровичу своё подмосковное имение. Слухи о щедрости старухи, не пожалевшей более одного миллиона рублей, дошли до Николая I, и он назначил опальному генералу жалованье в тридцать тысяч ассигнациями.

Письма Ермолова к разным его адресатам, написанные в это время, вообще не дают основания заподозрить их автора в болезненном переживании отставки. Уволенный со службы, когда ему не исполнилось и пятидесяти лет, он облачился в непривычное для военного человека гражданское платье, и эта перемена послужила для него поводом для иронии над самим собой. В этом отношении характерно его письмо, адресованное жене упомянутого статского советника Кикина, не то обещавшей

ему прислать сукна на сюртук, не то уже прислявшей:

«Чудесно счастливая мысль прислать мне сукна на сюртук, ибо не только я буду иметь вид щегольской, но и избавлюсь от насмешек, которые, конечно, вызвал бы я собственным вкусом. Я готов был выбрать какой-то аптекарский цвет и выйти в свет в этой микстуре. Уже в тяжких спорах были мы с сестрой Анной Петровной, а как мне, теперь отставному, повелевать некем, то я нахожу удовольствие, по крайней мере, её не слушать.

В то время как я исполнен благодарности за сукно, напуган рисунком, по которому я должен буду одеться. Огромная фигура моя не может иметь стройной талии, которая требуется. Я бы решился, несмотря на мои пятьдесят лет, прибегнуть даже к корсету, но и в этом случае не думаю, чтобы из меня что-нибудь вышло.

На рисунке означена шляпа дикого цвета. Говаривали прежде, что это цвет людей подозрительных правил, и я содрогнулся. Впрочем, простите человеку, долго жившему в глуши, если не довольно знаю, как могут часто меняться моды. Однако же по боязни прежних толков не решусь я на шляпу подобного цвета. Если согласно с рисунком в петлице будет роза, я надеюсь, что вы не сочтёте, что я ношу собственное изображение. Много стоит скромности моей, когда нечаянно даже коснётся красоты моей»[{702}].

В деревне скучно. Чтобы хоть как-то развеяться, Алексей Петрович иногда выезжал в город. Через год после отъезда из Тифлиса навестил его в Москве на Пречистенке Грибоедов и предпринял попытку объясниться с бывшим начальником, о чём потом сожалел до конца дней своих. «Этого я себе простить не могу. Что мог подумать Ермолов? Точно я похвастать хотел, а я, ей-Богу, заехал к нему по старой памяти», — убеждал Александр Сергеевич актёра Петра Андреевича Каратыгина[{703}].

«Там, где кончается документ, там я начинаю… — писал Тынянов. — Я чувствую угрызения совести, когда обнаруживаю, что недостаточно далеко зашёл за документ или не дошёл до него, за его неимением»[{704}].

Думаю, в данном случае угрызения совести не терзали Юрия Николаевича: на основе процитированных строк из воспоминаний Каратыгина он воссоздал выразительную картину встречи двух великих русских людей:

«Старый слуга равнодушно встретил пришедшего в сенях и проводил наверх, в кабинет хозяина.

Кабинет был невелик, с тёмно-зелёной мебелью. Наполеон висел на стенах во многих видах, всюду мелькали нахмуренные брови, сжатые крестом руки, тругольная шляпа, плащ и шпага. |

Слуга усадил Грибоедова и спокойно пошёл вон.

— Они занимаются в переплётной, сейчас доложу.

Что ещё за переплётная?

Ждать пришлось долго. В этом не было ничего обидного, хозяин был занят. Всюду висел Наполеон. Серый цвет императорского сюртука был облачным, как дурная погода под Москвой, лицо его было устроено просто, как латинская проза. До такой прозы Россия ещё не дошла.

“Цезарь” было прозвище старика, но и в этом ошибались: он был похож скорее на Помпея и ростом, и статурою, и странною нерешительностью. До Цезаревой прозы ему не дойти. И даже до Наполеоновой отрывистой риторики.

На хозяйском кресле лежал брошенный носовой платок. Вероятно, не нужно было сюда заезжать».

Картина сурового солдатского быта, перенесённого из походной палатки в кабинет московского дома генерала, созданная пером талантливого художника, не обещала особой радости от встречи ни хозяину, ни гостю.

Однако продолжим чтение:

«Послышались очень покойные шаги, шлёпали туфли…

Ермолов появился на пороге. Он был в сером лёгком сюртуке, которые носили только летом купцы, в желтоватом жилете. Шаровары жёлтого цвета, стянутые книзу, вздувались у него на коленях. Не было ни военного мундира, ни сабли, ни подпиравшего шею простого красного ворота, был недостойный маскарад. Старика ошельмовали.

Грибоедов шагнул к нему, растерянно улыбнувшись. Старик остановился.

— Вы не узнаете меня, Алексей Петрович?

— Нет, узнаю, — сказал просто Ермолов и, вместо объятия, всунул Грибоедову красную, шершавую руку. Рука была влажная, недавно мыта.

Потом, так же просто обошедши гостя, он сел за стол, оперся на него и немного нагнулся вперед с видом: я слушаю.

Грибоедов сел в кресла и закинул ногу на ногу. Потом, слишком пристально глядя на него, как смотрят на мертвых, он заговорил.

— Скоро отправляюсь, и надолго. Вы мне оказали столько ласковостей, Алексей Петрович, что я сам себе не мог отказать, зашел по пути проститься.

Ермолов молчал.

— Вы обо мне думайте, как хотите, — я просто в несогласии сам с собой, боюсь, что вы вот ловите меня на какой-нибудь околичности — не выкланиваю ли вашего расположения. И вы

поймите, Алексей Петрович: я проститься пришел.

Ермолов вынул тремя пальцами из тавлинки понюх желтоватого табаку и грубо затолкал в обе ноздри. Табак просыпался…

— Ласковостей я вам, Александр Сергеевич, никаких не ока зывал; этого слова в моем лексиконе даже нет; это вам кто-то другой ласковости оказывал. Просто видел, что вы служить рады, прислуживаться вам тошно, — вы же об этом и в комедии писали, а я таких людей любил.

Ермолов говорил свободно, никакого принуждения в его речи не было.

— Нынче время другое и люди другие. И вы другой человек. Но как вы были в прежнее время опять же другим человеком, а я прежнее время больше люблю, то и вас я частью люблю и уважаю.

Грибоедов вдруг усмехнулся.

— Похвала ваша не слишком заслуженна или, во всяком случае, предускоренна, Алексей Петрович. Я вас, как душу, любил и в этом хоть остался неизменен.

Ермолов собирался поднести к носу платок.

— Так вы, стало, и душу свою не любили. Он высморкался залпом.

— И, стало, в душу заглядываете только по пути от Пашке вича к Нессельроду.

Старик грубиянствовал и нарочно произносил: Пашкевич. Он побарабанил пальцами.

— Сколько куруров отторговали у персиян? — спросил он с некоторым пренебрежением и, однако же, любопытством.

— Пятнадцать.

— Это много. Нельзя разорять побежденные народы. Грибоедов улыбнулся.

— Не вы ли, Алексей Петрович, говорили, что надо колеи глубже нарезать? Вы ведь персиян знаете — спросить с них пять куруров, так они и вовсе платить не станут.

— То колеи, а то “война или деньги”. «Кошелек или жизнь».

“Война или деньги” была фраза Паскевича. Ермолов помолчал.

— Аббас-Мирза глуп, — сказал он, — позвал бы меня к себе в полководцы, не то было бы. Меня ж чуть в измене здесь не обвиняют, вот бы он, дурак, и воспользовался.

Грибоедов опять посмотрел на него, как на мертвого.

— Я не шучу, — старик сощурил глаз, — я план русской кампании получше и Аббаса, да уж и Пашкевича, разработал.

— Ну и что же? — еле слышно спросил Грибоедов. Старик раскрыл папку и вынул карту. Карта была вдоль и

поперек исчерчена.

— Глядите, — поманил он пальцем Грибоедова, — Персия. Так? Табриз — та же Москва, большая деревня, только что глиняная. И опустошенная. Я бы на месте Аббаса в Табриз открыл дорогу, подослал бы к Пашкевичу людей с просьбой, что, мол, они недовольны правительством и, боясь, дескать, наказания, просят поспешить освободить их… Так?.. Пашкевич бы уши развесил… Так? А сам бы, — и он щелкнул пальцем в карту, — атаковал бы на Араксе переправу, ее уничтожил и насел бы на хвост армии…

Грибоедов смотрел на знакомую карту. Араке был перечеркнут красными чернилами, молниеобразно.

— На хвост армии, — говорил, жуя губами, Ермолов, — и разорял бы транспорты с продовольствием.

И он черкнул шершавым пальцем по карте.

— В Азербиджане истреблять все средства существования, транспорты губить, заманить и отрезать…

Он перевел дух. Сидя за столом, он командовал персидской армией. Грибоедов не шелохнулся.

— И Пашкевич единым махом превратился бы в Наполеона на Москве, только что без ума. А Дибич бы в Петербург, к Нессельроду.

Голова его села в плечи, а правая рука стала подавать в нос и сыпать на жилет, на грудь, на стол табак.

Потом он закрыл глаза, и всё вдруг на нем заходило ходуном: нос, губы, плечи, живот. Ермолов спал, С ужасом Грибоедов смотрел на красную шею, поросшую мышьим мохом. Он снял очки и растерянно вытер глаза. Губы его дрожали.

Минута, две.

Никогда, никогда раньше этого не было… За год отставки…

— …писал бы на него… письма, — закончил вдруг Ермолов как ни в чем не бывало, — …натуральным стилем. Он ведь грамоте-то, Пашкевич, тихо знает. Говорят, милый, любезный Грибоедов, ты ему правишь стиль?

Лобовая атака.

Грибоедов выпрямился.

— Алексей Петрович, — сказал он медленно, — не уважая людей, негодуя на их притворство и суетность, черт ли мне в их мнении? И все-таки, если вы мне скажете, кто говорит, я, хоть дурачеств не уважаю, буду с тем драться. Вы же для меня неприкосновенны, и не одной старостью.

— Ну, спасибо, — сказал Ермолов и недовольно улыбнулся, — я и сам не верю… На прощанье вот вам два совета. Первый — не водитесь с англичанами. Второй — не служите вы за

Пашкевича, не очень-то усердствуйте. Он вас выжмет и бросит. Помните, что может назваться счастливым только тот, которому нечего бояться. Впрочем, прощайте. Без вражды и приязни»{705}.

Мне бы извиниться за затянувшуюся цитату, однако воздержусь: надеюсь, доставил читателю удовольствие.

Да, Алексей Петрович переживал отставку, но переживал мужественно, во всяком случае, не так, чтобы за какой-то год сдать и превратиться в развалину, засыпающую даже во время чрезвычайно эмоциональной беседы с гостем, хотя и незваным, и неуважаемым им. Тому «старику» было-то от роду всего *пятьдесят* лет, и он надеялся еще пожить, и пожил тридцать три года. Здесь, думаю, Юрий Николаевич несколько перебрал в художественном вымысле, но перебрал талантливо.

Ермолов не ошибался: Грибоедов действительно писал вместо безграмотного Паскевича не только официальные донесения в Петербург, но и частные письма, что убедительно доказал Натан Яковлевич Эйдельман в самом начале книги «Быть может за хребтом Кавказа»{706}. Времени для творчества совсем не оставалось. А вот при Алексее Петровиче у него «много досуга было», и он, если «немного наслужил, так вдоволь начитался», как сам признавался. И добавлю: написался. А в прочее время «составлял роскошную обстановку… штаба» главнокомандующего{707}. Александр Сергеевич — человек умный и ироничный мог, конечно, занять любое офицерское собрание.

С Грибоедовым Ермолов встретился в 1828 году в Москве. А следующим летом Алексея Петровича навестил другой Александр Сергеевич — Пушкин, который и описал свой визит к опальному генералу в «Путешествии в Арзрум», то есть в путешествии на Кавказ. Посмотрим, как отреагировал хозяин на появление поэта в его орловском доме на Борисоглебской улице…

* * *

В первый раз, как известно, Пушкин ехал на Кавказ с семейством почтенного Раевского, когда был молодым поэтом-романтиком, увлеченным юной дочерью прославленного генерала Марией, которой посвятил немало совершенных по форме стихов. Но в данном случае речь пойдёт не о *потаенной* любви поэта, а о его визите к опальному генералу…

С тех пор минуло девять лет. Юноша стал *мужчиной,* увлеченным идеей жениться. Обратил внимание на Аннету Оленину, потом на Катеньку Ушакову. От первой сам отказался.

Вторая отказала ему. Конечно, переживал, но скоро успокоился. В один из приездов в Москву увидел Наталью Гончарову. Она и стала невестой его мечты. Послал свата Федора Толстого. Тот вернулся ни с чем, если не считать уклончивых обещаний. Чтобы скоротать время до получения согласия матери красавицы, решил отправиться на Кавказ.

Из Москвы Пушкин выехал 1 мая 1829 года. Сделав крюк в двести верст, заехал к Алексею Петровичу в Орел. Вот что писал он об этом в «Путешествии в Арзрум»: «Я приехал к нему в восемь часов утра… Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественная. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе. Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие»{708}.

Пушкин, недавно прощенный царем, делает крюк в двести верст ради того, чтобы навестить опального генерала, до того ему незнакомого, — это, скажу я вам, поступок смелого человека. А портрет! Будто высечен из камня великим Роденом. Какая силища в человеке! Неужели оправился от потрясения, вызванного отставкой? Похоже, не совсем, коль проницательный поэт отметил: «Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие».

Ну а Пушкин, какое впечатление произвел он на Ермолова? Без сомнения, Александр Сергеевич понравился Алексею Петровичу. Свидетельством того является письмо его брату Денису Васильевичу, написанное вскоре после визита поэта:

«Был у меня Пушкин. Я, в первый раз видя его, и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения. Ему также, я полагаю, необыкновенным показался простой прием, к каковым жизнь в столице его верно не приучила».

Обычно Алексей Петрович писал развернутые послания своим адресатам. Это, к сожалению, в подлинном виде до нас не дошло. Возможно, в нем были какие-то подробности о его встрече с поэтом. Слава Богу, Денис Васильевич часть письма Ермолова процитировал в своем письме к князю Петру Андреевичу Вяземскому.

Впрочем, Давыдов в том же послании к Вяземскому еще раз цитирует Ермолова, который, выражая свое отношение к сочинениям Пушкина, писал ему:

«Вот это поэзия! Это не стихи нашего знакомца Грибоедова, от жевания которых скулы болят. К счастью моему, Пушкин, как кажется, не написал ни одного экзаметра — род стихов, который, может быть, и хорош, но в мой рот не умещается».

Денис Васильевич признавался Петру Андреевичу, что Алексей Петрович насмешил его этой фразой{709}. Значительно позднее Петр Иванович Бартенев встретился с Ермоловым. Заведя с ним разговор о русских поэтах, он мало-помалу довел его до Александра Сергеевича Пушкина и спросил, насколько интересной была беседа с ним. Алексею Петровичу она понравилась «очень, очень, очень»{710}. О чём ещё говорили они во время той памятной встречи, генерал не поведал ни Бартеневу, ни позднее Погодину, зато, слава Богу, кое-что рассказал Пушкин в «Путешествии в Арзрум»:

«Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским.

— Пускай нападет он, — говорил Ермолов, — на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например, на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал.

Я передал Ермолову слова Толстого, что Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от него. Ермолов засмеялся, но не согласился.

— Можно было бы сберечь людей и издержки, *то есть рас ходы па войну,* — сказал он»{711}.

«Фраза о графе Ерихонском, — отметил Натан Яковлевич Эйдельман, — содержала немало яду. Позже современники писали об удивлении Николая I (посетившего Кавказ в 1837 году) при виде сравнительно небольших стен, окружавших Эривань (в то время как, по реляциям Паскевича, в Петербурге считали эту крепость куда более мощной и взятие ее — подвигом куда более трудным)»{712}.

Понятно: не раздуй Паскевич значение победы над осажденной крепостью — не быть ему графом Эриванским. Так поступали многие военачальники, включая великих полководцев Суворова, Наполеона, Кутузова. А коль донесения на высочайшее имя за Ивана Федоровича иногда писал Александр Сергеевич, то и заслуга Грибоедова в его карьерном и социальном статусе очевидна.

Два часа Пушкин был гостем Ермолова. Естественно, обсуждением военных дарований Паскевича беседа между ними не ограничилась. Автор «Путешествия в Арзрум» продолжает свой рассказ:

«Думаю, что он пишет или хочет писать свои записки. Он недоволен Историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу. О записках князя Курбского говорил он con amore (с любовью). Немцам досталось…

Я пробыл у него часа два. Ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Он извинялся комплиментами. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от их чтения — скулы болят. О правительстве и политике не было *сказано* ни слова»{713}.

Лукавил Александр Сергеевич, когда на уровне предположения сообщал, что Алексей Петрович «пишет или хочет писать свои записки». Он точно знал: не только пишет, написал кое-что и даже опубликовал, правда, без указания имени автора. Лет десять уже ходил по рукам в списках и вызывал восторг «Журнал посольства в Персию», смягченный вариант которого печатался в нескольких номерах «Отечественных записок» за 1827 год. Возможно, кому-то все это было неинтересно, как, например, Сергею Ивановичу Тургеневу, но не Пушкину, сделавшему крюк в двести верст только для того, чтобы повидаться и поговорить с опальным генералом Ермоловым накануне поездки на Кавказ.

Скорее всего Александр Сергеевич обещал Алексею Петровичу не говорить лишнего об уже завершенных или еще пишущихся его мемуарах. А может, просто опасался навредить генералу.

С взглядами Ермолова, бичующего персидскую тиранию и придворных всего света, я познакомил читателя раньше. Кое-что из этого сохранилось и в сокращенном варианте его «Журнала посольства в Персию». Больше того, цензор оставил в неприкосновенности и такую выразительную реплику автора: «Я не думаю, чтобы вовсе не ограниченное самовластие могло быть привлекательно, и не слыхивал, чтобы оно было залогом выгод народов».

А может, правда: Ермолов писал о Персии, а имел в виду Россию, как в свое время Монтескье разоблачал королевское самовластие, прикрываясь критикой шахского деспотизма. Очень даже вероятно.

«Он недоволен историей Карамзина…» Не один он, многие были недовольны. Недовольный Пушкин написал эпиграмму:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
и прелести кнута.

Вдохновленный же Пушкин приступил к работе над трагедией «Борис Годунов», после окончания которой бегал по комнате и восклицал: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Выходит, «История» Карамзина оказалась в центре внимания хозяина и гостя. Любопытные подробности их дискуссии поведал *читающему миру Денис* Васильевич со слов Алексея Петровича:

«Незабвенный наш Пушкин посещал его несколько раз в Орле; Ермолов сказал ему однажды: “Хотя Карамзин есть дилетант, но нельзя не удивляться тому терпению, с каким он собирал все факты и создал из них рассказ, полный жизни”. В ответ на это Пушкин сказал ему: “Читая его труд, я был поражен тем детским, невинным удивлением, с каким он описывает казни, совершенные Иваном Грозным, как будто для государей это не есть дело весьма обыкновенное”»{714}.

Еще подробнее эту же мысль поэта пересказал племянник генерала — Николай Петрович Ермолов: «Когда Алексей Петрович Ермолов жил в отставке в Орле, Пушкин был у него три раза… Между прочим, говоря о Карамзине, он сказал:

— Меня удивляет его добродушие и простосердечие: говоря о зверствах Иоанна Грозного, он так ужасается, так удивляется, как будто такие дела и поныне не составляют самого обыкновенного занятия наших царей»{715}.

Таким образом, главное достоинство труда Карамзина Пушкин и в шутку, и всерьез видит в беспристрастном, объективном, хладнокровном анализе фактов. Но он не отрицает и присущих ему недостатков. Вот что говорил Александр Сергеевич в то же время в присутствии Алексея Николаевича Вульфа, который и перенес его тираду в свой дневник:

«Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей “Истории”, рассказывая об Игоре и Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского… Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно описывать и царствование Николая и *восстание* 14-го декабря»{716}.

Ермолов, правда, отказывается от философского беспристрастия, но в остальном его взгляды практически не отличаются от взглядов Пушкина. Алексей Петрович ожидает

появления неравнодушного историка, владеющего «пламенным пером», способного ярким, эмоциональным языком показать «переход русского народа из ничтожества к славе и могуществу». Отсюда его симпатии на стороне князя Андрея Михайловича Курбского, описавшего con amore (с увлечением) злодеяния великого государя Ивана IV Васильевича Грозного.

Курбский, как известно, бежал в Ливонию. Возможно, разговор о нем и дал повод Ермолову «зацепиться» за немцев. Скажу откровенно: сколько бы раз Алексей Петрович ни обращался к этой актуальной со времен Михаила Васильевича Ломоносова проблеме, решал он ее на самом примитивном уровне, относя к любимцам русских царей всех иностранцев, приехавших в Россию и из Пруссии, и из Австрии, и из Швейцарии, и из Шотландии, и из Голландии, и из других стран Европы.

Настоящих же германцев у нас по пальцам можно было пересчитать. У Ермолова даже Самуил Самуилович Фигнер и тот немец. Стоило, например, какому-нибудь Авелю Бланку принять православие, как он тут же становился русским. В глазах же Алексея Петровича он и после крещения остался бы немцем. Не владел наш герой методикой классификации российского дворянства по национальной принадлежности, совсем не владел. Численность таких немцев в России после падения советской власти возросла в десятки раз. И все при деле: стригут не волосы в цирюльнях — «капусту рубят».

Так что «о правительстве и политике не было *сказано яи* слова». Только о литературе и говорили Алексей Петрович и Александр Сергеевич, как матушка Веры Павловны с Рахметовым, — все о «божественном».

Пушкину предстоял путь через Харьков, но он «своротил» на прямую Тифлисскую дорогу, пожертвовав вкусным обедом в курском трактире и возможностью посетить Харьковский университет. Ермолов же на некоторое время остался в Орле, а потом, на лето, по-видимому, перебрался в деревню.

Грибоедов погиб. Пушкин вернулся в Россию, чем несказанно обидел Паскевича. Иван Федорович нашел летописца своих подвигов в лице Якова Николаевича Толстого, впоследствии агента III отделения за границей. Он написал его биографию и с автографом автора подарил поэту.

Пушкин же, кажется, задумал написать биографию Ермолова, обратившись к нему с письмом следующего содержания: «Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших закавказских подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает всё, и только

некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке.

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь её исполнить. Но Ваша слава принадлежит России, и Вы не вправе её утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если же Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком, даровать мне краткие необходимейшие сведения, и etc.»{717}.

Отправил ли Пушкин это письмо Ермолову, получил ли тот его, неизвестно. Во всяком случае, Александр Сергеевич книгу о подвигах Алексея Петровича на Кавказе так и не написал. А жаль. Одно дело писать биографию замечательного человека при его жизни и совсем другое — через столетия, когда и спросить-то уже некого, если в том возникнет необходимость.

Алексей Петрович часто и с удовольствием вспоминал тот визит Александра Сергеевича. Вот что рассказывал много лет спустя Пётр Иванович Бартенев о встрече с Ермоловым: «И как хорош был этот сереброволосый герой Кавказа, когда он говорил, что поэты суть гордость нации. С каким сожалением он отзывался о ранней смерти Лермонтова. На мой взгляд, он был истинно прекрасен. Это слоновое могущество, эта неповоротливая шея с шалашом седых волос, и этот ум, это одушевление на семьдесят восьмом году возраста!.. Передо мной сидел человек, бравший с Суворовым Прагу, с Зубовым ходивший к Дербенту, с Каменским осаждавший турецкие крепости, один из главных бойцов Бородина и Кульма, гроза Кавказа!.. И после этого говорите против екатерининского века — он его чадо!»{718}

ЗИМОЙ И ЛЕТОМ, В МОСКВЕ И В ДЕРЕВНЕ

Как правило, зимой Ермолов жил в Москве в собственном доме в конце Пречистенского бульвара, а на лето перебирался в деревню Осоргино, которую приобрел себе вскоре после возвращения в Россию, или в орловском имении Лукьянчиково.

В трех верстах от Осоргина в деревне Собакино с ранней весны до поздней осени жил Петр Николаевич Ермолов с семейством. Алексей Петрович часто навещал двоюродного брата и подолгу гостил у него. Сюда приезжали и другие их родственники…

17 ноября 1830 года начинается польское восстание за восстановление национальной государственности. Русские бегут на восток почти до самой границы. Неудачи следуют одна за другой. Повстанцы ликуют. В бреду восторга они от имени Ермолова сочиняют прокламацию, обращенную к русскому войску. Один *из* её экземпляров попал в руки Давыдова. Денис Васильевич переслал его Алексею Петровичу. Оскорблённый наглой клеветой мятежников, он писал брату с присущей ему иронией:

«Вы узнали о моих походах по Польше; этого мало: вы, верно, услышите скоро о моих победах, в которых жестокая судьба так долго отказывает генералу Дибичу!», направленному на борьбу с мятежниками{719}.

Поляки продолжают бить русских и гонят их почти до границы. Кто может спасти любезное отечество? Естественно, Ермолов. Но государь Николай Павлович вызывает из Грузии Паскевича на место умершего Дибича, и тот *21* августа 1831 года берёт Варшаву.

В это время Ермолов пребывал в Москве и был гостем своего бывшего адъютанта Николая Павловича Воейкова. Он уже собирался покинуть гостеприимного хозяина, лошади стояли у крыльца, когда пришло известие о приезде в столицу императора. Алексей Петрович отложил отъезд и обратился к графу Бенкендорфу с вопросом: может ли он представиться государю? Оказалось, может. Его величество назначил аудиенцию на час дня. Тройка с человеком генерала помчалась в деревню за мундиром и прочими необходимыми «принадлежностями».

В назначенное время Ермолов при полном параде явился на высочайший прием. Ждет час и другой. Никто не обращает на него внимания. Уже начали накрывать столы, и гости, приглашенные к обеду, потянулись один за другим в Кремлевский дворец. Не дождавшись вызова в кабинет царя,

Алексей Петрович обратился к его камердинеру:

— Прошу передать его величеству, что я был, но приглашения на приём не дождался.

— Господин генерал, вы приглашены к столу, — сказал камердинер и удалился, а Ермолов остался.

Вскоре Николай Павлович сам вышел в приемную и увел Алексея Петровича в кабинет, где они оставались очень долго. О чем говорили, неизвестно. Между тем собирались гости. Государь вышел к ним, держа генерала за руку. И за столом он был очень внимателен к нему.

На другой день состоялось представление императрице Александре Федоровне, с которой Ермолов, далекий от царского Двора, до сих пор не был знаком. Его пригласили в кабинет первым из присутствующих. Опасаясь испугать ее величество своей исполинской фигурой, он задержался у входа, потом приблизился к ней и приложился к руке. Государыня приняла генерала очень благосклонно.

Вскоре явился Николай Павлович. Из кабинета государыни вышли втроем, представ перед взорами удивленной московской знати. Все ожидали скорого возвышения Ермолова. «Придворные паразиты посыпали к нему с визитами», — писал историк и мемуарист Погодин, вспоминая беседу с Алексеем Петровичем{720}.

6 декабря 1831 года Николай I назначил Ермолова на должность члена Государственного Совета. Этим жестом царь убивал сразу двух «зайцев»: с одной стороны, не позволял ему проявить свои выдающиеся способности, а с другой — затыкал рот своим критикам, недовольным увольнением знаменитого полководца из армии.

В начале 1832 года на обсуждение членов Государственного Совета был вынесен проект указа о *ежегодном* назначении первоприсутствующих в Сенате и их обязанностях.

Обсуждение проекта указа состоялось 11 января. Генерал Ермолов высказал особое мнение, которое по приговору большинства членов Государственного Совета, вынесенному через две недели, сводилось «к оскорблению честолюбия некоторых сенаторов, к необходимости сохранить чиноначалие и к опасению, что избрание первоприсутствующих будет зависеть от министра юстиции»{721}.

Этим, собственно, и ограничился всплеск активности Алексея Петровича на поприще статской службы. Считая себя недостаточно подготовленным для решения обсуждавшихся вопросов, он скоро стал безучастно относиться к работе в Государственном Совете, не свойственной его характеру, и даже

тяготиться ею, пропускать заседания.

В это время Ермолов сблизился с Мордвиновым. Автор жизнеописания знаменитого адмирала, известный историк, председатель Русского исторического общества Владимир Сергеевич Иконников утверждал, что имя Алексея Петровича было очень авторитетным для Николая Семеновича.

Бывало, старик Мордвинов по состоянию здоровья не присутствовал на заседаниях Государственного Совета. В таких случаях секретарь приносил ему бумаги на дом. Не желая вникать в суть дела, адмирал спрашивал, подписал ли их Алексей Петрович? Получив утвердительный ответ, он, не задумываясь, делал то же. В свою очередь, Ермолов высоко ценил Николая Семеновича за обширные познания и замечательный ум{722}.

Однажды Николай I пригласил Ермолова сопровождать его в плавании в Кронштадт. Там их встретил знаменитый адмирал Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен.

— Генерал Ермолов, — отрекомендовался Алексей Петрович, протягивая руку мореплавателю, — именем которого вы, адмирал, назвали остров в Тихом океане; вы обессмертили моё имя, закрепив его на географической карте; благодарю вас.

«Беллинсгаузен, чисто русский человек, — писал Василий Алексеевич Потто, — несмотря на свою немецкую фамилию, стал с тех пор одним из лучших друзей Ермолова».

Подтверждения этого тезиса я, к сожалению, не нашёл. Может, ради красного словца историк так сказал, чтобы оправдать знаменитого генерала, зоологически не любившего «немцев».

Очень скоро Ермолов вполне убедился, что в Государственном Совете он «совсем бесполезен», да и ко двору не годится. Несколько лет Алексей Петрович фактически лишь числился в списках этого совершенно бесполезного учреждения, ставшего собранием отошедших от активной профессиональной деятельности старцев, пропускал заседания, предпочитая жить в Москве или в Осоргино и ожидать отставки. Однако государь не обращал на это внимания.

— Ваше величество, — сказал он однажды государю, — вы, вероятно, упустили из виду, что я военный человек и не могу быть полезным в моих новых назначениях.

— Убеждён, генерал, что ты слишком любишь отечество, чтобы желать ему войны, — ответил на это император. — Нам нужен мир для преобразований и улучшений, но в случае войны я обязательно употреблю тебя по назначению, — и, не простившись, удалился.

Государь не стал ожидать войны. Он предложил Ермолову

через военного министра Александра Ивановича Чернышёва место председателя генерал-аудиториата, военно-судебного учреждения, созданного еще Павлом I, от которого Алексей Петрович отказался.

— Я не приму этой должности, которая возлагает на меня обязанности палача, — ответил он Чернышёву{723}.

В это время заехал в Осоргино после почти двадцатилетнего перерыва первый адъютант Алексея Петровича Павел Христофорович Граббе, оставивший прочувствованные воспоминания о встрече с командиром своей юности, когда каждое слово его «повторялось и списывалось во всех концах России»:

«Теперь я нашёл старика, белого как лунь; огромная голова, покрытая густой сединою, вросла в широкие плечи. Лицо здоровое, несколько огрубевшее, маленькие серые глаза блистали в глубоких впадинах, и огромная, навсегда утвердившаяся морщина спускалась с сильного чела над всем протяжением торчащих седых его бровей. Тип русского гениального старика. Нечего бояться такой старости.

От 9-ти часов вечера до 5-ти часов утра мы не вставали со стульев, забыв сон и усталость. Я не мог насытить ни глаз, ни слуха, всматриваясь и вслушиваясь в него. Какое несчастное стечение обстоятельств могло сбить со всех путей служения отечеству такого человека, при таком государе. Он наделал ошибок, не сомневаюсь в этом. Разве это мерило такого дарования. Между прочими предметами разговора мне случилось ему сказать:

— *Алексей Петрович,* не должно терять надежды, в важных обстоятельствах государь император вспомнит о *вас* и вызовет на поле деятельности.

На это он ответил:

— Боюсь последствий долгого бездействия и, следственно, ошибок, важных в том звании, которое мне принадлежит, — звании главнокомандующего.

— Положим, что это правда, — отвечал я ему, — а мы из ошибок сделаем успех. Кто много воевал, тот поймет, что это не лесть и не нелепость. Одушевление войск есть вернейшее средство успеха, и кто более Ермолова владел этим сильным орудием».

Похоже, мнение Граббе о царствующем государе не совпадало с мнением Ермолова. Не рассказал он нам о «прочих предметах разговора», которые позволили ему сделать вывод, что его бывший начальник много «наделал ошибок».

А еще Павел Христофорович оставил нам описание рабочего

кабинета Алексея Петровича, в котором, собственно, и состоялась та встреча:

«Кабинет без малейшего украшения, но большой стол, ничем не покрытый и несколько стульев простого белого дерева, везде книги и карты, разбросанные в беспорядке; горшочки с клеем, картонная бумага и лопаточки; его любимое занятие — переплетать книги и наклеивать карты. Сам он был одет в синий кафтан толстого сукна, застегнутый на крючки.

Беспорядочная и расстроенная жизнь необыкновенного человека»[724].

Ермолову уже 58 лет. А он до сих пор не женат. Правда, на Кавказе у него было три кебинных (по сути — временных) жены одновременно, полученных по договору, заключенному с родителями девушек, и они подарили ему пять сыновей и одну дочь. Такие дети по обычному праву мусульман считались законными.

После отъезда Алексея Петровича в Россию его жены Сюйда, Султанум и Тотай остались на Кавказе и вышли замуж. Тотай с дочерью Сатиат получали от мужа и отца ежегодное содержание.

Сыновей (Виктора, Клавдия, Севера, Исфендиара и Петра, названных так из-за большой любви Ермолова к истории античного Рима) отставной генерал взял в Россию. Все они по окончании артиллерийского кадетского корпуса, получив офицерские чины и дворянство, служили в русской армии[725].

Как в это время у Ермолова складывались отношения с царем?

В 1835 году Алексей Петрович Ермолов и Александр Иванович Остерман-Толстой по случаю закладки памятника на поле Кульмского сражения удостоились ордена Святого апостола Андрея Первозванного за подвиг, совершенный более двух десятилетий назад.

Государь «забыл», что Ермолов — военный. А горцы долго помнили русского главнокомандующего. И не всегда плохо думали о нём. Вот о чём рассказывал Михаил Петрович Погодин со слов некоего военного доктора.

Доктор следовал из Тифлиса в Симферополь по делам службы. В горах вдруг подлетел к нему горец. Русский путник схватился за пистолет. Всадник успокоил его, сказав, что он не причинит ему никакого вреда, жестами и мимикой объяснил, что в саклю к нему пришла беда, умирает отец и попросил оказать помощь старику. Доктор колебался.

— Не бойся. Нас и Ермолов знал.

Доктор поехал, осмотрел больного, дал ему рвотное. На другой день старику стало легче. Всё семейство джигита не знало,

как благодарить русского лекаря.

— А почему знал вас Ермолов? — спросил доктор.

— Мы служили ему, вот посмотри, — и горец протянул гостю пожелтевший листок бумаги, на котором рукой Алексея Петровича было написано: «Не тронь его. Ермолов».

Старик в своё время оказал Ермолову какую-то услугу и потому пользовался его покровительством. Когда Алексей Петрович покидал Кавказ, горец пришёл к нему и выразил опасение за будущее своего семейства:

— Боюсь я за своё семейство, Ермолай, что будет со всеми нами без тебя.

Ермолов подсел к столу и написал четыре магических слова.

— Отдай мне записку, я сохраню её для истории, — обратился доктор к горцу. — А я достану тебе большой лист с печатью и подписью нынешнего главнокомандующего.

— Ни за что на свете, — ответил горец, — с этой запиской я могу ничего не бояться, она крепче всякого листа{726}.

Не дождавшись увольнения за фактический разрыв связей с Государственным Советом, 10 марта 1839 года Ермолов обратился к императору Николаю Павловичу с просьбой освободить его от заседаний в оном. Государь очень рассердился, однако просьбу Алексея Петровича уважил, даже более чем — отправил в бессрочный отпуск якобы «для излечения от болезни», а на самом деле, чтобы отставкой популярного в народе генерала не возбуждать против себя общественного мнения{727}.

Алексей Петрович уехал в Москву и никогда уже в Государственном Совете не появился, хотя и оставался его членом. Вот что писал он в связи с этим одному из своих друзей:

«По милости государя я пользуюсь неограниченным отпуском до выздоровления от болезни… Здоровье мое… весьма хорошее, и я ничего не переменил в образе жизни против прежнего. Ничем себя не балую, но скучаю от праздности, которую никогда не любил. Летом живу в маленькой деревушке в двадцати пяти верстах от Москвы. Зимою проживаю месяца четыре *6 городе* среди родных. У меня пять человек детей, из которых старший выпущен из артиллерийского училища… Я спокойно приближаюсь к концу дней моих…»{728}.

В Москве член Государственного Совета жил в собственном домике с небольшим двором и палисадником, выходившем на Пречистенский бульвар. Историку Михаилу Петровичу Погодину, однажды посетившему его, удалось обозреть лишь одну комнату с низким потолком. На голых ее стенах, оклеенных желтыми обоями, ничего не висело, кроме медальонов графа Федора Петровича Толстого, изображающих сражения двенадцатого года,

а «насупротив их находился портрет старика в мундире екатерининских времен. Это был отец Алексея Петровича — Петр Алексеевич Ермолов». Перед небольшим окном стоял рабочий стол, за которым на простом стуле сидел один из победителей великого Наполеона.

Ермолов много читал, знал сочинения Погодина. Он принял историка благосклонно, очень хвалил его и так смутил гостя, что тот не знал, что сказать знаменитому генералу. Михаил Петрович подарил Алексею Петровичу книгу Ивана Тихоновича Посошкова «О скудости и богатстве», недавно найденную и только что изданную им, и она явилась прекрасным поводом для разговора о времени и реформах Петра Великого.

— Да, инструменты у Петра I были, и он умел их настраивать, — сказал Алексей Петрович. — Его мало беспокоили чины и звания людей — лишь бы годились для дела. Сержанты и офицеры служили у него за генералов и получали важные поручения. Ошибок не случалось. Вот Соймонов, например, как верно начертал он карту Каспийского моря! Не случайно Екатерина II рекомендовала, замышляя что-либо новое, обращаться за советом к Великому императору, ибо была убеждена: у него найдется, что посоветовать им.

Потом Погодин вывел Ермолова на разговор о Кавказе, где командующие мелькали как в калейдоскопе: Паскевича, получившего назначение в Варшаву, сменил барон Розен, Розен уступил корпус Головину, а Головин — Нейдгардту. И дела там шли всё хуже и хуже. Алексей Петрович, хорошо знавший этот горный край, всякий раз выступал «в роли иронического предвестника событий», как выразился историк Василий Алексеевич Потто.

Паскевич, получив в командование войска, направленные на подавление польского восстания, покинул Кавказ. Сразу распространились слухи о возвращении Ермолова. Горцы заранее приготовили аманатов. Алексей Петрович, понятно, не приехал, зато приехал один из его сыновей, окончивший артиллерийский кадетский корпус. Чтобы только посмотреть на него, любопытные толпами спешили в Шуру, место постоянной дислокации его роты.

Генерал Розен, получивший отставку, навестил Ермолова, чтобы спросить у него совета, стоит ли ему поехать в Петербург для объяснений.

— Погоди немного, Григорий Владимирович, — совершен но серьёзно сказал ему опальный генерал Ермолов, — скоро вернётся Евгений Александрович Головин, и тогда мы втроём поедем в Петербург и объяснимся с самим государем, если он

примет нас.

Головин в самом деле скоро покинул Кавказ, уступив должность главнокомандующего Нейдгардту. Узнав об этом назначении, Алексей Петрович снова не смог удержать язык за зубами.

— Ну! Александр Иванович Нейдгардт предусмотрителен, как всякий немец: уезжая на Кавказ, он заранее нанял себе дом в Москве и дал задаток, похоже, предчувствовал, что скоро вернётся, — иронизировал Ермолов, клокочуще смеясь над своими собеседниками.

Узнав, что Владимир Григорьевич Розен и Евгений Александрович Головин действительно собираются поехать в Петербург, Алексей Петрович предложил, как только встретил их, подождать Нейдгардта.

— Он, думаю, не замедлит приехать, — сказал он. — Тогда мы найдём четырёхместную карету, да так вместе, вчетвером, и отправимся в Петербург, чтобы объясниться с начальством, — и заколыхался от смеха, похожего на рыканье льва.

Нейдгардт действительно не задержался на Кавказе.

— А вообще Александр Иванович — достойный генерал, — убеждал Ермолов Погодина, — но у него есть один порок, которого я никак не могу простить ему: он слишком старый для Кавказа — за шестьдесят лет уже. Там очень часто бывает нужна не столько умная голова, сколько крепкая грудь и широкие плечи. Силы физические дороже сил нравственных. Я сам с моим сложением и здоровьем, приехав на Кавказ тридцати семи лет, едва мог привыкнуть к нему. Порой приходилось сидеть на лошади недели две, всякий день часов по осьмнадцать, после чего и своих не узнаешь. А пошли вместо себя другого, не то получается: везде нужен свой глаз…

Теперешние обстоятельства гораздо сложнее и мудрёнее. У меня средства были ограниченнее: войска раза в три меньше, а какого труда стоило получить то или другое пособие. Я обращался даже к частным лицам и просил прислать ученых для исследования в горах.

Европейские путешественники пишут о Кавказе всякий вздор. Наши чиновники и туземцы часто нарочно обманывают их и сообщают неверные сведения, чтобы после посмеяться над ними. Ещё недавно и сами мы знали об этом крае меньше, чем о Японии. Не случайно покойный государь Александр Павлович, отправляя меня командовать Грузинским корпусом, говорил: «Знаешь ли, Алексей Петрович, я ещё не решил, должны ли мы удерживать свои владения за Кавказом».

— И я скажу вам, Михаил Петрович, — продолжал Ермолов,

— России нечего опасаться за свои владения, пока соседями ее с той стороны остаются такие слабые народы, как персияне и турки. Но притаись где-нибудь англичане, доставь горцам артиллерию, научи их воевать, и тогда нам придется укреплять ся уже за Доном. Я послал Муравьева в Хиву на свой страх и ответственность. Если бы я просил дозволения, то ни за что не получил бы его: пошли бы спросы да распросы, ноты и переговоры. Надо учитывать характер племен: хивинцы — хищники, а бухарцы — тихи и смирны. Наши единоверцы за Кавказом ожидают от нас помощи и покровительства{729}.

Только назначение Михаила Семёновича Воронцова наместником царя на Кавказе Ермолов встретил с искренним удовлетворением и предсказал ему несомненный успех, который, впрочем, обосновал иными, чем были у него, материальными возможностями.

— Теперь за Кавказом двадцать генералов, — говорил он, — а при мне был один Иван Александрович Вельяминов, которого я вызвал к брату. Сегодня в каждом из пяти отделений такой штаб, какой был у меня на весь корпусе. У моих преемников под ружьём состоит двести пятьдесят тысяч человек, а у меня было всего семьдесят тысяч, да и то в самое последнее время. Им на собственное содержание отпускается пятьдесят тысяч рублей серебром, а я получал сорок тысяч ассигнациями и жил полгода в лагере, чтобы скопить денег на бал или обед{730}.

В Москве Ермолов вставал в шесть часов утра, как и в деревне, читал, писал и переписывал свои воспоминания, переплетал книги и добился в этом совершенства, достойного знаменитых мастеров Винье и Келлера. После обеда Алексей Петрович принимал гостей и удерживал их обычно до ночи. Особенно часто посещали генерала кавказцы, которых он называл своими земляками. Среди них были не только офицеры, но и отслужившие свой срок дряхлые солдаты. Сам же бывал лишь у самых близких людей, главным образом у родственников, которые принимали его с большой любовью.

Однажды в Москве навестил А.П. Ермолова плац-майор О.А. Лепарский, прибывший из Восточной Сибири с письмом и подарком от А.И. Якубовича. Провожая племянника коменданта в столицу, декабрист передал ему записку с просьбой:

«Вы увидите моего благодетеля Алексея Петровича Ермолова, скажите ему, что в шахтах *и* штольнях Благодатска его имя было прославляемо. Отдайте ему при сём прилагаемый крест. Двадцать лет тому назад, умирая, рядовой *солдат* мне его завещал, а я, ссыльнокаторжный, посылаю его бывшему моему генералу».

В начале 1841 года состоялась встреча А.П. Ермолова с М.Ю.

Лермонтовым, который привёз ему письмо от бывшего его адъютанта П.Х. Граббе. Известие о гибели поэта, полученное позднее, потрясло генерала. Гневно притопывая ногою, он говорил П.И. Бартеневу, сообщившему ему об этой трагедии:

— Уж я не спустил бы этому Мартынову. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный… а этих людей не скоро дождёшься, — и, помолчав, добавил: — Поэты суть гордость нации! Их пуще глаза надо беречь…{731}

Иногда Алексей Петрович, облачившись в черный сюртук и нацепив орден Святого Георгия, пожалованный ему по представлению самого Александра Васильевича Суворова, отправлялся в Дворянское собрание. При появлении легендарного генерала вставали со своих мест и шли ему навстречу даже женщины. Бывал он и на балах, посещал всевозможные выставки, но особенно часто его видели в театре, который он очень любил.

«Когда Ермолов появлялся в театре или в собрании, — рассказывал позднее современник, — *почитатели генерала,* и старые и молодые, оборачивались всегда в ту сторону, где стоял Алексей Петрович, опершись на свою верную саблю, и задумчиво смотрели на его белые волосы, на эту львиную голову, твёрдо сидевшую на исполинском туловище, и в потускневших глазах его искали глубоко запавшие мысли…»{732}

С ранней юности Ермолов полюбил книгу. Эту страсть сохранил Алексей Петрович до старости. Его библиотека насчитывала более девяти тысяч томов на русском и иностранных языках и считалась одной из лучших частных библиотек России. Позднее он продал ее за весьма умеренную цену Московскому университету.

Понятно, что книги мастера переплетного дела были в хорошем состоянии. Хранились они в специально построенном домике на усадьбе в Осоргино. Здесь Алексей Петрович занимался составлением каталога своей библиотеки, большую часть которой перед смертью он уступил за треть цены Московскому университету.

Всю жизнь, с ранней юности и до отставки, Алексей Петрович вел дневниковые записи о службе, о войнах с Наполеоном, о командовании войсками Кавказского корпуса, о посольстве в Персию, которые положил в основу своих мемуаров. Что-то успел издать сам, но большую часть литературного наследия дяди опубликовал его племянник Николай Петрович Ермолов.

В записках Ермолова все интересно, но в данный момент особую ценность для меня представляют его воспоминания о событиях 1812 года, потому как повод подоспел. Очередную

годовщину Бородинского сражения решили тогда отметить открытием памятника защитникам Центрального редута и маневрами войск. Император, приглашая Алексея Петровича на праздник, писал ему: «Я хочу всех вас, стариков, собрать около себя и беречь, как старые знамена». Прекрасный образ, созданный государем, которого политические противники из числа революционных демократов и советских историков не без основания числили в солдафонах. Похоже, бывают всплески поэтического вдохновения и у таких людей, как «незабвенный Николай Павлович», названный современником «самодовольной посредственностью с кругозором ротного командира».

Надо сказать, что от советских историков досталось почти всем представителям династии Романовых, а Николаю I — больше всех. Если у старшего брата, сына и внука его были хоть какие-то достижения, то у него — никаких заслуг. Он выступал исключительно в качестве душителя свободы внутри страны и за её пределами и виновника позорного поражения России в Крымской войне, что и отрицать-то, я думаю, никто не решится. Один такой учёный даже утверждал, что «тупому и ограниченному уму его соответствовала грубая фельдфебельская физиономия с глазами навыкате».

Да, Николая Павловича невозможно поставить в один ряд с великими монархами, но вряд ли он был тупее советских самодержцев. Что же касается «физиономии с глазами навыкате», то это уже, извините, — признак национального происхождения не только наших государей, но и почти всего российского дворянства, предки которых пришли к нам чуть ли не из всех стран Европы. Они, конечно, из «немцев», сказал бы наш герой генерал Ермолов.

Впрочем, вряд ли глазки автора брошюрки «Династия Романовых», изданной в 1925 году для просвещения рабочих, чем-то отличались от глаз всех Романовых, которые, не отрицаю, действительно были «навыкате».

Скажу откровенно, что отношение Николая Павловича к Алексею Петровичу не может внести в характеристику личности царя ни одной положительной черты, ибо он был слишком пристрастен.

И памятник открыли, и манёвры, имитирующие Бородинское сражение, представили зрителям. Присутствовавший на торжествах французский путешественник и литератор маркиз Астольф де Кюстин вспоминал: «Во время “сражения” целый час я проговорил с генералом Ермоловым, во всех отношениях замечательным человеком, хотя бы потому, что, находясь в немилости, он пользуется громадным авторитетом в русской

армии. Он всегда окружен, и все, даже люди высокопоставленные, усердствуют в оказании ему почтения»[733].

Алексею Петровичу манёвры не понравились, о чём он поведал заезжему французу, вылившему ушаты помоев на Россию и русских.

— Должен признаться, — сказал ему Ермолов по окончании шоу, — что это зрелище содержит много произвольных отклонений от действительного хода битвы, а потому оно совершенно бесполезно и даже вредно с точки зрения влияния на молодых людей, ибо даёт весьма упрощённое представление о великом событии, от исхода которого зависела судьба России[734].

Шли годы. Все меньше оставалось героев Бородинского сражения. Оставшихся в живых государь собрал на свадьбе дочери Ольги Николаевны. Он подошел к Алексею Петровичу и поднял тост за его здоровье.

Что произошло с Николаем Павловичем? С чего бы это он стал проявлять такое внимание к старику? Чувствовал себя виноватым? Спасал свою репутацию, подорванную отставкой Алексея Петровича в 1827 году? Однако об этом надо бы рассказать поподробнее, чтобы воздать каждому по заслугам…

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В 1847 году Николай Герасимович Устрялов опубликовал книгу «Историческое обозрение царствования государя императора Николая 1-го». В ней он, кроме прочих проблем, поднимает вопрос о положении дел на Кавказе в самом начале войны с Персией и об отстранении Ермолова от командования корпусом. Автор писал:

«Но там был Ермолов, недоступный страху, он умел вселить мужество в каждого солдата, и русский штык остановил врага…»

Эта фраза не понравилась Николаю I, он зачеркнул ее и написал своей рукой: «В таких обстоятельствах генерал Ермолов донёс императору, что он не чувствует в себе силы начальствовать войсками в подобное время, и просил присылки доверенного лица»{735}.

А.П. Ермолов — Н.Г. Устрялову,
17 сентября 1847:
«Милостивый Государь
Николай Герасимович!

Увлекаясь общим любопытством прочитал историю достославного царствования государя императора, долго не мог я приобрести сочинения вашего, всеми отыскиваемого с большим желанием, и потому недавно ознакомился с его содержанием.

Не рассуждая об историческом изложении труда вашего, я почитаю себя вправе говорить о том, что в нем упомянуто обо мне. — Вы изволили изобразить меня в чертах, совершенно не свойственных ни личному моему характеру, ни поприщу, пройденному мною на службе… хотя, впрочем, должен я, не желая подозревать другой причины, предположить, что… вы искали соблюсти добросовестность.

Не в защиту свою, в которой я не нуждаюсь, решился я обратить внимание на ошибку вашу, ибо малейшее искажение истины оскорбляет достоинство истории и потрясает доверие к целому труду… Вам, милостивый государь, неизвестно, но я, хорошо зная обстоятельства, не мог встретить войну с персиянами без основательной надежды на успех и чувствовать в себе недостаток способностей, когда во многих из моих подчиненных находил их достаточными…

Не оскорбленное самолюбие, но признательное доверие, которого я был удостоен покойным императором до конца его царствования, и уважение к памяти обо мне прежних моих сослуживцев заставили меня указать вам… на эту непозволительную ошибку…»{736}

Это письмо Ермолова разошлось по России. Одну из копий Алексей Петрович отправил Николаю Николаевичу Муравьеву. Он писал ему: «Я распространил его в Петербурге во множестве списков… Последствия можно *было* угадать. Министр Уваров запретил профессору Устрялову мне отвечать. Говорят, будто *сам* правил *его* сочинение. Не знаю, за что на меня сердятся, я никого не трогаю! Неужели *можно* запретить возражать автору?»{737}

Да как же не сердиться на тебя, Алексей Петрович: прошло, почитай, двадцать лет со дня отставки, а ты никак не можешь простить государю, что заменил тебя «Пашкевичем», генералом не столь красноречивым, но воином-то далеко не последним. Он уже после этого тебя и под ручку выводил к людям, и за столом усаживал рядом, и тост за твое здоровье провозглашал, а ты все шумишь, не позволяешь ему спасти свою репутацию. Его величество от отчаянья на подлог решается, а ты свои письма распространяешь, убеждаешь всякого, что книжонку-то Устрялова *сам* правил. Вот и беснуется. Да и то, по правде сказать, не очень шумно. А мог бы и ножкой топнуть.

Несмотря на проблемы с властью, порой серьезные, Ермолов всегда оставался патриотом. «Никогда неразлучно со мною чувство, что я россиянин», — не раз повторял наш герой в письмах к друзьям{738}. После возвращения с армией из Парижа он никогда не покидал пределов страны. А между тем стал сказываться возраст. Врачи порекомендовали поехать на курорт в Германию. Однако поездка эта не состоялась. Сначала не мог получить разрешения на нее, потом промедлил со сборами, наконец, началась революция в странах Европы. От лечения у заграничных докторов пришлось отказаться.

Как Алексей Петрович отнесся к событиям в Европе? На этот раз безоговорочно осудил верховную власть. Сочувствия же мятежникам я у него тоже не обнаружил. Судите сами.

«В Вене уже конституция, — писал А.П. Ермолов М.С. Воронцову. — Царствующий дурак не помышлял о бегстве и не скрывался, и его не думали выгонять… Какие гнусные действия мошенников Временного правительства во Франции!.. Каков король прусский, заставивший войска резаться под окнами своего дворца, в котором сам прятался пьяный?.. Сам приобрел достойное наименование подлеца и труса!»{739} И это всё. Пропущенные мною слова совершенно не меняют смысла его письма другу, зато заметно усложняют стиль автора.

9 апреля 1849 года в Георгиевском зале Московского Кремля была установлена мраморная плита, посвященная Преображенскому полку. На церемонии присутствовали главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами

великий князь Михаил Павлович и наследник-цесаревич Александр Николаевич. В сопровождении командира полка, батальонных начальников и всех офицеров гвардии они нанесли визит знаменитому ветерану всех антинаполеоновских войн генералу Алексею Петровичу Ермолову, под началом которого императорская гвардия в сражении под Кульмом покрыла себя немеркнущей славой{740}. Вот что писал в связи с этим современник Михаил Петрович Погодин:

«И как приятно и сладко москвичам было видеть этот торжественный поезд сына царёва государя наследника и брата царёва со всеми представителями русской гвардии к деревянному семиоконному домику на Арбатском бульваре, где живёт убелённый сединами герой Бородина, Кульма и Кавказа, где над низменной крышей ярко горит луч русской славы»{741}.

Неожиданные всплески официального и общественного внимания к состарившемуся ветерану столь же неожиданно прерывались почти полным забвением в периоды от торжества к торжеству, от юбилея к юбилею. Эта русская традиция неукоснительно соблюдается и сегодня. И только ближайшие родственники и соратники навещали героя независимо от праздников в его московском доме на Пречистенском бульваре. Особенно часто бывал у него двоюродный брат и сослуживец по Кавказу генерал-майор Петр Николаевич Ермолов. Да и сам Алексей Петрович с удовольствием проводил время в его имении Собакино. Вспоминали былые походы, общих друзей и знакомых, одних хвалили, других ругали, испанца Ван Галена неизменно называли «молодцом».

Ветераны Кавказской войны тоже вспоминали. Один казачий есаул рассказывал:

«При нём, бывало, натерпимся страху и всего. Правда, и порадоваться было чему. Картина — посмотреть на Ермолова. Чудо-богатырь! Надень он мужицкий тулуп и пройди промеж чёрного народа, ей-богу, — сама шапка долой просится… Раз, как сейчас помню, в Чечне это было, идём ночью с отрядом. Темно, хоть глаз выколи, дождь так и поливает, грязь по колено. Вот солдаты и разговаривают… Я был в конвое, так еду за Алексеем Петровичем и тоже слушаю:

— Ай да поход! Хоть бы знать — куда? а то пропадёшь ни за грош, ни за копейку; ноги не вытащить — такая грязища.

Мы, идущие в конвое главнокомандующего, всё слышим — и ни гугу. Как тронулся отряд с места, Алексей Петрович остался зачем-то в крепости, а потом догнал нас и ехал себе в сторонке. Темно — его не видно солдатам; стали мы уже равняться с головой колонны, пехота всё болтает:

— Повели! А куда? Чёрт знает, да и какой дьявол ведёт-то?

— Я веду, ребята! — вдруг загремел знакомый голос.

Батюшки мои! Солдаты как грянули “ура!” — аж в ушах затрещало; куда дождь и грязь девались. Запевалы вперёд. Подтянулись, пошли как по плац-парадному месту, бодро, весело, в охотку; на одном дыхании отмахали сорок пять вёрст. Вот было время, так время! Бывало только скажет: “Ребята, за мной!” “Ура! Ура! Ура!” — загремит в ответ с перекатом, и нет нужды знать — куда, зачем и с чем! Батюшка Петрович и накормит, и напоит, и к ночлегу приведёт…

Нехристи, бывало, как заслышат, что *сам* едет, куда и удаль девается, так и ложатся: бери живьём, приводи к присяге и аманатов возьми — только душу отпусти на покаяние. Сами они говаривали: “На небе — Аллах, здесь Ермолай!”{742}

«Горцы относились к Ермолову с суеверным страхом, близким к невольному благоговению, и передавали память о нём из поколения в поколение, — писал историк Потто, хорошо знавший фольклор народов Кавказа. — В их легендах он предстаёт человеком гигантского роста, с огромной львиной головой, способным сокрушить всё одним мановением своей могучей длани»{743}.

«ВСТАВАЙ, ЕРМОЛОВ! РУСЬ ЗОВЁТ!»

30 мая 1853 года Совет профессоров Московского университета «в уважение отличных заслуг на пользу нашего отечества» избрал Ермолова своим почётным членом. Поэтому он включился в работу по подготовке столетнего юбилея родного для него учебного заведения, в Благородном пансионе которого он когда-то учился. На официальных торжествах в Татьянин день студенты встретили опального генерала рукоплесканиями и криками восторга.

16 октября 1853 года началась «паршивая» Восточная война. Русские войска, терпя поражение за поражением, отступали. Анализируя ход военных действий, Алексей Петрович писал Аврааму Сергеевичу Норову: «Какие наделаны гадости в Севастополе, и надеюсь, что будут новые». Неудачи в Крыму заставили Николая 129 января 1855 года подписать манифест о созыве общегосударственного ополчения. Почти восьмидесятилетний Ермолов одним из первых изъявил желание баллотироваться на роль главнокомандующего народной ратью. Император приказал провалить генерала на выборах, намекнув, что всё равно не утвердит его кандидатуру. А друг Арсений Андреевич Закревский, выполняя поручение правительства, настоятельно советовал ему снять свою кандидатуру.

По утверждению сенатора и писателя Кастора Никифоровича Лебедева, власть боялась, как бы Ермолов, получив под своё начало большие силы, «не сделался диктатором». Похоже, он знал, о чём говорил. Вот уже второй раз правительство, не считаясь с интересами России, отказывает генералу в командовании войсками. Да, Алексей Петрович был честолюбив и даже завистлив, но не настолько, чтобы ввязываться в авантюру на исходе восьмого десятка лет от роду. Он и в молодые годы на такое не решился, хотя некоторые декабристы на него рассчитывали, а позднее даже обвиняли в «непатриотизма», о чём я уже рассказывал.

Общественный деятель и публицист из лагеря славянофилов Александр Иванович Кошелев писал, что «несмотря на все происки… разных могущественных лиц», Ермолов почти единогласно был избран начальником ополчений в семи губерниях. Алексей Петрович согласился возглавить Московскую рать. Отвечая другу Арсению Андреевичу Закревскому, в то время генерал-губернатору старой столицы, он написал ему в резкой форме, что, отмеченный доверием народа, он не сможет «уклониться от службы… не имея перед лицом закона никаких

особенных прав».

Резкий ответ Алексея Петровича разлетелся во множестве списков по стране *и* дошёл до *ссыльных декабристов, вызвав их* восхищение мужеством старого генерала.

При подведении итогов голосования депутаты Московского дворянского собрания минут десять кричали «ура!». Их восторг, по свидетельству того же Кошелева, вполне разделяли и простые горожане, узнавшие об избрании генерала Ермолова начальником губернского ополчения.

Москва приветствовала своего избранника следующим письмом, написанным красноречивым историком Погодиным:

«Генерал! Московское дворянство, призванное священным гласом царя, ополчается на защиту православной веры, в помощь угнетённым братьям, на охранение Отечества. Оно просит вас принять главное начальство над его верными дружинами, и смеет надеяться, что вы уважите его торжественное избрание. Сам Бог сберегал вас, кажется, для этой тягостной годины общего испытания. Идите же, Алексей Петрович, с силами Москвы, в которой издревле Отечество искало и всегда находило себе спасение, идите принять участие в подвигах действующих армий. Пусть развернётся перед ними наше старое, наше славное знамя 1812 года. Все русские воины будут рады увидеть вашу белую голову и услышать любимое имя; оно неразлучно в их памяти с именем Суворова, из рук которого вы получили первый Георгиевский крест, и с именем Кутузова, которому служили правой рукой в незабвенном Бородинском сражении.

Неприятели вспомнят скоро Кульм и Париж, а магометанские их союзники — Кавказ, где до сих пор не умолк в ущельях отголосок ваших побед. Идите, приняв благословение в Успенском соборе перед гробами святителей. Братия наша, которая пойдёт с вами, будет беречь вас, как старое драгоценное знамя 1812 года, а те, которые останутся дома, будут молиться, чтобы вы возвратились скорее с честью и славою, доказав ослеплённой Европе, что *Святая* Русь остаётся неизменно Святой Русью и… не позволит никому прикасаться без наказания к её заветным святыням: Церкви, Престолу и Отечеству»{744}.

Москва ликовала. Поэтесса графиня Евдокия Петровна Ростопчина взывала: *«Вставай, Ермолов! Русь зовёт!»*

Московским ратникам не довелось принять участия в военных действиях ни в Крыму, ни на Кавказе, ни на Дунае. Думаю, понятно, почему: власть, не желавшая включить кандидатуру полководца даже в бюллетень для голосования, нашла возможность избавиться от его услуг, создав основу для конфликта. Согласно царскому манифесту 29 января 1855 года,

всем начальникам губернских ополчений полагалось по два адъютанта, Ермолову же дали одного. Оскорблённый генерал сразу подал в отставку, которая с удовлетворением была принята.

Думаю, однако, это была не единственная причина, заставившая оскорблённого генерала подать прошение об отставке. За четыре месяца командования Московским ополчением Ермолов, кажется, убедился в невозможности справиться с извечными пороками русской бюрократии — воровством и взяточничеством. Вот что писал он в связи с этим упомянутому выше Аврааму Сергеевичу Норову:

«Я уверен, что если умирающего можно воскресить причастием, то его не дадут без взятки. Ничему в России не дано более прочного основания и ничто более не одобряется».

Похоже, не только дураки и дороги, но и взяточники и воры уже давно попали в число неразрешимых проблем России и до сих пор остаются злободневными.

Разве разочарование не может быть причиной отказа от командования? Вполне может, ибо воровали и вымогали взятки даже члены комитета, которым было поручено заниматься делами Московского ополчения, я уже не говорю о чиновниках из заинтересованных министерств.

Думаю, не мог генерал не считаться и со своим возрастом: семьдесят восемь лет — это не тридцать восемь, когда он приехал на Кавказ и даже не те сорок восемь, когда он покинул его. В таком случае может возникнуть вопрос, а зачем надо было баллотироваться на должность начальника Московского ополчения? Да чтобы доказать верховной власти, что он по-прежнему пользуется большим доверием у народа. И доказал. Дворянство проголосовало за него, а чернь столичная поддержала господ своими криками.

ДВЕ СМЕРТИ

В конце января 1855 года император Николай Павлович простудился на свадьбе дочери министра путей сообщения Петра Андреевича Клейнмихеля (а может быть, своей внебрачной, воспитанной в семье графа, о чём поведал нам когда-то Николай Александрович Добролюбов) и заболел гриппом. Потом ему стало немного легче, но после получения сообщения о поражении русских войск под Евпаторией он слёг и больше уже не поднялся. В ночь с 17 на 18 февраля государь скончался, оставив завещание, написанное задолго до смерти. Распорядившись о судьбе всех, кто нуждался в презрении, он закончил его следующими словами: «Благодарю всех меня любивших, всех мне служивших. Прощаю всех меня ненавидивших. Прошу всех, кого мог неумышленно огорчить, меня простить. Я был человеком со всеми слабостями, коим люди подвержены; старался исправиться в том, что за собою худого знал. В ином успевал, в другом нет; прошу искренно меня простить»{745}.

Неожиданная смерть царя, отличавшегося отменным здоровьем, породила всевозможные слухи. Одни говорили, что государь покончил жизнь самоубийством, другие утверждали, что его отравили. Обе версии казались одинаково правдоподобными.

«Но особенно замечательно, — писал Н.А. Добролюбов, — как сильно это мнение принялось в народе, который, как известно, верует в большинстве, что русский царь и не может умереть естественной смертью, что никто из них своей смертью не умер. Народ собирался перед дворцом густыми толпами и со смехом, с криком, с бранью требовал Мандта — доктора, который лечил императора».

Николай Александрович добавлял при этом: «Не думайте, чтобы это из приверженности, из любви к нему, — нет, это просто из охоты пошуметь…»

Александр Иванович Герцен тоже шумел в изданиях своей вольной типографии, благодарил лондонских мальчишек-газетчиков, распространявших радостную для него весть о смерти русского императора, угощал местных голодранцев пивом и вместе с ними кричал на улицах английской столицы: «Ура!» По его диагнозу, царь скончался от «Евпатории в лёгких».

В славянофильской среде о смерти царя говорили «без раздражения» и «даже с участием», но в то же время чувствовали, «что какой-то камень, какой-то пресс снят с каждого, как-то легче стало дышать, вдруг возродились небывалые надежды… Его жалеют как человека… но несмотря на всё сожаление, никто,

если говорить откровенно, не пожелал бы, чтобы он воскрес», — писала Вера Сергеевна Аксакова, дочь писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

* * *

Как встретил сообщение о смерти императора Ермолов, я не знаю. Сам он в это время серьёзно заболел. В первой половине 1855 года у него несколько раз возобновлялась лихорадка, которую он приобрёл на Кавказе. Врачи, опасаясь за его жизнь, прописали ему постельный режим. «Молва не щадила меня, — писал Алексей Петрович Василию Осиповичу Бебутову, — разбивала меня параличом и не раз хоронила». Могучий организм старого генерала на этот раз справился с недугом. Он встал с кровати и даже смог пройтись по комнате без посторонней помощи.

В апреле 1855 года Алексея Петровича навестил в Москве принц датский, приезжавший в Петербург с поздравлениями от имени короля по случаю вступления на престол императора Александра П. Василий Абрамович, сопровождавший высокого гостя, рассказывал, что он «с уважительною похвалою отзывался о престарелом герое Ермолове, который представлял ему вооружённые батальоны Московского ополчения и у коего он… вечером просидел более трёх часов за чаем».

В марте 1856 года последовал приказ о стягивании гвардии в Москву для участия в торжествах коронации молодого государя Александра Николаевича. Здесь состоялась трогательная встреча гвардейских артиллеристов с бывшим командиром генералом Ермоловым. Однако в самом празднике генерал уже не смог принять участия. Известие о падении Севастополя сразило его: у него отнялись ноги и ослабло зрение. Он поделился своей бедой с бывшим адъютантом Граббе.

«С глубокой грустью, — отвечал Павел Христофорович, — прочёл я ваше письмо, Алексей Петрович, не вашею рукою написанное, и без вашей подписи…»

Но и в этот раз наш богатырь сумел одолеть свой недуг.

В 1859 году в альманахе «Утро» впервые была опубликована басня Ивана Андреевича Крылова «Конь», написанная после удаления Алексея Петровича с Кавказа и увольнения его из армии.

Здесь конь, наделённый природой и ростом, и красотой, и силой, — генерал Ермолов; наездник, не очень-то сдерживающий своего скакуна, — русский государь Александр I.

19 ноября 1825 года император Александр I, бежавший от заговорщиков в Таганрог, ушёл не то из жизни, не то в иную жизнь, уступив своего «коня» другому, к сожалению, «плохому наезднику», то есть Николаю I. При всём при том молодой царь, конечно, понимал, какое наследство оставил ему покойный брат. Генерал-то был из лучших, если не самый лучший.

Вот уж «конь» состарился, для боевой службы стал не годен, но и «в возу» ходить не хочет, «скорей его убьёшь, чем запряжёшь». Так и царю не удаётся приручить Ермолова, несмотря на награды и поздравления с праздниками.

Экземпляр басни Ермолов получил вместе с письмом от самого Ивана Андреевича Крылова, что подтверждает и цензор Николай Фёдорович Крузе, находившийся в дружеских отношениях с Алексеем Петровичем.

— Я сожалею, что басня напечатана, — сказал Алексей Петрович, — она может возбудить негодование и вызвать неприятные последствия, а пользы не будет никакой и никому.

— Для запрета басни нет ни оснований, ни возможности, ибо в её содержании и даже смысле нет ничего противозаконного, — возразил Николай Фёдорович, — догадки же, произвольные толкования, чтение между строками положительно запрещены цензурным уставом. Мало ли кого можно увидеть за конём и всадником, но как это доказать? Говорят много, но всё это лишь догадки, плод фантазии, воображения, которые питаются только неизвестностью. Никто не имеет права лишать читателей этого приобретения литературы.

Алексей Петрович рассмеялся и снисходительно сказал:

— Ты всегда прав, мой друг, как и во всём, и я кладу оружие. Вот что писал Крузе в «Русской старине» за август 1881 года:

«Я имел честь и счастье знать близко А.П. Ермолова и пользовался его особой благосклонностью и доверием, а потому видел у него собственными глазами и басню, и письмо Крылова в оригиналах, с которых и списал с его разрешения копии.

А.П. Ермолов делился такими предметами вообще, как и интимными разговорами, только с самыми близкими людьми, в скромности которых был вполне уверен. О басне же «Конь» он рассказал только после смерти Крылова, а до того хранил о ней абсолютное молчание».

Ещё при жизни Алексея Петровича распространялись слухи, в которых автором басни был назван Степан Алексеевич Маслов, известный в то время правитель дел Московского общества сельского хозяйства, агроном и юрист. По свидетельству Александра Сергеевича Ермолова, генерал воспринял эту версию как шутку. Не буду и я вступать в дискуссию с советскими

историками литературы, которые очень серьёзно восприняли эти слухи: не решаюсь обвинить во лжи цензора Николая Фёдоровича Крузе.

В 1860 году Шамиля, только что доставленного в Москву, спросили, кого бы он хотел увидеть из известных русских людей, знаменитый имам ответил: «Ермолова».

Шамиль посетил Ермолова в его доме на Пречистенском бульваре. Встречу двух знаменитых деятелей российской истории запечатлел на бумаге карандашом художник Мамонов. Когда-то этот рисунок принадлежал князю Александру Ивановичу Барятинскому. Возможно, он сохранился, но я видел лишь репродукцию.

Вторая встреча Ермолова с Шамилем состоялось в том же 1860 году на балу в зале Дворянского собрания, который давал московский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский. Перед началом праздника Алексею Петровичу была выделена отдельная комната, в которой он мог бы переодеться в мундир и отдохнуть. Сюда и привёл дагестанского имама племянник нашего героя Григорий Петрович. В этот раз они обнялись как старые приятели.

Имам Шамиль и прежде относился к генералу Ермолову с уважением. По свидетельству современника, он приказал своим соратникам пощадить аул, в котором проживали близкие родственники кебинных жён бывшего главнокомандующего русскими войсками на Кавказе. Больше того, повстанцы не посмели разрушить домик, выстроенный когда-то солдатами на берегу Каспийского моря для укрытия от непогоды «батюшки Алексея Петровича», как называл его великий князь Михаил Павлович.

На одном из вечеров в зале Дворянского собрания присутствовал поэт Фёдор Николаевич Глинка. Поднимая бокал, он приветствовал знаменитого генерала следующим экспромтом:

Умом затмил он блеск алмаза,
В боях был славный он боец,
Да здравствует герой Кавказа!
Да здравствует герой сердец!
Под буркою над русским станом,
С морщиной умной на челе,
Не раз стоял он великаном
Монументально на скале…

Ермолов ещё самостоятельно передвигался по кабинету, но лет пять уже ни читать, ни писать не мог даже в очках. Он больше

сидел в своём любимом кресле, о чём-то думал, иногда здесь же принимал редких посетителей из числа родных и знакомых. Вот о чём поведал нам один из них: «Однажды, *уезжая* из Москвы, я зашёл проститься с Алексеем Петровичем и не мог скрыть своего волнения.

— Полно, друг мой, — сказал старик, — мы ещё увидимся, я не умру до твоего возвращения.

Это было года за полтора до его кончины.

— В смерти и в животе Бог волен! — возразил я.

— А я тебе серьёзно говорю, что умру не через год, а позднее, — сказал он и повёл меня в кабинет, вынул из запертого ящика лист исписанной бумаги и поднёс его к моим глазам.

— Чьей рукой написано? — спросил он.

— Вашей, Алексей Петрович.

Это было нечто вроде послужного списка генерала Ермолова, начиная с чина подполковника, с указанием времени, когда произошёл каждый мало-мальски замечательный случай из его богатой событиями жизни.

Он следил за моим чтением, и, когда я подошёл к концу листа, он закрыл рукой последние строки.

— Далее тебе читать не следует, — сказал он, — там обозначены год, месяц и день моей смерти. Всё, что ты прочёл здесь, написано раньше и сбылось до мельчайших подробностей. Вот как это произошло.

Когда я был ещё подполковником, меня командировали на следствие в уездный город «Т». Квартира моя состояла из двух комнат: в первой помещалась прислуга, во второй я. Пройти в эту последнюю можно было не иначе как через первую. Как-то ночью я сидел за письменным столом и писал. Окончив, я закурил трубку, откинулся на спинку кресла и задумался. Поднимаю глаза — передо мною, по ту сторону стола, стоит какой-то неизвестный мне человек, судя по одежде, мещанин. Прежде чем я успел спросить, кто он и что ему нужно, незнакомец сказал:

— Возьми лист бумаги, перо и пиши.

Я безмолвно повиновался, чувствуя, что нахожусь под влиянием неотразимой силы. Тогда он продиктовал мне всё, что должно со мною случиться в течение всей моей жизни, и заключил днём моей смерти. С последним словом он исчез.

Прошло несколько минут, прежде чем я опомнился, вскочил с места и бросился в первую комнату, миновать которую не мог незнакомец. Там я увидел, что писарь сидит и пишет… а денщик спит на полу у двери, которая заперта. Я спросил:

— Кто сейчас вышел отсюда?

— Никто не выходил, — ответил удивлённый писарь.

— До сих пор я никому не рассказывал об этом, — заключил свою историю Алексей Петрович, — зная, что одни подумают, я всё выдумал, а другие сочтут меня за человека, подверженного галлюцинациям, но для меня это факт, не подлежащий сомнению, видимым доказательством которого служит вот эта бумага. Теперь, надеюсь, ты не сомневаешься в том, что мы с тобой ещё раз увидимся?

Действительно, через год после того мы увиделись, а несколько месяцев спустя мне прислали сообщение о кончине Алексея Петровича. Когда впоследствии я отыскал в его бумагах таинственную рукопись, то оказалось, что он скончался в тот самый день, даже час, как ему было предсказано лет за пятьдесят до того».

Некоторые положения этих воспоминаний требуют уточнения. Так, когда Ермолов был ещё подполковником, его не командировали, а с фельдъегерем отправили на следствие, и не в уездный город «Т», а Калугу, где находилась резиденция Линденера. А в остальном — мистика какая-то, да и только. Не хочу ни принимать, ни отвергать её. Опальный генерал не был человеком, подверженным галлюцинациям, тем более лет пятьдесят назад. Племянник нашего героя рассказывал Погодину, что он 5 марта 1861 года, то есть за месяц до смерти, сообщил дядюшке об отмене крепостного права, и тот совершенно адекватно воспринял это известие: «голова его была совершенно свежа». К сожалению, это всё. А было ли освобождение крестьян на этот раз «впопад» или «невпопад», из этой информации понять невозможно. Впрочем, мог ли старик, стоявший у гробовой доски, сказать больше того, что сказал? Даже насущные проблемы страны вряд ли уже интересовали его.

1 апреля больному неожиданно стало легче, он открыл глаза и сказал:

— Славно же я обманул докторов, выздоровел.

Природу не обманешь. 11 апреля Алексей Петрович скончался на исходе 85-го года жизни. Он заранее распорядился о своём погребении: «Завещаю похоронить меня как можно проще. Прошу сделать гроб простой, деревянный, по образцу солдатского, выкрашенный жёлтой краской. Панихиду обо мне отслужить одному священнику. Не хотел бы я ни военных почестей, ни несения за мною орденов, но поскольку это от меня не зависит, то предоставлю на этот счёт распорядиться кому следует. Желаю, чтобы меня похоронили в Орле, возле моей матери и сестры; свезите меня туда на простых дрогах без балдахина, на паре лошадей; за мною поедут дети, да Николай мой, а через Москву, вероятно, не откажутся стащить меня старые

товарищи артиллеристы»{746}. Не отказались.

Кончина Алексея Петровича отозвалась болью в сердцах москвичей. Два дня, пока гроб с телом покойного стоял в доме на Пречистенском, люди всех званий, сословий и возрастов приходили проститься с прославленным героем России. Вряд ли когда-либо бульвар этот видел такое стечение народа.

13 апреля 1861 года, после отпевания покойного в Спасо-Божедатской церкви, к приходу которой принадлежал генерал Ермолов, священник Лебедев произнёс прочувствованную речь, напомнив скорбящим ратные подвиги героя Бородина и Кульма, призвал благословение Божие «не столько на лавры, сколько на терни его земного венца», как выразился известный историк литературы Михаил Николаевич Лонгинов. Буквально вся Москва шла за гробом, плывшим на плечах артиллеристов и солдат Несвижского гренадерского полка до Серпуховской заставы. Они же составили почётный эскорт траурной процессии.

За Серпуховской заставой гроб с телом покойного генерала установили на артиллерийский лафет. В воскресенье 16 апреля траурная процессия достигла Орла. Сыновья Алексея Петровича намерены были похоронить отца в тот же час по прибытии на место, но жители города пожелали проститься со знаменитым своим гражданином, и погребение было отложено ещё на три дня.

Бренные останки героя, заключённые в свинцовый гроб, были выставлены для прощания в Крестовоздвиженской церкви, где об упокоении души усопшего была совершена литургия. В последующие два дня, несмотря на непрекращающийся дождь со снегом, жители Орла тянулись к храму, чтобы поклониться праху своего великого земляка.

18 апреля знатные чиновники города и офицеры местного гарнизона собрались на погребение в Воздвиженской церкви. Обширный храм не мог вместить всех желающих, поэтому массы горожан заполнили площадь и улицы, по которым должно было следовать погребальное шествие. Панихиду по усопшему совершил преосвященный Поликарп с высшим духовенством, а надгробное слово произнёс законоучитель местного кадетского корпуса протоиерей Ефим Андреевич Остромысленский. В его речи мы не найдём неизвестных фактов из жизни русского полководца. Она представляет интерес лишь как пример уважения к личности почившего и образец церковного траурного красноречия. Приведу несколько фрагментов из неё:

«При виде героя русского, мужа силы и мудрости воинской, грозы Кавказа, ужаса врагов России, что скажу я вам, печальные слушатели, немощный в слове, скудный в достойной хвале великому? — Для великих нужно и слово великое.

Сколько бессмертных подвигов любви к Отечеству! И сколько воинской доблести, силы и мудрости на восьмидесятипятилетнем поприще жизни! — Сумею ли, смогу ли соплести венец рукою неопытной?.. Так не лучше ли смиренно безмолвствовать перед безмолвствующим во гробе героем?

Да, молчал бы, если бы эта сила и гроза для врагов не была в тесном союзе с дружбой и любовью к своим людям. Безмолвствовал бы, если бы голос народа русского с именем Ермолова не соединял имени преданнейшего сына Отечества, искреннего друга общества, имени нам родного, со всеми общительного, ко всем дружелюбного Алексея Петровича.

Где, где не летал ты, наш орёл северный, в каких дремучих лесах, на горах и в ущельях не разгонял и поражал ты стаи диких хищных птиц, но всё-таки, родимый, воротился в своё гнездо орловское, всё-таки прилетел домой, к могилам отца и матери. И как же умолчу о нём? Как не возопию к вам, сограждане великого!

Сретайте хвалу и честь нашей родины надгробными песнями; сопроводите душу бессмертного к Престолу Божию. А ты, земля родная, прими в свои недра нашу славу и красоту, наше сокровище многоцветное…»

И далее в таком же духе на четыре страницы книжного текста, отпечатанного мелким шрифтом.

Как и завещал Ермолов, его тело предали земле на орловском Троицком кладбище рядом с могилами отца, матери и сестры. Ещё до погребения полководца в газете «Наше время» был опубликован некролог Николая Филипповича Павлова, который, перечислив заслуги Алексея Петровича перед родиной, поставил их под сомнение как «выдумку его почитателей». Статья известного журналиста заканчивалась словами:

«Мы рады бросить и лишние лавры на его могилу, хотя грустно подумать, что суд потомства может не принять в соображение теплоту нашего чувства».

Павлову вторил редактор «Московских ведомостей» Валентин Фёдорович Корш в примечаниях к некрологу о Ермолове, опубликованном в этой газете.

В связи с этими публикациями М.П. Погодин писал С.П. Шевыреву: «Валентин Корш и Николай Филиппович написали статью о Ермолове и замечания. Просто хочется плюнуть в рожу». Думаю, обоим.

Не одобрил выпада Павлова и князь Вяземский: «При нашем безлюдии как не дорожить Ермоловым!»

После похорон прошло три года. Неисповедимые пути-дороги привели однажды корреспондента «Домашней беседы» на орловское Троицкое кладбище. То, что он увидел, повергло его в

уныние: «Грустно, невыразимо грустно проходить мимо могилы Ермолова». Эта грусть передалась, наконец, и правительству России. Оно ассигновало шесть тысяч рублей. Ещё четыре тысячи добавили сыновья Алексея Петровича. На эти деньги к Воздвиженской церкви был пристроен придел, куда перенесли останки героя и его отца. На двух мраморных плитах, закреплённых на стене, золотыми буквами были высечены фамилии и годы жизни погребённых.

Перед стеной с мраморными плитами была установлена тумба, которую венчала чугунная ваза с надписью вокруг неё: «Служащие на Гунибе кавказские солдаты».

Таким образом, сорок лет спустя солдаты Гуниба, взявшие в плен имама Шамиля, внесли свой скромный вклад в дело увековечения памяти знаменитого полководца.

В конце XIX века в столице Чечни, основанной Ермоловым, был установлен памятник полководцу. Судьба его печальна. Его сносили и снова воздвигали, взрывали и огораживали стеной, наконец, эвакуировали в Орёл, где он нашёл себе место и закрепился, надо думать, навечно.

Правильное решение!

У народов, которым самой историей определено было жить вместе, есть свои герои: у чеченцев — шейх Мансур, у дагестанцев — Шамиль, у русских — Ермолов. И пусть каждый чтит того, кого считает достойным памяти. Может быть, со временем, когда «пройдёт вражда племён», писатели и учёные выработают общую точку *зрения* на каждого из них. Публикации последнего времени позволяют с оптимизмом смотреть в будущее…

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.П. ЕРМОЛОВА

1777, 24 мая — родился в Москве в семье отставного майора Петра Алексеевича Ермолова.

1784, август — принят в Московский университетский благородный пансион.

1787, 5 января — записан в службу унтер-офицером (каптенармусом) в лейб-гвардии Преображенский полк.

1788, 28 сентября — произведен в чин сержанта.

1791, лето — окончил учение в Московском университетском благородном пансионе.

1792, 1 января — переведен в Нижегородский драгунский полк капитаном с назначением старшим адъютантом в штаб генерал-поручика Николая Александровича Самойлова.

1793, 18 марта — назначен квартирмейстером во 2-й бомбардирский батальон.

1793, 9 октября — зачислен во 2-й артиллерийский кадетский корпус.

1794, 13 октября — участвовал в бою у переправы через Буг.

1794, 24 октября — участвовал в штурме Праги; награждён орденом Святого Георгия 4-го класса.

1795, 9 января — после сдачи экзамена зачислен капитаном в комплект 2-го артиллерийского батальона.

1795 — волонтёром участвовал в сражениях австрийской армии против войск Французской республики.

1796 — участвовал в Персидском походе; награждён орденом Святого Владимира 4-й степени.

1797, 11 января — произведен в чин майора.

1798, 1 февраля — произведен в чин подполковника.

1798, 26 декабря — отставлен от службы и заключён в Петропавловскую крепость.

1799, 7 января — по указу Павла I отправлен в ссылку в Кострому.

1800,1 ноября — последовал указ Павла I о возвращении на службу всех уволенных в отставку, в том числе подполковника А.П. Ермолова.

1801, 12 марта — произошёл дворцовый переворот, завершившийся убийством Павла I.

1801, 9 июля — получил в командование роту конной артиллерии и назначение в Вильно.

1801—1805 — служил в конной артиллерии в Вильно,

Виндаве, Гродно и Кременце.

1805 — участвовал в сражениях при Кремсе и Аустерлице; награждён орденом Святой Анны 2-го класса.

1806, 4 июля — произведен в чин полковника.

1806, 26 августа — назначен командиром артиллерийской бригады.

1806—1807 — участвовал во всех сражениях русских войск против войск наполеоновской Франции в Восточной Пруссии; награждён алмазными знаками к ордену Святой Анны 2-го класса.

1808, 16 марта — произведен в чин генерал-майора.

1811, 10 мая — назначен командиром гвардейской артиллерийской бригады.

1812, март — назначен командиром гвардейской пехотной дивизии.

1812, 1 июля — назначен начальником штаба 1-й Западной армии.

1812, 7 августа — произведен в чин генерал-лейтенанта.

1812, 26 августа — участвовал в Бородинском сражении, отличился в бою за Центральный редут.

1813 — участвовал в сражениях при Аюцене, Бауцене, Цегисте и Кульме, награждён орденом Святого Александра Невского.

1814, март — участвовал в сражении за Париж, награждён орденом Святого Георгия 2-го класса.

1814, май — назначен командиром гвардейской пехоты 5-го корпуса.

1814 — назначен командиром 6-го пехотного корпуса 2-й армии.

1815 — назначен командиром гренадерского корпуса.

1816, 6 апреля — указом Александра I назначен командиром Отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии.

1816, 10 октября — прибыл в Тифлис и вступил в должность.

1817, 17 апреля — выехал из Тифлиса с посольством в Персию.

1817, 10 октября — вернулся в Тифлис.

1818, 8 февраля — за успешное выполнение высочайшего поручения по ведомству иностранных дел произведен в чин генерала.

1818, 10 мая — заложил крепость Грозную.

1820, август — Грузинский корпус переименован в Кавказский.

1821, конец года — выехал в Петербург для поездки в Лайбах

на встречу с государем.

1822, 18 января — вернулся в Тифлис.

1826, 16 июля — персидская армия вторглась в кавказские владения России.

1827, 12 марта — Николай I подписал рескрипт о смене А.П. Ермолова И.Ф. Паскевичем.

1827, 3 мая — А.П. Ермолов покинул Тифлис.

1827, 15 июня — приехал в Орёл к отцу.

1831, 6 декабря — назначен членом Государственного Совета.

1839, 14 марта — уволен в отпуск якобы «до излечения от болезни» с сохранением звания члена Государственного Совета.

1861, 11 апреля — скончался в Москве в своём доме на Пречистенском бульваре, похоронен на Троицком кладбище в г. Орле.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Под редакцией А.Д. Берже. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875.

Архив князя Воронцова. Кн. 36.

Бартенев П.И. Разговор с Ермоловым (Из недавних записок) // Русский архив. 1863. № 5—6.

Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962.

Брюханов Владимир. Заговор Милорадовича. М., 2004.

Брюханов Владимир. Мифы и правда о восстании декабристов. М., 2005.

Бутков П.Г. Записка Персидского похода 1796 года… // *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. П. СПб., 1869.

Граббе П.Х. Памятные записки. М., 1873.

Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений. Т. III. Пг., 1917.

А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

Давыдов Д.В. Сочинения. Т. 3. СПб., 1893.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940.

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962.

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1985.

Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий. М., 1985.

Давыдов М.А. Оппозиция его величества. М., 2005.

Дивов Н.А. Из воспоминаний// Русский архив. 1873. № 7.

Дубровин Н.Ф. Ермолов при назначении на Кавказ // Военный сборник. 1869. № 11.

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. 1812-1815. М., 1882.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. М., СПб., 1888.

Ермолов Александр. Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк. СПб., 1912.

[Ермолов А.П.] Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Т. I—II. М., 1865—1868.

[Ермолов А.П.] Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991.

[Ермолов А.П.] Донесения и письма А.П. Ермолова // Русская старина. 1872. № П.

Ермолов А.П. Письма. Махачкала, 1926.

Жиркевич И.С. Записки// Русская старина. 1874.№ 8.

Кавтарадзе А.Г. Генерал Ермолов. Тула, 1977.

Казаков И.М. Поход во Францию 1814 года // Русская старина. 1908. №3,5.

Клембовский В. Обзор кампании 1805 года в Германии и

Италии. СПб., 1889.

Ковалевский П.И. Завоевание Кавказа Россией. СПб., 1911.

Коншин Н.М. Из записок. 1812 год//Исторический вестник. 1884. № 8.

Муравьёв А.П. Автобиографические записи// Декабристы. Новые материалы. М., 1955.

[Муравьёв Н.Н.] Путешествие в Туркмению и в Хиву гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьёва. М., 1822.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1951.

Новицкий Н.М. Из заметок… // Русская старина. 1874. № 9.

Норов В.С. Записки о походах… Ч. I. СПб., 1834.

[Погодин М.П.] Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1863.

Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 2. СПб., 1892.

Потто В.А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006.

Похвиснев М.Н. Алексей Петрович Ермолов // Русская старина. 1872. №11.

Поход русской армии в 1813 году и освобождение Германии. Сборник документов. М., 1964.

Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум… // Собр. соч. в 10 томах. Т. 5. М., 1960.

Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста… М., 1835.

Сборник Императорского Русского исторического общества (РИО). Т. 73. СПб., 1890; Т. 78. СПб., 1895.

Симонич И.О. Персидская война. Кампания 1826 года// Кавказский сборник. 1901. Т. *22.*

Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 9.

Суворов А.В. Письма. М., 1987.

Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988.

Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара. Кишинёв, 1984.

Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. СПб., 1812.

Харькевич В.И. Барклай-де-Толли в Отечественную войну при соединении русских армий под Смоленском. СПб., 1894.

Хомутова А.Г. Из записок// Русский архив. 1867. № 7.

Цылов Н.И. Эпизоды из боевой жизни Алексея Петровича Ермолова на Кавказе…// СПб., 1878.

Шторм Г.П. Потаённый Радищев. Вторая жизнь «Путешествия из Петербурга в Москву». М., 1974.

Щёголев П.Е. Декабристы. А. —М., 1926.

Эйдельман Н.А. Быть может за хребтом Кавказа. М., 2006.

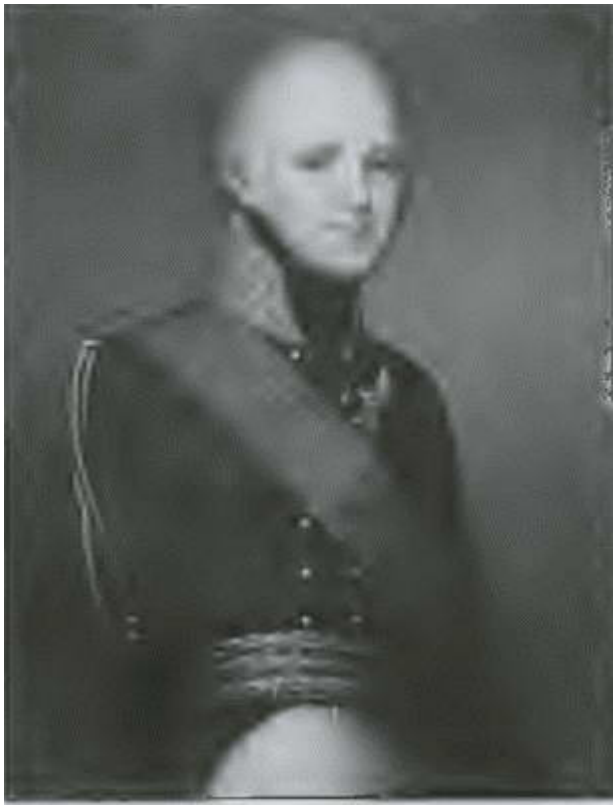
Юлин В. А. Адмирал Павел Васильевич Чичагов // Вопросы истории. 2003. № 2.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

А.П. Ермолов. Художник Дж. Доу. Самый известный портрет знаменитого генерала

Императрица Екатерина II в дорожном костюме. Художник М. Шибанов

Император Павел I. Неизвестный художник



Александр I. Художник Г. Кугельхен

Император Николай I. Художник В.А. Голике

Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Современный вид

Дербентская крепость. Современный вид

Взятие А.В. Суворовым Праги (предместье Варшавы) в 1794 г. Художник А.О. Орловский

Вид на Варшаву от Королевского дворца. Художник Б. Белотто

Победа Наполеона пол Аустерлицем. Неизвестный художник

Встреча императора Александра I и Наполеона на Немане около Тильзита 23 июня 1807 г. Гравюра XIX в.

Битва за Смоленск в 1812 г. Гравюра XIX в.

Бородинское сражение. Контратака А.П. Ермолова на батарею Раевского. Художник А. Сафронов

Бой под Малоярославцем 24 октября 1812 г. Художник П. Гесс

Переправа через Березину 29 ноября 1812 г. Художник В. Адам

Казаки в Гамбурге 18 марта 1813 г. Художник С. Кристофор

Въезд Александра I в Париж. Неизвестный художник

Шах Фетх-Али

Принц Аббас-Мирза

Алексей Петрович Ермолов на Кавказе» 1821 г. Лубок

Оставление горцами аула при приближении русских войск. Художник П.Н.

А.П. Ермолов в 1840-е гг. Неизвестный художник

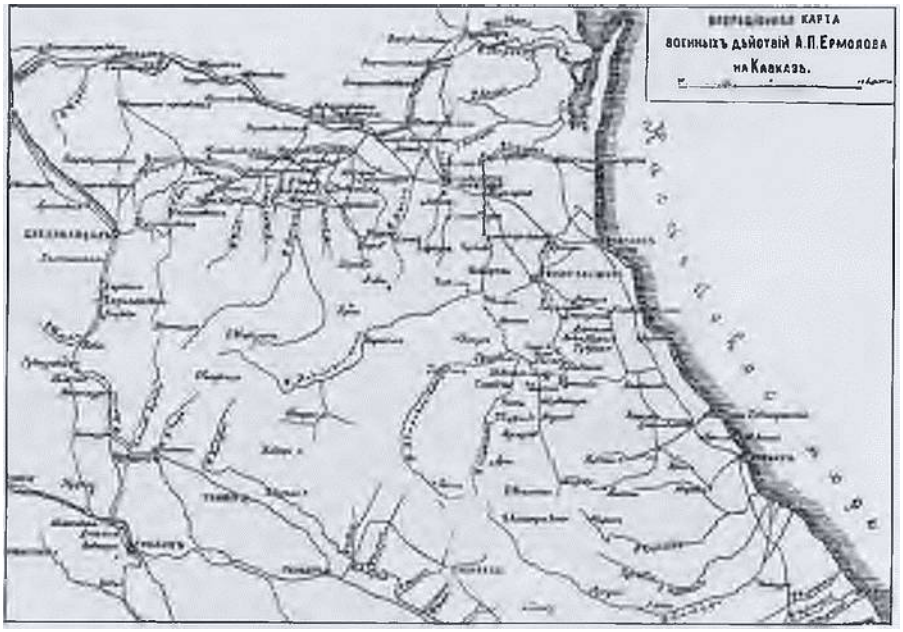
Кавказский горец. У Военно-Грузинской дороги. Неизвестный художник

Портрет Алексея Петровича Ермолова. Художник П.З. Захаров-Чеченец

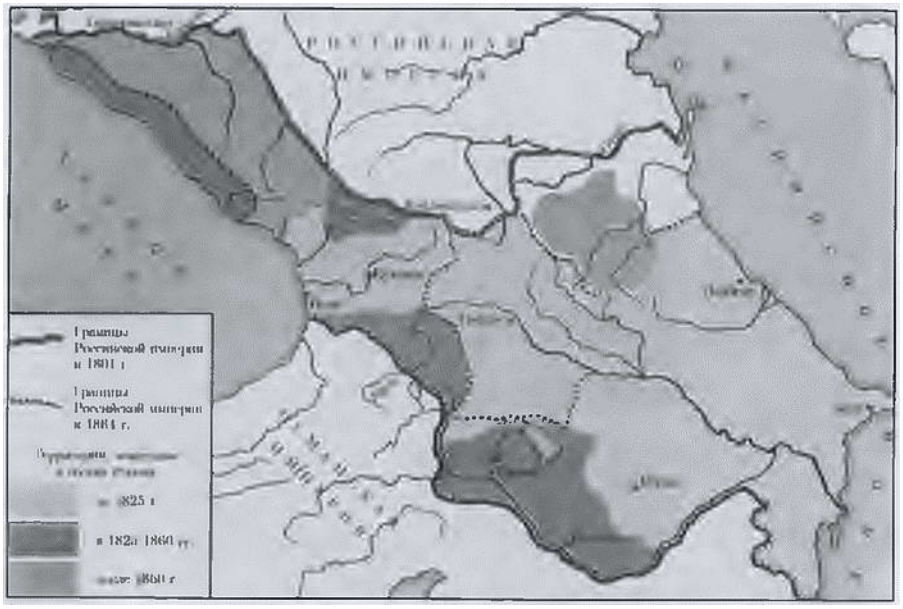
Тифлис. Рисунок М.Ю. Лермонтов

Дорога на Верхний Гуниб. Художник И.Н. Занковский

Генерал от инфантерии и артиллерии Алексей Петрович Ермолов (1777—1861). Из «Русского художественного листка». Художник В.Ф. Тимм



Оперативная карта военных действий А.П. Ермолова на Кавказе



Карта «Россия и Кавказ в XIX в».

Генерал Ермолов

Генерал Алексей Петрович Ермолов — блистательный полководец, герой Отечественной войны 1812 года, успешный дипломат и суровый администратор. Его боготворили солдаты, им восхищались друзья и ненавидели враги, на него сделали ставку декабристы и... ошиблись. Он был человеком власти и порядка, но власть не доверяла ему. Почему? На этот и многие другие вопросы читатель найдет ответ в новой книге В.И. Лесина, представляющей собой самое полное на сегодняшний день жизнеописание этого выдающегося русского человека.

Великие Исторические Персоны

ISBN 978-5-9533-5394-6

notes

Примечания

1

По данным А.И. Михайловского-Данилевского, общая численность войск союзников была на 30 тыс. больше. Думаю ближе к истине был всё-таки Н.А. Орлов.

2

Канцлер граф К.В. Нессельроде был зятем министра финансов графа Д.А. Гурьева.

comments

Ссылки

1

Письмо А.П. Ермолова от 17 мая 1858 года в редакцию сборника «Кавказцы» // *Нечкина М.В.* Грибоедов и декабристы. Изд. 2-е. М., 1951.

2

Кавтарадзе А.Г. Генерал Ермолов. Тула, 1977. С. 9.

3

Там же.

4

Ермолов Александр. Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк. СПб., 1912. С. 10.

5

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1985. С. 39. *Об* этом же писал А.В. Фигнер (племянник знаменитого партизана) в воспоминаниях, опубликованных в «Историческом вестнике» за 1881 год (Т. IV. С. 147-163).

Ратч В.Ф. Сведения об А.П. Ермолове// Артиллерийский журнал. 1861. №11. С. 636.

Похвиснев М.Н. Алексей Петрович Ермолов// Русская старина. 1872. № 11. С. 487—488.

Ермолов Александр. Указ. соч. С. 9.

Дубровин Н. Ф. Ермолов при назначении его на Кавказ // Военный сборник. 1869. № 11. С. 22—24.

10

Там же.

11

Там же.

Там же. С.122.

Кутузов М.И. Документы. М., 1950. С. 184.

14

Записки донского атамана Денисова // Русская старина. 1874. №11. С. 385.

Булгарин Фаддей. Воспоминания. М., 2001. С. 31.

Ермолов Александр. Указ. соч. С. 13.

17

[Ермолов А.П.] Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Ч. I. М., 1865. Приложения. С. 1.

18

Там же.

Михайлов Олег. Суворов. М., 1973. С. 320.

Ермолов А.П. Указ соч. Ч. I. Приложения. С. 2.

21

Бутков П.Г. Записка Персидского похода 1796 года, или Всё, что я видел, слышал, узнал// *Бутков П.Г.* Материалы для *новой истории* Кавказа. Ч. 2. СПб., 1869. С. 565—567.

Там же. С. 578-579.

Ермолов А.П. Указ. соч. С. 3.

Бутков П.Г. Указ. соч. С. 588.

25

Там же. С. 590—591; Формулярный список о службе и достоинстве члена Государственного Совета генерала от артиллерии *Алексея Ермолова,* 1 мая 1858 года // *Ермолов Александр.* Указ. соч. Приложения. С. 173—174.

Ермолов А.П. Указ. соч. Приложения. С. 3.

Давыдов Д. В. Сочинения. М., 1985. С. 220.

Там же. С. 220-221.

29

Там же.

Ермолов Александр, Указ соч. Приложения. С. 175—176.

31

Там же. С.220.

Кононов А.А. Записки// Русская беседа. 1860. № 1. С. *66.*

Снытко Т.Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века// Вопросы истории. 1952. № 9. С. 112.

Там же. С.117.

Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 17.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. Приложения. С. 3.

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1985. С. 222.

38

Новые подробности из молодой жизни А.П. Ермолова// Русский архив. 1878. №2. С. 480.

Шторм Георгий. Потаённый Радищев. М., 1974. С. 152.

40

Новые подробности… С. 476.

Шторм Георгий. Указ. соч. С. 152.

Снытко Т.Г. Указ. соч. С. 118.

43

Там же.

[Ермолов А.П.] Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991.

Снытко Т.Г. Указ. соч. С. 112.

Похвиснев М.Н. Указ. соч.

47

[Ермолов А.П.] Записки А.П. Ермолова. 1798—1826.

Ермолов Александр. Указ. соч. Приложения. С. 176.

Давыдов Д.В. Сочинения… С. 223.

Новые подробности из молодой жизни Ермолова… С. 481.

51

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 175.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. I. М., 1955. С. 89.

Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 224.

Там же.

Там же.

Погодин М.П. Историко-критические отрывки. Кн. 2. М., 1867. С. 457.

Лажечников И. И. Несколько заметок и воспоминаний…// Русский вестник. 1864. Т. 51. С. 791.

Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Ч. I. Приложения. С. 6.

59

Давыдов Д.В. Указ. *соч.* С. *225.* См. также письмо А.В. Казадаева от 30 ноября 1799 года// Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 177.

Давыдов Д.В. Указ. соч. С. *225*.

Белоусов Роман. Вещий Авель. М., 1998. С. 65—71.

Там же. С. *12.*

Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 223.

Записки А.П. Ермолова. 1798—1826…

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 176.

Новые подробности о молодой жизни А.П. Ермолова// Русский архив. 1878. №2. С. 19.

Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Ч. I. М., 1865. С. 5.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 180-181.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 6.

Кавтарадзе А.Г. Генерал Ермолов. Тула, 1977. С. *22,*

Клембовский В. Обзор кампании 1805 года в Германии и Италии. СПб., 1889. С. 24.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 8.

Там же. С. 12.

Там же. С. 13.

Там же. С. 16—17.

Кутузов М.И. Сб. док. Т. П. М., 1951. С. 169.

77

Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 145.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 38.

Там же. С. 36—37.

Там же. С. 41.

81

Там же. С. 42.

82

Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года // Русская старина. 1897. № 1—2. С. 83—84.

83

Михайловский-Данилевский А.И'. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806—1807 годах // Поли. собр. соч. Т. I. СПб., 1849. С. 261, 262, 266, *267.*

Там же. С. 267.

Там же. С. 270.

Записки А.П. Ермолова. 1798 —1826. М., 199L С. 63.

Записки графа *Л.Л. Беннигсена… С.* 98.

Михайловский-Данилевский А.И, Указ соч. С. *270.*

Балязин В.Н. Фельдмаршал Барклай. М., 1992. С. 80.

Записки А.П. Ермолова. С приложениями. Ч. I. С. 46.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 299.

Записки А.П. Ермолова. С приложениями. Ч. 1. С. 47.

Там же. С. 48.

Там же.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 114.

Записки А.П. Ермолова. С приложениями. Ч. I. С. 49—50.

Записки графа Л.Л. Беннигсена… С. 264.

Записки А.П. Ермолова. С приложениями. Ч. I. С. 52.

Там же. С. 59.

100

Там же.

Там же. С. *58.*

Там же. С. 63.

103

Там же. С. 67.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 192—193.

105

Записки графа Л.Л. Беннигсена…// Русская старина. 1899. № 6. С. 217.

Записки А.П. Ермолова. С приложениями. Ч. I. С. 70.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 196.

Записки графа Л.Л. Беннигсена… С. 215.

Записки А.П. Ермолова. С приложениями. Ч. I. С. 73.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940. С. 83.

111

Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, то есть с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. СПб., 1807. С. 101.

Записки графа Л.Л. Беннигсена… С. 216.

113

Журнал военных действий… С. 101.

Леттов-Форбек Оскар. История войны 1806 и 1807 годов. Перевод с немецкого, Т. 4. Варшава, 1898. С. 103.

Там же. С. 104.

Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 8. Новочеркасск, 1908. С. 227.

117

Записки А.П. Ермолова. С приложениями. Ч. I. С. 79; *Записки* графа А.Л. Беннигсена… // Русская старина. 1899. № 8. С. *679.*

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 79.

119

Записки графа А.Л. Беннигсена… С. 683.

Журнал военных действий… С. 106.

121

Записки графа А.Л. Беннигсена… С. 683.

*Записки А.П. Ермолов*а. С прилож. Ч. I. С. 79.

123

Русская старина. 1900. № 1. С. 227.

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 80.

125

Там же.

Записки графа А.Л. Беннигсена… С. *227*—228.

127

Записки графа А.Л. Беннигсена… // Русская старина. 1899. № 12. С. 697.

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 81.

129

Там же.

Там же.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. *275*—276.

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 83.

133

Записки графа А.Л. Беннигсена… //Русская старина. 1900. № 1. С. 260; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. *295.*

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 295.

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 83—84.

Там же. С. 85.

137

Там же. С. 86.

Там же. С. 90.

139

Записки графа А.Л. Беннигсена… // Русская старина. 1900. № 2. С. 507.

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1987. С. 162.

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 91.

Там же. С. 92.

143

Там же.

Записки графа А.Л. Беннигсена… С. 511.

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1987. С. 162.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 313.

147

Окунь С.Б. История СССР. 1796—1825. Курс лекций. Л., 1947. С. 152.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 334.

149

Русская старина. 1900. № 3. С 751.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 338.

151

Там же,

152

Там же.

153

Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 2. СПб., 1897. С. 176.

Русский архив. 1885. № 4. С. 478.

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 106.

Там же. С. 107.

Грибоедов А.С. Поли. собр. соч. Т. III. Пг., 1917. С. 35—36.

Записки А.П. Ермолова. С прилож. Ч. I. С. 107—108.

159

Там же. С. 109.

Там же. С. 112—113.

Отечественная война и русское общество. Т. 3. М., 1912. С. 48.

Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 48.

163

Там же. С. 63.

Балязин В.Н. Фельдмаршал Барклай. М., 1992. С. 148.

Там же. С. 149; Полный текст воспоминаний А.Д. Балашова в кн.: *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война в письмах современников. (1812-1815). СПб., 1882. С. 14-31.

Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 87.

Балязин В.Н. Указ соч. С. 155.

Там же. С. 156.

169

Ермолов А.П. Записки… С приложениями. Ч. I. М., 1865. С. 128— 129.

170

Там же.

Архив Раевских. Т. 1. *СПб., 190S. С.* 153—154.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 72.

Кавтарадзе А.Г. Генерал Ермолов. Тула, 1977. С. 29.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 181.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862. Кн. I. С. 194.

Донесения и письма А.П. Ермолова // Русская старина. 1872. № 11. С. 494.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 144—145.

Граббе П.Х. Памятные записки. М., 1873. С. 39.

179

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1863. С. 89—90.

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1985. С. *226*.

Записки А.П. Ермолова. М., 1863. С. 75.

182

Вильсон Р.Т. Дневник и письма: 1812—1813. СПб., 1995. С. 133.

183

Там же.

184

Жиркевич И.С. Записки. 1789—1848// Русская старина. 1874. № 8. С. 648.

185

Харькевич В.И. Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения русских армий под Смоленском. СПб., 1904. Приложения. С. 11—12.

Донесения и письма А.П. Ермолова… С. 496.

Балязин В.Н. Указ. соч. 180—181.

Там же.

189

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 61.

Донесения и письма А.П. Ермолова… С. 496.

191

Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 90—92.

Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-учёного архива. Т. XVI. СПб, 1911. С. 217.

193

Там же. XIX. С. 376.

Давыдов Д.В. Сочинения. Т. 3. СПб, 1893. С. 124.

Архив Раевских. Т. I. СПб, 1908. С. 170.

Граббе П.Х. Указ. соч. С. 55-56.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 170.

Там же. С. 171—172.

199

Ниве П.А. Отечественная война 1812 года. Т. 2. СПб, 1911. С. 228.

Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 91.

Жиркевич И.С. Указ. соч. С. 651.

202

Сборник исторических материалов, извлечённых из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. СПб, 1889. С. 415.

203

Там же. С. 417.

Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 91—92.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 175.

Аевенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1900. № 12. С. 559.

Ермолов А.П. Подробная реляция о сражении 7-го августа при селении Заболотье или Лубине // *Ермолов А.П.* Указ. соч. Ч. I. С. 175—178.

Хрещатицкий Б.Р. История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. СПб, 1913. С. 312.

209

Барклай-де-Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года. СПб, 1912. С. 19.

Труды московского отдела Императорского Русского военно-исторического общества. М., 1913. Т. IV. Ч. I. С. 346—348.

Ермолов А.П. указ. соч. Ч. I. Приложения. С. 181.

Кавтарадзе А.Г. Указ. соч. С. 39.

213

Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1900. № 12. С. 571.

Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 375.

215

Русская старина. 1912. № 12. С. 633.

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. 1812—1815. СПб., 1882. С. 101.

217

Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 192.

219

Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов, Под ред. *Н.М. Коробова.* М., 1947. С. 157.

Там же.

Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста… Ч. I. М., 1835. С. 128.

Ермолов Александр. Указ. соч. С. 43.

223

Глинка Ф.Н. Воспоминания о 1812 годе. Т. 2. С. 73.

Записки А.П. Ермолова. 1798—1826. М., 1991. С. 189.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 196.

Там же.

Тарле Е.В. 1812 год. М., 1961. С. 557.

Ложье Цезарь. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 143.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 199—200.

Там же.

231

Там же.

Записки Н.Н. Муравьёва// Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 257.

233

Норов А.С. Война и мир 1805 —1812 годов с исторической точки зрения и по воспоминаниям современников. По поводу сочинения графа *А. Н. Толстого* «Война и мир» //Военный сборник. 1868. № 11. С. 224.

Фельдмаршал Кутузов. Сб. док. и матер. М., 1947. С. 147.

235

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. С. 129.

236

Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873. С. 79.

Ермолов Александр. Указ. соч. С. 48.

Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников- иностранцев. Т. 1. М., 1912. С. 152—153.

Ермолов А.П. Указ. соч. Ч. I. С. 204.

Там же. С. 211.

Харькевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников… Вып. 1. Вильна, 1900. С. 127.

Тарле Е.В. Соч. в 12 томах. Т. 7. С. 587.

Фельдмаршал Кутузов. Сб. док. и матер. С. 233.

Ермолов А.П. Записки… Ч. I. С. 214—215.

Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 196.

Ермолов А.П. Записки… Ч. I. С. 215.

Барклай-де-Толли М.Б. Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912. С. 38.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война. Описание войны 1812—1815 годов. СПб., 1899. С. 349.

Кутузов М.И. Сб. док. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 440.

Там же. С. 3—7.

251

Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Л., 1985. С. 82.

Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. Т. XIX. СПб., 1911. С. 125.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 351.

Там же. С. 352.

Кутузов М.И. Указ. сб. С. 35.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 354.

Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 250-251.

Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников- иностранцев. М., 1912. Т. 2. С. 118.

Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 247.

Русская старина. 1877. № 1. С. 24; *Ермолов А.П.* Записки… Ч. I. М., 1865. С. 230.

Бескровный А.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 507.

Там же.

Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 254.

Харькевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. С. 243.

Кавтарадзе А.Г. Генерал Ермолов. Тула, 1977. С. 48.

Ермолов А.П. Записки… Ч. I. С. 233—234.

Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 259.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1860. Т. 3. С. 38—39.

Кутузов М.И. Указ. сб. Т. IV. Ч. 1. С. 98.

Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 259.

Сегюр Ф.П. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 97.

Окунев Н.А. Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года. СПб., 1912. С. 87.

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1863. С. 149.

Муравьёв-Карский Н.Н. // Русский архив. Кн. 3. С. 371.

Кутузов М.И. Сб. док. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. Док. 99.

Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. *204.*

Записки А.П. Ермолова. 1798 —1826. М., 1991. С. 224—225.

Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 267— 269.

Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 260.

Ниве П.А. Отечественная война. СПб., 1911. Т. 1. С. 512.

281

Россия первой пол. XIX века глазами иностранцев… С. 276.

Там же. С.213.

283

Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 19001. № 1. С. 123.

Ермолов А.П. Записки… Ч. I. С. 242; Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА.Т. 21. С. 228.

Ниве П.А. Указ соч. Т. 1. С. 757.

Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА.Т. 19. С. 170.

Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Л., 1985. С.116.

Ермолов А.П. Записки… С приложениями. Ч. I. С. 238.

Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 25—28.

290

Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. С. 250— 251; *Коленкур А.* Указ. соч. С. 189.

291

Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников- иностранцев. Т. 2. М., 1912. С. 118.

292

Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. Приложение к док. № 366.

293

Норов В.С. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. I. СПб., 1834. С. 76—77.

Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. С. 310.

Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 127.

Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 380.

Записки *А.П. Ермолова.* 1798—1826. М., 1991. С. 250.

Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 127.

Там же. С. 125-126.

Донские казаки в 1812 году. Ростов-на-Дону, 1954. С. 246.

301

Ниве П.А. Указ. соч. Т. 5. С. 684.

Кутузов М.И. Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 380.

303

Россия 1-й половины XIX века глазами иностранцев. С. 319.

Донские казаки в 1812 году… С. 249, 310.

305

Россия 1-й половины XIX века глазами иностранцев. С. 329.

Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 285.

Кутузов М.И. Сборник, документов. Т. 4. Ч. 2. С. 421.

Там же.

Там же. 412; *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2. М., 1928. С. 28.

Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 294.

Там же; Богданович М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 289.

Юлин В.А. Адмирал Павел Васильевич Чичагов// Вопросы истории. 2003. № 2. С. 50—*72.*

313

Там же.

Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий… С. 127.

Юлин В.А. Указ. соч. С. 50—72.

Там же.

Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 132.

Юлин В.А. Указ. соч. С. 50—72.

Ермолов А.П. Записки… Ч. I. С. 282.

Шишов А.В. Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2002. Приложения. С. 390.

321

Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников. 1812—1815. СПб., 1882. С. 401; Сборник исторических материалов, из влечённых из архива 1-го отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Вып. 2. СПб., 1889. С. 254.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА — Военно-учёный архив. Д. 3904. А. 494.

323

Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года // Поли. собр. соч. Т. 6. СПб., 1850. С. 60.

Кутузов М.И. Из… переписки// Знамя. 1948. № 5. С. 119.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990. С. 166.

Орлов Н. А. Заграничные походы в 1813 и 1814 годах. М., 1912. С. 15; Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. Сб. док. М., 1964. С. 164.

А.П. Ермолов: Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1864. С. 172—173.

Там же.

Орлов Н.А. Указ. соч. С. 15,19.

Там же.

Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 186.

Давыдов Д.В. Сочинения… Ч. 2. СПб., 1860. С. *S5*.

333

Потоцкий Павел. История гвардейской артиллерии. СПб., 1896. С.239.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.б. Спб., 1888.С. 195.

Орлов Н.А. Указ. соч. С. 22.

Орлов Н.А. Указ. соч. С. 31—32.

337

Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии. С. 239, 254, 255.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 211.

339

Там же.

Там же. С. 203; Поход русской армии против Наполеона в 1813 году… С. 254—255.

А.П. Ермолов: Материалы для его биографии… С. 179.

Там же, С. 179—180.

343

Ермолов Александр. Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк. СПб., 1912. С. *75.*

Потоцкий Павел. Указ. соч. С. 256.

345

Сборник Императорского Русского исторического общества (да лее РИО). Т. 73. СПб., 1890. С. 271.

Русский архив. 1890. Кн. № 3. С. 377.

Потто В.А. Лейб-казаки под Лейпцигом // Разведчик. 1892. № 106.

Муромцев М.М. Воспоминания // Русский архив. 1890. № 3. С. 380.

Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 305.

Там же. С. 316—317.

Полторацкий Павел. Указ. соч. С. *27 А.*

Суворов А.В. Письма. М., М., 1987. С. 168, 217, 234, 253 и др.

А.П. Ермолов: Материалы для его биографии… С. 174—183; *Полторацкий Павел.* Указ. соч. С. 296.

354

Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Франции в 1814 году. СПб., 1845. С. 7.

Там же. С. 8.

Там же.

Там же. С. 9.

Там же. С. 16—17.

Тарле Е.В. 1812 год. М., 1961. С. 328.

Труайя Анри. Александр I… М., 1997. С. 192.

361

Хомутова А.Г. В 1814 году. Из записок// Русский архив. 1867. № 7. С. 1054.

А.П. Ермолов: Материалы для его биографии… С. 188.

Ермолов Александр. Указ. соч. Приложения. С. 177.

Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 121.

Там же. С. 127.

Давыдов Д.В. Сочинения. Ч. 2. СПб., 1860. С. 86—87.

Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 145.

Там же. С. 152.

369

Ермолов А.П. Записки. (1816 —1827). Ч. 2. М., 1868. С. 2.

РИО.Т. 73. С. 193.

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1864. С. 188, 206.

Архив князя Воронцова. Кн. 36. С. 154—155.

Там же.

Ермолов Александр. Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк. СПб., 1912.С. 83.

Дубровин Н. Ф. Алексей Петрович Ермолов на Кавказе // Военный сборник. 1882. № 2. С. 222.

Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С. 50 и др.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 21. Далее Акты…

Потто В.А. Указ. соч. С. 297.

Ермолов А.П. Записки (1816—1827). Ч. 2. М., 1868. С. *375*.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 199.

Потто В.А. Указ. соч. С. 479.

РИО. Т. 75. С. 218.

383

Сборник исторических материалов, извлечённых из архива… Собст. Его Императорского Велич. канцелярии. Вып. I. СПб., 1876. С. 406—410; *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. С. 222.

РИО. Т. 73. С. 217-218.

Там же. С. 226.

Там же. С. 196. и др.

Там же. С. *222.*

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 229.

389

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии… С. 446.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 231; *Потто В.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 504.

391

Акты… Т. VI. 4.2. С. 142.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комисиею/ Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 122—123. Далее: Акты…

Русский архив. 1900. № 3. С. 121.

Ермолов А.П. Записки о посольстве в Персию// *Ермолов А. П.* Записки… Ч. 2. М., 1868. С. 9—10. Далее: Записка о посольстве…

Потто В.А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С. 30.

РИО. Т. *73*. С. 245.

Акты… С. 123—125.

Записка о посольстве… С. 16, 53.

Акты… С. 150—151.

РИО… Т. 73. С. 247-248.

401

Там же.

Записка о посольстве… *22*—23.

Давыдов Михаил. Оппозиция Его Величества. М., 2005.

Задонский Николай. Жизнь Муравьёва. М., 1985. С. 102.

405

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. С. 250-251.

Там же. С. 251.

Муравьёв-Карский Н.Н. Записки// Русский архив. 1886. № *4*. С. 501, 516.

Акты… С. 126.

Русская старина. 1872. Т. VI. С. 502.

Задонский Николай. Указ. соч. С. 103—104.

Ермолов А.П. Записки… Ч. 2. Разд. 2. С. 71.

Акты… С. 157.

413

Там же.

Русская старина. 1877. № 7. С. 408.

Ермолов Александр. Указ. соч. С. 87.

Задонский Николай. Указ. соч. С. 106.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 260.

Там же. С. 266—267.

419

Там же. С. 267.

Там же. С.269.

Задонский Николай. Указ. соч. С. 106.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. *272.*

Там же. С. 281.

Там же.

425

Там же. С.282.

Там же. С. 177.

РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 256.

Там же. С. 257.

429

Описание замысла экспедиции дано по книге: «Путешествие в Туркмению и в Хиву гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьёва» (М., 1822); *Акты,* собранные Кавказскою археографическою комиссиею/ Под ред. А.Д. Берже. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 709—710.

Travels In Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia etc, etc. during the years 1817,1818,1819,1820. By Sir Robert Ker Porter. With numerous engravings of portraits, costumes, antiquities etc. In 2 vol. London, 1821.1. 153—*154; Ермолов Александр.* Указ. соч. С. 134—135.

Ермолов Александр. Указ. соч. С. 135—136.

Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С. 506.

Там же. С. 508.

Там же. С. 512.

Там же. С. 513.

Там же. С. 515.

Там же. С. 517—520.

РИО. Т. 73. С. 206.

Там же. С. 217—218.

Русский архив. 1886. Кн. 3. С. 325.

Федорченко В.И. Двор российских императоров. М., 2004.; С. 200.

Архив князя Воронцова. Т. 36. С. 161.

РИО. Т. 73. С. 300.

Фактические данные для описания административной деятельности А.П. Ермолова позаимствованы из указанного ранее сочинения *Л.Г. Кавшарадзе.* С. 77—83.

Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера… // Русский архив. 1894. Кн. 9. С. 26; *Вейденбаум Е.Г.* Кавказские этюды… Тифлис, 1901. С. 298—299.

Давыдов Михаил. Оппозиция его величества. М., 2005. С. 143.

Там же.

Архив князя Воронцова. Т. 36. С. 183—184.

449

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 32.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6. С. 287.

Там же. С. 287, 290.

Там же. 293.

Муравьёв-Карский Н.Н. Записки// Русский архив. 1886. Кн. 3. С. 327—328.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 293.

455

Там же.

Там же. С. 295.

Там же. С. 296.

Там же. С. 297—298.

Лесин В.И. Мятежная Россия. М., 2000. С. 289.

Там же.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 300.

Там же.

463

Там же. С. 301.

Ермолов А.П. Письма. Махачкала, 1926. С. 8.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 305.

Там же, С. 309.

Там же. С. 310.

Акты… С. *77.*

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 312.

Акты…С.77.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 318.

Там же.

Там же. С. 320.

Там же.

Там же. С. 322.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 194.

Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С. 163; *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 334.

Потто В.А. Указ. соч. С. 167—168.

479

Там же. С. 168.

Там же. С. 169—170.

Там же. С. 172.

Там же.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 346.

Потто В.А. Указ. соч. С. 173.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 347.

Там же. С. 345.

Ермолов А.П. Письма. Махачкала, 1926. С. 13, 21.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 348.

Тифлисские ведомости. 1831. № 9—11.

Лесин В.И. Мятежная Россия. М., 2000. С. 261—294.

РИО. Т. 73, С. 245; *Давыдов Михаил.* Оппозиция его величества. М., 2005. С. 182.

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. Пг., 1917. Т. III. С. 37.

А.П. Ермолов: Материалы для его биографии, собранные *М. Погодиным.* М., 1863. С. 11.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 196.

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. Т. III. С. 35—36.

Там же. С. 183.

Давыдов Денис. Сочинения. М., 1962. С. 8.

Эйдельман Н.Я. Там за хребтом Кавказа. М., 2006. С. 53.

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. Т. III. С. 35—36.

А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 288.

501

Там же.

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. Т. III. 35—36.

503

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Под редакцией. *А.П. Берже.* Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 32. Далее — Акты…

Нечкина М.В. Указ. соч. С. 195.

Якушкин И.Д. Записки. М., 1926. С. 26.

506

Новицкий Н.М. Из заметок ветерана // Русская старина. 1874. № 9. С. 179—180.

Щёголев П.Е. Декабристы. М., 1926. С. 159.

Там же. С. 158.

509

Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С 351.

Исторический сборник Вольной русской типографии. Вып. II. С. 243.

511

Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 2. С. 155.

Там же. С. 154—155.

513

Азадовский М.К. О литературной деятельности А.И. Якубовича // *Декабристы-литераторы.* Серия: «Литературное наследство». Т. 60. Кн. 1. М., 1956. С. 271—281; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 209.

Потто В.А. Кавказская война… С. 83—86.

515

Там же. С. 168; Исторический вестник. 1884. № 6. С. 402—419.

Задонский Николай. Жизнь Муравьёва. Документальная историческая хроника. М., 1985. С. 121—122.

Потто В.А. Кавказская война… С. 264.

Задонский Николай. Указ. соч. С. 137.

519

Там же. С. 140.

Потто В.А. Кавказская война… С. 81.

521

Там же. С. 198.

Акты… С. 11).

Задонский Николай. Указ. соч. С. 141.

Там же. С. 139—140.

Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С 213.

Там же.

Там же. С. 219.

Там же. С. *225.*

529

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Под ред. *А.Л. Верже.* Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 42.

Там же.

Ермолов А.П. Письма. Махачкала, 1926. С. 36.

Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полн. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1883. С. 171.

533

Тургенев Н.И. Дневники и письма. СПб., 1911. Т. III. С. 223.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 208—209.

Потто В.А. Указ. соч. С. 233.

Нечкина М.В. Указ. соч. С. 211.

Потто В.А. Указ. соч. С. 233.

Ермолов А.П. Письма… С. 24.

Лесин В.И. Исторические портреты. М., 2006. С. 428—429.

Там же. 430.

Ермолов А.П. Письма. С. 42—44; *Вадковский И.Ф,* Записки полковника. 1820—1822 // Русский архив. 1873. № 5. С. 635—652; *Рачинский В.И.* О беспорядках 1820 года в лейб-гвардии Семёновском полку// Русский архив. 1902. № 11. С. 410—423.

Продолжение Древней российской вивлиофики… с приложением г. тайного советника *В.Н. Татищева.* СПб., 1786. С. 175; *[Болтин И.Н.]*. Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, сочинённые генерал-майором Иван Болтиным. Б.м. 1788. Т. 1. С. 174; Т. 2. С. 235—236; *Щербатов М.М.* Размышления о неудобствах в России дать свободу крестьянам… // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1861. Кн. 3. С. 98—134.

Дашкова Е.Р. Записки. 1743—1710.

Удовик В.А. Воронцов. М., 2004. С. 124.

Ермолов А.П. Письма. С. 34.

Якушкин И.Д. Записки, письма, статьи. М., 1951. С. 151.

РИО. Т. 73. С. 284.

Там же. С. 295.

Там же. С. 2М.

Там же. Т.73. С. 214.

551

Ермолов А.П. Письма. С. 35.

РИО. Т. 78. С. 204.

Там же. Т. 73. С. 354.

Потто В.А. Кавказская война… С. 484—485.

Ермолов А.П. Письма. С. 5.

Там же. С. 8.

Там же. С. 26.

Акты… С. 663.

Там же. С. 479—480; *Потто В.А.* Указ. соч. С. 434.

Потто В.А. Указ. соч. С. 434.

Там же. С. 436-437.

Там же. С. 440.

Акты… С. 481; *Потто В.А.* Указ. соч. С. 442.

Ермолов А.П. Письма. С. 31.

Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное. М., 1987. С. 320.

Там же. С. 243.

Там же. С. 244.

Тынянов Ю.Н. Пушкин и Кюхельбекер// Литературное наследство. М., 1934. № 16—18. С. 352.

Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. II. С. 193.

Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 томах, Т. 9. М., 1962. С. 19—20.

Там же. Т. 3. М., 1960. С. 117.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. М., 1900. С. 274 — *275.*

РИО. Т. 83. С. 54, 364.

Там же. С. 367.

Там же.

Якушкин И.Д. Записки, письма, статьи. С. 65.

Архив князя Воронцова. Т. 36. М., 1880. С. 230.

Ермолов Александр. Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк. Спб., 1912. С. 129—130; *Пиксанов Н.К.* Грибоедов. Биографический очерк. СПб., 1911. С. 42—43.

Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное. С. 247.

Там же. С. 247—248.

581

Там же. С. 249.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1962. С. 134.

583

Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. II. М., 1926. С. 176.

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные *М. Погодиным.* М., 1863. С. 393, 423.

Тынянов Ю.Л. Кюхля. Рассказы. Л., 1973. С. 159.

Потто В.А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С. 240-24

Там же.

Бестужев-Марлинский А.А. Аммалат-бек. Кавказская быль // *Бестужев-Марлинский А. А.* Собр. соч. в 2-х томах. Т. 2. Повести, рас сказы, очерки… М., 1981. С. 7—127.

Цылов Н.И. Дневник // Русский архив. 1906. № 10.

Потто В. А. Указ. соч. Т. 2. С. 244.

591

Там же. С. 245.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. С. 499.

593

Потто В.А. Указ. соч. С. 254.

Цылов Н.И. Указ. соч.

Потто В.А. Указ. соч. С. 109—111.

Ермолов А.П. Записки… Ч. 2. М., 1868.

Потто В.А. Указ. соч. С. 129.

Там же. С. *128.*

599

Там же. С. 132.

Там же. С. 133.

601

Там же.

Там же. С. 134—135.

603

Там же. С. 137.

604

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Под ред. *А.П. Берже.* Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 497.

605

Потто В.А. Указ. соч. С. 325.

Там же.

Там же. С. 357.

Там же. С. 391.

609

Там же. С. 408.

610

Там же.

611

Там же. С.409.

Лесин В.И. Шейх Мансур // *Лесин В.И.* Мятежная Россия. М., 2000. С. 261—294.

613

Потто В.А. Указ. соч. С. 412.

Там же. С. 420—422.

615

Там же. С. 423.

Там же. С. 423—424.

Потто В.А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С. 557.

618

Письмо к *П.А. Кикину* от 4 августа 1822 года // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 509.

619

Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. IV. СПб., 1905. С. 329 — 330.

Шильдер Н.К. Император Николай I. Т. I. СПб., 1903. С. 251.

621

Русская старина. 1882. Т. III. С. 195.

Эйдельман. Н.А. Там за хребтом Кавказа. М., 2006. С. 64.

623

Погодин М.П. Воспоминания об Алексее Петровиче Ермолове… С. 473—474.

Брюханов Владимир. Заговор Милорадовича. М., 2004; *Брюханов Владимир.* Мифы и правда о восстании декабристов. М., 2005.

625

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6. С. 587—588.

Там же. С. 589.

627

Эйдельман Н.А. Быть может за хребтом Кавказа. М., 2006. С. 68— 69.

628

Ермолов Александр. Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк. СПб., 1912. С. 103—104.

Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 213.

630

Письмо А.П. Ермолова А.В. Казадаеву от 24 июля 1823 года // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 511.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 586.

Там же. С.586—587.

Декабристы и их время. Т. II. С. 391.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Под ред. *А.П. Берже.* Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 765; Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 377.

Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. Т. III. Пг., 1917. С. 189.

Исторический сборник Вольной русской типографии. Кн. 2. Лон дон, 1861. С. 241, 244—245.

Пущин М.И. Записки// Русский архив. 1908. № 11; 12.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 6. С. 583.

639

Русская старина. 1872. № 11. С. 528.

640

Отношение А.П. Ермолова генерал-майору А.С. Меншикову от 10-го марта 1826 года// *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 599.

641

Там же. С. 600—601.

642

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 6. СПб., 1888. С. 610.

643

Там же. С. 612.

Приказ генерала А.П. Ермолова от 26 июля 1826 года // *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 630.

645

Воззвание А.П. Ермолова к населению Грузии от 4 августа 1826 года// *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 632.

Там же, С. 636—638.

Там же. С. 638—640.

Там же, С. 640.

Там же. С. 642—643.

Там же. С. 644.

Там же. С. 646— 647.

Там же. С. 653.

Там же. С. 654.

Эйдельман Н.А. Быть может за хребтом Кавказа. М., 2006. С. 78—79.

РИО. Т. 73. С. 543 —545.

Шостакович В.С. Дипломатическая деятельность Грибоедова. М., 1960. С. 134.

Эйдельман Н.А. Указ. соч. С. 86.

Там же.

659

А.П. Ермолов — *В.Г. Мадатову* от 7 сентября 1826 года// Русская старина. 1873. Т. VII. С. 98.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 669.

Жизнь князя Мадатова. СПб., 1863. С. 241.

662

Всеподданнейший рапорт И.Ф. Паскевича от 10 сентября 1826 года // ЦГВИА.Ф. ВУА. Д. 5850-А.А. 105-106.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 672—673.

664

Пётр Николаевич Ермолов. Письма к нему разных лиц// Русская старина. 1898. № 1. С. 186.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 730—731.

Там же. С. 731.

Там же. С. 732.

Там же. С. 732-734.

Там же. С. 734 — 735.

Акты Кавказской археографической комиссии. Т. VII. Предисловие. С. IX; Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные *М. Погодиным.* М., 1864. С. 337.

Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С.570.

Там же.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 734.

Шильдер Н.К. Император Николай II. Т. I СПб., 1903. С. 72; *Ермолов А.П.* Указ. соч. Ч. 2. С. 244 —245.

Эйдельман Н.А. Указ. соч. С. 79—80.

Потто В.А. Указ. соч. С. 565.

Русская старина. 1862. Т. V. С. 726.

Русский архив. 1873. № 9. Ст. 1579.

679

Письмо К.Х. Бенкендорфа брату *А.Х. Бенкендорфу* от 4—10 декабря 1826 года // *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 726.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. *727*.

681

Там же.

Потто В. А. Указ. соч. С. 569.

А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 153.

Ермолов А.П. Записки. Ч. 2. С. 244—245.

Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 743.

Русская старина. № 9. С. 267.

Погодин М.П. Воспоминания об А.П. Ермолове. С. 479—480.

Тынянов Юрий. Смерть Вазир-Мухтара. Кишинёв, 1984. С. 239.

689

Эйдельман Н.А. Указ. соч. С. 83.

Там же. С. 88.

691

Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1985. С. 242—243.

Письма П.А. Катенина к Н.И. Бахтину. СПб., 1911. С. 121.

693

Огарёв Н.П. Избранные произведения. Т. И. М., 1956. С. 479.

Дела и дни. Исторический журнал. Пг., 1921. Кн. 2. С. 62—63.

695

Пётр Николаевич Ермолов. Письма к нему разных лиц// Русская старина. 1898. № 1. С. 185-193.

А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 90.

Давыдов Денис. Сочинения. М., 1962. С. 37; *Брюханов Владимир.* Мифы и правда о восстании декабристов. М., 2005. Гл. 5 и др.

Давыдов Д.В. Сочинения. Т. III. СПб., 1893. С. 166.

699

Потто В. А. Кавказская война. Т. 2. Ермоловское время. М., 2006. С. 574-575.

700

Русский инвалид. 1827. 30 ноября.

701

Русская старина. 1876. Т. 16. С. 230.

Потто В.А. Указ. соч. С.575—576.

703

Русская старина. 1874. № 6. С. 294.

Тынянов Юрий. Как мы пишем // *Тынянов Юрий.* Смерть Вазир-Мухтара. Кишинёв, 1984. С. 441.

705

Тынянов Юрий, Смерть Вазир-Мухтара. Кишинёв, 1984. С. 25 — 28.

706

Эйдельман Натан. Быть может за хребтом Кавказа. М., 2006. С. 27-33.

А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. С. 157.

Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 томах. Т. 5. М., 1960. С. 415—416.

Старина и новизна. 1917. Кн. XXII. С. 38—39.

710

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии, собранные *М. Погодиным.* М., 1864. С. 412.

Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 5. С. 416.

Эйдельман Натан. Указ. соч. С. 199.

Пушкин А.С. Указ. изд. Т. 5. С. 416.

Давыдов Денис. Сочинения. М., 1985. С. 231.

Шторм Т.П. Новое о Пушкине и Карамзине // Известия АН СССР. Отд. языка и литературы. М., 1960. Т. XIX. Вып. 2.

716

А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I. М., 1974. С. 416.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. XV. С. 58.

Потто В.А. Указ. соч. С. 577.

Там же. С. 578.

Погодин М.П. Воспоминания об Алексее Петровиче Ермолове. С. 487—488; Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии… С.395.

721

История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911. Т. III. СПб., 1911. С. 250.

722

Иконников В.С. Граф Николай Семёнович Мордвинов. Историческая монография. СПб., 1873. С. 562.

Потто А.В. Указ. соч. С. 579.

Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе. М., 1873. С. 17-19.

Верже А.П. А.П. Ермолов и его кебинные жёны на Кавказе // Русская старина. 1884. № 9. С. 523—528.

Погодин М.П. Воспоминания об Алексее Петровиче Ермолове… С. 513—514; *Ермолов Александр.* Алексей Петрович Ермолов. Биографический очерк. СПб., 1911. С. 124—125.

Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. III. С. 132.

Русская старина. 1874. № 3. С. 562—563.

729

Погодин М.П. Воспоминания об Алексее Петровиче Ермолове. С. 439—442.

Потто В. А. Указ. соч. С. 585.

Русский архив. 1863. С. 440—441.

Потто В.А. Указ. соч. С. 581.

Кюстин А. Россия и русский двор в 1839 году// Русская старина. 1891. № 1.С. 10.

Там же. С. 11.

Эйдельман Натан. Указ. соч. С. 193.

736

Исторический сборник Вольной русской типографии. Кн. 2. Лондон, 1861. С. 155.

Эйдельман Натан. Указ. соч. С. 194.

738

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии… С. 231

Архив князя Воронцова. Т. 36. С. 367, 370—371.

Алексей Петрович Ермолов: Материалы для его биографии… С.407.

Потто В.А. Указ. соч. С. 580.

Там же. С. 582—583.

Там же. С. 583.

Барсуков Николай. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. СПб., 1899. С. 380—381.

Барсуков Николай. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. СПб., 1899. С. 380—381.

Барсуков Николай. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. СПб., 1899. С. 380—381.